

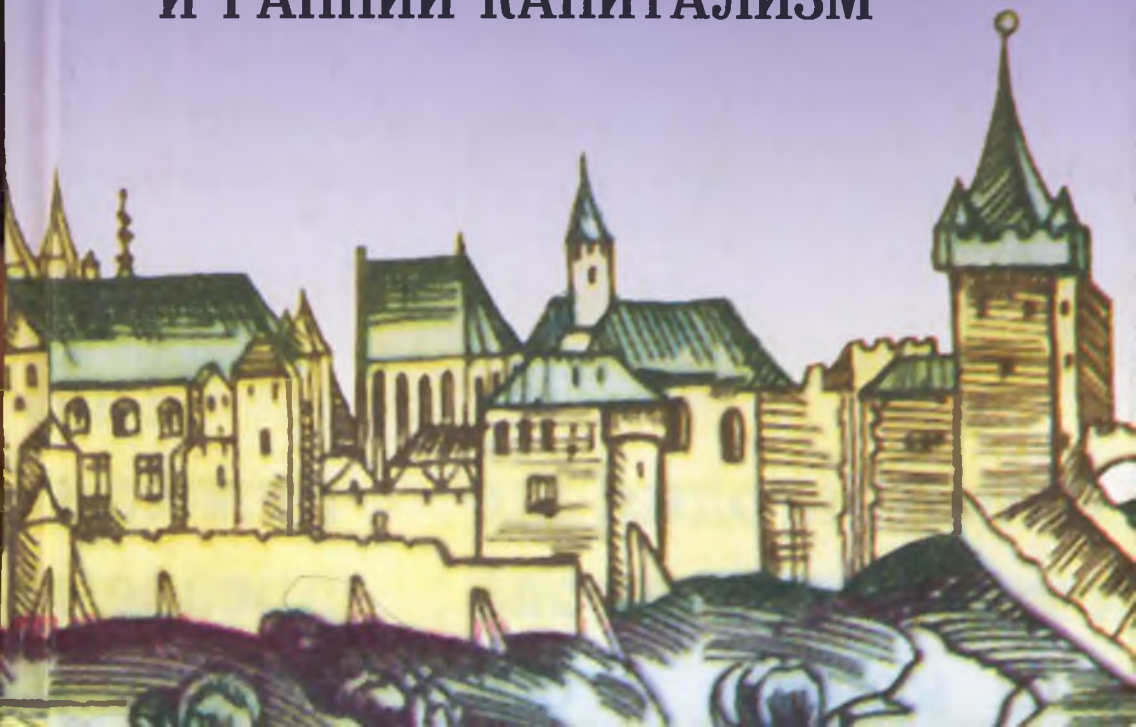
К1344788

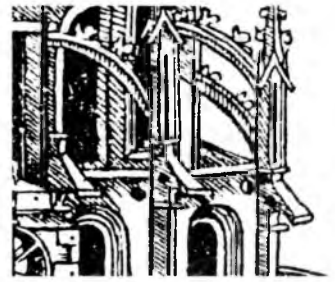
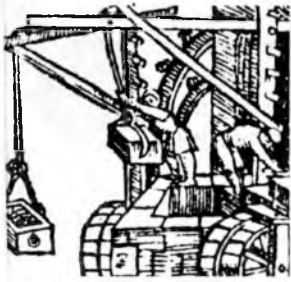


Ю. К. Некрасов

**ОТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
К ИНДУСТРИАЛЬНОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ:**

**ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД
И РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ**





Ю. К. Некрасов

ОТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ К ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД И РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ

(по материалам Швабии и
Швейцарского Союза
XIV—XVI вв.)



Вологда
«Древности Севера»
2003

ББК
63.3 (4Г)
Н 48

ВГПУ Лаборатория
исследования
истории
цивилизаций



Некрасов Ю. К. От средневековой к индустриальной цивилизации: позднесредневековый город и ранний капитализм (по материалам Швабии и Швейцарского Союза XIV–XVI вв.). – Вологда: Древности Севера, 2003. – 432 с.

Научный редактор М. В. Васильева.

Настоящая книга посвящена возникновению капитализма и зарождению ценностей современной западной цивилизации. Автор исследует появление ростков капитализма в позднесредневековом городе XIV–XVI вв. на территории Швабии и Швейцарского Союза. Особое внимание уделено месту мелкотоварного производства в процессе возникновения явлений раннего капитализма, проблемам эволюции социального строя позднесредневекового города и историческим судьбам городской элиты (на примере имперского города Аугсбурга). В научный оборот вводится ряд новых, неизвестных российскому читателю, исторических источников.

Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 01-01-00439а).

Издание монографии осуществлено при финансовой поддержке администрации г. Вологды и ООО «Вологдарегионгаз».

ISBN 5-93061-008-8

© Ю. К. Некрасов, 2003

© НПЦ «Древности Севера», 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Примечания	14
ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	17
1.1. Проблема раннего капитализма в германских землях в исторической науке	19
1.2. Историческая наука о социальной природе средневекового бюргерства	32
1.3. Источники	46
Примечания	62
ГЛАВА II. МЕЛКОТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ	77
2.1. Цеховое ремесло и ранний капитализм ...	79
2.2. Нецеховое ремесло и ранний капитализм	121
2.3. Капиталистическая мануфактура: тенденция развития и историческая действительность	152
Примечания	183
ГЛАВА III. К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА	195
Примечания	223
ГЛАВА IV. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ГОРОДСКОЙ ЭЛИТЫ (НА ПРИМЕРЕ АУГСБУРГА)	229
4.1. Патриции «старой формации»	232

4.2. Патриции – купцы, банкиры-ростовщики и предприниматели	257
4.3. Патриции в торгово-ремесленных корпорациях	263
4.4. «Выскочки из цехов» в рядах городской знати	290
4.5. Структура собственности городской элиты (по «Книгам рент» казначейства)	312
Примечания	331
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	365
Примечания	390
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	394
Источники	394
Литература	397
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	414
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	426
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	431





ВВЕДЕНИЕ

Название темы исследования, которое обозначено на титульном листе настоящей монографии, нуждается в пояснении и обосновании. Это необходимо сделать хотя бы по той причине, что оно соединяет, казалось бы, исторических антиподов: «средневековый город» и «капитализм». Впрочем, то же заглавие монографии содержит уточнение принципиальной значимости, а именно: ее автор имеет в виду «позднесредневековый город» и «ранний капитализм», то есть капитализм, который возник и делал первые шаги еще в условиях системы феодализма и средневековой западноевропейской цивилизации. Следовательно, подразумевается диалектика исторического развития: западноевропейское общество позднего Средневековья совершало движение навстречу новой (индустриальной) цивилизации и тем самым приближало ее наступление.

Хронологические рамки исследования охватывают время главным образом между серединой XIV и серединой XVI в., хотя в ряде случаев автор обращается и к исследованию процессов в истории германских земель как рубежа XIII–XIV, так и XVI–XVII вв. Это время отличалось большой противоречивостью. С одной стороны, оно отмечено бурным ростом городов, успехами товарного производства, созданием предпосылок, а затем и возникновением явлений раннего капитализма со всеми вытекающими последствиями, которые отразились на различных сторонах жизни позднесредневекового общества. С другой стороны, на протяжении длительного времени (XIII–XVII вв.) процесс эволюции государственных институтов Священной Римской империи протекал, образно выражаясь, по наклонной плоскости, принял гипертрофированные формы и обнаружил противоположность процессам политической консолидации в Англии и Франции. Немецкое бюргерство, хотя прилагало усилия, чтобы изменить такую тенденцию развития, в отличие от английского и французского, не стало реальной силой процесса политической централизации страны, так как в империи на практике таковая состоялась только в границах территориальных княжеств. Свою роль как в выборе прогрессивного направления социально-экономического развития, так и в торжестве консервативной тенденции политического развития сыграл город. Отсюда проистекает задача исследования социального строя позднесредневекового города и особенно явлений, которые были связаны с генезисом капитализма. Прежде чем приступить к решению этой глобальной задачи, следует сформулировать

исходные положения, которые позволили бы «войти» в тему исследования и подготовить почву для восприятия специфики исторических явлений далеко отстоящей от нас эпохи. Необходимость такого методологического подхода может быть аргументирована следующими соображениями.

Проблема происхождения капитализма по вполне понятным причинам еще в середине XIX в. привлекла внимание основоположников исторического материализма. Согласно точке зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, которую разделял и В.И. Ленин¹, почвой, на которой вырос капитализм, были различные формы мелкотоварного хозяйства, с неизбежностью порождающего капиталистический уклад. Не случайно Маркс, Энгельс и их последователь Ленин известное значение придавали рассмотрению вопросов возникновения объективных условий для функционирования предприятий капиталистического типа и их принципиальном отличии от форм общественного производства, характерных для натурального и мелкотоварного укладов. В этой связи следует также отметить, что Маркс и Энгельс обнаружили в Западной Европе еще в Средние века зачаточные формы капитализма, которые, однако, прошли очень долгий путь, прежде чем превратились в господствующий способ производства. По словам Маркса, еще в XVI в. «мануфактура не была в состоянии ни охватить все общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделилась как архитектурное украшение на экономическом здании, основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»². Однако вполне очевидные и, казалось бы, в достаточной мере обоснованные теоретические положения, сформулированные основоположниками исторического материализма и Лениным, оказалось не так-то легко применить в историографической практике. Дело в том, что ни Маркс, ни Энгельс специально не исследовали (исключение составляет экскурс Маркса в 24-й главе первого тома «Капитала» в историю «огораживаний» в Англии) проблему генезиса капитализма на конкретном историческом материале той или иной страны и Западной Европы в целом. Поэтому в их трудах проблема происхождения капитализма скорее была поставлена, чем решена. Что же касается В.И. Ленина, он сделал это на примере пореформенной России, который вряд ли правомерно переносить на историю раннего капитализма в Западной Европе XIV–XVI вв., в том числе историю германских земель.

Недостаточная разработанность проблемы происхождения капитализма в трудах творцов теории «исторического материализма» хотя бы отчасти объясняет, почему в первой половине 50-х гг. XX в. среди советских медиевистов имела место дискуссия о «раннем капитализме»³. Поводом для этой дискуссии явился выход в свет монографии В.И. Рутенбурга, где проблема раннего капитализма в исследовательском плане получила освещение на материале флорентийских компаний, шерстяной и шелкоткацкой промышленности XIV в.⁴ В 1956–1958 гг. на страницах центрального печатного органа советских историков – журнала «Вопросы истории» – прошла дискуссия о Реформации и Крестьянской войне в Германии⁵, которая в 1960 г. была продолжена историками бывшей ГДР на научной конференции в г. Вернигероде⁶.

В ходе второй дискуссии советскими историками были высказаны следующие точки зрения: 1) Реформация и Крестьянская война были первым опытом буржуазной революции в Европе (М.М. Смирин и С.М. Стам); 2) эти события представляли собою «буржуазную революцию без буржуазии» (А.Д. Эпштейн); 3) Крестьянская война была типичным для Средних веков народным восстанием, к которому ни Реформация, ни явления раннего капитализма не имели непосредственного отношения (О.Г. Чайковская и Ю.М. Григорьян). Большинство историков ГДР на конференции в Вернигероде рассматривали Реформацию и Крестьянскую войну как «раннебуржуазную революцию». Одним из аргументов в таких оценках являлся уровень зрелости раннекапиталистических отношений в народном хозяйстве германских земель к началу XVI в.⁷ Обе дискуссии обнаруживают органическую связь в том смысле, что в обоих случаях речь шла о возникновении и развитии капитализма в условиях феодальной социально-экономической системы (общественной формации, по марксистской терминологии), созревании в ее недрах предпосылок буржуазных преобразований и начальной стадии их реализации на практике. В мае 1966 г. в Москве прошла всесоюзная научная конференция, посвященная проблеме генезиса капитализма⁸, которая, с одной стороны, знаменовала собою новый этап в изучении данной проблемы, с другой – подвела некоторые итоги исследования советскими историками-медиевистами явлений раннего капитализма и их социальных последствий на материале отдельных регионов и стран Западной Европы. Но нельзя не отметить, что как итоги прошедших

дискуссий, так и результаты последовавших за ними конкретно-исторических исследований социально-экономического развития германских земель на исходе Средних веков и в начале Нового времени обнаружили очевидные «белые пятна», причем за последние десятилетия отнюдь не все пробелы в этой области исторического знания были устранены и не все проблемы сняты с повестки дня. Такое положение диктует настоятельную необходимость продолжения исследований в указанном направлении. При этом особое внимание необходимо обратить как на работавшие на массового потребителя отрасли текстильной промышленности и все возрастающий спрос на их изделия (по причине роста народонаселения и вовлечения натуральных хозяйств в систему рыночных отношений), так и на изменение под их влиянием социальной структуры всего городского населения.

Автор настоящей монографии отдает должное научной значимости обеих проблем: во-первых, проблеме раннего капитализма; во-вторых, проблеме революции XVI в., которую марксистская историография давно уже трактует как раннюю буржуазную революцию. Между тем, как полагал В.И. Ленин, «для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача – смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма»⁹. Он же увидел в буржуазной революции «насильственную ломку устаревшей политической надстройки, противоречие которой новым производственным отношениям вызвало в известный момент крах ее»¹⁰. И хотя ленинское определение акцентирует внимание на разрушительной по отношению к прошлому потенции буржуазной революции и отодвигает на задний план созидательную роль эволюционного пути исторического развития, отводя ему лишь функцию предпосылки революции, оно все же может быть принято во внимание с целью установления сущности социально-экономических процессов, протекавших в немецком обществе в эпоху Реформации и Крестьянской войны. Автор настоящей монографии ограничивает, однако, свою задачу попыткой решения на исследовательском уровне первой проблемы, то есть изучением различных сторон процесса возникновения явлений раннего капитализма,

образующих, если так можно сказать, предысторию складывания революционной ситуации как таковой. Что же касается «революционной ситуации» и «революции», к различным сюжетам которых он уже неоднократно обращался¹¹ и в обобщающем виде свои представления изложил в предыдущей книге (где была предпринята попытка рассмотрения упомянутых выше проблем на материале германских земель в целом)¹², то на этот раз данная проблематика не попадает в его поле зрения.

Проблема возникновения и развития капитализма на начальной его стадии, занимающая центральное место в настоящей монографии, тесным образом переплетается с другой проблемой не меньшей научной актуальности. Речь идет о проблеме эволюции социального строя позднесредневекового города, при рассмотрении которой автор монографии принимает во внимание как марксистскую трактовку социальной природы средневекового бюргерства¹³, так и ленинское определение общественных классов¹⁴, но достаточно далек от того, чтобы признать их в качестве «истин в последней инстанции». Дело в том, что как практика общественного развития, так и достижения современного общественнонаучного знания вносят существенный корректив в марксистские представления об общественных классах и благотворной роли классовой борьбы в судьбах человечества. Как полагает автор этих строк, сегодня марксистская концепция истории, согласно которой классовая борьба и социальные революции выступают в роли «локомотива» или «повивальной бабки» исторического процесса и рассматриваются как оптимальный вариант разрешения кардинальных социально-политических конфликтов, как единственный компас, указывающий направление движения к общественному строю, при котором будут преодолены противоположности интересов общественных классов, упразднена частная собственность и установлено полное равенство людей, не только подвергается критике со стороны оппонентов марксизма или является объектом полемики в академической среде, но и, главное, опровергается самим ходом исторического процесса. Поэтому теория классовой борьбы не может служить «золотым ключиком», открывающим двери ко всем тайнам истории.

Изложенными выше соображениями обусловлены как хронологические рамки, так и географические границы региона исследования. Швабия¹⁵ и «немецкая» (немецкоязычная) Швейцария образовывали юго-западный ареал германских земель.

Эти земли входили в Священную Римскую империю, к названию которой в конце XV в. было добавлено уточнение – «германской нации». При этом целесообразно напомнить, что в конце XIII в. (в 1291 г.) в борьбе с Габсбургами было положено начало Швейцарскому Союзу, который добился фактической автономии от империи лишь после разгрома его членами своих противников в Швабской войне 1499 г. Международное признание политической независимости Швейцарского Союза получила только по условиям Вестфальского мира 1648 г. (то есть после Тридцатилетней войны).

Швабию и «немецкоязычные» кантоны Швейцарского Союза объединяла не только общность исторических судеб. Они представляли собой и определенную экономическую общность, так как они являлись районами традиционного льноткачества и примерно с середины XIV в. – быстрого развития (причем как в городах, так и в их сельских округах) бумазевой промышленности. Правда, уже в рассматриваемый в книге период вполне обозначились и различия в исторических судьбах Швабии, с одной стороны, и сопредельных с нею швейцарских кантонов – с другой. Кантоны образовали в политическом отношении фактически самостоятельную конфедерацию. Швабия же была частью политически раздробленной Германии, где попытки «имперских реформ» и усилия Габсбургов, направленные на централизацию института власти в стране, закончились неудачей¹⁶. Именно в силу последнего обстоятельства в германских землях к северу от Альп процесс государственного строительства совершался не в национальных границах, а в территориальных рамках и под флагом «княжеского абсолютизма». К тому же, на юго-западе этих земель с конца XV в. большой политический вес приобрел Швабский Союз, объединивший в своих рядах духовных и светских князей, феодальное дворянство, патрицианско-олигархическую верхушку имперских городов. Этот Союз стоял на страже суверенных прав, привилегий и интересов «имперских сословий» и был далек от того, чтобы стать объединителем страны.

Поэтому, постоянно имея в виду это различие между собственно Швабией и соседними с нею швейцарскими кантонами, в то же самое время следует подчеркнуть, что к началу XVI в. оно еще не переросло в непреодолимую противоположность. Более того, начатую Мартином Лютером борьбу с католической церковью за «обновление христианского благочестия» успешно

продолжили швейцарские реформаторы Ульрих Цвингли и особенно Жан Кальвин, которые сыграли выдающуюся роль в истории европейской Реформации и разрешили многие злободневные вопросы общественной жизни того времени. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что ярмарки во Франкфурте-на-Майне тесно связывали швейцарские кантоны с Швабией. Дело в том, что, как вполне резонно полагает М.А. Бойцов, «по мере начавшегося в XIII в. и углубившегося с началом Столетней войны упадка шампанских ярмарок в Германии возникает все больше новых ярмарок, самой представительной из которых стала франкфуртская. Франкфурт-на-Майне постепенно берет на себя роль главного распределителя товаров для всей Центральной Европы»¹⁷. Функции распределителя товарных потоков из стран Северной Европы в их движении на юг континента Франкфурт-на-Майне выполнял и в отношении рынков Швейцарского Союза, чем и обусловлен интерес к историческим судьбам этого города.

Итак, задача исследования в самом общем виде может быть сформулирована следующим образом: показать основные тенденции социально-экономического развития позднесредневекового города XIV–XVI вв. на примере территорий, включавших Швабию и «немецкоязычную» Швейцарию. Автор принимает во внимание и тот факт, что упомянутые выше столетия существенным образом отличаются друг от друга качественными критериями. В XIV в. производительные силы (в пределах регионов исследования) почти целиком и полностью еще находились во власти стихийно себя проявлявших в средневековом обществе потребностей простого товарного производства, несмотря на уже тогда (особенно со второй половины XIV в.) обозначившееся несоответствие такого производства быстро растущему рыночному спросу. В XV в. достаточно ясно обнаружилось признаки перерастания первых, обычно неустойчивых форм и скоротечных явлений раннего капитализма, в постоянно действующий фактор реальной действительности, что особенно ярко проявилось с конца этого столетия. Однако явления раннего капитализма приобрели устойчивую и, по выражению К. Маркса, «всеобщую форму» лишь в XVI столетии. Только при учете всего сказанного возможно исследование начальной стадии процесса генезиса капитализма и выявление механизма создания условий, с одной стороны, для превращения средневекового бюргерства в буржуазию Нового времени, с другой – для фор-

мирования различных прослоек городских низов и неимущих жителей города и деревни в тот класс, который в марксистской историографии принято называть предшественником пролетариата Нового времени (или «предпролетариатом»).

Завершая обоснование научной актуальности темы исследования, нельзя не обратить внимание на то, что, согласно точке зрения В.И. Ленина, из самого процесса познания будто бы «никоим образом не следует, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию», так как, «вступая в общение, люди ... не сознают того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются»¹⁸. Данный постулат ленинской теории познания вряд ли можно признать очевидным и бесспорным, поскольку он предполагает фатальное движение субъектов исторического процесса к неосознаваемой ими конечной цели, лишая их тем самым инициативы и собственной воли (или, точнее, права выбора).

В действительности каждый субъект (индивид) в качестве участника исторического процесса на любой его цивилизационной стадии в той или иной мере (хотя бы на социально-психологическом уровне) вполне сознает свои интересы и ставит перед собою более или менее конкретные цели, к достижению которых стремится. Своего рода «средняя равнодействующая» таких целей и желаний индивидов, социальных групп, сословий и классов образует программу преобразований, перед необходимостью которых на определенном этапе развития может оказаться общество. Такая программа реализуется ненасильственными средствами с помощью реформ, или же противостояние в обществе достигает состояния, которое принято называть «революционной ситуацией», которая получает разрешение в социальной революции. Программа реформ осмысливается и формулируется как на теоретическом (идеологическом), так и обыденном уровнях. Другое дело, что в условиях аграрно-ремесленной цивилизации господствовало традиционное мышление и в общественном сознании людей коллективистское начало преобладало над индивидуальным, что ограничивало и стесняло свободу выбора жизненного пути и деятельности человека (особенно, если он выделялся на общем фоне неординарным складом ума и нетипичным поведением). Это обстоятельство сильно затрудняло движение средневековой цивилизации по пути общественного прогресса. В то же самое время автор настоящей монографии, естественно, не отрицает

этого движения полностью и полагает, что имеющиеся в распоряжении исследователей свидетельства исторических источников открывают перспективу познания глубинных процессов развития феодального общества, установления закономерностей эволюции социальных и правовых институтов (в том числе института собственности) на начальной стадии движения общества от средневековой к индустриальной цивилизации. Такая методология подхода к проблеме исследования делает возможным максимально приближенное к реальной действительности отражение исторических фактов и явлений.

Признавая определенные достижения марксистской историографии в изучении социально-экономической системы капитализма (или «капиталистической общественной формации») на машинной стадии ее развития, вместе с тем необходимо иметь в виду, что К. Маркс, по всей видимости, все же ошибался, когда в 24-й главе первого тома «Капитала» сформулировал вывод о неизбежности краха капитализма¹⁹. Как известно, критерием истины является практика. Между тем ход исторического процесса, особенно последних десятилетий, противоречит этому выводу Маркса. Капитализм сумел преодолеть присущие его машинной стадии развития противоречия и изъяны, модернизировал и реформировал способ производства (или общения), изменил механизм распределения общественного продукта в пользу «трудящихся классов», сохранил доминирующие позиции в системе ценностей постиндустриальной цивилизации... Впрочем, настоящее исследование своим содержанием обращено к установлению истоков движения позднесредневекового общества (прежде всего города) к капитализму, и автор далек от того, чтобы выносить вердикт капитализму как таковому, в том числе давать категорические оценки его роли в постиндустриальной цивилизации.

Примечания

¹ Об этом см.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 648; Т. 23. С. 582–583, 760; Т. 25. Ч. 2. С. 479–481; *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. С. 86–87, 458; Т. 2. С. 399, 438; Т. 3. С. 359–360, 365; Т. 26. С. 64–65; Т. 43. С. 158–159, 221, 229.

² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 381.

³ См.: *Эпштейн А.Д.* К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в. // СВ. 1953. Вып. IV; *Столцицкая-Терешкович В.В.* К вопросу о «раннем капитализме»

во Флоренции XIV в. // СВ. 1954. Вып. V; *Рутенбург В.И.* О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV–XV вв. // СВ. 1955. Вып. VI; *Чистозвонов А.Н.* Исследовать явления в их исторической самобытности и связях // Там же; *Баткин Л.М.* Письмо читателя // Там же; К итогам дискуссии по проблеме генезиса капиталистических отношений (статья редколлегии сб.) // Там же.

⁴ См.: *Рутенбург В.И.* Очерки истории раннего капитализма в Италии: Флорентийские компании XIV в. М.; Л., 1951.

⁵ Эта дискуссия стала логическим продолжением дискуссии о «раннем капитализме» см.: *Чайковская О.Г.* Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет // ВИ. 1956. № 12; *Смирин М.М.* О характере экономического подъема и революционного движения в эпоху Реформации // ВИ. 1956. № 6; *Эпштейн А.Д.* К вопросу о Реформации и Крестьянской войне в Германии как первой буржуазной революции // ВИ. 1957. № 8; *Григорьян Ю.М.* К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // ВИ. 1958. № 1; *Стам С.М.* Чем же в действительности была Реформация в Германии? // ВИ. 1958. № 4. О дискуссии, посвященной Реформации и Крестьянской войне, также см.: *Вайнштейн О.Л.* История советской медиэвистики: 1917–1966 гг. М., 1968. С. 131–132.

⁶ Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland in ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1961. О дискуссии в Вернигероде см.: *Каплюк В.З.* Марксистская историография ГДР о ранней буржуазной революции в Германии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964. Вып. 2.

⁷ См.: *Некрасов Ю.К.* Очерк из экономической истории Германии конца XV – начала XVI в. (на материале южнонемецких торговых и торгово-промышленных компаний) // УЗ ЛГПИ. Т. 449. Вологда, 1969. С. 32–51; *Каплюк В.З.* Марксистская историография ... С. 80 след.

⁸ См.: *Вайнштейн О.Л.* История ... С. 310–314; *Чистозвонов А.Н.* Некоторые основные проблемы генезиса капитализма в европейских странах // Теоретические и историографические проблемы капитализма. М., 1969. С. 8 след.

⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. С. 5.

¹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 11. С. 118.

¹¹ См.: *Некрасов Ю.К.* Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны (май–сентябрь 1524 г.) // ЕГИ. 1976. М., 1977; *Он же.* О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии (по материалам хронистики XVI в.) // Вестник МГУ. Сер. истор. 1977. № 4; *Он же.* Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // СВ. 1977. Вып. 41; *Он же.* Социально-политические вопросы в освещении немецкой хронистики XVI в. // ЕГИ. 1977. М., 1978; *Он же.* Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 – осень 1525 г.) // СГ. 1978. Вып. 5; 1981. Вып. 6; *Он же.* Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI–XVI вв.). Вологда, 1985.

¹² Некрасов Ю.К. Реформа или революция? Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI века. Вологда, 1998.

¹³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 23, 50–52, 62, 77–78; Т. 4. С. 24–425; Т. 7. С. 352–356; Т. 20. С. 167–168; Т. 21. С. 406–409, 412; Т. 28. С. 322. Ср. также: Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII–XVII вв. М., 1979. С. 51–54; Колесницкий Н.Ф. Политическая борьба в германских землях в XIII–XV вв. и возникновение ландтагов // Социальные отношения ... С. 72 след.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 2. С. 475–476; Т. 6. С. 311; Т. 39. С. 15.

¹⁵ Герцогство Швабия, фактически прекратившее существование с конца XIII в. по причине пресечения династии Штауфенов, включало регионы: 1) Озерный край с Рецией и территориями Верхнего Рейна; 2) территории в бассейне Верхнего Рейна между Шварцвальдом и Вогезами; 3) бассейны Верхнего Дуная и Верхнего Неккара между восточными отрогами Шварцвальда, до Франконии на севере и Баварии на востоке (см.: Tellenbanch G. Augsburgs Stellung in Schwaben und im Deutschen Reich während des Hochmittelalters // Augusta 955–1955: Forschungen und Studien zur Kultur- und Wirtschaftsgeschichte Augsburgs. München. 1955. S. 63).

¹⁶ Политические судьбы Германии и процесс государственной децентрализации в ней в XV–XVI вв. получили освещение в отечественной историографии (см.: Смирин М.М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952. С. 234–291; Гутнова Е.В. Западноевропейский регион в XI–XV вв. // История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М., 1992. С. 288–289, 308–310; Хачатурян Н.А. Социально-политические структуры и процессы в средневековой Европе // Там же. С. 500–501, 504–505; Колесницкий Н.Ф., Ястребицкая А.Л. Германия // История Европы. Т. 3: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). М., 1993. С. 196–206; Гончарова В.И. Проблема альтернативного развития Священной Римской империи на рубеже XV–XVI вв. // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 8: История–Филология–Философия. 1995. Вып. 1. С. 36–43; Чуянов А.Ф. Становление Протестантского союза в Германии (20-е – 30-е гг. XVI в.) // Проблемы эволюции общественного строя и международные отношения в истории западноевропейской цивилизации. Вологда, 1997. С. 76–104).

¹⁷ См.: Бойцов М.А. Города Германии до конца XV века // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М., 1999. С. 80.

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. С. 343.

¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 770–773.



ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Проблема возникновения индустриальной цивилизации может быть отнесена к числу наиболее актуальных и вместе с тем сложных проблем современной исторической науки. В этой связи необходимо принять во внимание следующее: марксистской историографией еще во второй половине XIX в. было признано, что «экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»¹. Однако сегодня историки дают неоднозначные оценки переходной от феодализма к капитализму эпохи, в том числе и в Западной Европе. Между историками имеют место разногласия, в частности, по вопросу о степени зрелости к исходу Средних веков элементов раннего капитализма и путях формирования новых производственных отношений. Причем, эти разногласия порою приобретают принципиальный характер, поскольку отражают различия в понимании исторического процесса. В силу данного обстоятельства обращение к историографическим аспектам проблемы исследования, которые обозначены во введении, является не только необходимым условием установления противоположностей и разногласий в трактовке явлений раннего капитализма, но и способствует выявлению различных подходов к пониманию механизма смены цивилизаций.

Автор настоящей книги, на что также уже указано во введении, обращаясь к теме раннего капитализма, имеет в виду главным образом рассмотрение ее социально-экономических аспектов. С этой целью он намерен исследовать магистральные направления развития раннекапиталистических отношений в различных отраслях текстильной промышленности региона, который включал Швабию и «немецкоязычные» кантоны Швейцарского Союза. При этом первостепенное значение придается исследованию эволюции социального строя городов региона. В значительной мере именно этими обстоятельствами обусловлен и интерес автора к таким историографическим сюжетам, как судьбы раннего капитализма и социальная природа средневекового бюргерства. Дело в том, что в переходную от феодализма к капитализму эпоху бюргерство, по всей видимости, играло двойственную роль: одна его часть принимала активное участие в процессе формирования капитализма, другая, напротив, оказывала этому процессу сильное и долгое время вполне успешное противодействие. Динамика этого противостояния во многом определяла и судьбы раннего капитализма в целом.

И еще одно замечание предварительного порядка: историографический обзор проблем раннего капитализма и социальной природы средневекового бюргерства менее всего претендует на полноту, и содержание этого обзора подчинено прагматической цели решения конкретных исследовательских задач.

1.1. ПРОБЛЕМА РАННЕГО КАПИТАЛИЗМА В ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Судьбы корпоративного строя городского ремесла в германских землях в Средние века давно привлекли внимание немецких исследователей. Уже в последней трети XIX столетия проблема разложения цехового ремесла и возникновения зачаточных форм капиталистического производства была поставлена в повестку дня исторической науки и стала объектом историографической практики.

Одними из первых исследователей корпоративного ремесла немецких средневековых городов являлись представители «старой школы» историко-экономического направления Б. Хильдебранд и Г. Шенберг². Находясь под сильным влиянием ригористических установок запретительных и ограничительных норм цеховых уставов, регламентов и трактуя с формально-юридических позиций источники, они видели в средневековых ремесленных корпорациях образец осуществления на практике уравнивательных тенденций в общественном производстве. Отмечая сам факт существования нецехового городского ремесла и сельских промыслов, Хильдебранд и Шенберг рассматривали их как исключение из правила, поскольку, по убеждению этих историков, цехи на протяжении всех Средних веков оставались ведущей и даже единственной всеобъемлющей формой организации промышленного производства. Так в немецкой историографии еще в начале второй половины XIX в. в объяснении явлений и процессов переходной от Средних веков к Новому времени эпохи возникло историко-экономическое направление. Точку зрения родоначальников этого направления в первой половине XX в., в частности, разделяли А. Вестерман³ и О. Шойтлин⁴. Однако точка зрения этих историков недолго была доминирующей в исторической науке. Представители «старой школы» историко-экономического направления оказались не в состоянии

объяснить происхождение капитализма. Поэтому их концепция, отодвигавшая границу возникновения капитализма в странах Западной Европы ко времени промышленной революции, подверглась ревизии.

Факт возникновения к исходу Средних веков явлений раннего капитализма на юго-западе германских земель на материале Страсбурга установил Г. Шмоллер, Базеля – Т. Геэринг, Ульма – Э. Нюблинг и на примере городов и их сельских округ в Шварцвальде – Э. Готхейн⁵. В роли основателя «новой школы» историко-экономического направления выступил катедер-социалист Шмоллер, который предпринял попытку показать процесс «капиталистического перерождения» корпоративного ремесла и относил XIV в. к нижней границе капиталистического производства в германских землях⁶. В отличие от Б. Хильдебранда и Г. Шенберга, которые не видели различия между феодальной и капиталистическими системами организации производства, представители «новой школы» отмечают зарождение в условиях корпоративного строя ремесла ростков капиталистических производственных отношений, не без основания полагая, что источником этих отношений в первую очередь являлись сельские промыслы и нецеховое ремесло в городах. В то же время историки нового социально-экономического направления историографии в трактовке важнейших явлений экономической истории руководствовались в большей мере правовыми нормами, чем установлением соответствия последних реальной действительности. Они в любом авансировании мелких производителей, так называемых раздачах сырья или полуфабрикатов, кредите видели капиталистические отношения, а в любом торговце хлопком, арендаторе белильных или владельце красильных предприятий – капиталиста.

К началу XX в. в немецкой историографии сложились два направления: представители одного придерживались традиционной точки зрения и утверждали, что цеховой строй исключал самую возможность возникновения капитализма; представители другого направления, находясь под влиянием методологических установок М. Вебера⁷, а также концепции В. Зомбарта и Я. Штридера⁸, модернизировали явления экономической истории и обнаруживали в обществе Средневековья предприятия, которые появились только в эпоху машинной стадии развития самого капитализма (тресты, синдикаты и картели). Это было очевидным отклонением от научных принципов историзма.

В начале второй четверти XX в. Ф. Фургер предпринял попытку обобщения накопленного к тому времени исторической наукой материала по истории явлений раннего капитализма. По мнению этого автора, в XV—XVI вв. в германских землях ремесленная организация производства в экспортных отраслях текстильной промышленности почти повсюду была подорвана и заменена системой раздачи⁹, причем в этом процессе он придавал большое значение сельским прядильным и ткацким промыслам¹⁰. В целом Фургер рисовал вполне достоверную картину возникновения и развития зачаточных форм капиталистического производства в позднесредневековой текстильной промышленности. Поэтому его исследование, в котором обобщен большой фактический материал, являлось в целом положительным вкладом в изучение проблемы раннего капитализма и содержало ряд верных наблюдений и выводов. Необходимо отметить, что Фургер связывал «сильное потрясение» средневековой организации цехового ремесла с проникновением в него «нового духа», который получил материальное воплощение в капиталистической деятельности и предпринимательстве¹¹. Именно «духу предпринимательства» Фургер вслед за М. Вебером и В. Зомбартом отводит решающую роль в реорганизации средневекового ремесла на раннекапиталистической основе. В этой же связи необходимо также иметь в виду следующее.

Еще до начала Второй мировой войны в западной историографии возникло направление, которое окончательно сложилось уже после ее окончания. Представители этого направления под влиянием теории М. Вебера об «идеальных типах» и концепции В. Зомбарта о «хозяйственных системах» рассматривают историю торговли, ремесла и промышленности с позиций «чистой экономики». Историки названного направления полагают, что экономическое развитие совершается по своим имманентным закономерностям, которые не испытывают на себе влияния социально-политических порядков той или иной страны (региона). Согласно данной точке зрения, генезис капитализма является проблемой только экономической, которая не имеет непосредственного отношения к процессу социальной дифференциации населения и пауперизации мелких производителей. Это направление, одним из наиболее плодовитых представителей которого выступил Г. Амман¹², может служить примером иной крайности многофакторной теории позитивистской школы в историографии XX в. Известное влияние этого направле-

ния испытали такие западногерманские историки, как Г. Бехтель, И. Бог и Э. Науекс¹³. Все они критически относятся к наследию «старых историков», но не предлагают оригинальных решений проблемы раннего капитализма.

На основании рассмотренных выше фактов можно сделать вывод, что западная историческая наука, по крайней мере за два десятилетия после Второй мировой войны, вряд ли значительно продвинулась в решении проблемы раннего капитализма в германских землях по сравнению с тем состоянием, в котором она находилась в начале XX в. Более того, вполне правомерно мнение, что именно в первые десятилетия этого столетия она в известной мере утратила интерес к этой теме. В 1965 г. западногерманский историк Э. Пиц, имея в виду прежде всего историографию ФРГ, писал, что если еще пятьдесят лет тому назад возникновение современного капитализма было одной из центральных проблем исторической науки, сегодня эта тема «забыта», и тот, кто попытался бы ею заняться, «напрасно пытался бы обозреть новые исследования»¹⁴. И хотя в оценке Пица краски несколько сгущены, она все-таки отражает действительное положение вещей. Утрату западными учеными интереса к обозначенной выше проблеме можно объяснить, помимо прочего, их негативной «реакцией молчания» на глобальную критику и «разоблачения» в марксистском обществоведении капитализма как такового. Понятно, что такое состояние не могло продолжаться бесконечно. Изменению положения способствовали обстоятельства скорее политического и идеологического, чем научного, порядка.

Поворот к переменам наметился в 70-е годы XX в. Произошло это, опять-таки, не без влияния марксистской историографии, которая после упомянутых выше научных дискуссий 1950-х гг. приступила к интенсивной разработке проблемы происхождения капитализма и ранней буржуазной революции XVI в. в германских землях. Поэтому возвращение западных исследователей к «забытой» теме по сути дела являлось реакцией на теорию этой ранней буржуазной революции и было продиктовано поисками «позитивного ответа» на вопросы, поставленные в марксистской историографии. Проиллюстрируем развитие данной тенденции.

Западногерманский историк Р. Эндрес, обратившись к исследованию судеб позднесредневекового города, пришел к выводу, что перемены экономического характера в жизни этого

города имели следствием усиление в большинстве из них процессов социальной дифференциации населения, которая проявлялась не только в отношениях между «богатыми» и «бедными» цехами, но и в новых условиях приобретала исключительное значение в самих ремесленных корпорациях, так как теперь преуспевающие цеховые мастера на практике становились «купцами-ремесленниками или раздатчиками» по отношению к юридически полноправным членам своих же корпораций. В качестве одного из факторов социальных противоречий в крупных южно-немецких городах начала XVI в. Эндрес рассматривает отношения раздач и возникавшие на их почве явления раннего капитализма¹⁵. Однако в понимании сущности этих явлений он в целом не выходит за рамки позитивистских представлений о природе исторического процесса, протекавшего в переходную эпоху от Средних веков к Новому времени, от средневековой к индустриальной цивилизации, скорее фиксируя исторические факты и явления, чем объясняя их.

Вместе с тем заслуживают внимания наблюдения таких историков, как Г. Амман и Ф. Ирзиглер, которыми установлено, что в крупных центрах позднесредневековой промышленности Германии (Нюрнберге и Кельне) в экспортных отраслях производства (прежде всего текстильного и металлообрабатывающего) отношения раздач возникли рано (в XIV в.), вследствие чего к XV в. система раздач сумела пустить глубокие корни, а раздатчики как из числа купцов-экспортеров, так и преуспевающих цеховых мастеров подчинили своей власти большинство мелких производителей¹⁶. Однако эти положительные результаты исследования на эмпирическом уровне не получили в трудах Аммана и Ирзиглера более или менее убедительного теоретического обоснования, а зачаточная форма капиталистических производственных отношений – система раздач – представлена в виде «вещи в себе» (или «чистой экономики») – неподвижной схемы, лишенной внутренней динамики и изолированной от окружающей социальной среды, которая будто бы не оказывала на нее какого-либо влияния.

Другое истолкование явлениям раннего капитализма дает А. Хаверкамп, который предпринимает попытку обоснования «нижней границы» возникновения капитализма XIV в.¹⁷ Как он полагает, «аграрный кризис», или «кризис структуры» общества в этом столетии был вызван эпидемией чумы. Во время кризиса, по мнению Хаверкампа, возникли благоприятные условия

для социального и политического «возвышения» тех, кто занимался ремеслом и торговлей. Такой ход развития, утверждает он, с необходимостью акцентирует внимание исследователя на возникновении отношений раздач в ближайших от города деревнях и мелких центрах городского типа, на вопросе аккумуляции капитала и усилившейся тенденции приобретения представителями верхушечной прослойки городского населения земельных владений. Таким образом, Хаверкамп вслед за творцами теории «общего кризиса» В. Абелем и Ф. Лютге¹⁸ отводит эпидемии чумы роль «великого революционера» и ей же приписывает значение решающего фактора в развитии отношений между городом и деревней. Однако эта точка зрения не только вызывала критику со стороны историков-марксистов, но сегодня стала «анахронизмом» и в немарксистской историографии.

Влияние бактериологического фактора на развитие социально-экономических процессов не отвергает и американский историк Д.У. Сейбин, исследование которого вместе с тем имеет несколько иную направленность. Сейбин на материале территорий южной части Верхней Швабии показал, что с середины XV в. «весь бедный люд» в деревнях этого района вынужден был, особенно в неурожайные годы, заниматься прядением или уходить на заработки в имперский город Равенсбург. Поэтому деревенское население здесь состояло не только из крестьян, но из сельскохозяйственных рабочих и ремесленников, прежде всего ткачей, которые подвергались «капиталистической эксплуатации» со стороны городских капиталистов-раздатчиков и находились в острых противоречиях с деревенской верхушкой и полнонадельными крестьянами. Все это, по Сейбину, определяло отношение сельских ремесленников к крестьянскому движению¹⁹. И если последний вывод Сейбина, по крайней мере, нельзя признать бесспорным, факт возникновения в Верхней Швабии к началу XVI в. прослойки деревенских ремесленников, занятых в текстильной промышленности, находит подтверждение, как мы увидим ниже, в материалах источников. Сейбин также подчеркнул исключительное значение сельского ткачества в развитии позднесредневекового текстильного ремесла в целом и бумазейной промышленности в особенности. Большинство жителей деревень этого региона, которые не имели земли или имели ее недостаточно, чтобы прокормить свои семьи, вынуждены были вступать в отношения раздач. Эти «ткачи-крестьяне» (*weberpu*) стремились получить участок земли

за счет альменды и полностью посвятить себя деятельности в качестве ремесленников, работающих на городской рынок или городских раздаччиков. Поэтому, как полагает Сейбин, возникает вопрос о степени влияния капиталистического производства на социальные отношения в деревне. Он же указывает на необходимость установления в региональных масштабах подлинной картины развития системы раздач и инвестиций капитала в «производство, потребление и землю»²⁰. Исследование Сейбина, таким образом, обращено к явлениям в социальной жизни немецкого общества начала XVI в., которым до него, нужно признать, историческая наука не уделяла в достаточной мере внимания. В то же самое время исследование Сейбина имеет целью представить многочисленный отряд сельских ремесленников-ткачей как пассивный или даже реакционный элемент по отношению к революционному процессу, что можно рассматривать как попытку внести соответствующий корректив в трактовку социально-политических аспектов проблемы раннего капитализма.

Для конкретизации научных представлений о путях и формах зарождения капиталистических отношений в средневековой текстильной промышленности большой интерес представляет исследование известного историка-экономиста ФРГ В. фон Штромера. Он изучил историю возникновения и начальную стадию развития бумазейного производства в Центральной Европе (Чехии, Силезии, Венгрии, Франконии и Баварии), в том числе в городах Верхней Швабии. Штромер установил факт применения технических усовершенствований в этой новой отрасли общественного производства, проследил развитие производственных отношений в рамках так называемых раздач. Быстрое распространение бумазейного производства, как показал этот исследователь, способствовало экономическому подъему городов, что в свою очередь имело следствием повышение жизненного уровня ткачей. Все эти перемены Штромер связывает с «промышленной революцией», которая, по его мнению, имела место уже в позднее Средневековье и была вызвана переходом к новому способу организации общественного производства в промышленности²¹. В целом же можно сказать, что некоторые положения, сформулированные Штромером, в достаточной мере аргументированы и доказаны. Это, в частности, относится к вполне точной датировке начальной стадии бумазейного производства, четкому анализу его технологии и установлению места

средневековой бумазейной промышленности в экономической структуре городов. В то же самое время Штромер, по всей видимости, преувеличивал регулирующую роль магистратов в развитии капиталистической организации производства, не различал категории простого товарного производства и капиталистической кооперации, по существу игнорировал противоречия между этой кооперацией и феодальными институтами. Необходимо также отметить, что он, судя по всему, все же идеализировал положение городских ремесленников, занятых в экспортных отраслях позднесредневековой текстильной промышленности.

Заслуживает также внимания «коллективная монография» историков ФРГ П. Кридте, Г. Медика и Шлумбома²², которые прослеживают проблему происхождения капитализма на материалах источников по истории деревенских промыслов и ремесел. Необходимо отметить, что эта монография, с одной стороны, является научным исследованием достаточно высокого уровня, с другой – выполнена в полном соответствии с традициями англо-американской школы по «истории бизнеса», и ее авторы единственное противоречие переходной от феодализма к капитализму эпохи видят в противоположности «аграрного» и «индустриального» обществ. Они приходят к выводу, что «индустриальный капитализм XIX в.» имел своим прообразом «деревенские экспортные промыслы XVI–XVII вв.» Именно эти промыслы стали основой для возникновения капиталистической фабричной промышленности: сельские ремесленники составили резервную армию наемного труда, а купцы-раздатчики аккумулировали капиталы, с помощью которых позднее были открыты фабрики. По убеждению этих авторов, развитие сельских промыслов способствовало преодолению феодального угнетения и эксплуатации вполне мирными средствами. При этом внимание Кридте и Медика сосредоточено на экспортном ремесле, которое они трактуют как самостоятельную систему, воспроизводящую свою себестоимость. Между тем «маргинальные слои самого крестьянского общества, – по их словам, – росли с утверждением нового демографического образца, стимулировались протоиндустрией и, наконец, достигли масштабов, которые превысили общую стоимость системы»²³. Такой ход мысли ведет к парадоксальным результатам. Оказывается, что виновниками бедственного положения ремесленников, работавших на капиталистов-раздатчиков, были сами трудящиеся, которые

своими «неразумными действиями» нарушали закон «себестоимости системы» и заводили больше детей, чем это позволяла делать «система». Такие рассуждения Кридте и Медика возвращают к теории, объясняющей исторические процессы прежде всего с помощью демографического фактора и видящей в последнем вершителя судеб человечества.

* * *

Марксистская историография в исследовании явлений раннего капитализма опирается на иные методологические принципы. В этой связи сначала целесообразно обратиться к опыту отечественных историков. Правда, тут же еще раз необходимо подчеркнуть: в задачу автора настоящей монографии не входит обстоятельный историографический анализ, и он ограничивается кратким обзором, без которого, однако, было бы затруднительно представить историографию раннего капитализма в германских землях в исторической науке в целом.

Начало исследования темы генезиса капитализма в германских землях в отечественной историографии было положено в 30-е годы XX в. В.В. Стоклицкой-Терешкович. Она обратилась к изучению процессов, которые, по ее же словам, относятся к «ранним стадиям разложения феодализма», когда в немецком городе «зрели ростки капитализма» и в нем были «уже заметны элементы капиталистических отношений». В то же время Стоклицкая-Терешкович подчеркивает, что эти отношения «не преобладают», поскольку «во многих отраслях промышленности еще полностью сохраняется старый тип экономически самостоятельного производства». Она также установила, что к концу XV в. в «Германии встречаются случаи объединения под одной кровлей ремесленников всех или почти всех специальностей, участвовавших в изготовлении шерстяных тканей»²⁴. В связи с этим есть основания видеть в Стоклицкой-Терешкович первого отечественного историка, который предпринял попытку исследования «германского варианта» раннего капитализма. Долгое время ее труд оставался единственным опытом изучения этого «варианта» раннего капитализма в советской историографии.

Еще одним историком, который до дискуссий 1950-х гг. обращался к проблеме явлений раннего капитализма в позднесредневековом немецком городе (главным образом на примере Кельна), был Ф.Я. Полянский²⁵. И хотя выводы Полянского, как полагает О.Л. Вайнштейн, носили спорный характер²⁶, его мнение о

возможности появления и прорастания ростков капитализма в условиях корпоративного строя городского ремесла нашло вполне убедительное подтверждение в историографической практике последующих десятилетий (в частности, в трудах Г. Аммана и Ф. Ирзиглера). Впрочем, более обстоятельно о судьбах раннего капитализма в условиях цехового режима ремесла будет сказано в следующих главах настоящей монографии.

Положение изменилось только после уже упомянутых выше научных дискуссий 50-х годов минувшего столетия. В этой связи отметим, что такой специалист по истории позднесредневековой Германии, как М.М. Смирин, исследовал узловые проблемы социально-политического развития и классовой борьбы в немецком обществе накануне и во время Реформации и Крестьянской войны еще в 1940-е – начале 1950-х гг.²⁷, но только в 1960-е гг. он обратился к изучению социально-экономических процессов, которые предшествовали или напрямую были связаны с зарождением капитализма. В опубликованной в 1960-х гг. монографии Смирин²⁸ на материале горнорудной промышленности рассматриваются судьбы раннего капитализма в германских землях в целом. В ней показаны сложный и противоречивый путь становления раннекапиталистических отношений, коррелятивная связь их судеб с социально-политическими событиями, неблагоприятный для прогресса исход которых во многом предопределил снижение темпов раннекапиталистического развития. Труды и научно-педагогическая деятельность Смирин оказали значительное влияние как на отечественных историков, так и историков ГДР, занимавшихся изучением различных сюжетов германской истории позднего Средневековья.

Различные стороны социально-экономической истории немецкого города XIV–XVI вв. затрагиваются в исследованиях А.Д. Эпштейна²⁹, В.А. Ермолаева³⁰, А.Л. Ястребицкой³¹, А.Н. Немилова³², В.И. Юркиной³³, Л.Б. Потаниной³⁴, В.Е. Майера³⁵, Н.В. Савиной³⁶, С.А. Фараджевой³⁷ и др. Все они (за исключением, пожалуй, Юркиной и Потаниной) тем или иным образом обращались к изучению зачаточных форм капиталистических производственных отношений. Хотелось бы обратить особое внимание на значимость трудов Майера, который не только создал убедительную картину отношений между городом и деревней в условиях генезиса капитализма, но и показал, каким образом спрос текстильной промышленности на такие технические культуры, как вайда и лен, стимулировал производство³⁸.

Советским историкам, преодолевая вериги марксистско-ленинской идеологии, удалось показать необычайное богатство красок, с помощью которых можно воссоздать процесс развития производительных сил и общественных противоречий в немецком городе и их влияние на сельскую округу, где явления раннего капитализма причудливо переплетались с чертами сеньориально-феодальных режимов. Они сумели установить основные контуры и этапы экономического развития немецкого города в условиях генезиса капитализма, отчасти определить его роль в распространении товарно-денежных отношений на деревню и подойти вплотную к решению проблемы закономерности начавшегося с конца XV в. в германских землях перехода от средневековой к преиндустриальной цивилизации. В их исследованиях был рассмотрен процесс возникновения и развития в германских землях XV–XVI вв. капиталистических отношений в горном деле, металлообрабатывающей промышленности, книгопечатании и только поставлена, но не решена на исследовательском уровне, проблема их зарождения в текстильной промышленности. До сих пор в отечественной исторической науке явления раннего капитализма в различных отраслях изучены недостаточно. Особенно это относится к юго-западному региону германских земель, в которых находились значительные центры раннего капитализма, где начальная стадия перехода от феодального способа производства к капиталистическому проявила себя наиболее ярко.

В разработку прежде всего теоретических и методологических вопросов проблемы генезиса капитализма в странах Западной Европы (с позиций марксистско-ленинской идеологии) существенный вклад внесли труды А.Н. Чистозвонова³⁹, в которых в известной степени принят во внимание и исторический опыт позднесредневековой Германской империи. Особое внимание в них уделено вопросу обратимости и необратимости процесса генезиса капитализма и стадияльно-региональному методу исследования этого процесса.

* * *

Большой интерес к исследованию процессов, тем или иным образом связанных с проблемой генезиса капитализма в германских землях, проявила марксистская историография ГДР. Эта проблема нашла отражение как в обобщающих⁴⁰, так и специальных исследованиях историков, уделивших значительное вни-

мание проблеме происхождения отношений раздач и их трансформации в мануфактурное производство в различных отраслях текстильной промышленности. Однако в оценке степени зрелости капитализма в германских землях к исходу Средних веков и началу раннего Нового времени среди историков ГДР имели место и острые разногласия. Выразительным проявлением таких разногласий стала полемика между А. Кунце и Г. Хайцем главным образом по вопросу о роли инвестиций верхнегерманских капиталов в судьбах раннего капитализма в текстильной промышленности Средней Германии.

Еще до Второй мировой войны А. Кунце пришел к выводу, что под влиянием инвестиций верхнегерманских торговых компаний во второй половине XVI в. на капиталистической основе произошло преобразование саксонского льноткачества в крупный экспортный промысел⁴¹. Продолжая исследование темы раннего капитализма после войны, Кунце теперь датировал начальную стадию развития капиталистических отношений в этой отрасли первыми десятилетиями XV в., а к середине XVI в. относил формирование «мануфактурной системы»⁴². В красильном производстве Нюрнберга он видел образец возникновения капиталистических отношений и затем перехода от рассеянной к централизованной мануфактуре⁴³. По мнению Кунце, капитализм в то время одинаково успешно развивался как в условиях цехового ремесла, так и сельских промыслов. Решающую роль в выборе такого направления в развитии саксонского ремесла, полагает Кунце, по сути дела при этом повторяя уже ранее им сделанный вывод, играли прежде всего инвестиции «чужого капитала», принадлежавшего купеческим компаниям из Аугсбурга и Нюрнберга⁴⁴. Это была, можно сказать, теория «торгового капитализма».

Иную точку зрения на явления раннего капитализма обосновывает Г. Хайц. Признавая сам факт возникновения в саксонском льноткачестве капиталистических отношений, он в то же время отмечает, что их развитие в этой отрасли совершалось в рамках цеха, под контролем феодальных властей, и производственные отношения сохраняли феодальные черты, а купеческий капитал играл реакционную роль⁴⁵. Более того, цехи сохраняли свое значение в качестве организации «феодальных ремесленников», что в конечном счете привело к вовлечению саксонского ремесла в процесс рефеодализации⁴⁶. Правда, тут же следует отметить, что Хайц значительно раньше западных

историков обратился к исследованию сельского ткачества и установил появление в нем «зачатков капитализма в феодальном окружении». Однако новые производственные отношения, как он считает, быстро утратили свой нефеодальный характер и превратились в «составной элемент феодализма»⁴⁷. В отличие от Кунце, Хайц негативно оценивает роль в историческом процессе купеческого капитала, который, как он полагает, консервировал старые формы производства и препятствовал развитию мануфактурного капитализма⁴⁸. Кто же прав в этом споре?

Отношение к полемике Г. Хайца с А. Кунце автора данной монографии может быть выражено следующим образом. Хотя Кунце и внес после Второй мировой войны существенный корректив в свою концепцию раннего капитализма, но, вероятно, под влиянием «школы Аубина» (Кунце – ученик Густава Аубина) продолжал придавать торгово-ростовщическому капиталу несколько большее значение, чем тот имел в действительности. В отличие от Кунце Хайц в оценке этого капитала и уровня развития капиталистических отношений в саксонском льноткачестве проявлял бóльшую сдержанность. В основу концепции последнего положена идея о преходящем характере явлений раннего капитализма, которая, к сожалению, не получила достаточного обоснования на примере истории саксонского льноткачества и вступила в очевидное противоречие с выводами еще одного историка ГДР – Р. Форбергера⁴⁹. Вслед за Кунце Форбергер дает положительную оценку роли инвестиций верхнегерманского капитала в процессе развития капитализма в Саксонии и показывает, что здесь некоторые крупные мануфактуры XVIII в. в текстильной промышленности возникли еще в XVI в. Что же касается Хайца, сильной стороной его концепции следует признать стремление ее автора установить тесные связи и переплетение явлений раннего капитализма с экономическим базисом феодального общества и его политической надстройкой. Признавая, что в научном споре в большей мере, быть может, прав Хайц, чем Кунце, вместе с тем следует принять во внимание следующее. При рассмотрении проблемы генезиса капитализма имеет значение и тот факт, что в обстановке бурного экономического подъема, который во второй половине XV в. переживали германские земли, в ряде отраслей общественного производства (прежде всего экспортных) происходила трансформация «первых действительно свободных форм капитала» – купеческого и ростовщического – в промышленный капитал.

Принимая во внимание данное обстоятельство, необходимо иметь в виду не только разложение мелкотоварного корпоративного ремесла, но и попытки представителей определенных кругов купечества создать объединенные капиталом предприятия. Тенденция трансформации купеческого капитала в промышленный также может служить критерием степени зрелости капитализма на ранней (мануфактурной) стадии его формирования.

На основании историографического обзора исследования проблем раннего капитализма в германских землях представляется возможным сформулировать следующие выводы. Во-первых, большинство современных историков признают, что в германских землях уже в XIV в. возникли определенные предпосылки для перерастания простого товарного производства в расширенное воспроизводство. В работавших на массового потребителя экспортных отраслях позднесредневековой текстильной промышленности новые производственные отношения приобретали форму так называемых раздач. Некоторые историки относят начало существования системы раздач, которая в более или менее зрелом виде представляла собою ничто иное, как капиталистическую кооперацию, еще к XIV в. Во-вторых, многие исследователи отводят авангардную роль в развитии зачаточных форм капитализма в текстильной промышленности верхнегерманским землям, где они, по всей видимости, появились раньше, чем в других территориях империи. Оба эти вывода имеют большое значение при решении исследовательских задач, стоящих перед автором настоящей книги.

1.2. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЮРГЕРСТВА

Внимание немецких историков давно привлекала проблема социальной стратификации средневекового общества, в том числе города. В немецкой историографии в подходе к решению проблемы социальной эволюции городского населения сложилось несколько направлений. Это дает основания коротко остановиться на характеристике наиболее значительных из них.

К первому направлению следует отнести Я. Штридера и

В. Зомбарта. Оба эти историка-экономиста, о чем уже было сказано выше, прибегая к модернизации явлений далекого прошлого, в любом владельце крупных денежных средств видели буржуа, и в любом паупере или неимущем ремесленнике – пролетария. Такая трактовка социально-экономической истории средневекового города в конечном счете вела к искажению подлинной картины движения средневекового общества к индустриальной цивилизации. Такой подход перестал соответствовать веяниям новейшего времени. Отсюда становится понятным, почему Зомбарт и Штридер, оказавшие значительное влияние на всю западную историографию первой трети XX в., к концу этого столетия по существу утратили влияние.

Другое направление, «социальной истории», напротив, после Второй мировой войны приобрело не только признание, но и, если так можно сказать, популярность в немарксистской историографии. В качестве методологической базы для историков данного направления сохраняет значение «бактериологическая теория» Ф. Лютге и В. Абеля, хотя отдельные положения последней вызывают резкую критику и со стороны некоторых западных авторов⁵⁰. Главой западногерманских урбанистов, объединившихся в «школе социальной истории» и занимавшихся историей средневековых городов, выступил Э. Машке. Сформулированная им концепция социальной стратификации этих городов имела и вполне определенную идеологическую направленность, так как Машке поставил перед собою задачу «подвергнуть сомнению и опровергнуть концепцию исторического материализма», представители которого, по мнению этого историка, трактуют все общественные метаморфозы как проявление классовой борьбы и историю в целом только как деятельность людей, обращенную к сегодняшнему дню. Он руководствовался «модной» в западной урбанистике теорией «социального расслоения» (Sozialschichtungen) средневекового «городского общества», согласно которой это общество состояло из «вертикальных» и «горизонтальных» слоев. Под вертикальной дифференциацией Машке имеет в виду «верхние», «средние» и «низшие» слои, под горизонтальной – корпорации и объединения одного «общественного порядка» (то есть цехи, гильдии, религиозные братства и т.п.)⁵¹. Концепция Машке имела целью представить социальную историю средневекового города в качестве исторического феномена, развивавшегося вне каких-либо связей с экономическим строем общества в целом и феодальными

отношениями эксплуатации в частности. По крайней мере в его концепции признание значения экономического фактора в социальном развитии города не идет далее попыток обоснования тезиса о выдающейся и решающей роли в этом процессе торговли. При этом необходимо отметить, что единственный источник «творческого начала» Машке видит в «городской знати», которой город будто бы обязан всеми сколько-нибудь значительными открытиями и достижениями.

Последнее, однако, отнюдь не означает, что представители школы «социальной истории» не вносят научного вклада в исследование различных сторон истории средневекового города. О таком вкладе применительно к юго-западному региону германских земель свидетельствуют труды Р. Кислинга⁵², П. Эйтеля⁵³ и Г. Вундера⁵⁴, которые обстоятельно исследовали эволюцию социальной структуры средневековых городов этого региона и ввели в научный оборот архивные материалы, позволяющие существенным образом конкретизировать некоторые стороны как экономической, так и социальной жизни упомянутых выше городов. Исследованиями немецких историков было установлено, что со второй половины XIV в. в средневековых городах быстрыми темпами происходил рост противоположности между богатством и бедностью, имела место концентрация богатств в руках немногочисленной патрицианско-олигархической верхушки и пауперизация значительной массы горожан. Но эти же историки достаточно далеки от признания связи данных явлений с процессами первоначального накопления и генезиса капитализма. Вслед за Э. Машке Кислинг, Эйтель и Вундер приписывают городской знати решающую роль не только в политической, но и социально-экономической жизни позднесредневекового города, в котором они видят «открытое общество», а движение вверх по социальной лестнице этого «общества», по их мнению, было доступно каждому его члену. В данном случае представители школы «социальной истории» продолжают давнюю историографическую традицию, у истоков которой стояли В. Зомбарт и Я. Штридер. Методологические установки Машке в основном разделяют такие историки, как Г. Планиц⁵⁵, Ф. Хеэр⁵⁶, В. Цорн⁵⁷, Ф. Блендингер⁵⁸ и К. Босль⁵⁹, научные штудии которых опираются на богатый материал источников, позволяющих воспроизвести ход эволюции социального строя средневекового города. Все названные выше историки придают исключительное значение правовым нормам, которые, по их убеждению,

оказывали решающее влияние на формирование социального облика средневекового города и менталитет его обитателей. Впрочем, это не означает, что данные историки не принимают во внимание и других факторов в социальной жизни средневекового города.

Представители третьего направления в немарксистской историографии в отличие от исследователей первых двух направлений рассматривают исторические судьбы позднесредневекового города по преимуществу сквозь призму его социально-экономического развития. Еще в конце XIX в. Я. Хартунг, опираясь на эту методологическую установку и на данные податных кадастров имперского города Аугсбурга, попытался проследить за движением бюргерской собственности⁶⁰. В результате такой попытки была установлена достоверность самого факта пауперизации значительной массы городского населения на одном социальном полюсе и концентрации в руках немногих семейств больших богатств – на другом. Поэтому Я. Штридер без достаточных на то оснований отвергал «опыт Хартунга» как абстрактную схему, лишенную конкретного содержания и не позволяющую назвать персональных участников экономического подъема и роста благосостояния населения одного из крупнейших городов средневековой Германии⁶¹. В этой связи, возражая Штридеру, необходимо указать тот факт, что Хартунгу и на самом деле удалось установить некоторые стороны социальной политики аугсбургской олигархии и в отличие от Штридера, внимание которого не привлекли судьбы городских низов, не без сочувствия к последним сказать о тяжелом положении «обездоленного пролетариата». Линию Хартунга в немецкой историографии XX в. продолжил Х. Ехт, по мнению которого с развитием города в позднее Средневековье на фоне его «социального расслоения» (Sozialschichtungen) все более отчетливо стали проявляться черты современного (буржуазного) классового общества⁶². По всей видимости (правда, с некоторыми оговорками), к тому же направлению в немецкой историографии можно отнести и уже упомянутого выше Р. Эндреса. Все эти историки, разделяя в основном методологические установки и принципы позитивистской школы в немецкой немарксистской историографии, в то же самое время тем или иным образом обнаруживают склонность к признанию самого факта влияния явлений раннего капитализма на эволюцию социального строя позднесредневекового города.

* * *

Основоположники материалистического понимания истории (исторического материализма), придавая решающее значение способу производства и производственным отношениям, рассматривали средневековый город прежде всего как центр ремесла, торговли и товарно-денежных отношений. Именно этим обстоятельством, по их мнению, была обусловлена социальная природа средневекового бюргерства. В их трудах содержатся принципиальные, с методологической точки зрения, положения о возникновении в средневековом городе на базе простого товарного производства, достигшего определенного уровня «зрелости», явлений раннего капитализма, и о вступлении вместе с этими явлениями или сразу же вслед за ними на историческую сцену предшественников основных классов Нового времени – ранней буржуазии и предпролетариата. Данные положения образуют своего рода краеугольный камень для трактовки марксистской историографией кардинальных проблем социально-экономического развития средневекового города на конкретном материале источников.

Как уже сказано выше, первой в отечественной историографии различные стороны исторических судеб позднесредневекового немецкого города исследовала В.В. Стоклицкая-Терешкович, которая затем создала и обобщающий труд по истории средневекового города⁶³. Она показала возникновение явлений раннего капитализма и в недрах социальной структуры позднесредневековых городов Германии, что оказало значительное влияние на дифференциацию городского населения и в известной мере определило одну из тенденций его социальной эволюции. Тема эволюции социального строя немецкого города в Средние века нашла отражение в трудах и других советских историков. Эту традицию продолжили историки ГДР: на материале ганзейских городов – Я. Шильдхауэр и К. Шпадинг⁶⁴, Юго-Западной Германии – К. Кцок⁶⁵.

Рассматривая на примере Западной Европы теоретические вопросы перехода от феодализма к капитализму, А.Н. Чистозонов сделал вывод, что «социальные катаклизмы, вызванные процессом первоначального накопления и генезиса капитализма, появление на исторической арене новых классов – буржуазии и пролетариата – существенно изменили характер классово-вой борьбы за ниспровержение феодального строя в целом, что было показателем надвигающегося кризиса феодализма как

формации»⁶⁶. И хотя сформулированный таким образом прогноз относительно успехов капитализма и кризиса «феодальной общественной формации» представляется недостаточно убедительным, вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что Чистозвонов подчеркивает значение происходящих в обществе кардинальных перемен, тем самым указывая и на научную актуальность исследования проблемы эволюции социальной структуры населения позднесредневекового города⁶⁷.

* * *

Исследование социальной истории средневекового города в марксистской историографии ГДР приобрело особую научную актуальность в связи с трактовкой ею событий Реформации и Крестьянской войны как «раннебуржуазной революции». Сторонники этой концепции с необходимостью должны были также сказать о роли в этих событиях городского бюргерства и об истории феодального общества в целом. Поэтому дискуссию историков ГДР о социальной природе средневекового бюргерства⁶⁸ можно отнести к разряду закономерных явлений в развитии самой исторической науки.

Инициаторы дискуссии (Б. Бертольд, Э. Энгель и А. Лаубе)⁶⁹ связывают с победой бюргерства в коммунальном движении, которая создала предпосылки для успешной хозяйственной деятельности бюргерства и вслед за этим — условия для его социально-политической консолидации, начальную стадию процесса формирования различных прослоек городского населения в новый самостоятельный «промежуточный», или «неосновной», класс (Zwischen- oder Nebenklasse) феодального общества. Отличительными признаками этого нового класса были его относительно большая численность, проживание в особых населенных пунктах — городах, занятия главным образом ремеслом и торговлей, зафиксированная в «городских конституциях» и системе «городского права» личная свобода и гражданская правоспособность. Все это нашло отражение в образе жизни, мировоззрении, изобразительном искусстве, музыке и историографии, в осознании представителями этого класса своего особого положения в обществе и государстве. Социальная дифференциация городского населения, первоначально находившая выражения в его разделении на купцов и ремесленников, с середины XIII в. перерастает в дифференциацию на патрицианско-купеческую верхушку, с одной стороны, и массу ремесленников,

мелких и средних торговцев – с другой. Беднейшая часть второй категории городского населения вливается в ряды плебейских слоев. Эти плебейские слои, поскольку они не являлись собственниками средств производства и условий труда, вообще нельзя относить к «новому классу». С победой коммунального движения феодальные производственные отношения вообще перестали играть решающую роль в экономической и социальной жизни города, а бюргерство, продолжая оставаться «составным элементом феодального правопорядка», в значительной степени достигло эмансипации от системы феодализма. Важнейшим этапом этого процесса и затем конституирования бюргерства в самостоятельный класс была его борьба с тесно связанным с феодальным дворянством городским патрициатом, в результате которой произошло усиление не только социально-экономических, но и политических позиций этого нового класса. С возникновением и развитием раннекапиталистических отношений начинается процесс формирования класса буржуазии, который рекрутировался не только из рядов «старого городского бюргерства», но также из рядов других классов и слоев феодального общества – дворян, образованных представителей административного аппарата городов, интеллигенции и т.д. Процесс конституирования всех этих разнородных элементов в класс буржуазии к концу XV – началу XVI в. был еще далек от завершения, поэтому инициаторы дискуссии о социальной природе средневекового бюргерства сочли правомерным применение к нему дефиниций «раннекапиталистическое бюргерство», или «раннекапиталистический слой предпринимателей», так как, по их мнению, только с середины XVI в. в германских землях начиналась история собственно торговой и промышленной буржуазии. Однако это мнение инициаторов дискуссии не получило аргументированного обоснования.

Научная концепция, утверждающая, что с развитием города в качестве центра товарного производства совершалось превращение средневекового бюргерства в «неосновной класс» феодального общества, нашла сторонников в лице Х. Хофмана и И. Миттенцвей⁷⁰, которые отмечают, что в социальном положении немецкого бюргерства с конца XVI в. происходят качественные изменения, выразившиеся в переходе части городского населения из сословия средневекового бюргерства в категорию «раннекапиталистического бюргерства» или «прослойку раннекапиталистических предпринимателей». В ходе дискуссии, под-

черкивают Хофман и Миттенцвей, остро встал вопрос об отличии буржуа мануфактурного периода в истории капитализма от средневекового купца. «Торговый капиталист» переходной от феодализма к капитализму эпохи, по их мнению, был уже не только посредником в обмене товарами на рынке между производителями и потребителями, но и в той мере, в какой подчинял своей власти производство, становился эксплуататором непосредственных производителей, которых доводил до состояния «полной беспомощности» и фактически превращал в наемных рабочих. Однако ограничивалась ли только этим роль купца-капиталиста?

Попытку обоснования соответствия теории превращения средневекового бюргерства в «неосновной класс» феодального общества высказываниям основоположников исторического материализма предпринял В. Кюттлер⁷¹, который обратил внимание на то, что марксизм различает «основные классы», являющиеся производными экономического базиса той или иной «общественной формации» (при феодализме – феодальное дворянство и зависимое крестьянство), и «неосновные классы», существующие как бы вне основополагающих производственных отношений, присущих данной «формации». Применяя дефиницию «неосновной класс» к средневековому бюргерству, по его мнению, необходимо иметь в виду: 1) сословно-юридическую оболочку деления на классы в обществах докапиталистических формаций; 2) слабо выраженную градацию классов в рамках этих формаций; 3) переходный характер самих «неосновных классов». Кюттлер выделил следующие отличительные признаки «неосновных классов»: 1) особое положение большой группы людей в определенной системе общественного производства; 2) особое, в большинстве случаев зафиксированное в нормах права, отношение к средствам производства; 3) роль в общественной организации труда и участие в распределении общественного богатства; 4) возможность выступления в роли эксплуататора по отношению к другим классам. В условиях простого товарного производства мелкие ремесленники и торговцы, утверждает Кюттлер, образуют экономическое единство и в социально-политическом отношении конституируются в качестве класса городского бюргерства. Стадиями (фазами) развития «неосновного класса» городского бюргерства, по мнению Кюттлера, являлись: 1) образование бюргерства из других классов и прослоек общества в эпоху раннего Средневековья (до XI в.); 2) наиболее

полное его выражение в эпоху «развитого феодализма» (период XI–XV вв.); 3) упадок в переходную от феодализма к капитализму эпоху (XVI – первая половина XVII в.). Двойственность социальной природы и «промежуточный» характер средневекового бюргерства выражались прежде всего в том, что его социальные метаморфозы совершались, с одной стороны, в направлении господствующего класса феодального общества, что проявлялось в феодализации или рефеодализации части бюргерства и даже отдельных городов; с другой – в направлении возникновения социальной структуры буржуазного общества (с преобладанием в нем капиталистического способа воспроизводства) и появления классов ранней буржуазии и предпролетариата. С появлением этих классов сходит с исторической сцены «неосновной» («промежуточный») класс бюргерства.

Теорию превращения средневекового бюргерства в самостоятельный «неосновной класс», развитие которого происходило вне основополагающих производственных отношений системы феодализма, наиболее жестко, пожалуй, формулирует Г. Фоглер⁷², который, выступая вообще против употребления термина «феодальный город» по отношению к городским коммунам, утверждает, что победа коммунального движения была началом его «нефеодального» развития. Он выражает убеждение в принципиальном отличии в феодальной системе производства положения ремесленников и купцов от положения как феодалов, так и феодально-зависимых крестьян, отмечает формирование особой «бюргерской собственности» на землю (правда, он же признает ее «неполное освобождение от феодальных институтов»). И все же, как полагает Фоглер, представители «неосновного класса» средневекового бюргерства в сфере своей производственной и профессиональной деятельности не вступали в отношения зависимости от феодальных собственников на землю. Более того, общие интересы этого «дифференцированного в самом себе» класса объединяли различные его элементы в борьбе против феодального дворянства, способствуя в конечном счете превращению купцов и ремесленников в особый «неосновной класс городского бюргерства». Однако точка зрения Фоглера вызвала возражения оппонентов.

Несогласие с научной гипотезой превращения средневекового бюргерства в самостоятельный класс феодального общества высказал К. Фритце⁷³. Он подчеркнул тот факт, что уже в XV в. большинство жителей немецких городов, кроме рабочей

1.2. Историческая наука о социальной природе средневекового бюргерства

силы, не обладали какой-либо собственностью и уже на этом основании их нельзя включать в состав класса средневекового бюргерства. К тому же, бюргерская собственность сохраняла феодальные черты и ее использование было сильно ограничено цеховым строем. Такой же феодальный характер носило землевладение и обладание бюргерами различного рода рентами. На этом основании Фритце дает отрицательный ответ на вопрос о возможности отнесения бюргерства к особому, или «неосновному», классу феодального общества. Бюргерство, по его убеждению, на протяжении всех Средних веков продолжало оставаться социальной прослойкой, из которой только в Новое время развились самостоятельные общественные классы.

С критикой научной концепции превращения средневекового бюргерства в самостоятельный «неосновной класс феодального общества» выступили также Б. Тепфер и Г. Хайц. Первый из этих историков, признавая, что большинство городских ремесленников не подвергалось прямой и регулярной эксплуатации со стороны господствующего класса общества (светских или духовных феодалов), в то же время не рассматривает данную категорию населения и купечество как «неосновной» класс. Он полагает, что развитие средневекового города и его населения совершалось исключительно в условиях феодального способа производства и феодальной социально-экономической формации. Б. Тепфер в этой связи подчеркивает также ограниченность результатов коммунального движения и борьбы цехового бюргерства против патрициата. Обе эти формы социально-политической борьбы, по его мнению, приводили лишь к ослаблению «феодальных тенденций в городском патрициате»⁷⁴. Такую же или даже большую сдержанность в оценке роли бюргерства в жизни феодального общества проявляет и Хайц. Он отмечает, что на исходе развитого феодализма и особенно в переходную от феодализма к капитализму эпоху традиционная социальная структура общества наполнялась новым содержанием, что нашло отражение, в частности, во включении в его состав занятой в экспортной торговле небольшой верхушечной прослойки, в том числе представителей мануфактурного капитала, и в образовании многочисленного отряда городского населения, состоявшего из плебейско-предпролетарских слоев. Тогда основным направлением социальной дифференциации городского населения, протекавшей постепенно и не носившей характера движения по прямой восходящей линии, стало формирование

новых общественных сил: цеховое, торговое и мануфактурное бюргерство превращалось в буржуазию, а плебейско-предпролетарские слои – в пролетариат. Однако это развитие совершалось в германских землях в крайне неблагоприятных исторических условиях, а после поражения раннебуржуазной революции XVI в. вообще было остановлено, что привело к долговременному торжеству процесса рефеодализации всего общества. В конечном счете тенденция к преодолению или устранению феодально-цеховых производственных отношений, к перевороту во всем способе производства оказалась недостаточно сильной, что и предопределило стагнацию буржуазных элементов в их зачаточном состоянии или даже привело к попятному движению к феодализму и вовлечению в процесс рефеодализации⁷⁵. Таким образом, точки зрения Тепфера и Хайца, несмотря на существенные различия (первый из них относит события Реформации и Крестьянской войны к феодальной стадии развития немецкого общества, второй – видит в этих событиях вслед за Ф. Энгельсом «неудавшуюся буржуазную революцию»), сходны в главном – негативном отношении к концепции превращения средневекового бюргерства в самостоятельный «неосновной или промежуточный класс» феодального общества.

Отношение к концепции превращения средневекового бюргерства в «неосновной или промежуточный класс» феодального общества нашло отражение и в высказываниях отечественных историков. По словам А.Н. Чистозвонова, «система взглядов основоположников марксизма не дает основания считать, будто бы они рассматривали средневековое бюргерство в качестве особого класса, органически не связанного с феодализмом». Как пишет Чистозвонов, хотя некоторые советские ученые и «высказывали сходные мнения о «нефеодальном», «нейтральном» и т.п. характере средневекового бюргерства», но их мнение, по его словам, «не разделяется большинством советских медиэвистов»⁷⁶. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть прежде всего точки зрения советских историков, которые близки или же совпадают со взглядами сторонников теории превращения средневекового бюргерства в «неосновной класс» феодального общества.

Наиболее жестко их позицию выразил С.М. Стам, который, между прочим, еще за несколько лет до начала дискуссии историков ГДР о социальной природе средневекового бюргерства сформулировал вывод, согласно которому в средневековом

городе в результате победы коммунального движения и подрыва власти феодальных сеньоров возник новый экономический уклад в виде простого товарного производства; этому укладу соответствовала новая свободная мелкая собственность самостоятельных производителей. В новых условиях стали действовать и новые, нефеодальные по своей сущности, экономические закономерности и противоречия, характерные именно для товарного производства. Установление свободной и неограниченной собственности на мастерские ремесленников и их изделия с необходимостью распространялось и на землю, хотя эмансипация земельной собственности от системы феодализма, признает Стам, была неполной и относительной. И все же, как он полагает, возникновение нефеодальных форм собственности привело к тому, что город в значительной мере утратил свои феодальные черты и достиг высокого уровня свободы от чуждой ему окружающей среды⁷⁷. И подобный подход к проблеме социальной природы средневекового бюргерства не был единственным среди советских историков.

Вслед за С.М. Стамом Т.М. Негуляева на примере Страсбурга и его сельской округи приходит к выводу о появлении «полной частной собственности на землю», которая не была обременена «никакими платежами и обязанностями в чью бы то ни было пользу». Она же, признавая, что «теория, объявляющая бюргерство промежуточным классом феодального общества, имеет немало уязвимых мест», определяет, однако, положение и роль ремесленников и купцов в развитии феодального общества с позиций, близких данной теории. По ее мнению, «как бы не ограничивала цеховая регламентация приобретение и использование орудий труда и масштабы производства, она не меняла главного: ремесленник был собственником этих орудий и произведенного продукта, а его товарное производство, не связанное с землей, надельной системой и производством феодальной ренты, не было феодальным ни по своей сущности, ни по способу производства». Негуляева выражает убеждение, что купцы также «активно способствовали экономическому росту товарного производства», что «не позволяет определить их экономическую функцию ни как феодальную, ни как паразитическую в отношении ремесла». Противостояние же феодальному дворянству объединяло эти «обе группы, если не в класс, то по крайней мере, в одно сословие, которое по своим коренным жизненным интересам противостояло сословиям господствующего

класса феодалов»⁷⁸. Однако и точка зрения Негуляевой, как полагает А.Н. Чистозвонов, отражает «мнение меньшинства».

Точка зрения ведущих советских медиевистов на социальную природу средневекового бюргерства была изложена в «коллективной монографии»⁷⁹ научных сотрудников сектора Средних веков Института всеобщей истории АН СССР. Поэтому прежде всего обратимся к рассмотрению принципиальных положений, сформулированных в этой «коллективной монографии», чтобы еще раз подчеркнуть сущность марксистского подхода к проблеме исследования.

Во введении к книге А.Н. Чистозвонов подчеркивает, что проблема социальной природы средневекового бюргерства в настоящее время стала дискуссионной, так как при ее рассмотрении даже историками-марксистами порою «внимание фиксируется на чертах, отличающих его от «типичных» для феодализма общественных классов и слоев», и предпринимается попытка, опираясь на отдельные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, «изображать средневековое бюргерство в качестве специфического нефеодального «ингредиента», выделять как особый класс феодального общества как своего рода «спутник» последнего ...» Опираясь на некоторые высказывания тех же основоположников исторического материализма, Чистозвонов делает вывод, что они «рассматривали средневековое бюргерство как представителя феодально-сословного строя производства, как ядро большой средневековой феодально-сословной группы». По его словам, бюргерство «воспринимается исторически и социологически как большая сословная группа феодального общества, способствовавшая развитию последнего». Однако он же признает, что «на базе разложения феодализма начинается формирование капитализма как такового. Этот процесс распространяется и на бюргерство, значительная часть которого образует ядро формирующегося класса буржуазии». Поскольку Чистозвонов исключает из данного процесса цеховое бюргерство, несколькими строками ниже он же утверждает, что буржуазия «лишь частично пополнялась выходцами из большого сословия горожан» и включала в свой состав представителей других сословных групп⁸⁰. Подводя итоги научных штудий авторского коллектива, Чистозвонов заключает, что у авторов не было «достаточных оснований ... для определения бюргерства как особого класса, сосуществовавшего с феодализмом лишь во времени»⁸¹. В этом выводе сформулирована общая позиция

авторского коллектива, выразившего критическое отношение к «научной новации» историков ГДР и «меньшинства советских медиевистов».

Какие же аргументы авторы книги приводят в обоснование своей позиции? «Под бюргерством, — пишет Е.В. Гутнова, — мы понимаем основной, всегда неоднородный слой населения средневекового города, занятый ремеслом и торговлей». Несмотря на различия в положении категорий населения внутри этого слоя (купцов, ростовщиков, ремесленников), все эти категории объединяло отношение к собственности, которая в отличие от собственности феодалов была основана «только на труде и обмене», то есть земля не имела для всех этих слоев определяющего значения. Как полагает Гутнова, по данному принципиальному признаку «с известными оговорками это относится и к городской верхушке — патрициату, поскольку в период роста и расцвета городов наибольшую часть своих доходов его представители извлекали из торговли ... и ростовщичества». Бюргерство тогда включало в свои ряды «все полноправное население городов», а до начала процесса «замыкания цехов» в XIV—XV вв. также и подмастерьев. Но в него «не входило плебейство, всегда остававшееся бесправным». Гутнова также высказывает убеждение, что «бюргерство было новым слоем в феодальном обществе и сразу стало одним из факторов его прогрессивного развития. Однако оно ни в коей мере не является носителем новых, нефеодальных отношений. Город до конца Средних веков сохранял свою феодальную природу, свою корпоративность в экономическом и политическом строе, а бюргерство — свой облик феодального сословия». Обращаясь к истории немецкого средневекового бюргерства, она же особо подчеркивает, что весь ход политической истории, получивший яркое выражение в истории региональных союзов, «отражал невозможность немецкого бюргерства организовать в имперском сословии» и «на протяжении XIII—XV вв. оно успело оформиться только как сословие в рамках отдельных территорий»⁸². С такой оценкой исторической роли немецкого бюргерства вряд ли можно согласиться. Дело в том, что именно в эти столетия немецкое бюргерство создавало самостоятельные политические союзы на региональной и межрегиональной основе, добилось представительства в качестве полноправного сословия в «имперских собраниях» (рейхстагах), активно себя проявляло в деятельности ландтагов, неоднократно выступало с проектами крупных

социально-политических преобразований, в том числе с требованием объединения всей страны.

Другой автор «коллективной монографии», Н.В. Савина, рассматривая вопрос о роли немецкого бюргерства в общественных движениях первой трети XVI в., констатирует факт возникновения в его среде «раннекапиталистического слоя», который, однако, был тесным образом связан с «отношениями простого товарного производства и феодальными отношениями»⁸³. По этой причине она проявляет большую осторожность при решении вопроса о возможности превращения «капиталистических элементов» в класс буржуазии.

Возникает вопрос, каким образом положения, сформулированные как сторонниками, так и противниками концепции превращения средневекового бюргерства в «неосновной класс» феодального общества, могут быть соотнесены с реальной действительностью? Материалы дискуссии о социальной природе средневекового бюргерства позволяют автору настоящей монографии скорректировать задачи исследования и сформулировать их в виде следующих вопросов: 1) в какой мере производственная и профессиональная деятельность горожан развивалась за рамками феодальной системы производства и общественных отношений; 2) какой степени эмансипации от феодальных институтов достигла бюргерская собственность на средства производства и условия труда, в том числе на землю; 3) в каких отношениях находились полярные категории городского населения (патрициат и плебейство) со «средним классом» городского населения (бюргерством); 4) в какой мере традиционная триада «патрициат – бюргерство – плебейство» соответствовала процессу эволюции социальной структуры позднесредневекового города в условиях генезиса капитализма. Ответы на эти вопросы можно найти только в источниках. Поэтому обратимся к их характеристике.

1.3. ИСТОЧНИКИ

От эпохи, которой посвящена монография, до наших дней дошли достаточно многочисленные, разнообразные и богатые по содержанию письменные источники. Их можно разделить на три класса: 1) *документальные*, фиксирующие отдельные сто-

роны экономической, юридической и политической жизни общества посредством специальной, формализованной лексики (торговые книги и описи имуществ купеческих компаний, городские книги рент, казначейские бумаги, судебные и следственные материалы, протоколы заседаний городских правящих советов и т.п.); 2) *законодательные* – юридические по форме, однако отражающие не только существующую правовую практику, но и желание законодателя ее изменить (публично-правовые акты немецких городов); 3) *нарративные* (повествовательные), описывающие действительность в относительно свободной форме (хроники, различного рода свидетельства современников, очевидцев и участников событий). Каждый класс письменных источников по причине их своеобразия следует рассмотреть в отдельности. Это поможет нам приблизиться к установлению высокой степени достоверности сообщаемых источниками фактов.

* * *

Среди *документальных* источников следует особо выделить публикацию известным немецким историком-экономистом и источниковедом Ф. Бастианом документов княжеского казначейства Тироля, которые датируются концом XIII–XIV вв.⁸⁴ Эти документы интересны в первую очередь тем, что указывают на гораздо более раннее, чем до их публикации было принято считать, проникновение верхнегерманского купеческо-ростовщического капитала, особенно аугсбургского происхождения, в финансы и вообще экономику этого альпийского княжества, а вместе с тем – и на один из источников генезиса крупных бюргерских состояний. Близки по содержанию бумагам тирольского казначейства «Счета аугсбургских баумейстеров 1320–1331 гг.»⁸⁵. Документы обеих публикаций дают возможность составить представление о характере экономической деятельности ряда семейств бюргерской верхушки Аугсбурга (прежде всего представителей патрицианских семейств). Необходимо также отметить, что редакции наиболее древних по датировке документов первой публикации и все – второй выполнены на латинском языке (вульгате), который, однако, с середины XIV в. постепенно выходит из употребления при составлении документов.

Начальный этап развития новой для Аугсбурга отрасли текстильной промышленности – бумазейного производства – нашел отражение в «Дневнике» аугсбургского купца Лукаса

Рема⁸⁶. Этот купец и предприниматель, происходивший из старинного патрицианского семейства города, жил в конце XV – первой половине XVI в., но использовал в своем труде деловые записки своего прадеда Ганса Рема-старшего, деятельность которого в роли купца и, вполне возможно, раздатчика приходится еще на середину и вторую половину XIV в. «Дневнику» Рема по содержанию во многом аналогична «Торговая книга», которую в середине XV в. вел ульмский купец Отто Руланд⁸⁷. Особого внимания в ней заслуживают документальные свидетельства Руланда о развитии отношений авансирования купеческим капиталом мелких производителей. Данные экономического характера содержит «Инвентура фирмы Фуггеров» за 1527 г.⁸⁸ Она представляет собою опись принадлежавших компании состояний и имуществ, приводит имена ее должников и указывает условия, на которых фирма предоставляла кредиты третьим лицам. Интересные факты по экономической истории средневекового Цюриха и его окружи можно почерпнуть из публикации документов архива последнего⁸⁹. Положение различных категорий наемных рабочих, занятых по преимуществу в строительных профессиях и связанных с ними отраслях хозяйства средневекового Нюрнберга, отражают записки патриция и баумейстера магистрата второго города Эндреса Тухера⁹⁰. Они, как впрочем, и другие подобного рода документы, открывают перед исследователем возможность не только углубить наши представления о противоположности богатства и бедности в позднесредневековом городе, но и бросить свет на процесс подчинения пионерами раннего капитализма в германских землях своей власти различных категорий «трудящихся субъектов», занятых в передовых для того времени отраслях производства.

Особое место среди источников первого класса занимают «Книги рент» имперского города Аугсбурга⁹¹. Известный немецкий историк-урбанист Э. Эннен видит в приобретении бюргерами различных рент специфическое явление экономической жизни средневекового города и даже «излюбленную форму городского кредита», позволяющую обходить строгий церковный запрет на взимание процентов⁹². «Книги рент» Аугсбурга содержат около двух тысяч актов о вкладах и счетов по вкладам или выплате процентов по этим вкладам городским казначейством как нескольким десяткам частных лиц, так и церквям, монастырям, религиозно-благотворительным братствам и торгово-ремесленным корпорациям. Вклады в казначейство инвес-

торы совершали в двух формах: «пожизненных рент» (Liptingsgelt) и «вечных рент» (Ewiggelt). Если по первым вкладам казначейство выплачивало от 8 до 20 процентов годовых (в большинстве случаев – 10 процентов), по второй форме вкладов – обычно 4 или 5 процентов годовых. В отдельных эпизодах казначейство заключало особые контракты с инвесторами. «Книги рент» содержат полные собрания актов о вкладах в казначейство за 1369, 1424, 1463, 1478 гг. и счета о выплате процентов по вкладам инвесторов за 1379–1391, 1419–1430, 1463 и 1469 гг., хотя отдельные документы «Книг рент» датируются как первой четвертью XIV в., так и первыми десятилетиями XVI в. Несмотря на лакуны в бухгалтерской документации, из «Книг рент» можно почерпнуть ценные сведения о состоянии городских финансов, экономических интересах и структуре собственности многих представителей семейств бюргерской верхушки имперского города Аугсбурга. К сожалению, мы не располагаем точными данными, из каких источников казначейство производило выплаты процентов по вкладам в его ценные бумаги.

К первому классу источников, кроме того, можно отнести акты различных имущественных сделок (акты купли-продажи недвижимости, дарения, завещания), а также судебно-следственные материалы и протоколы заседаний магистратов (представленные, в частности, публикацией извлечений из протоколов заседаний правящего совета Аугсбурга, которые охватывают отрезок времени с 1368 по 1548 г.)⁹³. Последние материалы уточняют наши представления о характере социально-экономической политики магистрата, отношении городских властей к явлениям раннего капитализма, технологическим новшествам и роли самого института власти в процессах первоначального накопления и генезиса капиталистических отношений.

Автор настоящей книги также широко привлекает материалы судебных тяжб и особенно тексты судебных вердиктов. Такого рода материалы опубликованы в сборниках правовых актов немецких городов и приведены в примечаниях к городским хроникам их издателями. Ценность судебных материалов состоит, в частности, в том, что они бросают свет на мотивацию поведения и поступков участвовавших в судебных процессах бюргеров: в одних случаях они объясняют, почему последние следовали нормам традиционного права, выступали за сохранение и поддержание цеховых монополий и регламентов, в других – нарушали эти нормы и требовали их изменения.

Таким образом, источники первого класса содержат факты, отражающие различные стороны юридической, политической и особенно — экономической жизни и социальных отношений в средневековом городе. В то же время необходимо отметить, что эти данные практически почти не предоставляют возможности применения статистического метода исследования (исключение в этом отношении, правда, с некоторыми оговорками, составляют только «Книги рент» Аугсбурга). Поэтому источники первого класса в большей мере служат в качестве иллюстрации (впрочем, вполне убедительной) явлений и процессов, чем способа их обоснования с использованием математических выкладок.

* * *

К источникам второго класса — *законодательным* — следует отнести прежде всего «Urkunden» (правовые акты) средневековых немецких городов⁹⁴. Автором настоящей книги используются публикации публично-правовых актов таких городских центров Германии, как Аугсбург⁹⁵, Кауфбойрен⁹⁶, Ульм⁹⁷, Исни⁹⁸, Эслинген⁹⁹; свода гражданского права средневековых немецких городов¹⁰⁰, по преимуществу правовых актов «Немецкого подворья» (Фондако) в Венеции¹⁰¹; документов по истории германско-итальянских торговых отношений в Средние века¹⁰². Сюда же следует отнести цеховые уставы, регламенты ремесла и торговли, которые издавались правящим советом Франкфурта-на-Майне¹⁰³. Ярмарки тесно связывали Франкфурт со многими городами как Швабии, так и Швейцарского Союза. Уже это обстоятельство вполне оправдывает интерес к судьбам средневекового ремесленного производства и в самом Франкфурте.

Источники данного класса включают также своего рода конституции средневековых городов — так называемые «Städteverfassungen», законодательные акты магистратов, и отличаются большим разнообразием содержания. Этот класс источников включает также постановления, регулирующие производственную и торговую деятельность как субъектов городского права — «бюргеров», так и купцов и банкиров из других городов, которые фигурируют под именем «гостей». Причем, вопреки существующему в отечественной историографии мнению, эти публично-правовые акты все же содержат вполне достоверные факты не только по социально-политической, но и по социально-экономической истории. Пример тому — «Цеховая грамота» (1535 г.) города Шафхаузена¹⁰⁴, рисующая примечательную во

многих отношениях картину социального строя текстильной промышленности, развитие которой протекало в условиях острого кризиса средневекового городского корпоративного ремесла, возникновения в позднесредневековом ремесле явлений раннего капитализма и участия в процессе генезиса капитализма мелких сельских производителей. В самой «Грамоте» особый интерес вызывают ее свидетельства о занятиях деревенских ремесленников прядением и ткачеством как «отхожим промыслом».

Все эти сюжеты прослеживаются и по изданию документов по истории знаменитой полотняной промышленности и экспортной торговли средневекового Санкт-Галлена, среди которых представлены и публично-правовые акты (цеховые уставы, постановления магистрата и другие документы)¹⁰⁵. Наряду с ними издатель Г.К. Пойер опубликовал переписку властей с различными корреспондентами, а также материалы экономического порядка (извлечения из податных кадастров, данные о сборе торговых пошлин, протоколы заседаний правящего совета города и тексты вердиктов городского суда, которые, в частности, содержат информацию о многообразных сделках на поле рыночных отношений). В целом публикация Пойера имеет исключительное значение для исследования магистрального направления эволюции цехового и нецехового ремесла в переходную от средневековой к индустриальной цивилизации эпоху, возникновения в этом ремесле явлений раннего капитализма. То же можно сказать о публикации Ф. Виландом материалов по истории льноткацкой промышленности Констанца¹⁰⁶, которая хотя и содержит, по сравнению с документами, опубликованными Пойером, более фрагментарные данные, в ряде случаев все же и они позволяют внести существенный корректив в описание самого процесса генезиса капиталистических отношений в позднесредневековой текстильной промышленности. Обе публикации (Пойера и Виланда) отличает высокая степень достоверности представленных в них исторических источников.

Для изучения положения средневекового города в «системе феодализма» и связей населения этого города с феодальным окружением большой интерес представляют публично-правовые и частно-правовые акты учреждений церкви и благотворительных организаций, феодальных сеньорий. Кроме упомянутых выше «уркунден» Кауфбойрена, автор привлекает также в качестве источников опись владений¹⁰⁷ и «уркунден» кафедрального собора Аугсбурга¹⁰⁸, монастыря св. Ульриха и Афры¹⁰⁹

того же города, богадельни св. Духа в Мюнхене¹¹⁰ и расположенной на юге Восточной Швабии (между имперским городом Меммингеном и графством Кемптен) сеньории Кронбург¹¹¹. Названные выше публикации содержат яркие и вполне достоверные свидетельства об отношениях собственности, участии средневекового бюргерства в феодальном землевладении и, фигурально выражаясь, о «причастности» этого бюргерства и к ряду других феодальных институтов в аграрном секторе общественного производства. Поэтому изучение источников как данного, так и иных классов убеждает в том, что «угнетателями и эксплуататорами» крестьян могли быть не только патриции «старой формации» или банкиры-ростовщики «новой формации». Порою рядом с ними в качестве землевладельцев и даже сеньоров выступали и выходцы из «среднего класса» городского населения.

К юридическим памятникам относится и так называемая «Красная книга»¹¹² – компиляция, по словам ее издателя О. Фегера, древнейшего городского права Констанца, запись которого осуществил секретарь правящего совета этого города Генрих Маршалк в 1433–1437 гг. Издание включает, кроме норм обычного городского права, также и законодательные акты самого магистрата XIV и первой трети XVI в. Однако в том же «Собрании Маршалка» опубликованы и декреты правящего совета города более позднего времени (вплоть до 1460 г.). В 1525 г. акты второй половины XV и начала XV в. были собраны и кодифицированы другим секретарем магистрата Констанца, Йоргом Фогели, который, в отличие от Маршалка, предназначал свой труд, как бы сегодня сказали, исключительно «для служебного пользования в канцелярии самого совета»¹¹³. Публикация постановлений правящего совета того же Констанца, регулировавших деятельность «торгового дома» города¹¹⁴, сообщает данные о характере рыночных отношений, организации торговли, численности различных категорий наемных работников, занятых в этом секторе городского хозяйства.

При использовании публично-правовых актов в качестве источников необходимо иметь в виду следующее. С одной стороны, эти акты, фиксируя на языке юриспруденции отношения между контрагентами рыночных операций и имущественные сделки, уже в силу данного обстоятельства соответствующим времени заключения этих сделок образом отражали, что вполне очевидно, исторические реалии. Задача, однако, состоит в том, чтобы освободить эти реалии от наслоений средневековых

норм права и придать юридическим памятникам далекого прошлого понятное современному человеку «звучание», избегая одновременно иной крайности – модернизации явлений прошлого. С другой стороны, используя публично-правовые источники, необходимо иметь в виду, что законодательные акты не только отражают то, что было на самом деле, но и сообщают о том, что авторам этих актов представлялось полезным и необходимым. Между тем современный исследователь обычно имеет возможность установить, каким образом законодательные акты отражают действительное положение вещей, сопоставляя эти акты со свидетельствами других источников. Такой метод сопоставлений может способствовать продвижению научного поиска к установлению близкой к подлинной картины общественных отношений далекого прошлого.

* * *

Особое место в настоящем исследовании занимают источники третьего класса – *нарративные*. Они подразделяются на городские, цеховые и «семейные». В соответствии с хронологическим принципом можно выделить городские хроники: 1) первой половины и середины XV в.; 2) второй половины этого столетия и начала XVI в.; 3) хроники, авторы которых были современниками, очевидцами и даже участниками событий Реформации и Крестьянской войны XVI в. в германских землях. В этой связи вполне правомерно возникают вопросы о зарождении и основных этапах становления бюргерской историографии, а также о ее принципиальном отличии от образцов средневековой феодально-католической хронографии.

В городах Германской империи примерно с рубежа XIV–XV вв. начался процесс формирования бюргерской историографии. По вполне понятным причинам это явление давно привлекло внимание и вызвало неоднозначные оценки исследователей XX в. Поэтому представляется необходимым прежде всего показать, хотя бы в самых общих чертах, каким образом историческая наука Новейшего времени трактует данное явление интеллектуальной и культурной жизни общества далекого прошлого. Примером неоднозначных оценок могут служить труды таких историков ФРГ, как Г. Шмидт, К. Шнит, И.Б. Менке, а также полемика с ними историка-марксиста ГДР К. Кцока. Попытаемся рассмотреть своеобразие средневековой хронографии сквозь призму этой полемики.

Г. Шмидт рассматривает средневековые городские хроники как проявление настроений и отражение мировоззрения только отдельных хронистов и отказывается видеть в самих хрониках отражение реальной исторической действительности¹¹⁵. К. Шнит, напротив, подчеркивает тесную связь содержания хроник с повседневной жизнью тогдашнего общества и интерес самих авторов хроник к различным экономическим вопросам, несколько прямолинейно объясняя пробуждение такого интереса «ростом капитализма» и подразумевая под последним в большинстве случаев различные формы простого товарного производства¹¹⁶. Точку зрения Шнита на средневековую хронографию разделяет и И.Б. Менке¹¹⁷. К. Кцок, выражая несогласие по ряду вопросов со Шнитом и Менке и резко критикуя Шмидта, стремится установить социально-политические функции позднесредневековой городской хронографии и, с одной стороны, показать ее принципиальное отличие от «образцов феодально-католической историографии», с другой — выявить, какое влияние на бюргерскую хронографию оказали «социально-экономические отношения и классовая борьба» в самих городах¹¹⁸. Но прежде чем вынести вердикт по вопросу, кто прав в этом споре, обратимся к краткой характеристике городских хроник как вида источников и жанра исторической литературы. Такой подход позволит установить степень достоверности сообщаемых хронистами фактов, своеобразие отражения реальной действительности в сознании самих хронистов и открыть перед исследователем путем сопоставления сообщаемых хронистами фактов со свидетельствами других источников путь к истине.

Издание большой серии хроник средневековых городов Германии¹¹⁹ началось в 60-е годы XIX в. под общей редакцией Карла Гегеля, сына великого немецкого философа. В этой серии особенно широко представлены хроники Аугсбурга. Древнейшими редакциями последних являются: хроника, начатая одним анонимным автором с изложения событий 1368–1406 гг., а затем продолженная другим до 1447 г.¹²⁰; анонимная «Хроника основания города Аугсбурга»¹²¹ и первая «персональная хроника», написанная Эрхартом Вараусом¹²². Авторы всех анонимных хроник еще находятся под сильным влиянием церковной историографической традиции, хотя их авторы уже выражают в своих трудах в первую очередь настроения и интересы городского бюргерства. О Вараусе, в частности, известно, что он был родом из Эйхштедта, но еще в юном возрасте с родителями

переселился в Аугсбург, где позднее стал членом купеческой гильдии, которую в 1442 г. представлял в Большом совете города. Свою хронику он задумал написать, в соответствии с тогдашней историографической традицией, «от сотворения мира» и «Адама и Евы». Однако только начиная с изложения событий истории города XII в., о которых ее автор нашел прочную источниковую базу в свидетельствах, почерпнутых в городском архиве, его хроника приобретает достаточную степень достоверности¹²³. Для творческого стиля Варауса характерно то, что он переносит события далекого прошлого в современность, как бы переживая их в настоящее время. Впрочем, эта черта присуща и другим хронистам XV в. Историзм своеобразно проявляется в их трудах в «перенесении» событий прошлого в современность, с позиций которой они и получали оценку.

Особой известностью пользуется труд аугсбургского бюргера и купца Буркарда Цинка¹²⁴, которого еще О. Лоренц называл «интересным во многих отношениях хронистом». Этот труд признается типичным для своего времени явлением, своего рода «стандартом» среди городских хроник XV столетия. В то же время, по мнению Лоренца, этот хронист в своем творчестве «находился в глубоком Средневековье»¹²⁵. Как полагает Г. Шмидт, хроника Цинка отразила уровень самосознания и настроения только одного бюргера XV в.¹²⁶ В отличие от Шмидта К. Шнит видит в этой хронике отражение реальной действительности и настроений средних слоев городского населения¹²⁷. Э. Машке – автор биографического очерка о Буркарде Цинке – приводит вполне убедительные факты о жизненном пути и профессиональной деятельности хрониста в роли купца, которые в данном случае по существу ставят под сомнение точку зрения Шмидта и подтверждают правоту Шнита¹²⁸. Высокую оценку хронике Цинка дают и отечественные историки – А.Д. Люблинская и О.Л. Вайнштейн¹²⁹. Каково же содержание труда Цинка, в чем причина интереса современных исследователей к его хронике, какой социально-политической ориентации придерживался сам хронист и какова степень достоверности отражения им реалий исторической действительности?

В хронике Буркарда Цинка отражены события 1368–1468 гг. События 1368–1397 гг. автор излагает по тексту к сегодняшнему дню утраченного труда анонимного автора, который написал свою хронику в первые годы XV в., события 1398–1415 гг. – по преимуществу на основании актов городского архива, а события

с 1416 г. – как их свидетель и участник. Хроника состоит из четырех книг; в трех из них Цинк излагает «истории, которые произошли в этом городе Аугсбурге», а в одной – «историю своей жизни». Хронист в резком тоне выражает недовольство политической разобщенностью империи и для установления ее причин использует басню Эзопа, в которой речь идет об отбившемся от стада воле, который стал легкой добычей коварного и злого волка. Цинк убежден, что только города способны поддерживать «божий порядок» и выступать в роли инициаторов движения за единство государства. Подвергая резкой критике феодальное дворянство и особенно князей как виновников политической раздробленности страны, хронист вместе с тем объявляет империю и церковь универсальными силами, которые с помощью городов в состоянии вернуть поправное князьями единство в государстве и обществе. Именно это и дает основание К. Шнитту говорить об «имперском сознании Цинка»¹³⁰. Г. Шмидт, напротив, полагает, что «империя для Цинка заканчивается сразу же за городскими стенами»¹³¹. В этой связи необходимо отметить следующее: во-первых, оценки хронистом положения в Германской империи в известной мере созвучны содержанию радикального политического памфлета XV в. – «Реформации императора Сигизмунда»¹³²; во-вторых, присущие ментальности хрониста черты политического партикуляризма отразили реалии исторической действительности¹³³; в-третьих, его хронике определенно присущи и «новые черты, отличные от образцов феодально-церковной средневековой историографии». Эти новые черты, как полагает Шнит, ярко проявились прежде всего в интересе самого Цинка «к личности человека»¹³⁴. Хронист создает «индивидуальные портреты» своих знаменитых современников – Генриха Лангенмантеля и Петера Эгена-младшего¹³⁵. Особенно примечателен последний, можно сказать, «исторический портрет». Рассказывая о превратностях судьбы Петера Эгена-младшего, Цинк сквозь призму личного восприятия Эгена и отношения к его попытке захватить власть в городе в своем труде выразил политическую ориентацию большинства аугсбургских бюргеров. Сам хронист являлся убежденным приверженцем городской автономии и выступал с позиции неприятия самой идеи реставрации сеньориального режима в городе.

Младшим современником Буркарда Цинка был Гектор Мюлих, который также написал заслуживающую внимания хронике¹³⁶. Мюлих – богатый купец, зять Якоба Футгера-богатого,

старшина цеха розничных торговцев-кramerей, занимавший в качестве такового должность баумейстера – главы финансового ведомства в правящем Малом совете Аугсбурга. Он начинал свою историографическую деятельность с компиляции хроники Сигизмунда Мейстерлина и, по мнению К. Шнита, «усвоил внешние формы гуманистической культуры»¹³⁷. В отличие от Шнита Г. Шмидт утверждает, что Мюлих остался в стороне от влияния гуманистической историографии¹³⁸. В данном случае, вероятно, все же прав Шмидт, так как труд Мюлиха и в самом деле вряд ли есть достаточные основания относить к гуманистическому направлению в бюргерской позднесредневековой историографии Германии¹³⁹. В то же время взгляды Мюлиха на империю, католическую церковь и роль городов в жизни общества по существу совпадают или близки взглядам Цинка¹⁴⁰. Вместе с тем очевиден и тот факт, что среди аугсбургских хронистов XV в. Мюлих выделялся широтой взглядов и хорошей осведомленностью не только в городских делах, но и в политических событиях на международной арене. В отличие от своего старшего современника Цинка Мюлих проявляет меньшую склонность доверять слухам, разного рода чудесам и «знамениям»: в оценке происходящих событий ему в большей мере присущ рационализм. С этой точки зрения, Мюлих определенно делает шаг вперед по сравнению со своими предшественниками – анонимными городскими хронистами, Вараусом и Цинком.

Издание городских хроник Констанца, авторами которых являлись Иоганнес Штеттер, Ульрих Рихенталь, Гебхард Дахер, Конрад Альбрехт и Николай Шультгейс, еще в конце XIX в. осуществил Ф. Рупперт¹⁴¹. Если труды Буркарда Цинка и Гектора Мюлиха давно уже стали объектами изучения современных историков, им посвящены статьи и даже монографии, хроники Констанца до сих пор не привлекли должного внимания исследователей. Между тем хроники Констанца интересны во многих отношениях. Они содержат ценные сведения о корпоративном строе города, городском и деревенском ремесле, рыночной конъюнктуре, борьбе цехового бюргерства с патрициатом, а также освещают и другие стороны жизни городской общины. К тому же, в «приложениях» к хроникам Рупперт напечатал несколько публично-правовых актов, дополняющих и уточняющих свидетельства хронистов.

Заслуживает внимания еще одна черта, ярко себя проявившая уже в хрониках XV в. В большинстве своем хронисты были

бюргерами, проявлявшими самый живой интерес к различным сторонам экономической жизни тогдашнего общества. Сообщаемые ими сведения о ценах на товары, спросе и предложении (рыночной конъюнктуре), крупных оптовых сделках, мероприятиях городских властей и цехов по регулированию ремесла и торговли, основании промышленных предприятий, банковско-ростовщической и купеческой деятельности городской верхушки и принадлежавших ей торговых компаний содержат ценные факты и о характере общественного производства в целом. Отсюда можно заключить, что городские хроники без достаточных на то оснований были «забыты» современными исследователями экономической истории Средневековья.

Городские хроники XVI в., не утрачивая достоинств своих предшественниц, хроник XV в., интересны для исследователя прежде всего в качестве источников по истории Реформации и Крестьянской войны¹⁴². Однако в то же время по крайней мере некоторые из хроник XVI в. также содержат интересные сведения об экономической структуре и социальном быте позднесредневекового города. В связи с этим автор настоящей монографии привлекает труды аугсбургских хронистов Вильгельма Рема¹⁴³ и Клеменса Зендера¹⁴⁴, Санкт-галленского хрониста Иоганнеса Кеслера¹⁴⁵ и анонимную хронику графов фон Циммерн¹⁴⁶. По идеологической направленности хронике Кеслера близок обстоятельный историко-теологический труд гуманиста и реформатора Санкт-Галлена Иоахима фон Ватта (латинизированное имя – Вадриан). Вадриан принадлежал к старинному патрицианскому роду Санкт-Галлена, интересы которого были тесно связаны с полотняным производством. Сам Вадриан более тридцати лет подряд занимал в родном городе должность правящего бургомистра¹⁴⁷. На взгляды и общественную деятельность хронистов сильное влияние оказали события как Реформации, так и Крестьянской войны. Если Зендер и Аноним выступали в роли защитников существующего строя и «старой церкви», Рем, как известно, напротив, подвергал всю «систему феодализма» и особенно католическую церковь всесторонней критике и являлся убежденным и последовательным сторонником Реформации. Кеслер и Вадриан приняли активное участие в проведении в Санкт-Галлене, на территории всего аббатства и даже за его пределами реформационных преобразований «по цвинглианскому образцу» и в основании «евангелической» (протестантской) церкви, которая утвердилась в городских кантонах Швейцарского Союза.

Особая разновидность бюргерской историографии позднего Средневековья и раннего Нового времени – цеховые хроники. Примером данного жанра могут служить хроники корпораций башмачников и ткачей Аугсбурга, автором которых являлся Клеменс Егер¹⁴⁸. Егер, представитель гуманистического направления в бюргерской хронографии первой половины XVI в.¹⁴⁹, задается целью показать происхождение торгово-ремесленных корпораций средневекового Аугсбурга от учреждений Древнего Рима. В этом отношении его хроники интересны, пожалуй, только тем, что могут служить иллюстрацией антикизирующего влияния на немецкую городскую хронографию эпохи Возрождения. Гораздо большую ценность для решения исследовательских задач, которые стоят перед автором настоящей монографии, представляют свидетельства Егера о ремесленных корпорациях, опирающиеся на архивные материалы, доступ к которым ему открыл сначала официальный заказ цеховых старшин написание хроник, а затем – служба в магистрате. Факты, которые приводит в своих трудах Егер, не вызывают сомнения в том, что торгово-ремесленные корпорации города уже в XV в. вступили в своем развитии в стадию кризиса и в их недрах происходили перемены, свидетельствующие о возникновении элементов раннего капитализма. Отношение самого хрониста к этим переменам было отрицательным: они вызывали у него чувство недоумения и осуждения, поскольку он считал, что все эти «новшества» наносят большой ущерб интересам «простых людей», попирают «общую пользу» и «справедливое равенство», олицетворением которых в его глазах являлась «седая старина». Именно там, в прошлом, в Античности, эпохе древнегородской демократии, установления и расцвета городского корпоративного строя ремесла и торговли, Егер стремился найти идеал общественного устройства.

Еще одна разновидность средневековой бюргерской историографии – «семейные хроники» (*Familienchroniken*) и «родословные книги» (*Geschlechterbücher*). Примером данного жанра может служить «Семейная хроника Фуггеров»¹⁵⁰, которая была составлена анонимным автором в самом конце XVI в. Хроника написана по заказу Фуггеров и уже по этой причине носит апологетический характер. Однако некоторые факты, которые приводит ее автор, особенно о начальном пути представителей семейства Фуггеров к богатству, движению вверх по лестнице иерархии, высокому социальному престижу и политическому

влиянию, представляют определенный научный интерес. Близики по форме и содержанию «семейным хроникам» «родословные книги»¹⁵¹. Собственно говоря, к последней разновидности нарративных памятников можно отнести и «семейную хронику» бернских патрициев Дисбахов, которая была написана одним из представителей их рода — Клаусом фон Дисбахом — на рубеже XVI—XVII вв.¹⁵² Хроника содержит интересные факты из истории не только торговой компании Ваттов и Дисбахов, но и санкт-галленского полотняного производства, в которое инвестировали капиталы как Дисбахи, так и их компаньоны — Ватты. «Семейные хроники» и «родословные книги» носят тенденциозный характер, поскольку их авторами являлись сами представители «знаменитых и знатных родов», или они составлялись по заказу последних. Те и другие выступали прежде всего в роли апологетов семейств городской знати, поэтому рисовали образы своих героев в «розовых тонах», явно идеализируя их. Между тем значение этой разновидности источников состоит в том, что их авторы, рассказывая о «совершенных деяниях», путях «возвышения» и «обогащения» немецких патрицианских семейств, проливают дополнительный свет и на некоторые стороны корпоративного строя ремесла, сам характер общественного производства и рыночных отношений далеко отстоящей от нас эпохи.

Достоверность и надежность свидетельств «семейных хроник» и «родословных книг» возрастает, когда сообщаемые ими факты находят подтверждение (или, напротив, уточнение или даже опровержение) в свидетельствах иных источников. Это лишний раз подтверждает необходимость комплексного использования письменных источников различных классов, видов и разновидностей при решении исследовательских задач.

В качестве источников автор монографии привлекает также труды потомков патрицианских родов средневекового Аугсбурга и писателей-хронистов XVIII в. Давида Лангенмантеля¹⁵³, Пауля фон Штеттена-старшего¹⁵⁴ и Пауля фон Штеттена-младшего¹⁵⁵, в которых текстуально или в пересказе воспроизведены среди прочих и утраченные к настоящему времени документы. Правда, тут же следует оговориться, что писатели-хронисты порою сообщают о патрицианских семействах легендарные и полуполулегендарные сведения. Однако при условии критического подхода к версиям семейных хронистов, предполагающего проверку этих версий с помощью фактов, которые можно почерп-

нуть в иных источниках, труды писателей-хронистов являются вполне надежным подспорьем современному исследователю. Это открывает перспективу комплексного исследования темы, обозначенной в заглавии настоящей книги. С другой стороны, хроники придают яркие и неповторимые краски давно минувшим событиям, передают своеобразие восприятия этих событий их современниками и очевидцами, которые, к тому же, порою были и их участниками.

* * *

Итак, на основании предпринятого выше анализа письменных источников различных классов, выявления их своеобразия, степени надежности и достоверности фактов, о которых сообщают эти источники, можно сделать вывод, что тема исследования в достаточной мере обеспечена соответствующей ее целям и задачам источниковой базой. Последняя позволяет поставить и в ряде случаев получить ответы на вопросы первостепенной научной значимости.

Многообразие источников, с одной стороны, является побудительным мотивом их комплексного использования и таким образом решения поставленных автором настоящей монографии исследовательских задач, с другой – ставит его перед жесткой необходимостью, как о том уже сказано выше, критического подхода к самим источникам. Только принимая во внимание степень достоверности и надежности сообщаемых источниками фактов, представляется возможным создать максимально приближенную к истине картину реальной действительности и достигнуть более или менее адекватного отражения исторических судеб позднесредневекового города и его населения, возникновения в этом городе и сельской округе явлений раннего капитализма, социальных последствий процессов первоначального накопления и генезиса капитализма.

Изучение переходной от феодализма к капитализму эпохи ставит перед исследователем задачу установления и описания как элементов нарождавшегося «нового», так и – уходящего в прошлое «старого». Решить или хотя бы приблизиться к решению проблемы динамики перехода от «старого» к «новому», от феодальной системы к капиталистической, от средневековой к начальной стадии индустриальной цивилизации, автор монографии предполагает только с опорой на свидетельства исторических источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 727. Ср. также: Там же. Т. 19. С. 119.

² *Hildebrand B.* Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie // JN S. 1865. Bd. 6. S. 235; Bd. 7. S. 91–92; *Schonberg G.* Zur wirtschaftlichen Bedeutung des Zunftwesens im Mittelalter // JNÖS. 1867. Bd. 9. s. 3 ff. О Б. Хильдебранде также см.: *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974. С. 113–116, 353.

³ *Westermann A.* Zur Geschichte der Memminger Weberzunft und ihrer Erzeugnisse im 15. und 16. Jahrhundert // VSWG. 1914. Bd. 12. H. 3. S. 391–392, 399–402; H. 4. S. 578–579.

⁴ *Scheutlin O.* Das st. gallische Zunftwesen von den Anfängen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Basel, 1937. S. 44, 78–81, 105–106. 162, 169, 177–178.

⁵ *Schmoller G.* Die Strassburger Tucher- und Weberzunft: Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Gewerberechts vom XIII. bis XVII. Jahrhundert. Strassburg, 1879; *Geering T.* Handel und Industrie der Stadt Basel: Zunftwesen und Wirtschaftsgeschichte bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Basel, 1886; *Nübling E.* Ulms Baumwollweberei im Mittelalter: Urkunden und Darstellung. Leipzig; 1890; *Gothein E.* Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes und angrenzender Landschaften. Strassburg, 1892. Bd. 1.

⁶ *Schmoller G.* Die Strassburger Tucher- und Weberzunft ... S. 19, 89, 419–420. Положениям, которые впервые были сформулированы на основании изучения источников по истории средневековой шерстоткацкой промышленности Страсбурга, примерно через десять лет Г. Шмоллер придал теоретическую значимость и предпринял попытку их распространения на раннюю стадию генезиса капитализма в целом (см.: *Schmoller G.* Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung) // JGVV. 1890/93). Критику взглядов Шмоллера с марксистских позиций в отечественной исторической литературе см.: *Смирин М.М.* К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.). М., 1969. С. 58, 63, 84, 310–311, 317; *Гутнова Е.В.* Историография ... С. 43, 63–64, 66, 113–116, 127, 136, 381.

⁷ См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; *Он же.* Протестантские секты и дух капитализма // Там же.

⁸ См.: *Sombart W.* Der moderne Kapitalismus. Bd. 1. Hlbd. 1. München; Leipzig, 1926 (русский перевод: *Замбарт В.* Современный капитализм. М.; Л., 1931. Т. 1. Полумом 1); *Strieder J.* Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen: Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit. 2. Aufl. München; Leipzig, 1925; *Idem.* Zur Genesis des modernen Kapitalismus: Forschungen zur Entstehung des grösseren bürgerlichen Kapitalvermögens am Ausgang des Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit, zunachts in Augsburg. 2. Aufl. München, 1935.

Между В. Зомбартом и Я. Штридером развернулась острая полемика по вопросу о происхождении «буржуазных состояний», которая, однако, обнаружила в понимании этими учеными процесса генезиса капитализма гораздо больше черт сходства, чем

различий. В методологии тот и другой в одинаковой мере опирались на теорию М. Вебера об «идеальных типах» в экономике и считали достаточным условием для функционирования капиталистического производства сосредоточение в руках капиталистов-предпринимателей денежных средств, достигших определенных масштабов. (Подробнее о полемике Штридера с Зомбартом, а также критику их научных концепций см.: Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV–XVI вв. (По материалам имперского города Аугсбурга) // Проблемы германской истории. Вологда, 1971. Вып. 1. С. 92–99). Методологические принципы концепций Вебера и Зомбарта с марксистских позиций рассмотрены в монографии А.И. Данилова (см.: Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. М., 1958. С. 29–31, 96–112). Критике «грубо-модернизаторской точки зрения Штридера» уделяет значительное внимание и М.М. Смирин (см.: Смирин М.М. К истории раннего капитализма ... С. 8–9, 318–323, 325, 339). О Зомбарте также см.: Гутнова Е.В. Историография ... С. 343–346, 385.

⁹ В отличие от Фридолина Фургера Густав Аубин датирует возникновение системы раздач и вместе с нею начало капиталистического производства в германских землях уже XIV в., а в такой отрасли, как металлообрабатывающая промышленность, даже концом XIII в. (см.: Aubin G. Die Leinenweberzechen in Zittau, Bautzen und Görlitz: Darstellung und Urkunden // JNÖS. 1915. (NF – Bd. 49). S. 588, 596, 618; *Idem.* Zur Geschichte des Verlagssystem in der Periode des Frühkapitalismus // JNÖS. 1927. Bd. 127 (NF – Bd. 72). H. 2. S. 338–339, 341).

¹⁰ Furger F. Verlagssystem als Organisationsformen des Frühkapitalismus in Textilgewerbe. Stuttgart, 1927. S. 6, 59–60, 70.

¹¹ *Ibid.* S. 9, 73.

¹² Ammann H. Die Diesbach-Watt Gesellschaft: Ein Beitrag zur Handelsgeschichte des 15. Jahrhunderts. St. Gallen, 1928; *Idem.* Die wirtschaftliche Stellung St. Gallen im Mittelalter // Aus Sozial- und Wirtschaftsgeschichte: Gedächtnisschrift für Georg von Below. St. Gallen, 1928; *Idem.* Konstanzer Wirtschaft nach dem Konzil // Schriften des Vereins für Geschichte des Bodenseeraumes. Konstanz, 1950. Bd. 60; *Idem.* Untersuchungen über die Wirtschaftsstellung Zürichs im Ausgängen des Mittelalters // Zeitschrift für Schweizerische Geschichte. 1949. Bd. 29. № 3; 1950. Bd. 30. № 4; Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1952. Bd. 2. H. 3.

¹³ Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands: Von der Vorzeit bis zum Ende des Mittelalters. 2. Aufl. München, 1951. S. 291, 299, 300; *Idem.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands vom Beginn des 16. bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. München, 1952. S. 259; Bog I. Wachstumsproblem der oberdeutschen Wirtschaft (1540–1618) // Wirtschaftliche und soziale Probleme der gewerblichen Entwicklung im 15.–16. und 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1968. S. 50, 53–55, 62, 78; Naujoks E. Obrigkeitgedanke, Zunftverfassung und Reformation: Studien zur Verfassungsgeschichte. Stuttgart. 1958. S. 42 ff.

¹⁴ Pitz E. Studie zur Entstehung Kapitalismus // Festschrift H. Aubin zum 80. Geburtstag. Wiesbaden, 1965. Bd. 1. S. 19.

¹⁵ *Endres R.* Zünfte und Unterschichten als Elemente der Instabilität in den Städten // HZ. 1975. Beiheft 4 (NF). S. 154, 159; *Idem.* Zur Einwohnerzahl und Bevölkerungsstruktur Nürnberg im 15.–16. Jahrhundert // Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg. Nürnberg, 1970. Bd. 57. S. 242 ff.

¹⁶ *Ammann H.* Die wirtschaftliche Stellung der Reichsstadt Nürnberg im Spätmittelalter. Nürnberg, 1970. S. 45–48, 70–74, 86, 195–207, 219–222; *Irsiegler F.* Die wirtschaftliche Stellung der Stadt Köln im 14. und 15. Jahrhundert: Strukturanalyse einer spätmittelalterlichen Exportgewerbe- und Fernhandelstadt. Wiesbaden, 1979. S. 28–31, 33–43, 47–50, 319–326.

¹⁷ *Haverkamp A.* Die «frühbürgerliche» Welt im hohen und späten Mittelalter: Landesgeschichte und Geschichte der städtischen Gesellschaft // HZ. 1975. Bd. 221. H. 3. S. 594.

¹⁸ *Abel W.* Wüstungen und Preisfall im spätmittelalterlichen Europa // JNOS. 1953. Bd. 165. H. 5–6; *Idem.* Massenarmut und Hungerkriege im vorindustriell Europa: Versuch einer Synoptis. Hamburg; [West-] Berlin, 1974; *Lütge F.* Das 14.–15. Jahrhundert in der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte // *Idem.* Studien zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart, 1963. Критику взглядов В. Абеля и Ф. Лютге см.: *Мауер В.Е.* Вопросы аграрной истории Германии в освещении буржуазных историков ФРГ // СВ. 1964. Вып. 26. С. 118 след.

¹⁹ *Sabean D.W.* Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges: Eine Studie der sozialen Verhältnisse im südlichen Oberschwaben in Jahren vor 1525. Stuttgart, 1972. S. 39, 100–102.

²⁰ *Sabean D.* Probleme der deutschen Agrarverfassung zu Beginn des 16. Jahrhunderts: Oberschwaben als Beispiel // Revolte und Revolution in Europa ... S. 147–148.

²¹ *Strohmer W., von.* Die Gründung der Baumwollindustrie in Mitteleuropa im Mittelalter: Wirtschaftspolitik im Spätmittelalter. Stuttgart, 1978. S. 70–78, 88–89, 145–146 ff.

²² *Kriedte P., Medik H., Schlumbohm J.* Industrialisierung vor der Industrialisierung: gewerbliche Warenproduktion auf dem Land in der Formalisierung der Kapitalismus. Göttingen, 1977. См. также критику Х. Шульц концепции авторов монографии: *Schultz H.* «Protoindustrialisierung» in der Manufakturperiode: Der Gegensatz von Theorie und Empirie // JbWG. 1977. № IV. S. 187–192; *Idem.* Ländliches Handwerk und ländliche Sozialstruktur um 1800 // JbWG. 1981. Т. XI. S. 11–12.

²³ *Kriedte P., Medik H., Schlumbohm J.* Industrialisierung ... S. 28, 287, 88 ff.

²⁴ *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Очерки по социальной истории немецкого города в XIV–XV вв. М.; Л., 1936. С. 7–8, 323, 101–103. Ср. также: *Она же.* Немецкий город в эпоху Крестьянской войны // Вестник МГУ. Сер. обществ. наук. М., 1950. Вып. 2. С. 53–54.

²⁵ *Полянский Ф.Я.* Отношение цехов к капитализму в период их расцвета // ВИ. 1947. С. 98–113; *Он же.* Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. М., 1955. С. 23–31, 58–62, 126 след.

²⁶ См.: *Вайнштейн О.Л.* История ... С. 133–134.

²⁷ *Смирин М.М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1947. (Изд. 2-е. М., 1955); *Он же.* Очерки политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.

²⁸ *Смирин М.М.* К истории раннего капитализма ... О монографии Смирин автор этих строк подробнее сказал в другом месте (см.: *Некрасов Ю.К.* Проблемы раннего капитализма в Германии в освещении М.М. Смирин // ЕГИ. 1971. М., 1973. С. 438–448).

²⁹ *Этштейн А.Д.* Продовольствие и цены в Аугсбурге в XV–XVI вв. // УЗ МГорПИ. 1941. Вып. 1; *Он же.* Из экономической и социальной истории Аугсбурга в XV и начале XVI века // СВ. 1957. Вып. X; *Он же.* История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961.

³⁰ *Ермолаев В.А.* Франконский город в Крестьянской войне 1525 г. // СВ. 1954. Вып. V; *Он же.* Гейльброннская программа: Программа немецкого радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986.

³¹ *Ястребицкая А.Л.* О развитии капиталистических отношений в книгопечатном производстве немецкого города XV–XVI вв. // Вестник МГУ, 1958. Ист.-фил. сер. № 3; *Она же.* Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании второй половины XV – середины XVI в. // СВ. 1963. Вып. 24; *Она же.* Трускетген и Трускег/Verleger в немецком книгопечатании XV–XVI веков: предприниматели и предпринимательское поведение // Другие Средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича. М., Санкт-Петербург, 2000.

³² *Немилов А.Н.* Первые гуманистические кружки в Нюрнберге и их роль в развитии немецкого гуманизма // УЗ ЛГУ. 1968. № 251. Сер. истор. Вып. 28; *Он же.* Грюневальд: Жизнь и творчество мастера Матиса Нитхарта-Готхарта. Л., 1972; *Он же.* К вопросу о формах раннекапиталистического производства в Нюрнберге // СГ. 1974. Вып. 2.

³³ *Юркина В.И.* К вопросу о положении свободного и присяжного ремесла в Нюрнберге // УЗ МОПИ. 1963. Т. 133; *Она же.* К вопросу юридического и экономического положения подмастерьев города Нюрнберга в средневековье // Там же. 1965. Т. 121. Вып. 5.

³⁴ *Потанина Л.Б.* Организация ремесла во Франкфурте-на-Майне во второй половине XIV – первой половине XV в. // УЗ МОПИ. 1968. № 294.

³⁵ *Майер В.Е.* Роль ростовщического капитала в немецкой деревне XIV–XVI вв. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970; *Он же.* Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой в Германии XIV–XVII вв. // СВ. 1971. Вып. 34; *Он же.* Деревня и город Германии в XIV–XVI вв.: Развитие производительных сил. Л., 1979; *Он же.* Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.

³⁶ *Савина Н.В.* Купеческие компании и общественное движение в Германии первой трети XVI в. // Социальная природа средневекового бюргерства ...; *Она же.* Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.

³⁷ *Фараджеева С.А.* Политика саксонских курфюрстов в горном деле (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Из истории западноевропейского средневековья. М., 1972; *Она же.* К вопросу об эволюции «дирекционного принципа» в горном деле Саксонии XVI в. // СВ. 1977. Вып. 41; *Она же.* Раннекапиталистические отношения в горной промышленности Саксонии во второй половине XVI в. // Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979; *Она же.* Зарождение капиталистических отношений в горном производстве Саксонии в XVI в. // Развитие капиталистической мануфактуры в Англии и Германии XVI–XVII вв. М., 1981.

³⁸ См.: *Майер В.Е.* Деревня и город ... С. 93–110; *Она же.* Социально-экономические сдвиги ... С. 148 след.

³⁹ См.: *Чистозвонов А.Н.* Понятие и критерии обратимости и необратимости исторического процесса (на материале генезиса капитализма) // ВИ. 1969. № 5; *Она же.* Некоторые итоги рассмотрения проблемы генезиса капитализма // СВ. 1971. Вып. 34; *Она же.* О стадийно-региональном изучении буржуазных революций XVI–XVIII вв. в Европе // НИИ. 1973. № 2; *Она же.* К вопросу о стадийно-региональном методе сравнительно-исторического изучения буржуазных революций XVI–XVIII вв. в Европе // Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1985; *Она же.* Генезис капитализма: проблемы методологии. М., 1985.

⁴⁰ *Mottek H.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands: Ein Grundriss. Bd. 1: Von den Anfängen bis zur Zeit der französischen Revolution. 4. Aufl. Berlin, 1964; *Laube A., Steinmetz M., Vogler G.* Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin, 1974; *Norden A.* Herrscher ohne Krone. Berlin, 1975 (русский перевод: *Норден А.* Некоронованные властители. М., 1978).

⁴¹ *Kunze A.* Der oberdeutsche Handelskapital und sächsische Leinwand im 16. Jahrhundert // Meissnisch-Sächsische Forschungen: Zur Jahrtausendfeier der Mark Meissen und des Sächsischen Staates. Dresden, 1929. S. 109, 115, 119, 121–122.

⁴² *Kunze A.* Der Frühkapitalismus in Chemnitz. Karl-Marx-Stadt (Chemnitz). 1958. S. 101, 114–115.

⁴³ *Kunze A.* Zur Geschichte der Nürnberger Textil- und Färbergewerbe vom Spätmittelalter zum Beginn der Neuzeit // BWGN. 1968. Bd. 2. S. 698.

⁴⁴ *Kunze A.* Der Frühkapitalismus ... S. 14, 89–91, 94, 108.

⁴⁵ *Heitz G.* Ländliche Leinenproduktion in Sachsen (1470–1550). Berlin, 1961. S. 61, 111–112.

⁴⁶ *Heitz G.* Gründung, Kapazität und Eigentumsverhältnisse der Chemnitzer Bleiche (1357–1471) // Vom Mittelalter zur Neuzeit ... Berlin, 1956. S. 265–267.

⁴⁷ *Heitz G.* Ländliche Leinenproduktion ... S. 113.

⁴⁸ *Ibid.* S. 16–18, 21, 45–46, 57–59, 110–111.

⁴⁹ *Forberger R.* Die Manufaktur in Sachsen von Ende des 16. Jahrhunderts bis zum Anfang des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1958. S. 21, 22, 24; Anhang. S. 306.

⁵⁰ С такой критикой взглядов Ф. Лютге выступил, в частности, профессор Калифорнийского университета немецкого происхождения Г. Розенберг. Розенберг относит Лютге и его последователей к «старой консервативной школе национальной экономики», объясняющей социально-экономические явления юридическими и идеологическими мотивами. Эта критика направлена не столько против «бактериологической теории», сколько ограничивается выражением неудовлетворенности «крайним юридизмом и волонтаризмом» воззрений историков «старой школы Лютге». Однако Розенберг дает в целом высокую оценку научной деятельности и достижениям «школы социальной истории» и особенно одного из ее идеологов – В. Абеля, в трудах которого он видит, помимо прочего, отражение общих принципов западной цивилизации и «интернациональной атлантической идеи», будто бы получившей последовательное обоснование в трудах этого немецкого историка (см.: *Rosenberg H. Probleme der deutschen Sozialgeschichte. Frankfurt am Main, 1969. S. 81–82, 92–93, 99–100, 106, 123 ff., 132).*

⁵¹ *Maschke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands // Gesellschaftliche Unterschichten in den südwestdeutschen Städten. Stuttgart, 1967. S. 3; Idem. Mittelschichten in deutschen Städten des Mittelalters // Städtische Mittelschichten. Stuttgart, 1972. S. 2–4.*

⁵² *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft und Kirche in Augsburg im Spätmittelalter: Ein Beitrag zur Strukturanalyse der oberdeutschen Reichsstadt. Augsburg, 1971.*

⁵³ *Eitel P. Die oberdeutschen Reichsstädte im Zeitalter der Zunftherrschaft: Untersuchungen zur ihrer politischen und sozialen Struktur unter besonderer Berücksichtigung der Städte Lindau, Memmingen, Ravensburg und Überlingen. Stuttgart, 1970; Idem. Die politische, soziale und wirtschaftliche Stellung des Zunftbürgertums in den oberdeutschen Reichsstädten am Ausgang des Mittelalters // Städtische Mittelschichten ...*

⁵⁴ *Wunder G. Die Sozialstruktur der Reichsstädt Schwabisch Hall im späten Mittelalter // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau Vorträge 1963–1964. Konstanz; Stuttgart, 1966; Idem. Die soziale Struktur der Handwerkschaft in unseren alten Städten // Städtischen Mittelschichten ...*

⁵⁵ *Planitz H. Die deutsche Stadt im Mittelalter: Von der Vorzeit bis zu Zunftkämpfen. Graz; Köln, 1954.*

⁵⁶ *Heer F. Augsburger Bürgertum im Aufstieg Augsburgs zur Weltstadt (1275 bis 1530) // «Agusta 955–1955»: Forschungen und Studien zur Kultur- und Wirtschaftsgeschichte Augsburgs. München, 1955.*

⁵⁷ *Zorn W. Augsburg: Geschichte einer deutschen Stadt. Augsburg, 1955.*

⁵⁸ *Blendinger F. Versuch einer Bestimmung der Mittelschichte in der Reichsstadt Augsburg von Ende 14. bis Anfang des 18. Jahrhunderts // Städtische Mittelschichten ...*

⁵⁹ *Bosl K. Die wirtschaftliche und gesellschaftliche Entwicklung des Augsburger Bürgertums von 10. bis 14. Jahrhundert // SBBA. Philosophisch-Historische Klasse. München, 1969. H. 3.*

⁶⁰ *Hartung J.* Die augsburger Zuschlagsteuer 1475: Ein Beitrag zum städtischen Steuerwesens, sowie der sozialen und Einkommenverhältnisse am Ausgang des Mittelalters // JGVV. 1895. Bd. 19. H. 1; *Idem.* Die augsburgische Vermögensteuer des 16. Jahrhunderts // JGVV. 1895. Bd. 19. H. 4; *Idem.* Belastung des augsburgischen Grosskapitals durch die Vermögensteuers // JGVV. 1898. Bd. 22. H. 1; *Idem.* Die augsburgische Vermögensteuer und Entwicklung der Besitzverhältnisse im 16. Jahrhundert // JGVV. Bd. 22. H. 2; *Idem.* Die direkten Steuer und Vermögenentwicklung in Augsburg von Mitte des 16. bis 17. Jahrhundert // JGVV. 1898. Bd. 22. H. 4.

⁶¹ *Strieder J.* Studien ... S. VIII.

⁶² *Jecht H.* Studien zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte // VSWG. 1926. Bd. 19. S. 52–53; *Idem.* Zur Untersuchung der gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte // Der Stadt des Mittelalters. Bd. 3: Wirtschaft und Gesellschaft. Darmstadt, 1973. S. 217 ff.

⁶³ См.: *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Очерки ...; *Она же.* Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв. М., 1960.

⁶⁴ См.: *Schildhauer J.* Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostok und Weimar im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Weimar, 1959; *Spading K.* Holland und Hanse im 15. Jahrhundert: Zur Problematik des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus. Weimar, 1973.

⁶⁵ См.: *Czok K.* Zur Volksbewegung in den deutschen Städten des 14. Jahrhunderts: Bürgerkämpfe und Antikuriale Opposition // Städtische Volksbewegung im 14. Jahrhundert. Berlin, 1960; *Idem.* Bürgerkämpfe in Süd- und Westdeutschland im 14. Jahrhundert // Jahrbuch für die Geschichte der oberdeutschen Reichsstädte. Esslinger Studien. 1966/67. Bd. 12/13.

⁶⁶ См.: *Чистозвонов А.Н.* Некоторые основные теоретические проблемы... С. 96.

⁶⁷ Подробнее об этом см.: *Некрасов Ю.К.* Эволюция социального строя городов Верхней Швабии и Северной Швейцарии в XIV–XVI вв. // Классы и сословия феодального общества Европы в средние века. М., 1988. С. 207; *Он же.* Эволюция социального строя и отношения собственности в средневековом городе XIV–XVI вв. (на примере Швабии и Швейцарского Союза) // Проблемы эволюции общественного строя и международные отношения в истории западноевропейской цивилизации. Вологда, 1997. С. 54.

⁶⁸ См.: *Кюттлер В.* Город и бюргерство при феодализме: Теоретические проблемы исследования города в ГДР // СВ. 1982. Вып. 45; *Чистозвонов А.Н.* О социальной природе средневекового бюргерства (постановка проблемы) // Там же.

⁶⁹ *Berthold B., Engel E., Laube A.* Die Stellung des Bürgertums in der deutschen Feudalgesellschaft bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts // ZfG. 1973. H. 2. S. 197 ff. Правда, заслуживает внимания и тот факт, что положение, согласно которому победоносное коммунальное движение явилось «решающим условием для формирования средневекового бюргерства как самостоятельного, в себе самом дифференцированного

класса», впервые, по всей видимости, было сформулировано в марксистской историографии ГДР В. Мегдефрау и Г. Фоглером еще в 1972 г. (см.: *Mägdefrau W.* Revolutionäre Kommunalbewegung und gesellschaftliche Fortschritt in Feudalismus, unter regional-gesellschaftlichen Aspekten // WZ Friedrich-Schiller-Universität. Jena. 1972. Bd. 21. H. 2. S. 213; *Vogler G.* Die Dialektik von Klassenentwicklung und sozialen und politischen Bewegung in Feudalgesellschaft Mittel- und Westeuropas von 11. bis 18. Jahrhundert // ZfG. 1972. H. 10. S. 1234–1236). Тезис о превращении средневекового бюргерства в самостоятельный класс феодального общества был распространен с германских земель на исторический опыт всей Западной Европы в статье историка ГДР Э. Уиц (см.: *Uitz E.* Die europäischen Städte im Spätmittelalter: Haupttendenzen der Stadt-Land-Beziehungen von den zweiten Hälfte des 15. Jahrhundert // ZfG. 1974. H. 4. S. 404 ff).

⁷⁰ *Hoffmann H., Mittenzwei I.* Die Stellung des Bürgertums in deutscher Feudalgesellschaft von der Mitte des 16. Jahrhunderts bis 1789 // ZfG. 1974. H. 2. S. 190, 194–195.

⁷¹ *Küttler W.* Zum Problem der Anwendung der marxistisch-leninistischen Klassenbegriffe auf das mittelalterliche Städtebürgertum // ZfG. 1974. H. 6. S. 608–609, 611, 612, 614.

⁷² *Vogler G.* Probleme der Klassenentwicklung in der Feudalgesellschaft // ZfG. 1973. H. 10. S. 1187–1188, 1191, 1194.

⁷³ *Fritze K.* Eigentumsverhältnisse und Charakter des mittelalterlichen Städtebürgertums // ZfG. 1977. H. 3. S. 332 ff.

⁷⁴ *Töpfer B.* Volksbewegungen, Ideologie und gesellschaftlicher Fortschritt in der Epoche des entwickelten Feudalismus: Vom 11. bis 15. Jahrhundert // ZfG. 1977. H. 10. S. 1158, 1159, 1163.

⁷⁵ *Heitz G.* Volkmassen und Fortschritt in der Epoche des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus // ZfG. 1977. H. 10. S. 1169–1170, 1172 ff.

⁷⁶ *Чистозвонов А.Н.* Проблемы истории средневековья на V конгрессе историков ГДР // СВ. 1973. Вып. 37. С. 298.

⁷⁷ *Стам С.М.* Движущие противоречия развития средневекового города // ВИ. 1965. № 7. С. 93 след.; *Он же.* Средневековый город и проблема возникновения нефеодальных форм собственности // СГ. 1974. Вып. 2. С. 35 след.; *Idem.* Die ökonomischen Grundlagen der Herausbildung und Entwicklung der mittelalterlichen Stadt in West- und Mitteleuropa // JbGF. 1977. Bd. 3. S. 73 ff.

⁷⁸ *Негуляева Т.М.* Эволюция земельной собственности в средневековом Страсбурге XII–XIV вв. // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2. С. 176; *Она же.* Некоторые проблемы средневекового города и бюргерства в урбанистике ГДР // СГ. 1978. Вып. 5. С. 151.

⁷⁹ См.: Социальная природа средневекового бюргерства ...

⁸⁰ *Чистозвонов А.Н.* Введение // Там же. С. 3, 9, 11–14.

⁸¹ *Чистозвонов А.Н.* Вместо Заключения // Там же. С. 236.

⁸² *Гутнова Е.В.* Роль бюргерства ... С. 52, 54, 81–82, 70 след. Как полагает Н.Ф. Колесницкий, Е.В. Гутнова, «пожалуй, недостаточно обоснованно обвиняет немецкое бюргерство в том, что оно пособничало политическому партикуляризму и не сыграло активной роли в формировании сословного представительства». На самом деле, как не без основания утверждает Колесницкий, «города участвовали наряду с дворянством, а иногда и шли впереди дворянства, в борьбе против княжеского произвола в финансовых делах, за создание земского представительства» (см.: *Колесницкий Н.Ф.* Политическая борьба ... С. 66, 82 (прим. 22).

⁸³ *Савина Н.В.* Купеческие компании ... С. 226, 204.

⁸⁴ *Oberdeutsche Kaufleute in den ältesten Tiroler Raitbuecher (1288–1370) / Hrsg. von F. Bastian. München, 1931.*

⁸⁵ *Die Augsburger Baumeisterrechnung von 1320–1331 / Hrsg. von R. Hoffmann // ZHV. 1878. Bd. 5.*

⁸⁶ *Lucas Rem. Tagebuch aus den Jahren 1494–1541 / Hrsg. von B. Greiff // Jahresbericht des Historischen Vereins von Schwaben und Neuburg. Augsburg, 1861.* О Лукасе Реме и его деятельности в роли купца и предпринимателя см.: *Welser H., von. Lucas Rem // LB. 1958. Bd. 6. S. 171 ff.*

⁸⁷ *Ruland Otto. Handlungsbuch / Hrsg. von P. Pfeiffer. Stuttgart, 1848.*

⁸⁸ *Inventur der Firma Fugger aus dem Jahre 1527 / Hrsg. von J. Strieder. Tübingen, 1905.*

⁸⁹ *Quellen zur Züricher Wirtschaftsgeschichte: Von den Anfängen bis 1500 / Bearb. von W. Schnyder. Bd. 2: 1481 bis 1500. Zürich; Leipzig, 1937.*

⁹⁰ *Endres Tucher. Baumeisterbuch der Stadt Nürnberg (1464–1475) mit einer Einleitung von F. Weech / Hrsg. von M. Lexer. Stuttgart, 1862.* На записки Эндреса Тухера в отечественной историографии еще в 30-е годы прошлого столетия обратила внимание и использовала их в качестве источника В.В. Стоклицкая-Терешкович (см.: *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Очерки ... С. 174 след.).

⁹¹ *Die Leibgedingtuecher der Freien Reichsstadt Augsburg 1330–1550 // Hrsg. von A. Haemmerle. München, 1958.* Издание «Книг рент» Аугсбурга было осуществлено архивариусом этого города А. Хеммерле. Впервые же акты «Книг рент» были введены в научный оборот Р. Кислингом (см.: *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ... S. 165 ff., 183 ff.*), который привлек и использовал акты казначейства с целью исследования проблемы отношения патрицианских семейств и цеховой верхушки с церковными учреждениями (монастырями, церквями, кафедральным собором и городской богадельней). Кислинг, однако, не уделил в достаточной мере внимания другим сторонам инвестиций бюргерства в ценные бумаги финансового ведомства магистрата.

⁹² *Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. 2. Aufl. Göttingen, 1975. S. 206–207.*

⁹³ *Studien zur Geschichte der Augsburger Zunftverfassung 1368–1548: Anlagen, Urkunden und Aktenstucke / Hrsg. von P. Durr // ZHV. 1913. Bd. 39.*

⁹⁴ Обращаясь к характеристике данного класса источников, трудно согласиться с К. Кцоком, который рассматривает «уркунден» средневековых немецких городов только как продукт законотворческой деятельности и отражения социальных интересов бюргерской верхушки и по существу отвергает участие в нем рядовых горожан (см.: *Czok K. Bürgerkämpfe und Chronistik im deutschen Spätmittelalter: Ein Beitrag zur Herausbildung bürgerliche Geschichtswissenschaft // ZfG. 1962. Н. 3. S. 644*). «Уркунден» и на самом деле издавались или скреплялись авторитетом правящих советов городов, в которых заседали представители патрициата и цеховой верхушки, но в них же отражены интересы и всего полноправного населения городов и каждого бюргера в отдельности. Поэтому нормы городского права, зафиксированные в «уркунден», содержали гарантии прав собственности и обеспечивали защиту от произвола властей любому бюргеру.

⁹⁵ Das Stadtbuch Augsburg, insbesondere das Stadtrecht von Jahre 1276 / Hrsg. von Chr. Meyer. Augsburg, 1879; Urkundenbuch der Stadt Augsburg / Hrsg. von Chr. Meyer. Augsburg, 1879. Bd. 2.

⁹⁶ Die Urkunden der Stadt Kaufbeuren: Stadt, Spital, Pfarrei, Kloster (1240–1500) / Bearb. von R. Dertsch. Augsburg, 1955.

⁹⁷ Ulmisches Urkundenbuch. Bd. 1: Die Stadtgemeinde (von 854 bis 1314) / Hrsg. von P. Preusel. Stuttgart, 1873. Bd. 2. T. 1–2; Die Reichsstadt (von 1315 bis 1356) / Hrsg. von G. Veessenmeyer u. R. Bazing. Ulm, 1898–1900.

⁹⁸ Das ältere Recht der Reichsstadt Isny // WGQ. 1914. Bd. 18.

⁹⁹ Urkundenbuch der Stadt Esslingen // WGQ. 1905. Bd. 7.

¹⁰⁰ Urkunden zur Städtischen Verfassungsgeschichte / Hrsg. von F. Keutgen. Berlin, 1901.

¹⁰¹ Fondaco dei Tedeschi in Venedig und Deutsch-Venetianischen Handelsbeziehungen. Bd. 1: Urkunden / Hrsg. von H. Simonsfeld. Stuttgart, 1887.

¹⁰² Geschichte des mittelalterlichen Handel und Verkehr zwischen Westdeutschland und Italien. Bd. 1: Urkunden / Hrsg. von A. Schulte. Leipzig, 1900.

¹⁰³ Frankfurter Zunfturkunden bis zum Jahre 1612 / Hrsg. von B. Schmidt. Frankfurt am Main, 1914. Bd. 2.

¹⁰⁴ Die Zunftverfassung von 1411–1535 / Hrsg. von E. Ruedi // Schaffhauser Beiträge zur vaterländischen Geschichte. Thangen, 1961. Н. 38. Публикации «Цеховой Грамоты» ее издатель (швейцарский историк Э. Рюди) предпослал краткий очерк о возникновении, развитии и судьбах корпоративного строя ремесла в средневековом Шафхаузене.

¹⁰⁵ Leinengewerbe und Fernhandel der Stadt St. Gallen von den Anfängen bis 1520. Bd. 1: Quellen / Hrsg. von H.C. Peyer. St. Gallen, 1959.

¹⁰⁶ Konstanzer Leinwandgewerbe / Hrsg. von F. Wielandt. Konstanz am Bodensee, 1953.

¹⁰⁷ Das Lehenbuch des Hochstifts Augsburg von 1424 / Hrsg. von H. Vietzen. Konstanz, 1939.

¹⁰⁸ Die Urkunden des Reichsstifts St. Ulrich und Afra in Augsburg: 1023–1440 / Hrsg. von R. Hippler. Augsburg, 1956.

¹⁰⁹ Die Urkunden des Hochstift Augsburg: 769–1420 / Bearb. von W.B. Vock. Augsburg, 1959.

¹¹⁰ Die Urkunden des Heiligsspitals in München: 1250–1500 / Bearb. von H. Vogel. München, 1960.

¹¹¹ Die Urkunden des Schlossarchiv Kronburg: 1366–1829 / Bearb. von Frh. K. von Adrian-Werbung. Augsburg, 1972.

¹¹² Das Rote Buch / Hrsg. von O. Feger. Konstanz am Bodensee, 1949.

¹¹³ Statutensammlung der Stadtschreiber Jorg Vögeli / Hrsg. von O. Feger. Konstanz am Bodensee, 1951.

¹¹⁴ Das Konstanzer Kaufhaus: Quellen / Hrsg. von H. Kimmig und P. Rucher. Lindau; Konstanz, 1954.

¹¹⁵ *Schmidt H.* Die deutschen Städtechroniken als Spiegel des bürgerlichen Selbstverständnisses im Spätmittelalter. Göttingen, 1958. S. 15, 22, 72, 83–34.

¹¹⁶ *Schnith K.* Die Augsburger Chronik des Burkard Zink: Eine Untersuchung zur reichstädtischen Geschichtsschreibung des 15. Jahrhunderts. München, 1958. S. 37, 53.

¹¹⁷ *Menke J.B.* Geschichtsschreibung und Politik in den deutschen Städten des Spätmittelalter // JbKG. 1959. Bd. 33; 1960. Bd. 34.

¹¹⁸ *Czok K.* Bürgerkämpfe und Chronistik ... S. 638–639, 645. См. также рецензию К. Кцока на упомянутое выше исследование Г. Шмидта: ZfG. 1960. H. 12. S. 1204–1206.

¹¹⁹ Die Chroniken der deutschen Städte von XIV. bis XVI. Jahrhundert. Leipzig, 1865 ff.

¹²⁰ Die Chronik der Stadt Augsburg von 1368 bis 1406 mit Fortsetzung bis 1447 // CDS. 1865. Bd. 4 (1).

¹²¹ Die Chronik von der Gründung der Stadt Augsburg bis zum Jahre 1469 // Ibidem.

¹²² *Wahraus Erhard.* Die Chronik der Stadt Augsburg 1126–1445, mit Nachträge aus Jahre 1462 // Ibidem.

¹²³ См.: *Lorenz O.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jahrhundert. Berlin, 1886. S. 100; *Schmidt H.* Die deutsche Städtechroniken ... S. 25.

¹²⁴ *Zink Burkard.* Die Chronik der Stadt Augsburg (1368–1468) // CDS. 1886. Bd. 5 (2).

¹²⁵ *Lorenz O.* Deutschlands Geschichtsquellen ... S. 102, 105.

¹²⁶ *Schmidt H.* Die deutschen Städtechroniken ... S. 11–12.

¹²⁷ *Schnith K.* Die Augsburger Chronik ... S. 56, 83, 72, 75.

¹²⁸ См.: *Maschke E.* Der wirtschaftliche Aufstieg der Burkard Zink (1396–1474) in Augsburg // Festschrift H. Aubin zum 80. Geburtstag. Wiesbaden, 1965. Bd. 1. S. 236 ff.

¹²⁹ См.: *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 202; *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 223–224.

¹³⁰ *Schnith K.* Die Augsburgur Chronik ... S. 87.

¹³¹ *Schmidt H.* Die deutschen Städtechroniken ... S. 36.

¹³² См.: *Смирин М.М.* Очерки ... С. 120 след.

¹³³ Данное обстоятельство побуждает обратить внимание на исследование историка из ФРГ Г. Ангермайера. Согласно его точке зрения, уже к 40-м годам XV в. в крупных имперских городах в среде бюргерской элиты и части средних слоев населения созрело убеждение в возможности реализации политического курса «земского мира» без ангажирования королевской власти, опираясь только на собственные силы. По мнению Ангермайера, Цинк, в основном разделяя эту позицию, в то же время вполне сознавал и понимал, что ориентация на союз с князьями может обернуться для городов утратой не только политического влияния, но и политической автономии и коммунальных «вольностей». Мнение Ангермайера по этому вопросу в целом разделяет и П. Бликле (см.: *Angermeier H.* Königtum und Landfrieden im deutschen Spätmittelalter. München, 1966. S. 406, 421; *Blickle P.* Landschaften und alten Reich: Die staatliche Funktion des gemeinen Mannes in Oberdeutschland. München, 1973. S. 47, 112). Трактовок данного сюжета в отечественной историографии см.: *Гутнова Е.В.* Западноевропейский регион ... С. 290–291.

¹³⁴ *Schnith K.* Die Augsburgur Chronik ... S. 15–16.

¹³⁵ *Zink ...* S. 292 ff.

¹³⁶ *Hector Müllich.* Die Chronik der Stadt Augsburg (1368–1487) // CDS. 1892. Bd. 22 (3).

¹³⁷ *Schnith K.* Die Augsburgur Chronik ... S. 56.

¹³⁸ *Schmidt H.* Die deutschen Städtechroniken ... S. 25.

¹³⁹ О начальной стадии развития в Германии гуманистической культуры, гуманистической историографии в том числе, см.: *Немилов А.Н.* Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979. С. 78–85.

¹⁴⁰ *Müllich ...* S. 218 ff.

¹⁴¹ Die Chroniken der Stadt Konstanz / Hrsg. von Ph. Ruppert. Konstanz, 1890.

¹⁴² См.: примечание 11 к Введению.

¹⁴³ *Wilhelm Rem.* Cronika der newer geschichten // CDS. 1894. Bd. 25 (5). S. 1. Уже в первых строках хроники Вильгельм Рем, формулируя, если так можно сказать, авторское кредо, утверждает, что он намерен писать только о том, что лично сам видел, слышал и знает. По мнению хрониста, для пользы дела следует писать историю не только о «великих», но и «малых историях». Рем тут же заявляет и о своем замысле рассказать о некоторых знатных родах и выдающихся «персонах», но не для того, чтобы воздавать им хвалу (это противно его натуре), а чтобы «открыть правду». Как известно, сам хронист принадлежал к старинному патрицианско-купеческому семейству

Аугсбурга, представители которого активно себя проявляли в банковско-ростовщической, торговой и предпринимательской деятельности и были участниками многих событий.

Рем завершил работу над «Хроникой новых историй» в 1527 г. По религиозно-политическим настроениям и убеждениям его, вероятно, можно отнести к числу сторонников реформационного учения Ульриха Цвингли. Рем подвергал в своей хронике критике феодальный правопорядок, с сочувствием писал о борьбе «простых людей» против католической церкви, Габсбургов, князей, дворян и поддерживал большинство требований программы «Двенадцать статей» швабских крестьян во время Крестьянской войны (см.: *Некрасов Ю.К.* Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // СВ. 1977. Вып. 41. С. 126–127).

¹⁴⁴ *Clemens Sender*. Die Chronik der Stadt Augsburg von den ältesten Zeiten bis zum Jahre 1536 // CDS. 1894. Bd. 23 (4). В отличие от Вилгельма Рема монах-бенедиктинец Клеменс Зендер убежден в незыблемости установленного Богом правопорядка, с осуждением относится к руководителям и рядовым участникам реформационного движения. Он порою прибегает к довольно грубой фальсификации фактов с целью дискредитации любого проявления оппозиции существующему политическому режиму и католической церкви, с плохо скрываемым презрением относится к «простонародью», называя его не иначе, как «чернью» и «плебсом».

В то же самое время труд Зендера, которого еще Ф. Шнабель называл «главой аугсбургских хронистов» (см.: *Schnabel F.* Deutschlands geschichtliche Quellen und Darstellung in der Neuzeit. Bd. 1: Das Zeitalter der Reformation (1500–1600). Leipzig; Berlin, 1931. S. 218 ff.), является ценным источником не только по истории Реформации, но и как политической, так и социально-экономической истории позднесредневекового Аугсбурга. Известно также, что Зендер длительное время поддерживал дружеские отношения с Фуггерами и выступал в роли их ревностного апологета, воздавая особую хвалу этому семейству за приверженность к католической церкви и щедрые «благочестивые пожертвования» в адрес последней.

¹⁴⁵ *Johannes Kessler*. Sabbata mit kleineren Schriften und Briefen / Hrsg. von E. Egli u. R. Schoch. St. Gallen, 1902. Хронику Иоганнеса Кеслера издатели называли «Саббатой», так как автор писал ее в субботние и воскресные дни, когда был свободен от выполнения профессиональных обязанностей цехового мастера-скорняка (см.: *Wegele F.X.* Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten Humanismus. München; Leipzig, 1885. S. 228). О Кеслере также известно, что он обучался в университетах Базеля и Виттенберга, принял активное участие в общественном движении за реформу церкви, выступал в роли «проповедника-мирянина евангелического учения» и читал лекции о Священном Писании горожанам, главным образом цеховым мастерам и подмастерьям (см.: *Schnabel F.* Deutschlands geschichtliche Quellen... S. 232). Он же был одним из ближайших

сподвижников Вадяна в преобразовании церкви и создании «евангелической общины» в родном городе (см.: *Lötscher V.* Der deutsche Bauernkrieg in der Darstellung und im Urteil der zeitgenössischen Schweizer. Basel, 1943. S. 158). Заслуживает внимание и тот факт, что Кеслер испытал влияние идеологии гуманизма (о хронике Кеслера также см.: *Смирин М.М.* Народная реформация ... С. 414; *Некрасов Ю.К.* Городские хронисты ... С. 122–123, 130–131, 135, 138–139; *Steinmetz M.* Müntzsbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971. S. 195–196).

¹⁴⁶ Zimmerische Chronik. 2. Aufl. Bd. 4 / Hrsg. von A. Barack. Freiburg im Breisgau; Tübingen, 1881/82.

¹⁴⁷ *Joachim von Watt (Vadian)*. Deutsche historische Schriften. Bd. 3. St. Gallen, 1874/79. Об этом труде Вадяна также см.: *Näf W.* Vadian und seine Stadt St. Gallen. Bd. 2: 1518 bis 1551: Bürgermeister und Reformator von St. Gallen. St. Gallen, 1957. S. 381 ff.

¹⁴⁸ *Clemens Jager*. Die Chronik der Augsburger Schusterzunft von Erkaufung des Bunthauses (1449) an bis zum Jahre 1532 // CDS. 1929. Bd. 34 (9); *Idem*. Der erbern zunft von Webern herkommen, Chronika und jarbuch (955–1545) // Ibidem.

В 1541 г. Клеменс Егер был назначен секретарем городского совета Аугсбурга и затем в течение двух лет, вероятно, «по совместительству» по поручению правящего совета исполнял также и обязанности первого в истории города архивариуса (см.: *Левинсон К.А.* Чиновники в городах Южной Германии XVI–XVII вв.: опыт исторической антропологии. М., 2000. С. 47).

¹⁴⁹ Клеменс Егер, который хотя и происходил из семьи рядового ремесленника-башмачника и сам какое-то время зарабатывал себе на жизнь занятиями этим ремеслом, сумел, однако, получить гуманистическое образование. В неопубликованном труде – «Книге чести цехового правления» – Егер обнаруживает знакомство с произведениями таких античных авторов, как Цицерон, Фукидид, Плутарх, Тацит и особенно – Тит Ливий – и цитирует их.

Историографическая практика Клеменса Егера еще в начале прошлого века привлекла внимание П. Дирра, а вслед за ним – и Ф. Рота. Правда, Рот сосредоточил внимание главным образом на жизненном пути, карьере чиновника магистрата и лишь в последнюю очередь – на деятельности своего героя как историка (см.: *Dirr P.* Clemens Jager und seine Augsburger Ehrenbücher und Zunftchroniken: Zur Kenntnis der Historiographie des 16. Jahrhunderts // ZHV. 1911. Bd. 36. S. 1–31; *Roth F.* Clemens Jager, nacheinander Schuster, Stadtarchivar und Ratsdiener, Zolleinnehmer und Zolltechniker in Augsburg – der Verfasser des Habsburgisch-Oesterreicher Ehrenwerke // ZHV. 1926. Bd. 46. H. 1. S. 1–75).

¹⁵⁰ Die Chronik der Familie Fugger von Jahre 1599 / Hrsg. von Chr. Meyer. München, 1902.

¹⁵¹ См.: Weberchronik ... S. 172–174.

¹⁵² См.: *Ammann H.* Die Diesbach-Watt Gesellschaft: Urkunden und Register ... S. 3 ff.

¹⁵³ *Langenmantel David*. Historic der Regiments des Heiligen Romischen Reichsstadt Augsburg. Frankfurt; Leipzig, 1725.

¹⁵⁴ *Stetten Paul-altere, von*. Geschichte der Freyen Reichsstadt Augsburg. Frankfurt; Leipzig, 1743.

¹⁵⁵ *Stetten Paul-jungere, von*. Geschichte der adelichen Geschlechter in der Freyen Reichsstadt Augsburg. Augsburg, 1762; *Idem*. Kunst-, Gewerbe- und Handwerkgeschichte der Reichsstadt Augsburg. Augsburg, 1789.



ГЛАВА II

МЕЛКОТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ

Основным содержанием настоящей главы должно стать исследование, прежде всего на материале средневекового текстильного производства Швабско-Швейцарского региона германских земель, процесса возникновения и развития на их еще эмбриональной стадии элементов капитализма и их постепенного превращения в самостоятельный хозяйственный уклад. Попытка установления истоков данного исторического процесса с необходимостью побуждает обратиться к исследованию экономических явлений, которые образуют скорее предысторию, чем собственно историю капитализма. Это было время так называемого раннего капитализма, который сыграл роль переходного моста от средневековой к индустриальной цивилизации. Такая постановка проблемы исследования неизбежно ведет к известной степени абстрагирования от всей совокупности фактов и явлений экономического порядка, а точнее – предполагает рассмотрение лишь тех из этих фактов и явлений, которые были связаны с процессом генезиса капитализма. Поэтому эволюция различных форм цехового и нецехового ремесла принимается во внимание в той мере, в какой она имела отношение к возникновению капитализма. В этой связи необходимо иметь в виду следующие обстоятельства.

Мелкотоварное ремесло (как цеховое, так и нецеховое) оставалось не только господствующей, но и в ряде отраслей народного хозяйства единственной формой производства на протяжении всего XIV и большей части XV в. Это ремесло, обнаружив очевидные признаки кризиса в конце XV в., продолжало, однако, преобладать и в XVI в. Метаморфозы, происходившие со средневековым ремеслом (в границах рассматриваемого в настоящей монографии региона исследования), долгое время и в XVI в. еще не свидетельствовали о переходе к капиталистическому способу производства. Более того, «капиталистическое перерождение» цехового и нецехового ремесла совершается только на рубеже XVI–XVII вв. в экономически наиболее «продвинутых» к рубежам Нового времени городских кантонах Швейцарского Союза. Что касается Швабии, здесь под влиянием как неблагоприятных социально-экономических, так и особенно – политических условий темпы раннекапиталистического развития сильно замедлились, а в некоторых случаях это развитие было даже остановлено, то есть оно, казалось бы, приобрело обратимый характер. Однако процесс стагнации в развитии ранних форм капитализма обнаружил первые признаки

только во второй половине XVI в. и стал вполне очевидным фактом в XVII в. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что замедление темпов развития капитализма и стагнация (или «застой») примитивных его форм отнюдь не означал гибели и исчезновения капиталистической организации производства или возвращения к средневековому (мелкотоварному) его типу. В этом смысле развитие капитализма представляло собою необоримую силу. Прежде всего обратимся к истокам этого движения.

Имеющиеся в распоряжении исследователя источники позволяют поставить и получить ответы на следующие вопросы принципиальной научной значимости. Когда и где в Швабско-Швейцарском регионе впервые возникли производственные отношения в рамках так называемых раздач (Verlagen)? Каковы отличительные черты производственных отношений в рамках системы раздач? Какова роль цеховых контрактов в развитии раннекапиталистических отношений? В каком направлении происходила эволюция социальной структуры ремесла в условиях раннего капитализма? Было ли цеховое ремесло всеобъемлющей формой организации деятельности по производству ремесленных изделий, и какова роль ее внекорпоративных форм (городского нецехового ремесла и сельских промыслов) в процессе генезиса капитализма? Существовала ли в германских землях к исходу Средних веков капиталистическая мануфактура, то есть получила ли реальное воплощение одна из тенденций социально-экономического развития общества? Ответы на эти вопросы позволяют с достаточной степенью достоверности установить: когда, где, с какой «стартовой площадки» и по какому пути началось движение немецкого средневекового города навстречу капитализму и ценностям индустриальной цивилизации.

2.1. ЦЕХОВОЕ РЕМЕСЛО И РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ

В Швабско-Швейцарском регионе германских земель еще на начальном этапе становления средневекового города в качестве центра ремесла и торговли, как это показали современные историки, исключительное значение приобрели различные отрасли текстильного производства (особенно льноткачество), а с середины XIV в. — и бумазейного¹. Географические границы

распространения льноткачества были очерчены районом от Боденского озера на юге до бассейна Леха и Дуная на севере. В Швейцарском Союзе этот район охватывал территории кантонов Санкт-Галлена, Аппенцеля, Тургау и пограничные с ним Шафхаузен и Цюрих. Рапперсвиль, Винтертур и Шафхаузен являлись западной окраиной распространения льноткачества. В Швабии к нему относились все местности от Констанца и Пфуллендорфа на западе до Ландсберга на востоке, от Линдау и Констанца на юге до Ульма на севере. Льноткачество этого региона уже в XIII в. превратилось в экспортную отрасль текстильного производства. Изделия льноткачества, в частности, поставлялись на знаменитые Шампанские ярмарки, а с упадком последних — на ярмарки Франкфурта-на-Майне, где и происходило распределение товарных потоков с изделиями южно-немецкого льноткачества. Причем обращает на себя внимание тот факт, что если льноткачество долгое время развивалось, как правило, в виде сельских промыслов², бумазейное производство с самого начала по преимуществу сосредотачивалось прежде всего на городских предприятиях (Ульма, Аугсбурга, Констанца, Цюриха и других центров).

С развитием льноткачества и других отраслей текстильного производства, особенно с их превращением в промысел экспортной «дальней торговли» (Fernhandel), все эти отрасли постепенно перерастали тесные для них рамки простого товарного производства, и в них возникли условия для развития отношений, которые тем или иным образом оказались связаны с явлениями раннего капитализма. Эти отношения приобретали форму так называемых раздач. Отсюда возникает вопрос: *когда и где* в Швабско-Швейцарском регионе германских земель впервые появились отношения раздач? Чтобы ответить на него, рассмотрим свидетельства источников, сообщающие об этом явлении и позволяющие сделать более или менее обоснованные выводы о *времени и месте* появления отношений раздач.

* * *

В поисках ответа на поставленный выше вопрос обратимся к «Дневнику» Лукаса Рема. Автор «Дневника» пишет, что «... мой прадед (Ганс Рем-старший. — Ю.Н.) продал в 1357 г. все, что имел, и получил за это 500 гульденов. С ними он начал торговлю и во время первой поездки в Венецию потерял товаров на 100 гульденов. Остаток в 400 гульденов он поместил в торговлю хлоп-

ком. Снова и снова он ездил туда и обратно». Рассказ Лукаса не оставляет сомнения, что Ганс Рем начинал свою торговую деятельность с операций с хлопком, которые оказались успешными и позволили ему к 1367 г. нажить большое по тому времени состояние, превысившее 10 тысяч гульденов. Это и дает основание автору «Дневника» сказать о своем предке, что тому «Бог даровал милость и большое счастье – прибыль»³. Современный историограф средневекового Аугсбурга В. Цорн называет Ганса Рема-старшего в числе местных купцов, которые первыми завезли в родной город хлопок и стали его поставлять городским ткачам в качестве сырья для новой текстильной отрасли – бумазейного производства⁴. Вполне возможно также, что как Рем, так и другие аугсбургские торговцы хлопком были обязаны своими богатствами не только купеческой деятельности. Отдаленность рынка сырья и высокие цены на него создавали благоприятные условия для превращения купца если не в раздатчика, то в предпринимателя, авансировавшего мелких ремесленников сырьем и деньгами, заставляя их на кабальных условиях работать на себя. Понятно, что в подчинении у купца оказывались прежде всего ремесленники, которые были менее обеспечены и не обладали достаточным опытом в осуществлении рыночных связей. Не вызывает также сомнения и находит подтверждение в источниках тот факт, что купец, особенно на первых порах, предпочитал иметь дело с деревенскими ремесленниками, которых не защищали цеховые монополии, уставы и регламенты, издаваемые городскими властями. Впрочем, факты (в том числе история знаменитого семейства Фуггеров) красноречиво указывают, что в подобной роли могли выступать также и предпринимательские элементы самой деревни. Последнее обстоятельство заслуживает специального рассмотрения.

В 1367 г. из швабской деревни Грабен в имперский город Аугсбург переселился Ганс Фуггер – основатель рода, оставившего значительный след в истории раннего капитализма не только в германских землях, но и, пожалуй, всей Западной Европы. По свидетельству «Хроники семейства Фуггеров», Ганс Фуггер был богатым человеком еще до переселения в город и оставил своим наследникам значительное по тому времени состояние в 3 тысячи гульденов. Анонимный автор хроники этого семейства утверждает, что Ганс Фуггер еще в родной деревне занимался промыслом с хлопком и пряжей, хотя «вначале, когда вступил в город», в течение нескольких лет лично сам сидел за ткацким

станком, «но вскоре, — по словам того же хрониста, — оставил это дело»⁵. Вряд ли может возникнуть сомнение, что Ганс Фуггер эксплуатировал ткачей и прядильщиков родной деревни Грабен с помощью механизма раздач, затем такую же практику, но в больших масштабах, продолжил и в Аугсбурге. Вполне возможно также, что он делал это путем авансирования мелких производителей сырьем и деньгами. Впрочем, примерно таким же образом действовали и выходцы из рядов цеховых ремесленников.

Путь Фуггеров к богатству вообще не был исключением из правила. Подтверждением тому может служить рассказ хрониста Буркарда Цинка, поступившего в начале XV в. (в 1419 г.) в Аугсбурге на службу к «Иосу Крамеру, который, — по словам Цинка, — был здесь влиятельным человеком, занимая должность баумейстера». И далее о Крамере в хронике сказано: «Хотя он (Крамер. — Ю.Н.) происходил из простого люда ткачей, однако [ручным] ремеслом не занимался, так как *не нуждался в этом* (курсив мой. — Ю.Н.), [поскольку] вел [одну] торговлю пушниной из Штирии, а другую торговлю — хлопком из Венеции. Он имел ежегодно около 100 фарделей (то есть тюков. — Ю.Н.) бумазеи; для него я поставлял весь этот товар в Венецию, Франкфурт-[на-Майне] и Нюрнберг»⁶. Повествование хрониста делает вероятным предположение, что Крамер «раздавал»купаемый в Венеции агентами его торговой компании хлопок цеховым ремесленникам в Аугсбурге, ссужал последних деньгами и скупал у них же готовые изделия или полуфабрикаты. Вполне возможно, что такой практикой Крамер занимался и в деревнях городской округи. Последний тезис находит некоторое обоснование в свидетельствах источников.

Историограф корпорации аугсбургских ткачей Клеменс Егер сообщает, что еще в 1411 г. от цеховых мастеров в магистрат поступили жалобы на то, что местные бюргеры «раздают» в деревнях округи города хлопок, скупая одновременно в этих деревнях у прядильщиков пряжу и готовые изделия — у ткачей, заключая с сельскими производителями контракты и причиняя тем самым непоправимый ущерб большинству цеховых мастеров. Поэтому городские ремесленники в своих жалобах в адрес властей называли такие отношения «вредным обычаем»⁷. Отсюда следует, что в округе Аугсбурга уже к началу XV в. широкое распространение получили такие формы проникновения торгово-ростовщического капитала из города в деревню, с

помощью которых городской капитал подчинял сельских мелких производителей — прядильщиков и ткачей. В роли «агентов» этого капитала мог выступать как переселившийся в город «деревенский ткач» Ганс Фуггер, так и «цеховой мастер» Иос Крамер; оба некоторое время оставались в корпорации городских ремесленников, используя данное обстоятельство к немалой выгоде для себя. При таком варианте в отношении раздач вовлекались как городские, так и деревенские производители.

Во время острого конфликта в 1512 г. магистрата Ульма с местным цехом ткачей, который давно уже вел «неустанную борьбу» против практики раздач, городские власти не только не отрицали самого факта раздач, но и оправдывали их «давностью», так как, по заверениям последних, отношения раздач стали «обычаем» в самом городе и его сельской округе еще «около двухсот лет тому назад»⁸. Если даже принять во внимание относительную точность в датировке членами правящего совета Ульма упомянутого выше исторического явления, все же представляется вполне очевидным, что по крайней мере не позднее середины XIV в. возникли определенные возможности экономического подчинения ремесленников купеческими элементами в бумазейном производстве как Ульма, так и Аугсбурга (и в сельских округах этих городов). Отметим, что к тому же времени (а быть может и более раннему) можно отнести появление таких возможностей и в металлообрабатывающем производстве Нюрнберга⁹. Кроме того, мы располагаем данными о раннем возникновении отношений раздач в северо-восточных кантонах Швейцарского Союза, где также прорастали первые ростки раннего капитализма.

Источники сообщают, что еще в 1304 г. цюрихские купцы «раздавали» дорогостоящий шелк-сырец «итальянского происхождения» ткачихам и прядильщицам, проживавшим как в самом городе, так и в окрестных деревнях¹⁰. Однако здесь развитие отношений раздач носило кратковременный характер. Дело в том, что во второй половине XIV в. шелкоткачество, а вслед за ним и работавшее на экспорт шерстоткацкое ремесло города, приходят в упадок, а Цюрих из центра экспортного производства на некоторое время превращается в экономический центр прилегающей к нему довольно обширной округи с организацией ремесла на традиционной корпоративной основе. Режим цехового ремесла отличался здесь большой устойчивостью и оказался способен выдержать испытание временем.

На основании рассмотренных выше фактов (прежде всего по причине их крайней скудости) нельзя с уверенностью утверждать, что уже в XIV в. эксплуатация ремесленников с помощью механизма раздач указывала на перерастание этого механизма в систему. По всей видимости, тогда в большинстве случаев все же преобладали кабальные формы авансирования мелких производителей, которые не так-то легко отличить от самой формы раздач, определенно являвшейся причиной конфликта магистрата Ульма с местной корпорацией ткачей в начале XVI в. Явления в экономической жизни Швабии и северо-восточных территорий Швейцарского Союза, на основании которых современные западные исследователи (а равным образом и некоторые историки-марксисты) датируют возникновение системы раздач и вместе с этим раннекапиталистических отношений еще XIV в., по более вероятной версии, свидетельствуют в первую очередь о развитии различных форм авансирования купеческим капиталом мелких товаропроизводителей города и деревни, то есть эти отношения по преимуществу представляли собою примитивные формы коммерческого кредита, которые предшествовали появлению капитализма как такового. Возникающие под воздействием авансирования купцами мелких производителей производственные отношения и кабальная зависимость мелких ремесленников от купцов-предпринимателей еще не могут быть безоговорочно отнесены к явлениям раннего капитализма, так как они скорее образуют одно из важнейших условий его возникновения и свидетельствуют о начавшемся процессе преобразования цехового ремесла и других форм мелкотоварного хозяйства в простую производственную кооперацию. Однако только в XV в. отношения раздач обнаруживают признаки постоянно действующего фактора в экономической жизни общества.

* * *

Источники позволяют с большой степенью достоверности сказать, что по мере развития общественного разделения труда, которое прежде всего выразилось в том, что прядение все более сосредотачивалось в деревне, а отделочные операции — побелка, крашение и аппретура тканей — на особых городских предприятиях, явления раннего капитализма набирали силу и укоренялись в экономической жизни общества. Ткачи, рано отказавшиеся от занятий прядением, в большинстве своем не были

в состоянии довести до конца производственный цикл и вынуждены были продавать «грубые необработанные ткани». Уже регламент, изданный около 1400 г. советом города Исни, небольшого, но важного центра средневекового текстильного производства, стремится оградить интересы ремесленников, которые производят ткани в принадлежавших им же мастерских и самостоятельно продают их на рынке. Тот же регламент противопоставляет таких производителей как тем, кто занимается перепродажей произведенных другими ремесленных изделий, так и тем, кто рассчитывается с кредиторами тканями собственного производства¹¹. Данный регламент по существу имеет в виду три категории участников производственного процесса: 1) самостоятельных товаропроизводителей; 2) купцов, авансирующих ремесленников сырьем и деньгами; 3) ткачей, работающих на кабальных условиях на раздатчиков. Производителей третьей категории уже нельзя назвать товаровладельцами в узком смысле этого слова, так как их изделия, минуя «вольный» рынок, оказываются в руках предоставивших им сырье купцов-раздатчиков, которые присваивают не только торговую прибыль, но и при определенных условиях – и прибавочную стоимость, создаваемую трудом мелких ремесленников. Причем кредитор (купец или банкир-ростовщик), естественно, не принимает участия в производстве «ручным» трудом, выполняя лишь некоторые организаторские функции.

Отношения авансирования мелких производителей деньгами и раздач сырья купцами и цеховой верхушкой лишь постепенно приобретали черты и качества, позволяющие относить их к явлениям раннего капитализма. Первой такой чертой был устойчивый и постоянный характер отношений раздач, который они приобрели на территории Швабии и сопредельных с нею кантонов Швейцарского Союза лишь со второй половины XV в. В этой связи несомненный интерес представляет рассмотрение материалов по экономической истории центров позднесредневекового текстильного производства упомянутых выше территорий. Это позволит установить как черты своеобразия отношений раздач в отдельных городах и их сельских округах, так и приблизиться к установлению некоторых общих закономерностей перехода позднесредневекового ремесла от мелкотоварного (простого товарного) производства к типу предприятий, которые уже были организованы на новой раннекапиталистической основе.

Явления, о которых речь шла выше, возникли в ремесленном производстве в новой для южно-немецких земель отрасли, какой с XIV в. стало бумазейное производство, а затем распространились и на традиционное льноткачество. В этой связи обратимся к примеру Констанца, крупного торгового и долгое время значительного центра льноткацкого производства Озерного края. В Констанце с конца XIV в. происходила ожесточенная борьба цеховых ремесленников и торговцев с городским магистратом. Активное участие в этой борьбе неизменно принимали местные ткачи, занимавшиеся главным образом производством льняных тканей. В 1431 г. цеховое бюргерство потерпело поражение, после которого корпорация льноткачей была закрыта, входившие в нее ремесленники «приписаны» к другим цехам, а их деятельность поставлена под неусыпный контроль магистрата¹². Заслуживает внимания и тот факт, что здесь между городом и деревней сложились тесные экономические связи, так как большую часть пряжи для городских ткачей производили крестьяне Озерного края¹³. Власти Констанца также использовали свои судебно-административные права, чтобы заставить крестьян своей округи заниматься прядением¹⁴. Именно в этой обстановке острых социальных конфликтов, с одной стороны, и подъема текстильного производства, — с другой, развернулась кипучая деятельность констанцкого бюргера Ульриха Имхофа¹⁵. Чем же она была примечательна?

Об Имхофе известно, что он был красильщиком по профессии и владельцем красильной мастерской, но в 20-е годы XV в. перешел к деятельности скупщика и раздатчика. Он скупал повсюду в больших количествах пряжу, поставлял ее лично сам или с помощью своих агентов в Констанц и «раздавал» ее всем, кто желал перерабатывать эту «пряжу в ткани за плату». О масштабах предпринимательской деятельности Имхофа свидетельствуют следующие факты. Одному только Мунпрату, представлявшему интересы «Большой Равенбургской компании»¹⁶, он продал льняных тканей на сумму в 20000 гульденов, а в момент банкротства торговой компании Имхофа в 1435 г. ее задолженность кредиторам достигла весьма крупной по тому времени суммы в те же 20000 гульденов. Имхоф скупал также «грубые ткани» в Линдау, Исни, Биберахе и Рапперсвиле, поставляя их на «досмотры» (schau) в Констанц, откуда вывозил эти ткани в красильные и белильные предприятия Линдау и Равенсбурга, а затем продавал их на международных рынках и

ярмарках Франкфурта-на-Майне, Венеции и даже Вены. Ульрих Имхоф вел также торговлю на ярмарках Нердлингена, Цурцаха, Базеля и «по всей Швабии». Однако главным направлением его торговой деятельности была магистраль Франкфурт — Венеция. В Венеции он закупал не только специи, но и хлопок, красители (главным образом индиго). Предприимчивый констанцский бюргер за сравнительно короткое время (примерно в течение пятнадцати лет) сумел нажить крупное состояние. Деятельность Имхофа постоянно вызывала недовольство цеховых ремесленников, которые жаловались властям на то, что Имхоф, посягая на монополию корпорации ткачей, будто бы «совершенно их разорил», отчего они утратили «всякую самостоятельность». Еще в 1423 г. Имхоф был вызван на заседание правящего совета Констанца, где ему было предложено дать отчет о своих действиях. В ответе ратманам Имхоф назвал себя купцом, который не нарушает регламентов о городском ремесле, торговле и предписаний магистрата о «заповедной зоне», закупая пряжу только за ее пределами — «в других местах». Вместе с тем объяснения Имхофа не в состоянии скрыть того очевидного факта, что на самом деле он выступал в роли организатора производства, основой которого являлись раздачи сырья ткачам и скупка у них же готовых изделий или полуфабрикатов. Банкротство компании Имхофа нанесло сильный удар по отношениям раздач, которые констанцким купцам и предпринимателям удалось восстановить лишь в конце XV в., но в меньших масштабах и в условиях кризиса местного льноткачества, выходом из которого теперь могла стать только реорганизация производства на мануфактурной основе. Однако время такого преобразования в Констанце и Озерном крае еще не наступило и в конце XV в.

Деятельность Имхофа носила характер, пусть весьма выразительного, но частного эпизода, хотя и бросающего достаточно яркий свет на все общественное производство начала XV в. Наиболее яркой отличительной чертой этого производства была его многоукладность. К началу XV в. крестьянские хозяйства Озерного края и сопредельных с ним территорий еще не преодолели натурального уклада. Однако к тому времени стали очевидными успехи мелкотоварного производства в цеховом ремесле в городах и сельских промыслах. Особенно значительны были успехи в отраслях текстильного производства, работавших на массового потребителя. Более того, в них сложились предпосылки для перехода к новой, отличной от средневековой,

организации производства в виде капиталистической кооперации. Зарождению элементов последней в значительной степени способствовало развитие международной европейской торговли¹⁷, которая превратилась в важнейший рычаг перехода к этим новым формам производства. Все эти факторы использовал в своей практической деятельности Ульрих Имхоф: он, с одной стороны, опирался на предшествующий его деятельности опыт общественного разделения труда, с другой – вовлекал натуральные и полунатуральные хозяйства деревни в систему рыночных отношений.

В то же самое время история предприятия Имхофа побуждает задаться вопросом, в какой мере его деятельность носила капиталистический характер. В. Зомбарт, приписывая происхождение капитализма «капиталистическому духу» и довольно произвольно в методологическом отношении трактуя проблему раннего капитализма в целом, в оценке конкретных явлений в экономической жизни средневекового общества проявляет порою большой реализм. «Многие историки средневековой текстильной промышленности, – утверждает он, – приходили к ошибочному заключению, что там, где, например, торговец сукном заставляет ткать «для себя», уже имеется налицо «капиталистическая организация»», тут же не без основания отмечая, что «работа на других, исполняемая за заработную плату, вполне может сочетаться с ремесленной организацией»¹⁸. В данном случае Зомбарт, вполне возможно, прав: капиталистическая эксплуатация купцом-предпринимателем мелкого производителя, по всей видимости, начинается только там и тогда, когда имеет место присвоение первым прибавочной стоимости, создаваемой трудом второго. Имхоф вряд ли может быть назван капиталистом-промышленником в собственном значении этих слов, поскольку он в первую очередь выступает в роли скупщика готовых изделий или полуфабрикатов у городских и деревенских ремесленников¹⁹ и только во вторую – инвестирует средства, с помощью механизма раздач, в само производство. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что В.И. Ленин, опираясь на исторический опыт Пореформенной России и определяя роль скупщика в процессе генезиса капиталистических отношений, указывает на настоятельную необходимость «подробно и тщательно изучать, как *хозяйничает* скупщик, как складывается его капитал ...», имея при этом в виду не только торговую деятельность скупщика, но и его отношение к производству, в том

числе количество занятых им наемных рабочих и осуществляемое на принадлежащих ему предприятиях разделения труда. «Только такое экономическое исследование, – по словам Ленина, – может дать точный научный ответ на вопрос о том, что такое скупщик, на вопрос о значении его в историческом развитии промышленного товарного производства»²⁰. О деятельности Имхофа поэтому вполне определенно можно сказать, что она, предвосхищая капиталистическое предпринимательство, носила относительно скоротечный (около пятнадцати лет) характер и завершилась в конце концов банкротством. К тому времени, когда совершалась его деятельность, в самом общественном производстве еще не созрели условия для преобразования этого производства на капиталистической, точнее – мануфактурной, основе. Однако, образно выражаясь, семена, которые посеял Имхоф, упали в благодатную почву и дали обильные всходы. Банкротство Имхофа хотя и нанесло существенный урон развитию отношений раздач в Констанце, в то же самое время не означало летального исхода явлений раннего капитализма ни в Озерном крае, ни, тем более, в германских землях в целом. Эти явления, понеся потери в одном месте, набирали силу в другом.

Дело в том, что в льноткачестве, ориентированном на сбыт изделий на отдаленных от мест производства рынках, складывались условия для успешной деятельности крупных торговых компаний. Одним из самых значительных предприятий во второй четверти XV в. была компания Дисбахов. Пайщиками этой компании являлись бюргеры Санкт-Галлена, Берна, Базеля, Нюрнберга и Бреславля, а ее фактории находились в Женеве, Авиньоне, Барселоне, Валенсии и Сарагоссе на западе; в Венеции и, вероятно, Генуе – на юге; в Праге, Познани и Кракове – на востоке²¹. На вопрос, являлись ли отношения раздач основной организации полотняного производства Санкт-Галлена уже в первой половине XV в., трудно дать однозначный ответ. Кристоф фон Дисбах концом 20-х – началом 30-х годов этого столетия датирует свой рассказ о том, как однажды к бернскому патрицию и купцу Клаусу фон Дисбаху пришли братья Ватты (Петер и Хур) из Санкт-Галлена, которые в то время будто бы были рядовыми торговыми служащими и, как утверждает автор хроники, едва ли обладали средствами даже в 50 гульденов, и предложили создать новую компанию. По мнению братьев, компания должна была организовать сбыт санкт-галленского полотна на «дальних рынках» – т.е. в центрах международной

торговли того времени. Предложение Ваттов было принято, и вскоре учрежденная компания развернула активную деятельность. Она скупала льняные ткани во владениях Санкт-Галленского аббатства, Озерном крае и Верхней Швабии, «дорабатывала» эти ткани до соответствующих стандартов «экспортного ремесла» и продавала их на различных европейских рынках. Эта деятельность принесла пайщикам компании, как утверждает Кристоф фон Дисбах, большую прибыль²². Однако для решения вопроса о структуре ремесла и характере полотняного производства в Санкт-Галлене необходимо рассмотреть свидетельства источников, проливающих дополнительный свет на явления раннего капитализма в данной отрасли.

Материалы по истории этой отрасли содержат выразительные свидетельства как о практике скупки купцами и зажиточными цеховыми мастерами пряжи, так и о тщетности усилий по пресечению такой практики, которые предпринимались городскими властями по требованию большинства цеховых ремесленников. В постановлении магистрата Санкт-Галлена, которое было принято 24 января 1498 г., запрещалось скупать пряжу в Куре, долине Некара и Верхнего Рейна, Кобельштейне и продавать ее на местном рынке²³. На одном из своих заседаний в 1463 г. магистрат рассмотрел вопрос о деятельности агентов компаний (*gepner*), занимавшихся скупкой пряжи по преимуществу в сельской округе Санкт-Галлена и других городов. Власти Санкт-Галлена запрещали владельцам торговых фирм нанимать на службу таких скупщиков²⁴. 18 декабря 1505 г. правящий совет города рассмотрел вопрос о порядке торговли текстильными изделиями и вновь запретил торговым компаниям нанимать агентов по скупке пряжи²⁵. Аналогичное постановление он принял и 13 марта 1531 г.²⁶ Тот факт, что запреты городскими властями скупок регулярно повторялись, ставит под сомнение их эффективность. Несколько иную направленность имел декрет правящего совета от 18 марта 1482 г., осуждавший практику поставок на дом производителей тканей «деревенской пряжи» (*gawgarn*)²⁷. В отличие от рассмотренных выше казусов, в которых отражена деятельность купцов-скупщиков готовых изделий, здесь речь идет о поставках сельскими прядильщиками, минуя городской рынок, пряжи цеховым мастерам-ткачам. Поэтому есть достаточные основания полагать, что практикой скупки пряжи занимались как купцы-предприниматели, так и зажиточные цеховые мастера. Причем последние могли это де-

лать в целях использования скупленной пряжи в собственных мастерских или для того, чтобы «раздавать» ее как нуждающимся членам своей же корпорации, так и нецеховым городским и деревенским ремесленникам-ткачам. Обычно практика скупки пряжи была тесно связана с деятельностью капиталистов-раздатчиков или даже являлась ее продолжением.

14 октября 1477 г. на заседании правящего совета Санкт-Галлена была рассмотрена жалоба мастеров корпорации ткачей. Цеховые ремесленники утверждали, что контракты, обязывающие их поставлять ткани купцам, «являются для простого человека большим отягощением». Но совет наотрез отказался предпринимать какие-либо действия по этой жалобе и подтвердил право каждого ткача, его сыновей и даже подмастерьев поставлять купцам тиковые ткани собственного производства²⁸. Таким образом, мы имеем дело с подчинением купеческим капиталом мастерских цеховых ремесленников и с эксплуатацией купцами-предпринимателями не только владельцев этих мастерских, но также подмастерьев и членов семей цеховых мастеров.

В постановлении от 21 мая 1511 г. «О ремесле ткачей», повторявшем «из слова в слово» текст принятого еще в предшествующем столетии (1438 г.) устава корпорации, городской совет запрещал кому-либо «вторгаться» в сферу монополии ремесленников-ткачей, скупать пряжу и «раздавать» ее производителям. Декрет магистрата в то же время разрешал любому жителю города производить пряжу «по контрактам» с мастерами цеха ткачей («кто, сколько сможет») и по одной штуке полотна в год «на открытый рынок». Примечательно, что власти по сути дела отказывались от осуждения и запрещения практики раздач, ограничивая свои требования к раздатчикам обязательным предоставлением приобретенных ими тканей на городские досмотры и внесением в городскую казну соответствующих платежей²⁹. Это свидетельствует о том, что к началу XVI в. производственные отношения в позднесредневековом полотняном производстве Санкт-Галлена уже вполне сложились в систему раздач. Такой вывод находит подтверждение в принятых 1 марта 1512 г. правящим советом города «дополнениях» к цеховым уставам 1438 и 1511 гг. В одной из статей «дополнений», предоставляющей право каждому из нецеховых ремесленников производить на «вольный рынок» только по одной штуке тканей в год, но делается следующая оговорка: если эти ремесленники работают «за плату», то есть фактически на

раздатчиков, то они могут производить по три штуки тканей в год³⁰. Для этих ремесленников и членов их семей работа на предпринимателей-раздатчиков порою была единственной возможностью свести концы с концами и не умереть от голода. Отсюда следует, что на дорогу наемного труда городскую бедноту загоняла прежде всего безысходная нужда.

О связи практики скупки пряжи с ее раздачами производителям имеются сведения в источниках, относящихся еще к первой половине XV в. Такой ход развития льноткачества породил протесты и недовольство цеховых ремесленников. В уже упоминавшемся выше постановлении магистрата Санкт-Галлена от 24 марта 1438 г. сказано, что в корпорации ткачей «возникли некоторые заблуждения и непослушание», причиной которых ратманы называют деятельность скупщиков и раздатчиков, которые обычно выступают в одном лице. Деятельность последних привела к тому, что многие ремесленники, оказавшись у них в долгу, теперь обязаны «отработать свой долг» и поставить кредиторам ткани³¹. Протокол заседания правящего совета города имеет в виду деятельность скупщиков пряжи, которые закупали пряжу вдали от городских стен и на кабальных условиях авансировали ею цеховых ремесленников.

Разработанные магистратом Санкт-Галлена в 1508–1509 гг. «установления» о прядильном и ткацком производствах, оптовой торговле пряжей, полотном и хлопком, разрешая купцам, независимо от того, являлись они пайщиками компаний или нет, поставлять работавшим на них ткачам пряжу, запрещали, однако, тем же купцам прибегать к расчетам с мелкими производителями «другими купеческими товарами»³². Отсюда можно сделать вывод, что раздачи сырья, возникшие в санкт-галленском льноткачестве, вероятно, еще в первой половине XV в., сначала являлись одной из форм подчинения мелких производителей торгово-ростовщическим капиталом. Только с 70-х годов XV в. эти отношения перерастают в систему раздач и к началу XVI в. приобретают прочную и постоянную связь с явлениями раннего капитализма. При этом отношения раздач в том же Санкт-Галлене в начале XVI в. имели место и в других отраслях городского хозяйства³³.

Источники содержат также достаточно выразительные свидетельства о характере предпринимательской деятельности представителей патрицианско-купеческой и цеховой верхушки Санкт-Галлена. Эти свидетельства источников заслуживают

специального рассмотрения по той причине, что они позволяют уточнить и расширить наши представления о магистральном направлении экономического развития позднесредневекового города, роли и месте в этом развитии отношений раздач и явлений раннего капитализма.

Предпринимательская деятельность уже упомянутых выше братьев Петера и Хуга фон Ваттов, основателей одной из крупнейших в юго-западном регионе германских земель в XV в. торговой компании, еще в 1421 г. была тесно связана с участием в откупках у местного аббата феодально-регальных привилегий³⁴. Но их деятельность вскоре приобрела и новые черты, о чем свидетельствует следующий эпизод. 21 января 1433 г. совет Санкт-Галлена отдал в заклад Хугу фон Ватту покосы в Энгенфурте на берегу Зиттера вместе с пастбищем и участком луга в Гмюндере. К тому же, Ватт получил право на постройку на этой земле лесопильни и слесарной мастерской, а напротив городских стен – предприятия по производству строительного кирпича и добычи здесь же глины³⁵. Приобретения Хуга представляют интерес прежде всего по той причине, что они открывали перед ним перспективу предпринимательской деятельности, по всей видимости, и в текстильном производстве, поставляя для его нужд, в частности, ткацкие станки. В этой связи обратимся к тексту постановления магистрата Санкт-Галлена от 1511 г., которое было принято по жалобе городских столяров и плотников. В этом постановлении власти, провозглашая монополию цеховых ремесленников, исключили, однако, из-под ее действия, аргументируя это ссылкой на «давность обычая», производство рам для растяжения полотен, ткацких станков, валков и вообще всего, что относится к текстильным ремеслам, разрешая заниматься этими видами деятельности «каждому, кто захочет»³⁶. Вполне возможно, что именно эту перспективу имел в виду Хуг фон Ватт, заключая сделку с магистратом родного города еще в 1433 г. Вполне очевиден и тот факт, что соглашения Ваттов с аббатом и городскими властями, а также их практика в качестве купцов-экспортеров, если еще и не означали перехода от феодально-корпоративного по своему характеру предпринимательства к капиталистической деятельности, то по крайней мере подготавливали почву для такого перехода.

Материалы по истории полотняного производства Санкт-Галлена указывают на то, что деятельность предпринимательских элементов здесь особенно активизировалась с 70-х годов

XV в. 6 февраля 1477 г. на заседании городского совета был вызван некий Акерман, который «признал, что вне [города] обменял [пряжу на] тиковую ткань и поставил ее [затем] в Арбон, за что был оштрафован на 1 фунт пфеннигов»³⁷. Причем Акерман, о чем можно утверждать на основании текста судебного вердикта, был наказан не за деятельность раздатчика, а за осуждаемую властями практику вывоза грубых тканей в белильное или красильное производство Арбона. Этот центр текстильного производства к тому времени освободился от экономической зависимости Санкт-Галлена, превратился в самостоятельный центр льноткачества и вместе с тем – в опасного конкурента последнего. В этой связи обращает на себя внимание декрет правящего совета Санкт-Галлена, изданный 27 марта того же года, который официально предоставлял ткачам право поставлять «купцу или кому-либо другому» грубые холсты, подразумеваемая под этими «другими» прежде всего зажиточных цеховых мастеров. Из текста данного декрета следует, что в роли поставщиков полотен и грубых льняных тканей выступали: во-первых, бедные цеховые ремесленники, для которых это уже давно стало обычным явлением; во-вторых, мастера, которые еще вчера «имели обыкновение поставлять полотна на открытый рынок»; в-третьих, нецеховые ремесленники-ткачи, производившие в течение года от одной до трех штук тканей, получая за них, кроме денег, также и пряжу³⁸. Именно в этой обстановке подчинения предпринимательскими элементами цеховых и нецеховых производителей и развивалась предпринимательская деятельность санкт-галленского бюргера Акермана.

На заседании городского суда в 1480 г. ткач по фамилии Швицер в своих показаниях утверждал, что однажды к нему пришел упомянутый выше Акерман, предложил заключить сделку о приобретении «одной штуки белого полотна» и попросил Швицера заявить властям о заключенном между ними договоре. Затем они вместе отправились в «кладовую Цолликофера», где Акерман высказал намерение закупить за 10 или 12 гульденов все полотно, которое Цолликофер может соткать в течение года. Когда во время переговоров, однако, выяснилось, что все полотно Цолликофера «заложено» и принадлежит Рудольфу Меттели (одному из пайщиков «Большой компании» из Равенсбурга), Акерман предложил выкупить долговое обязательство Цолликофера и предоставить ему кредит деньгами и жилище³⁹. Этот эпизод примечателен тем, что в нем тесным образом

переплелась роль скупщика и банкира-ростовщика с зачатками капиталистического предпринимательства. Дело в том, что Акерман инвестировал денежные средства не только в торговлю, но и, о чем свидетельствуют источники, в завершающую стадию технологического цикла – белильное производство. Это уже было началом трансформации торгово-ростовщического капитала в промышленный.

Судебные материалы 1480 г. сообщают также о некоем Майере, который занимался скупкой у ремесленников грубых полотен и вывозил эти полотна «для доработки» (в белильное и красильное производства) небольшого городка Бишофцель. Причем власти Санкт-Галлена возбудили против Майера судебное преследование не за деятельность скупщика, а за попытку вывоза тканей из Санкт-Галлена без уплаты пошлины⁴⁰. Через четырнадцать лет (весной 1494 г.) совет наложил штраф в 5 фунтов пфеннигов на того же Ульриха Майера, который назван в судебном приговоре «розничным торговцем тканями». Наказание последовало за то, что он продал в своей лавке 4 штуки «голубых тканей», подлежащих вывозу из города⁴¹. Но прошло немногим более года, и магистрат разрешил тому же Майеру (15 июня 1495 г.) рядом со своим домом построить «две рамы» (zwo mengin) для растяжения и аппретуры тканей⁴². Следовательно, источники рисуют образ скупщика и торговца, который инвестировал денежные средства в организацию завершающей стадии операций производственного цикла. Такие инвестиции можно рассматривать в качестве своего рода «стартовой площадки», с которой совершался переход к капиталистическому предпринимательству. С другой стороны, очевиден и тот факт, что санкционированная властями постройка в городской черте и использование розничным торговцем тканями Майером рам для растяжения полотен являлось грубым нарушением монопольных прав корпорации городских ткачей.

Материалы городского суда сообщают также о том, что 5 декабря 1486 г. Ганс Прендлер был оштрафован за то, что будто бы ткал полотно из «чужой пряжи»⁴³. Однако в выступлении на заседании правящего совета 27 марта 1489 г. старшина корпорации ткачей Отмар Бюрер назвал «ткача Прендлера» близким родственником бургомистра Санкт-Галлена, который «ручным ремеслом не занимался» и «высокомерно» относился к коллегам по корпорации⁴⁴. Отсюда можно заключить, что Прендлер занимался торговлей и предпринимательской деятельностью,

хотя формально не порвал с цехом городских ремесленников. Поэтому есть основания полагать, что на самом деле Прендлер был капиталистом-раздатчиком и эксплуатировал труд фактически наемных работников как из числа «бедных мастеров» корпорации ткачей, так и нецеховых мелких производителей.

Рассмотренные выше факты указывают на то, что в экономическом развитии Санкт-Галлена уже в XV в., особенно с конца этого столетия, явно обозначились радикальные перемены, которые в конечном счете выразились в зарождении капиталистических производственных отношений. Еще более интенсивно эти отношения развивались в начале XVI в., когда система раздач и зачаточная форма капиталистической мануфактуры рассеянного типа превратились в фактор реальной действительности и составной элемент экономической структуры городского хозяйства. Правомерность такого вывода находит подтверждение по крайней мере в свидетельствах источников относительно ведущей его отрасли — льноткацкого производства. В условиях острого кризиса и быстрого разложения самой основы корпоративного городского ремесла и возникновения явлений раннего капитализма совершался переход к капиталистическому предпринимательству, которое, однако, долгое время было тесным образом связано с феодально-корпоративными формами экономической деятельности. Тормозился процесс и традиционными нормами поведения самих предпринимательских элементов. Все это объясняется не только живучестью традиционных норм, но и очевидным фактом преобладания купеческо-ростовщического капитала над промышленным на начальной стадии развития раннего капитализма.

Для характеристики отношений, свидетельствующих о разложении цехового ремесла и зарождении элементов раннего капитализма, или, точнее сказать, условий, непосредственно предшествовавших их развитию, представляют большой интерес регламенты Исни. Правящий совет этого города еще в своем распоряжении от 14 июля 1430 г. предписывал ткачам продавать свои изделия в розницу и за наличный расчет и запрещал скупать эти изделия оптом⁴⁵. В требовании, чтобы ткачи продавали свои изделия в розницу и под контролем магистрата, выражено скрытое осуждение деятельности скупщиков, которые, приобретая ткани оптом, «отрезали» мелкого производителя от рынка сбыта и подчиняли своей власти. Через несколько лет (в 1434 или 1435 г.) магистрат Исни разработал устав корпорации

ткачей и объявил причиной этого мероприятия острые разногласия среди ремесленников. О характере этих разногласий «в цехе ткачей» можно судить на основании текста регламента. Городские власти, прокламируя право членов корпорации ткачей самостоятельно вести торговлю в Кемптене и на других местных рынках, в то же время категорически запрещали поставлять им свои изделия «по договору» с кем-либо и получать авансы от кредиторов под заклад «изделий своего ремесла». Тот же, кто действовал вопреки букве и духу этого запрета, должен был заплатить крупный денежный штраф, одна половина которого поступала в городскую казну, другая – в кассу корпорации⁴⁶. Отсюда можно заключить, что в Исни отношения раздатчи стали обычным явлением и привлекли внимание властей еще в конце 20-х годов XV в. Уже тогда местные купцы и зажиточные цеховые мастера вступали в эти отношения в первую очередь с «бедными ткачами», которые, чтобы свести концы с концами, вынуждены были брать авансы деньгами и закладывать ремесленные изделия, впадая таким образом в экономическую зависимость от раздатчиков.

Производственные отношения в рамках отношений раздатчи приобретают, однако, устойчивый характер только с конца XV в. в условиях экономического подъема, который переживали германские земли, в том числе территории Верхней Швабии и городских кантонов Швейцарского Союза. Развитие отношений раздатчи вызывает противодействие со стороны основной массы цеховых ремесленников, стремившихся создать на их пути непреодолимые преграды. Выразителен в этой связи пример того же Исни. Устав корпорации ткачей этого города (1482 г.) жестко утверждает, что «никто не должен за другого представлять на досмотры ни одной штуки тканей, которые не были сотканы здесь, в нашем городе». Поэтому возможно предположение, что некоторые бюргеры Исни имели обыкновение скупать полотна в окрестных деревнях и поставлять их на городские досмотры. Именно поэтому по требованию цеховых ремесленников в одной из статей устава было записано, что «... никто не должен скупать грубые полотна в сельской местности» под угрозой строгого наказания. Этот запрет распространялся также на «чужаков» и «гостей». Причем совет оповещал жителей города, что он поставил в известность о своем решении и обратился с соответствующей просьбой к магистратам Вангена и Лейткирха, чтобы бюргеры этих городов не занимались практикой, осуждаемой

властями Исни. Особые опасения и заботы у магистрата Исни вызывала практика, когда деревенские ткачи, обычно поставлявшие свои изделия на городские досмотры, тем или иным образом передавали ткани «чужакам» и «гостям», минуя эти досмотры. Декрет магистрата в связи с этим повторял уже ранее издававшийся запрет местным бюргерам поставлять ткани на досмотры за городскими стенами Исни или закупать их в сельской местности⁴⁷. Поэтому устав цеха ткачей, с одной стороны, отразил реакцию мелких производителей на далеко зашедшую практику купеческо-предпринимательских элементов по покупке готовых изделий и полуфабрикатов в сельской округе, с другой — он же подчеркнул стремление большинства цеховых ремесленников воспрепятствовать такой тенденции развития. Вполне возможно, что предпринимательские элементы из числа местных бюргеров, «чужаков» и «гостей» совмещали практику скупщиков с деятельностью раздатчиков и авансированием деревенских ремесленников. По крайней мере в достаточной степени очевиден сам факт подчинения сельских текстильных промыслов округи Исни власти городского капитала. Инструментами такого подчинения являлись ростовщичество, примитивные формы коммерческого кредита и особенно — отношения раздач, которые, собственно говоря, и образуют начальную стадию развития капитализма.

* * *

Проникновение элементов раннего капитализма в общественное производство и особенно в те отрасли, которые работали на массового потребителя и в которых было занято большое число мелких производителей, имело следствием эволюцию социальной структуры средневекового ремесла. Вадиан определяет число обладавших правами метризы ремесленников-ткачей в родном городе начала второй четверти XVI в. в 350 («не считая тех, кто не имеет ни жен, ни детей», то есть мелких производителей, которые фактически находились на положении подмастерьев) и утверждает, что среди них были зажиточные и бедные люди, «имевшие обыкновение заниматься ручным ремеслом»⁴⁸. Большой интерес для установления имущественного и социального расслоения ремесленников и характера производственных отношений в льноткачестве Санкт-Галлена представляет «Саббата» Кеслера⁴⁹. Сообщая о завершении строительства в середине 30-х годов XVI в. большой городской белильни, он выделяет

особую группу цеховых мастеров, которые сдавали «на собственные средства, страх и риск» грубые полотна в белильное производство и извлекали из этого при благоприятных погодных условиях прибыль. Мастера данной группы давали средства к существованию другим ткачам, работавшим на них «за плату». Последняя категория ткачей, по словам Кеслера, включала многих разорившихся людей, не имевших даже ткацких станков и впавших в такую нужду, что они были не в состоянии прокормить себя и свои семьи с женами и детьми и не умирали от голода только благодаря оказываемой им благотворительной помощи. В данном случае хронист противопоставляет друг другу «занимавшихся промыслом ткачей» (*werbenden weber*) и «платных ткачей» (*lonweber*), причем цеховые мастера первой категории выступали в роли капиталистов-раздатчиков и работодателей по отношению к находившимся от них в экономической зависимости ткачам второй категории, бедственное положение которых представляется хронисту очевидным. В этом факте можно видеть проявление отношений между трудом и капиталом на начальной стадии генезиса капитализма.

Картина положения в текстильном производстве Санкт-Галлена, которую рисует Кеслер, отражает ту стадию ее развития, когда в условиях кризиса корпоративного строя ремесла уже возникли и получили широкое распространение отношения раздачи. Причем Вадиан и Кеслер едины во мнении, приписывая успехи и славу санкт-галленского льноткачества инвестициям капиталов и деятельности крупных оптовых торговцев и прежде всего – изгнанных из родного города констанцких патрициев⁵⁰. Инвестиции и практический опыт последних дали толчок механизму раздачи. Ее приводным ремнем стали «занимающиеся промыслом ткачи», которые являлись, о чем уже упомянуто выше, раздатчиками и работодателями по отношению к основной массе городских и сельских ремесленников – прядильщиков и ткачей. Многие из числа последних не только были «отделены» от рынков закупок сырья и сбыта готовых изделий, но и по существу уже не являлись собственниками средств производства и фактически находились на положении наемных рабочих на сдельной оплате труда. Между тем владельцы крупных фирм присваивали торговую прибыль и прибавочную стоимость, создаваемую трудом «платных ткачей», уступая лишь часть этой стоимости «занимающимся промыслом ткачам» – цеховой верхушке, представители которой к тому времени уже встали на

путь капиталистического предпринимательства в ремесленном производстве, не превращаясь, однако, в большинстве случаев в купцов-экспортеров готовой продукции. Таким образом, в Санкт-Галлене возникла своего рода иерархия в эксплуатации городских и деревенских ткачей. У основания этой иерархии находились богатые цеховые мастера, «раздававшие» сырье и скупавшие грубые полотна у «платных ткачей» и самостоятельных производителей на «вольном рынке». На вершине иерархической лестницы стояли владельцы крупных торговых компаний (купцы и патриции), которым раздатчики из числа «занимавшихся промыслом ткачей» поставляли готовые изделия. Такая ситуация была типичным явлением и отражала факт преобладания купеческого капитала над промышленным на ранней стадии процесса генезиса капитализма, когда превращение производителя в собственника централизованной мануфактуры происходило крайне редко. Типичность этого явления в социально-экономической жизни общества еще в первой половине XVI в. не вызывает сомнения.

Свидетельства Вадиана и особенно Кеслера о положении дел в льноткацком производстве Санкт-Галлена находит подтверждение в протоколе заседания правящего совета этого города от 13 марта 1531 г. На нем речь шла о том, что старшины, цеховой комитет и вся корпорация ткачей приняли решение об установлении «особой платы за каждую штуку сотканной и поставленной [на досмотр] ткани» и обратились к городским властям с просьбой придать решению цеха силу закона. Совет в своем постановлении, однако, счел необходимым указать, что решение цеха не должно связывать мастерам руки в их отношениях «со своими платными ткачами», поскольку каждый мастер вправе по своей доброй воле и желанию улучшить оплату труда и изыскать иные средства поощрения «платных ткачей»⁵¹. Поэтому городские власти согласились утвердить лишь таксуминимум сдельной оплаты труда⁵², сохранив за предпринимателями-раздатчиками право на регулирование отношений «со своими платными ткачами». Отсюда следует, что санкт-галленское полотняное производство к концу первой трети XVI в. находилось на начальной стадии формирования рынка наемного труда, когда в роли работодателей выступали капиталисты-раздатчики, а в роли наемных рабочих — «платные ткачи».

О социальной дифференциации ремесленников, занятых в ткацком производстве, свидетельствует и «Цеховая грамота»

Шафхаузена (1535 г.)⁵³. Она ставит рядом с самостоятельными мастерами-ткачами ремесленников, которые формально обладали правами метризы, но фактически работали «за плату» (*wer ouch umb lon werchet*) и оказались в полной зависимости от раздатчиков. «Грамота» также называет особую категорию мелких производителей, которые не обладали правами бюргеров и цеховых мастеров, но, находясь на положении поденщиков (*an den tagwen*), занимались ремеслом, относящимся к монополии корпорации ткачей. Ремесленники этой категории, придя из деревни в город на заработки, обязаны дать цеховому старшине по 2 шиллинга и «слуге цехового дома» — по 1 геллеру, поставить цвельферам корпорации «четверть доброго местного вина» и ежегодно на Пасху вносить в цеховую кассу по 8 геллеров. Сами же они не имеют права «заниматься ремеслом самостоятельно» (*aigen werkg nit tryben*), обязаны соблюдать обычаи цеха и «быть послушными» бургомистру и цеховым старшинам. Действие этого регламента распространялось на деревенских ремесленников (прядильщиков и ткачей), которые на зимний сезон нанимались на работу в городе к зажиточным цеховым мастерам. Таким образом, «Цеховая грамота» называет следующие категории участников льноткацкого производства в Шафхаузене первой половины XVI в.: 1) действительно самостоятельные цеховые мастера, наиболее преуспевающие из числа которых выступают в роли капиталистов-раздатчиков и эксплуатируют наемную рабочую силу (подмастерьев, сезонных работников и разорившихся членов своей же корпорации); 2) формально самостоятельные, но фактически работающие на раздатчиков мелкие цеховые ремесленники; 3) нецеховые поденщики, каковыми являются деревенские ремесленники, занимающиеся в городе прядением или ткачеством как «отхожим промыслом».

Аналогичным образом развивались события и в Аугсбурге. С конца XV в. здесь вокруг вопроса о так называемой «длинной» (или «прусской») пряде развернулась борьба между, с одной стороны, богатыми цеховыми мастерами, которые на самом деле были купцами и капиталистами-раздатчиками, с другой — бедными цеховыми ремесленниками-ткачами. Итогом упорной борьбы между ними (которая началась в 1490 г., продолжалась несколько десятилетий и приобрела некоторые признаки противоположности социальных интересов буржуазии и пролетариата) была легализация отношений раздач и подчинение мелких

производителей власти капитала. «Законность» отношений раздач в 1538 г. признало подавляющее большинство мастеров корпорации (725 из 833, или около 87 процентов от их числа)⁵⁴. Правда, в отличие от Санкт-Галлена в Аугсбурге гораздо активнее себя проявляли преуспевающие цеховые мастера, которые, не порывая обычно со своим цехом, становились владельцами торговых компаний, сами осуществляли сбыт, прежде всего на международных рынках, высококачественной аугсбургской бумазеи и закупали на них же сырье. Эту деятельность они совмещали с эксплуатацией деревенских и городских ремесленников с помощью механизма раздач. Однако и в данном случае примат купеческого капитала в сфере общественно-го производства не вызывает сомнения.

Социальные отношения в бумазейном производстве представляется возможным также рассмотреть на примере Ульма, где производство в этой отрасли (по крайней мере со второй половины XVI в.) было организовано по преимуществу в рамках отношений раздач и обнаруживало все же некоторые черты, присущие явлениям раннего капитализма.

В этой связи обратимся к анализу содержания законодательных актов магистрата Ульма. Так, регламент 1590 г. различает две категории товаропроизводителей: во-первых, ткачей, которые располагают возможностью приобрести хлопок или пряжу «за наличные деньги», сотканые из него «сукна» (*tuchern*) бумазеи представляют на городские досмотры и по своему усмотрению продают их «за имперские монеты»; во-вторых, ткачей, которые не в состоянии производить расчет с торговцами сырьем наличными деньгами и обязаны поставлять последним бумазею в соответствии с суммами полученных от них кредитов. Ткачам, бумазея которых заложена, категорически запрещалось выступать на рынке в роли «вольных» продавцов⁵⁵. В регламенте проводится четкое разграничение между «вольной бумазеей» (*freien barchent*) и «заложенной бумазеей» (*barchent zu leihen pflegen*). Первая производилась самостоятельными цеховыми мастерами и сельскими ткачами, вторая – мелкими производителями, находившимися в экономической зависимости от раздатчиков (*wollherren*), которые снабжали их сырьем и скупали у них же готовые изделия. «Wollherren» были не только раздатчиками, контролировавшими конечные звенья технологического цикла, но и торговцами, которые приобретали «вольную бумазею» и у самостоятельных ремесленников. Регламентом от

14 июля 1583 г. установлено, что торговец хлопком, желающий приобрести «грубые сукна» бумазеи, может это сделать только в установленном законом порядке. Но, опять же, исключение предусмотрено для тех «сукон», которые ткачи задолжали владельцам компаний или их факторам за предоставленный в кредит хлопок. Этот регламент, по существу узаконивая практику авансирования раздатчиками мелких производителей, устанавливает максимальный размер кредита каждому ткачу – шесть гульденов в год⁵⁶. Такая практика не была изобретением авторов регламента 1583 г. и имела свою предысторию: почти за пятьдесят лет до его появления декрет магистрата от 20 марта 1534 г., прокламируя монопольное право ткачей на торговлю бумазеей и аргументируя это право тем, что ткачи сами производят изделия ремесла и являются их собственниками, в то же самое время допускает возможность приобретения раздатчиками грубой бумазеи у производителей «за долги». Причем раздатчик, получив такие ткани, обязан был завершить операции производственного цикла на собственные средства⁵⁷, доведя их качество до стандарта изделий «экспортного ремесла».

Итак, анализ регламентов бумазейного производства Ульма убеждает в том, что командные позиции в этой отрасли захватили раздатчики из числа крупных импортеров сырья и экспортеров местной бумазеи, которым противостояли три группы производителей. К первой группе следует отнести самостоятельных цеховых мастеров, которые располагали средствами, чтобы приобрести сырье, производили в своих мастерских грубые ткани и на собственные средства «дорабатывали» эти ткани, сдавая их в белильное или гладильное производство. Они могли перерабатывать пряжу не только с помощью учеников, подмастерьев, слуг и членов своих семей, но и «раздавать» хлопок городским беднякам, женам цеховых ремесленников других корпораций и сельским прядильщикам (чаще – прядильщицам). Мастера этой группы не зависели от раздатчиков и являлись товаровладельцами в полном смысле этого слова и их благополучие определялось только колебаниями рыночной конъюнктуры и погодными условиями. Формально в роли самостоятельных товаровладельцев выступали и мастера второй группы, которые, однако, обладая ограниченными денежными средствами, вынуждены были продавать «грубые ткани». Между тем ножницы цен на «грубые» и «доработанные» ткани были так значительны, что превращение мастеров данной группы в

зависимых от раздатчиков производителей было неизбежным. Третья группа включала тех «бедных мастеров», которые существовали только благодаря авансам сырьем и деньгами, рассчитывались за эти авансы «заложенной бумазеей» и находились в безысходной кабале у раздатчиков. Производители этой группы не были самостоятельными товаровладельцами ни на начальной, ни на завершающей стадиях производственного цикла и по своему положению приближались к наемным рабочим на сделной оплате труда. Все это указывает на существенные различия в положении названных выше групп ткачей, которые, как мы видели, были еще далеки от того, чтобы слиться в более или менее однородную массу класса наемных рабочих.

В то же время сравнение положения в бумазейном производстве Ульма в начале и конце XVI в. обнаруживает кардинальные перемены в этой отрасли. Понятно, что имущественная и даже социальная дифференциация имела место в корпорации бумазейщиков Ульма и в начале этого столетия. Но тогда она еще не успела создать острых социальных противоположностей, которые делали бы несовместимыми интересы различных групп цеховых мастеров. Последние продолжали выступать единым фронтом и выдвинули общую программу требований во время конфликта с магистратом в 1512–1513 гг. К концу столетия беднейшие мастера цеха фактически превратились в наемных рабочих; ткачи же второй группы, уже попавшие в зависимость от раздатчиков, еще жили иллюзорными надеждами на сохранение экономической самостоятельности; и, наконец, существовала немногочисленная группа преуспевающих цеховых мастеров, которые, несмотря на неблагоприятные в общем и целом для их деятельности условия, все же вставала на путь раннекапиталистического предпринимательства и с помощью механизма раздач подвергала «капиталистической эксплуатации» как бедных цеховых мастеров, так и нецеховых ремесленников. Этим, однако, не исчерпывается своеобразие социально-экономической ситуации в имперском городе Ульме.

Отличительной чертой системы раздач в текстильном производстве Ульма были монопольные позиции, которые занимали в этой отрасли крупные торговцы сырьем и экспортеры тканей. О данном факте, в частности, свидетельствует письменное распоряжение от 11 января 1582 г., которым городское казначейство предписывало «рыночному досмотрщику» допускать к продаже на городском рынке только хлопок, который поставля-

ли на него владельцы местных торговых компаний, и отстранять от досмотров сырье, принадлежавшее «другим лицам»⁵⁸. Эта мера не была направлена только на то, чтобы оградить владельцев местных фирм от конкуренции со стороны купцов-импортеров хлопка из других городов. Декрет совета Ульма, изданный еще 15 декабря 1574 г., запрещал ткачам, занимавшимся «ручным ремеслом», «раздавать» или продавать хлопок⁵⁹. Вряд ли может возникнуть сомнение, что эта акция была направлена на защиту монопольных позиций и интересов местных купцов-раздатчиков от конкуренции со стороны зажиточных цеховых мастеров, то есть на пресечение самой возможности превращения ремесленников и торговцев в капиталистов. В этой же связи представляет интерес регламент «О торговле хлопком», принятый советом в сентябре 1590 г.⁶⁰ В тексте декрета сказано, что либерализация по примеру Аугсбурга установлений, регулирующих торговлю хлопком, привела к тому, что на местном рынке появились богатые ульмские и «чужие» ткачи, закупающие хлопок на рынках Италии и германских земель и продающие его в Ульме. Конкуренция со стороны «богатых ткачей», по убеждению законодателей, причиняет большой ущерб местным оптовым торговцам – «Wollherren». Данный факт может служить основанием для умозаключения, что преуспевающие цеховые мастера, несмотря на противодействие со стороны патрицианско-купеческой верхушки города, все же в отдельных случаях становились не только капиталистами-раздатчиками, но и крупными оптовыми торговцами.

Тенденция превращения преуспевающих цеховых ремесленников в раздатчиков, подчинивших себе мелких производителей, прослеживается и по другим материалам, связанным с историей ульмского позднесредневекового текстильного производства. Так, одна из статей устава валяльщиков, который был принят в середине XVI в., сообщает о том, что неоднократно имели место случаи, когда цеховые мастера этой профессии предоставляли кредиты бедным ткачам. Такая практика, ведущая, по мнению законодателей, к большому убыткам и ущербу ремесла, осуждалась властями в прошлом и они же запрещают ее сейчас. Причем, как это видно из включенной в текст устава цитаты из декрета магистрата от 25 июня 1544 г., валяльщики имели обыкновение ссужать деньгами, сырьем или полуфабрикатами не только городских, но и деревенских ткачей, требуя, чтобы те и другие производили с ними расчет изделиями своего

ремесла⁶¹. Так авансирование мелких производителей перерастало в отношения в рамках системы раздач. Богатые валяльщики стали выступать в роли капиталистов-раздатчиков по отношению к бедным городским и сельским ремесленникам.

Крупные оптовые торговцы хлопком и экспортеры тканей, занимавшие командные позиции в системе раздач бумазейного производства Ульма, вели борьбу как против проникновения в свои ряды представителей цеховой верхушки, так и против усилий последних, направленных на создание мануфактурного производства, о чем свидетельствует устав цеха ткачей, принятый магистратом 17 марта 1581 г. Этим актом городские власти устанавливали, что каждый ткач может работать только на четырех станках, и предусматривали различные комбинации использования станков для производства бумазеи, «бомазина», «холста для продажи» и других льняных тканей. Магистрат тем же актом категорически запрещал ткачам, занимавшимся «ручным ремеслом», выступать в роли предпринимателей-раздатчиков⁶². В данном случае меры, направленные против создания предприятий, объединяющих «под одной кровлей» многих наемных рабочих, и введения на них разделения труда, а равным образом – против деятельности богатых цеховых мастеров в качестве раздатчиков, были продиктованы не столько интересами и требованиями мелких самостоятельных товаропроизводителей, сколько интересами торгово-ростовщического капитала, представители которого находились у кормила управления городом и оказывали решающее влияние на его экономическую политику. Любопытно, что устав 1581 г. обязывал цеховой комитет и старшин корпорации ткачей принять меры, которые позволили бы «простым бедным мастерам» приобрести хлопком и с помощью «своего ручного ремесла» прокормить жен и детей». Но это отнюдь не было призывом к созданию действительно крупных предприятий (типа централизованных капиталистических мануфактур), которые предоставили бы возможность заработка всем нуждающимся. Правящий совет по существу выражал убеждение, что помощь «бедным ткачам» может быть оказана только крупными оптовыми торговцами хлопком⁶³, то есть в рамках так называемых цеховых контрактов и все той же системы раздач. Причем городские власти склонны были видеть во всем этом реализацию принципа «общей пользы».

Весьма своеобразными чертами характеризуется экономическое развитие средневекового Цюриха, который, как о том

уже было сказано выше, еще в первой половине XIV в. пережил бурный, но кратковременный период подъема и расцвета некоторых экспортных отраслей ремесленного производства. Успешное развитие экспортных отраслей с середины того же столетия сменилось длительным периодом упадка и стагнации. Лишь со второй половины следующего XV в. экономика Цюриха обнаружила некоторые признаки нового подъема, что и на этот раз было связано с успехами развития экспортных отраслей текстильного производства, в том числе бумазейного, которое в 1431 г. впервые упомянуто в городских анналах в качестве «экспортного ремесла». Однако и последняя отрасль еще в течение нескольких десятилетий оставалась далекой от «капиталистического перерождения»⁶⁴. Факты свидетельствуют о том, что в Цюрихе начало превращения эпизодических опытов раздачи сырья предпринимательскими элементами мелким производителям, которые в этом городе и его сельской округе имели место еще в самом начале XIV в., в постоянно действующий фактор реальной действительности, вероятно, можно датировать только концом XV в. В 1485 г. один из декретов правящего совета Цюриха повторил уже и ранее издававшийся запрет продавать хлопок вне городского рынка или «раздавать» его мелким производителям. На основании этих свидетельств можно предположить, что в деревнях городской округи крестьяне занимались производством бумазейной пряжи и за актами продажи хлопка также могла быть скрыта практика его раздач городскими купцами-предпринимателями и зажиточными цеховыми мастерами сельским прядильщикам. В тексте декрета магистрата, принятом в 1491 г., речь шла о том, что ткачихи, занимавшиеся прядением и перерабатывавшие хлопок и «другую пряжу» (скорее всего льняную и шерстяную) в ткани для личных нужд или нужд своих семей, могли это делать, не спрашивая разрешения цеха. Ткачихи же, желавшие этим заниматься для другой цели (то есть для продажи на рынке или по контрактам с раздатчиками), имели право перерабатывать пряжу только из хлопка⁶⁵. Все эти факты уже вполне определенно указывают на ослабление цеховой монополии и появление ростков раннего капитализма. Не случайно «либерализация» в первую очередь затронула экспортную отрасль городского хозяйства – бумазейное производство. Ослабление цехового ремесла и «либерализация» экономической жизни открывали перспективу деятельности предпринимательских элементов.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на тот факт, что в Цюрихе деятельность таких элементов долгое время протекала в особых условиях. В этом городе были запрещены торговые компании, и регламенты, издаваемые магистратом, казалось бы, надежно защищали интересы мелких производителей. Однако и здесь, как мы уже видели, имела место практика раздач сырья предпринимателями ремесленникам-ткачам и скупка у них же первыми готовых изделий. Об этом, в частности, свидетельствует постановление правящего совета Цюриха (около 1510 г.), из текста которого следует, что многие ткачи не предоставляли «для досмотра в торговый дом» свои изделия и не продавали их за наличный расчет на городском рынке, а сбывали эти изделия у себя на дому скупщикам. Власти осуждали и запрещали такую практику⁶⁶. Но здесь важно подчеркнуть не то, что осуждал и запрещал магистрат, а то, что имело место в действительности. Факт зарождения и в Цюрихе, по крайней мере на рубеже XV–XVI вв., системы раздач можно считать вполне установленным, хотя в этом городе практика раздач сырья и скупки ремесленных изделий долгое время встречала более сильное противодействие со стороны цеховых мастеров, чем во многих других городах. Объяснение такому явлению следует искать в силе традиции и особом стечении обстоятельств.

Особенно значительный подъем экспортных отраслей и прежде всего бумазейного производства начался в Цюрихе после проведения цвинглианской реформы церкви и вслед за нею ряда общественных преобразований⁶⁷. Благоприятные условия для экономического подъема создавало запрещение военного наемничества, отвлекавшего рабочую силу из сферы производства; закрытие монастырей и привлечение монахов и монахинь к производительному труду; приток в город капиталов из соседних германских земель и других европейских стран, где свирепствовала католическая реакция или велись гражданские войны, а также – эмигрантов, среди которых были богатые люди и ремесленники высокой квалификации, и, наконец, сокращение числа выходных и праздничных дней, что в условиях того времени служило средством повышения производительности труда и рентабельности предприятий. Уже регламент 1553 г. сообщает, что в городе и его сельской округе проживает «множество бедняков», для которых работа в бумазейном производстве является единственным источником существования. Эти бедняки, как гласит тот же текст регламента, были не в состо-

янии приобрести сырье, и его им поставляли («раздавали») предприниматели. В изменившейся ситуации цех оказался не в состоянии осуществлять контроль над производством и подчинять его жестким правилам средневекового корпоративного ремесла. П. Гуйер относит начало «индустриализации» Цюриха к середине XVI в., так как именно с этого времени, по его словам, резко возрастает удельный вес в экономической структуре городского хозяйства экспортных отраслей производства – бумажной промышленности – и переживает новый подъем сукноделие. Причем в качестве «новых ремесел» некоторые отрасли текстильного производства («вернувшееся» в город шелкоткачество и действительно «новое ремесло» – производство камвольных тканей) получают развитие вне торгово-ремесленных корпораций. Их основой становятся отношения раздач, а организаторами и собственниками предприятий в данной отрасли в большинстве случаев выступают не цеховые мастера, а купцы-раздатчики. По наблюдениям того же Гуйера, к концу XVI в. в Цюрихе проживало около двадцати предпринимателей-капиталистов, которые фактически подчинили своей власти мелких производителей, занятых в «экспортных ремеслах»⁶⁸. Таким образом, в Цюрихе и его сельской округе, хотя, вероятно, на несколько десятилетий позже, чем в Аугсбурге или Санкт-Галлене, экспортные отрасли текстильной промышленности также были преобразованы на раннекапиталистической основе по преимуществу в рамках так называемой системы раздач.

Подводя промежуточные итоги исследования процесса генезиса капитализма в экспортных отраслях текстильного производства, целесообразно обратиться к вопросу об эволюции социальной структуры позднесредневекового городского ремесла. Изучение материалов источников показывает, насколько недостаточны категории «мастер», «подмастерье» и «ученик»⁶⁹, с помощью которых в исторической науке принято обозначать ступени цеховой иерархии средневекового ремесла, для характеристики социальной структуры экспортных отраслей переходного от феодализма к капитализму периода. В условиях кризиса цехового ремесла и генезиса раннекапиталистических производственных отношений с необходимостью изменялся и социально-экономический облик «трудящихся субъектов». В этой роли продолжали выступать полноправные цеховые мастера, действительно являвшиеся самостоятельными товаропроизводителями и товаровладельцами. Однако рядом с ними появились,

с одной стороны, мелкие ремесленники, формально обладавшие правами метризы, но фактически уже попавшие в экономическую зависимость от раздатчиков, с другой — различные категории по существу наемных рабочих или близко к ним стоявших производителей. В этой ситуации иное содержание и смысл приобретала проблема эксплуатации мастерами подмастерьев и учеников. Теперь основной тенденцией эволюции социальной структуры позднесредневекового ремесла стал процесс отделения мелких производителей от средств производства и условий труда. Рост числа трудящихся, которые были экспропрированы или находились на пути к этому, а также сокращение числа мелких самостоятельных производителей, создавало благоприятную социальную почву для появления и развития раннекапиталистических отношений и присвоения предпринимательскими элементами прибавочной стоимости, создаваемой трудом экономически несамостоятельных производителей. В роли первых капиталистов обычно выступали купцы, подчинившие своему контролю и власти производство, или разбогатевшие цеховые мастера, которые по мере роста своих богатств и увеличения числа находившихся под их командой наемных рабочих, переставали принимать личное участие в операциях производственного цикла и брали на себя функции его организаторов. В силу данной коллизии должна была измениться и изменилась социальная жизнь позднесредневекового города. На сцену вышли новые персонажи. Эти перемены были обусловлены главным образом возникновением и развитием явлений раннего капитализма, которые оказали сильное влияние на характер социальных отношений в городской общине.

* * *

Предпосылкой появления раздач и особенно их превращения в раннекапиталистическую форму производственных отношений было общественное разделение труда, которое в текстильном производстве выразилось прежде всего в выделении прядения в самостоятельную отрасль. Дело в том, что прядение не требовало высокой квалификации и им по преимуществу занимались малоземельные и безземельные жители деревень и нецеховые ремесленники в городах. К тому же, прядение являлось обычно побочным промыслом, который редко превращался в единственный источник существования даже для деревенских и городских бедняков. Это же объясняет, почему в пряде-

дильном производстве как в деревне, так и в городе широко применялся женский и детский труд. Ткачество в известной мере было искусством, требовавшим особых условий и материальных средств. В силу этого обстоятельства оно сосредотачивалось по преимуществу в городах. Льноткацкому и бумазейному производствам Швабско-Швейцарского региона германских земель известны и самостоятельные сельские ткацкие промыслы, но их развитие, как правило, вело к превращению малоземельных крестьян в мелких производителей, которые, формально не порывая с деревней, фактически существовали в первую очередь за счет занятий самостоятельным ткацким промыслом⁷⁰. Следующим шагом на долгом пути развития общественного разделения труда было образование в качестве таких же самостоятельных отраслей белильного и красильного производств, аппретуры тканей. Превращение отдельных отраслей текстильного производства (особенно бумазейного) в экспортные отрасли, что резко повышало требования к качеству их изделий, также способствовало углублению процесса общественного разделения труда и создавало необходимые предпосылки и благоприятные условия для зарождения в этих отраслях раннекапиталистических отношений. Отсюда становится понятным, почему бумазейное производство верхнегерманских земель в XV–XVI вв. все более и более отдалялось от классического типа средневекового ремесла, хотя ткачи швабских и швейцарских городов, казалось бы, имели свои цеховые организации и регламенты, на первый взгляд, надежно защищавшие интересы мелких товаропроизводителей. Однако судьбы этой отрасли во многом определялись технологией самого процесса производства, для которого компонентами сырья служил не только лен, произрастающий в достаточных количествах в сельских округах этих городов, но и хлопок, который поставляли к месту производства бумазейных тканей крупные торговые компании (в основном из Венеции). Причем импортеры хлопка обычно одновременно выступали и в роли экспортеров бумазеи. Хлопок был дорогим сырьем, а ткачи в большинстве своем – бедными людьми, положение которых еще более усугублялось из-за частых колебаний цен на хлопок. Только немногим бумазейщикам удавалось самостоятельно поставлять грубые ткани в белильное производство; еще меньшее их число имело возможность вывозить свои изделия на отдаленные рынки сбыта. Подавляющее большинство ткачей-бумазейщиков вынуждено было продавать

грубые ткани, брать авансы хлопком или деньгами у раздатчиков и производить расчет с ними изделиями своего ремесла. В таких условиях единственным средством, способным, как полагали городские ремесленники, защитить их от власти раздатчиков, были так называемые цеховые контракты (*Zunftvertragen*), с помощью которых корпорация регулировала закупочные операции с сырьем и осуществляла сбыт готовых изделий или полуфабрикатов, будто бы создавая таким образом равные условия для производителей. Обратимся, однако, к рассмотрению содержания самих этих контрактов.

Договор между купцом (или торговой компанией) и цехом, хотя и являлся публично-правовым актом, но его регистрация в магистрате не была обязательной. Поэтому подлинные тексты таких договоров – большая редкость, и из них до нас дошли только те, которые были составлены в XVI в. Договор обычно заключался в конце лета или начале осени, и поставки изделий (грубых тканей), как правило, приурочивались к сезону побелки тканей в первые месяцы следующего года. В этой связи заслуживает внимания текст договора, который в августе 1549 г. аугсбургская компания братьев Хаугов заключила с корпорацией ткачей имперского города Бибераха. От имени фирмы сделку, которая предусматривала поставку цехом ко дню св. Якоба будущего 1550 г. 80 фарделей (тюков) бумазеи, заключили ее агенты Мартин Герст и Вильгельм Байр. Согласно данному договору, по мнению Ф. Фургера, ткачи сами выступали в роли предпринимателей и не попадали в прямую зависимость от раздатчика. Однако в дальнейшем события принимали иной оборот, что не было случайным стечением обстоятельств. Бедные ткачи, в действительности низведенные до положения подмастерьев, обычно нуждались в кредитах, чтобы приобрести сырье, поэтому купец предоставлял цеху кредит, который распределял его между участвовавшими в цеховом контракте ткачами. В рассматриваемом случае несколько дней спустя компания Хаугов передала через упомянутого выше Байра кредит ткачам Бибераха в 900 гульденов. Эти деньги были распределены между ткачами, которые обязаны были их израсходовать на приобретение сырья для своего ремесла. Так ткачи, заключает Фургер, вопреки прекрасной форме договора, оказывались в полной экономической зависимости от купца-раздатчика⁷¹. Подобным же образом развивались отношения между капиталистами-раздатчиками и бедными цеховыми мастерами в других городах.

Цеховые контракты были рядовыми явлениями в экономической жизни средневекового Меммингена. Вполне возможно, что здесь они возникли из «древнего права» на «предпочтительные закупки» сырья цехом и первоначально имели целью поставить всех производителей в равные условия. Так, еще декрет магистрата, изданный 11 сентября 1447 г., обязывал купца, который занимался торговлей хлопком, сначала предложить свой товар цеху ткачей и только после отказа цеха от его приобретения купец имел право продать хлопок другим. Но с течением времени положение существенно образом изменилось. Цех продолжал практику оптовых закупок хлопка с целью распределения сырья среди ткачей. Теперь, однако, расчет за хлопок ремесленники стали производить не с цехом, а с поставщиками сырья. Последние получили право исключать несостоятельных ремесленников из контракта, который купцы-предприниматели использовали для того, чтобы подчинить своей власти «бедных ткачей»⁷². Весьма показательно в этой связи, что в 1516 г. Эберхард Цангмейстер, владелец одной из крупнейших местных торговых компаний, с разрешения правящего совета города заключил договор не с корпорацией, а только с «бедными мастерами цеха ткачей», предоставив последним кредит в 1300 гульденов с условием обязательного погашения этого долга в течение года⁷³. По условиям того же договора «бедные ткачи» должны были произвести расчет с торговой компанией только изделиями своего ремесла. Цеховой контракт Эберхарда Цангмейстера с ремесленниками-ткачами был лишь одним звеном в целой серии подобного рода соглашений, с помощью которых купеческий капитал подчинял своей власти мелких производителей. Каким образом все это происходило?

В соответствии с условиями цеховых контрактов ткачи обязаны были поставить в строго установленные сроки определенное число «сукон бумазеи». Для решения этой задачи они получали от предпринимателей аванс, чтобы приобрести сырье, но зачастую использовали деньги на удовлетворение других жизненных потребностей. В результате ткачи оказывались без средств, необходимых для покупки пряжи. Другая опасность для ткачей состояла в том, что цены на рынке были подвержены резким колебаниям; в силу последнего обстоятельства предоставленные ткачам купцами кредиты могли оказаться недостаточными для приобретения сырья. В обоих случаях попавшие в затруднительное положение ремесленники вынуждены были

вновь обращаться к купцам-предпринимателям. Тогда заключались новые сделки, которые вели к еще большей зависимости производителей от раздатчиков. Отсюда становится понятным, почему один из городских проповедников «евангелического учения» в 1583 г. требовал запрещения цеховых контрактов с купцами. Он утверждал, что подобного рода контракты направлены «против христианской любви, доброй веры и бюргерских установлений». Однако в условиях неблагоприятной рыночной конъюнктуры, замечает А. Вестерман, контракты цеха с местными торговыми компаниями Бессереров, Цангмейстеров и Мендлеров были единственным средством для «голодающих ткачей» найти работу и пропитание. Поэтому уже через год сами же ткачи выступили с предложением о заключении нового цехового контракта с купцами⁷⁴. К тому времени цеховые контракты получили широкое распространение и уже имели давнюю историю, начало которой можно датировать еще XIV в. Однако только с XV в. свидетельства о них обретают определенную достоверность. Так, ульмские бумазейщики еще в 1416 г. в условиях острой нехватки на городском рынке хлопка требовали восстановления обычая закупок сырья всем цехом и его распределения между производителями⁷⁵. Это требование, по всей видимости, было направлено против практики раздач сырья купцами-импортерами. Реализация этого требования также могла помочь цеховым ремесленникам в их борьбе с конкуренцией деревенских ткачей.

Сравнение ульмского и меммингенского вариантов цеховых контрактов показывает, что в одном случае они рассматривались в качестве меры по защите экономической самостоятельности цеховых мастеров, в другом – по существу содержали признание самого факта подчинения власти капитала мелких производителей. Последние видели в подобных контрактах единственный источник существования. Следует признать верными наблюдения Э. Веге, который, исследуя материалы о цеховых закупках сырья делает вывод, что они не были в состоянии уже на рубеже XV–XVI вв. предотвратить рост имущественного и социального неравенства среди цеховых ремесленников⁷⁶. Более того, развитие института цеховых контрактов порою вело к полному подчинению ремесленных корпораций торговому капиталу. Так, шерстяники Мюнхена в 1576 г. жаловались, что они ради приобретения пряжи вынуждены были закладывать изделия своего ремесла. К концу XVI в. вся продукция цеха (от

6 до 8 тысяч штук шерстяных тканей) в результате такой практики оказалась в руках владельцев двух местных и двух аугсбургских компаний⁷⁷. К сожалению, отсутствуют данные, проливающие свет на то, каким образом развивались в Мюнхене отношения между раздатчиками и производителями. Вместе с тем вполне возможно предположение, что во всех рассмотренных выше эпизодах значение распространения практики цеховых контрактов не ограничивалось только ростом экономического неравенства между членами корпорации ткачей и их впаданием в зависимость от купеческого капитала. Общей чертой всех цеховых контрактов следует признать то, что под их прикрытием в условиях корпоративного строя средневекового города получили юридическое признание раннекапиталистические производственные отношения в форме раздач. Причем раздачи сырья, как правило, переплетались с практикой скупки теми же раздатчиками у мелких производителей полуфабрикатов или готовых изделий. Поэтому распространение отношений раздач и скупки готовых изделий или полуфабрикатов были не только предвестниками, но и первоначальной фазой развития самого капитализма.

Практика раздач сырья (или полуфабрикатов) и скупки готовых изделий возникла на заре капитализма в конце XIV — начале XV в. Это можно проиллюстрировать на следующем примере. Нюрнбергская компания Шеделей с помощью своего фактора Томаса Фишера установила деловые контакты с богатейшим бюргером Нердлингена Гансом Рисманом. Вскоре Фишер и сам переселился в Нердлинген. Рисманы также поддерживали связь с компанией Сорано в Венеции, у которой они, в частности, в 1409 г. закупили «41 с четвертью центнер хлопка» на сумму в 430 дукатов. В Нердлингене они «раздавали» этот хлопок для переработки прядильщикам на условиях сдельной оплаты труда, а произведенную последними пряжу — городским ткачам, скупая у этих ткачей готовую продукцию с помощью механизма цеховых контрактов. Торговля бумазеей и участие в раздачах сырья связывали Рисмана и Фишера в 1427 г. с аугсбургским бюргером Гансом Мецце. В роли раздатчика сырья мелким производителям и банкира-ростовщика в Нердлингене выступал и сам Фишер⁷⁸. И все же необходимо отметить, что только со второй половины XV в. такая практика приобрела значение постоянно действующего фактора в экономической жизни общества и соответствующие признаки, свойственные

явлениям раннего капитализма. Правда, в условиях начавшегося перехода от простого товарного производства к зачаточным формам капиталистической кооперации купеческо-ростовщической капитал долгое время продолжал удерживать за собою доминирующие позиции и в общественном производстве. Данное обстоятельство порою сильно затрудняет рассмотрение начальной стадии капитализма в ее подлинном смысле и исторической значимости.

Купеческий капитал, по словам К. Маркса, не совершал переворота в самом способе производства, но торговая буржуазия или, точнее, еще ее предшественники развивали большую энергию, чтобы подчинить своей власти мелких производителей. Цеховые контракты были лишь первым шагом на данном пути. В гораздо большей мере достижению такой цели служили частные соглашения торговцев с ремесленниками, которые, между прочим, уже являлись сопутствующими элементами многих цеховых контрактов. Причем подобные явления имели место не только в текстильном производстве, но и других отраслях городского хозяйства. В связи с этим привлекают внимание деловые записки ульмского купца Отто Руланда, наглядно иллюстрирующие способ, каким торгово-ростовщический капитал подчинял своей власти мелких производителей⁷⁹. Уникальность записок Руланда состоит в том, что они убедительно показывают, как действовал купец-предприниматель в обход жестких правил городского корпоративного ремесла, извлекая с помощью таких действий максимальную для себя выгоду. Эту задачу он решал, заключая контракты не с цехом, а с самими производителями в индивидуальном порядке.

Для характеристики деятельности купеческих компаний и их роли в развитии отношений раздач наглядной иллюстрацией могут служить факты, которые А. Вестерман приводит о компании братьев Цангмейстеров из Меммингена. Компания имела представительства за пределами империи в Венеции и Лионе, в Германии – в Кауфбойрене, Биберахе и Аугсбурге. В немецких городах ее агенты поддерживали тесные контакты с местными корпорациями ремесленников, в первую очередь – ткачей. В этой связи большой интерес представляет описание имуществ, инвестиций капиталов и долгов предприятия в момент его банкротства в 1560 г.⁸⁰ Материалы описи содержат убедительные данные об особом месте, которое занимала торговля различными текстильными товарами в деятельности компании. Торговлю

Цангмейстеры совмещали с ростовщичеством и, возможно, зачаточными формами коммерческого кредита. Должниками компании были более 1200 человек. Они являлись бюргерами 18 городов Германии и ряда городов Франции, Испании, Италии и Швейцарского Союза. В Германии должниками Цангмейстеров главным образом были ткачи, суконщики, красильщики, портные, шерстобиты, крамеры и возчики. Компания предоставляла кредиты многим ремесленникам, о чем, в частности, свидетельствует следующий факт: 52 аугсбургских ткача задолжали ей 392 гульдена, то есть в среднем по 7–8 гульденов каждый из ткачей, причем эта задолженность ремесленников возникла в результате закупочных операций с хлопком. В Кауфбойрене в зависимости от компании Цангмейстеров находился 191 ткач⁸¹. Следовательно, только в Аугсбурге и Кауфбойрене в начале второй половины XVI в. на меммингенскую компанию по сути дела работали 243 цеховых мастера. Отсюда можно заключить, что братья Цангмейстеры были не только крупными торговцами и банкирами-ростовщиками, но и капиталистами-предпринимателями, которые значительную часть своих денежных средств инвестировали в текстильное производство, подчиняя своей власти квазисамостоятельных мелких производителей и прибегая к их эксплуатации в крупных для того времени масштабах.

В деятельности Цангмейстеров и владельцев других торговых компаний значительное место занимали, казалось бы, ростовщические по форме операции, с помощью которых, широко прибегая к цеховым контрактам, они плели паутину безысходной кабалы и полной экономической зависимости от себя для многих бедных ткачей и мелких производителей других специальностей. Между тем К. Маркс указывал на тот факт, что ростовщический капитал стремится сохранить в неизменном виде старый способ производства. С другой стороны, тот же Маркс одновременно все же признавал, что «поскольку ростовщичество выполняет двоякую роль: во-первых, вообще создает наряду с купеческим капиталом самостоятельные денежные средства; во-вторых, присваивает себе условия труда — постольку оно является мощным рычагом для образования и промышленного капитала»⁸². В этом смысле южно-немецкие компании являли собою выразительный пример не только образования предпосылок, но и начальной стадии трансформации торгово-ростовщического капитала в промышленный⁸³. Сам

факт возникновения промышленного капитала в условиях сохранения патриархального (или натурального) и мелкотоварного хозяйства, преобладания более примитивных и предшествовавших промышленному капиталу форм «свободного капитала» (купеческого и банковско-ростовщического), который соответствовал условиям и отвечал потребностям простого товарного производства, с необходимостью накладывал отпечаток как на эволюцию социальной структуры позднесредневекового ремесла, так и оказывал существенное влияние на характер общественных противоречий.

* * *

Итак, проследив на конкретном материале возникновение и развитие отношений раздач, следует дать ответ на вопрос об их месте и роли в историческом процессе генезиса капитализма.

Прежде чем сделать это, обратимся к определению, которое дает К. Маркс капиталистической кооперации. «Действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста, — пишет он, — составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства, мануфактура, например, отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера, только расширена»⁸⁴. Обобщая содержание рассмотренных выше эпизодов, можно сказать, что первые капиталисты не были создателями и собственниками действительно крупных промышленных предприятий, на которых «под одной кровлей» работало большое число наемных рабочих различных специальностей. Первые капиталисты ограничивали свою задачу (прежде всего по причине отсутствия в их руках необходимых для этого денежных средств и социальных условий в самом обществе) организацией производства на старой ремесленной основе и не совершали переворота в самом способе производства. В рамках действия правил системы раздач, с одной стороны, мелкие производители были сильно разобщены в экономическом пространстве; с другой стороны, капитал все же объединял их «на одном поле труда», открывая тем самым новую страницу в истории позднесредневекового ремесленного производства.

В процессе генезиса капитализма Ф. Энгельс также значительное место отводил кооперации, так как «в кооперации, — по его словам, — *управление* процессом труда становится *функцией капитала*, и как таковое приобретает специфические черты». И тут же, говоря о простой капиталистической кооперации, уточнял, что «исторически она выступает как прямая противоположность крестьянскому хозяйству и независимому ремесленному производству (в цеховой форме или нет), притом как свойственная капиталистическому способу производства и отличающая его историческая форма». Он подчеркивал, что «хотя кооперация является основной формой капиталистического производства, ее *простая* форма как таковая или как особая форма выступает наряду с ее более развитыми формами»⁸⁵. В соответствии с таким подходом отношения раздач являются первой, зачаточной и самой примитивной формой капиталистической кооперации. Система раздач выростала из мелкооварного производства, организованного в рамках цехового и нецехового ремесла в городе, долгое время стихийно развивавшихся сельских промыслов, сохраняя с этими формами общественного производства тесную и, особенно на первых порах, органическую связь. Простая капиталистическая кооперация, выступавшая в виде системы раздач, являлась формой, которая предшествовала мануфактуре и одновременно была исходным пунктом развития последней. Указывая на черты сходства и различия между простой капиталистической кооперацией и мануфактурой, Энгельс обращал внимание на следующее: «В мануфактуре, как и в кооперации, функционирующее рабочее тело есть *форма существования капитала*. Вследствие этого производительная сила, возникшая из комбинации различных видов труда, представляется *производительной силой капитала*. Но в то время как кооперация в целом оставляет без изменения способ труда отдельного рабочего, мануфактура революционизирует его, она *уродует* рабочего; неспособный производить самостоятельный продукт, он является лишь *принадлежностью* в мастерской капиталиста»⁸⁶.

Оставляя в стороне риторiku Ф. Энгельса о «революционизации» труда наемного рабочего мануфактуры и об «уродовании» этого рабочего, скажем лишь о том, как дефиниции «кооперация» и «мануфактура» срабатывают применительно к конкретно-исторической ситуации. Простая кооперация, как это можно заключить на основании рассмотрения истории различных от-

раслей текстильного производства Швабии и ряда кантонов Швейцарского Союза, «оставляла без изменения способ труда отдельного рабочего», но в то же самое время ее развитие, тесно связанное с процессом общественного разделения труда, образовывало предпосылку для переворота «во всем способе производства». Этот переворот совершался уже на мануфактурной стадии общественного производства и имел глубокие социальные последствия, которые выразились в массовом разорении (особенно в текстильных отраслях) мелких самостоятельных производителей и их превращении в наемных рабочих.

Отсюда же с необходимостью следует, что система раздач имела собственную историю, которая была историей превращения, с одной стороны, первых и действительно свободных форм капитала – ростовщического и купеческого – в промышленный капитал; с другой – мелкого самостоятельного производителя в «частичного рабочего». Однако на первой стадии раннего капитализма, когда его развитие совершалось в рамках системы раздач, не происходило полного и окончательного превращения купца или цехового мастера в капиталиста, а экономически уже зависимого цехового ремесленника, подмастерья или поденщика – в пролетария. Более того, в самом развитии отношений между капиталом и трудом в рамках раздач можно выделить, опираясь на свидетельства разнообразных и вполне достоверных источников, три фазы (или стадии). На первой стадии (XIV – начало XV в.) отношения так называемых раздач вообще не обнаруживают отчетливо выраженной тенденции перерастания в устойчивую форму капиталистической кооперации, скорее лишь указывая на некоторые признаки начавшегося процесса разложения мелкотоварной основы цехового и нецехового ремесла. На второй стадии (вторая и начало третьей четверти XV в.) представляется возможным говорить о возникновении первых элементов капиталистических производственных отношений, которые, однако, не отличались постоянством и погибали с изменением в худшую сторону рыночной конъюнктуры, в известном смысле вызвавшей их появление. И только на третьей стадии, наступившей в конце XV в. и продолжавшейся примерно до середины XVI в., в обстановке экономического подъема, который переживали германские земли, и быстрого роста производительных сил в ряде отраслей хозяйства, отношения раздач, можно сказать, приобретают необратимый характер и обнаруживают тенденцию перерастания

в примитивную форму мануфактуры, по преимуществу рассеянного типа. Последняя и образует конечный продукт исторической трансформации отношений раздач, которые или исчезают по мере перехода к мануфактурному производству в собственном смысле этих слов, то есть к мануфактуре централизованного типа, или консервируют зачаточные формы капитализма и становятся тормозом на пути общественного прогресса.

2.2. НЕЦЕХОВОЕ РЕМЕСЛО И РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ

Уже исследование проблемы возникновения и начальной стадии формирования системы раздач, которое было предпринято выше на примере позднесредневекового текстильного ремесла, показало, что в становлении этой системы исключительную роль играл внекорпоративный тип промышленной деятельности. Последний известен в двух основных вариантах: нецехового городского ремесла и сельских прядильных и ткацких промыслов. Поэтому сейчас наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть и установить на конкретном материале источников значение и место данных форм производственной деятельности в процессе генезиса капитализма в промышленности. Причем обращение к изучению истории сельских промыслов с необходимостью связано с исследованием не только социально-экономических, но и некоторых социально-политических аспектов отношений между городом и его сельской округой в условиях господства системы феодализма, которая известным образом оказывала влияние на процесс генезиса капитализма.

* * *

Прежде всего обратимся к истории городского нецехового ремесла. На его существование в Аугсбурге начала XV в. указывает хронист Буркард Цинк. В своей автобиографии он сообщает, что первым браком был женат на дочери бедного ремесленника из расположенной в окрестностях города деревни Меринген по имени Элизабет, которая, став горожанкой, занялась ремеслом прядильщицы, не вступая в соответствующий этому роду деятельности цех ткачей⁸⁷. Факт занятий прядением лиц, которые не являлись членами этой корпорации, признавал и один из декретов магистрата Аугсбурга 1433 г. Декрет,

однако, требовал, чтобы нецеховые прядильщики и прядильщицы, постоянно занимавшиеся производством пряжи «для продажи на рынке» или «по заказу», ежеквартально вносили в городскую казну значительный по тому времени налог в 3 фунта пфеннигов⁸⁸. Выполнение данного требования ставило мелких нецеховых производителей в неравные с цеховыми мастерами условия.

В ряде случаев предприятия вне цехов возникали в силу тех или иных обстоятельств экономического характера. Так, 24 апреля 1431 г. бургомистр Констанца от имени правящего совета города заключил договор с Якобом Фольгером, который в тексте договора назван «крамером и нашим бюргером». Фольгер брал на себя обязательство организовать производство бумагеи, «которое здесь совершенно пришло в упадок». Ради достижения этой цели Фольгер получил в свое распоряжение помещение для мастерской, кредит от магистрата в 20 гульденов и приобрел в «вечную собственность» «один двор» (ain hof), расположенный за городским предместьем Петерсхаузен на берегу Рейна⁸⁹. Вероятно, сделано это было для оборудования на территории этого «двора», по всей видимости, белильного предприятия. Вполне очевидно также, что Фольгер вряд ли мог обойтись без использования наемной рабочей силы, которую он рекрутировал, по всей видимости, как из рядов цеховых ремесленников, так и нецеховых городских поденщиков.

Порою городские власти, руководствуясь соображениями производственной необходимости и целесообразности, создавали для чужаков-пришельцев благоприятные условия. Так, в 1406 г. магистрат Эслингена принял «на работу» ульмского красильщика Клауса Дилья, предоставив ему помещение, где тот мог заниматься ремеслом, и на десять лет освободил от налогов и поборов, требуя, чтобы Диль «постоянно и прилежно занимался своим ремеслом». Магистрат того же города спустя почти восемьдесят лет в 1485 г. после завершения строительства городской белильни снова пригласил ульмского мастера-белильщика (его имя в тексте документа не указано) и заключил с ним договор, который по сути дела освобождал ульмского мастера от выполнения «цеховых правил»⁹⁰. Итак, в рассмотренных выше эпизодах производственная деятельность регулировалась не цеховыми уставами, а строилась на договорных началах, которые порою вступали в очевидное противоречие с режимом цехового ремесла. Жестко сформулированные нормы последнего

стесняли свободное развитие городского хозяйства, что и побуждало к действиям в обход правил корпоративного ремесла.

Такая тенденция развития экономических отношений могла иметь опасные для корпоративного ремесла последствия. Дело в том, что выступление красильщиков в роли организаторов капиталистической кооперации и даже мануфактуры на заре эпохи раннего капитализма было нередким явлением. Ярким тому примером может служить деятельность констанцского бюргера Ульриха Имхофа, который из владельца небольшой красильной мастерской превратился в крупного предпринимателя – раздатчика пряжи, скупщика льняных тканей и оптового торговца на международных рынках. Однако деятельность таких предпринимателей не только в начале XV в., но и позже, обычно носила скоротечный характер, встречая на своем пути труднопреодолимые преграды. Так, в конце XV в. в красильном производстве Базеля больших успехов достигло семейство Рихеров. Клаус Рихер был не только владельцем значительной по масштабам красильной мастерской, но и, инвестируя деньги в производство бумагеи, заставил работать на себя многих городских прядильщиц. Он же, как и Ульрих Имхоф, имел обыкновение «раздавать» пряжу деревенским ткачам. Деятельность Клауса Рихера составила серьезную конкуренцию цеховым мастерам, которые и добились ее прекращения⁹¹. Следовательно, производственная деятельность вне средневековых ремесленных корпораций при определенных условиях не только образовывала предпосылки, но и могла перерасти в капиталистическое предпринимательство. Именно это и объясняет упорное сопротивление большинства городских мастеров любым попыткам легализации нецехового ремесла.

Нецеховое ремесло, однако, продолжало развиваться вопреки запретительным и ограничительным по отношению к нему мероприятиям со стороны корпораций. Это ремесло со второй половины XVI в. получило широкое распространение и в Санкт-Галлене. Магистрат города, удовлетворяя требование купеческо-предпринимательских элементов, разрешал нецеховым городским ткачам поставлять полотна на дом купцам, которые, к тому же, получили право производить расчет с ремесленниками не только деньгами, но и пряжей⁹². О деятельности нецеховых ремесленников свидетельствует жалоба магистрату в марте 1489 г. старшины цеха ткачей Отмара Бюрера на то, что производством полотна в городе занимаются и необученные ткацкому

ремеслу члены корпораций портных, башмачников и даже кузнецов⁹³. Один из декретов городских властей 1511 г., формально строго запрещая (*tot und ab*) нецеховое «ремесло и работу», в то же время допускал такого рода деятельность в том случае, если она не шла вразрез с интересами членов цеха и «была направлена на произрастание» среди мастеров корпорации «любви, дружбы и доверия»⁹⁴. Поэтому городские власти по различным соображениям могли исключать из сферы действия цеховой монополии те или иные ремесла. Так, на одном из своих заседаний в том же 1511 г. магистрат Санкт-Галлена счел необходимым объявить «свободной» производственную деятельность и торговую практику шерстоткачей. Скорее всего это было продиктовано стремлением вдохнуть новую жизнь в пришедшее в упадок ремесло. Тогда же в своем постановлении правящий совет города, провозглашая монополию столяров и плотников на занятия «принадлежавшими им ремеслами», тут же делал оговорку об изъятии из-под ее действия производства рам для растяжения полотен, ткацких станков и другого текстильного оборудования⁹⁵. Как известно, за нецеховыми ремесленниками, которые работали на раздатчиков, в дополнениях к уставу 1512 г. признавалось право на производство в течение года трех штук тканей «по контракту». Таким образом и ремесленники последней категории вовлекались в производственные отношения, которые были характерны для начальной стадии генезиса капитализма. Однако, что означал на практике подобный поворот для судеб ремесла?

«Цеховые законы, — писал К. Маркс о ремесленном производстве в средневековом городе, — строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению его в капиталиста». По его же словам, при цеховом строе ремесла «рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной»⁹⁶. Довольно схожую тенденцию развития промышленности Пореформенной России отмечал и В.И. Ленин, причем он подчеркивал: «мелкий товаропроизводитель чувствует, что его интересы, в противоположность интересам общества, требуют сохранения ... монопольного положения, и поэтому он боится конкуренции. Он употребляет всяческие усилия, как единоличные, так и коллективные, чтобы задержать конкуренцию, чтобы «не пустить» соперника в свой район, чтобы укрепить свое обеспеченное положение мел-

кого хозяйчика, имевшего определенный круг покупателей»⁹⁷. Дело в том, что конкуренция несла с собою угрозу самостоятельному существованию замкнутой и мелкотоварной по своей природе хозяйственной системе, находившей наиболее полное воплощение в корпоративном строе средневекового ремесла. Однако этот строй оказался не в состоянии сдерживать другую тенденцию развития, которая довольно сходно проявляла себя в условиях, казалось бы, различных исторических эпох, всегда выступая в роли движущей силы общественного прогресса.

Вопрос о занятиях ткачеством вне ремесленных корпораций во многих городах юго-западного региона германских земель рано приобрел большую остроту. Так, в мае 1403 г. бюргеры Эслингена обратились в городской совет с жалобой на «мастеров ремесла суконщиков», которые препятствуют производить им ткани для собственных нужд и перерабатывать пряжу для сбыта готовых изделий на рынке, лишая их тем самым важного подспорья в существовании. В постановлении, принятом по этому вопросу, магистрат разрешает всем жителям города заниматься производством тканей для удовлетворения собственных нужд и нужд своих семей. Но это же постановление запрещает бюргерам, которые не являются членами корпорации суконщиков, производить ткани самостоятельно с целью их продажи на городском рынке, допуская в то же самое время таких бюргеров к участию в отдельных операциях производственного цикла (в очистке шерсти и прядении) «за особую плату». По существу власти признают законной для жителей города, которые не были членами корпорации суконщиков и не обладали метризой ткачей, работу на последних «по договору»⁹⁸. Пример Эслингена, впрочем, как и других южно-немецких городов, показывает, что нецеховое ремесло служило одним из необходимых условий возникновения явлений раннего капитализма. Эти явления, однако, приобрели значение постоянно действующего фактора только со второй половины XV в. Именно с этого времени нецеховое ремесло в ряде отраслей позднесредневековой текстильной промышленности приобрело ярко выраженные признаки «капиталистического перерождения».

Магистрат Исни на одном из своих заседаний в 1464 г. рассмотрел вопрос о практике, запрещавшей жителям города, которые не были членами цеха ткачей, производить более трех штук тканей в год для их продажи на «вольном рынке». Декрет, принятый по данному вопросу правящим советом города, право

на занятия ткачеством предоставлял с указанным ограничением самостоятельным ремесленникам (которые сами производили ткани, хотя и не принадлежали к цеху ткачей), но запрещал это делать тем, кто работал на других. В том же декрете речь идет о казусе с неким Бальтусом Шталером, превысившим максимальную для нецеховых ремесленников норму производства полотен, в результате чего городские власти обязывали его выйти из ремесленной корпорации, к которой он принадлежал ранее, и приобрести метризу цеха ткачей⁹⁹. В отличие от Эслингена в Исни городское законодательство, разрешая, казалось бы, занятия ткачеством вне рамок корпоративного ремесла, в то же самое время, однако, создавало препятствия на пути развития отношений раздач. Поэтому действенность мер, направленных на подавление ростков раннего капитализма, как в этом, так и других случаях, представляется сомнительной. На самом деле именно нецеховое ремесло оказывалось менее всего защищенным от проникновения в него капиталиста-раздатчика, который и подчинял своей власти мелких производителей.

Процесс имущественной дифференциации городских ремесленников (которые, с одной стороны, были объединены в цехи, а с другой стороны, отделены, хотя бы частично, от рынков закупок сырья и сбыта готовых изделий или даже от средств производства) протекал одновременно с ростом внекорпоративных форм промышленной деятельности. Нецеховые ремесленники уже в первой половине XV в. составляли заметную прослойку городского населения. Так, по данным податного кадастра Базеля (1429 г.) из 2744 налогоплательщиков города 184 (6,7 процента от общего их числа) являлись нецеховыми ремесленниками. Они и находились, на что красноречиво указывает тот же кадастр¹⁰⁰, в самом бедственном положении. И это было закономерным явлением. Развитие нецехового ремесла имело, однако, и другие последствия.

По мере роста масштабов общественного производства вопрос о его регулировании приобретал все большее значение. Так, правящий совет Ульма постоянно вмешивался в сферу производства. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует один из декретов совета этого города 1406 г., которым устанавливались тарифы заработной платы для плотников, каменщиков, а также ткачей, работавших на «чужих» ткацких станках¹⁰¹. В последнем случае декрет, вероятно, имел в виду разорившихся цеховых мастеров или нецеховых ремесленников, которых пред-

приниматели из числа цеховой верхушки или богатых купцов «садили» за принадлежавшие последним ткацкие станки и заставляли работать на себя. Таким образом, еще в начале XV в. в Ульме можно было наблюдать за попыткой разрешения «рабочего вопроса» в интересах предпринимательских элементов, которые эксплуатировали людей наемного труда, прибегая порою к внеэкономическому принуждению и действуя в обход традиционных норм корпоративного ремесла.

Вопрос о порядке найма и использования наемной рабочей силы приобрел особую остроту и значение с возникновением явлений раннего капитализма. В новых условиях предпринимательские элементы прибегали к мерам, направленным на изыскание средств, с помощью которых можно было бы заставить работать на себя бродяг, нищих и пауперов. Так, к примеру, магистрат того же Ульма в мае 1498 г. создал специальную комиссию, которая с помощью нанятых властями для этой цели слуг должна была переписать всех нищих в самом городе и его окрестностях (в Пфуле, Зефлингене и других местах) и по возможности установить, кто из них может работать¹⁰². Подобные мероприятия властей особенно большого размах приобрели с проведением Реформации, когда закрытие монастырей резко увеличило число людей без каких-либо средств существования и способствовало росту резервной армии наемного труда. С другой стороны, как официальные власти, так и работодатели-капиталисты нашли теперь этическое обоснование и оправдание своим действиям в реформационной идеологии. На это обстоятельство еще в конце XIX в. обратил внимание Э. Готхейн¹⁰³.

Рассмотренные выше факты убеждают, что на исходе Средних веков в юго-западном регионе германских земель городское нецеховое ремесло приобрело существенную значимость, особенно в текстильном производстве, работавшем на экспорт и местного массового потребителя.

Еще в большей мере к тому времени выросли масштабы сельских промыслов. Место последних в процессе генезиса капитализма может быть правильно осмыслено только в том случае, если мы, хотя бы кратко, остановимся на некоторых аспектах отношений между городом и деревней в специфических условиях системы феодализма. Это позволит установить, в каких конкретно-исторических условиях началось движение деревни навстречу капитализму, и какую роль в данном процессе сыграл город.

* * *

В Средние века политика магистратов по отношению к прилегающей к городам сельской округе обычно отличалась большой противоречивостью. Порою эта политика, особенно когда речь шла о коренных интересах самих городов, могла приобретать освободительный характер по отношению к проживающим в округе людям, которые находились в лично-наследственной зависимости. Так, один из актов (от 21 августа 1340 г.) сообщает о выкупной операции правящего совета Ульма, по условиям которой семейство рыцарей рода фон Эрлбахов давало согласие на приобретение проживающими поблизости от города двадцатью двумя «нашими крепостными» (unsere leibeigenen) бюргерских прав¹⁰⁴. Освобождение крестьян, находившихся в лично-наследственной зависимости от Эрлбахов, совпало по времени с началом бурного развития бумазейного производства. Поэтому есть основания полагать, что выкупная операция совета Ульма имела в виду сельских ткачей-бумазейщиков, работавших на городские досмотры. Такими же энергичными в конце XIV в. были действия магистрата Эслингена, который нашел достаточно убедительные средства, чтобы заставить княжескую администрацию Вюртемберга признать за правящим советом города право принимать в число бюргеров всех жителей сельской округи, независимо от их социальных статусов, в том числе жителей территорий, находившихся под сеньориальной, а не городской юрисдикцией¹⁰⁵. В этом же отношении примечательно постановление магистрата Исни от 14 июля 1430 г., в котором речь идет о «смешанных браках». В данном постановлении говорится, что часто имеют место случаи, когда бюргер женится на дочери «крепостного» или «чиншевика», или дочь бюргера выходит замуж за «крепостного» или «чиншевика». Городские власти выражают удовлетворение по поводу этих брачных союзов и твердо заявляют, что они в том и другом случае охотно примут молодые семьи в ряды полноправных бюргеров¹⁰⁶, снимая тем самым претензии к супругам со стороны бывших господ. Вряд ли может возникнуть сомнение, что в данных эпизодах акции городских магистратов соответствовали интересам и потребностям товарно-денежного хозяйства и уже в силу данного обстоятельства носили прогрессивный характер. Нельзя не отметить, что в тех же эпизодах политика магистратов вполне отвечала интересам значительной части не только городского, но и сельского населения, что способствовало укреплению

новых связей между городом и деревней в условиях быстрого развития товарно-денежных отношений.

Исход деревенского населения в города в Средние века играл для этих городов роль важного и, быть может, даже решающего демографического фактора. Приводимые К.О. Мюллером статистические материалы о росте населения имперского города Равенсбурга показывают, что в течение 67 лет XIV в. (1324–1380 гг.) бюргерские права в этом городе получили 1133 «пришельца-новосела»¹⁰⁷, то есть в среднем по 17 человек ежегодно. Несколько иные данные о Констанце, городе приблизительно равном по численности населения Равенсбургу, приводит П. Майзель¹⁰⁸. В Констанце на протяжении всего XIV в. в ряды бюргерства были приняты лишь 445 человек, то есть в среднем ежегодно только по 4–5 новоселов. Однако статистические данные за девятнадцать различных лет того же столетия о поселении в городе многочисленных пришельцев «на положении подмастерьев» вносят в демографическую картину развития города существенный корректив. Оказывается, что в течение упомянутых выше девятнадцати лет в Констанц переселилась 761 семья – в среднем в городе оседали по 40 семей новоселов ежегодно, но только глава каждой десятой из них сумел получить бюргерские права и стать полноправным гражданином города. Причем во всех рассмотренных выше эпизодах подавляющее большинство переселенцев составляли мигранты из деревень сельской округи города. Заслуживает внимания и тот факт, что если для крестьян переселение в город являлось формой социального протеста и способом освобождения от феодальной лично-наследственной зависимости (но не освобождения, как правило, от угнетения и эксплуатации вообще), для самого города оно служило одним из основных источников пополнения рабочей силы. Быстрый рост народонаселения позднесредневековых городов в германских землях, особенно со второй половины XV в., не в последнюю очередь происходил благодаря миграции в эти города избыточного деревенского населения. Таким образом, деревня служила не только важнейшим фактором демографического развития позднесредневековых городов, но и источником рабочей силы для них.

При рассмотрении вопроса об отношениях между городом и деревней в условиях Средних веков необходимо иметь в виду, что город, являясь социальным институтом феодального общества, выступал в роли коллективного сеньора деревень своей

округи, а бюргеры, причем не только патриции, но также богатые купцы и зажиточные цеховые мастера эксплуатировали крестьян, находившихся от них в различных формах зависимости. Некоторые города Швабско-Швейцарского региона проявили удивительную энергию на пути подчинения своей власти прилегающих к их стенам территорий. К примеру, Ульм уже к концу XIV в. установил власть над обширной округой, на территории которой большая часть земель и судебных прерогатив принадлежали магистрату и семействам городской верхушки и прежде всего патрициату¹⁰⁹. Другим примером превращения города в крупного землевладельца может служить Цюрих, который к концу XV в. прибрал к своим рукам обширные территории на правом и левом берегах Верхнего Рейна, в том числе графство Кобург и небольшие городские центры Эглизау и Рафцерфельд с прилегающими к ним сельскими округами. Повсюду на этих территориях город установил свою юрисдикцию¹¹⁰. Переход деревень под власть магистратов городов означал заметные перемены в судебно-административном управлении и ослабление сеньориального режима в деревне, но не приводил к радикальному преобразованию в ней феодальных отношений собственности. Средневековый город по отношению к основному неполноправному «классу-сословию» феодального общества — крестьянству — продолжал выступать как коллективный сеньор, а представители патрицианско-бюргерской верхушки его населения — прежде всего как землевладельцы феодального типа. При таком варианте исторического развития роль городов по отношению к деревне была двойственной. С одной стороны, город продолжал играть роль проводника в деревню товарно-денежных отношений, под влиянием которых происходило повышение товарности в сельскохозяйственном секторе общественного производства и совершалась эволюция феодальной ренты, хотя тенденция движения последней в направлении к денежной ее форме в юго-западном регионе германских земель не была по крайней мере единственной. Поэтому, с другой стороны, здесь бюргеры были заинтересованы в превращении, что вполне правомерно подчеркивает В.Е. Майер, земельной ренты в товар, чтобы не только извлекать пользу из натурального продукта, полученного в виде ренты, но и присваивать торговую прибыль от продажи этого продукта на рынке¹¹¹. Таким развитием отношений между городом и деревней создавались серьезные препятствия на пути превращения крестьянина в

равноправного контрагента и партнера бюргера на рынке продовольствия, на котором по-прежнему доминирующие позиции продолжал занимать бюргер, выступавший в роли не только землевладельца, но и торговца.

Положение средневекового города в «системе феодализма» определяло и отношение его населения к крестьянскому освободительному движению. В связи с этим представляет интерес один из документов кафедрального собора Аугсбурга, в котором речь идет о конфликте в 1406 г. между «крестьянскими общинами в Альгау», с одной стороны, и феодалами-землевладельцами — с другой. Представители имперских городов Швабии, выступая в данном конфликте в роли третейских судей, защищают интересы собственников феодального типа, одновременно требуя, чтобы они не доводили крестьянские хозяйства до полного разорения¹¹².

При этом необходимо иметь в виду, что отношение к феодально-зависимым крестьянам было неодинаковым со стороны различных слоев городского населения. Иллюстрацией тому может служить декрет магистрата Аугсбурга от 6 января 1457 г., в преамбуле которого речь идет об острых разногласиях и спорах среди горожан по вопросу о положении крестьян, принадлежавших бюргерам. Одни жители города считали такое положение крестьян несовместимым с учением Христа и энергично выступали за немедленное их освобождение от лично-наследственной зависимости; другие — придерживались противоположной точки зрения и полагали, что «многие бюргеры» приобрели крестьян за деньги и по этой причине было бы несправедливо освобождать их безвозмездно, нанося тем самым большой материальный ущерб своим согражданам. Правящий совет города занял в данном споре, на первый взгляд, двойственную позицию: с одной стороны, он поддержал собственников, с другой, — заявил о своем праве в случае необходимости вносить в «городскую книгу» и освобождать крестьян от «личной крепости», независимо от того, кому они принадлежали — бюргерам, церковным учреждениям или представителям светского дворянства¹¹³. Вместе с тем вполне очевиден и тот факт, что бюргерская верхушка в конфликте «крестьянских общин» с феодалами выступала не столько в роли союзника крестьян, сколько — ревностного защитника частной собственности, в том числе и на находившихся от них в лично-наследственной зависимости крестьян.

В то же время источники сообщают и о примерах, когда освободительное движение крестьян находило сильную поддержку со стороны горожан. События так называемого казуса Вальдмана в Цюрихе (1489 г.) свидетельствуют о том, что крестьянское движение в его владениях нашло опору в бюргерской оппозиции. Именно благодаря данному обстоятельству некоторые существенные по значимости требования крестьян были удовлетворены¹¹⁴. В следующем, 1490 г., бюргеры Аугсбурга с оружием в руках попытались оказать помощь крестьянам сельской округи своего города, которых местный епископ, по их убеждению, «угнетал сверх всякой меры»¹¹⁵. В эти же годы имели место солидарные действия крестьян и горожан против феодальных властителей на территории аббатств Санкт-Галлена и Кемптена¹¹⁶. В 1493 г. в Эльзасе возник первый в целой серии заговоров «Башмака», в ходе которых на повестку дня был поставлен вопрос об установлении союза между крестьянским освободительным движением и бюргерской оппозицией с целью проведения крупных общественных преобразований, включая преодоление политической раздробленности Германии¹¹⁷. Эта тенденция в антифеодальном движении отнюдь не случайно стала проявлять себя именно с конца XV в., когда произошло резкое обострение социально-политических противоречий в обществе и началось движение германских земель навстречу революционным потрясениям.

Прогрессивная тенденция общественного развития в германских землях находила выражение в большей мере в настроениях средних слоев городского населения, которые получили отражение в программе радикально-бюргерской оппозиции, чем в позиции правящей олигархии и патрициев. Что же касается отношений между городом и деревней, они обычно складывались достаточно напряженно, причиной чего являлась противоположность их социально-экономических интересов. Дело не только в том, что город и его бюргерская верхушка, выполняя функции сеньоров-землевладельцев, принимали участие в «феодальном обирательстве» и угнетении сельской округи, но и в том, что в юго-западном регионе германских земель уже примерно с середины XIV в. стала сильно проявлять себя, особенно в экспортных отраслях текстильного производства, конкуренция между городским цеховым ремеслом и сельскими промыслами. Для объяснения данной коллизии, затрагивающей отношения между городом и деревней на той стадии развития системы

феодализма, когда в ее недрах возникали элементы раннего капитализма, следует принять во внимание положение теории К. Маркса, согласно которому в качестве условия функционирования капиталистических производственных отношений необходимо, чтобы «противостояли друг другу с одной стороны владелец стоимости или денег, с другой – владелец субстанции, образующей стоимость». При таком варианте развития общественного производства происходило «отделение продукта труда от субъективного фактора – рабочей силы». В рассмотренных выше ситуациях в конечном счете все же срабатывала именно эта закономерность, так как свобода исхода сельского населения в город и его освобождение от пут феодальной зависимости отвечали сначала интересам простого товарного производства, а затем – способствовали трансформации этого производства в капиталистический уклад. Но Маркс указывал и на то, что «превращению денежного капитала, образовавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе»¹¹⁸. При этом, помимо прочего, следует иметь в виду и то обстоятельство, что «владельцы стоимости или денег», в роли которых выступали купцы, банкиры-ростовщики или богатые цеховые мастера, в условиях зарождавшегося капиталистического уклада, отнюдь не все средства, аккумулированные в ремесле, торговле и денежном обращении, употребляли на организацию расширенного воспроизводства, используя часть этих средств на инвестиции в феодальное землевладение и различные ренты «сеньориального происхождения». Поэтому в переходную от Средневековья к Новому времени эпоху город совмещал зачаточные формы капиталистической эксплуатации деревни с ее феодальным угнетением. Все это имело следствием обострение противоречий между городом и деревней. Однако, с другой стороны, деревня в такой же мере нуждалась в городе, в какой город не мог существовать без деревни. Вполне определенно можно сказать, что не только город выступал в роли проводника товарно-денежных отношений в деревню, но и деревня по мере развития этих отношений занимала все более заметное место в структуре всего промышленного производства позднего Средневековья. Такая тенденция развития как порождала конкуренцию между городом и деревней, так и вела к сближению, но отнюдь не к совпадению, интересов деревенской бедноты и городских низов.

* * *

Деревня не только снабжала город сельскохозяйственными продуктами и сырьем, но и принимала активное участие в ремесленном производстве, особенно в ведущей и важнейшей его отрасли – текстильном ремесле. Находящиеся в распоряжении исследователя факты не оставляют сомнения в том, что в льноткачестве и бумазейном производстве уже к концу XIV – началу XV в. в общих чертах завершился процесс разделения труда и прядение, о чем сказано выше, сосредоточилось в деревне, откуда пряжа поступала на городской рынок или находила сбыт на сельских торгах¹¹⁹. Деревенские ремесленники в больших количествах производили также грубые бумазейные и особенно льняные ткани, которые затем «дорабатывались» в городах до уровня стандартов международных рынков того времени и становились изделиями экспортного ремесла¹²⁰. Именно такую роль на протяжении длительного времени играл Констанц, что и превратило этот город в экономический центр обширной территории Озерного края, значительная часть населения которого была занята в льноткацком производстве. Связь городского ремесла с сельскими промыслами в данном случае не вызывает сомнения. Но такой ход развития имел и другие последствия.

В условиях роста ремесленного производства в городах и по мере вовлечения в него сельских производителей отношения между городом и деревней приобретали особое значение. Как утверждает А. Вестерман, ремесленники не только имперских, но и княжеских городов порою создавали различные союзы и объединения, которые имели целью заключение соглашений о регулировании и разграничении сфер закупочных операций с пряжей. В 1532 г. Мемминген, Равенсбург, Кемптен, Ванген и Лейткирх подписали договор сроком на четыре года и образовали союз, члены которого намерены были заставить крестьян поставлять пряжу на строго установленные для них рынки. Причем смыслом такого регулирования объявлялась забота о бедных ткачах и их защита от притеснений со стороны богатых мастеров. Бедные ткачи, как об этом сказано в тексте договора, не имеют возможности посещать сельские торги, оставляя на целый день свои ткацкие станки. Богатые же мастера лично посещают эти торги или направляют на них своих подмастерьев и слуг. Поэтому пряжу для бедных ремесленников-ткачей следует доставлять прямо на городской рынок. В качестве еще одной меры защиты «бедных ткачей» договор устанавливал

максимум закупок сырья на неделю в 24 фунта. Но Вестерман признает, что эти меры не дали ожидаемых результатов, так как на данной территории находились не только города с подвластными им округами, но и владения независимых от городов семнадцати крупных духовных и светских землевладельцев, крестьяне которых также занимались изготовлением пряжи. При этом феодальные сеньоры могли преследовать отличные от магистратов городов цели¹²¹, что иногда освобождало деревенских производителей от контроля со стороны последних. Все это красноречиво свидетельствовало не только о значимости сельских промыслов для городского текстильного производства, но и о большой сложности и противоречивости отношений между городом и деревней на исходе Средних веков.

Деревенские текстильные промыслы порою достигали значительных масштабов и в условиях относительной узости рынков сбыта превращались в опасного конкурента городского цехового ремесла. Именно по этой причине основная масса городских ремесленников вела неустанную борьбу с сельскими промыслами, самым фактом своего существования угрожавшими благополучию цеховых мастеров. Купеческо-предпринимательские элементы из числа оптовых торговцев и представителей цеховой верхушки обычно были заинтересованы в успешном развитии этих промыслов, так как эксплуатация последних являлась одним из источников их обогащения. В таких случаях судьбы деревенского ремесла обнаруживали тесную связь с социально-политическими конфликтами в самих городах.

Сельские промыслы имели большое значение для развития знаменитого полотняного производства Санкт-Галлена. Во владениях этого аббатства льноткацкие промыслы широко были распространены в Гассау, Роршахе и округе небольшого княжеского городка Виля. То же самое можно сказать об Аппенцеле, который сначала был княжеским городом, но затем добился автономии. В Тоггенбурге центром льноткачества был Лихтенштейн. Во владениях констанцкого епископа находились также небольшие центры городского типа, как Бишофцель и Арбон. Санкт-Галлен стремился подчинить своему контролю сельские прядильные и ткацкие промыслы на всей этой территории. Из упомянутых пунктов грубые полотна стекались в Санкт-Галлен, где их «дорабатывали» и превращали в высококачественные изделия экспортного ремесла. Развитию здесь текстильного производства содействовали купеческо-предпринимательские

элементы, осуществлявшие сбыт ее изделий на отдаленных (по преимуществу международных) рынках, в том числе за пределами германских земель. Эти же элементы, как правило, занимались в сельских округах городов раздачами (*verlegeten*). Некоторые из мелких городских центров льноткачества выступали не только в роли послушного орудия Санкт-Галлена, но и опасного конкурента последнего. Самостоятельные досмотры в 1472 г. были учреждены в Виле, в 1477 г. — в Арбоне и в первом десятилетии XVI в. — в Бишофцеле и Аппенцеле¹²². Все эти центры сыграли заметную роль в истории раннего капитализма в текстильном производстве германских земель.

В связи с этим большой интерес представляет рассказ санкт-галленского хрониста Иоганнеса Кеслера о развитии льноткачества в сельской местности Арбона, которое к концу XV в. по существу приобрело самостоятельное значение. Арбон, по словам Кеслера, учредил собственные досмотры, свой торговый знак и стал осуществлять все операции производственного цикла. Конкуренция со стороны, по всей видимости, того же Арбона побудила власти Санкт-Галлена прибегнуть к мерам, запрещавшим бюргерам и сельским ткачам округи города поставлять свои изделия на досмотры в другие места. Об условиях, в которых происходило превращение Арбона в самостоятельный центр льноткачества, ярко свидетельствует деятельность санкт-галленского бюргера и красильщика по профессии Отмара Мозера. Последний, как утверждает Кеслер, скупал грубые ткани у сельских ремесленников, «дорабатывал их на принадлежавшем ему предприятии и нажил таким образом большое состояние». Деятельность скупщика полуфабрикатов и владельца крупной красильной мастерской Мозер совмещал с раздачами сырья ткачам как самого Арбона, так и прилегающих к этому небольшому городскому центру деревень. По словам хрониста, в деятельности Мозера «простой ремесленник» (*der gmain handwercksmann*) и «необученный поденщик» (*werblöse tagloner*) видели единственную возможность на получение работы и вместе с нею средств к существованию¹²³. На основании этого эпизода из истории льноткачества Арбона можно заключить, что причиной превращения последнего в самостоятельный и значительный по масштабам центр льноткацкого производства были прежде всего успехи сельских промыслов, которые развивались в условиях возникновения капитализма, находившего порою в этих промыслах даже более благоприятную почву, чем в городском

корпоративном ремесле. Поэтому можно признать вполне правомерным вывод Ф. Фургера об исключительной роли сельских промыслов в расцвете и развитии в льноткачестве Арбона явлений раннего капитализма, которые получили реализацию в распространении производственных отношений в рамках так называемых раздач¹²⁴. Такой вывод находит подтверждение и обоснование в свидетельствах многочисленных источников.

Источники по истории Санкт-галленского льноткачества содержат многочисленные упоминания об агентах торговых компаний, купцах и цеховых мастерах, скупавших пряжу у деревенских прядильщиков¹²⁵. В «Уставлениях» 1508–1509 гг., посвященных ткацкому ремеслу, говорится о большом числе нецеховых ремесленников, которые занимались производством пряжи или ткани «за плату» вместе с членами своих семей¹²⁶. Уже в 70-е годы XV в. в зависимости от Санкт-галленских раздачиков находилось большое число ткачей, проживавших в небольших поселениях городского типа (Бишофцелле, Виле, Лихтенштейне) и расположенных поблизости от них деревнях¹²⁷. Проникновение городских капиталов в сельские промыслы сопровождалось возникновением в этих промыслах явлений раннего капитализма, которые вырастали из практики скупки пряжи и грубых тканей, произведенных мелкими ремесленниками, и авансирования этих производителей купеческо-предпринимательскими элементами. Последние и овладели командными позициями в данной отрасли текстильного производства.

Сельские промыслы вообще порою играли заглавную роль в экономических судьбах городов. В этой связи представляет несомненный интерес следующий эпизод. Примерно с середины XV в. между Констанцем и Санкт-Галленом началось противостояние, в ходе которого каждая из сторон стремилась подчинить своему влиянию и даже власти как можно большую сельскую округу. Победителем из этой борьбы вышел Санкт-Галлен, в организации льноткацкого производства которого активную роль играл купеческий капитал и попавшие под его контроль сельские промыслы¹²⁸. Так, по свидетельству Вадиана, правящий совет города особыми посланиями оповестил все сельские местности, что его властью с целью «поддержания и умножения льноткачества» введены постоянно действующие досмотры, для проведения которых поставлены «знающие люди», чтобы, отделяя хорошие ткани от плохих, всячески «содействовать благу не только бедных и богатых бюргеров, но и особенно —

преуспеваю деревенских общин». Власти Санкт-Галлена и на самом деле добились, чтобы их досмотры, за исключением Констанца, признали все городские центры и сельские местности Озерного края¹²⁹. Собственно говоря, о том же сообщает живший в XVII в. и оставивший после себя обстоятельное историко-географическое описание города Санкт-Галлена и территорий всего аббатства школьный учитель по фамилии Паццаглиа. Он утверждает, что деревенские ткачи, проживавшие во владениях аббатства, «с давних времен» поставляли свои изделия на санкт-галленские досмотры и вынуждены были подчиняться их жестким правилам. «Крестьянское население» сельской округи Санкт-Галлена и других территорий аббатства, продолжает Паццаглиа, в первую очередь перерабатывало в пряжу лен, который оно же и выращивало¹³⁰. При таком направлении экономического развития отношения раздач находили для себя благоприятную почву в сельских промыслах, которые выросли из средневекового деревенского домашнего ремесла. В то же время очевидно, что переход к зачаточным формам капиталистической кооперации в санкт-галленском льноткачестве привел к подчинению сельских промыслов власти купеческого капитала.

Тесное переплетение судеб раннего капитализма с судьбами сельских промыслов может быть проиллюстрировано и другими материалами. Как свидетельствует Вадриан, правящая верхушка Констанца в поисках выхода из кризиса, в состоянии которого оказалось городское текстильное производство, исключительное значение придавала планам подчинения своему влиянию и власти обширной сельской округи и небольших центров городского типа в Озерном крае. Рассказывая о событиях 1530 г., то есть времени, когда льноткачество в Констанце переживало спад, а в соседнем Санкт-Галлене – подъем, Вадриан пишет, что в начале этого года совет Констанца направил «своих людей» в долину Верхнего Рейна, приказал им закупить «много [всякой] пряжи» и свести всю эту пряжу в Констанц, полагая, что тем самым сможет «причинить нашему (то есть санкт-галленскому. – Ю.Н.) ремеслу большой ущерб». Акция правящего совета Констанца, заверяет нас Вадриан, была предпринята «по настоянию некоторых лиц», под которыми он определенно имел в виду крупных оптовых торговцев тканями этого города и одновременно – конкурентов санкт-галленских предпринимателей. Скупленную таким образом пряжу, продолжает он, приказано

было «раздать во всех женских монастырях и во всех домах бедного люда». С помощью таких мер, считает Вадиан, власти Констанца надеялись «возвысить» городское льноткачество¹³¹, то есть взять верх над конкурентами. В повествовании санкт-галленского бургомистра и историка нашло отражение, с одной стороны, разделение труда в льноткацком производстве между городом и деревней (сельские промыслы производили главным образом пряжу, городские ремесленники перерабатывали ее в ткани); с другой стороны, то, что планы магистрата Констанца по существу предусматривали реорганизацию всего льноткачества на раннекапиталистической основе. Примечателен так же и тот факт, что городские власти, используя достигнутые результаты осуществляемой на юго-западе германских земель Реформации, намерены были включить в мероприятия по реорганизации льноткачества и женские монастыри. Видная роль в этих планах отводилась сельским промыслам, которые должны были сыграть связующую роль во всей системе мануфактурного производства в текстильной промышленности Озерного края.

Сельские промыслы, как известно, получили распространение и в бумазейном производстве. Яркие свидетельства на этот счет содержит хроника цеха ткачей Аугсбурга¹³². Здесь еще в начале XV в. в магистрат стали поступать жалобы на деревенских ткачей, проживавших в трехмильной заповедной зоне. По настоянию цеховых мастеров правящий совет принял постановление, запрещавшее жителям города заключать контракты с этими ткачами. Из текста постановления следует, что некоторые богатые бюргеры поставляли в деревни городской округи хлопок, скупая там же пряжу для производства из нее бумазеи. Они же приобретали у деревенских ремесленников готовые изделия или грубые ткани, которые «дорабатывались» до стандартов изделий экспортного ремесла в городе. Постановление осуждало такую практику и угрожало нарушителям порядка крупными денежными штрафами. Оно предписывало всем сельским ремесленникам, занимавшимся ткачеством, в течение года переселиться в город. Однако ригорически сформулированное властями требование отнюдь не решало проблемы сельских промыслов. 24 мая 1425 г. магистрат снова издал декрет, который запрещал мастерам корпорации ткачей и купцам продажу и раздачу хлопка в деревнях округи. Мотивом действий властей автор хроники Клеменс Егер называет опасение последних, что в результате такой практики торговля

в самом городе может «захиреть» или «полностью перейти» в деревню. Вместе с тем очевиден и тот факт, что в данном эпизоде власти не только пытались бороться с конкуренцией со стороны деревенских производителей, но и стремились пресечь попытки распространения отношений раздач в сельской округе Аугсбурга. С этой точки зрения, в их политике можно проследить антикапиталистическую направленность.

Вопреки запретительным постановлениям городских властей, сельские промыслы продолжали существовать, а цеховая верхушка и купечество, о чем свидетельствует та же хроника корпорации ткачей Аугсбурга¹³³, прилагали усилия, чтобы проникнуть в эти промыслы и подчинить их своей власти. На одном из заседаний в 1445 г. магистрат Аугсбурга рассмотрел вопрос о конкуренции сельских ремесленников-ткачей городским ткачам и повторил «из слова в слово» текст декрета, изданный более тридцати лет тому назад – в 1411 г.

Между этими двумя датами – в 1423 г. – произошло событие, которое бросает свет еще на одну сторону отношений между цеховой верхушкой и деревенскими ткачами. Возмутителем общественного спокойствия в этом году оказался «один местный парень» по имени Вайт Роллин, проживавший в расположенной поблизости от города деревне и «учинивший с мастерами ремесла ткачей большой обман и озорство». Роллин «взял у них много денег», но не выполнил взятых на себя обязательств и не соткал тканей в соответствии с условиями контрактов, чем «причинил мастерам цеха большой ущерб». За «учиненное озорство» и в «назидание другим» он был подвергнут публичной порке. Между тем этот курьезный эпизод свидетельствует о том, что, несмотря на запреты городских властей, зажиточные цеховые мастера продолжали авансировать деревенских ткачей, и это авансирование осуществлялось не корпорацией, а в индивидуальном порядке мастерами цеха, которые требовали от контрагентов расчета изделиями своего ремесла. К тому же, как пишет Егер, цеховые мастера и купцы имели обыкновение обменивать хлопок на готовые изделия и в том же 1423 г. они давали за каждую «штуку бумазеи» 7 фунтов хлопка. Все эти факты красноречиво указывают на глубокое проникновение в сельские промыслы городских капиталов и о практике раздач и авансирования бюргерами-предпринимателями деревенских производителей, занятых полностью или частично в текстильном экспортном ремесле.

Политика магистрата Аугсбурга по отношению к сельским производителям не отличалась последовательностью. Об этом свидетельствуют следующие факты. В 1436 г. магистраты Кемптена и Исни направили послание правящему совету Аугсбурга, в котором они жаловались на практику скупки бюргерами у деревенских ремесленников пряжи, что, как полагали власти Кемптена и Исни, наносит «большой ущерб» еженедельным городским торгам. Поэтому магистраты Кемптена и Исни обращались к правящему совету Аугсбурга с просьбой, чтобы тот, используя свою власть и влияние, «соответствующим образом воздействовал» на цеховых мастеров и запретил практику скупки ими пряжи, которую последние приобретали у сельских ремесленников вне городского рынка. Однако правящий совет Аугсбурга даже не счел нужным ответить на эту просьбу. Он же в 1439 г. ответил отказом на просьбу магистрата Меммингена оказать ему помощь в действиях, которые были направлены на пресечение поступления на рынок их города большого количества дешевых бумазейных тканей, что затрудняло цеховым мастерам возможность получения необходимых для жизни средств занятиями ремеслом. На этот раз магистрат Аугсбурга аргументировал свой отказ тем, что он не в состоянии регламентировать деятельность проживающих за пределами его юрисдикции деревенских производителей¹³⁴. Приведенные выше факты свидетельствуют об острой конкуренции между городским цеховым ремеслом и сельскими промыслами. С другой стороны, не возникает сомнения в том, что городские предприниматели, в том числе богатые цеховые мастера, эксплуатировали деревенских прядильщиков и ткачей, извлекая таким образом немалую выгоду для себя. Однако этим значение сельских промыслов не ограничивалось.

Сельские, особенно прядильные, промыслы в XV в. были распространены на юге Верхней Швабии почти повсеместно. Фактор Равенбургской компании писал в 1477 г., что по причине неблагоприятных видов на урожай бедный люд в деревнях вынужден заниматься прядением (*das arm luit musend spinnen*). Напротив, хороший урожай тут же сокращал число деревенских ремесленников, повышал спрос и вместе с ним цены на их изделия. Сельские промыслы в Южной Швабии работали на городской рынок Равенбурга, текстильное производство которого где-то около 1480 г. пережив апогей своего подъема, стало быстро приходить в упадок и по этой причине оказалось не в

состоянии поглотить избыточное деревенское население¹³⁵. Это обстоятельство сдерживало исход сельских жителей в город, поскольку они не находили в нем надежных источников существования. Другим результатом широкого распространения сельских промыслов в Южной Швабии, как установил Д.У. Сейбин¹³⁶, являлась парцеллизация крестьянских хозяйств и образование прослойки деревенского населения, жившей прежде всего за счет занятий ремесленной деятельностью.

Образование прослойки деревенских ткачей, работавших по преимуществу на городских раздатчиков, было характерным явлением не только для Равенсбурга, который все же являлся значительным центром средневекового текстильного производства и резиденцией знаменитой «Большой компании»¹³⁷, но и для сельских округ городов иного типа. Так, анонимный автор хроники графов фон Циммерн рассказывает об острой конфронтации в округе княжеского городка Мескирха (расположенного на юге той же Верхней Швабии) полнонадельных крестьян «с наемниками или поденщиками в деревнях», которые будто бы «стесняли» первых в пользовании землями альменды. Эта же хроника сообщает, что в округе Мескирха и в соседних с нею сеньориях проживало большое число малоземельных и даже безземельных «ткачей-крестьян» (*weberu*), от которых «сильно страдала» зажиточная деревенская верхушка. Любопытно также отметить, что после окончания Крестьянской войны, когда Швабский Союз проводил карательные экспедиции и взыскивал с жителей деревень Южной Швабии денежные штрафы «за участие в мятеже», одни «сельские ткачи» (*die weber im dorf*) оказались не в состоянии внести эти штрафы, другие («кому было что платить») – бежали из родных деревень¹³⁸. Свидетельства автора хроники не оставляют сомнения в том, что большинство деревенских ремесленников, основным источником существования для которых были занятия ткачеством, а доходы с крошечных парцелл (то есть садов, огородов и виноградников) и земель альменды занимали незначительное место в бюджете их семей, находились в бедственном положении. В эксплуатации деревенской бедноты активно проявлял себя город, использовавший в качестве инструмента такой эксплуатации отношения раздач, простую капиталистическую кооперацию и примитивные формы мануфактуры по преимуществу рассеянного типа. Энергичное «вторжение» городских капиталистов-раздатчиков (купцов или богатых цеховых мастеров) в соци-

альную жизнь деревни имело и другие последствия, которые оказали воздействие не только на деревню, но и на сам город.

* * *

Оборотной стороной процесса имущественной, а затем и социальной дифференциации населения деревни была борьба городских организованных в корпорации ремесленников с сельскими ткачами, в которых первые видели опасных конкурентов. Эта борьба была направлена на «искоренение» или, по крайней мере, сильное ограничение масштабов и характера деятельности деревенских производителей. Эта тенденция развития достаточно отчетливо прослеживается на материале по истории корпорации ткачей имперского города Меммингена, где с целью борьбы с конкуренцией нецеховых городских и сельских производителей магистрат установил монополию на занятия этим ремеслом. Однако реализация этой монополии была сопряжена с большими трудностями, так как за городскими стенами ткачеством занималось множество людей, чья производственная деятельность не регламентировалась цеховыми уставами и постановлениями магистрата. И цеховые ремесленники с середины XV в. развернули неустанную борьбу против деревенских ткачей, целью которой было подчинение этих ткачей условиям городских досмотров или даже их изгнание с городского рынка. В ходе этого конфликта цеховые ремесленники, выдвигая в качестве благовидного предлога недостаток сырья, сформулировали требование о запрещении сельским ткачам работать на городские досмотры¹³⁹. Препятствия, чинимые цеховыми мастерами деревенским ткачам сельской округи Меммингена, привели к тому, что в 1467 г. последние обратились к правящему совету Ульма с просьбой допустить их изделия на рынок в этом городе¹⁴⁰. Через некоторое время стало очевидным, что запретительные мероприятия властей не принесли желаемых результатов, и в 1486 г. магистрат Меммингена вновь допустил сельских ткачей на городские досмотры. «Мы не ошибемся, — пишет А. Вестерман, — если увидим в таком повороте политики магистрата влияние на нее богатых купцов». Дело в том, что в условиях благоприятной конъюнктуры цех не был в состоянии удовлетворить все возрастающий спрос на ремесленные изделия. «Голодный пролетариат в самом городе, — продолжает Вестерман, — представлял большую опасность для патрицев и купцов». Этот пролетариат предъявлял «непомерные

требования» к купцам-экспортерам готовых изделий ремесла, которым в такой ситуации было выгоднее приобрести ткани по более умеренным ценам у сельских производителей¹⁴¹. Вестерман, с высказываниями которого о «непомерных требованиях голодного пролетариата» вряд ли можно согласиться, однако, прав в том, что купцы-экспортеры, а равным образом и представители цеховой верхушки, занимавшиеся предпринимательской деятельностью, действительно предпочитали иметь дело с сельскими производителями. Происходило это по той причине, что городские ремесленники были организованы в корпорации и с их помощью успешно противостояли предпринимательским элементам, которые, естественно, гораздо легче подчиняли своему влиянию разрозненных и неорганизованных деревенских ткачей и прядильщиков.

В начале XVI в. борьба вспыхнула с новой силой, и между 1501 и 1508 г. деревенские ткачи снова неоднократно изгонялись с городских досмотров. Но в 1511 г. после упорной борьбы в самой городской общине бумазея и холсты деревенских ткачей вновь были допущены к досмотрам. Городские ткачи не успокоились и своей агитацией «вздуродражили всех горожан». Однако на этот раз правящий совет на требование цеховых ремесленников об изгнании сельских ткачей с городских досмотров ответил категорическим отказом. Тогда городские ремесленники выразили готовность к компромиссу и в 1512 г. согласились с тем, чтобы на досмотры были допущены грубые холсты сельских ткачей, а запрет распространялся только на бумазею. В этой ситуации мнение членов цехового комитета совпало с требованием большинства мастеров корпорации ткачей. «Но никто не мог понять, что из стремления [простого] народа к преобладанию (над купцами. — Ю.Н.) не могло произойти ничего хорошего», — такими словами подвел итоги происшедшим в Меммингене событиям в «Книге протоколов» секретарь правящего совета города Фогельман. Прошло несколько десятилетий, и в 1550 г. по требованию цеховых мастеров с городских досмотров были изгнаны все, без исключения, ткачи, проживавшие в городской заповедной зоне. Однако и ткачам, проживавшим за пределами этой зоны, главным образом в фуггеровской сеньории Бабенхаузен, также запрещалось поставлять бумазею на досмотры в Мемминген. Попытки Фуггеров и Рехбергов добиться, чтобы досмотры в Меммингене были открыты для ремесленных изделий их подданных, не увенчались успехом. Сельские ткачи

здесь были допущены на городские досмотры только спустя почти столетие – в 1636 г.¹⁴² Все это убеждает в том, что развитие нецехового ремесла в Меммингене и его округе происходило под знаком непрерывной борьбы мастеров корпорации ткачей с деревенскими конкурентами. Причем в отличие от Аугсбурга и Ульма, власти которых не шли далее ограничительных по отношению к сельскому ремеслу мероприятий по той причине, что такая политика отвечала интересам влиятельной городской верхушки, магистрат Меммингена по настоянию большинства цеховых мастеров неоднократно прибегал к крайним мерам и на длительный срок изгонял мелких производителей с городского рынка. Противостояние цехового ремесла и сельских промыслов могло проявляться и иным образом.

В условиях быстрого развития нецехового ремесла и проникновения в это ремесло элементов раннего капитализма цеховые уставы, в которых находили отражение интересы основной массы городских ремесленников, большое внимание уделяли борьбе с конкуренцией со стороны «необученной» рабочей силы. Так, устав корпорации ткачей Вангена (начала XVI в.) предписывал цеховым мастерам принимать на работу только тех подмастерьев, которые «обучались ремеслу в городе», и строго запрещал брать на работу тех, кто пришел в город на заработки из деревни¹⁴³. Этот запрет свидетельствовал о том, что многие жители деревень округа Вангена имели обыкновение заниматься прядением или ткачеством как отхожим промыслом. Во второй половине XVI в. нецеховое ремесло, прежде всего в сельских округах городов некоторых швейцарских кантонов, имело ярко выраженную тенденцию трансформации в капиталистическую мануфактуру. Так, к примеру, ткачи города Берна в 1577 г. жаловались на конкуренцию со стороны «больших предприятий» в деревнях судебного округа Цолликофен, на которых были заняты «необученные мастера» (то есть не прошедшие школы городского цехового ремесла). Конкуренция с этими предприятиями, по убеждению бернских ткачей, уже привела к пагубным для цеховых ремесленников последствиям. В сельской округе Люцерна в те же годы возникали «новые ремесла», которые, по образному выражению одного из современников, «вырывали куски хлеба изо ртов старых мастеров»¹⁴⁴. По всей видимости, в том и другом случае речь шла о капиталистических мануфактурах, конкуренция с которыми была не под силу мелким производителям. Это лишний раз указывает на многообразии

форм нецехового ремесла, с одной стороны, и на связь этих нецеховых форм ремесла с процессом генезиса капитализма — с другой. Развитие нецехового ремесла не только было чревато острой конкуренцией «новых ремесел», формой организации которых обычно были мануфактуры, с традиционным ремесленным производством цеховых мастеров и угрожало благополучию последних, но и подрывало саму основу корпоративного строя ремесла. Конкуренция между городским цеховым ремеслом и сельскими промыслами, которая была распространенным в Средние века явлением, порою на исходе Средневековья приобретала характер борьбы между корпоративным строем ремесла и зачаточными формами капитализма. В таких условиях цеховое ремесло могло представлять консервативную тенденцию в развитии общественного производства, а сельские промыслы, напротив, могли олицетворять прогрессивную тенденцию и свидетельствовать о начавшемся переходе к его мануфактурной стадии.

Конкуренция в Средние века могла проявляться и в экономическом соперничестве между городами. Так, в ответ на попытки Констанца привлечь на свой рынок ремесленные изделия Санкт-Галлена магистрат последнего, о чем сообщает Вадриан, издал мандат, в котором под угрозой смертной казни и конфискации имущества ткачам города и его округи строго запрещалось вывозить льняные и грубые тиковые ткани с подвластной магистрату территории и предоставлять на досмотры и рынок Констанца, при этом производителей обязывали продавать свои изделия на местном рынке или сдавать их «для доработки» в белильное производство в самом Санкт-Галлене¹⁴⁵. Понятно, что такие меры возможно было осуществить только на территории, находившейся под юрисдикцией магистрата города. Поэтому отношения между городскими и сельскими ткачами все же в большинстве случаев не были подвластны ни монополистическим устремлениям цеховых мастеров, ни благим намерениям магистратов, ни корыстным интересам или «злым козням» отдельных лиц, а в конечном счете определялись экономическим фактором — конкуренцией между самими производителями.

Материалы источников убеждают также в том, что развитие сельских текстильных промыслов происходило в сложных исторических условиях. С одной стороны, это были условия феодальной деревни со всеми вытекающими отсюда последствиями, с другой — развитие деревенских промыслов с жесткой

необходимостью порождало конкуренцию цеховому ремеслу и вместе с нею карательные и ограничительные акции магистратов. Эта конкуренция тесно переплеталась с явлениями раннего капитализма, а порою была их продуктом, что и придавало ей соответствующую социально-экономическую направленность. Одним из ярких проявлений отношений между цеховым ремеслом и сельскими промыслами в условиях генезиса капитализма были события в имперском городе Ульме и его сельской округе.

Развитие средневекового текстильного производства Ульма, как о том уже было сказано выше, совершалось в обстановке острой конкуренции с деревенским ремеслом. Еще в 1457 г. цеховые мастера добились издания правящим советом города декрета, которым для деревенских ткачей были установлены следующие правила производства и сбыта тканей: сельский ремесленник имел право работать только на двух ткацких станках, в то время как цеховой мастер – на четырех; «досмотровая пошлина» (schaugelt) на изделия сельских ткачей устанавливалась на 1 шиллинг выше, чем на изделия цеховых мастеров. Если городские ткачи с одного «сукна» бумазеи сорта «Ochsen» вносили 1 шиллинг, сельские ткачи – 2 шиллинга, с «Lowe» – соответственно 2 и 3 шиллинга, с «Traube» – 3 и 4 шиллинга. Следовательно, деревенские ткачи, говоря современным языком, подвергались дискриминации и платили пошлину от 25 до 100 процентов выше, чем их городские коллеги. Деревенские ткачи, сдававшие очесы обратно торговцам хлопком, обязаны были представлять эти очесы на досмотры, что было связано для них с дополнительными транспортными расходами. Деревенские ткачи из Вайсенхорна и Бургау отнеслись к данному акту, принятому по настоянию цеховых ремесленников, «враждебно» и 24 июня 1458 г. обратились с жалобой в магистрат Ульма. Последний, однако, замечает Э. Ньюблинг, был не в состоянии изменить положение вещей¹⁴⁶. Таким образом, уже в начале второй половины XV в. городская корпорация ткачей стремилась изыскать средства, которые могли бы устранить конкуренцию со стороны деревенских производителей или же, по крайней мере, ставили бы их в неравные с городскими ремесленниками условия. Однако эффективность этих акций вызывает сомнения. Они были не в состоянии ни предотвратить конкуренцию городскому ремеслу со стороны сельских промыслов, ни воспрепятствовать появлению предпринимательских элементов, прибегавших к использованию наемного труда и в самой

деревне. Так, в сельской округе Ульма (в Лангенау) уже в 1462 г. некоторые деревенские ремесленники-бумазейщики работали с тридцатью «подручными» — ткачами и прядильщиками¹⁴⁷. Усилия этих элементов имели целью создание капиталистической кооперации с помощью механизма раздач или даже мануфактуры централизованного типа. При таком повороте событий выступления против сельских промыслов цеховых мастеров приобретали антикапиталистическую направленность. Это придавало данной коллизии особую историческую значимость.

Противоречия между городским корпоративным ремеслом и сельскими промыслами достигли в начале XVI в. особенно большой остроты. 13 октября 1507 г. правящий совет Ульма издал регламент, явно имевший целью ограничение или даже пресечение предпринимательской деятельности преуспевающих деревенских ткачей. В регламенте речь шла о сельских ткачах, занимавшихся производством бумазеи для продажи на городском рынке. Отныне таким ткачам запрещалось приобретать пряжу сверх того, что они были в состоянии использовать в собственных мастерских, продавать или «раздавать» пряжу своим односельчанам для переработки ее в ткани¹⁴⁸. Антикапиталистическая направленность с достаточной степенью очевидности проступает и в данном регламенте.

Противоборство между цеховыми ремесленниками и сельскими производителями достигло апогея в 1512–1513 гг., когда конфликт между ними стал предметом разбирательства назначенного императором Максимилианом I третейского суда, который заседал под патронажем аугсбургского епископа в резиденции последнего городе Диллингене¹⁴⁹. Однако в отличие от Меммингена, где, как мы видели, деревенские ткачи неоднократно и надолго фактически изгонялись с городского рынка, в сельской округе Ульма текстильные промыслы оказались под защитой магистрата. Здесь городские законодатели ограничивали свои усилия попытками подчинения сельских промыслов условиям и правилам режима цехового ремесла и интересам ульмских «Wollherren».

Выразителен в этом отношении «Устав сельских ткачей», который был принят на заседании правящего совета Ульма 25 октября 1523 г.¹⁵⁰ Магистрат, утверждая положения этого устава, обязывал всех сельских ткачей работать только на местные доскимотры и угрожал нарушителям данного предписания суровыми карами. Городские власти тем же постановлением регламенти-

ровали и технологию производства сельских текстильных промыслов, запрещая, в частности, деревенским ткачам использовать в качестве основы для бумазеи коноплю. В уставе речь шла также о том, что сельские ткачи имеют право работать только на двух ткацких станках и обязательно — «в собственном доме». Деревенским ткачам категорически запрещалось использовать большое число ткацких станков или самим выступать в роли капиталистов-раздатчиков. Тот же декрет магистрата устанавливал для деревенских прядильщиков максимальную плату за каждый фунт бумазейной пряжи в 6 геллеров и льняной пряжи (golschgarn) — 5 геллеров.

Текст декрета магистрата Ульма от 4 марта 1538 г. не оставляет сомнения в том, что производством бумазейной пряжи продолжали заниматься как городские нецеховые ремесленники, так и деревенские производители пряжи (особенно прядильщицы и дети)¹⁵¹. Известно, что магистрат еще своим постановлением, изданным в сентябре 1475 г., предусматривал наказания ткачам, которые занимались «раздачами пряжи», но не представляли приобретенные с помощью раздач ткани на городские досмотры. 5 января 1537 г. правящий совет запретил городским ткачам «раздавать» хлопок как городским, так и деревенским прядильщикам (*spinnen auf dem land*) в тех случаях, когда «занятые раздачами» мелкие производители не работали на городские досмотры¹⁵². Таким образом, городские власти не только признавали сам факт существования отношений раздач в сельской округе, но и пытались их регулировать в интересах большинства цеховых мастеров. Причем такое регулирование совершалось исключительно по требованию последних.

* * *

Итак, рассмотренные выше материалы источников по истории нецехового ремесла примечательны прежде всего следующим. Со второй половины XV в. в деревенских домашних промыслах (особенно в бумазейном производстве), фигурально выражаясь, начинают прорастать семена раннего капитализма. Причем в их успешных всходах, созревании и расширении полей посевов были заинтересованы не только купцы-предприниматели и представители цеховой верхушки (которые выступали в роли кредиторов мелких производителей, раздатчиков сырья или полуфабрикатов, скупщиков иногда готовых изделий, обычно же — грубых тканей, произведенных сельскими

ремесленниками), но и порою предпринимательские элементы самой деревни. Все это сильно обостряло противоречия не только между цеховым ремеслом и сельскими промыслами, но и между городом и деревней. Поэтому, рассматривая данную ситуацию, необходимо принять во внимание, что конфронтация между ними получала развитие в условиях возникновения явлений раннего капитализма на фоне господства феодальных отношений в деревне и преобладания корпоративных форм ремесла в городе. Разрешение этих противоречий с необходимостью выдвигалось в повестку дня общественной жизни.

Исследование нецеховых форм промышленной деятельности показывает, что все они были тесно связаны с явлениями раннего капитализма. В юго-западном регионе германских земель уже в XIV–XV вв. в экспортных отраслях, работавших на массового потребителя, были заняты (в основном в промежуточных операциях производственного цикла и особенно там, где не требовалась рабочая сила высокой квалификации) многочисленные мелкие производители, которые не являлись членами городских ремесленных корпораций. К тому же, городские власти, как это было показано выше, руководствуясь мотивами острой экономической необходимости или целесообразности, порою нарушали цеховые монополии и создавали для мастеров некоторых специальностей особые условия. Последние иногда использовали такие условия для перехода от феодально-корпоративных форм экономической деятельности к капиталистическому предпринимательству, имея в качестве базы для него прежде всего нецеховое ремесло. Причем в развитии данной тенденции заметную роль играли сельские промыслы. В условиях напряженных отношений и острой конкуренции между сельскими промыслами и городским корпоративным ремеслом, экспортные отрасли которых работали на массового потребителя и широкий рынок сбыта, особое значение приобретали не только экономические, но и социально-политические отношения между городом и деревней. При большом разнообразии в Средние века связей между городом и деревней в данном случае необходимо обратить внимание на следующее.

Проникновение товарно-денежных отношений в деревню, развитие сельских промыслов и особенно вовлечение последних в систему раннекапиталистических отношений ускоряли процесс дифференциации населения самой деревни, где зажиточной верхушке полнонадельных крестьян все чаще и все в боль-

шем числе противостояли малоземельные и безземельные ее жители. В районах развитого текстильного ремесла значительную прослойку деревенского населения составляли «ткачи-крестьяне», которые, формально не порывая с деревней, работали по преимуществу (или исключительно) на городской рынок и существовали прежде всего за счет ткачества. Это создавало конкуренцию городскому корпоративному ремеслу и способствовало росту напряжения в отношениях между городом и деревней, что достаточно ярко проявлялось в острых социально-политических конфликтах, апогеем которых стали события Крестьянской войны. Вопрос, однако, состоит в том, какое влияние противоречия между городом и деревней оказали на трагический исход самих событий Крестьянской войны.

Приведенные выше факты все же вряд ли дают основание для исключения самой возможности борьбы против феодального строя различных прослоек населения города и деревни (в том числе городской и деревенской бедноты) в союзе с предшественниками буржуазии Нового времени. Однако Д.У. Сейбин пришел именно к такому выводу, поскольку Крестьянская война, по его мнению, велась в интересах деревенской верхушки и была направлена не только против феодального дворянства, но и против «деревенских поденщиков»¹⁵³. С этим мнением Сейбина трудно согласиться. Дело в том, что в устранении феодальных институтов, хотя и по разным причинам, было заинтересовано большинство населения города и деревни. Поэтому конкуренция между большинством цеховых мастеров и сельскими ремесленниками вряд ли могла быть непреодолимым препятствием на пути их солидарных действий против феодального режима в целом или отдельных, наиболее вопиющих, его проявлений. В ликвидации лично-наследственной зависимости крестьян, сеньориально-регальных и судебных привилегий дворянства, преобразовании церкви, секуляризации и разделе церковного, особенно монастырского, землевладения было заинтересовано не только все население деревни, но и представители радикально настроенных кругов бюргерства, вставших на путь капиталистического предпринимательства, поскольку консервация феодальных отношений в деревне и средневекового корпоративного строя ремесла в городе были тормозом на пути их успешной экономической деятельности. Как же совершалось движение от примитивных форм мануфактуры к ее централизованному типу? Об этом речь пойдет далее.

2.3. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МАНУФАКТУРА: ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Обращение к истории возникновения и распространения явлений раннего капитализма в позднесредневековом текстильном производстве с необходимостью ставит исследователя перед проблемой первостепенной научной значимости: *когда проявилась тенденция к перерастанию мелкотоварного производства в капиталистическую мануфактуру, и каким образом эта тенденция претворялась в реальную действительность.*

Прежде чем приступить к решению этой задачи, необходимо прояснить, что подразумевают под мануфактурой, особенно на ранней стадии ее существования, основоположники исторического материализма, точка зрения которых по данному вопросу имеет принципиальное значение. «Отличительным свойством мануфактуры, — пишет К. Маркс, имея в виду именно начальную стадию ее развития, — было соединение многих работников и многих ремесел в одном месте, под командой одного капиталиста, а не разделение труда на составные части и приспособление рабочих к очень простым операциям». Для понимания сущности этой начальной стадии представляет интерес и указание Маркса на то, что «полезность мануфактурной мастерской заключалась не столько в разделении труда в собственном смысле слова, сколько в том, что производство велось здесь в больших масштабах, что сокращались накладные расходы...» Он отмечает и тот факт, что «даже в конце XVI и начале XVII века голландская мануфактура была еще едва знакома с разделением труда»¹⁵⁴. По словам В.И. Ленина, «мастерские с более или менее значительным числом рабочих вводят постепенно разделение труда, и таким образом капиталистическая кооперация перерастает в капиталистическую мануфактуру»¹⁵⁵. Эти выводы, сформулированные на основании опыта передовой для XVI–XVII вв. голландской промышленности и особого варианта развития капитализма на примере Пореформенной России, необходимо, однако, рассмотреть сквозь призму почерпнутых из источников фактов, относящихся к более раннему времени и, соответственно, — к более ранней стадии генезиса капитализма, причем на материале региона географичес-

ки далеко отстоящего как от Нидерландов, так и России. Это побуждает вернуться к истокам самого процесса генезиса капитализма в промышленном производстве.

При рассмотрении проблемы генезиса капиталистической мануфактуры в юго-западном регионе германских земель в XIV–XVI вв. автор настоящей монографии намерен руководствоваться принципом историзма, опираясь на который, можно заключить: во-первых, глубокое и полное разделение труда образует все же не исходный, а конечный этап развития капиталистической мануфактуры; во-вторых, мотивацией перехода к мануфактурному производству в то же самое время является именно разделение труда, которое на практике осуществлялось постепенно и в своей завершенной форме образовывало одну из важнейших предпосылок промышленной революции. Поэтому в реальной действительности, по крайней мере в юго-западном регионе германских земель, капиталистические отношения на раннем этапе их развития приобретали, как правило, форму отношений раздачи сырья, которые обычно совпадали во времени и пространстве с практикой авансирования предпринимательскими элементами мелких производителей и скупкой у них же готовых изделий или полуфабрикатов. Отношения раздачи еще нельзя, как это было показано выше, безоговорочно относить к мануфактурной стадии развития промышленности, поскольку они представляли собою лишь переходную форму от средневековой организации ремесла в рамках простого товарного производства (простой капиталистической кооперации) к мануфактурной стадии. Отсюда возникает настоятельная необходимость исследования явлений, которые, свидетельствуя о генезисе капитализма как такового, содержали в себе элементы, выражавшие неизбежность и историческую обусловленность перехода от мелкотоварной к мануфактурной стадии общественного производства. В конечном счете, в методологическом отношении речь идет об исследовании проблемы соотношения между тенденцией исторического развития и реальной действительностью, то есть между тем, что *могло* произойти, и тем, что произошло *на самом деле*.

* * *

Несоответствие цеховых ограничительных регламентов потребностям жизни раньше всего стало проявляться в экспортных отраслях средневекового текстильного производства. Об

этом, в частности, свидетельствует история сукноделия Страсбурга. Здесь шерстоткачество работало не на узкий местный рынок, а на экспорт, что и создавало предпосылку для введения в ремесленных мастерских разделения труда. «Суконщики» цеха шерстоткачей, то есть мастера, сосредотачивавшие в своих руках все операции производственного цикла и самостоятельно осуществлявшие сбыт готовых изделий на рынке, рано стали приобретать шерсть не только для себя, но и также и для того, чтобы раздавать ее для переработки другим производителям за плату. Еще в 1357 г. «суконщики» Страсбурга настойчиво требовали от правящего совета города, чтобы тот разрешил им установить для производства шерстяных тканей из приобретенной таким образом пряжи станки сверх предписанной цеховым уставом нормы¹⁵⁶. Это позволяет «реконструировать» образ предприятия, хозяин которого («суконщик»), по всей видимости, совмещал деятельность организатора производства с участием личным трудом в операциях производственного цикла. В его мастерской в качестве наемной рабочей силы были заняты прежде всего ткачи-подмастерья. Вполне возможно, что в мастерской осуществлялась также специализация и использовалась неквалифицированная рабочая сила. Пряжу для нее поставляли производившие этот полуфабрикат у себя на дому прядильщики, но из сырья (шерсти), которое они получали от того же «суконщика» в соответствии с контрактами о так называемых раздачах. Отсюда можно заключить, что на предприятии «суконщика» использовалась наемная рабочая сила и оно по производственно-технологическим показателям было близким к мануфактуре смешанного типа.

Тенденция превращения городских и деревенских прядильщиков (в том числе женщин и детей) в наемных рабочих в первой половине XV в. приобрела вполне устойчивый характер. Об этом, в частности, свидетельствует регламент магистрата того же Страсбурга, изданный в 1434 г. Этот регламент устанавливал для прядильщиков плату за каждый фунт произведенной ими пряжи¹⁵⁷. Однако наметившаяся еще в начале второй половины XIV в. тенденция радикального преобразования мелкотоварной основы ремесленного производства страсбургского сукноделия не получила и вряд ли могла получить последовательное развитие и в XV в. Регламент 1474 г., регулировавший отношения между теми же «суконщиками» и ткачами, отказывал в цеховых правах членам корпорации, которые сами не работали

за ткацкими станками. Но это отнюдь не означало насильственного пресечения капитализма, так как «суконщик» имел право заключения договоров с ткачами – владельцами мастерских. Таким образом, «суконщик» все-таки располагал возможностью на определенных условиях за плату заставить на себя работать ремесленников своей же корпорации. В последнем случае он выступал в роли предпринимателя-капиталиста, производившего в своей мастерской лишь часть готовых изделий, получая другую их часть у «платных ткачей» с помощью механизма раздач¹⁵⁸. Пример из истории страсбургского средневекового шерстоткацкого производства интересен еще и тем, что ростки капиталистической мануфактуры с достаточно отчетливо выраженной тенденцией к централизации, возникнув в ней еще в начале второй половины XIV в., «не перерастали», однако, в устойчивую форму именно централизованной мануфактуры; развитие здесь ростков раннего капитализма свелось к распространению отношений раздач, включавших только некоторые элементы предприятий типа капиталистических мануфактур. Причем и последняя тенденция стала более или менее прочным и постоянным фактом реальной действительности, по всей видимости, только к концу XV в. Но именно к тому времени рыночная конъюнктура, особенно в центрах международной торговли, изменилась не в лучшую для южно-немецкого, в том числе страсбургского, сукноделия сторону.

Вместе с тем необходимо отметить, что тенденция, свидетельствующая о превращении мелких и мельчайших ремесленных мастерских в предприятия, которые по своим масштабам и характеру деятельности их владельцев явно не соответствовали основополагающим принципам средневекового корпоративного ремесла, была свойственна не только Страсбургу. Выразительным тому примером могут служить также факты из истории цеха шерстоткачей Франкфурта-на-Майне¹⁵⁹, который, как мы знаем, экономически был тесно связан с городами как Швабии, так и Швейцарского Союза. В силу данного обстоятельства пример Франкфурта особенно примечателен.

В 1432 г. в магистрат Франкфурта-на-Майне явились «мастера цеха шерстоткачей» и обратились к правящему совету города с просьбой установить с целью «общей пользы и согласия в общине этого ремесла» персонально для каждого мастера цеха количество сукон, которые тот имел право производить в своей мастерской и поставлять к ежегодным местным ярмаркам,

и составить для реализации этого плана особый список мастеров корпорации. Речь шла об ограничении производства сукна на ближайшие два года, когда никто не имел права производить и поставлять на ярмарки больше, чем это будет обозначено в регламенте магистрата. Последний, удовлетворяя требование цеховых мастеров, издал декрет, в котором утверждал регламент и угрожал его нарушителям крупными денежными штрафами. В тексте декрета сказано, что 11 мастерам было разрешено производить по 36 сукон, 22 мастерам – по 24, 10 мастерам – по 16, 8 мастерам – по 10, 13 мастерам – по 8, 49 мастерам – только по 4 сукна¹⁶⁰. Эти данные заслуживают специального рассмотрения, поскольку проливают достаточно яркий свет на начальную стадию процесса генезиса капитализма.

Из текста декрета следует, что 133 цеховых мастера Франкфурта ежегодно производили 1680 сукон. Все мастера по производительности своих предприятий были разделены законодателями на 7 групп. 11 мастеров первой группы (8,3 процента от общего их числа) производили почти четвертую часть тканей – 396 сукон (23,5 процента), в то время как 49 мелких ремесленников седьмой группы (36,9 процента от общего числа членов цеха) поставляли на ярмарки только 196 сукон (11,7 процента от объема продукции цеха), или в два раза меньше мастеров первой группы. 33 мастера первых двух групп (24,8 процента от числа ремесленников) производили более половины (55 процентов) всех изделий цеха. Заслуживает внимания и тот факт, что производительность мастерских ремесленников первой группы превышала в девять раз производительность мастерских ремесленников седьмой группы. Источники, к сожалению, не позволяют дать точный ответ на вопрос, каким образом цеховая верхушка достигала повышения производительности своих предприятий: путем расширения мастерских за счет увеличения числа ткацких станков и подмастерьев или благодаря практике раздачи пряжи богатыми «суконщиками» обедневшим мастерам своей же корпорации, нецеховым городским ремесленникам или деревенским ткачам? И все же имеет под собою основания вывод о принципиальном различии и даже противоположности интересов цеховых мастеров по крайней мере двух первых и последней группы. Однако в чем выражались эти различия? Какое отношение к этому имеют явления раннего капитализма?

В процессе имущественной дифференциации, имевшей место в корпорации шерстоткачей Франкфурта-на-Майне и в про-

шлом, примерно с конца первой трети XV в. происходят качественные изменения. Место противоположности между богатством и достатком патрициев и полноправных бюргеров, с одной стороны, и бедностью плебеев – с другой, присущей и более ранней социальной истории средневекового города, занимает противоположность между капиталистами (раздатчиками или владельцами крупных мастерских) и низведенными до положения подмастерьев или наемных рабочих цеховыми ремесленниками. Контуры этой противоположности вполне обозначились, но ее углубление вызывало протесты со стороны мелких товаропроизводителей, которые всячески стремились предотвратить перерастание спорадически возникавших явлений раннего капитализма в постоянно действующий фактор жизни общества. Только в этом они видели возможность сохранения экономической самостоятельности. Проследим за развитием данной коллизии по материалам того же цеха шерстоткачей Франкфурта, которые содержат яркие свидетельства на этот счет.

В 1459 г. правящий совет города по причине разногласий среди мастеров «ремесла шерстоткачей» и по настоянию большинства его членов вновь регламентировал количество тканей, которые имел право производить к ярмаркам каждый из мастеров корпорации. Законодатели при этом отмечают, что против принятого советом решения высказывались лица, представлявшие в корпорации интересы «меньшинства» (*mynnerteile*) мастеров, которые вообще выступали против ограничения масштабов производства ремесленных предприятий. Ради достижения компромисса между «враждебными» группировками в корпорации шерстоткачей магистрат решил регламентировать производственную деятельность мастеров этого цеха «на ближайшие шесть лет». Причем на этот раз запрещено было зажиточным мастерам «раздавать» для переработки шерсть или пряжу коллегам по корпорации, а «бедным ткачам» – закладывать или отдавать в обмен на сырье или пряжу изделия личного производства. Отсюда можно сделать вывод, что недовольство мелких производителей, по требованию которых был принят этот регламент, вызывала деятельность раздатчиков, которая в тех случаях, когда ею занимались богатые владельцы суконных мастерских, была направлена на создание капиталистической кооперации. Последняя, при условии расширения предприятий и введения на них разделения труда, обнаруживала отчетливо выраженную тенденцию превращения в мануфактуру.

На этот раз городские власти установили четыре группы цеховых мастеров с нормами производства каждого в их мастерских по 30, 20, 12 и 5 «сукон»¹⁶¹. В 1459 г. во Франкфурте существовали 135 шерстоткацких мастерских (их число, таким образом, по сравнению с 1432 г. осталось почти неизменным), которые, однако, теперь производили в течение года 2238 сукон, то есть по сравнению с 1432 г. произошло увеличение объема их производства почти на 40 процентов. В 1459 г. первая группа выросла почти в три раза и теперь включала 31 мастера (23 процента от общего их числа), на долю которых приходилось 930 сукон (39,8 процента от объема производства всей корпорации). Вторая группа состояла из 20 мастеров (14,4 процента от их числа) и поставляла на ярмарки 400 сукон (17,1 процента от объема продукции корпорации). 84 мелких и среднего достатка ремесленников третьей и четвертой групп (62,2 процента от числа членов цеха, то есть почти две трети мастеров) производили 1008 сукон (43,1 процента изделий, то есть немногим менее половины изделий, произведенных членами корпорации)¹⁶². Следовательно, за четверть века, казалось бы, произошло увеличение доли продукции, приходившейся на мелких и среднего достатка мастеров, и уменьшение пропасти между богатыми «суконщиками-работодателями» и основной массой цеховых ремесленников. По требованию последних была существенно ограничена деятельность предпринимательских элементов и приняты меры по пресечению попыток внедрения в шерстоткацкое ремесло отношений раздач. Упомянутые выше меры имели целью «удушение» ростков раннего капитализма в городском сукноделии. Но какова практическая сила ограничительных и запретительных регламентов в производстве и способны ли были они остановить или даже повернуть вспять развитие капитализма? Какие еще факторы оказывали влияние на стагнацию явлений раннего капитализма или его пресечение?

Из текста декрета правящего совета Франкфурта 1465 г. следует, что по истечении срока действия регламента 1459 г. городские власти решили сохранить его ограничительные нормы еще на шесть лет¹⁶³. В 1480 г. магистрат этого же города снова принял постановление о регулировании масштабов производства тканей теперь уже сроком на десять лет¹⁶⁴. Этими актами, которые осуществлялись по требованию большинства мастеров цеха, создавались серьезные препятствия на пути свободного развития элементов раннего капитализма. Однако в ряд

ли эти препятствия были непреодолимыми. Более того, на определенной стадии общественного производства, в условиях разложения цехового строя ограничительные регламенты средневекового корпоративного строя ремесла вообще утрачивали свою обязательную силу, обнаруживая несоответствие закономерностям экономического развития общества. В том же Франкфурте устав шерстоткачей, обнародованный властями в самом начале XVI в., провозглашал право каждого мастера нанимать столько подмастерьев, сколько этого требовали интересы производства¹⁶⁵. Если принять во внимание, что во Франкфурте после 1480 г. вообще перестали издаваться регламенты, ограничивавшие масштабы производства шерстоткацких мастерских к местным ярмаркам, и разрешена полная свобода найма рабочей силы, вполне можно предположить, что здесь перед предпринимательскими элементами открылась перспектива основания капиталистических мануфактур централизованного типа. Однако эта возможность могла быть реализована на практике только в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры, то есть при наличии достаточно широкого рынка сбыта промышленных изделий.

Рассмотренные выше материалы источников интересны и с другой стороны. «Для того, чтобы вести производство в более широких размерах и одновременно занимать многих рабочих, требуется, — писал В.И. Ленин, обобщая опыт Пореформенной России, — скопление довольно значительного капитала, который образуется не в сфере производства, а в сфере торговли и пр. Величина этого капитала определяет форму личного участия хозяина в предприятии; является ли он сам рабочим, если его капитал очень мелок, или он отказывается от личного труда и специализируется на коммерческо-предпринимательских функциях»¹⁶⁶. Участие преуспевающего цехового мастера в операциях производственного цикла личным трудом отнюдь не означает, что он не выступал в роли капиталиста по отношению к формально полноправным, но попавшим в затруднительное положение разорившимся членам своей же корпорации, подмастерьям, нецеховым городским и деревенским ремесленникам. В то же время превращение цехового мастера или купца в капиталиста в условиях корпоративного строя ремесла чаще всего на ранней стадии развития самого капитализма превращало того и другого не во владельца мануфактуры, применявшего разделение труда в стенах одного предприятия и использовавшего

передовые для своего времени технологии, а в предпринимателя, деятельность которого была ограничена жесткими рамками системы раздачи. Последняя могла приобретать «застойный» характер, на протяжении длительного времени не обнаруживая движения к мануфактурному производству в собственном смысле этого понятия. Данное положение находит обоснование в свидетельствах многочисленных источников.

Выразительный пример в этой связи представляет регламент того же Франкфурта-на-Майне «О ремеслах шерстоткачей и бумазейщиков», изданный еще в августа 1421 г.¹⁶⁷. Этот регламент устанавливал, что каждый мастер имеет право на четыре ткацких станка, но одновременно может использовать только три из них. Согласно регламенту, мастер вправе привлечь для работы на своем предприятии только двух подмастеров и учеников. Таким образом, постановлением магистрата предусматривалась обычная для Средних веков регламентация масштабов производства. Особенно интересно место текста декрета, где сказано, что городские власти, издавая регламент, отказали в требовании мастерам, которые вообще выступали против ограничения в мастерских числа ткацких станков и регулирования властями найма рабочей силы. Следовательно, во Франкфурте в различных текстильных отраслях существовали группировки цеховых мастеров, которые намерены были преобразовать общественное производство на принципиально иной, то есть раннекапиталистической, основе. Однако рано себя проявившая тенденция к преобразованию шерстоткацкой и других отраслей текстильного производства на мануфактурной основе, судя по всему, ни во Франкфурте, ни в Страсбурге в рассматриваемый период времени так и не была реализована на практике. И дело не только в противодействии данной тенденции развития со стороны защитников городского корпоративного ремесла, но и в конкуренции со стороны успешно развивавшегося голландского и особенно английского сукноделия¹⁶⁸. Поражение в конкурентной борьбе имело далеко идущие последствия: оно сузило рынок сбыта, привело к сокращению производства, ужесточению цеховой регламентации и консервации средневековых форм корпоративного ремесла.

Во многом аналогичные Страсбургу и Франкфурту явления прослеживаются и по материалам цеха ткачей Аугсбурга¹⁶⁹. Историограф этой корпорации Клеменс Егер рассказывает, что в 1467 г. мир среди городских ткачей был нарушен «большим

неповиновением», и весь цех оказался расколотым на две противостоящие друг другу группировки: причиной тому послужил спор о количестве используемых каждым мастером ткацких станков. Магистрат ограничил число этих станков четырьмя. Причем власти угрожали нарушителям данного регламента лишением их «жизни, чести, имущества». Издатели хроники цитируют архивные документы, на основании которых можно заключить следующее: некоторые мастера корпорации ткачей Аугсбурга, «вопреки обычаю ремесла», содержали в своих мастерских более четырех ткацких станков, что, по мнению большинства цеховых ремесленников, являлось нарушением «справедливого равенства», установленного в «незапамятные времена». Поэтому в следующем, 1468 г., правящим советом города было принято постановление, запрещавшее мастерам, которые занимались «ручным ремеслом» в текстильном производстве, использовать в стенах своих предприятий труд подмастерьев и «подсобных работников» (*die wollknechten*), выполнявших операции производственного цикла, которые не требовали длительного профессионального обучения и высокой квалификации (то есть прежде всего «очистильщиков хлопка» и прядильщиков). Последняя акция властей явно была направлена против попыток введения разделения труда в мастерских цеховых ремесленников и превращения этих мастерских в мануфактуры. В целом же в рассмотренных выше эпизодах отражено негативное отношение средневекового бюргерства к преодолению стеснительных рамок строя корпоративного ремесла и созданию предприятий капиталистического типа. Аналогичные ситуации в городском ремесле постоянно возникали и в дальнейшем.

Красноречивые свидетельства на этот счет содержит и одна из городских хроник Аугсбурга, рассказывающая о том, что в мае 1502 г. правящий совет, опять-таки по настоянию большинства ремесленников-ткачей, изгнал из города «лишних» подмастерьев и впредь категорически запретил нанимать их сверх установленной нормы. Авторы хроники, как и законодатели в предыдущем эпизоде, для обозначения данной категории наемных работников употребляют слово «*die wollknechten*», также подразумевая, по всей видимости, «очистильщиков хлопка» и прядильщиков, которых нанимали на работу цеховые мастера, стремившиеся к сосредоточению в стенах своих предприятий всех или большинства операций технологического цикла, осуществляя таким образом разделение труда с целью повышения

его производительности и, следовательно, увеличения рентабельности самих предприятий. По словам хронистов, волнение в цехе и «во всем городе» произошло «из-за зависти и ненависти [большинства] ткачей» к преуспевающим коллегам по корпорации¹⁷⁰. Между тем спор о найме дополнительной рабочей силы в мастерские, казалось бы, окончательно был решен магистратом в интересах большинства ремесленников этой корпорации еще в 1468 г. Неоднократные повторения уже принятой правовой нормы в законодательных актах последующих десятилетий были вызваны нарушениями этой нормы на практике, что находит подтверждение в свидетельствах источников. Конфликты между большинством мастеров корпорации и ее вершущей по вопросу о масштабах предприятий возникали снова и снова. Позтому в «распорядок [ремесла] ткачей» (*ordnung der webern*) Аугсбурга в 1549 г. еще раз было записано, что каждый мастер «может содержать не более четырех [ткацких] станков и пятого [станка] не должно быть ни в одной мастерской»¹⁷¹. Следовательно, цеховое ремесло сильно затрудняло, но не исключало полностью самой возможности возникновения явлений раннего капитализма в условиях средневековой цивилизации.

Тенденция перераспределения простого товарного производства в капиталистическую мануфактуру, как уже сказано выше, проявлялась прежде всего в экспортных и работавших на массового потребителя текстильных отраслях, в которых ростки раннего капитализма появились еще в XIV в. Но эти же ростки пробивались на свет и в других секторах общественного производства. В качестве примера можно сослаться на кожевенное производство и сапожное ремесло того же Аугсбурга¹⁷². В них предпринимательские элементы уже во второй половине XV в. попытались преобразовать средневековые ремесленные мастерские в предприятия капиталистического типа¹⁷³. Причем деятельность самих этих элементов отражала тенденцию перерастания простой кооперации в капиталистическую мануфактуру. Более того, опираясь на вполне достоверные факты, можно считать решенным вопрос, что отношения раздач во второй половине XV в. обнаруживают тенденцию превращения в мануфактуру рассеянного типа с централизацией одной или нескольких операций производственного цикла. В такой мануфактуре, с одной стороны, осуществлялось разделение труда, с другой — росло подчинение мелкого производителя власти капиталиста-раздатчика. Последний предоставлял ремесленникам-ткачам

кредиты деньгами, поставляя им сырье или полуфабрикаты и скупал у них готовые изделия. Он же выступал в роли арендатора или собственника белильных и красильных предприятий, и его же интересами во многом определялась и технология всего производственного цикла. Такая тенденция развития позднесредневекового ремесленного производства встречала сильное противодействие со стороны мелких самостоятельных и квазисамостоятельных товаропроизводителей. Поэтому капиталистическое предпринимательство тогда еще редко имело своим результатом классические формы мануфактуры централизованного типа и гораздо чаще сводилось к ее более примитивным формам. Такой сценарий представлял собою закономерное явление, которое было обусловлено как менталитетом человека Средневековья с его отрицательным отношением к любым «новшествам», так и тем обстоятельством, что основной составляющей общественного производства продолжал оставаться ручной труд.

* * *

Факт не только возникновения, но и широкого распространения в первые десятилетия XVI в. отношений раздачи, которые переросли в примитивную форму капиталистической мануфактуры, вполне осознавался и современниками. Так, в 1531 г. дьякон Александр Бернер после поездки по Верхней Германии доносил правящему совету Страсбурга, что в ряде городов этого региона «большинство бедных ремесленников (прежде всего в текстильном производстве. — Ю.Н.) занимаются производством лишь части изделия (tailwerken)». В силу данного обстоятельства, утверждает Бернер, «всю прибыль присваивают купцы»; по этой причине многие ремесленники вынуждены просить милостыню. Когда же лица, ответственные в городах за состояние благотворительности, обязывают бедняков носить на верхней одежде особые знаки, тогда эти бедняки жалуются властям, что тем самым подрывается к ним доверие со стороны тех, кто авансирует их деньгами и предоставляет сырье, то есть дает мелким производителям работу, которая и является для них источником существования. Такой поворот событий, как полагает Бернер, окончательно превратил «бедных ремесленников в нищих». Причем для определения сущности отношений между «бедными ремесленниками» и работодателями, в роли которых выступали богатые купцы, он употребляет глагол «verlegeten» и

выражает убеждение, что «ферлегерство» стало обычным явлением почти повсюду, но особенно сильно «укоренилось» в Нюрнберге, Аугсбурге и пустило прочные корни в Ульме¹⁷⁴. В повествовании Бернера отношения раздач уже перестали быть эпизодами или скоротечными явлениями в экономической жизни общества, а по сути дела превратились в норму производственных отношений и систему эксплуатации капиталистами-раздатчиками утративших экономическую самостоятельность мелких производителей.

Впечатляющую картину подчинения власти капитала «частичных производителей» (tailwerker) в металлообрабатывающей промышленности Нюрнберга еще в 1524 г. создал поэт, публицист и краевед Ганс Сакс, который подвергал резкой критике капиталистов-раздатчиков и выражал сочувствие положению «неимущих ремесленников» и наемных рабочих¹⁷⁵. Сакс видел, однако, в отношениях раздач «неизбежное зло», по сути дела признавал их необратимый характер и возлагал надежду не на борьбу с этим «злом», а на «реформацию» самой системы раздач, а также «христианскую любовь и доброту» капиталистов-раздатчиков, которые, по его убеждению, сами, как подобает «добрым христианам», добровольно улучшат положение оказавшихся у них в кабале «бедных частичных производителей»¹⁷⁶. Такие настроения в XVI в. все чаще проникали в среду «неимущих ремесленников», которыми под влиянием обстоятельств экономического порядка также овладевали «надежды на улучшение системы раздач». В Аугсбурге, о чем уже шла речь выше¹⁷⁷, большинство ткачей-бумазейщиков после упорной борьбы, продолжавшейся несколько десятилетий, вынуждены были признать раздачи в качестве нормы производственных отношений и вместе с тем экономическую зависимость от предпринимателей. Еще один достаточно выразительный тому пример — жалоба ремесленников-ткачей Констанца, с которой они 17 ноября 1586 г. обратились к правящему совету города. «Бедные ткачи», перечисляя в жалобе многочисленные «тяготы жизни», единственное средство избавления от них находили в легализации отношений раздач и их «улучшении»¹⁷⁸. Подобные настроения и надежды, однако, с удивительным упорством не желали разделять многие цеховые мастера, которые вели неустанную борьбу с попытками официальных властей признать отношения раздач законными и справедливыми. Мелкие производители видели в раздачах большую для себя опасность и

воспринимали капиталистов-раздатчиков (на уровне «социальной интуиции») как своих смертельных врагов. Поэтому борьба между цеховыми мастерами и капиталистами-раздатчиками продолжалась в течение десятилетий и завершилась победой последних только в эпоху промышленной революции.

Препятствия, создаваемые корпоративным строем средневекового ремесла на пути явлений раннего капитализма, объясняют, почему эти явления возникали прежде всего за рамками режима цехового ремесла. Отсюда становится также понятным, почему раннекапиталистические отношения приобретали значение фактов реальной действительности только лишь в условиях «перерождения» цехового режима ремесла или полной его ломки. Последняя задача могла быть решена в результате победоносной буржуазной революции или реформы в общегосударственном масштабе. Однако, как известно, в германских землях в XVI в. революция потерпела поражение, а централизованного государства к этому времени так и не сложилось. Это, вероятно, оказало влияние на процесс стагнации и даже гибели зачаточных форм капитализма, что и превращало централизованную мануфактуру в «архитектурное украшение» над зданием мелкотоварного производства. Впрочем, на такой ход исторического развития оказали влияние и другие факторы (географические открытия, перемещение путей мировой торговли на побережье Атлантического океана, губительные для германских земель последствия Тридцатилетней войны, конфессиональные и династические конфликты и т. д.). Так или иначе, ростки капиталистических отношений вынуждены были приспособляться к условиям системы феодализма в деревне и корпоративного строя ремесла в городе, которые, как правило, не позволяли отношениям раздаться развиваться далее примитивной формы мануфактуры рассеяного типа. Вот почему рано возникшие элементы раннего капитализма в сукноделии Страсбурга и Франкфурта-на-Майне, бумазейном производстве Аугсбурга и Ульма, сапожном ремесле и кожевенном производстве того же Аугсбурга в рассматриваемый в настоящей монографии период времени в масштабах германских земель так и не переросли в мануфактурную стадию развития собственно капитализма (которую знаменует собою появление мануфактуры централизованного типа). И все же, по крайней мере в XVI в., были известны и исключения из общего правила.

Вернувшийся в 1515 г. из итальянского города Комо на родину купец и предприниматель Мартин Шалер открыл в Ульме мануфактуру по производству плюшевых тканей. Правящий совет города предоставил ему кредит в тысячу гульденов сроком на десять лет; на эти средства были построены красильная мастерская, валяльная мельница и здание, где шерсть трепали, чесали и производили из нее основу тканей. Вероятно, несколько позднее Шалер и его компаньоны приобрели помещение, в котором был сосредоточен ткацкий процесс. В 1537 г. на предприятии компании Шалера было занято 40 одних только мастеров-ткачей, перерабатывавших в ткани в течение недели по 26–27 центнеров пряжи. Это предприятие Шалера, по словам одного из современников и очевидцев этого «новшества» в экономической жизни Ульма, причиняло городским шерстоткачам и красильщикам «непоправимый ущерб»¹⁷⁹. И с таким мнением можно согласиться, так как мелкие производители оказались не в состоянии успешно конкурировать с организованным на мануфактурной основе предприятием, на котором находила применение передовая для того времени технология и осуществлялось разделение труда в рамках операций производственного цикла. Это позволило Шалеру и его компаньонам значительно повысить, по сравнению с мастерскими цеховых ремесленников, производительность труда и благодаря этому достичь более высокой рентабельности предприятия. Заслуживает внимания и тот факт, что мануфактура Шалера фактически существовала вне корпоративного строя ремесла, не подчинялась цеховой регламентации и находилась под особой защитой магистрата, поскольку возникла в новой для Южной Германии отрасли: здесь до открытия предприятия Шалера спрос на плюшевые ткани удовлетворялся исключительно за счет их импорта из Италии и Франции.

Открытие крупной по тем временам мануфактуры было событием необычным и произвело сильное впечатление на современников. Так, аугсбургский хронист Вильгельм Рем, тесно связанный с деловыми кругами родного города, с одобрением отзывался о предпринимательской деятельности Мартина Шалера, который, по словам Рема, усвоил в Риме (Рем ошибочно называет Рим вместо Комо. — Ю.Н.) искусство производства плюшевой ткани (*stametti*), организовал ее производство в родном городе «по итальянскому образцу» и обучил многих горожан прядению, ткачеству и технологии окраски тканей. Пред-

приятие, как утверждает Рем, приносило Шалеру «хорошую прибыль и дало средства к существованию множеству людей»¹⁸⁰. По убеждению хрониста, деятельность владельца этой мануфактуры полностью соответствовала принципам «общей пользы» и «божественного права», то есть находила этическое обоснование в реформационном учении с его отличным от «ленивого Средневековья» отношением верующего к категории общественного труда и иным пониманием роли последнего в «спасении души»¹⁸¹. Это была принципиально иная, по сравнению со Средними веками, идеологическая установка, которая потребовала длительного времени, прежде чем стала достоянием общественного сознания на обыденном уровне и стереотипом общественного поведения «простых людей». Однако только реализация этой установки позволила Западной Европе начать движение по пути прогресса к ценностям индустриальной цивилизации.

История основания в Ульме предприятия по производству плюшевых тканей побуждает обратиться к «Капиталу» К. Маркса, где он, имея в виду Западную Европу, писал, что на первой стадии генезиса капитализма удельный вес мануфактуры в общественном производстве оставался незначительным. В этом производстве долгое время преобладало «городское ремесло и сельские побочные промыслы»¹⁸².

Такая оценка, по всей видимости, соответствует действительному положению вещей. Например, Швабия в начале XVI в. практически не была знакома с более или менее развитой формой капиталистической мануфактуры. В эмоциональном высказывании Вильгельма Рема о предприятии Шалера нашло отражение отношение одного из современников и очевидцев к необычному факту реальной действительности. Дело в том, что в глазах современников мануфактура была «новшеством» или, говоря словами Маркса, «архитектурным украшением», возвышавшимся над экономическим базисом феодального общества — натуральным или полунатуральным хозяйством крестьянина и мелкотоварным производством городского ремесленника. И все же этот необычный факт действительности к началу XVI в. не был единственным в юго-западном регионе германских земель. Здесь капиталистическая мануфактура в некоторых отраслях все же получила распространение. Она нашла благоприятную почву прежде всего в «новых ремеслах» и «искусствах», технологию производства которых было трудно совместить с прокрустовым ложем цехового ремесла.

По примеру мануфактуры смешанного типа было организовано бумагопрядильное производство, которое могло успешно функционировать только при условии значительных инвестиций. Поэтому не случаен тот факт, что в самом конце XV в. в Меммингене была построена бумагопрядильная мельница, а производство на ней велось на средства торговых компаний Фелинов и Цангмейстеров¹⁸³. Именно инвестиции таких компаний способствовали быстрому распространению и развитию в данной отрасли раннекапиталистических отношений. Производство бумаги происходило под непосредственным влиянием книгопечатания. Если около 1450 г. в германских землях действовали всего лишь 10 бумагопрядильных мельниц, за вторую половину того же столетия их число возросло по крайней мере до 60 и продолжало расти быстрыми темпами в первые десятилетия XVI в. Строительство и техническое оборудование бумагопрядильных мельниц требовало настолько больших капиталовложений, что оказывалось под силу только крупным оптовым торговцам, самым богатым бюргерам, магистратам городов или территориальным князьям. Именно этим обстоятельством был обусловлен тот факт, что владельцы или арендаторы бумагопрядильных мельниц использовали на своих предприятиях исключительно наемную рабочую силу. Они же выступали в роли раздатчиков по отношению к ремесленникам, занимавшимся производством самой бумаги. Все это являлось предпосылкой возникновения в данной отрасли мануфактуры не рассеянной, как это полагает А. Лаубе¹⁸⁴, а смешанного типа. Общее направление эволюции социально-экономической структуры позднесредневекового ремесленного производства было все же несколько иным по сравнению с рассмотренным выше вариантом. Тенденция, выразившаяся в развитии бумагопрядильной отрасли и в ульмском предприятии Шалера по производству плюшевых тканей, все же не стала преобладающей в Швабии даже в экспортных отраслях производства. Здесь и в XVI в. преобладали, в том числе в текстильном производстве, цеховое ремесло, отношения раздач и зачаточные формы капитализма.

Пути развития раннего капитализма в юго-западном регионе германских земель отличались большой сложностью и противоречивостью. Сегодня уже никто не спорит, что здесь его bastionами являлись Аугсбург и Нюрнберг. В то же самое время такие немецкие исследователи, как К. Буркардт, Э. Науекс и Г. Гайгер, не соглашаясь с мнением страсбургского дьякона

Бернера, очевидца и, по всей видимости, одного из первых историков раннего капитализма в германских землях, выражают сомнение в том, что этот капитализм сумел пустить корни в Ульме и его сельской округе¹⁸⁵. Г. Келленбенц утверждает, что отношения раздач и ранний капитализм и на самом деле получили заметное развитие в Аугсбурге и Нюрнберге, но их явления вообще не наблюдаются в других городах Верхней Германии¹⁸⁶. Г. Леше, напротив, полагает, что ткачи не только Аугсбурга, но и Ульма работали в большинстве случаев по контрактам с раздатчиками и подвергались капиталистической эксплуатации¹⁸⁷. А. Лаубе, указывая на открытие в начале XVI в. Мартином Шалером крупной по тому времени мануфактуры, также приходит к выводу, что раннекапиталистические отношения все же имели место в экспортных отраслях позднесредневекового текстильного производства Ульма¹⁸⁸. Аналогичного мнения придерживается и еще один историк – М. Майер¹⁸⁹. Однако тот же Майер, ссылаясь на труды историков начала XX в. А. Дица и Ф. Боте¹⁹⁰, утверждает: о Франкфурте-на-Майне определенно можно оказать, что этот город не стал центром раннего капитализма в германских землях, поскольку здесь шерстоткачество, пережившее почти столетний период успешного развития и процветания в 1350–1430 гг., к началу XVI в. пришло в упадок¹⁹¹. Как было показано выше, в шерстоткацком ремесле и в ряде других отраслей текстильного производства Франкфурта так и не был осуществлен переход к мануфактуре централизованного типа. Однако может ли служить данное обстоятельство доказательством, что явления раннего капитализма вообще не имели места во Франкфурте-на-Майне?

В этой связи представляет интерес исторический опыт Страсбурга. Еще в конце XIX в. Г. Шмоллер привел факты, свидетельствующие, казалось бы, о том, что в Страсбурге богатые цеховые мастера уже в XIV в. стали капиталистами-раздатчиками¹⁹². Однако в 30-е и 40-е гг. XX в. У. Крамер и В. Андреас пришли к заключению, что с начала 80-х годов XV в. в этом городе цехи, установив свою «диктатуру», превратились в руководящую силу и в экономической жизни города. Поэтому цехи в XVI–XVII вв. проводили жесткую политику подавления предпринимательских элементов и тем самым создавали трудно преодолимые препятствия на пути развития капитализма¹⁹³. Вместе с тем нельзя не отметить, что и в данном случае ни Крамер, ни Андреас не приводят таких аргументов, которые

убеждали бы в достоверности самого факта затухания очага раннего капитализма в Страсбурге.

Итак, рассмотрев свидетельства источников о возникновении явления раннего капитализма в Южной Германии и оценки этих явлений в современной историографии, можно сформулировать следующие выводы. Прежде всего следует признать вполне достоверным тот факт, что переход к мануфактурной стадии в общественном производстве, собственно говоря, в конце XV – первой половине XVI в. не произошел не только в Ульме, Страсбурге, Франкфурте-на-Майне, но и в таких общепризнанных центрах раннего капитализма в германских землях, как Аугсбург и Нюрнберг. В последних двух городах ранний капитализм достиг больших успехов в своем росте скорее вширь, чем вглубь. В экспортных отраслях производства даже в этих центрах преобладали примитивные формы капиталистической кооперации, развитие которой в общем и целом не пошло далее системы раздач и рассеянного типа мануфактуры, порою с централизацией одной или нескольких операций технологического цикла. В действительности переход к мануфактурному капитализму начался только со второй половины XVI в. и завершился в первые десятилетия XVII в. в принципиально иных, чем в Швабии и сопредельных с нею территориях Верхней Германии, социально-политических условиях городских кантонов Швейцарского Союза. Примером такого развития может служить Базель, который, осуществив переход к мануфактурному производству, добился удивительных для того времени результатов – на исходе Средних веков и к началу Нового времени благодаря данному обстоятельству превратился в один из передовых промышленных центров Западной Европы.

* * *

Правящий совет Базеля еще в 1436 г. принял постановление, обязывавшее каждый цех завести особую книгу, в которую следовало заносить имена всех принятых мастерами на работу подмастерьев. Благодаря этому обстоятельству сохранились статистические данные о числе предприятий и подмастерьев, занятых в различных отраслях ремесленного производства и торговли этого города на рубеже XVI–XVII вв. Они содержат достаточно яркие и убедительные свидетельства, что особенно важно подчеркнуть, о характере промышленного производства в позднесредневековом Базеле (см. таблицу 1).

Таблица 1

Наемные работники предприятий Базеля на рубеже XVI–XVII вв.*

Отрасли торговли и производства	Общее число предприятий	Число занятых на них подмастерьев	В среднем на каждом предприятии
Бумагопрядильное производство	22	205	9,3
Кожевенное производство	32	245	7,5
Производство шляп	41	300	7,3
Вязание и производство беретов	51	347	6,8
Шелкоткачество	35	183	5,2
Кузнечное производство	13	52	4,0
Торговля галантерейными товарами	52	182	3,5
Производство и торговля книгами	20	71	3,5
Торговля специями и аптекарскими товарами	36	90	2,5
Не установлено	38	61	1,6
Итого:	340	1736	4,9

* *Geering T. Handel und Industrie der Stadt Basel: Zunftwesen und Wirtschaftsgeschichte bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Basel, 1886. S. 442–443.*

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что хотя в Базеле на рубеже XVI–XVII вв. преобладали мелкие и мельчайшие предприятия, концентрация наемной рабочей силы в ряде отраслей производства уже вступала в противоречие со стандартами цеховых регламентов об ограничении

масштабов корпоративного ремесла. Эта тенденция отчетливо выражена в производстве бумаги, кожевенном ремесле, шелкоткачестве и ряде других отраслей (в частности, в вязании, изготовлении шляп и беретов), работавших на экспорт своих изделий «на дальние рынки». В каждой мастерской в данных отраслях обычно работало от 5 до 10 подмастерьев, которые, как правило, не проживали в доме владельца мастерской и фактически находились на положении наемных рабочих на сдельной оплате труда. Причем эта статистика не учитывает дарового труда учеников, который также широко применялся на базельских предприятиях того времени. Факты о привлечении на эти предприятия наемной рабочей силы побуждают высказать предположение, что по крайней мере в отраслях наибольшей ее концентрации в некоторых мастерских осуществлялось разделение труда и преобладали капиталистические производственные отношения. Эта гипотеза находит обоснование в многочисленных и в достаточной степени достоверных материалах источников. Однако в первую очередь следует сказать о той исторической ситуации, в условиях которой совершалось, образно выражаясь, прорастание семян «базельского варианта» мануфактурного капитализма.

Судьбы раннего капитализма в Базеле тесным образом связаны с политическими событиями в Европе середины и второй половины XVI в. В ее истории это были «смутные времена»: ответом на Реформацию стала Контрреформация, усилились гонения и преследования «инаковерующих», обострилась конфронтация между католиками и протестантами, вспыхнули гражданские (религиозные) войны, совершилась первая в истории человечества победоносная антифеодалная революция в Нидерландах. Под влиянием и как следствие этих событий на территорию Швейцарского Союза устремились эмигранты, среди которых было немало искусных ремесленников, состоятельных и энергичных людей, вполне возможно, знакомых с капиталистическим предпринимательством и у себя на родине. Базель широко открыл двери перед такими эмигрантами. Здесь, как, впрочем, и в других городских кантонах Швейцарского Союза, в соответствии с религиозно-политическими установками Цвингли и Кальвина была проведена реформа церкви и вместе с нею — общественные преобразования (секуляризация монастырского землевладения, закрытие самих монастырей, запрещение военного наемничества и отмена лично-наследственной зависи-

мости крестьян), подрывавшие сами устои системы феодализма и создававшие предпосылки для экономического подъема. Перемены, происходившие в экономической жизни Базеля, нашли отражение в весьма выразительных и примечательных фактах.

Исключительное значение для развития шелкоткачества Базеля имела миграция протестантов из северо-итальянского города Локарно. Одним из эмигрантов, поселившимся в Базеле, был Стефано Пеллицари, который основал свое предприятие летом 1575 г. Получив разрешение городских властей на открытие мастерской, он тут же нанял 15 подмастерьев, а затем в течение примерно восьми лет увеличил их число еще на 15 человек. По существу все эти подмастерья, эмигранты из Италии и Савойи, находились на положении наемных рабочих¹⁹⁴. Заведение Пеллицари являлось для того времени значительным по масштабам предприятием и, что вполне очевидно, было организовано на мануфактурной основе. Однако масштабы предприятия не удовлетворяли его владельца.

Тот же Стефано Пеллицари выступил с проектом создания крупного шелкоткацкого предприятия, на котором он предполагал занять около двух тысяч наемных работников. Примечательно, что большую часть среди них должны были составить дети (мальчики и девочки), которым, по замыслу Пеллицари, предоставлялась возможность «зарабатывать деньги», оказывая тем самым помощь своим бедным родителям. Для размещения всей этой рабочей силы Пеллицари просил городские власти передать ему одно из пустующих монастырских зданий, поскольку он намерен был занять детей лишь в прядильном производстве. Что же касается производства самих тканей, он планировал это сделать, «раздавая» пряжу городским и деревенским «бедным ткачам» на дом. Таким образом, проект соединял в себе предшествующий исторический опыт развития отношений раздачи с элементами централизации одного из звеньев производственного цикла. Причем Пеллицари, о чем сказано выше, намерен был организовать «под одной кровлей» в крупных масштабах прядильное производство, которое до сих пор носило наиболее распыленный характер и являлось подспорьем в жизни многих городских и деревенских бедняков. Этот проект, по словам Т. Геэринга, в условиях корпоративного строя ремесла нельзя было реализовать на практике¹⁹⁵. Между тем проект Пеллицари предусматривал создание капиталистической мануфактуры смешанного типа. К типу централизованной

мануфактуры было ближе предприятие, которым владел сам Пеллицари, так как на нем разделение труда в рамках всего производственного цикла осуществлялось в стенах одной мастерской, что и превращало ее из ремесленного заведения средневекового города в капиталистическую мануфактуру.

Технология производства бархатных тканей была принесена в Базель французскими гугенотами. Первое предприятие по производству этих тканей здесь открыл уроженец Лотарингии Антуан Лескаль, который поселился в Базеле в 1573 г. и начал дело с четырьмя подмастерьями, между 1583 и 1586 г. нанял пять новых подмастерьев, а в 1587 г. – еще четырех подмастерьев. Таким образом, примерно за полтора десятилетия число наемных рабочих на предприятии Лескаля достигло тринадцати человек. Однако после острого конфликта с местной церковной общиной французов-кальвинистов, которую поддержал правящий совет города, 23 февраля 1592 г. Лескаль был изгнан из Базеля. Изгнание Лескаля не привело к летальному исходу производства бархатных тканей в Базеле. Оно имело продолжение, и одним из его организаторов выступил также эмигрант (на этот раз из Савойи) Пьер Понт Бельмонт. Он приступил к производству бархатных тканей в 1597 г. всего с тремя подмастерьями, но уже в 1602–1603 гг. на его предприятии были заняты 24 наемных работника¹⁹⁶. Следовательно, за 5–6 лет численность наемной рабочей силы на предприятии Бельмонта увеличилась в восемь раз, а его предприятие превратилось из мелкой мастерской в значительную по масштабам того времени капиталистическую мануфактуру. Любопытно отметить, что Лескаль и Бельмонт открывали, на первый взгляд, типичные для средневекового города цеховые мастерские, которые, однако, довольно быстро по своим организационным формам и характеру деятельности их владельцев обнаруживали большое сходство с предприятием Пеллицари и приобретали признаки мануфактур централизованного типа. Это было обусловлено тем, что упомянутые выше предприятия возникали в новых для города отраслях текстильного производства.

В то же время, хотя новые предприятия как бы выпадали из системы цехового ремесла, но оно воздвигало на пути их развития многочисленные преграды. Пеллицари, Лескалю, Бельмонту и другим предпринимателям «из числа чужеземцев» под страхом суровых наказаний было запрещено содержать в самом Базеле лавки и заниматься розничной торговлей. По тре-

бованию цеховых мастеров правящий совет города вводил и многие другие ограничения их деятельности. Владельцы новых предприятий, Пеллицари и Лескаль, обанкротились в 90-е годы XVI в. Подмастерья разорившихся предпринимателей были приняты на работу, причем на худших, чем у Пеллицари и Лескаля, условиях, местными цеховыми мастерам¹⁹⁷. Последние попытались вернуть организацию производства в старые рамки системы раздач. Однако семена упали в подготовленную почву, которая дала обильные всходы, и капитализм продолжал успешно развиваться, став необратимым процессом.

Аргументом, подтверждающим такой вывод, может служить расцвет в 1580–1620 гг. другой отрасли городского хозяйства – производства шляп и беретов. Развитие данной отрасли также было связано с деятельностью эмигрантов, большинство которых составляли выходцы из «революционных» Нидерландов. Возникли крупные для того времени предприятия: Матис Бюхель-второй (1568–1584 гг.) нанимал 26 подмастерьев, Матис Бюхель-третий (1584–1631 гг.) – 24, Ганс Фрей (1569–1599 гг.) – 35, Михель Хеннер (1577–1600 гг.) – 38, Бернхард Ванспир (1567–1614 гг.) – 45¹⁹⁸. Если взять в качестве точки наблюдения 1584 г., окажется, что уже в этом году упомянутые выше «предприниматели-иноземцы» привлекали наемную рабочую силу примерно в 150 человек, занимали ключевые позиции и полностью контролировали производство шляп и беретов в Базеле. С другой стороны, подъем данной отрасли и появление в ней предприятий нового типа сопровождалось процессом разорения издавна занятых в ней местных цеховых мастеров. Последние оказались не в состоянии конкурировать с предпринимателями-капиталистами. Большинство «старых мастеров» теперь вынуждено было наниматься на работу к хозяевам новых предприятий. Так происходило понижение социального статуса и утрата экономической самостоятельности цеховых мастеров. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что многочисленные подмастерья, в том числе бывшие цеховые мастера, оказались в положении наемных рабочих у владельцев предприятий по производству шляп и беретов. Вполне понятно, что в условиях такого сценария развития событий отношения между «иноземцами» и коренными жителями Базеля обострились. Что же касается самих предприятий, производивших в больших количествах и главным образом для сбыта на «дальних рынках» шляпы и береты, они все же ближе стояли к простой коо-

перации, чем к централизованной мануфактуре. В силу особенностей технологии производства осуществлялось не столько мануфактурное разделение труда, сколько специализация работников в рамках единого производственного цикла. Это, однако, не означало, что предприятия по изготовлению шляп и беретов не были капиталистическими.

Материалы по экономической истории Базеля достаточно убедительно свидетельствуют о том, что этот город, в значительной мере благодаря деятельности поселившихся в нем богатых эмигрантов из стран Западной Европы (прежде всего Италии, Франции и Нидерландов) со второй половины XVI в. переживал экономический подъем. Деятельность некоторых эмигрантов, в чем читатель уже имел возможность убедиться, носила характер капиталистического предпринимательства. Именно по этой причине она вызывала недовольство цеховых мастеров из числа коренных базельцев. В начале 1599 г. последние потребовали у магистрата восстановления средневековых цеховых монополий, жесткой регламентации на занятия различными ремеслами, еще большего ограничения предпринимательской деятельности «чужаков» и строгого запрета на совмещение профессий ремесленников с занятиями торговлей. Но постановления, изданные правящим советом города по требованию коренных базельцев, все же допускали производственную деятельность ремесленников, которые не являлись полноправными цеховыми мастерами и работали на базельских крамерей и раздатчиков. «Чужим» шелкоткачам, проживавшим за городскими стенами, то есть на территории городской округи, разрешалось работать только на полноправных цеховых мастерах¹⁹⁹. Инициатива в принятии и попытках претворения в жизнь такого рода ограничительно-дискриминационных регламентов, вполне возможно, исходила со стороны мелких цеховых товаропроизводителей. Позиция последних вполне естественна и понятна. Но упомянутые выше меры властей отвечали также интересам и другой социальной группировки населения Базеля, которая также была тесно связана с текстильным производством как в самом городе, так и его сельской округе.

Факты, которые приводит Т. Геэринг, не оставляют сомнения, что члены корпораций городских торговцев, особенно крамеры, зачастую сами выступали в роли капиталистов-раздатчиков по отношению к цеховым мастерам-шелкоткачам. Во время острого конфликта с цехом ткачей в 1609 г. крамеры, ссылаясь

на свое «древнее право» (которое они приобрели еще во второй половине XIV в.) на занятия промыслом с пряжей и розничную торговлю тканями, даже требовали на этом основании перевода всех шелкоткачей в свою корпорацию²⁰⁰. В то же время крамеры энергично защищали право эксплуатации мелких производителей города и деревни с помощью механизма раздач. Поэтому во время конфликта крамерей с городскими ткачами вопрос стоял не о реставрации средневековых форм производства и режима цехового ремесла, а об удержании капитализма на уровне системы раздач и предотвращении перерастания его в мануфактурную стадию. Однако система раздач, еще 100–150 лет тому назад представлявшая собою прогрессивную тенденцию общественного развития, теперь превратилась в анахронизм, консервирующий унаследованные от прошлого производственные отношения, которые уже исчерпали возможности роста и к концу XVI в. сыграли свою исторически положительную роль. Между тем в 1609 г. торговцы-крамеры, казалось бы, одержали победу не только над корпорацией ткачей Базеля, но и над правящим советом города, который, руководствуясь прежде всего соображениями экономического порядка, попытался во время конфликта встать на сторону «иноземных» капиталистов. Парадокс, однако, состоял в том, что в дальнейшем удалось избежать банкротств и «удержаться на плаву» только тем коренным базельским цеховым мастерам и крамерям, которые преобразовали принадлежавшие им предприятия на мануфактурной основе. Отсюда можно заключить, что именно с этого времени капитализм окончательно утвердился в экспортных отраслях производства Базеля и приобрел необратимый характер.

Общественные противоречия, в условиях которых совершалось развитие раннего капитализма, представляют интерес и заслуживают внимания и с другой точки зрения. К. Маркс указывает на двойственность самой природы рабочей силы в условиях капиталистического производства, так как наемные рабочие, подчеркивал он, «сами не принадлежат к числу средств производства, как рабы, крепостные и т.д., но и средства производства не принадлежат им...». И далее Маркс делает вывод: «Капиталистическое отношение предполагает, что собственность на условия существования отделена от рабочих»²⁰¹. Отсюда также следует, что в результате деятельности предпринимательских элементов в Базеле происходило отделение мелких производителей от средств производства и условий труда, и превращение

их в отряд тех наемных рабочих, которые выступали в роли «более или менее развитого предшественника пролетариата Нового времени». В то же самое время цеховая верхушка Базеля и купцы-раздатчики, своей деятельностью низводя производителей до состояния «полной беспомощности», стремились, однако, сохранить формальную связь этих производителей с режимом корпоративного ремесла. Поэтому, вопреки точке зрения Т. Гезринга, есть основания все же полагать, что во время острого социального конфликта в Базеле на рубеже XVI–XVII вв. в повестку дня был поставлен вопрос не столько о столкновении цеховых начал организации средневекового ремесла с явлениями раннего капитализма, сколько о борьбе двух тенденций в развитии уже самого капитализма. Дело в том, что, исследуя явления раннего капитализма, необходимо иметь в виду не только противоположность интересов нарождающегося классов буржуазии и наемных рабочих (равным образом различных категорий трудящихся, находившихся на пути превращения в наемных рабочих), но и противоречия в самом классе ранней буржуазии (между фракциями торговой и промышленной буржуазии). «Символом веры» и выражением коренных интересов торговой буржуазии продолжала оставаться система раздач, и эта буржуазия в силу данной причины прилагала немалые усилия, чтобы удержать отношения, унаследованные ею от строя цехового ремесла, с целью их «приспособления» к собственным интересам, тогда как промышленная буржуазия выступала за радикальное преобразование «всего способа производства». Только принимая во внимание данную коллизию, представляется возможным, по мнению автора этих строк, значительно приблизиться к порогу истинности в познании самого процесса генезиса капитализма в промышленности, который совершался в странах Западной Европы на исходе Средних веков и в начале Нового времени.

* * *

Рассматривая вопрос о возникновении капиталистических отношений и возможных вариантах перехода от феодального к капиталистическому способу производства, от феодальной к буржуазной «социально-экономической формации», К. Маркс наиболее прогрессивную тенденцию этого перехода связывал с превращением производителя в капиталиста, тут же, однако, подчеркивая, что выступление в этой роли купца создает отно-

шения, которые «повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития». Правда, Маркс не исключал и варианта, при котором купец становится капиталистом, и в силу данного обстоятельства совершается трансформация торгово-ростовщического капитала в промышленный. Впрочем, это отнюдь не меняло его отрицательного отношения к купцу и торговому капиталу как тормозам общественного прогресса²⁰². В связи с этим попытаемся установить, с одной стороны, насколько справедлив суровый вердикт Маркса об исторической роли купеческого капитала; с другой стороны, каким образом результаты конкретно-исторического исследования могут быть соотнесены с ортодоксальными положениями теории того же Маркса о «формационном» характере перехода от феодализма к капитализму.

Исследование материалов источников и достижения современной исторической науки убеждают в том, что созревание ростков капитализма в недрах системы феодализма отличалось большой протяженностью во времени. Появление его первых ростков может быть отнесено еще к первой половине XIV в. Но долгое время они, образно выражаясь, не превращались в растения, приносящие плоды, а зачастую погибали, не успев дать даже всходов. В то же время производственные отношения, которые, казалось бы, можно трактовать как отражение явления раннего капитализма, на самом деле являлись не столько фактом реальной действительности, сколько представляли одну из тенденций развития, были достаточно далекой исторической перспективой. Эти новые отношения обретают более или менее прочные корни, превращаются из тенденции в факт реальной действительности и форму общественного производства только со второй половины XV в. и достигают определенной степени зрелости лишь к началу XVI в. В силу данного обстоятельства, исследуя генезис капитализма, необходимо принять во внимание конкретно-исторические условия, в которых протекал этот многогранный процесс.

Капиталистическая мануфактура в юго-западном регионе германских земель, несмотря на рано проявившуюся тенденцию продвижения именно к этой стадии организации общественного производства, не была реализована на практике ни в XIV, ни в первой половине XV в. Явления раннего капитализма на протяжении всего этого длительного отрезка времени вообще носили преходящий и обычно краткосрочный характер: ростки

раннего капитализма прорастали и вскоре увядали в одном месте, тут же появлялись и погибали в другом, чтобы дать всходы в третьем... Причинами столь импульсивного развития явлений раннего капитализма служили следующие обстоятельства: 1) отсутствие достаточно емкого рынка сбыта для постоянного производства товаров в крупных масштабах и непрерывного функционирования расширенного воспроизводства; 2) успешное длительное противодействие капиталистической тенденции со стороны объединенных в корпорации (цехи) городских мелких товаропроизводителей; 3) преобладание купеческого капитала над промышленным в сфере общественного производства; 4) неблагоприятная для формирования капиталистической мануфактуры социально-политическая ситуация, выражавшаяся главным образом в политической раздробленности германских земель и отсутствии централизованного немецкого государства, что тормозило складывание единого национального рынка – важнейшей предпосылки «переворота в самом способе производства»; 5) сохранение в кантонах Швейцарского Союза, преобладание и господство в Швабии феодальных отношений в деревне; 6) традиционный склад мышления и поведенческие стереотипы человека Средневековья, преобладание в общественном сознании коллективистского начала над индивидуальным.

Прежде всего именно этими причинами было обусловлено развитие новых производственных отношений в позднесредневековом ремесленном производстве по преимуществу в рамках системы раздач. Дело в том, что отношения раздач в наибольшей мере соответствовали условиям и возможностям развития промышленности на начальном этапе перехода от средневековых форм ее организации к капиталистическому способу производства, обеспечивая известным образом преемственность движения от старых к новым формам. Система раздач обладала лучшей, по сравнению с централизованной мануфактурой, способностью приспособления к условиям корпоративного ремесла в городе и феодальных отношений в деревне. Поэтому только со второй половины XV в. в некоторых отраслях ремесленного производства, в первую очередь экспортных, новые производственные отношения приобрели устойчивые признаки капиталистических мануфактур. Однако форма организации и степень разделения труда в этих мануфактурах редко достигали уровня предприятий централизованного типа. На такой ход развития, помимо прочего, оказывал влияние и менталитет че-

ловека позднего Средневековья. Данное положение вещей отчасти объясняется тем обстоятельством, что примитивные формы капитализма в виде так называемых раздач уже к началу XVI в., став обычным и даже заурядным явлением, получили признание в общественном сознании, в том числе на обыденном уровне, в качестве по крайней мере «неизбежного зла» и нормы производственных отношений. В то же самое время мануфактуры централизованного, или даже смешанного, типов по причине их недавнего появления и большой редкости оставались в сознании человека позднего Средневековья новшествами. Именно в силу данного обстоятельства, то есть восприятия факта появления таких предприятий в качестве нарушения традиционных устоев, они вызывали в сознании человека того времени реакцию отторжения, чувство протеста, что приводило к энергичному противодействию попыткам создания мануфактур и практической деятельности их основателей со стороны самостоятельных или квазисамостоятельных мелких производителей. Причем цеховые мастера, вступая в борьбу с новыми явлениями в экономической жизни общества и их носителями — капиталистами, в которых они на уровне «социальной интуиции» видели своих «смертельных врагов», сражались отнюдь не с «ветряными мельницами» и не выглядели обреченными на поражение. Долгое время эта борьба шла с переменным успехом. Чаша весов в противоборстве этих сил окончательно склонилась в сторону капитализма только после промышленной революции на машинной стадии развития капитализма.

Судьбы раннего капитализма оказались неразрывным образом связаны как с социально-политическими событиями в германских землях, так и положением этих земель на путях мировой торговли. Оба эти обстоятельства оказали существенное влияние на ход исторического процесса. Перемещение путей мировой торговли на Атлантическое побережье лишило немецкое купечество преимуществ, которые проистекали из срединного положения Германии в Европе и в центре путей континентальной торговли. Поражение революции XVI в. в германских землях, которую одни историки (марксисты) трактуют как «раннюю буржуазную революцию»²⁰³, другие (оппоненты марксистской теории) — как «революцию простого человека»²⁰⁴, или — как «хилиастическую революцию»²⁰⁵, также, по всей видимости, оказало влияние на стагнацию первоначальных форм капитализма и вызвало затухание очагов раннего капитализма

(по причине неудачи либерализации экономической жизни в государственных масштабах) там, где они совсем еще недавно, казалось бы, горели достаточно ярко. Здесь корпоративное ремесло оказалось действенным тормозом инновациям в общественном производстве. Такой исход явлений раннего капитализма в германских землях, в том числе в Швабии, можно считать вполне закономерным: почва оказалась недостаточно подготовленной для победы мануфактурного капитализма. На стагнацию темпов и форм раннекапиталистического развития оказали влияние и факторы внешнего порядка: изменение в худшую сторону рыночной конъюнктуры, конфликты на конфессиональной почве и политическая неустроенность Германской империи.

В несколько ином направлении совершалось социально-экономическое развитие в городских кантонах Швейцарского Союза. В них общественное производство со второй половины XVI в., как это было показано на примере Базеля, окончательно вступило в ту фазу, когда, говоря словами В.И. Ленина, «капитализм обнаружил уже совершенно ясно свои тенденции, он развил присущий ему антагонизм»²⁰⁶ и, преодолевая на своем пути препятствия и развиваясь по восходящей линии прогресса, перерос в мануфактурную стадию. Правда, и здесь противостояние традиционных и новых форм ремесленно-промышленной деятельности продолжалось еще и в начале XVII в. Однако теперь это противостояние уже перестало быть борьбой за реставрацию уравнилельных принципов безвозвратно уходящего в прошлое строя корпоративного ремесла. Консервативные силы, искавшие опору в корпоративном ремесле, вынуждены были, чтобы выжить, ориентироваться на рыночную экономику. Интересы этих сил, по ряду принципиальных позиций, в том числе в вопросе об отношении к мануфактурному капитализму, совпадали или были близки интересам цехового бюргерства. Поэтому все они в новых условиях первоначального накопления и генезиса капитализма предприняли попытку удержания капитализма на уровне примитивной кооперации с сохранением в качестве своего рода придатка к ней цехового ремесла и потерпели в этой попытке в конечном счете неудачу, так как оказались не в состоянии остановить поступательного движения по пути прогресса, который и привел к мануфактурной стадии промышленного производства.

И, наконец, последнее. Стагнация развития и порою даже, на первый взгляд, движение вспять самих явлений раннего ка-

питализма в общественном производстве германских земель отнюдь не означали возврата к экономическим отношениям эпохи классического Средневековья, нормам и правилам простого товарного производства, которые нашли наиболее последовательное воплощение в строе корпоративного ремесла. Стагнация и движение вспять были преходящими явлениями, своего рода аварийными остановками на пути движения капитализма к более совершенным формам, как в технологическом, так и организационном отношениях. В конечном счете, именно это и свидетельствовало о необратимости самого исторического процесса генезиса капитализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Смаркин В.В.* Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976. С. 137, 139–142, 146–147, 219–221; *Сванидзе А.А.* Средневековые города // История Европы. Т.2: Средневековая Европа. М., 1992. С. 255; *Bader K.S.* Der deutsche Südwest in seiner territorialstaatlichen Entwicklung. Stuttgart, 1950. S. 155–156, 158–159; *Ammann H.* Die Anfänge der Leinenindustrie des Bodenseegebiets // *Alemanisches Jahrbuch.* Lahr/Schwarzwald, 1953. S. 252 ff.; *Eitel P.* Die oberschwabischen Reichsstädte ... S. 11 ff.

² См.: *Сванидзе А.А.* Деревенские ремесла в средневековой Европе. М., 1985. С. 146–158. Ср. также: *Feger O.* Geschichte des Bodenseeraumes. Bd. 2: Weltweites Mittelalter. Lindau; Konstanz, 1959. S. 355.

³ Lucas Rem. Tagebuch ... S. 1–2.

⁴ *Zorn W.* Augsburg ... S. 135.

⁵ Chronik der Familie Fugger ... S. 3–4. Об этом также см.: *Jahnsen M.* Die Anfänge der Fugger (bis 1494). Leipzig, 1907. S. 8–22; *Pölnitz G., von.* Jacob Fugger: Kaiser, Kirche und Kapital in der oberdeutschen Renaissance. Tübingen, 1949. Bd. 1. S. 7; *Norden A.* Herrscher ... S. 14–17.

⁶ Zink ... S. 128.

⁷ Weberchronik ... S. 224–225.

⁸ *Nübling E.* Ulms Baumwollweberei ... Urkunden. № 10. S. 17.

⁹ *Aubin H.* Formen und Verbreitung des Verlagswesens in altnürnbergischer Wirtschaft // BWGN. 1967. Bd. 2. S. 623–625. Герман Аубин установил, что законодательные акты магистрата Нюрнберга за 1320–1323 гг. трижды упоминают об отношениях раздач в металлообрабатывающем ремесле. Первый из актов запрещал ремесленникам-кузнецам предоставлять (*verlegeten*) кому-либо мастерскую или другое кузнечное оборудование и разрешал самому мастеру вести дело лишь с тремя подмастерьями и

одним подсобным рабочим; второй – запрещал «бюргерам или гостям» ссужать деньги местным ремесленникам «для поддержания» мастерских и требовать расчета изделиями этих мастерских. Третий декрет запрещает кузнецам заниматься раздачами в семимильной заповедной городской зоне (исключение, однако, сделано для мастеров, которые занимались производством плугов). На основании упомянутых выше декретов и других источников Аубин делает вывод, что в Нюрнберге раздачи возникли самое позднее в начале XIV в., хотя, по его мнению, вполне возможно датировать это явление и концом XIII в. Он отмечает, что раздачи получили распространение в деревенских промыслах, причем не только в металлообрабатывающем производстве, но и в других отраслях. Правда, сам же Аубин делает оговорку, что более или менее точно описать раздачи позволяют только источники, относящиеся к XV в.

¹⁰ *Geschichte der mittelalterlichen Handel und Verkehr zwischen Westdeutschland und Italien. Bd. 1: Urkunden. S. 316; Aubin G. Zur Geschichte des Verlagssystem ... S. 339.*

¹¹ *Das ältere Recht der Reichsstadt Isny ... Art. 168. S. 131.*

¹² *Die Chroniken der Stadt Konstanz ... S. 154, 168–169.*

¹³ *Feger O. Geschichte ... S. 355.*

¹⁴ *Furger F. Zum Verlagssystem ... S. 58.*

¹⁵ *Das Konstanzer Leinwandgewerbe ... № 12 a), d). S. 15–16. О деятельности Имхофа также см.: Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки ... С. 92–93; Gothein E. Wirtschaftsgeschichte ... S. 523–524; Furger F. Zum Verlagssystem ... S. 59–60; Ammann H. Konstanzer Wirtschaft ... S. 91–92.*

¹⁶ О «Большой Равенсбургской компании» и ее деятельности см.: Некрасов Ю.К. Очерк ... С. 96–145; Савина Н.В. Два типа купеческих компаний Южной Германии на рубеже XV–XVI вв. // СВ. 1973. Вып. 37. С. 250–270; Она же. Южнонемецкий капитал ... С. 102–103.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Некрасов Ю. К. Очерк ... С. 133–141.

¹⁸ *Зомбарт В. Современный капитализм ... С. 274.*

¹⁹ О роли скупщика и его влиянии на технологию производственного процесса см.: Чистозвонов А.Н. Социальная структура сукноделия в Голландии в XIV–XVI вв. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963. С. 14–17; Он же. Детерминанты технологии средневекового шерстоткачества (преимущественно на материале Нидерландов) // СВ. 1973. Вып. 36. С. 23.

²⁰ *Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 2. С. 386.*

²¹ *Ammann H. Die Wirtschaftsstellung St. Gallen ... S. 164–165.*

²² *Ammann H. Die Diesbach-Watt Gesellschaft ... S. 3–4.*

²³ *Peyer H.C. Quellen ... № 218. S. 102.*

²⁴ *Ibid. № 315. S. 137.*

²⁵ *Ibid. № 778 b). S. 414.*

²⁶ *Ibid. № 898 b). S. 465.*

²⁷ Ibid. № 505 f). S. 324.

²⁸ Ibid. № 509 c–k). S. 340.

²⁹ Ibid. № 898 b). S. 462–463.

³⁰ Ibid. № 898 c). S. 464.

³¹ Ibid. № 218. S. 99, 102.

³² Ibid. № 778. S. 415.

³³ Ibid. № 883. i). S. 457. На это, в частности, указывает следующий эпизод. 20 сентября 1509 г. совет Санкт-Галлена отказался удовлетворить жалобу кожевников на Бартоломеуса Рибинера, который сырые кожи, приобретенные как с помощью механизма авансирования мелких производителей, так и на «открытом рынке», «раздавал» для «доработки» нецеховым ремесленникам, «чтобы сделать (их) еще дороже», а затем снова продавал, причиняя тем самым «большой ущерб» цеховым мастерам.

³⁴ *Peyer H.C. Quellen ...* № 126, 128. S. 52–53. В апреле 1421 г. Хуг и Петер фон Ватты заключили с аббатом Санкт-Галлена договор об откупе у последнего права на эксплуатацию белильного производства. Договор обязывал братьев внести в казну аббатства крупную по тому времени сумму в 29,5 весовых марок серебра. Этот взнос в ноябре того же года был повышен до 36 марок. Данный эпизод побуждает поставить под сомнение утверждение Кристофа фон Дисбаха об отсутствии у братьев Ваттов денежных средств в момент образования торговой компании, учредительный капитал которой будто бы составили только инвестиции бернского патриция и купца Клауса фон Дисбаха. Ближе к истине предположение, что Клаус Дисбах и братья Ватты являлись равноправными партнерами уже с момента основания фирмы.

³⁵ *Peyer H.C. Quellen ...* № 196. S. 89–90.

³⁶ Ibid. № 898 d). S. 467.

³⁷ Ibid. № 509 c). S. 237.

³⁸ Ibid. № 509 i). S. 238.

³⁹ Ibid. № 558 d). S. 303.

⁴⁰ Ibid. № 558 c). S. 303–304.

⁴¹ Ibid. № 696 b). S. 378; № 697 a). S. 379.

⁴² Ibid. № 709 a). S. 383.

⁴³ Ibid. № 614 c). S. 341.

⁴⁴ Ibid. № 640 c). S. 351.

⁴⁵ *Das altere Recht Isny ...* Art. 190. S. 194–195.

⁴⁶ Ibid. Art. 236. a–b). S. 212.

⁴⁷ Ibid. Art. 442. a–d). S. 280.

⁴⁸ *Watts Schriften ...* Bd. 2. S. 422.

⁴⁹ *Kesslers Sabbata ...* S. 434, 521.

⁵⁰ Watts Schriften ... Bd. 1. S. 35–36; Kesslers Sabbata ... S. 435.

⁵¹ Peyer H.C. Quellen ... № 898 b). S. 466.

⁵² Цитируя тексты декретов магистрата Санкт-Галлена 1531 и 1563 г. о минимальных ценах на льняные ткани (в зависимости от их сорта и количества нитей в основе изделий), О. Шойтлин видит в таксах этих цен обычную для Средних веков цеховую регламентацию, даже не подозревая, какие в действительности производственные отношения скрывались за таким регулированием (см.: Scheutlin O. Das st. gallische Zunftwesen ... S. 179–180).

⁵³ Die Zunftverfassung von 1411–1535 ... S. 44; Schib K. Geschichte der Stadt Schaffhausen: 1045–1945. Thayngen; Schaffhausen, 1946. S. 78.

⁵⁴ Fortsetzungen des Hector Müllich ... S. 409, 431, 434–436; Weberchronik ... S. 238–240, 246–247.

⁵⁵ Nübling E. Ulms Baumwollweberei ... Urkunden. № 13. S. 34.

⁵⁶ Ibid. № 69. S. 116–118.

⁵⁷ Ibid. № 64. Art. 3, 4, 6. S. 113–114.

⁵⁸ Ibid. № 31. S. 63.

⁵⁹ Ibid. № 12. S. 33.

⁶⁰ Ibid. № 13. S. 33–34.

⁶¹ Ibid. № 38. S. 61.

⁶² Ibid. № 21. S. 48.

⁶³ Ibid. S. 53.

⁶⁴ См.: Furger F. Verlagssystem ... S. 80; Largiader A. Geschichte von Stadt und Landschaft Zürich. Bd. 1: Von den Anfängen bis zur Aufklärung. Zürich, 1945. S. 127–128, 133–134, 164; Schib E. Geschichte der Schweiz. Thayngen; Schaffhausen, 1955. S. 56.

⁶⁵ Furger F. Zum Verlagssystem ... S. 88.

⁶⁶ Quellen zur Züricher Wirtschaftsgeschichte ... S. 1000.

⁶⁷ Выдающееся значение реформационных преобразований в процессе генезиса капитализма еще в конце XIX в. отмечал Т. Геэринг, который исследовал это явление на примере Базеля (см.: Geering T. Handel und Industrie ... S. 383–384, 390 ff., 443 ff., 461 ff.). Впрочем, в этой же связи необходимо подчеркнуть, что использованные Геэрингом источники, о чем подробнее будет сказано ниже, свидетельствуют о принципиально иной стадии в истории самого раннего капитализма. Об этом также см.: Некрасов Ю.К. Реформа или революция? ... С. 148–157.

⁶⁸ Guyer P. Die soziale Schichtung der Bürgerschaft Zürichs von Ausgang des Mittelalters bis 1789 // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. Zürich, 1952. Bd. 2. H. 4. S. 548, 579, 581.

⁶⁹ Об этом также см.: Некрасов Ю.К. Эволюция социального строя ... С. 196–198; Он же. Эволюция социального строя и отношения собственности ... С. 56–60;

Он же. Реформа или революция? ... С. 100–104.

⁷⁰ Такой ход развития позднесредневекового текстильного производства на материале Южной Швабии (главным образом имперского города Равенсбурга и его сельской округи) убедительно показал Д.У. Сейбин (см.: *Sabean D.W. Landschaft und Gesellschaft ...* S. 39 ff.; *Idem. Probleme ...* S. 146–148).

⁷¹ *Furger F. Zum Verlagssystem ...* S. 78–79. Ср. также: *Wege F. Die Zünfte als Träger wirtschaftlicher Kollektivmassnahmen.* Stuttgart, 1930. S. 10, 12, 15–16, 21, 29, 34–35, 70, 74, 79–80 ff.

⁷² *Westertmann A. Zur Geschichte der Memminger Weberzunft ...* S. 396–398.

⁷³ *Westermann A. Die Zahlungseinstellung der Handlungsgesellschaft der Gebrüder Zangmeister zu Memmingen // VSWG. 1908. Bd. 7. H. 3–4. S. 464.*

⁷⁴ *Westertmann A. Zur Geschichte der Memminger Weberzunft ...* S. 587–590.

⁷⁵ *Nübling E. Ulms Baumwollweberei ... Darstellung.* S. 151–152.

⁷⁶ *Wege E. Die Zünfte...* S. 34–35.

⁷⁷ *Ibid.* S. 82.

⁷⁸ *Strohmer W, von. Oberdeutsche Hochfinanz: 1350–1450.* Wiesbaden, 1970. S. 406, 422.

⁷⁹ *Rulands Handlungsbuch ...* S. 14–15, 19–20. Эти записки Руланда содержат тексты уникальных по своему содержанию документов: договоров ульмского купца в 1444 г. с зальцбургскими ремесленниками Францем Тишлером и Матеусом Антерингером и в 1453 г. – с неким Гюлером из Зальцбурга и Гансом Рейбахером из Лауфена. В этих документах речь идет о поставках ремесленниками купцу весов различных моделей, и соглашения последнего с каждым из производителей не отличается разнообразием содержания. Так, Руланд сообщает, что он «купил работу» Тишлера, которую тот сможет выполнить со дня Сретения Господня 1444 г. в течение последующих трех лет. Тишлер брал на себя обязательство ежегодно поставлять ульмскому купцу весы четырех моделей: 2 дюжины по 11 шиллингов каждая, 3 дюжины – по 10 шиллингов, 1 дюжина – по 2,5 шиллинга и 5 дюжин – по 5 шиллингов. Таким образом, в течение года ремесленник обязан был поставить купцу или его фактору 11 дюжин изделий (132 штуки), за которые купец должен был заплатить 82,5 шиллингов. Причем Тишлер в виде аванса получал от работодателя 15 венгерских гульденов. Следовательно, изделия мастерской Тишлера более чем на год вперед были закуплены владельцем ульмской торговой компании. Аналогично содержание договора Руланда с Антерингером, который также продал «свою работу» на три года вперед и обязывался ежегодно поставлять купцу по 12 дюжин изделий (144 штуки) стоимостью в 79 шиллингов. Как и Тишлер, Антерингер получал аванс в 20 венгерских гульденов, каждый из которых содержал по 8 шиллингов, то есть мастерская Антерингера ежегодно производила продукцию стоимостью в 9,75 гульденов, и изделия этой мастерской более чем на два года вперед были закуплены торговой фирмой. Текст договора Руланда с Антерингером содержит указание на то, что ремесленник обязан был поставлять свои изделия в Браунау, но расходы по их транспортировке брал на

себя купец. Такие же условия повторяются и в текстах других договоров. Гюглер и Рейбахер также получали от купца авансы: первый из них – 40 фунтов пфеннигов, второй – 15 фунтов. Каждый из ремесленников обязывался производить изделия в строгом соответствии с условиями контракта и отказывался от продажи оптом третьим лицам изделий, которые будут произведены сверх установленной соглашениями с ульмской компанией квоты. Все эти факты могут служить наглядной иллюстрацией, каким образом мелкие производители оказывались в кабальной зависимости от купца.

⁸⁰ *Westermann A. Die Zahlungeinstellung ... S. 467.* В 1560 г., когда произошло банкротство компании Цангмейстеров, в ее аугсбургской фактории находилось 19186 фунтов кипрского хлопка, 530 локтей каркассонского сукна и «большое количество» бумази, тиковых тканей, холста, грубого сукна, льняной пряжи. В фактории компании в Кауфбойрене хранилось 4788 фунтов сирийского хлопка, 28500 локтей бумази и 3000 локтей полотна. В Лионе в одном складском помещении было обнаружено 10230 локтей различных тканей, произведенных в Меммингене и Кауфбойрене; во втором – около 5000 локтей аугсбургских тиковых тканей, в третьем – 10400 локтей различных тканей, произведенных в Меммингене. В Венеции на складе компании хранилось 4500 локтей полотна, которое поступило туда из Меммингена. К тому же, в момент описи имущества предприятия из Кауфбойрена в Венецию следовал транспорт с 7000 локтей «белого полотна».

⁸¹ *Westermann A. Die Zahlungeinstellung ... S. 471, 489.*

⁸² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 159–160.*

⁸³ Подробнее см.: *Некрасов Ю.К. Очерк ... С. 151–189; Он же. О роли торговоростовищического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975. С. 187, 189–198, 201–203.*

⁸⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 333.*

⁸⁵ Там же. Т. 16. С. 283–285.

⁸⁶ Там же. С. 288. Ср. также: Там же. Т. 23. С. 373.

⁸⁷ *Zink ... S. 129.*

⁸⁸ *Weberchronik ... S. 229.*

⁸⁹ *Die Chroniken der Stadt Konstanz ... Beilagen. S. 396.*

⁹⁰ *Hildebrand B. Zur Geschichte ... Bd. 7. S. 127.*

⁹¹ *Geering T. Handel und Industrie ... S. 361.*

⁹² *Peyer H.C. Quellen ... № 569 i). S. 237–238.*

⁹³ *Ibid. № 640 c). S. 351.*

⁹⁴ *Scheutlin O. Das st. gallische Zunftwesen ... S. 86.*

⁹⁵ *Ibid. S. 44, 93; Peyer H.C. Quellen ... № 898 b–d). S. 464, 466–467.* Впрочем, тогда же и такое же исключение правящий совет Санкт-Галлена сделал и для ремесленников, занимавшихся производством пороха: на определенных условиях

портняжничеством жители города также могли заниматься, не вступая в соответствующую этим занятиям корпорацию.

⁹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 371.

⁹⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. С. 332–333.

⁹⁸ UB der Stadt Esslingen ... № 1839. S. 427–428.

⁹⁹ Das ältere Recht Isny ... Art. 359 a–b). S. 257.

¹⁰⁰ *Geering T.* Handel und Industrie ... S. 47–49.

¹⁰¹ *Naujoks E.* Obrigkeitgedanke ... S. 14.

¹⁰² *Nübling E.* Die Reichsstadt Ulm am Ausgange des Mittelalters (1378–1556): Ein Beitrag zu deutschen Städte und Wirtschaftsgeschichte. Ulm, 1904. Bd. 1. S. 372–373.

¹⁰³ *Gothein E.* Wirtschaftsgeschichte ... S. 522, 526.

¹⁰⁴ Ulmisches UB ... Bd. 2. T. 1. № 194. S. 218–219.

¹⁰⁵ *Diehl A.* Zur Verfassungs- und Finanzgeschichte der Reichsstadt Esslingen im 13. und 14. Jahrhundert // *Württembergische Jahrbuch für Statistik und Landesgeschichte.* Stuttgart, 1900. S. 49.

¹⁰⁶ Das ältere Recht Isne ... Art. 191. S. 195.

¹⁰⁷ *Müller K.O.* Die oberschwabischen Reichsstädte: Ihre Entstehung und ältere Verfassung. Stuttgart, 1912. S. 71.

¹⁰⁸ *Meisel P.* Die Verfassung und Verwaltung der Stadt Konstanz im 16. Jahrhundert. Konstanz, 1957. S. 63, 77.

¹⁰⁹ *Hohenstadt O.* Die Entwicklung des Territoriums der Reichsstadt Ulm im 13. und 14. Jahrhundert. Stuttgart, 1911. S. 10 ff.; *Kleinhub M.* Das Recht der Übertragung und Verpfändung von Liegenschaften in der Reichsstadt Ulm bis 1548. Ulm, 1961. S. 24 ff.

¹¹⁰ *Schib K.* Geschichte der Schweiz ... S. 86, 98.

¹¹¹ См.: *Майер В.Е.* Деревня и город ... С. 70.

¹¹² Die Urkunden des Hochstifts Augsburg ... № 650. S. 324–325.

¹¹³ Die Urkunden zur Städtischen Verfassungsgeschichte ... S. 450–451.

¹¹⁴ См.: *Смирин М.М.* Очерки ... С. 305; *Largiader A.* Geschichte von Zürich ... S. 234 ff.; *Schib K.* Geschichte der Schweiz ... S. 99 ff.; *Иллюстриerte Geschichte* ... S. 56.

¹¹⁵ Fortsetzungen des Hector Müllich ... S. 410, 418, 422.

¹¹⁶ *Иллюстриerte Geschichte* ... S. 56–57.

¹¹⁷ См.: *Смирин М.М.* Очерки ... С. 166 след.; *Ермолаев В.А.* Революционные движения в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966. С. 22 след.

¹¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 563, 769.

¹¹⁹ *Weberchronik* ... S. 227–228; *Scheurle A.* Wangen im Allgau: Das Werden und Wachsen der Stadt. Wangen, 1950. S. 42.

- ¹²⁰ Das ältere Recht Isny ... Art. 128. S. 167; Weberchronik ... S. 224–225, 227, 233.
- ¹²¹ *Westermann A.* Zur Geschichte ... S. 399–401.
- ¹²² *Ammann H.* Die Wirtschaftsstellung St. Gallen ... S. 144 ff.
- ¹²³ *Kesslers Sabbata* ... S. 435–436.
- ¹²⁴ *Furger F.* Verlagssystem ... S. 77–78.
- ¹²⁵ *Peyer H.C.* Quellen ... № 218. S. 102; № 315 a–b). S. 136, 137; № 720 a). S. 414; № 898 b). S. 465.
- ¹²⁶ Ibid. № 778 c). S. 415.
- ¹²⁷ Ibid. № 509 w–y). S. 239.
- ¹²⁸ *Ammann H.* Die Wirtschaftsstellung St. Gallen ... S. 155.
- ¹²⁹ *Watts Schriften* ... Bd. 2. S. 422.
- ¹³⁰ Цит. по: *Furger F.* Verlagssystem ... S. 78–79.
- ¹³¹ *Watts Schriften* ... Bd. 3. S. 234. На значение сельских промыслов в развитии текстильного производства Констанца в XVI в., которое также как и в Санкт-Галлене, в конечном счете оказалось тесным образом связано с зарождением капиталистических отношений, указывают документы и по истории констанцкого льноткачества (см.: *Das Konstanzer Leinwandgewerbe* ... № 67. S. 57; № 78. S. 141; № 97. S. 158, 160).
- ¹³² *Weberchronik* ... S. 224–225, 227.
- ¹³³ Ibid. S. 233, 225–226.
- ¹³⁴ Ibid. S. 227–228.
- ¹³⁵ *Sabeau D.W.* Landbesitz und Gesellschaft ... S. 39.
- ¹³⁶ *Sabeau D.* Probleme ... S. 147.
- ¹³⁷ См.: *Некрасов Ю.К.* Очерк ... С. 99–100; *Савина Н.В.* Два типа купеческих компаний ... С. 251, 255–257, 265–266 след.; *Она же.* Купеческие компании ... С. 227 след.; *Она же.* Южнонемецкий капитал ... С. 102–103.
- ¹³⁸ *Zimmerische Chronik* ... Bd. 2. S. 525, 531, 532.
- ¹³⁹ *Westermann A.* Zur Geschichte ... S. 581–582.
- ¹⁴⁰ *Nübling E.* Ulms Baumwollweberei ... Darstellung. S. 150.
- ¹⁴¹ *Westermann A.* Zur Geschichte ... S. 582–583.
- ¹⁴² Ibid. S. 584–585.
- ¹⁴³ *Scheurle A.* Wangen ... S. 30.
- ¹⁴⁴ *Bog I.* Wachstumproblem ... S. 78.
- ¹⁴⁵ *Watts Schriften* ... Bd. 3. S. 253.
- ¹⁴⁶ *Nübling E.* Ulms Baumwollweberei ... Darstellung. S. 149–150.
- ¹⁴⁷ *Bog I.* Wachstumproblem ... S. 53–54.
- ¹⁴⁸ *Nübling E.* Ulms Baumwollweberei ... Urkunden. № 20. S. 47.

- ¹⁴⁹ Ibid. № 9–11. S. 14–28; Darstellung. S. 155–157.
- ¹⁵⁰ Ibid. № 20. S. 45–46.
- ¹⁵¹ Ibid. № 15. S. 35–38.
- ¹⁵² Ibid. № 17. Art. 29. S. 45.
- ¹⁵³ См.: Некрасов Ю.К. Концепция «революции простого человека» в современной западногерманской историографии Крестьянской войны // ЕГИ. 1985. М., 1986. С. 231–233, 235–238, 245–246; Он же. Реформа или революция? ... С. 37–40, 42.
- ¹⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 155.
- ¹⁵⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. С. 384.
- ¹⁵⁶ Schmoller G. Die Strassburger Tucher- und Weberzunft ... Urkunden. S. 419.
- ¹⁵⁷ Ibid. Darstellung. S. 29; Urkunden. S. 420.
- ¹⁵⁸ Furger F. Zum Verlagssystem ... S. 42.
- ¹⁵⁹ На явления, указывающие на изменение структуры ремесла в цехе шерстоткачей Франкфурта-на-Майне в XV в., обратила внимание еще В.В. Стоклицкая-Терешкович, которая рассматривала эти явления как «факт, явно свидетельствующий о внутренней дифференциации этого крупнейшего цеха во Франкфурте и о преобладании в нем бедного населения» (см.: Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки... С. 40). Другая исследовательница, Л.Б. Потанина, полагая, что уставы корпораций Франкфурта не содержат сведений «экономического характера» и, изучая регламенты цеха шерстоткачей этого города, не идет далее признания того факта, что в этот цех «входили мастера с разным достатком» и среди них имело место «расслоение» (см.: Потанина Л.Б. Организация ... С. 278, 279, 298). Как считает автор этих строк, перемены, происходившие в корпорации шерстоткачей Франкфурта, выходили за рамки этих характеристик и указывали на зарождение капиталистических отношений.
- ¹⁶⁰ Frankfurter Zunfturkunden ... № 85. S. 197–198.
- ¹⁶¹ Ibid. № 102. S. 201–202.
- ¹⁶² Maschke E. Mittelschichten ... S. 21.
- ¹⁶³ Frankfurter Zunfturkunden ... № 110. S. 204.
- ¹⁶⁴ Ibid. № 122. S. 227.
- ¹⁶⁵ Ibid. № 16. S. 223.
- ¹⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. С. 355.
- ¹⁶⁷ Die Urkunden zur Städtischen Verfassungsgeschichte ... № 284. S. 385–386.
- ¹⁶⁸ См.: Некрасов Ю.К. Очерк ... С. 131.
- ¹⁶⁹ Weberchronik ... S. 233–234.
- ¹⁷⁰ Fortsetzungen des Hector Mülich ... S. 443.
- ¹⁷¹ Weberchronik ... S. 233. Anm. 1.
- ¹⁷² Paul von Stetten-jungere. Kunst-, Cewerbe- und Handwerkgeschichte ... S. 87.

¹⁷³ Schusterchronik ... S. 311, 317–320. Поборниками такого пути развития «Хроника цеха башмачников» рисует мастеров этой корпорации Петера Херцеля и Эндреса Флендера, апогей деятельности которых пришелся на 70-е годы XV в. Тот и другой выступали против регламентации производства, за свободу торговли и предпринимательства. Более того, Херцель создал крупное для того времени предприятие в самом городе по производству обуви, на котором было занято несколько десятков человек. При этом Херцель руководствовался, казалось бы, обычными для средневековья нормами: в его большом городском доме проживали и занимались сапожным ремеслом два сына (Эберхард и Манг) и три зятя (Матеус Вильпрехт, Леонхард Гланс и Ганс Хунгерталер). Но в то же самое время сам Петер Херцель и каждый из его родственников нанимали до десяти подмастерьев, грубо нарушая тем самым предписания властей и цехового устава о ремесле и торговле. Многочисленные подмастерья, занятые на предприятии Херцеля, на самом деле были наемными рабочими, которые, как утверждает Клеменс Егер, «в дороговизну едва зарабатывали на хлеб [насушный]», Херцель-старший и Флендер в те же 70-е годы основали кожевенное предприятие в деревне Леххаузен, расположенной поблизости от Аугсбурга. На этом предприятии они использовали исключительно труд наемных работников. Херцель и Флендер в течение двух десятилетий вели упорную, но безнадежную борьбу, отстаивая свое право владеть этим предприятием. Однако магистрат после долгой судебной тяжбы закрыл их мастерскую в Леххаузене, так как ее существование, по мнению чиновников магистрата и самого хрониста, вступало в «противоречие с обычаями ремесла» (подробнее об этом также см.: Некрасов Ю.К. К социально-экономической истории Аугсбурга в XV веке // Проблемы германской истории ... Вологда, 1973. Вып. 2. С. 153–154; Он же. Происхождение и программа деятельности радикально-бюргерской оппозиции в Аугсбурге в 70-е годы XV в. // СВ. 1975. Вып. 39. С. 145–146).

¹⁷⁴ Winkelmann O. Das Fürsorgen der Stadt Strassburg vor und nach Reformation zum Ausgang des 16. Jahrhunderts. Leipzig, 1922. S. 266 ff., 273.

¹⁷⁵ Hans Sachs. Prosadialogen. Leipzig, 1970. S. 128 ff., 187–203. О жизни и литературной деятельности Ганса Сакса также см.: Пуршев Б.И. Своеобразие немецкого Возрождения // Литература эпохи Возрождения. М., 1967. С. 217–218, 242, 244; Он же. Литература эпохи Возрождения. М., 1996. С. 129–133.

¹⁷⁶ Wedler K. Klassenkampf und Bundesproblematik in den Flugschriften, Fastnachtspielen und Zeitgedichten von Hans Sachs // Der Bauer im Klassenkampf: Studien zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges und der bäuerliche Klassenkampf im Spätfeudalismus. Berlin, 1975. S. 311 ff.

¹⁷⁷ См. выше: С. 120 (и там же прим. 53).

¹⁷⁸ Das Konstanzer Leinengewerbe ... № 97. S. 158–160.

¹⁷⁹ Hildebrand B. Zur Geschichte ... Bd. 6. S. 235; Nübling E. Die Reichsstadt Ulm ... Bd. 1. S. 449; Naujoks E. Obrigkeitgedanke ... S. 45–46.

¹⁸⁰ Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 24.

¹⁸¹ См.: Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса ... С. 116–118; *Он же*. Реформа или революция? ... С. 262; Штекли А.Э. От приютов милосердия к рабочим домам // СВ. 1984. Вып. 47. С. 100–115; Евдокимова А.А. Законодательство Фрейбурга в Брейсгау о нищих и бродягах (XVI в.) // Социальные отношения ... С. 114–127; Дятлов В.А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в конце XV–XVI вв. // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1989. С. 53–61, 161–163; *Он же*. Реформа городской благотворительности в Германии (1522–1524 гг.) // Германская история эпохи Реформации ... С. 36–53. Об этике протестантизма см. также труды М. Вебера и А. Маграта (*Маграт А.* Богословская мысль Реформации. Одесса, 1994. С. 271–274), а также главу третью настоящей монографии (прим. 22).

¹⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 381.

¹⁸³ *Westermann A.* Memminger Handel und Handelsgesellschaften um die Wende vom Mittelalter zur Neuzeit // MGBI. 1920. Bd. 6. № 23. S. 11.

¹⁸⁴ *Illustrierte Geschichte* ... S. 24–25.

¹⁸⁵ *Burkardt K.* Die Ulmer Handelsherren im späteren Mittelalter. Tübingen, 1948. S. 233; *Naujoks E.* Obrigkeitgedanke ... S. 42 ff.; *Gaiger G.* Die Reichsstadt Ulm vor der Reformation: Städtisches und kirchliches Leben am Ausgang des Mittelalters. Ulm, 1971. S. 29 ff.

¹⁸⁶ *Kellenbenz H.* Gewerbe und Handel: 1500–1648 // *Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte*. Stuttgart, 1971. Bd. 1. S. 419, 423.

¹⁸⁷ *Lösche G.* Zur Geschichte der Entwicklung der Produktionsverhältnisse in der Leinen- und Barchentproduktion oberdeutscher Städte vor 1450 bis 1570. Berlin, 1953. S. 10.

¹⁸⁸ *Laube A.* Die Herausbildung ... S. 273–274.

¹⁸⁹ *Meyer M.* Die Haltung der Vertreter der Freien- und Reichsstädte auf den Reichstagen von 1521 bis 1526 // *JbGF*. 1981. Bd. 5. S. 191 ff.

¹⁹⁰ *Diets A.* Frankfurter Handelsgeschichte. Frankfurt (Main), 1910. S. 177; *Bothe F.* Geschichte der Stadt Frankfurt am Main. Frankfurt, 1910. S. 178, 195, 279.

¹⁹¹ *Meyer M.* Die Haltung ... S. 192–193.

¹⁹² *Schmoller G.* Die Strassburger Tucher- und Weberzunft ... Urkunden. S. 418 ff.

¹⁹³ *Cramer U.* Verfassung und Verwaltung Strassburgs von Reformation bis zum Fall der Reichsstadt. Frankfurt (Main), 1931. S. 81 ff.; *Andreas W.* Strassburg am Wende vom Mittelalter zur Neuzeit. Leipzig, 1948. S. 16 ff.

¹⁹⁴ *Geering T.* Handel und Industrie ... S. 471.

¹⁹⁵ *Ibid.* S. 474–475.

¹⁹⁶ *Ibid.* S. 480, 483, 493.

¹⁹⁷ *Ibid.* S. 495–496.

¹⁹⁸ *Ibid.* S. 504–507.

¹⁹⁹ *Ibid.* S. 502–504.

²⁰⁰ *Ibid.* S. 509–511.

²⁰¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 726.

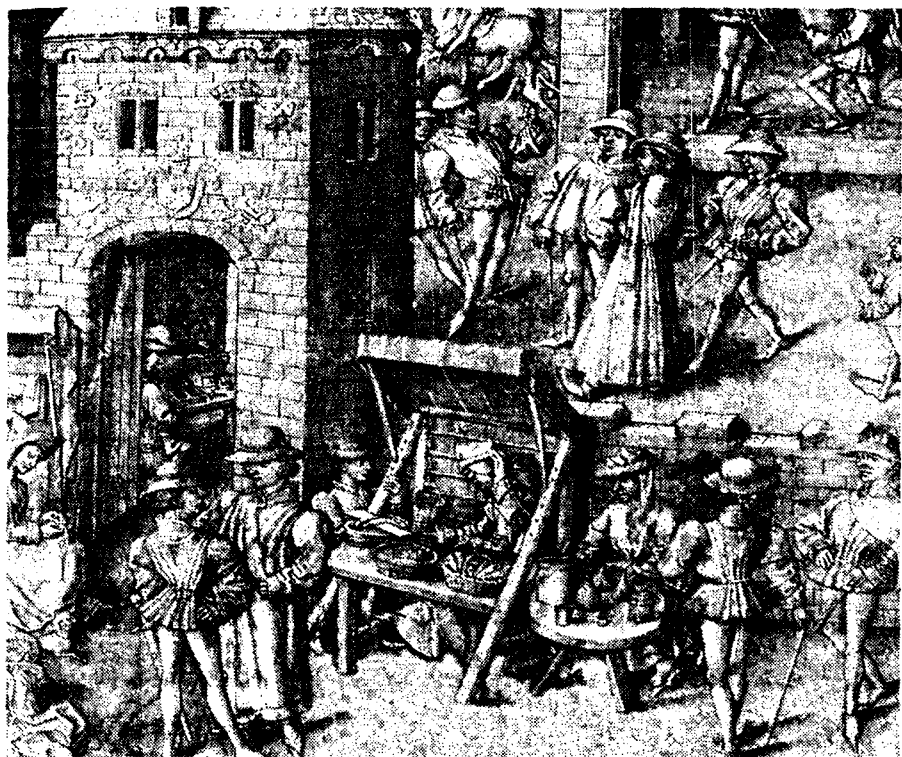
²⁰² Там же. Т. 23. С. 348–349; Т. 25. Ч. 1. С. 367–369.

²⁰³ Точка зрения на Крестьянскую войну, трактующая ее в качестве «критического эпизода» Реформации, как раннюю буржуазную революцию, была сформулирована Ф. Энгельсом на уровне научной гипотезы еще во второй половине XIX в. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 417–418). Однако долгое время это мнение Энгельса оставалось лишь рабочей гипотезой, и по сути дела только в 50-е годы XX столетия историки-марксисты приступили к обоснованию точки зрения Энгельса на Реформацию и Крестьянскую войну как «неудавшуюся попытку» буржуазной революции на уровне научных исследований (об этом см.: *Вайнштейн О.Л.* История ... С. 310–314; *Гутнова Е.В.* Историография ... С. 39–41; *Каплюк В.З.* Марксистская историография ГДР... С. 73–93; *Некрасов Ю.К.* Реформа или революция? ... С. 24–34; *Die frühbürgerlichen Revolution ...; Illustrierte Geschichte ...*).

²⁰⁴ Первым основные положения концепции «революции простого человека» представил научной общественности доцент университета в Западном Берлине Х. Бусцелло. Новая научная концепция нашла своих сторонников и последователей. Концепция западных (прежде всего западногерманских) историков «революции простого человека», по их собственному признанию, являлась попыткой ее творцов дать «позитивный ответ» на теорию ранней буржуазной революции в марксистской историографии (см.: *Buszello H.* Der deutsche Bauernkrieg als politische Bewegung: Mit besonderer Berücksichtigung der anonymen Flugschrift an die Versammlung gemeiner Pawerschaft. (West-) Berlin, 1969; *Sabeau D.W.* Landbesitz und Gesellschaft ...; *Blickle P.* Die Revolution 1525. München; Wien, 1975). Итоги научных штудий коллектива, занимавшегося разработкой концепции «революции простого человека», были подведены в докладах, с которыми его представители выступили на Международном симпозиуме в Меммингене (в марте 1975 г.), посвященном 450-летию Крестьянской войны в Германии. Участие в Симпозиуме приняли и историки-марксисты (см.: *Revolte und Revolution in Europa* (Hrsg. von P. Blickle) // HZ. 1975. Beiheft 4 (NF). О концепции «революции простого человека» также см.: *Некрасов Ю.К.* Концепция ... С. 227 след.; *Он же.* Реформа или революция? ... С. 34–51.

²⁰⁵ См.: *Dülmen R., van.* Reformation als Revolution: Soziale Bewegungen und religiöser Radikalismus in der deutschen Reformation. München, 1977. S. 58 ff.

²⁰⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. С. 416.



ГЛАВА III

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Научная актуальность исследования проблемы эволюции социальной структуры позднесредневекового города не вызывает сомнения. Уже в XIV–XV вв. в странах Западной Европы возникли предпосылки для продвижения к ценностям новой цивилизации, а в XVI в. наступило время их расставания со Средневековьем. Движение в направлении индустриальной цивилизации, однако, было долгим и трудным. Оно оказалось тесным образом связано с судьбами раннего капитализма, колыбелью которого, как это показано в предыдущей главе, являлся позднесредневековый город. В силу данного обстоятельства изучение эволюции социального строя этого города для автора настоящей монографии представляет особый интерес. Обусловлен он прежде всего следующими соображениями: исследование социальных аспектов истории позднесредневекового города позволит прояснить, во-первых, каким образом с превращением города в центр ремесла и торговли происходила эмансипация различных категорий его населения от «оков феодализма»; во-вторых, в какой мере изменения в социальной структуре позднесредневекового города были обусловлены возникновением и развитием явлений раннего капитализма. Решение этих проблем откроет перспективу движения к установлению подлинной картины социальной жизни общества на первой стадии его перехода от средневековой к индустриальной цивилизации.

Обращаясь к исследованию социальной эволюции позднесредневекового города, автор ставит перед собою две неоднозначные по содержанию задачи: 1) установить типологию социально-экономического строя позднесредневековых городов на примере юго-западного региона германских земель; 2) проследить эволюцию данного строя на относительно узком материале по истории патрициата и городской знати имперского города Аугсбурга, сыгравшего значительную роль в истории раннего капитализма в германских землях (решению второй задачи будет посвящена следующая глава). При этом автор считает необходимым отметить, что он уже исследовал некоторые стороны социальной истории, как Аугсбурга, так и отчасти других городов Швабии и Швейцарского Союза¹, ограничивая, однако, хронологические рамки исследования по преимуществу второй половиной XV и началом XVI в. Здесь же он принимает во внимание как более ранний период социального развития городов в XIV – первой половине XV в., так и обращается к явлениям и процессам рубежа XVI–XVII вв., которые ранее не исследовал.

Решение обозначенных выше задач имеет целью проследить кардинальные направления эволюции социальной стратификации населения позднесредневекового города, чтобы, опираясь на достигнутые таким образом результаты, установить ее коррелятивную связь с явлениями раннего капитализма. Автор также предполагает исследовать, насколько это возможно, начальную стадию процесса генезиса буржуазии.

И, наконец, еще одно предварительное замечание. Отношение автора настоящей книги к проблеме эволюции социального строя средневекового города известным образом обусловлено дискуссией о социальной природе средневекового бюргерства и его роли в переходную от Средневековья к Новому времени эпоху. На суть и значение данной дискуссии уже было указано в первой главе. В данной же главе предпринимается попытка рассмотрения некоторых до сих пор спорных вопросов сквозь призму конкретного материала по истории бюргерства и различных слоев городского населения на территории как Швабии, так и сопредельных с последней городских кантонов Швейцарского Союза. Это, как полагает автор, позволит использовать в качестве достаточно эффективного средства поиска истины сравнительно-исторический метод исследования, открывающий новые горизонты познания прошлого.

* * *

При рассмотрении основных тенденций социально-экономического развития позднесредневековых городов, в том числе в юго-западном регионе германских земель, необходимо принять во внимание не только их правовые статусы (княжеские или земские, имперские или «вольные» города), но также «количественные» и «качественные» критерии. Опираясь на «количественный» критерий, можно говорить о крупных для того времени (более десяти тысяч жителей), средних (от двух до десяти тысяч жителей) и малых (менее двух тысяч жителей) городах. Если положить в основу типологии «качественный» критерий, то это позволяет выделить следующие типы городов: 1) города аграрного типа; 2) ремесленные центры с узколокальной хозяйственной ориентацией; 3) центры дальней торговли (Fernhandel) и экспортных отраслей промышленного производства; 4) особый тип «горных» городов, которые являлись центрами горнодобывающей и плавильной промышленности². Правда, приведенная типология лишь относительно верно отражает

исторические реалии, так как экономическая значимость отдельных городских центров зависела от рыночной конъюнктуры или причин политического характера. Так, крупнейшие города Швабии (Аугсбург и Ульм) на протяжении XIV–XVI вв. неизменно играли роль центров экспортного ремесла и торговли. Цюрих, игравший такую же роль в первой половине XIV в., утратил ее во второй половине того же столетия и стал восстанавливать утраченные позиции в экспортной торговле со второй четверти XV в. В отличие от этих городов, Констанц, как это было показано во второй главе, до середины XV в. являвшийся экономическим центром Озерного края и некоторых сопредельных с ним территорий, с конца этого столетия фактически утратил свое промышленное значение, но сохранял, по крайней мере, до середины XVI в., значение в торговле. В то же время протекавшие в обществе социально-экономические процессы с необходимостью развивались в малых городах иначе³, чем в крупных центрах экспортной торговли и ремесла. Впрочем, занятия сельским хозяйством служили источником существования для части населения не только малых, но и некоторых значительных городских центров⁴. Данное обстоятельство, с одной стороны, вносило существенный корректив в процесс эволюции социального строя позднесредневекового города, с другой — свидетельствует о близости интересов одной из прослоек городского населения и жителей деревни.

Отличительной чертой социально-экономической структуры и политического устройства как значительных, так и ряда малых городов в юго-западном регионе германских земель было существование в них с XIV в. корпораций ремесленников и торговцев (хотя известны и исключения из этого правила)⁵. По своей экономической структуре и роли в товарном производстве эти корпорации можно подразделить на такие типы, как: 1) купеческие гильдии и объединения городских торговцев; 2) цехи экспортного ремесла; 3) объединения ремесленников и торговцев, чья профессиональная деятельность была направлена на удовлетворение спроса на товары первой необходимости жителей самого города и его сельской округи (то есть объединения локальной хозяйственной ориентации); 4) сельскохозяйственные цехи. Имущественная дифференциация, разложение мелкотоварного цехового ремесла и явления раннего капитализма по вполне понятным причинам неодинаково проявляли себя в корпорациях различных типов. Все эти процессы более интен-

сивно протекали в цехах экспортного ремесла, слабо себя проявляли в корпорациях третьего типа и обычно не происходили в сельскохозяйственных цехах, где преобладали полуфеодалные формы эксплуатации поденщиков и мелких арендаторов. К тому же, власть в городах находилась в руках патрициата и немногочисленной цеховой верхушки. Такие порядки уже в XV в. вызывали критику со стороны радикально настроенных кругов бюргерства, о чем ярко свидетельствует политический памфлет анонимного автора «Реформация императора Сигизмунда» и другие документы⁶. Недовольство правлением олигархии, включавшей в свои ряды представителей патрициата и цеховой верхушки, городские низы и средние слои тем или иным образом выражали постоянно. Противостояние верхов и низов особенно ярко проявилось во время Крестьянской войны, когда были сформулированы требования коренных общественных преобразований, реализация которых затронула бы положение не только крестьян, но и большинства городских жителей.

Обратимся к характеристике, которую дает процессу эволюции социальной структуры немецкого города эпохи Реформации и Крестьянской войны Ф. Энгельс. «Из первоначального посадского населения средневековых городов, — пишет он, — развились три резко обособленные группы»⁷; и далее он говорит о положении патрициата, цехового бюргерства и городского плебейства. Рассматривая положение городских низов, Энгельс особо отмечает, что «плебейская оппозиция состояла из разорившихся горожан и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства: ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных представителей возникающего люмпен-пролетариата», тут же подчеркивая, что «городская плебейская оппозиция того времени состояла из весьма разнородных элементов» и «соединяла в себе разложившиеся составные части старого феодального общества с еще не развившимися, едва пробивавшимися наружу пролетарскими элементами зарождавшегося современного буржуазного общества. С одной стороны, это были обедневшие цеховые бюргеры, все еще связанные своими привилегиями с существующим городским строем, с другой — выброшенные из своих насиженных мест крестьяне и уволенные слуги, которые еще не могли стать пролетариатом. Промежуточное положение занимали подмастерья: временно они стояли вне официального общества и по условиям жизни настолько близко приближались к пролетариату, насколько это

было возможно при тогдашнем состоянии промышленности и господства цеховых привилегий, однако в то же самое время, в силу тех же цеховых привилегий, почти все они были будущими бюргерами и цеховыми мастерами»⁸. Выводы Энгельса, несмотря на отчетливо выраженную тенденциозность в оценке социально-экономических процессов, которая была обусловлена защитой интересов рабочего класса и обоснованием программы пролетарского движения, в известной мере до сих пор не утратили научной значимости, поскольку в них вполне правомерно указано на переходный характер эпохи и социальной структуры позднесредневекового немецкого города на рубеже XV–XVI вв. и на глубинные процессы, вызванные к жизни разложением феодальной системы и возникновением явлений раннего капитализма. Но Энгельс, по всей видимости, все же заблуждался, когда видел в городских подмастерьях «будущих бюргеров и цеховых мастеров». Подобные социальные метаморфозы к началу XVI в. стали гораздо более редкими явлениями, чем их превращение в «вечных подмастерьев» или «неимущих ремесленников», низведенных до положения наемных рабочих. Впрочем, очевиден и тот факт, что перемены в положении широких слоев городского населения затронули и другие стороны социальной жизни позднесредневекового города.

Уже с XIV в. в южно-немецких городах интенсивно протекал процесс имущественной и социальной дифференциации ремесленной массы, который находил выражение не только в образовании богатых и бедных, «старших» и «младших» цехов, но и в углублении противоположности в положении цеховой верхушки и бедных мастеров. Причем процесс пауперизации основной массы мелких производителей и концентрации богатств в руках преуспевающих цеховых мастеров наиболее ярко себя проявлял, прежде всего, в экспортных отраслях производства⁹. Именно со второй половины XV в. имущественное неравенство в среде цеховых ремесленников в этих отраслях, как это было показано во второй главе на примере текстильного производства, уже свидетельствует о радикальных переменах в положении различных категорий мелких производителей и всей массы трудящихся субъектов в целом, а также об образовании противостоящей им прослойки предпринимательских элементов, которые не только экономически подчиняют себе наемных рабочих и квази-самостоятельных мелких производителей, но и, присваивая создаваемую трудом последних прибавочную стои-

мость, подвергают их капиталистической эксплуатации. Так дифференциация городского населения обнаруживает тесную связь с явлениями раннего капитализма.

Возникновение отношений раздач, которые постепенно перерастали в примитивную форму рассеянной мануфактуры, неизбежно вело к концентрации в руках предпринимательских элементов значительных богатств, которые теперь все чаще выступали в виде средств производства и условий труда. При этом нарождавшийся класс капиталистов-предпринимателей еще и в начале XVI в. состоял из трех различных группировок. К первой, представлявшей верхушку этого класса, принадлежали крупные оптовые торговцы и банкиры-ростовщики, являвшиеся в большинстве случаев выходцами из патрициата (или городской знати). Они сосредотачивали в своих руках торговлю сырьем и готовыми изделиями. В роли агентов торгово-ростовщического капитала могли выступать разбогатевшие цеховые мастера и торговцы, составлявшие вторую группировку нарождавшейся буржуазии, с помощью которых купцы-предприниматели «раздавали» многим мелким производителям сырье и скупали у них же полуфабрикаты или готовые изделия ремесла. Это открывало перспективу трансформации торгово-ростовщического капитала в промышленный. Третья группировка представлена тончайшим слоем владельцев централизованных или смешанного типа мануфактур. Деятельность последних ограничивалась или даже подавлялась не только цеховым режимом производства и официальными властями, но и деятельностью первой группировки ранней буржуазии, зачастую опиравшейся на феодальные привилегии и регальные права.

Разложением организованного на мелкотоварной основе цехового и нецехового ремесла и проникновением в это ремесло предпринимательских элементов в значительной степени была вызвана и дифференциация массы трудящихся субъектов. При таком направлении развития позднесредневекового ремесла основным критерием, определявшим сущность самого процесса социальной дифференциации ремесленной массы, с необходимостью должно было стать, о чем уже сказано во второй главе, отношение этой массы к средствам производства и условиям труда, то есть, в конечном счете, к институту собственности как таковому¹⁰. Однако только этим дело не ограничивалось.

Обращаясь к характеристике положения различных категорий ремесленников, так или иначе вовлекавшихся в систему

наемного труда, необходимо иметь в виду следующее. Эксплуатация наемного труда подмастерьев, поденщиков и дарового труда учеников была известна средневековому городу еще задолго до наступления капитализма: «подмастерья и ученики были организованы в каждом ремесле так, как это наилучшим образом соответствовало интересам мастеров»¹¹. Рассматривая вопрос о переходе от феодализма к капитализму, Ф. Энгельс подчеркивал, что «первые капиталисты застали ... форму наемного труда уже существующей». Правда, он же уточнял, что к моменту зарождения капиталистических отношений «наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла, переходного положения». Ситуация кардинальным образом изменилась, «как только средства производства превратились в общественные и сконцентрировались в руках капиталистов». Только с этого времени «наемный труд, существовавший в виде исключения и подсобного промысла, стал правилом и основой всего производства: из подсобного занятия, каким он был прежде, он превратился в единственную деятельность работника»¹². По словам К. Маркса, «капиталистическая форма кооперации предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталисту». Он обращал внимание на то, что в условиях генезиса капитализма товаровладельцы вступают на рынок в качественно иные отношения по сравнению с эпохой простого товарного производства, когда, по его мнению, «купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла». Однако и в новых условиях, когда купец становился капиталистом, процесс формирования класса наемных рабочих развивался крайне медленными темпами. Маркс писал, что «класс наемных рабочих, возникший во второй половине XIV столетия, составлял тогда и в следующем столетии ничтожную часть населения: его положение находило опору в самостоятельном крестьянском хозяйстве в деревне и цеховой организации в городе»¹³. Таким образом, Маркс и Энгельс вполне определенно говорят о существовании в средневековом городе наемного труда и о том, что этот труд приобретал качественно новые черты с возникновением явлений раннего капитализма. И все же Маркс, по всей видимости, относил возможность купца купить «труд в качестве товара» к более позднему времени, чем это было на самом деле (как считает автор монографии, такая возможность появилась у купца уже в самом начале ге-

незиса капиталистических отношений). Вопрос состоит прежде всего в том, какими чертами характеризуется положение наемных рабочих и предпринимателей-капиталистов в это время.

Для изучения не только процесса эволюции социальной структуры позднесредневекового города, но и для характеристики основных тенденций социальной борьбы (особенно в ходе событий революции XVI в. – Реформации и Крестьянской войны), принципиальное значение имеет ответ на вопрос: в каком смысле можно говорить о существовании в южно-немецких городах пролетариата, что он собою представлял, какую прослойку образовывал в общей массе городского населения и какими чертами характеризовалось его положение?

Вряд ли может возникнуть сомнение, что решающее значение в процессе формирования пролетариата имело возникновение и развитие наемного труда. Причем наемный труд, по словам Ф. Энгельса, получал все более широкое применение по мере того, «как средневековый мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и нецеховой поденщик развивались в пролетариев»¹⁴. Отсюда следует, что наемный труд подмастерьев и поденщиков предшествовал появлению капитализма как такового. Поскольку же подмастерье выступал как «рабочая сила, призванная выполнять определенные технические функции в производстве»¹⁵, он может рассматриваться в качестве предшественника пролетария Нового времени. Но далеко не везде и не всегда превращение подмастерьев в наемных рабочих носило обязательный и неизбежный характер. К тому же, необходимо иметь в виду, что подмастерья не были единственным источником наемного труда. Другим его источником служило нецеховое ремесло, которое получило широкое распространение как в самом городе, так и, особенно, в его сельской округе. Необходимо подчеркнуть, что большинство бедняков в наиболее значительных городских центрах Швейцарского Союза в конце XV – начале XVI в., как установил В. Шнейдер, составляли различные категории мелких производителей, занятых, прежде всего, в экспортных отраслях текстильного производства, которые не были организованы в цехи¹⁶. Многие из этих бедняков вовлекались в отношения раздач и подвергались капиталистической эксплуатации. Еще одним источником наемного труда служил процесс разложения цехового ремесла, который находил выражение в отделении самостоятельных мелких производителей от средств производства и условий труда.

Такой ход развития, в конечном счете, превращал этих производителей в неимущих пауперов или наемных работников. О значении данной социальной метаморфозы уже сказано выше. Здесь же необходимо затронуть лишь некоторые аспекты этой проблемы. Именно такой подход открывает перспективу создания достоверной картины социальной жизни позднесредневекового города.

На основании вполне надежных свидетельств источников¹⁷ можно сформулировать вывод, что в XV и особенно в XVI в. в положении занятых в промышленном производстве слоев городского населения происходили кардинальные перемены, которые были тесным образом связаны с процессами первоначального накопления и генезиса капитализма, с утратой экономической самостоятельности значительной частью городских цеховых мастеров и имели следствием пауперизацию трудящихся масс в городах. Магистраты городов, в чем нетрудно убедиться на примере Аугсбурга¹⁸, тщетно пытались всеми доступными городским властям средствами остановить процесс пауперизации мелких производителей. Однако, меры, принимаемые магистратами для решения этой необычайно острой для города социальной проблемы, на практике носили паллиативный характер и были далеки от того, чтобы устранить причины, порождающие пауперизм. Более того, в изменившейся социально-экономической ситуации и в условиях массового общественного движения власти получили сильную опору в своих действиях в реформационной идеологии. Теперь они в социальной политике стали проводить достаточно четкую разграничительную линию между категориями бедняков, ставших таковыми в силу «жизненных обстоятельств», и «добровольно впавшими в нищету». По отношению к последним власти прилагали энергичные меры к тому, чтобы заставить их работать на кабальных условиях на работодателей и подчинить строгой дисциплине наемного труда¹⁹. Социальная политика властей (в первую очередь городских магистратов) в новых экономических условиях предусматривала не только жесткие действия, направленные на пресечение бродяжничества и нищенства, но и, с одной стороны, сокращение числа выходных и праздничных дней, с другой – увеличение продолжительности рабочего дня для тех, кто работал по найму. Таким образом, в соответствии с условиями времени, то есть первоначального накопления и генезиса капитализма, решалась задача повышения производи-

тельности труда. Ее решению была подчинена и реформа благотворительности в городах²⁰. Теперь против тех, кто не желал подчиняться дисциплине наемного труда, декреты магистратов южно-немецких городов стали предусматривать наказания, которые своей жестокостью и социальной направленностью вряд ли принципиально отличались от печально известного «кровавого законодательства» в Тюдорской Англии. Также как и в последней, в городах Швабии и Швейцарского Союза «отцы теперешнего рабочего класса, – говоря словами К. Маркса, – были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их превратили в бродяг и пауперов»²¹. В XVI в. борцы с «добровольной нищетой» нашли обоснование своим действиям в реформационных учениях, которые объявляли труд главной целью земного бытия христианина, поставленной перед ним Богом и служащей приумножению Его славы²². Согласно этике протестантизма, выполнение мирских обязанностей диктуется божественной волей, поэтому бесполезная трата времени является тяжким грехом, а желание быть бедным равносильно желанию быть больным. Не случайно Жан Кальвин строго запрещал просить милостыню. Чтобы увериться в своем спасении и обретении вечного покоя в потустороннем мире, в земной жизни кальвинисты считали необходимым трудиться, так как успехи в трудовой деятельности воспринимались ими как косвенные свидетельства избранности человека к спасению. Следовательно, трудовая деятельность стимулировалась и желанием человека уверовать в свою избранность.

В германских землях эксплуатация наемного труда имела место в типографиях, на бумагопрядильных мельницах, предприятиях горнодобывающей промышленности, в плавильном и металлообрабатывающем производствах, на некоторых текстильных предприятиях, а также и в других отраслях, работавших прежде всего на экспорт. К тому же, в городах существовали отряды строительных рабочих, в корпорациях которых уже в XV в. градации между мастерами, подмастерьями и учениками утратили свой первоначальный смысл и сохраняли значение только в качестве шкалы заработных плат. Теперь попытаемся проиллюстрировать положение наемных рабочих несколькими конкретными примерами.

Изучение текстов постановлений правящего совета, регулировавших ремесленную деятельность, позволяет установить, что на белильных и гладильных предприятиях, в красильных

мастерских Ульма, которые обслуживали бумазейное производство, в середине XVI в. было занято около 200 работников. Последние, хотя и отличались правовыми статусами (мастеров, подмастерьев и учеников) и в соответствии с этими статусами получали заработную плату²³, на самом деле находились на положении наемных рабочих. Как известно, в этом же городе на мануфактуре Шалера, производившей плюшевые ткани, «под одной кровлей» в 1537 г. работали 40 одних только ткачей, а с учетом прядильщиков, красильщиков и аппретурщиков – не менее 100 человек. В Аугсбурге в крупной мастерской, производившей знаменитую черную бумагею, которая пользовалась спросом на многих международных рынках, в XVI в. трудилось несколько сотен наемных рабочих²⁴. Во всех значительных городских центрах Южной Германии, о чем сказано выше, существовали организованные в самостоятельные корпорации отряды строительных рабочих, а для обслуживания городских торговых домов также привлекалась наемная рабочая сила²⁵. Существование на рубеже XV–XVI вв. прослойки городского населения, которая жила за счет наемного труда и отчасти уже подвергалась капиталистической эксплуатации, на примере Нюрнберга установил Р. Эндрес²⁶. Таким образом, по крайней мере, в крупных городских центрах, существовала прослойка наемных рабочих, составлявшая около 10–15 процентов общей массы самодеятельного населения. Однако только о части и этой относительно небольшой прослойки более или менее определенно можно сказать, что она подвергалась капиталистической эксплуатации. В то же самое время в экспортных отраслях текстильного производства было занято большое число формально самостоятельных цеховых мастеров, которых податные кадастры, однако, называют «неимущими». На самом деле последние работали на раздатчиков (купцов или зажиточных цеховых мастеров) и, следовательно, были вовлечены в систему раннекапиталистических производственных отношений. На основании рассмотренных выше фактов можно сделать вывод, что к началу XVI в. в городах Южной и Юго-Западной Германии в ряде отраслей хозяйства вполне сложилась зачаточная форма капиталистической организации производства, которая оказывала значительное влияние на эволюцию социальной структуры населения позднесредневекового города.

Одним из проявлений перемен в социальной жизни феодального общества того времени было зарождение класса наем-

ных рабочих. Наемные рабочие, как это имело место в Нюрнберге²⁷ и Аугсбурге²⁸, выдвигают требование повышения заработной платы. Но в виду незначительности предпролетарской прослойки населения позднесредневекового города, отсутствия сильных и влиятельных ее организаций, недостаточной зрелости общественного («классового») сознания эта прослойка не могла оказывать существенного влияния на исторические судьбы как города, так и общества в целом. Поэтому идея общности имуществ и «коммунистические» устремления, присущие предпролетариату, пользовались поддержкой только радикального меньшинства и отвергались большинством бюргеров. В то время в большинстве своем трудящиеся субъекты города и деревни стремились к достижению или укреплению своего положения в качестве собственников и экономической самостоятельности.

В южно-немецких городах все же, как правило, противостояли друг другу не владелец мануфактуры и пролетарии, а капиталист-раздатчик и находившиеся от него в экономической зависимости квази-самостоятельные ремесленники, что, в частности, нашло отражение в изменении самого характера цеховой регламентации. В Ульме в 1413 г. магистратом было принято постановление, которое требовало, чтобы претендент на метризу обладал состоянием по крайней мере в 200 фунтов геллеров²⁹. Однако введение этой нормы вряд ли уже тогда было направлено на поддержание равенства среди цеховых ремесленников. Правящий совет Нюрнберга еще в конце XIV в. требовал, чтобы претендент на метризу ремесла шерстоткачей обладал, как минимум, имуществом в 100 гульденов, объясняя это требование тем, чтобы получивший метризу «не оказался сразу же в зависимости от торговцев сукном». В XVI в. эта норма даже была повышена до 150 гульденов. Но все попытки оградить мелких производителей от власти раздатчиков не имели успеха. Молодые мастера продолжали брать авансы у купцов и производить расчет с кредиторами изделиями своего ремесла³⁰.

История бумазейного дела Аугсбурга содержит убедительные свидетельства того, что экономическая зависимость ремесленников от раздатчиков становилась с течением времени все более сильной и постепенно превратилась в норму производственных отношений³¹. При таком направлении развития рано возникшее в экспортных отраслях текстильного производства подчинение мелкого и мельчайшего производителя власти купца-предпринимателя по мере перерастания отношений раздач

в примитивную форму рассеянной мануфактуры с необходимостью приобретало характер капиталистической эксплуатации. Однако вопрос состоит в том, в чем именно она выражалась.

* * *

Теперь эволюцию демографической и социальной структуры позднесредневекового города целесообразно рассмотреть на конкретном материале. Южно-немецкие города (как, впрочем, и города других стран Западной Европы), достигнув к середине XIV в. значительной численности населения, затем пережили ряд тяжелых демографических потрясений, первопричиной которых была «черная смерть» – регулярно повторявшиеся в течение почти целого столетия эпидемии чумы. Поэтому демографическое развитие средневекового города было подвержено резким колебаниям³². Только со второй половины XIV в. население городов, казалось бы, стало медленно, но неуклонно расти, хотя были и отступления от общего правила (например, в Цюрихе). Поэтому представляется необходимым рассмотреть эволюцию социально-экономической структуры городов различных масштабов и типов, чтобы установить положение различных категорий населения этих городов. Только такое рассмотрение максимально приблизит нас к подлинной картине социальной жизни позднесредневекового города.

Постоянная и неразрывная связь явлений раннего капитализма с процессом имущественной и социальной дифференциации городского населения обозначилась лишь со второй половины XV в. Однако истоки этого процесса вполне можно отнести к XIV в. Так, согласно налоговому кадастру Эслингена, здесь еще в 1362 г. 18,9 процента работников зажиточных и богатых бюргеров от общего числа налогоплательщиков проживало в «старом городе» и от 2,7 до 7,6 процента – в предместьях; 52 процента мелких и среднего достатка – в «старом городе» и до 61,9 процента – в предместьях; удельный вес малоимущих и неимущих составлял 29 процентов в «старом городе» и возрастал до 49,6 процента в наиболее бедных предместьях³³. Городская беднота, как это можно заключить на основании податного кадастра Эслингена, проживала по преимуществу в предместьях. Дело в том, что избыточное население сельских округ городов находило среду обитания чаще всего в их предместьях, в большинстве случаев (по крайней мере, на первых порах) вливаясь в ряды пауперов и малоимущих. Ряды последних пополняли также

разорившиеся городские ремесленники и торговцы, обычно также проживавшие в городских предместьях. Выразительные факты на этот счет сообщает упоминавшийся выше налоговый кадастр Базеля (1429 г.), судя по которому, 36 процентов членов беднейших корпораций этого города – сукноделов (Grautucher) и виноградарей – обладали имуществом всего от 1 до 10 гульденов, а среди нецеховых ремесленников эта прослойка достигала даже 60 процентов³⁴. Отсюда становится понятным, почему власти капиталиста-раздатчика в первую очередь оказались подчинены неорганизованные в цехи мелкие производители.

Таблица 2

Имущественная дифференциация населения городов «немецкоязычной Швейцарии» в третьей четверти XV в.*

Категории налогоплательщиков	Города с указанием абсолютного и в процентах числа налогоплательщиков (годы)							
	Берн (1458 г.)	%	Цюрих (1470 г.)	%	Люцерн (1472 г.)	%	Шафхаузен (1470 г.)	%
Неимущие и малоимущие	443	36,0	445	34,1	340	39,9	292	35,6
Зажиточные и среднего достатка	607	49,3	807	56,3	417	48,8	432	52,7
Богатые бюргеры	152	12,4	167	11,6	91	10,7	93	11,3
Владельцы крупных состояний	28	2,3	15	1,0	5	0,6	3	0,4
Общее число	1230	100	1434	100	8853	100	820	100

* *Schnyder W. Soziale Schichtung und Grundlagen des Vermögensbildung in den spätmittelalterlichen Städten der Eidgenossenschaft // Festschrift K. Schib zum siebzigsten Geburtstag am 7. September 1968. Thayngen, 1968. S. 230 ff.*

Приведенные выше в таблице 2 данные об имущественной дифференциации населения таких швейцарских городов, как Цюрих, Берн, Люцерн и Шафхаузен в третьей четверти XV в. представляют несомненный интерес. В этих городах прослойка неимущих и малоимущих колебалась от 34,1 (Цюрих) до 39,9 (Люцерн) процентов. Причем В. Шнейдер подчеркивает, что число бедняков, занятых в текстильных отраслях ремесла, значительно превышало эти средние показатели.

Тот же В. Шнейдер указывает и на тот факт, что, к примеру, в Цюрихе, в бедственном положении находились прежде всего такие категории работников, как вдовы и незамужние женщины, которые составляли около 42 процентов самостоятельных производителей, занятых в различных отраслях текстильного производства. Историк объясняет это явление сильным развитием здесь военного наемничества, которое увлекало за собою на чужбину многих мужчин. Прослойка же мелкого и среднего бюргерства колебалась от 48,8 процента в Люцерне до 56,3 процента в Цюрихе, зажиточных и богатых бюргеров от 10,7 в Люцерне до 12,4 процента в Берне. Владельцы действительно крупных по тому времени состояний во всех названных городах образовывали тончайшую прослойку: от 0,4 процента в Шафхаузене до 2,3 процента в Берне.

Данные, извлеченные В. Шнейдером из городских налоговых кадастров (см. таблицу 3), свидетельствуют о том, что 64 процента владельцев крупнейших состояний в швейцарских городах XV в. жили и умножали состояния главным образом за счет занятий торговлей, ростовщичеством, инвестиций в различные промыслы. 30 процентов богатейших бюргеров существовали только или же по преимуществу за счет доходов от землевладения.

Примечателен и тот отраженный в таблице факт, что, например, в Берне, бюргеры которого наживали свои большие состояния в основном посреднической торговлей, землевладельцы преобладали над купцами и банкирами-ростовщиками, тогда как в Базеле и особенно в Цюрихе наблюдалась иная картина — здесь городская верхушка занималась прежде всего торгово-ростовщической деятельностью. В Санкт-Галлене все городские богачи тем или иным образом были связаны с процветающим тогда полотняным производством. Между тем, как это было показано во второй главе, в этой отрасли уже возникали и активно развивались капиталистические отношения.

Таблица 3

Происхождение крупных состояний в швейцарских городах XV в.*

Города	Основные источники доходов				Число владельцев крупных состояний
	Годы податных кадастров	Торговля, ростовщичество, промыслы	Земле-владение	Источники доходов не указаны	
Базель	1453/54	19	5	2	24
Берн	1458	12	15	1	28
Фрейбург	1445	7	6	1	14
Люцерн	1472/73	3	1	1	5
Шафхаузен	1470	2	1	—	3
Санкт-Галлен	1470	8	—	—	8
Зюрье	1456	1	—	—	—
Цюрих	1470	12	2	1	15
Общее число		64	30	6	100

* Schnyder W. Soziale Schichtung ... S. 235 ff.

Все же обычным явлением для того времени было совмещение бюргерами различных родов деятельности и источников доходов. Так, бюргер Базеля Генрих фон Вейнхейн, владелец крупного для того времени состояния в 7400 гульденов, участие в феодальном землевладении совмещал с инвестициями в белильное производство; бюргер того же города Ганс Тухергрюбли (6400 гульденов) ростовщичество и оптовую торговлю — с инвестициями в горнорудные предприятия. Бюргер Цюриха Хартман Рордорф (7000 гульденов) соединял в одном лице торговца шелковыми тканями и владельца ювелирной мастерской. Бюргер того же города Ганс Энгельхарт (5100 гульденов) был не только собственником постоянного двора (или трактира), но и занимался (по заказам настоятелей церквей и соборов) производством колоколов. Цюрихские бюргеры Иоганнес, Бертольд и

Ганс Швенды, обладавшие состояниями около 3500 гульденов каждый, вели в значительных для того времени масштабах торговлю льняными тканями, главным образом на международных рынках. Поэтому в Швендах, вероятно, можно видеть тех пионеров раннего капитализма, усилиями которых создавалась система раздач в бумазейном и полотняном производствах Цюриха и его сельской округе. Бернский бюргер Ян Шпильман, наживший состояние в 9000 гульденов, большую часть этого состояния инвестировал в производство сельскохозяйственных орудий (плугов, серпов, кос и прочего). Все это, в конечном счете, свидетельствовало о появлении «новых людей», деятельность которых развивалась на почве явлений раннего капитализма и тем или иным образом была связана с ними.

Со второй половины XV в. процесс поляризации социальной структуры позднесредневековых городов принял более ярко выраженные черты и приобрел качественно новые признаки. Именно с этого времени динамика социальной эволюции городского населения обнаружила тесную связь с процессами первоначального накопления и генезиса капитализма. Попытаемся проиллюстрировать данное положение примерами из истории городов юго-западного региона германских земель.

В Меммингене сто богатейших семейств города в 1450 г. владели 60 процентами всех бюргерских состояний и в 1521 г. — 70,5 процента. В Равенсбурге этим же ста семействам в середине XV в. принадлежали 75,6 и в 1497 г. — 74 процента всех состояний, однако в 1521 г. их доля упала до 59,6, а в 1552 г. — даже до 32 процентов. В Иберлингене они же владели в 1480 г. 28 и в 1496 г. — 30 процентами состояний. В Кауфбойрене во второй половине XV в. в собственности этих ста семейств находилось 26 процентов всех движимых и недвижимых имуществ³⁵. Различие в уровне концентрации богатств в городах можно объяснить следующими обстоятельствами. Рост этой концентрации в такой, казалось бы, цитадели цехового ремесла, каким являлся Мемминген, свидетельствовал не только об успехах торговой деятельности местного купечества и особенно компаний Цангмейстеров, Мендлеров и Фелинов, но и, по всей видимости, о вовлечении цеховых и нецеховых ремесленников этого города в систему раннекапиталистического производства (прежде всего в форме раздач). Резкое снижение уровня концентрации богатств в руках городской верхушки Равенсбурга отразило факт свертывания деятельности по преимуществу на международ-

ных рынках «Большой компании» и вслед за этим упадок отношений тех же раздач в текстильном производстве как в самом городе, так и его сельской округе. Относительно низкая концентрация богатств в руках бюргерской верхушки Иберлингена связана с тем, что здесь многие горожане жили за счет занятий виноградарством и виноделием, а также теми ремеслами, которые были ориентированы на удовлетворение спроса населения самого города и прилегающей к нему округи. В Кауфбойрене, значительном в то время центре текстильного производства, мы имеем дело с проникновением в это производство крупных торговых компаний из Аугсбурга и Меммингена, которые захватили в свои руки командные позиции в данной отрасли, подчинили своей власти большинство городских ткачей и присваивали львиную долю прибылей от их эксплуатации. Однако только этим дело не ограничивалось.

Одновременно с процессом концентрации богатств в руках бюргерской верхушки со второй половины XV в. еще более быстрыми темпами на противоположном полюсе «социального поля» развивался процесс пауперизации городского населения, хотя, сразу же оговоримся, его проявления были неодинаковыми в разных городах. Неимущие, как это показал П. Эйтель, в 1521 г. составляли в Меммингене более 50 процентов от общего числа налогоплательщиков и в то же время в Равенсбурге — около 33, Шафхаузене — 16, Иберлингене — 15,5, Санкт-Галлене — 13 процентов. Относительно невысокий процент пауперов в таких «индустриальных» центрах того времени, как Равенсбург и Санкт-Галлен, он объясняет различием в принципах налогообложения, которые проводились в жизнь магистратами средневековых городов. Но тот же Эйтель приводит заслуживающие внимания данные о малоимущих. Из них следует, что горожане этой категории постоянно находились на грани нищеты и их положение немногим отличалось от положения неимущих. В Меммингене число малоимущих возросло с 63 процентов общего числа налогоплательщиков в 1450 г. до 70 процентов в 1521 г., в Санкт-Галлене с 65 в 1471 г. до 73 процентов в 1520 г. В ряде городов Швабии и сопредельных с нею кантонов Швейцарского Союза, напротив, наблюдалось даже относительное сокращение прослойки малоимущих: в Равенсбурге с 70 в 1473 г. до 60 процентов в 1521 г., в Иберлингене с 50 в 1480 г. до 37 процентов в 1527 г., в Шафхаузене с 61 в 1470 г. до 52 процентов в 1520 г. и в Констанце с 61 в 1461 г. до 54 процентов в 1525 г.

В Кауфбойрене в 1479 г. эта прослойка составляла 65 процентов от всего городского населения³⁶. Объяснение такому явлению необходимо искать в одних случаях в значительности натуральных или полунатуральных хозяйств многих бюргеров-землевладельцев и слабом вовлечении этих хозяйств в рыночные отношения, преобладании ремесленного производства локальной ориентации (как это имело место в Иберлингене); в других – в различии темпов развития предприятий раннекапиталистического типа, сокращении их масштабов в рамках производственных отношений раздач (Равенсбург) или утрате городами временно (Цюрих) или надолго и даже навсегда (Констанц) позиций в торговле и производстве. Причем следствием последнего явления могло быть перемещение инвестиций, а вслед за ними торговли и производства в соседние городские центры (например, из Констанца в Санкт-Галлен). На эти метаморфозы могли оказывать влияние и некоторые другие факторы.

Процессы имущественной дифференциации населения не только неодинаково себя проявляют в городах различных типов, но и обнаруживают функциональную зависимость от той или иной отрасли народного хозяйства. Рост противоположности между богатством и бедностью особенно сильно себя проявлял в экспортных отраслях. Так, большинство ткачей Равенсбурга, Меммингена, Кауфбойрена, Бибераха и Кемптена, как это установил П. Эйтель, уже в середине XV в. жили в бедности и даже нищете. Экономическое положение ткачей отнюдь не улучшилось и в последующие десятилетия, что, например, выразилось в существенном снижении между 1450 и 1521 г. уровня благосостояния ткачей Меммингена. Причину такого явления Эйтель видит в развитии отношений раздач и утрате большинством ткачей всякой экономической самостоятельности. Аналогичные явления он также отмечает в Кауфбойрене и Равенсбурге³⁷. Причем, процесс имущественной дифференциации городского населения во второй половине XV в. уже развивался под непосредственным воздействием явлений раннего капитализма. С этого времени характерное и для простого товарного производства имущественное неравенство приобрело иной социальный смысл, поскольку стало отражать факт возникновения капиталистической эксплуатации мелких производителей предпринимательскими элементами из числа купцов или цеховой верхушки. Выразительным тому примером может служить Аугсбург, где первоначальные формы капитализма и

на самом деле пустили достаточно глубокие и прочные корни. В то же самое время социальная структура Аугсбурга во многом была типичной для позднесредневековых городов: она включала верхушечный слой патрициата, средний – бюргерства, низший – плебейства. Однако перемены, происходившие в экономической жизни общества, особенно под влиянием явлений раннего капитализма, не могли не отразиться на положении всех категорий городского населения.

Поскольку социальные метаморфозы, происходившие с верхушечной прослойкой населения Аугсбурга, специально будут рассмотрены в следующей главе монографии, ограничимся здесь лишь несколькими краткими замечаниями, чтобы «вписать» историю аугсбургской городской знати в общий контекст социальной истории городов юго-западного региона германских земель позднего Средневековья. Как известно, «цеховая революция» 1368 г. привела в Аугсбурге к утрате патрициатом монополии на политическую власть в городе и открыла доступ к ней нескольким десяткам семейств цеховой верхушки. Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что политический переворот 1368 г. имел следствием расширение социального состава городской знати, которая теперь стала включать в свои ряды не только патрицианские семейства, но и преуспевающих представителей средних слоев городского населения – бюргерства. Прежде всего в руках этой «новой знати» и оказалось кормило управления городом. Одной из причин социальной устойчивости патрициата и городской знати вообще была их тесная связь с феодальным землевладением, к которому приобщались не только патриции, но и многие преуспевающие цеховые мастера³⁸. Именно по этой причине представители бюргерской верхушки порою становились ревностными защитниками существовавшего тогда правопорядка и феодальных институтов. Городская олигархия, которая сформировалась из богатых и политически влиятельных семейств патрициата и цеховой верхушки, использовала пребывание у кормила власти и выборные общественные должности не только для того, чтобы проводить в жизнь отвечающую ее интересам политику, но и в целях личного обогащения. Выразительные факты на этот счет сообщают нам городские хронисты³⁹. Это усиливало антагонизм «верхов» и «низов». Поэтому задача состоит в том, чтобы установить, каким было положение основной массы городского населения и какими были отношения этой массы с правящей олигархией.

Подавляющее большинство населения Аугсбурга составляли цеховые ремесленники и торговцы, которые в то же время не представляли собою гомогенной массы. Об имущественной дифференциации городского населения можно судить по сведениям о «дополнительном налоге» 1475 г. Материалы этого налогового кадастра сведены в таблицу (см. таблицу 4), а городские налогоплательщики условно разделены на 6 групп.

Таблица 4
Имущественные группы населения Аугсбурга по данным
податного кадастра 1475 г.*

Имущественные группы	Положение налогоплательщиков по определению составителей податного кадастра или по материальному благосостоянию	Размер облагаемого состояния в гильденах	Число налогоплательщиков	В процентах к общему числу налогоплательщиков
1	Профессиональные нищие и поденщики	–	258	5,8
2	«Неимущие ремесленники»	–	2700	60,2
3	Мелкое бюргерство (малосостоятельные ремесленники и торговцы)	до 100	952	21,2
4	Среднее бюргерство	от 100 до 1000	423	9,4
5	Состоятельные и богатые бюргеры	от 1000 до 5000	132	2,9
6	Богатейшие семейства города	свыше 5000	20	0,5
Общее число налогоплательщиков в абсолютных цифрах и процентах		–	4485	100,0

* *Hector Müllich*. Die Chronik der Stadt Augsburg (1368–1487) // CDS. 1892. Bd. 22 (3). S. 250–251.

В первую группу налогоплательщиков включены 107 профессиональных нищих (bettler) и 151 поденщик (tagwercker). Эти люди составляли 5,8 процентов от общего числа налогоплательщиков. В городе, однако, проживали 2700 неимущих ремесленников (habnithantwercker), то есть разорившихся полностью или частично мелких производителей и торговцев, положение которых вряд ли существенно отличалось от положения наемных рабочих. Это — вторая группа налогоплательщиков, составлявшая более 60 процентов городского населения. В силу обстоятельств экономического порядка они вынуждены были работать на предпринимателей-раздатчиков, хотя сам факт купли-продажи рабочей силы здесь был завуалирован призрачной самостоятельностью цеховых ремесленников и обломками эгалитарной системы. Материалы налогового кадастра (в первую очередь, соотношение абсолютного числа налогоплательщиков первой верхушечной группы и неимущих ремесленников) делают возможным вывод о преобладании в Аугсбурге второй половины XV в. неимущего и малоимущего населения, что, по всей видимости, было следствием широкого распространения в общественном производстве отношений раздач и примитивной формы рассеянной мануфактуры.

По данным того же податного кадастра 1475 г. общее число горожан, находившихся в бедственном положении, равнялось 2958 человекам, или 66 процентам от числа всех налогоплательщиков. Нищие, поденщики и неимущие ремесленники, составлявшие большинство городского населения, могут рассматриваться не только как резервная армия наемного труда, но и как источник плебейской оппозиции существующему строю. Правда, процесс формирования этой оппозиции был далек от завершения ко времени составления податного кадастра 1475 г., так как подавляющее большинство плебейской массы, откуда она пополняла свои ряды, состояло из малоимущих и разорившихся цеховых ремесленников и торговцев, экспроприация которых не была, однако, доведена до конца. Все эти люди формально сохраняли статус полноправных бюргеров. По своим настроениям они тяготели не столько к предпролетарским элементам, разделявшим уравнивательные идеи, сколько к малоимущим ремесленникам, которые в XV в. надеялись поправить свое положение, вернуть утраченное благосостояние и хозяйственную самостоятельность. Отметим, что в то время уравнивательные идеи пропагандировали радикальные еретические секты,

ссылаясь на образцы из жизни ранних христиан; поборники «равенства» и «справедливости» из ремесленной массы также пытались искать идеал общественного устройства в далеком прошлом («седой старине»).

В особую группу следует выделить прослойку мелких бюргеров из 952 человек, каждый из которых обладал имуществом стоимостью менее 100 гульденов (третья группа налогоплательщиков). Они составляли 21,2 процента от общей массы налогоплательщиков. Мелкие бюргеры по своему положению приближались к неимущим ремесленникам податного кадастра, но не сливались с плебейскими низами городского населения. В четвертую группу входила прослойка бюргеров среднего достатка, которые обладали собственностью от 100 до 1000 гульденов. Таких людей проживало в Аугсбурге 423 человека, или 9,4 процента от общего числа налогоплательщиков. Представители третьей и четвертой групп налогоплательщиков по своему положению были прежде всего собственниками, самостоятельными производителями и торговцами. Однако обе эти прослойки не отличались монолитностью, так как большая часть их членов по мере развития процесса имущественной дифференциации опускалась на нижние ступени социальной лестницы и переходила в разряд неимущих и малоимущих, меньшая – влилась в ряды городской верхушки. Следует обратить внимание и на то, что среднее бюргерство («средний класс») уже к концу третьей четверти XV в. составляло лишь меньшую часть городского населения и размывалось по мере кристаллизации полярных в социальном отношении категорий населения, каковыми являлись городская знать и плебейство. Сокращение численности и утрата устойчивости положения «среднего класса» были чреваты опасностью социальных катаклизмов, что, в частности, проявилось сначала в антиналоговом волнении 1466 г., а затем и в движении радикально-бюргерской оппозиции в Аугсбурге в 70-е годы того же столетия. Ответ на вопрос о причинах социальных конфликтов следует искать в податных кадастрах.

В податном кадастре Аугсбурга 1475 г. насчитывалось 152 богатых бюргера (пятая и шестая группа налогоплательщиков), имущество которых оценивалось в тысячу и более гульденов. Они составляли 3,4 процента от общего числа налогоплательщиков; владельцев действительно крупных по тому времени состояний (более 5000 гульденов) в кадастре только 20 человек, или 0,5 процента от общего числа. Заслуживает внимания

и тот факт, что одни владельцы крупных состояний жили по преимуществу за счет источников доходов «сеньориального» происхождения (феодалной ренты и связанных с нею платежей), другие – выступали в роли торговцев и даже организаторов мануфактур, что, впрочем, не исключало соединение в одном лице рантье-ростовщика и землевладельца с купцом, предпринимателем-раздатчиком и даже владельцем мануфактуры. Это было обычным для того времени явлением, которое станет объектом исследования в четвертой главе монографии.

Итак, данные податного кадастра 1475 г. свидетельствуют о том, что, во-первых, употребление понятий, казалось бы, привычных для характеристики социального строя городского населения в виде ее традиционной триады (патрициат – бюргерство – плебейство) является недостаточным для полного и точного определения социальной структуры такого значительного торгово-промышленного центра, каким уже в XV в. был Аугсбург. Во-вторых, глубокая имущественная дифференциация городского населения, пауперизация ремесленной массы, что может рассматриваться в качестве потенциального источника резервной армии наемного труда, – на одном полюсе, и аккумуляция крупных состояний, которые в ближайшей исторической перспективе могли стать средством организации промышленного производства на новой (капиталистической) основе, – на другом, были проявлением и отражением процесса первоначального накопления капитала. Поступательный ход этого процесса и зарождения зачаточных форм капитализма тормозился тогдашними общественными отношениями, которые испытывали на себе сильное влияние системы феодализма. В силу сложившейся в германских землях социально-политической ситуации пробивавшиеся сквозь толщу феодальных отношений зачатки раннего капитализма встречали на своем пути серьезные препятствия и долгое время пребывали в эмбриональном состоянии, не развиваясь далее узких рамок системы раздач. Реальная обстановка осознавалась только отдельными радикально настроенными элементами городского бюргерства и воспринималась сквозь призму средневековых представлений об общей пользе и справедливости. Причудливое переплетение уходящих в прошлое общественных отношений с исторически-ми явлениями, которым принадлежало будущее, образуют характерные черты социального строя имперского города Аугсбурга во второй половине XV столетия. Уже тогда на

исторические судьбы этого города сильное влияние оказывали явления раннего капитализма.

Завершая рассмотрение содержания налогового кадастра Аугсбурга 1475 г., необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. По наблюдениям Ф. Блендингера, в 1396 г. пауперы и неимущие ремесленники составляли в этом городе 50,3, мелкие и средние слои бюргерства – 47,55 и владельцы крупных и значительных состояний – 2,15 процента от общего числа налогоплательщиков⁴⁰. Сопоставляя эти данные с материалами податного кадастра 1475 г., можно сделать следующие выводы. За время, отделяющее друг от друга податные кадастры (примерно 80 лет), прослойка неимущих возросла на 15,7, зажиточных и богатых бюргеров – только на 1,25 процента; прослойка же мелкого и среднего бюргерства, за счет которой формировались полярные категории городского населения, соответственно сократилась примерно на 17 процентов. Эти перемены отразили кардинальные сдвиги в экономической структуре города, так как именно в этот период времени наметился переход от простого товарного производства к капиталистической кооперации, что выразилось в распространении отношений так называемых раздач и появлении первоначальной формы мануфактуры. Однако такая тенденция развития, на что красноречиво указывают многочисленные факты, не носила характера прямолинейного движения, поскольку этому процессу были известны движения вспять и временные отступления.

Статистические материалы об имущественной дифференциации населения Аугсбурга в конце XV – первой половине XVI в., извлеченные Я. Хартунгом из податных кадастров (см. таблицу 5), заслуживают особого внимания. Прежде всего они позволяют отметить факт абсолютного (с 2958 до 2231 человека, то есть на 727 человек) и относительного (с 66 до 41,7 процента, то есть на 24,3 процента) сокращения к 1498 г. по сравнению с 1475 г. (см. таблицу 4) числа пауперов и неимущих ремесленников в общем числе налогоплательщиков. Эту перемену можно объяснить следующими обстоятельствами принципиальной значимости: 1) экономическим подъемом и в связи с этим ростом занятости жителей города в сферах общественного производства, обмена и услуг; 2) инфляцией, которая стала проявлением начинавшейся «революции цен», с одной стороны, и неизменностью минимума облагаемых налогами состояний жителей города – с другой; 3) ужесточением в то же самое время налоговой

политики магистрата, что имело следствием включение в податные списки лиц, которых раньше власти освобождали от уплаты налогов.

Таблица 5

Имущественная дифференциация населения Аугсбурга
в конце XV – первой половине XVI вв.*

Го- ды	Общее число налого- платель- щиков	Неимущие		Малосостоятельные и среднего достатка		Зажиточные и богатые бюргеры	
		в абсо- лютных цифрах	%	в абсо- лютных цифрах	%	в абсо- лютных цифрах	%
1498	5351	2331	41,7	2849	55,1	171	3,2
1512	5479	2476	45,2	2773	50,6	230	4,2
1526	6097	3291	53,9	2535	41,7	271	4,4
1540	7155	3749	52,3	3016	42,2	390	5,5
1554	8242	4382	53,2	3341	40,5	519	6,3

* Hartung J. Die angsbardische Vormogenssteuer und Entwicklung der Besitzverhatnisse im 16. Jahrhundert // JGVV. 1898. Bd. 22. H. 1. S. 171 ff.

Вместе с тем материалы податных кадастров убедительно свидетельствуют о закономерности совершавшегося процесса пауперизации городского населения. Число пауперов и «неимущих ремесленников» в абсолютных цифрах к 1554 г., по сравнению с 1498 г., выросло с 2331 до 4382 человек, то есть увеличилось почти вдвое; за это же время в относительных цифрах численность данной категории населения достигла 53,2 процента от общего числа налогоплательщиков, то есть выросла на 11,5 процента. Данные за эти же годы указывают на относительное сокращение численности мелких и среднего достатка бюргеров (с 55,1 до 40,5 процента), то есть на 14,6 процента. В те же десятилетия первой половины XVI в. выросло число зажиточных и богатых бюргеров: в абсолютных цифрах с 171 до 519, то есть примерно втрое; в относительных – с 3,2 до 6,3 процента

от числа городских налогоплательщиков, то есть в два раза. В этой обобщающей картине социально-демографического развития позднесредневекового города по спиралеобразной траектории общественного прогресса скрывались те внутренние пружины, которые и определяли его движение в направлении к индустриальной цивилизации.

Дело в том, что рассмотренные выше материалы содержат информацию о процессах и явлениях, которые были характерны для эпохи первоначального накопления и генезиса капитализма. Как налоговые кадастры, так и другие источники красноречиво свидетельствуют о пауперизации значительной части городского населения на одном социальном полюсе, концентрации богатств в руках сравнительно небольшой группировки купеческо-предпринимательских элементов – на другом. Именно это и определяло содержание и историческую сущность данных процессов и обусловило социальную поляризацию городского населения. Причем, вполне по К. Марксу, «податное ограбление» мелких производителей выступало в качестве одного из рычагов первоначального накопления, хотя вряд ли играло роль решающего фактора в этих процессах.

Основные тенденции социально-экономического развития города и особенно зарождение отношений раздач в позднесредневековом ремесле объясняет, почему антиналоговые движения городских низов и «среднего класса» уже с конца XIV в. превратились в постоянно действующий фактор социальной жизни Аугсбурга и приобрели особую остроту со второй половины XV в., когда ранний капитализм стал повсеместным явлением. Однако это – тема специального исследования, к которому автор этих строк уже обращался раньше⁴¹, и здесь он позволяет себе ограничиться лишь констатацией того факта, что антиналоговые выступления широких слоев городского населения, помимо прочего, отразили сам факт развития отношений раздач в экспортных отраслях ремесленного производства и их социальные последствия. В такой же мере очевидно, что развитие отношений раздач и начальная стадия формирования капиталистической мануфактуры по преимуществу рассеянного типа неизбежно вели, как это было показано во второй главе, к разорению значительной части цеховых мастеров, с одной стороны, и обогащению бюргерской верхушки – с другой. Впрочем, последний сюжет, в известной степени, будет затронут в следующей главе настоящей монографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса ... С. 89–156; Он же. К социально-экономической истории ... С. 154–159; Он же. Происхождение ... С. 143–149; Он же. Эволюция социального строя ... С. 193–198; Он же. Эволюция социального строя и отношений собственности ... С. 50–75; Он же. Реформа или революция? ... С. 95–106.

² Blaschke K. Zur Statistik der sächsischen Städte im 16. Jahrhundert // Vom Mittelalter zur Neuzeit. Berlin, 1956. S. 140, 143; Deutsche Geschichte. Bd. 1: Von den Anfängen bis 1789. Berlin, 1965. S. 351–352; Jecht H. Zur Untersuchung ... S. 248 ff.

³ Проблема «малых городов» в Средние века на материале не только юго-западного региона германских земель, но и других их территорий до сих пор, как представляется, не получила адекватного ее значению отражения в современной историографии. Единственным известным автору этих строк примером такого исследования, выполненного на материале документов городских архивов Мекленбурга, является статья Г. Хайца (см.: Heitz G. Zur Rolle des kleinen mecklenburgischen Landstade in der Periode des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus // HS. 1961. Bd. 8. S. 105 ff.). Между тем, значение данной проблемы для изучения процесса перехода от феодализма к капитализму трудно переоценить, поскольку с малыми городами совершались удивительные метаморфозы. Выразительным тому примером могут служить Арбон, Бишофцель и другие малые города Швейцарского Союза, большинство населения которых было занято в текстильном производстве. Так, малые города нового типа в XV–XVI вв. вырастали из деревень. Об этой проблеме также см.: Ястребицкая А.Л. Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // СВ. 1988. Вып. 50. С. 59 след.

⁴ См.: Schnyder W. Die Bevölkerung der Stadt und Landschaft Zürich von 14. bis 17. Jahrhundert: Eine methodologische Studie. Zürich, 1926. S. 78; Largiader A. Geschichte ... S. 270; Rozycki M. Die Handwerker und ihre Vereinigungen im alten Winthertur (bis 1789) // 279. Neujahrschrift für Stadtbibliothek Winterthur. 1945. S. 25, 58, 80–81, 123–124; Sämler A. Überlntingen: Bilder aus der Geschichte einer kleinen Reichsstadt. Singen, 1949. S. 56–58, 61; Feger O. Geschichte ... S. 340–341, 346–347; Ammann H. Konstanzer Wirtschaft ... S. 72; Scheurle A. Wangen... S. 31, 42. Интересные факты об инвестициях бюргеров в сельскохозяйственное производство (главным образом животноводство и

овцеводство) приводит в своей хронике имперского города Филлингена Генрих Хуг (см.: *Heinrich Hug. Villinger Chronik von 1495 bis 1533 / Hrsg. von Chr. Roder. Tübingen, 1883. S. 96, 98, 137–138*).

⁵ На протяжении всего Средневековья патрициат Швебиш-Халля успешно отражал попытки ремесленников и торговцев создать цехи (см.: *Wunder G. Strukturanalyse ... S. 50–51*). В Шафхаузене «цеховое правление» было введено после долгой борьбы городских ремесленников с патрициатом только в 1411 г. (см.: *Schib K. Geschichte der Stadt Schaffhausen ... S. 39–40; Idem. Die Entstehung und politischer Sieg der Zünfte im Jahre 1411 // Schaffhauser Beiträge ... S. 10; Ruedi E. Die Zunftverfassung ... S. 19*). Ремесленники и торговцы Винтертура в борьбе за установление «цехового устройства» с местным патрициатом долгое время терпели поражения. Только после включения этого города в 1467 г. во владения Цюриха их объединения были признаны в качестве «ремесел» и приобрели статус цехов лишь в XVII в. (см.: *Rozycki M. Die Handwerker ... S. 12, 17, 24*). В Германии цехи не были созданы в большинстве малых княжеских городов, где объединения торгово-ремесленных слоев находились на положении бесправных в политическом отношении «ремесел».

⁶ *Kohene C. Die 1461 vorgenommene Einschränkung der Zunftverfügnisse in der Reichsstadt Überlingen und Reformation Kaiser Sigmunds // ZGOR. 1932. Bd. 45. S. 34 ff.*

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 352.*

⁸ Там же. С. 354, 355.

⁹ *Eitel P. Die Stellung des Zunftbürgertums ... S. 89.*

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Некрасов Ю.К. Эволюция социального строя и отношения собственности ... С. 62 след.*

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 51.*

¹² Там же. Т. 19. С. 214.

¹³ Там же. Т. 23. С. 348, 371, 748.

¹⁴ Там же. Т. 19. С. 190–191. Ср.: Там же. Т. 20. С. 17.

¹⁵ *Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки ... С. 130.*

¹⁶ *Schnyder W. Soziale Schichtung und Grundlagen der Vermögensbildung in den spätmittelalterlichen Städten der Eidgenossenschaft // Festschrift K. Schib zum siebenzigsten Geburtstag am 7. September 1968. Thayngen, 1968. S. 233–234.*

¹⁷ *Tuchers Baumeisterbuch ... S. 40, 43, 48, 56; Stetten Paul-jüngere, von. Kunst-, Gewerbe- und Handwerksgeschichte ... S. 49, 96; Einige Zahlen über Einkommen der «Grossen»*

und «Kleinen» // *Norden A.* Herrscherr ohne Krone ... S. 245–246; *Hartung J.* Die Augsburger Zuschlagsteuer ... S. 124–127; *Schönberg G.* Zur wirtschaftlichen Bedeutung ... S. 305–306.

¹⁸ *Bisle M.* Die öffentliche Armenpflege der Reichsstadt Augsburg mit Berücksichtigung der einschlägigen Verhältnisse in anderen Reichsstädten Südwestdeutschlands. Paderborn, 1904. S. 26–28, 83; *Kiesling R.* Bürgerliche Gesellschaft ... S. 213, 136; *Abel W.* Massenarmut ... S. 95–96; Anhang ... S. 400 ff.

¹⁹ Die Statutensammlung Jorg Vogoli... № 12. S. 31; *Maschke E.* Die Unterschichten ... S. 73.

²⁰ См.: прим. 174 к главе II.

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 744.

²² Обстоятельное обоснование положения, каким образом в массовом общественном сознании позднесредневековой Западной Европы совершался поворот от восприятия труда как наказания за первородный грех прародителей человеческого рода к признанию труда ценностью, опираясь на которую верующий реализует свое «мирское призвание», дает М. Вебер (см.: *Вебер М.* Протестантская этика ... 68–69, 186 след.; *Он же.* Протестантские секты ... С. 283 след.).

²³ *Nübling E.* Ulms Baumwollweberei ... Urkunden. № 28. S. 74, 76; № 32. S. 82; № 53. S. 99–100; № 60. S. 110–111.

²⁴ *Dirr P.* Augsburger Textilgewerbe im 18. Jahrhundert // ZHV. 1911. Bd. 37. S. 7 ff.

²⁵ Das Konstanzer Kaufhaus ... № 98. S. 97. Магистрат Констанца регулярно нанимал до пятидесяти грузчиков, лодочников, корабельщиков, возчиков и упаковщиков тюков, которые были заняты обслуживанием местного торгового дома. Такие же торговые дома существовали во всех более или менее значительных центрах ремесла и торговли как Южной и Юго-Западной Германии, так и Швейцарского Союза. Повсюду в этих торговых домах использовался труд наемных работников.

²⁶ *Endres R.* Zur Einwohnerzahl ... S. 242 ff.

²⁷ *Tuchers Baumeisterbuch* ... S. 272, 276. Нюрнбергский патриций Эндрес Тухер сообщает, что однажды во время его пребывания на посту баумейстера (Тухер занимал эту должность с 1464 по 1475 г.) к нему пришли каменотесы, плотники, кровельщики, штукатуры и строительные рабочие других профессий (причем как мастера, так и подмастерья) и потребовали повышения заработной платы по причине «больших отягощений», возникших из-за войны и дороговизны на рынке. Магистрат из опасения открытого волнения строительных рабочих вынужден был удовлетворить предъявленные требования и повысил им заработную плату.

²⁸ *Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 82.* По свидетельству хрониста Вильгельма Рема, аналогичное нюрнбергским строителям требование в 1517 г. выдвинули и аугсбургские строительные рабочие, которые, по его же словам, тяжелым трудом «едва зарабатывали на хлеб» засушенный.

²⁹ *Naujoks E. Obrigkeitgedanke ... S. 32.*

³⁰ *Bog I. Wachstumsproblem ... S. 72.*

³¹ Несколько десятков аугсбургских ткачей в 1527 г. являлись должниками компании Фуггеров и находились от нее в экономической зависимости (см.: *Inventur der Firma Fugger ... S. 61 ff.*). В 1560 г. аугсбургские ткачи, о чем уже рассказывалось выше, задолжали компании братьев Цангмейстеров из Меммингена за поставленный ею хлопок и вынуждены были на невыгодных для себя условиях поставить Цангмейстерам партию готовых изделий своего ремесла. П. Дирр приводит статистические материалы городского архива, бросающие свет на природу отношений раздат. Согласно этим материалам, в 1601 г. в Аугсбурге проживали 2922 владельца метризы ткачей, из которых 2081 мастер занимался ремеслом самостоятельно, причем некоторые из них работали с одним или двумя подмастерьями. Остальные (841 ткач – 28,8 процента от общего числа владельцев метризы) работали на раздатчиков и по существу находились на положении «платных ткачей». К 1612 г. число мастеров корпорации ткачей выросло до 3024, причем число производителей второй категории даже сократилось до 625 ткачей (27,2 процента). Источники сообщают также данные о том, что ткачи этой категории жилье, сырье, ткацкие станки и другое оборудование получали от предпринимателей как из числа зажиточных цеховых мастеров, так и купцов (см.: *Dirr P. Augsburger Textilgewerbe ... S. 9 ff.*). В экономической зависимости от капиталистов-раздатчиков пребывало, однако, и большинство ткачей первой категории, которым предприниматели предоставляли кредиты и закупали у них же готовые изделия или полуфабрикаты, извлекая из этого немалую для себя выгоду.

³² Л.П. Репина приводит данные о народонаселении городов Западной Европы XIV–XV вв., в том числе городов Юго-Западной Германии. Так, население Аугсбурга в 1364 г. составляло 7,5 тыс. жителей, в 1408 г. – 8,2 тыс., в 1428 г. – 9,5 тыс., в 1461–1471 гг. – 11,5 тыс., к 1475 г. оно выросло до 18,3 тыс., однако, к 1498 г. сократилось до 12,3 тыс. жителей. В Базеле в 1429 г. численность населения колебалась между 9 и 10 тыс., в 1444–1446 гг. – между 10 и 12 тыс., в 1454 г. оно составляло лишь 8 тыс., в 1471–1475 гг. выросло до 8,7 тыс., в 1498 г. – до 9 тыс. жителей. В Берне в 1448 г. проживало около 5 тыс. человек. В Нюрнберге в начале XIV в. насчитывалось около 50 тыс. населения, которое к середине следующего века сократилось до 16,6–22,8 тыс.

человек. Численность населения Равенсбурга в XV в. не превышала 5 тыс. человек. Население Страсбурга в начале XIV в. равнялось 25–30 тыс. человек, к 1477 г. оно сократилось до 20,7 тыс., а к концу XV в. выросло до 25 тыс. Во Франкфурте-на-Майне в 1387 г. проживало около 10 тыс. человек, к 1410 г. – 9,8 тыс., а еще через тридцать лет (в 1440 г.) население уменьшилось до 9 тыс. жителей. В Цюрихе в середине XIV в. численность населения колебалась от 7,4 до 12,4 тыс. жителей, в 1374 г. она равнялась 11,1 тыс., в 1410 г. – от 8,6 до 10,6 тыс., а к 1467 г. резко упала до 4,7 тыс. человек (см.: *Ретина Л.П.* Население городов // Город в средневековой цивилизации ... Т. 1. Табл. 1. С. 179–185).

Правда, тут же следует оговориться, что приведенные выше статистические материалы вряд ли можно безоговорочно признать точными. Дело в том, что население средневековых городов, грубо говоря, никто не считал. Сохранились лишь податные списки; в них обычно фигурируют имена глав бюргерских семейств, которые и выступали в роли налогоплательщиков. Поэтому установление численности населения города зависит от избранной исследователем методики подсчетов. К тому же, в упомянутые выше списки не попадали имена тех, кто по тем или иным причинам освобождался властями от уплаты налогов.

³³ Методология, с помощью которой А. Диль и другие немецкие и швейцарские историки, привлекающие в своих исследованиях в качестве источников городские податные кадастры для определения граней между «состоятельными» и «несостоятельными» жителями городов, заключается в том, что историки при решении данного вопроса следуют за законодателями, то есть правящими советами городов, которые принимали решения о сборе налогов (см.: *Diehl A.* Zur Verfassungs- und Finanzgeschichte ... S. 91). «Минимум зажиточности» колебался между 100 и 200 гульденами состояния и имел тенденцию к повышению, что было обусловлено медленно протекавшей инфляцией. Впрочем, такая методология имеет свои уязвимые места.

³⁴ *Maschke E.* Unterschichten ... S. 24, 27.

³⁵ *Ibid.* S. 9.

³⁶ *Eitel P.* Die oberschwäbischen Städte ... S. 121–122.

³⁷ *Eitel P.* Die Stellung des Zunftbürgertums ... S. 149.

³⁸ Как результаты исследований современных историков, так и свидетельства разнообразных и многочисленных источников убедительно указывают на то, что в сельской округе Аугсбурга и даже за ее пределами в феодальном землевладении с большой энергией участвовали (со всеми вытекающими отсюда последствиями) не только представители патрицианских семейств, но и «цехового бюргерства» (см.:

Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса ... С. 136–151; *Евдокимова А.А.* Изменение характера и структуры земельных операций швабского бюргерства в XV–XVI вв. // СВ. 1984. Вып. 47. С. 139–152; *Rundstedt H.-S.* Die Regelung des Getreidehandels in Städten Südwestdeutschlands und deutschen Schweiz im späten Mittelalters und im Beginn der Neuzeit. Stuttgart, 1938. S. 59, 108–110; *Groos W.* Augsburg im 13. Jahrhundert // Bericht der Naturforschenden Gesellschaft Augsburg. Augsburg, 1964. S. 56 ff.; *Idem.* Zinslehen der Stadt Augsburg // Ad Sanctum Stephanum... Augsburg, 1966. S. 66 ff.; *Kissling R.* Bürgerliche Gesellschaft ... S. 194–197; *Anonyme Chronik der Stadt Augsburg (991–1483)* // CDS. 1892. Bd. 22 (3). S. 505; *Das Lehenbuch des Hochstifts Augsburg ...* S. 27; *Die Urkunden des Hochstifts Augsburg ...* № 423. S. 207; № 471. S. 229; № 571. S. 282).

³⁹ *Zink ...* S. 239–240, 274, 283–284; *Mülich ...* S. 143, 236.

⁴⁰ *Blendinger F.* Versuch einer Bestimmung ... S. 45.

⁴¹ См.: *Некрасов Ю.К.* К проблеме генезиса ... С. 110–112; *Он же.* Социальная борьба в Аугсбурге в середине и начале второй половины XV века // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2. С. 438–443; *Он же.* Происхождение ... С. 151–152.



ГЛАВА IV

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ГОРОДСКОЙ ЭЛИТЫ (НА ПРИМЕРЕ АУГСБУРГА)

В третьей главе настоящей монографии была предпринята попытка создания обобщающей картины эволюции социального строя позднесредневекового города юго-западного региона германских земель. Но представляет интерес и обращение к более узкой теме социальных метаморфоз, происходивших не со всем населением этого города, а только с его верхушечной прослойкой. Для решения этой задачи в качестве объекта исследования избран патрициат¹ и городская знать XIV–XVI вв. в целом на примере имперского города Аугсбурга. Обоснованием научной актуальности этой темы могут служить следующие соображения. Во-первых, такое исследование может продвинуть поиски ответа на вопрос, в какой мере городская знать, или элита, является той творческой силой, которая определяла прогрессивную тенденцию развития средневекового города. Во-вторых, если некоторые стороны социально-экономических отношений в средневековом Аугсбурге уже получили освещение в отечественной историографии в трудах А.Д. Эпштейна и Н.В. Савиной², проблема исторических судеб аугсбургской городской знати будет поставлена в ней впервые. И, наконец, в-третьих, сквозь «узкие окна» темы, обращенной к судьбам бюргерской верхушки, может открыться и более широкий горизонт исторической действительности, который позволит разглядеть социальный облик далеких предшественников немецкой буржуазии Нового времени. Они выступали в образах богатых купцов и патрициев, с одной стороны, преуспевающих цеховых мастеров и торговцев «из простонародья» – с другой. Те и другие в своей совокупности в переходную от средневековой к индустриальной цивилизации эпоху образовывали прослойку городской элиты.

Руководствуясь по преимуществу соображениями формально-юридического порядка, Р. Кислинг различает несколько типов аугсбургского патрициата³. К первому типу он относит патрицианские семейства, которые поселились в Аугсбурге еще в XI–XII вв. или, по крайней мере, не позднее рубежа XIII–XIV вв. и после «цеховой революции» 1368 г. остались «в своем сословии», отделились от прочей массы городского бюргерства и жили исключительно за счет доходов с землевладения; даже те из них, кто приобщался к торговле и ростовщичеству, продолжали инвестировать денежные средства прежде всего в землевладение. Второй тип патрициата составляли представители «древних родов», которые формально также остались «в своем сословии», но не отказались, вопреки норме городского права,

от занятий торговлей и банковско-ростовщической деятельностью. Третий тип был представлен патрициями, которые перешли в ряды цехового бюргерства, чтобы «на законных основаниях» продолжить занятия купеческой и предпринимательской деятельностью. Четвертый тип патрициата включал выходцев из цехового бюргерства, занимавшихся торговлей и предпринимательством, принятых благодаря их успехам на этом поприще в аристократическое сообщество «*Mehrer der Gesellschaft*», а затем – и в ряды городского патрициата.

По Р. Кислингу, в аугсбургском патрициате в XIV–XV вв. произошло размежевание (по источникам основных доходов) на две фракции: одна из них жила главным образом за счет феодальных рент, оброков и доходов от фискальных должностей, другая – прежде всего занятиями торговлей и ростовщичеством – и благодаря этому сближалась с семьями крупных торговцев из цехов. Представители городской верхушки, состоявшей из патрициев и богатых цеховых мастеров и торговцев, объединились в «Питейном клубе господ» (*Herrenlrinksstube*, далее – «Клуб господ»), который с 1412 г. проводил официальные заседания и увеселительные мероприятия в собственном здании. В этот клуб имели доступ проживавшие в городе дворяне, патриции и «богатые купцы из разных цехов». Так, в 1416 г. в него входили 7 «городских дворян», 25 патрициев и 42 цеховых мастера и торговца как из числа бывших патрициев, так и представителей «новой знати»⁴. Таким образом, уже в начале XV в. правящая элита Аугсбурга состояла из 74 семейств, причем среди них уже тогда преобладали преуспевающие представители цехового бюргерства. Последние еще сильнее укрепили свои позиции после поражения в 1478 г. радикально-бюргерской оппозиции во главе с бургомистром «от цехов» Ульрихом Шварцем, когда представители верхушки местных торгово-ремесленных корпораций объединились в уже упоминавшемся сообществе «*Mehrer der Gesellschaft*»⁵ и были включены в список членов «Клуба господ». В 1538 г. большинство членов этого сообщества были приняты в патрицианскую корпорацию Аугсбурга. Как оказалось (о чем подробнее будет сказано ниже), это была последняя попытка средневековой по своей природе городской знати удержать в своих руках контроль над экономической и общественной жизнью городской общины. Впрочем, как мы увидим, указанная мотивация реформы патрицианской корпорации не была единственной.

Задача автора настоящего исследования состоит в том, чтобы попытаться установить, в какой мере предложенная Р. Кислингом концепция типологии аугсбургского патрициата, с научной точки зрения, репрезентативна и обоснована, и в каком направлении совершалась социальная эволюция как различных группировок собственно городского патрициата, так и городской знати в более широком смысле, включая всю городскую правящую элиту.

4.1. ПАТРИЦИИ «СТАРОЙ ФОРМАЦИИ»

Согласно официальной версии событий цехового переворота 1368 г., которая нашла отражение в источниках⁶, 21 семейство аугсбургских патрициев (Битшлины, Гланеры, Голленхоферы, Ланги, Лангенмантели, Миннеры, Онзорги, Портнеры, Приоли, Пфетнеры, Равенсбургеры, Раппольты, Ратзамы, Релингеры, Ридереры, Ричарды, Фогели, Хальбхеры, Хангеноры, Хофмайеры и Шонгауэры) остались после событий 1368 г. в патрицианской корпорации и в дальнейшем неукоснительно следовали букве и духу своего рода конституции средневекового Аугсбурга – так называемой «Цеховой грамоте» 1368 г., запрещавшей патрициям занятия торговлей и банковско-ростовщической деятельностью⁷. Так ли это было, и соответствует ли данная версия действительному положению вещей?

Прежде чем ответить на этот вопрос, с целью углубления социально-политических аспектов исследования проблемы, среди аугсбургских патрицианских семейств первого типа представляется возможным и целесообразным выделить несколько группировок. Прежде всего, в дополнение и развитие классификации Р. Кислинга, характеристику патрициата данного типа следует начать с семейств, которые после цехового переворота 1368 г. или даже еще до событий этого года перешли в ряды феодального дворянства или министерялов католической церкви. Вторую группу составляют семейства политических эмигрантов из числа аугсбургских патрициев, покинувших родной город по причине несогласия с происшедшими переменами политического характера; некоторые из них, даже находясь в добровольном изгнании, вступили на путь открытой конфронтации с «цеховым режимом». На практике это выражалось в поддержке соседних князей (прежде всего баварских герцогов), враж-

довавших с Аугсбургом, нападениях на купеческие караваны и попытках «разборок» с представителями патрицианских родов, проявившими лояльность по отношению к новой власти. К третьей группе можно отнести семейства, все члены которых действительно остались в патрицианской корпорации после событий 1368 г. Четвертую группу образуют патрицианские роды, в которых, опять-таки вопреки официальной версии, произошел раскол, выразившийся в переходе отдельных их представителей в торгово-ремесленные корпорации города. В особую, пятую, группу входят семейства, которые уже со второй половины XIV – начала XV в. сходят с исторической сцены по причине оскудения или пресечения их родов.

* * *

Сначала обратимся к судьбам патрициев первой группы. Источники отражают как факты переселения из сеньорий округи и порою прочного оседания в городе некоторых дворянских семейств, так и, напротив, перехода представителей бюргерства (в широком смысле этого слова) в «благородные сословия» дворянства и духовенства. В роли инвесторов казначейства Аугсбурга во второй половине XIV – начале XV в. выступали 17 семейств швабских дворян, которые в общей сложности инвестировали в ренты городского казначейства около 10 тыс. гульденов⁸. Еще более активно себя проявляли в этом отношении корпорации католической церкви и министералы местного епископа, точные данные о размерах инвестиций которых в городское казначейство «Книги рент», однако, не сообщают (вероятно, по причине церковного запрета на получение ростовщических процентов, который распространялся и на городские ренты). Вместе с тем определенный интерес представляет рассмотрение на основании свидетельств источников судебных таких семейств городской знати, как Бургграфы, Готшалки, Паппенгеймы, Фицтумы, Швиггеры, Шренки, Мюнцмейстеры, Энгельшалки.

«Книги рент» городского казначейства Аугсбурга содержат свидетельства о том, что во второй половине XIV в. в ряды дворянства перешли Готшалки и Мюнцмейстеры. С конца того же столетия в числе богатейших налогоплательщиков города, напротив, фигурируют недавно переселившиеся в город⁹ представители семейства Энгельшалков¹⁰, которые, вступив в ряды городского бюргерства, активно включились в занятия оптовой

торговлей и к концу первой четверти XV в. достигли значительного политического влияния¹¹. Судя по всему, ряд семейств швабских дворян, переселившихся в Аугсбург, были приняты в патрицианскую корпорацию, хотя не всем из них удалось удержать за собою позиции в этой корпорации и в рядах городской знати вообще. К примеру, аугсбургские патриции семейства Шонеков, которые вели происхождение от старинного рода швабского рыцарства, после цехового переворота 1368 г. вступили в одну из торгово-ремесленных корпораций и, по свидетельству Давида Лангенмантеля, позднее даже «превратились в простых ремесленников»¹². Подобные социальные метаморфозы, сопровождавшиеся резким понижением социального статуса представителей городской знати, были связаны прежде всего с перемещением центра экономических интересов в обществе с феодального землевладения на денежные операции, торговлю и даже «ручное ремесло». Далеко не всегда, однако, события развивались именно таким образом, поскольку на практике имели место и иные варианты социальных метаморфоз патрицианских семейств Аугсбурга.

К знатым патрицианским семействам принадлежали Паппенгеймы, которые многие десятилетия XIV–XV вв. обладали должностью имперских фогтов Верхней Швабии. Между тем еще в конце XIV в. они имели бюргерские права и недвижимую собственность в Аугсбурге¹³, но уже в начале XV в. по сути дела полностью порвали с городом¹⁴ и перешли в ряды сельского дворянства. Один из актов городского казначейства называет Генриха Хейлиггробера «рыцарем»¹⁵. Я. Штридер также относит Хейлиггроберов к числу «бюргеров-землевладельцев» и подчеркивает их тесную связь с феодальным дворянством¹⁶. Очевиден и тот факт, что феодальные интересы преобладали у обоих семейств и определяли их социально-политическую ориентацию. Это же объясняет причину разрыва семейств Паппенгеймов и Хейлиггроберов с городской общиной, которая, если так можно сказать, «отторгла» их как чужеродных элементов. Впрочем, такой, на что указывают свидетельства историков, была судьба не только Паппенгеймов и Хейлиггроберов.

Представители семейства Швигеров фон Миндельбергов еще в конце XIII в. выступали в роли типичных феодалов-землевладельцев и сеньоров¹⁷, а в середине XIV в. один из них поставил свою подпись под весьма примечательным документом: в этом документе он, «ради предотвращения вражды и не-

доразумений», отказывается от каких-либо претензий к местному епископу и правящему совету города, по приказу которых был разрушен принадлежавший Швиггерам замок Миндельберг¹⁸. После этих событий, потерпев военное поражение, Швиггеры вынуждены были поселиться в городе и в конце 70-х годов того же столетия проживали в нем на так называемом «Кошачьем подворье»¹⁹. В то же самое время источники ничего не сообщают о превращении Швиггеров в бюргеров. Между тем известия о них к концу XIV в. исчезают из анналов истории. Умолчание, скорее всего, свидетельствует о том, что превращение Швиггеров в бюргеров не состоялось.

Переселение из рыцарских замков в город и даже приобретение бюргерских прав отнюдь не во всех случаях свидетельствовало о необратимости социального процесса превращения представителей феодального дворянства в бюргеров. То же самое можно сказать о министриалах церкви. По словам историкографа патрицианских семейств Аугсбурга Пауля фон Штеттена-младшего, Бургграфы вели происхождение от министриалов местного епископа, и представители этого семейства только в 1365 г. стали обладателями бюргерских прав, а через три года (сразу же после цехового переворота) перешли в ряды сельского дворянства²⁰. Однако акты городского казначейства называют Ульриха Бургграфа членом капитула кафедрального собора Аугсбурга²¹. Поэтому точнее все же было бы сказать, что одни Бургграфы после кратковременного пребывания в рядах городского бюргерства возвратились в ряды католического клира и министриалов местного епископа, другие – перешли в ряды дворянства. В этом отношении с ними схожа судьба патрицианского рода Фицтумов. В бумагах городского казначейства середины и начала второй половины XIV в. лишь упоминается о владельцах рент – Конраде Фицтуме фон Вельхейне и его внебрачном сыне²². Между тем еще на рубеже XIII–XIV вв. Фицтумы принимали самое активное участие в торговых операциях на рынках Тироля и в банковско-ростовщических сделках с местным княжеским двором²³. Во всех упомянутых выше документах они называют себя «бюргерами Аугсбурга». Однако, вероятно, уже к концу 70-х годов XIV в. Фицтумы довольно неожиданно «для наблюдателя со стороны», которому не известны подлинные обстоятельства и мотивы такого шага, порывают с социальной средой, открывшей им путь к богатству, и возвращаются в ряды «благородных сословий» феодального

общества: клира католической церкви и сельского дворянства. Отсюда можно заключить, что приобщение Бургграфов и Фицтумов к городскому образу жизни и сближение с городским бюргерством носили кратковременный и, главное, преходящий характер. Превращение представителей этих семейств в бюргеров средневекового города, можно сказать, так и не состоялось. Представители обоих семейств в конечном счете остались в «феодальной среде обитания».

* * *

Вторую группу аугсбургского патрициата первого типа составляют семейства Бютрихов, Ридлеров, Шренков и Бартов. «Книги рент» городского казначейства Аугсбурга называют их «бюргерами Мюнхена», хотя на самом деле они являлись политическими эмигрантами и входили в группировку аугсбургского патрициата, представители которой не признали «справедливый и законный» совершившийся в 1368 г. политический переворот и по этой причине отправились в добровольное изгнание. Однако судьбы эмигрантов оказались разными.

Богатые инвесторы городского казначейства Аугсбурга Бютрихи²⁴ принадлежали к числу патрицианских родов этого города, но в 1368 г. оказались в числе противников нового правящего совета и по этой причине эмигрировали из города²⁵. Более того, по свидетельству городских хронистов, Бютрихи встали на путь открытой конфронтации с установленным в Аугсбурге «цеховым правлением», и один из них, по имени Якоб, в 1374 г. был объявлен «врагом города» и за его голову магистрат назначил крупную денежную премию²⁶. В эти же годы Бютрихи были аноблированы императором, получили дворянский титул фон Рейхсартцтхаузенов и в 1394 г. вели междуусобную войну (файд) с аугсбургскими патрициями Онзоргами, история которой обстоятельно изложена в хронике Буркарда Цинка²⁷. Известно также, что после событий 1368 г. Бютрихи стали бюргерами Мюнхена и Майнца, а некоторые представители этого семейства перешли в ряды дворянства. По крайней мере именно такой переход совершил Якоб Бютрих. И все же Бютрихи не порвали с родным городом полностью, о чем свидетельствует, кстати, тот факт, что они и после 1368 г. продолжали владеть рентами городского казначейства Аугсбурга. Заслуживает внимания и то, что буквально накануне цехового переворота, осенью 1368 г., Бютрихи одними из первых в Аугсбурге приобрели

«вечную» (наследственную) ренту его казначейства²⁸. В целом в социально-политическом облике Бютрихов еще очень сильно проступали феодальные черты, которые и делали вполне закономерным в условиях происшедших в конце 60-х годов XIV в. социально-политических перемен в жизни города переход Бютрихов на враждебные цеховому правящему совету Аугсбурга позиции. Судьбы Бютрихов и им подобных представителей городской верхушки убедительно свидетельствуют об их ориентации на «феодалное окружение». Именно последнее обстоятельство, по всей видимости, оказало решающее влияние на линию политического поведения Бютрихов в 1368 г. и привело это патрицианское семейство к эмиграции из родного города.

Семейство Бартов К. Босль относит к числу древнейших патрицианских родов Аугсбурга²⁹. Однако есть основания выразить сомнение в правомерности такой версии: один из документов 30-х годов XIV в. говорит о Бартах как клириках церкви³⁰. Акты городского казначейства Аугсбурга конца XIV – начала XV в. называют Ганса Барта «бюргером Мюнхена»³¹. Отсюда можно заключить, что Барты получили бюргерские права и вступили в патрицианскую корпорацию Аугсбурга, вероятно, только в конце первой половины XIV в., и их пребывание в ней и в общине города вообще было непродолжительным. Эмиграция как Бартов из Аугсбурга, так и Бютрихов, носила необратимый характер. Источники, к сожалению, ничего не сообщают о мотивах разрыва Бартов с городом. Эти источники, однако, ничего не говорят о «выпадении» семейства Бартов из рядов городского бюргерства вообще. Вероятно, в данном случае речь идет лишь о смене Бартами, если так можно сказать, места жительства в имперском городе Аугсбурге на княжеский Мюнхен. По крайней мере основания для другой версии отсутствуют.

Во роли инвесторов городского казначейства Аугсбурга во второй половине XIV в. выступали и «бюргеры Мюнхена» Габриэль, Франц и Якоб Ридлеры³², причем последний в одном из актов казначейства назван «тестем Ганса Лангенмантеля цу Вергунген», представителя знатного и влиятельного патрицианского семейства Аугсбурга. О Якобе и Франце известно, что они к 1396 г. вернулись в Аугсбург и снова стали бюргерами этого города, входили в число его богатейших жителей, инвестировали значительную часть нажитых торговлей и ростовщичеством денежных средств в облигации городского займа³³. Сын Франца – Ганс Ридлер – обладал правами фогтства в деревнях

Батценхофен, Тефертинген и Харблинген, расположенных в радиусе 15–20 км от Аугсбурга³⁴. Ридлеры владели участками земли и поблизости от городских стен³⁵. Последние факты указывают на их тесную связь с феодальным землевладением и обладание сеньориальными привилегиями. В XV – начале XVI в. Ридлеры активно участвовали в политической жизни города, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что представители этого семейства городской знати двадцать раз избирались на высшую в магистрате должность бургомистра от купеческой гильдии³⁶. Ридлеры принадлежали к олигархической верхушке Аугсбурга, с 1478 г. входили в корпорацию «*Mehrer der Gesellschaft*», но представители этого семейства, несмотря на древность их рода и активное участие в управлении городом, так и не смогли после реформы 1538 г. вернуться в ряды патрициата³⁷. Семейство Ридлеров являло собою пример политических эмигрантов, которые нашли путь примирения с «цеховым правительством» и, используя членство в одной из городских корпораций (купеческой гильдии), восстановили политическое влияние в городе, но этому семейству так и не удалось вернуть утраченные позиции в патрицианской корпорации. Дело в том, что экономическое положение Ридлеров к 1538 г. сильно пошатнулось, поскольку оказалось, что в условиях возникновения и распространения явлений раннего капитализма это положение невозможно было поддерживать старыми средствами. Ренты городского казначейства и участие в феодальном землевладении оказались недостаточными гарантами материального благополучия и социального престижа этого семейства городской знати.

В патрицианскую корпорацию Аугсбурга до цехового переворота 1368 г. входили также Шренки, которые, по свидетельству Клеменса Егера и Давида Лангенмантеля, в 1368 г. сначала покинули город, выразив тем самым несогласие с установлением «цехового правления», но затем примирились с последним и вернулись из добровольного изгнания³⁸. Акты городского казначейства дают основания для вывода: во-первых, вряд ли все Шренки покидали родной город после событий цехового переворота; во-вторых, Бартоломеус Шренк возвратился в Аугсбург только между 1390 и 1396 г.³⁹; в-третьих, еще в конце XIV в. Шренки были богатыми людьми⁴⁰, но уже с начала XV в. их имена исчезают из городских анналов. Произошло это, вероятно, по причине пресечения «древнего рода» городской знати Аугсбурга: в актах «Книг рент» и других источниках

потомки мужского пола у Ганса, Бартоломеуса и Маркварда Шренков не упоминаются.

Итак, если для Бартов и Бютрихов разрыв с общиной Аугсбурга носил необратимый характер, Ридлеры и Шренки нашли пути примирения с «цеховым режимом» и вернулись в родной город. Вряд ли может возникнуть сомнение, что линия политического поведения представителей этих патрицианских семейств в первую очередь определялась их экономическими интересами. Решающее значение при этом имела ориентация патрицианских семейств: или на феодальное землевладение и привилегии феодального происхождения, или на торговую, банковско-ростовщическую и предпринимательскую деятельность. При первом варианте эти семейства с большим основанием можно отнести к одной из прослоек господствующего класса феодального общества, чем к городскому бюргерству; при втором варианте патриции достигали определенной степени эмансипации от интересов этого класса и «феодального окружения», совершая социальную метаморфозу в другую «социальную страту» (городского бюргерства) и приобретая черты, принципиально отличные от их прежнего социального статуса.

* * *

В третью группу аугсбургского патрициата первого типа входили семейства, которые после цехового переворота 1368 г. остались в патрицианской корпорации и, если следовать официальной версии событий этого года, действительно жили за счет доходов с землевладения и процентов с инвестиций в ренты городского казначейства. В эту группу входили такие патрицианские семейства, как Лангенмантели, Онзорги, Раппольты, Портнеры, Релингеры, Хангеноры и Хофмайеры. Так ли все это было на самом деле?

Самым многочисленным и одним из наиболее влиятельных в политической жизни Аугсбурга было патрицианское семейство Лангенмантелей⁴¹. Источники свидетельствуют о том, что никто из представителей семейства Лангенмантелей не только не перешел после событий политического переворота 1368 г. в торгово-ремесленные корпорации города, но и все они, без исключения, вели образ жизни патрициев-рантье⁴² и «городских дворян». Тому можно найти объяснение. Лангенмантели, которых Г. Планиц относит ко «второй по древности ветви аугсбургского патрициата»⁴³, вели свое происхождение от деревенских

дворян и на протяжении всего периода «городского существования» не порывали с феодальным землевладением⁴⁴. Ганс Лангенмантель в одном из актов городского казначейства середины XIV в. назван «рыцарем и бюргером Аугсбурга» (ritter und burger Augspurgs). Еще в 1337 г. он стал обладателем «кровавого бана» – высшей уголовной юрисдикции – в Цусмарсхаузене⁴⁵, фактически заняв место феодального сеньора этого рыночного местечка. В 1372 г. Лангенмантели за 2100 гульденов по договору с баварским герцогом в качестве лена приобрели вместе с сеньориальными правами княжеский городок Вертунген⁴⁶ и добавили к своей фамилии титул «цу Вертунген». Анна Лангенмантель в начале XV в. владела в качестве сеньории в сельской округе Аугсбурга деревней Эйхштеттен⁴⁷, а Ганс Лангенмантель фон Шпаррен – сеньорией Радау поблизости от Геттингена⁴⁸. Лангенмантели были также собственниками нескольких земельных участков в «нижнем городе» в самом Аугсбурге⁴⁹. Таким образом, причастность Лангенмантелей к землевладению не вызывает сомнения, и у Я. Штридера были достаточные основания относить этот патрицианский род к числу «городских дворян-землевладельцев»⁵⁰. Источники, казалось бы, рисуют образы типичных представителей феодального дворянства, социальную сущность и «сеньориальные интересы» которых не в состоянии скрыть даже высокие городские стены. И все же такой вывод вряд ли верно и точно отражал бы характер социальных метаморфоз, происходивших с семейством Лангенмантелей. Именно это обстоятельство побуждает продолжить исследование социального облика данного семейства.

Те же источники, с другой стороны, сообщают факты и иного плана. Еще в 1291 г. имена Лангенмантелей впервые появились в бумагах тирольского казначейства и через три года (в 1294 г.) упоминаются в записях сборщика пошлин в Триесте⁵¹. Так началось участие Лангенмантелей в посреднической торговле между Италией и Германией, которое в последнее десятилетие XIII и начале XIV в. они совмещали с банковско-ростовщическими операциями с княжеским казначейством графства Тироль в Инсбруке⁵². Правда, и на этом этапе социальных метаморфоз патрицианского семейства Лангенмантелей их торговая и банковско-ростовщическая деятельность порою приобретала, казалось бы, вполне отчетливо выраженные феодальные черты. Так, на рубеже XIII и XIV в. Конрад, Генрих, Хартман Лангенмантели, аугсбургские патриции Марквард Лаугингер и Генрих

Шонгауэр «откупили» у епископа Аугсбурга регалию⁵³ на сбор торговых пошлин в Штерцинге, а в 1301 г. Лангенмантели и некий Конрад Шмид получили от императора Альбрехта Габсбурга монополию на торговлю винами итальянского производства в германских землях к северу от Альп⁵⁴. Однако и в этих эпизодах в действиях Лангенмантелей на первом месте все же стояли интересы торговцев и банкиров-ростовщиков, а не феодальных сеньоров, так как их прежде всего привлекали выгоды, которые им приносила практика финансов княжеского двора и торговцев. Землевладение выступало здесь у Лангенмантелей скорее как средство достижения цели и «побочный продукт» этих интересов, а регальные права ими использовались в большей мере в качестве орудия движения к успеху на поле рыночных отношений, чем являлись мотивацией их деятельности.

Свидетельства источников в то же время убеждают в том, что интерес большинства Лангенмантелей к торговле и банковско-ростовщическим операциям резко упал уже к середине XIV в., и это большинство, особенно после цехового переворота 1369 г., отказалось от коммерческой деятельности. Но такая метаморфоза произошла не со всеми представителями семейства Лангенмантелей. Лангенмантели фон Рэ, как полагает В. Цорн, оказались в числе патрициев, которые хотя и не вступили в цехи, продолжали активно заниматься торговлей вопреки букве и духу «городской конституции»⁵⁵. Профеодалная ориентация с большей очевидностью проступает в образе жизни и характере деятельности Лангенмантелей фон Шпаррен. К сожалению, лакуны и неясности, как о том уже сказано выше, в актах «Книг рент» городского казначейства не дают возможности дифференцировать вклады представителей этих двух ветвей старинного патрицианского рода Аугсбурга. Ясно только одно: со второй половины XIV в. Лангенмантели фон Рэ также не играли значительной роли в экономической жизни города. В XV в., о чем можно сказать вполне определенно, на смену городской знати «старой формации», к которой принадлежали и Лангенмантели, пришли люди «новой формации», порывавшие с вековыми традициями и искавшие отличные от средневековых способы хозяйственной деятельности.

Однако нет правила без исключения. Владелец крупной аугсбургской компании Ганс Паумгартнер-младший, составляя опись скупленных фирмой Паумгартнеров в 20-е — 40-е годы

XVI в. паев горнорудных товариществ (Gewerkschaften) Тироля, называет в числе ее контрагентов, у которых были приобретены паи, и Лангенмантелей⁵⁶. Поэтому есть достаточно веские основания для гипотезы, что еще в самом начале XIV в. один из представителей этого семейства поселился и прочно обосновался в Тироле, а его потомки приняли самое активное участие в предпринимательской деятельности в горнорудной промышленности. Эта деятельность была вполне успешной примерно до рубежа первой и второй четверти XVI в. В дальнейшем Лангенмантели, как и многие другие «старые горнопромышленники», не выдержали конкуренции с крупными аугсбургскими торговыми компаниями и были вытеснены с поля предпринимательской деятельности⁵⁷. Приведенный эпизод из истории патрицианского семейства Лангенмантелей красноречиво свидетельствует о том, что многое в его судьбах, как, впрочем, и судьбах других семейств городской знати, зависело от стечения обстоятельств и личного выбора, который делали представители этих семейств в критических ситуациях.

Материалы источников бросают также достаточно яркий свет на колоритные фигуры аугсбургских патрициев из рода Онзоргов, которые, по терминологии Г. Планица, принадлежали к «третьей генерации» местного патрициата и появились в городе, по всей видимости, только в начале XIV в.⁵⁸ Акты аугсбургского монастыря св. Ульриха и Афры содержат свидетельства об активном участии Онзоргов в феодальном землевладении⁵⁹. Это находит подтверждение и в том факте, что уже в начале второй половины XIV в. они владели комплексом земель к западу от городских стен. Центром этих владений был замок Велленбург, принадлежавший Онзоргам. Они также обладали правами «деревенского суда», то есть низшей уголовной юрисдикцией, в Берхейме, Лютерсхофене, Анхаузене, Хаузене и Штеппахе. В 1384 г. император Карл IV Люксембург пожаловал Конраду Онзоргу и Генриху Герварту привилегию на учреждение еженедельных торгов и ежегодных ярмарок в рыночном местечке Бухлоэ. В связи с этим император «ради поддержания порядка» передал высшую уголовную юрисдикцию и разрешил аугсбургским патрициям в качестве символа их власти установить в Бухлоэ лобное место с виселицей⁶⁰. На тесную связь Онзоргов с феодальным землевладением в городской округе указывает также один из актов правящего совета Аугсбурга⁶¹. Из текста другого акта магистрата следует, что Он-

зорги были собственниками нескольких земельных участков и домов в самом городе⁶². Тот же Конрад Онзорг после смерти швабского «рыцаря-разбойника» фон Ферзе между 1330 и 1345 г. приобрел в качестве лена епископскую деревню Пферзе с замком, мостовой пошлиной и расположенной там мельницей⁶³. С 1338 г. Онзорги арендовали у местного епископа еще несколько мельниц⁶⁴. Участие Онзоров в прибыльном мельничном промысле, казалось бы, свидетельствовало о приобщении представителей семейства к бюргерским родам деятельности. Однако и во второй половине XIV в. интересы феодалов-землевладельцев у Онзоров все же преобладали над интересами торговцев и банкиров-ростовщиков. Именно этим на данном отрезке времени обуславливалась и линия общественного поведения Онзоров, которым в большей мере была присуща ментальность феодального дворянства, чем городского бюргерства.

Правящий совет Аугсбурга в 1376 г. изгнал Хартмана Онзорга из города, обязал его в трехкратном размере внести в городскую казну налог и впредь запретил ему владеть в городе «домами и дворами», так как было установлено, что он «повинен во многих бедах, причиненных городу»⁶⁵. По словам городского хрониста Буркарда Цинка, Хартман Онзорг «чинил насилия» и занимался, можно сказать, мошенничеством и рACKETOM: сделку на продажу одного дома он заключил сразу с двумя бюргерами; взяв у «одного гостя» бочонок вина, увез к себе в замок и отказался платить за него деньги⁶⁶. В 1394 г., о чем уже упоминалось выше, Хартман, Штефан и Иос-старший Онзорги стали участниками файда с Бютрихами. От враждебных действий против Бютрихов Иос-старший перешел к разбою и стал нападать на купеческие караваны⁶⁷. По выражению анонимного автора городской хроники, «от Онзоров никому не было покоя», и власти Аугсбурга прибегли к энергичным действиям по пресечению их опасного для города поведения. В 1396 г. Иос Онзорг-старший был арестован и на длительное время посажен в городскую тюрьму, а принадлежавший ему замок Велленбург по приказу правящего совета полностью разрушен⁶⁸. История конфликта Онзоров с магистратом, с одной стороны, показывает, насколько еще были сильны и влиятельны элементы «профеодальной ориентации» в городском патрициате; с другой стороны, свидетельствует о том, что основным источником существования для Онзоров оставалось феодальное землевладение (даже доходы по вкладам в городское казначейство, по всей видимости,

не имели для них большого значения)⁶⁹. Характер экономических интересов и образ жизни представителей патрицианского семейства Онзоргов объясняют также и причины острого конфликта одного из них – Иоса Онзорга-старшего – с бюргерской общиной имперского города.

Однако вряд ли на этом в повествовании о патрицианском семействе Онзоргов следует ставить точку. Спустя восемьдесят лет со времени конфликта Онзоргов с городской общиной мы становимся свидетелями примечательной метаморфозы в этом патрицианском семействе. В 1476 г. бюргерская оппозиция во главе с бургомистром «от цехов» Ульрихом Шварцем одержала триумфальную победу на выборах правящего совета Аугсбурга. Одним из ближайших сподвижников лидера бюргерской оппозиции оказался «бургомистр от общины» (то есть патрицианской корпорации) Иос Онзорг-младший⁷⁰, прадед или дед которого вызвал своими действиями всеобщее негодование и возмущение горожан. Если Шварца вернувшая себе в 1478 г. утраченную было власть правящая городская элита привлекла к суду и отправила на эшафот, то в отношении Онзорга, по всей видимости, она избрала иной способ расправы над опасным политическим противником. По словам хрониста Гектора Мюлиха, «29 апреля (1478 г. – Ю.Н.) бургомистр Иос Онзорг шел по улице, упал на землю и со стоном умер»⁷¹. Принимая во внимание сложившуюся к этому моменту в Аугсбурге ситуацию, есть достаточные основания полагать, что эта смерть не была результатом несчастного случая, обширного инфаркта или инсульта, а Иос Онзорг-младший погиб от руки наемного убийцы, которого направила на такое злодеяние вернувшаяся к власти в городе олигархия. И данный эпизод убедительно свидетельствует о том, каким образом правящая олигархия устраняла с политической сцены своих противников.

Черты феодальных сеньоров с достаточной очевидностью проступают в социальном облике Портнеров, представителей древнейшей ветви патрицианских родов Аугсбурга⁷². Около 1300 г. они получили в ленное держание сеньорию от местного епископа⁷³. В 1348 г. «двое Портнеров», один из которых в документе назван «рыцарем», другой – «бюргером», продали права фогтства и «деревенского суда» в Пфаффенхофене аугсбургскому монастырю св. Штефана, сохранив, однако, за собою там же все принадлежавшие им земельные владения⁷⁴. Один из актов магистрата того же времени упоминает Портнеров как обладате-

лей права на сбор пошлины на мосту через реку Лех (приток Дуная)⁷⁵. Тогда же Генрих Портнер-старший выступает в роли одного из организаторов еврейского погрома в Аугсбурге. Хронист, сообщая об этом событии, объясняет действия Генриха Портнера-старшего тем, что он задолжал евреям «множество (всякого) добра» и не желал его возвращать⁷⁶. Вполне возможно, что Генрих Портнер-старший сам брал займы у евреев-ростовщиков и использовал этот еврейский погром как средство избавления от кредиторов. Не исключено также, что он сам занимался ростовщичеством. Впрочем, это — лишь предположение. В большей мере очевиден тот факт, что денежные средства (по всей видимости, нажитые в оптовой торговле и, быть может, занятиями ростовщичеством), Портнеры использовали прежде всего на приобретение земельных владений. В январе 1349 г. правящий совет Аугсбурга принял решение об изгнании Портнеров из города и обязал их продать находившуюся недалеко от городских стен сеньорию вместе с рыцарским замком. Однако во время событий 1368 г. или вскоре после них один из Портнеров (Генрих Портнер-младший) вернулся в Аугсбург. Через несколько лет, о чем уже шла речь выше, он выдал замуж за преуспевающих цеховых мастеров трех своих дочерей. Этот шаг Генриха Портнера-младшего, вероятно, был продиктован в первую очередь соображениями экономического порядка⁷⁷. Все это, однако, не помешало Генриху Портнеру-младшему в 1392 г. занять должность городского фогта Аугсбурга⁷⁸, которую до второй половины XV в. занимали только дворяне. Отсюда следует, что время городского патрициата «старой формации» все же безвозвратно уходило в прошлое. Цеховой переворот 1368 г. укрепил тенденцию эмансипации семейств городской знати от «феодального окружения».

Представитель патрицианского семейства Аугсбурга Рудигер Раппольт после цехового переворота 1368 г. вошел в новый состав правящего совета города в качестве члена патрицианской корпорации и занял в нем должность «хранителя печати»⁷⁹. В 1372 г. все тот же Рудигер Раппольт, действуя вместе с шестью другими аугсбургскими банкирами-ростовщиками, предоставил магистрату необходимые средства на ведение военных действий «против заклятых врагов города» — швабского рыцаря Генриха Фридберга фон Шенека и герцога Фридриха фон Тека⁸⁰. Однако о Рудигере Раппольте также известно, что десять лет спустя (в 1382 г.) против него было выдвинуто обвинение «в

нарушении земского мира»; он подвергся аресту и судебному преследованию⁸¹. В 1389 г. Рудигер Раппольт, занимая высшую в правящем совете должность бургомистра, «расхитил общественные средства» и тем самым, по словам Гектора Мюлиха, «причинил общине Аугсбурга большой ущерб»⁸². В то же время Рудигер Раппольт выступал в роли активного инвестора городского казначейства⁸³. Поэтому о Раппольтах можно сказать, что они входили в группировку аугсбургского патрициата «старой формации», которая стремилась не к реставрации сеньориального режима или монополии власти патрициата (для решения этой задачи у нее уже не было ни политического влияния, ни материальных ресурсов), а к использованию самого механизма власти в корыстных целях, пытаясь таким образом возместить сокращение доходов от феодального землевладения.

Знаменитые аугсбургские оптовые торговцы, банкиры-ростовщики, предприниматели и политические деятели из семейства Релингеров были выходцами из сельского дворянства. Баварский рыцарь и владелец замка Шернек Грейнвальд фон Релингер, о чем рассказывает Пауль фон Штеттен-младший, в 1300 г. передал свой замок магистрату Аугсбурга и сам поселился в городе⁸⁴. Иначе излагает эти события в неопубликованной «Книге чести цехового правления» Клеменс Егер, по словам которого, только в 1332 г. сын Грейнвальда Ганс Релингер-старший продал свои земельные владения за 2610 фунтов пфеннигов и с двумя братьями поселился в Аугсбурге. Здесь один из братьев женился на Кларе Лангенмантель, другой – на Кунигунде Пфистер, а сын самого Ганса Конрад – на дочери первого аугсбургского богача Ганса Дахса-старшего. Благодаря этим брачным союзам Релингеры установили тесные родственные связи с местными патрициями, что способствовало успеху их деятельности в качестве банкиров-ростовщиков и крупных оптовых торговцев. В 1373 г. один из сыновей Ганса Релингера-старшего (уже упомянутый выше Конрад) стал самым богатым бюргером имперского города Аугсбурга⁸⁵. Спустя еще четверть века (в 1396 г.) тот же Конрад Релингер и его брат Ульрих также входили в число богатейших налогоплательщиков города и размерами своих состояний уступали только Дахсам и Вайерам (по прозвищу Мангмейстеры).

Примечательно, что уже к концу XIV в. инвестиции Релингеров как в землевладение⁸⁶, так и городские ренты⁸⁷ составляли незначительную долю в структуре их собственности. На не-

которое время (с рубежа XIII–XIV вв. и до середины XVI в.) в структуре собственности Релингеров возобладали «свободные формы капитала», свидетельствующие о характере экономической деятельности их владельцев и, можно сказать, в известной мере о степени эмансипации от ставшего им если не чуждым, то по крайней мере достаточно далеким их жизненным интересам «феодалного окружения».

В какой мере, однако, Релингеры были обязаны феодальной ренте в процессе аккумуляции своих состояний? В 1332 г. они продали большую часть своих земельных владений примерно за 700 гульденов⁸⁸, а к концу XIV в. их состояния уже превышали 10000 гульденов. Все эти богатства создавались на поле банковско-ростовщической деятельности и в оптовой торговле международного масштаба (при этом участие в венецианской торговле имело для Релингеров первостепенное значение)⁸⁹. Аккумуляция земельной ренты играла в этом процессе роль своего рода «стартового капитала», но вряд ли являлась средством обогащения Релингеров. В отличие от других дворянских семейств они относительно легко и быстро порвали со своим социальным прошлым и наживали состояния исключительно или по преимуществу коммерческо-предпринимательской деятельностью. Нажитые таким образом средства по прошествии времени (особенно со второй половины XVI в.) Релингеры вновь инвестируют в феодальное землевладение в городской округе и земельные участки в «нижнем городе» в самом Аугсбурге⁹⁰. Но было ли это возвращением к прошлому, повторением уже пройденного пути, движением в противоположном общественному прогрессу направлении?

Землевладение в различных его формах на раннем этапе эволюции патрицианско-дворянского семейства Релингеров служило показателем успехов его представителей на «рыночном поле» экономической деятельности и способом поддержания социального престижа. У нас есть основания сказать, что уже к концу XIV в., образно выражаясь, Релингеры-бюргеры взяли верх над Релингерами-дворянами. Социальные метаморфозы семейства Релингеров являют выразительный пример того, как по мере развития товарно-денежных отношений отдельные представители феодального дворянства вовлекались в сферу их влияния, что в конечном счете приводило к переселению дворянских семейств в город. В дальнейшем Релингеры порвали не только с сельским дворянством, но и с ориентировавшейся на

феодалное землевладение группировкой городского патрициата «старой формации» и прочно вошли в ряды городского бюргерства. Аккумуляция Релингерами посредством участия в торговле и банковско-ростовщических операциях больших денежных средств создавала им не только благоприятные экономические условия, но и социальные предпосылки для перехода к тому роду деятельности, который со второй половины XV в. приобрел черты раннекапиталистического предпринимательства. Это дало возможность и открыло перспективу превращения средневекового бюргера в буржуа Нового времени.

История семейства Релингеров позволяет четко выделить три этапа его социальной эволюции: на первом этапе произошло превращение сельских дворян в городских патрициев, на втором – они приобщились к бюргерским родам экономической деятельности (ростовщичеству и торговле) и, наконец, на третьем – стали капиталистами-предпринимателями в передовых отраслях промышленного производства того времени – текстильной и горной. Впрочем, третий этап социальной эволюции Релингеров не был продолжительным, так как уже со второй половины XVI в. резко возросли их инвестиции в феодалное землевладение и начался процесс «социальной рефеодализации» этого семейства городской знати и его возвращение в ряды феодального дворянства. Однако время изменило как характер феодального землевладения, так и само дворянство. Поэтому историю семейства Релингеров можно считать иллюстрацией спиралеобразного хода социальной эволюции городской знати на исходе Средних веков и в начале Нового времени.

Путь Релингеров к богатству, казалось бы, полностью повторяет семейство аугсбургских патрициев Ридереров. Однако последнее, в отличие от Релингеров, уже на раннем этапе своего городского существования средства, нажитые торговлей и ростовщичеством, инвестируют по преимуществу в ренты городского казначейства⁹¹, что быстро их превратило в типичных патрициев-рантье средневекового города. Даже участие в феодальном землевладении, по всей видимости, не имело для них большого значения⁹². Это также, хотя бы отчасти, объясняет, почему Ридереры, отойдя от активной экономической деятельности в качестве оптовых торговцев и банкиров-ростовщиков и превратившись в рантье средневекового города, не оставили сколько-нибудь заметного следа в истории города XV–XVI вв. Впрочем, такой была судьба не только семейства Ридереров.

Представители семейства Хангеноров появились в Аугсбурге только в XIV в.⁹³, вели происхождение, как утверждает Пауль фон Штеттен-младший, от семейства швабских дворян и жили прежде всего за счет доходов от землевладения⁹⁴. Вполне возможно, что сокращение этих доходов побудило Хангеноров к активному участию в политической жизни города и использованию общественных должностей в корыстных целях. Так, городские хроники сообщают, что 2 февраля 1375 г. на центральной площади Перлах при большом стечении народа был казнен баумейстер правящего совета города Мерклин Хангенор, который «расхищал и присваивал деньги, поступавшие [в казну] от сбора налогов»⁹⁵. Впрочем, заслуживает внимания и тот факт, что Хангеноры, о чем сообщает одна из городских хроник, пытались поправить свое положение, участвуя в банковско-ростовщических операциях⁹⁶. Прибыль от последних они, однако, инвестировали в феодальное землевладение⁹⁷ и ренты городского казначейства⁹⁸, которые, по всей видимости, к концу XIV в. превратились в основной источник существования семейства Хангеноров. Однако Хангеноры, занимаясь банковско-ростовщическими операциями и после цехового переворота, действовали в нарушение правовой нормы, установленной «городской конституцией». Поэтому вряд ли правомерно видеть в Хангенорах типичных представителей патрициата «старой формации», ориентировавшихся на феодальное дворянство и католическую церковь. Происходившие в жизни общества перемены не миновали и Хангеноров: они в большей мере были городскими рантье, чем феодальными сеньорами.

Представители семейства Хофмайеров долгое время ничем себя не проявляли в политической и экономической жизни города, и память о себе в его анналах XIV в. оставил, пожалуй, только Ульрих Хофмайер, который служил канцлером у баварских герцогов и в начале второй половины этого столетия совершил благочестивый вклад в пользу кафедрального собора Аугсбурга, пожертвовав средства на содержание городской богадельни⁹⁹. Как и большинство патрицианских семейств, Хофмайеры были тесно связаны с феодальным землевладением и вели, как полагает Я. Штридер, образ жизни «городских дворян»¹⁰⁰. Иллюстрацией тому могут служить акты городского монастыря св. Ульриха и Афры¹⁰¹. Структура собственности семейства Хофмайеров, в которой даже ренты городского казначейства Аугсбурга не играли роли¹⁰², в значительной степени, вероятно,

определяла и характер общественной деятельности представителей этого семейства, которым, как может показаться на первый взгляд, даже в конце XIV в. ближе были интересы феодального дворянства, чем городского бюргерства.

Хангеноров и Хофмайеров объединяет и еще одно важное обстоятельство. В 70-е годы XV в. в деятельности бюргерской оппозиции в Аугсбурге вместе с Иосом Онзоргом-младшим активное участие также принимали патриции Вильгельм Хангенор и Маркс Хофмайер¹⁰³. Правда, мотивы участия Хангенора и Хофмайера в общественном движении в еще большей мере неясны и непонятны нам, чем мотивы Иоса Онзорга. С другой стороны, заслуживает внимания тот факт, что со второй половины XV в. в патрицианской корпорации Аугсбурга происходили глубокие и необратимые изменения, которые и не позволили ей проявить единодушную корпоративную солидарность в один из ответственных и поворотных моментов социально-политической истории города.

Комплексное изучение материалов источников с достаточной степенью достоверности позволяет установить, что большинство представителей третьей группы аугсбургского патрициата первого типа действительно (как утверждалось и в официальной версии) существовали прежде всего за счет доходов от землевладения, рент городского казначейства и их эмансипация от «феодального окружения» протекала крайне медленными темпами. К тому же, источники указывают на дворянское происхождение патрицианских семейств Онзоргов, Хангеноров, Хофмайеров, Релингеров и делают возможной гипотезу о таком же (или из министериялов церкви) происхождении и в отношении остальных семейств данной группы. По крайней мере очевидно, что тесная связь с феодальным землевладением является характерной чертой социального облика патрицианских семейств этой группы и объясняет причины конфронтации некоторых из них с городской общиной. Пожалуй, только для представителей семейства Релингеров уже к концу XIV в. феодальное землевладение и сеньориальные привилегии стали достоянием прошлого, или, точнее, утратили для них решающее значение, хотя и для Релингеров это не означало в исторической перспективе перманентной социальной эволюции в буржуа Нового времени. С другой стороны, заслуживает внимания и тот факт, что три представителя патрицианских семейств Аугсбурга – Иос Онзорг, Вильгельм Хангенор и Маркс

Хофмайер – в 70-е годы XV в. приняли активное участие в общественном движении во главе с Ульрихом Шварцем, ориентация которого на прокапиталистические элементы бюргерства – уже в достаточной мере установленный факт¹⁰⁴.

* * *

К четвертой группе аугсбургского патрициата первого типа следует отнести семейства Лангов, Пфетнеров, Фогелей и Шонгауэров, которые, согласно официальной версии событий цехового переворота 1368 г., также сохранили за собою позиции в патрицианской корпорации. Однако свидетельства других источников побуждают выразить сомнение в соответствии данной версии действительности.

Официальная версия, на первый взгляд, отражает истину, когда речь идет о семействе Лангов. В 1303 г. Конрад Ланг сыграл значительную роль в подавлении мятежа Зибото Штольцкирша, целью которого было свержение коммунального строя в городе. Сам Конрад в первой половине XIV в. неоднократно занимал должность баумейстера в правящем совете Аугсбурга¹⁰⁵. Известно, что в то же время Ланги принимали участие в торговле на тирольском рынке и в банковско-ростовщических операциях с княжеским двором в Инсбруке¹⁰⁶. Акты монастыря св. Ульриха и Афры указывают на «причастность» Лангов к землевладению и сеньориальным сервитутам в городской округе¹⁰⁷. Пауль Ланг, который в «Salbuch» (особая книга магистрата, куда заносились имена владельцев и арендаторов земельных участков в городской черте) за 1401 г. назван арендатором у монастыря св. Стефана дома и усадьбы в «нижнем городе»¹⁰⁸, в 1426 г. был избран бургомистром Аугсбурга от патрицианской корпорации (von den burgern)¹⁰⁹. Однако инвестор городского казначейства Генрих Ланг в одном из актов конца 70-х годов XIV в. назван «солеваром»¹¹⁰. Другой инвестор того же казначейства Ульрих Ланг¹¹¹, исполняя в 1389 г. обязанности старшины корпорации ткачей, приобрел у патрициев Ильсунгов два дома на нужды своей корпорации¹¹². Об Ульрихе Ланге также известно, что в 80-е и 90-е годы XIV в. он восемь раз избирался членом цехового комитета (цвельфером) корпорации ткачей¹¹³. Отсюда следует, что только части представителей семейства Лангов удалось сохранить после событий цехового переворота 1368 г. позиции в рядах городского патрициата, а другая их часть перешла в цехи; именно последними и были совершены вклады в

городское казначейство. Представители этой «цеховой ветви» патрицианского рода Лангов вошли в ряды городского бюргерства и прочно связали с ним свои интересы и судьбы, посвятив себя бюргерским родам хозяйственной деятельности. Впрочем, таким был жизненный путь не одних только Лангов.

По свидетельству Клеменса Егера и Давида Лангенмантеля¹¹⁴, представители патрицианского семейства Пфетнеров после цехового переворота остались в патрицианской корпорации, а Пауль Пфетнер вошел в состав первого «цехового правящего совета» в качестве ее представителя¹¹⁵. Однако один из актов городского казначейства (1378 г.) называет Пауля скорняком¹¹⁶. Отсюда можно заключить, что между 1368 и 1378 г. состоялся его переход из патрицианской корпорации в цех скорняков. Упомянутая в другом акте того же казначейства Прангерин Пфетнер, обладательница небольшой ренты финансового ведомства города, названа в акте последнего «розничной торговкой» (*scamerin*)¹¹⁷. На основании всех этих фактов можно сделать вывод, что вопреки официальной версии вскоре после событий цехового переворота состоялся переход в торгово-ремесленные корпорации Аугсбурга патрицианского семейства Пфетнеров, представители которого, таким образом, прочно связали свои интересы с интересами средних слоев городского населения («среднего класса», или «бюргерства» в узком смысле этого слова) и фактически порвали отношения с патрицианскими семействами, ориентировавшимися на министерялов католической церкви, сельское дворянство и феодальное землевладение.

Примечательна также судьба патрицианского семейства Фогелей. Известно, что, согласно официальной версии, после цехового переворота Фогели остались в корпорации аугсбургских патрициев, а Ганс Фогель в 1368 г. был избран бургомистром города «от патрициев» (*von den burgern*) и вместе с Гансом Вессисбруннером-старшим возглавил первый «цеховой правящий совет». До конца XIV в. представители патрицианской ветви этого рода еще десять раз занимали высшую в магистрате должность бургомистра. Однако в 1368 г. в правящий совет Аугсбурга также вошел и старшина цеха крамерей Конрад Фогель¹¹⁸. В последней четверти XIV в. Фогели постоянно выступали в роли инвесторов городского казначейства Аугсбурга, причем вклады в него совершали только представители патрицианской ветви семейства Фогелей¹¹⁹, и в актах этого казначейства ни разу не упоминаются имена представителей бюргерской ветви

этого семейства — Конрада Фогеля и его наследников. Известно, что сам Конрад до конца первого десятилетия XV в. владел земельным наделом, который на исходе жизненного пути подарил одному из городских монастырей¹²⁰. Все это дает основания для гипотезы, что причиной перехода Конрада Фогеля в объединение городских розничных торговцев-крамерей были в первую очередь обстоятельства экономического порядка. Между тем еще в начале второй половины XV в. патрицианская ветвь рода Фогелей прервалась, и в 1538 г. в числе других членов «*Mehrer der Gesellschaft*» в корпорацию патрициата Аугсбурга были приняты Фогели из цеха крамерей¹²¹. Отсюда следует, что некоторые члены семейства Фогелей не только перешли в ряды цехового бюргерства, но и благодаря успехам в торговле и банковско-ростовщической деятельности им удалось восстановить временно было утраченные социальные позиции и вернуть политическое влияние, заняв место в патрицианской корпорации Аугсбурга и в рядах городской знати.

Источники сообщают, казалось бы, о том, что на рубеже XIV—XV вв. состоялся переход в ряды духовенства католической церкви и феодального дворянства старинного патрицианского рода Шонгауэров, который достиг вершины своего влияния еще в начале второй половины XIII в., когда Шонгауэры в 1253 г. получили в качестве заклада несколько мельниц и «майерских дворов» местного епископа в городской округе, пошлины на мосту через реку Лех, в 1259 г. — рыночную пошлину в самом городе и в 1269 г. — должность бургграфа, которая была регалией епископа¹²². Однако участие Шонгауэров в землевладении, судя по всему, сильно упало уже к середине XIV в. и к началу XV в. ограничивалось городскими стенами¹²³. Заслуживает внимания и тот факт, что до цехового переворота 1368 г. Шонгауэры неоднократно занимали должность бургомистра, которой они ни разу не обладали после 1368 г. В то же время разрыв Шонгауэров с городом не носил характера жесткой конфронтации. Основатель бюргерской ветви этого рода Ганс Шонгауэр еще в 1396 г. входил в число богатейших налогоплательщиков города и обладал значительным состоянием, около трети которого приходилось на инвестиции в городское казначейство¹²⁴. Это дает основание для вывода, что Шонгауэры долгое время жили прежде всего за счет доходов с рент городского казначейства, землевладения и должностей министриалов епископа. Поэтому, казалось бы, мало что связывало Шонгауэров не только

со средними слоями городского населения, но и патрициями «новой формации». В то же время, быть может, еще Ганс Шонгауэр по причине недостаточности после продажи земельных владений доходов от городских рент вступил в объединение городских ремесленников-ткачей. Определенно мастером корпорации ткачей являлся Конрад Шонгауэр, который стал предком, как о том сказано выше, художника эпохи Возрождения Мартина Шонгауэра¹²⁵. Таким образом, патрицианское семейство Шонгауэров являет собою пример широкой социальной диффузии, которая выразилась в появлении его представителей (выходцев дворян и министерялов церкви) в рядах городских цеховых мастеров, рантье и деятелей культуры.

История патрицианских семейств Аугсбурга четвертой группы первого типа представляет интерес прежде всего по той причине, что свидетельствует о сближении части представителей аристократических родов позднесредневекового города со средними слоями бюргерства. Это сближение происходило в первую очередь на почве общности их экономических интересов. Оно означало хотя бы относительную, но эмансипацию части городской верхушки от феодальных источников доходов и средств существования, что являлось следствием ее перехода к банковско-ростовщической и купеческой деятельности, а отдельных представителей патрицианских семейств — даже к занятиям «ручным ремеслом».

* * *

В пятую группу аугсбургского патрициата первого типа входят семейства Штольцкиршей, Ратзамов, Ричардов, Миннеров, Приолей и Равенсбургеров. Согласно официальной версии, уже к концу XIV — началу XV в. произошло пресечение этих патрицианских родов или они полностью утратили влияние в экономической и общественной жизни городов. Так ли это было на самом деле?

Известно, что Штольцкирши были выходцами из министерялов местного епископа и владели землей за городскими стенами¹²⁶, а также связывали свои интересы и благополучие с выгодами от замещения различных административных должностей¹²⁷. Однако к середине XIV в. этот патрицианский род на самом деле утратил былое значение и влияние в общественной жизни Аугсбурга, а в конце этого столетия произошло его пресечение. Последняя представительница рода Штольцкиршей —

монахиня обители в Обершененфельде¹²⁸, где обычно поселялись избравшие монашескую жизнь дочери швабских дворян и тех городских патрициев, генетическая связь которых с феодальным дворянством не вызывала сомнения. Поэтому можно сказать, что в конце XIV в. некогда влиятельный род Штольцкиршей угасал в тишине монастырской обители. Между тем еще в начале столетия Штольцкирши пользовались большим политическим влиянием не только в Аугсбурге, но и далеко за его стенами. Об этом свидетельствует закончившийся поражением в 1303 г. мятеж Зибото Штольцкирша, целью которого была реставрация сеньориального режима в городе, но теперь уже под эгидой не епископа, а светского дворянства. Вполне возможно, что мятеж был инспирирован баварскими герцогами из династии Виттельсбахов, которые предприняли попытку подчинить княжеской власти такой богатый город, как Аугсбург, занимавший, к тому же, выгодное стратегическое положение на пересечении важнейших магистралей европейской континентальной торговли. Поражение мятежа Зибото было началом заката дворянско-патрицианского рода Штольцкиршей, имена представителей которого уже к исходу XIV в. окончательно исчезают из городских анналов.

Во второй половине XIV – начале XV в. происходит упадок и пресечение и ряда других патрицианских семейств Аугсбурга. Обращаясь к данной теме, прежде всего следует назвать инвесторов городского казначейства Ратзамов¹²⁹ и Ричардов¹³⁰, которые еще на рубеже XIII–XIV вв. принимали активное участие в международной торговле и банковско-ростовщических операциях¹³¹. К концу XIV в. прекращаются упоминания в источниках о других инвесторах аугсбургского казначейства – Хальбхерах¹³². Во второй половине того же столетия падает влияние как в экономической, так и политической жизни города патрицианских семейств Миннеров¹³³, Приолей¹³⁴ и Равенсбургеров, что нашло отражение в «Книгах рент» городского казначейства¹³⁵. Причем Миннеры и Равенсбургеры еще в конце XIII – первой половине XIV в. участвовали в престижной и прибыльной венецианской торговле, а банковско-ростовщические операции связывали их с княжеским двором в Инсбруке¹³⁶. Изменение рыночной конъюнктуры и появление сильных конкурентов в лице прежде всего нюрнбергских банкиров-ростовщиков подорвали позиции Миннеров и Равенсбургеров в посреднической торговле и финансовой сфере. Однако для тех и других,

как оказалось, это было временным и преходящим явлением, и в XV в. им удалось вернуть утраченное материальное благополучие, а Равенсбургерам – и влияние в политической жизни города. Снижение деловой активности Приолой в значительной мере было обусловлено изменением социально-экономической ориентации представителей семейства, интересы которых окончательно сместились в сторону феодального землевладения и сельского дворянства¹³⁷. Даже ренты городского казначейства утратили для них значение в качестве источника существования. Именно все эти обстоятельства и предопределили «выпадение» Приолой из рядов городской знати.

* * *

Таким образом, различные группы аугсбургского патрициата первого типа являют собою достаточно широкий спектр социальной стратификации верхушечной прослойки городского населения. В одних случаях мы видим, как представители патрицианских семейств, еще не успевшие порвать с «феодальным окружением», растворялись в нем (первый вариант развития), в других – происходила более или менее отчетливо выраженная их эмансипация от феодальных интересов и осуществлялся переход в ряды городского бюргерства (второй вариант развития). По первому варианту совершались социальные метаморфозы патрицианских семейств Бургграфов, Бютрихов, Готшалков, Мюнцмейстеров, Паппенгеймов, Фицтумов, Хейлигтроберов, Швиггеров и Штольцкиршей, по второму варианту – Лангов, Лангенмантелей, Миннеров, Онзоргов, Портнеров, Пфетнеров, Равенсбургеров, Раппольтов, Ратзамов, Релингеров, Ридереров, Ридлеров, Ричардов, Хальбхеров, Хофмайеров, Фогелей. Экономической предпосылкой и платформой социальных метаморфоз при первом варианте были феодальное землевладение и привилегии «сеньориального происхождения», при втором – торговая, банковско-ростовщическая и даже ремесленная деятельность. Существовал и третий вариант, при реализации которого в патрицианских семействах происходил «раскол»: одни их представители возвращались в ряды сельского дворянства или министерялов церкви, другие же – прочно оседали в среде городского бюргерства. По третьему варианту вершились судьбы таких патрицианских семейств, как Ланги, Пфетнеры, Фогели и Шонгауэры. Этот вариант отразил значение принципа «выбора» в судьбах семейств городской знати. Рассмотрение

судеб патрицианских родов первого типа указывает на мобильность городской знати и ее дифференциацию как по количественным показателям (то есть масштабам состояний), так и по качественным критериям (то есть структуре собственности, источникам существования и характеру хозяйственной деятельности). Именно качественный критерий в значительной степени определял и линию социально-политического поведения представителей патрицианских семейств.

4.2. ПАТРИЦИИ – КУПЦЫ, БАНКИРЫ-РОСТОВЩИКИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Ко второму типу городского патрициата Аугсбурга, по классификации Р. Кислинга, относится небольшая группа семейств (Госсенброты, Ильсунги, Герварты и Дахсы), которые, согласно официальной версии, хотя и не перешли ни в одну из торгово-ремесленных корпораций, продолжали и после 1368 г. заниматься торговлей и банковско-ростовщическими операциями, грубо нарушая тем самым соответствующий запрет «Цеховой грамоты».

Известно, что Госсенброты наживали состояния, участвуя в банковско-ростовщических операциях и венецианской торговле¹³⁸, причем они, как утверждает В. Цорн, проявляли особый интерес и энергию в торговле итальянскими винами на западноевропейских рынках к северу от Альп¹³⁹. К моменту цехового переворота 1368 г. торговая и банковско-ростовщическая деятельность Госсенбротов развивалась успешно, и они пошли на нарушение правовой нормы, чтобы продолжить выгодную для них практику. Вполне возможно, что интересы банкира-ростовщика и стремление избавиться от опасных конкурентов являлись одним из мотивов, которые побудили Ганса Госсенброта принять участие в еврейских погромах и сыграть в них роль организатора. За это он вместе с одиннадцатью бюргерами других городов Южной Германии в 1383 г. был приговорен к смертной казни¹⁴⁰. Но в отличие от Генриха Портнера-старшего Ганса Госсенброта вряд ли можно назвать представителем политических сил, враждебных городской коммуне. Дело в том, что к началу второй половины XIV в. семейство Госсенбротов прочно связало свои интересы с интересами бюргерства, о чем,

в частности, свидетельствуют их инвестиции во второй половине того же столетия в городское казначейство Аугсбурга¹⁴¹. Что же тогда собою представляли аугсбургские патриции из семейства Госсенбротов?

Вполне достоверные факты позволяют нарисовать образы патрициев семейства Госсенбротов, для которых торговля и участие в банковско-ростовщических операциях были более приоритетными родами деятельности, чем инвестиции в землевладение, которое также, впрочем, не утратило для них значения, но стало играть иную, по сравнению с недалеким прошлым, роль¹⁴². По примеру других патрициев часть нажитых в оптовой торговле международного масштаба и ростовщических сделок денежных средств Госсенброты инвестировали в ренты городского казначейства. Однако эти ренты уже не определяли структуры их собственности, которая указывала прежде всего на то, что Госсенброты, в отличие от патрициев «старой формации», являлись не патрициями-рантье, а выступали в роли купцов и банкиров-ростовщиков. Именно это и обусловило линию социально-политического поведения членов этого семейства.

Источники содержат яркие факты о социально-политическом облике и характере экономической деятельности представителей знатного патрицианского рода Ильсунгов. Еще Я. Штридер установил, что это семейство аугсбургского патрициата вело происхождение от рода баварских графов Ильсунг фон Меринген; один из членов этого рода по неизвестной нам причине утратил большую часть земельных владений и в конце XII в. поселился в Аугсбурге¹⁴³. Ко второй половине XIV в. экономические интересы прочно связывали Ильсунгов с городским бюргерством. Поэтому Конрад Ильсунг, признав реальностью совершившийся в 1368 г. политический переворот, вошел в состав «цехового правящего совета» и занял в нем должность баумейстера магистрата, то есть главы финансового ведомства¹⁴⁴. Правда, внимание Ильсунгов продолжало привлекать землевладение за городскими стенами¹⁴⁵, но они же одновременно инвестировали деньги и в ренты городского казначейства¹⁴⁶. Ильсунги являлись также собственниками нескольких земельных участков и домов в городской черте¹⁴⁷. Однако основным интересом Ильсунгов в том же столетии стала крупная оптовая торговля международного масштаба и банковско-ростовщическая деятельность¹⁴⁸. Торговая компания Ильсунгов установила также тесные контакты с нюрнбергским предприятием Петера Штейнберга и

уже около 1360 г. появилась в Брабанте (средневековое герцогство, с конца XV в. одна из провинций Нидерландов). В самом начале XV в. (в 1405 г.) аугсбургская компания Георга Ильсунга и Леопольда Карга энергично вела торговлю на важнейшей европейской коммуникации: Фландрия¹⁴⁹ – Брабант – Милан – Генуя (используя по преимуществу рейнскую речную магистраль и Сен-Готардский перевал через Альпы)¹⁵⁰. Со Штейнбергами Ильсунгов связывали, к тому же, вексельные операции, которыми активно занимались обе компании¹⁵¹. На основании рассмотренных фактов можно заключить, что Ильсунги все более отдалялись от «феодалной среды обитания», которой они были обязаны своим происхождением. В первую очередь экономические интересы все теснее и прочнее связывали их с городским бюргерством. Сказанное выше, однако, отнюдь не означает, что, образно выражаясь, расставание Ильсунгов со Средневековьем состоялось уже в начале XV в.

Социальный облик Ильсунгов все же во многом типичен именно для средневековой городской знати. Им был присущ типичный образ «отцов города» и богатых негоциантов, с которым вряд ли вступает в противоречие необычайное даже для Средних веков католическое благочестие Ильсунгов, которое стало их семейной традицией. Ильсунги учреждают «вечные мессы», совершают пожертвования в пользу церковных корпораций и на оказание помощи беднякам, калекам и нищим. Так, к примеру, деньги, полученные от продажи домов корпорации ткачей, они употребили «на две вечные мессы» – вклады в пользу церкви св. Морица и кафедрального собора. Ульрих Ильсунг, являясь членом попечительского совета богадельни св. Якоба, 23 сентября 1365 г. пожертвовал на содержание этой богадельни и священника при ней 300 фунтов пфеннигов, публично объявив этот шаг результатом внушения со стороны самого Бога и заботой о спасении своей грешной души¹⁵². Годом раньше, в 1364 г., тот же Ульрих Ильсунг выкупил долговое обязательство магистрата, который задолжал кафедральному собору города 1280 фунтов пфеннигов. Отныне по воле дарителя городские власти обязаны были четыре раза в году в строго установленные сроки раздавать «всем бедным людям» по 1 пфеннигу милостыни¹⁵³. По подсчетам немецкого историка М. Бисле, благочестивый вклад Ульриха Ильсунга предполагал оказание помощи 2400 городским беднякам. Он же, исследовав проблему организации благотворительности в средневековом Аугсбурге, утверждает, что

«вечная рента» Ильсунга была первым крупным вкладом в создание фонда общественных средств с целью призрения нищих, калек, больных, стариков и бедняков. Долгое время, как полагает Бисле, эта рента оставалась примером, который не находил последователей¹⁵⁴. Отметим также, что образованный Инсульгом общественный фонд находился под контролем не католической церкви, а светских властей. В связи с этим возникает вопрос социально-психологического порядка, какие же мотивы лежали в основе этого поступка, и какова подоплека такого шага патриция и богатого купца: искреннее чувство христианского сострадания к обездоленным и несчастным людям, стремление к «оправданию земного бытия» и «спасению души» или ловкий ход одного из отцов города с целью завоевания признания горожан. По всей видимости, Ульрих Ильсунг в той или иной мере руководствовался всеми перечисленными мотивами.

К числу патрицианских семейств, которые продолжали активно заниматься предпринимательской деятельностью во второй половине XIV в., принадлежали и Герварты. Они, как показал еще Я. Штридер, хотя и не перешли в цехи, однако в то же время и после 1368 г. не отказались от оптовой торговли на международных рынках, среди которых для них особое место занимала Венеция¹⁵⁵. Причем в этой практике для Гервартов первостепенное значение имели операции с хлопком и льняными тканями¹⁵⁶. На их участие в «солидной» венецианской торговле указывают многочисленные факты, не оставляющие сомнения в путях обогащения этого патрицианского семейства. Уже во второй половине XIV в. Герварты жили по преимуществу за счет прибылей от торговли и банковско-ростовщической деятельности; доходы от рент городского казначейства¹⁵⁷ и феодального землевладения¹⁵⁸ вряд ли имели для них принципиальное значение. Все это не означает, однако, что Герварты полностью освободились от феодальных черт. Как известно, в 1384 г. Генрих Герварт (вместе с Конрадом Онзоргом) получил регальные права на проведение ежегодных ярмарок, высшую уголовную юрисдикцию и по сути дела занял место феодального сеньора (рядом с Онзоргом) в Бухлоэ. Через пять лет, в 1389 г., Генрих Герварт занял должность городского фогта Аугсбурга в качестве представителя швабского дворянства¹⁵⁹. И все же важнейшее другое: по роду деятельности и экономическим интересам Герварты все более отдалялись от феодального дворянства и тех представителей патрициата, основным источником суще-

ствования которых продолжало оставаться феодальное землевладение. Именно экономические интересы сближали Гервартов с верхушкой торгово-ремесленных слоев городского населения, в руках которой находились нити управления городом.

По данным податного кадастра 1396 г. самыми богатыми жителями Аугсбурга были Дахсы, которые величиной своего состояния в то время намного превосходили других представителей бюргерской верхушки. Также как Госсенброты, Ильсунги и Герварты, они хотя и сохраняли формально верность патрицианской корпорации, вместе с тем продолжали, нарушая соответствующее требование «Цеховой грамоты», активные занятия торговой и предпринимательской деятельностью¹⁶⁰. Заслуживает внимания и тот факт, что среди представителей городской знати – владельцев рент городского казначейства Аугсбурга – Дахсы занимали скромное место¹⁶¹. Глава семейства Ганс Дахс-старший предпочитал инвестировать денежные средства в торговлю и кредитно-финансовые операции, которые обеспечивали быстрое обращение капитала и приносили высокую норму прибыли. Причем экономические интересы и источники обогащения Дахсов, по всей видимости, принципиально не отличались от экономических интересов и путей обогащения других преуспевающих «на ниве рыночной экономики» представителей семейств бюргерской верхушки Аугсбурга. К примеру, в 1362 г. вместе с другими аугсбургскими банкирами-ростовщиками Ганс Дахс, между прочим, к немалой выгоде для себя принял участие в финансировании похода городского ополчения на рыцарский замок Цвингенберг¹⁶². Тот же Ганс Дахс находился в числе первых аугсбургских купцов, которые стали импортировать хлопок из Венеции в родной город¹⁶³. Его можно поставить в один ряд с другими крупными оптовыми торговцами, стоявшими, если так можно сказать, у колыбели новой для Аугсбурга текстильной отрасли – бумазейного производства. Эта отрасль приобрела значение одного из основных источников обогащения многих пионеров раннего капитализма в германских землях. Примечателен и тот факт, что первым среди тех, кто достиг на этом пути впечатляющего успеха, был Ганс Дахс. Однако означает ли сказанное выше, что произошла эмансипация интересов Дахсов от интересов «феодального окружения»?

Вряд ли может возникнуть сомнение, что Дахсы принадлежали к семействам городской знати «новой формации». Но это отнюдь не означало, что они утратили интерес к феодальному

землевладению. Так, Ганс Дахс-старший еще в 1350 г. приобрел у Онзоргов в Вилламсхаузене дом с приусадебным участком и два «крестьянских двора» с правами низшей юрисдикции («деревенским судом») над их держателями¹⁶⁴. Он же, как о том сообщает хронист Буркард Цинк, являлся владельцем расположенной поблизости от городских стен на берегу реки Лех мельницы¹⁶⁵. Последний факт указывает на участие Дахсов в прибыльном мельничном промысле. Содержание одного из актов монастыря св. Ульриха и Афры¹⁶⁶ делает вполне правдоподобной гипотезу, что те же Дахсы интерес к феодальному землевладению совмещали с эксплуатацией деревенских ремесленников, занятых в текстильном производстве, с помощью механизма так называемых раздач. В конечном счете все это указывает на сочетание в структуре собственности Дахсов свободных денежных средств, сферой приложения которых являлись торговля, кредитно-финансовые операции и текстильное ремесло, с инвестициями в землевладение, что, впрочем, было присуще представителям и других патрицианских семейств. Однако в отличие от патрицианских семейств «старой формации» Дахсы большую часть своих средств инвестировали в торговлю и зачаточные формы капиталистического предпринимательства в средневековом промышленном производстве. Инвестиции в землевладение являлись для них скорее побочным продуктом, чем целью экономической деятельности.

Итак, отличительными чертами экономической деятельности и социального облика аугсбургских патрициев второго типа является более тесная, чем у патрициев первого типа, связь с экспортно-импортной торговлей, которая переросла обычные рамки рыночного обмена. Крупные оптовые торговцы, занимаясь поставкой сырья и осуществляя сбыт готовых изделий на «дальних рынках», тем самым приобщаясь к производственному процессу, и оказывали на него существенное влияние. Вторгаясь в технологию самого процесса, они требовали производства стандартной и конкурентноспособной на международных рынках продукции. Эта тенденция отчетливо проявилась в практической деятельности Гервартов и особенно – Дахсов. Патриции второго типа в большей мере были заинтересованы в успешном развитии городского хозяйства и уже по этой причине обнаруживали меньшую, чем большинство патрициев первого типа (или «старой формации»), склонность к компромиссам с «феодальной средой обитания». В то же время это отнюдь не

означало полного, окончательного и необратимого их разрыва с феодальными институтами. Патриции второго типа продолжали сохранять связь с феодальным землевладением, но последнее перестало определять структуру собственности и экономические интересы патрицианских семейств данного типа. Феодальное землевладение стало служить прежде всего своего рода показателем успехов деятельности бюргеров на поле рыночных отношений и в силу приоритетов и ценностей того времени средством поддержания социального престижа. Вполне очевидна также причастность некоторых представителей патрициата второго типа к возникновению процессов первоначального накопления и генезиса капитализма. Вместе с тем обращает на себя внимание и тот факт, что представители семейств аугсбургского патрициата этого типа были богатыми или, по крайней мере, зажиточными людьми еще до событий цехового переворота 1368 г., поэтому затруднения экономического порядка вряд ли являлись для них лейтмотивом перехода в торгово-ремесленные цехи. Все они остались в патрицианской корпорации, но большинство из них продолжало, нарушая правовую норму, введенную «Цеховой грамотой», практику коммерсантов, банкиров-ростовщиков, предпринимателей и в новых условиях. Отношение представителей городской знати второго типа к установленному в городе «цеховому правлению» прежде всего было обусловлено характером их экономической деятельности, определявшим линию их социально-политического поведения и образа жизни. Впрочем, на линию их поведения могли оказывать влияние и другие факторы: семейные традиции, личные пристрастия, различные жизненные обстоятельства и т.д.

Завершая рассмотрение данного сюжета, следует отметить, что личные качества, способность принять неординарные решения сыграли исключительную роль в судьбах патрицианских семейств второго типа.

4.3. ПАТРИЦИИ В ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫХ КОРПОРАЦИЯХ

Третий тип аугсбургского патрициата образуют семейства городской знати, которые после событий цехового переворота 1368 г. вступили в торгово-ремесленные корпорации. Свидетельства источников¹⁶⁷, в которых получила отражение официальная

версия событий этого переворота, дает основание утверждать, что патрицианские семейства Вессисбруннеров, Зульцеров, Нердлингеров, Ремботов, Ремов и Эгенов перешли в купеческую гильдию города, Дендрихов и Флинсбахов – в цех розничных торговцев или крамерей (Cramer), Кранцев и Пфистеров – в цех портных и розничных торговцев тканями (Gewandschnyder), Хорнлинов – мясников. Дрехзели стали бондарями и торговцами съестными припасами (Hucker) – «коробейниками». Ганс Цотман в одном из актов городского казначейства назван «золотых дел мастером»¹⁶⁸. Это ставит исследователя перед дилеммой: Цотманы вступили в корпорацию кузнецов¹⁶⁹ или купеческую гильдию¹⁷⁰. Клеменс Егер в «Хронике цеха ткачей» и Давид Лангенмантель в «Истории правления в Аугсбурге», сообщая о переходе в цехи патрицианских семейств Бонпрехтов, Брейшухов, Тотов, Фельманов и Шнельманов, не указывают, однако, в какие именно торгово-ремесленные корпорации перешли эти семейства. Молчание источников делает возможной гипотезу, что упомянутые выше семейства не вступили ни в один из цехов и остались как бы за рамками корпоративного строя города. Мотивы перехода патрицианских семейств в торгово-ремесленные объединения могли быть разными, хотя вполне очевиден факт, что к началу второй половины XIV в. в социальной структуре городского населения и в самом патрициате произошли глубокие перемены. Перемены выразились, в частности, в имущественной дифференциации патрицианских семейств, в различии, даже противоположности их экономических интересов. Данным обстоятельством в значительной мере могла быть обусловлена, как о том уже сказано выше, неоднозначная реакция представителей патрицианских семейств на события цехового переворота 1368 г., которые сыграли чрезвычайно важную роль в судьбах патрицианских семейств города.

Теперь же, для того чтобы иметь более ясное, точное и близкое к истине представление о причинах перехода патрицианских семейств в цехи и о социально-политическом облике их представителей, рассмотрим события 1368 г. сквозь призму материалов источников, авторы которых находились от этих событий на достаточно близком по времени расстоянии, хотя уже и не были их очевидцами.

На социальные последствия этих событий, в частности, указывают продолжатели хроники Гектора Мюлиха. По их свидетельству, некоторые патриции оказались в числе тех бюргеров,

«которые с того самого времени стали [простыми] ремесленниками»¹⁷¹. Более обстоятельно этот сюжет освещает Ульрих Зульцер в жизнеописании своего рода, близком по содержанию «родословным книгам»¹⁷². Это «жизнеописание» Клеменс Егер включил в «Хронику ткачей». Зульцер пишет, что в течение двенадцати или даже четырнадцати лет после установления «цехового правления» патрицианская корпорация (*die Geschlechter*) оставалась «открытой», и любой патриций будто бы мог беспрепятственно перейти из своей корпорации в один из цехов, а цеховые мастера — в корпорацию патрициев. Но такое положение, по словам Зульцера, имело нежелательные последствия и являлось причиной «непослушания» в «простом народе». Цеховые мастера в нарушение «древнего обычая» будто бы проникали в ряды патрициата с помощью одних только брачных союзов. И автор «жизнеописания» в связи с этим рассказывает, что знатный патриций Генрих Портнер имел трех дочерей-красавиц и всех их выдал замуж за преуспевающих цеховых мастеров, чем вызвал недовольство и критику в свой адрес со стороны патрициев. Под влиянием стечения обстоятельств властями было принято решение, по которому никто, не имея на то достаточных оснований или с помощью одной только женитьбы, не мог претендовать на прием в патрицианскую корпорацию. Тот же Зульцер отмечает, что в первые годы «цехового правления» сложился порядок, позволявший ремесленникам свободно переходить из одного цеха в другой, что, опять-таки, порождало в «простом бюргерстве» (*in gemeiner burgerschaft*) множество ссор и обид. Поэтому патриции, как пишет Зульцер, настойчиво предлагали «цеховому правящему совету» принять меры к исправлению положения в городской общине и установлению строгих правил членства и в торгово-ремесленных корпорациях. Эти рекомендации, если поверить Зульцеру, магистратом были «с благодарностью приняты» и, главное, претворены в жизнь.

Однако интерпретация Ульрихом Зульцером событий цехового переворота 1368 г. и его последствий, по всей видимости, не лишена тенденциозности. По крайней мере описанный им факт перехода во второй половине XIV в. цеховых мастеров в корпорацию городского патрициата не нашел отражения в свидетельствах других источников и, скорее всего, не имел места в действительности. Это можно объяснить, помимо прочего, политическим поражением патрициата, объединение которого, по всей видимости, на какое-то время утратило притягательную

силу для представителей преуспевающей цеховой верхушки. В то же время свидетельства Зульцера о переходе патрицианских семейств в объединения городских ремесленников и торговцев вполне соответствуют действительности.

В связи с представленной выше версией Зульцера о последствиях событий 1368 г. целесообразно дать хотя бы краткую характеристику корпоративного строя ремесла и торговли имперского города Аугсбурга, что позволит более точно осветить картину перехода патрицианских семейств в торгово-ремесленные корпорации и их деятельности в новых социально-политических условиях «цехового правления». «Цеховой грамотой» в Аугсбурге учреждались семнадцать так называемых «политических цехов», к которым приравнивалась патрицианская корпорация, а также устанавливался порядок их представительства в органах городского самоуправления и особенно в «правлящем Малом совете»¹⁷³. «Цеховой список» (Zunftliste) за 1403 г. содержит более точные данные о торгово-ремесленных корпорациях города¹⁷⁴. В Аугсбурге в начале XV в. существовали следующие цехи: 1) цех купцов (или купеческая гильдия), который включал в свой состав владельцев торговых компаний, их факторов и других служащих; 2) цех ткачей, в который входили льноткачи и бумазейщики; 3) цех розничных торговцев (крамерей); 4) цех пекарей (или булочников); 5) цех мельников; 6) цех башмачников (или сапожников); 7) цех скорняков; 8) цех портных, объединенных в одной корпорации с розничными торговцами сукном и другими тканями; 9) цех пивоваров; 10) цех суконщиков, в который входили также изготовители военных доспехов, красильщики, валяльщики и белильщики; 11) цех плотников, где были объединены также ремесленники и других строительных профессий; 12) цех кожевников, к которому были «приписаны» переплетчики; 13) торговцы съестными припасами, объединенные с садовниками и канатчиками; 14) цех кузнецов, куда входили также стекольщики, живописцы и ювелиры; 15) цех бочаров, который включал также в свой состав столяров, токарей и каретников; 16) цех рыбаков; 17) цех солеваров (в 1379 г. торговцы солью объединились с торговцами вином и представителями ряда других профессий). Патрицианская корпорация, которая формально уравнивалась с торгово-ремесленными цехами, на самом деле сумела сохранить некоторые свои привилегии и вместе с ними преимущества при формировании учреждений городского самоуправления.

* * *

Интересы ряда патрицианских семейств еще до событий 1368 г. тесным образом переплетались с интересами крупных оптовых торговцев, выходцев из цехового бюргерства. «Высочки из цехов», как их называет Я. Штридер, своими богатствами порою не только не уступали, но и даже превосходили патрицианские семейства. Однако поскольку «высочки» не принадлежали к числу «старинных родов», обладавшим монополией на власть в городе, до 1368 г. они фактически не принимали непосредственного участия в управлении городом. С 1368 г. положение изменилось, и купечество получило представительство в правящем совете города. Это, хотя бы отчасти, объясняет, почему в купеческую гильдию после цехового переворота перешли представители 6 или 7 патрицианских семейств.

Из патрициев, перешедших в купеческую гильдию, на первое место следует поставить Вессисбруннеров. Ганс Вессисбруннер-старший был первым бургомистром, избранным в 1368 г. на эту должность «от цехов» (*von den zunften*)¹⁷⁵, так как во время событий этого года он встал на сторону городских ремесленников и торговцев, сыграв роль одного из лидеров движения широких слоев горожан «против правления патрициев»¹⁷⁶. Дело в том, что интересы «богатых торговцев солью Вессисбруннеров», судя по данным «Книги чести цехового правления», давно уже совпадали с интересами бюргерской верхушки и вступали в острое противоречие с интересами наиболее влиятельных патрицианских семейств, которые, опираясь на регальные права и привилегии, прибрали к рукам торговлю рядом товаров, в том числе солью¹⁷⁷. В конце XIV в. (к 1396 г.) престарелый Ганс Вессисбруннер-старший – зажиточный по тому времени человек, прекратив деятельность купца, большую часть денег инвестировал в городские ренты¹⁷⁸. «Уркунден» монастыря св. Ульриха и Афры в Аугсбурге¹⁷⁹, а равным образом – «уркунден» имперского города Кауфбойрена¹⁸⁰, красноречиво указывают на значение землевладения в структуре собственности Вессисбруннеров¹⁸¹. Источники дают достаточные основания для вывода, что с 80-х годов XIV в. начались радикальные изменения в социально-экономической ориентации семейства, которые выразились в превращении его представителей из купцов и предпринимателей сначала в землевладельцев и рантье, а затем – лишь в рантье средневекового города. Дело в том, что в третьем десятилетии XV в. Вессисбруннеры продали свои земельные

владения, а еще раньше – на рубеже XIV–XVI вв. – отказались от активных занятий торговлей, банковско-ростовщической деятельностью и предпринимательством. Это имело для Вессисбруннеров необратимые последствия: к середине XV столетия они как-то незаметно покинули историческую сцену, а их имена были «преданы забвению» современниками и стали достоянием прошлого. Судьба Вессисбруннеров показательна тем, что указывает на ненадежность городских рент (особенно «на срок одной жизни») в качестве источника существования семейств городской знати.

Другим семейством аугсбургской городской знати, члены которого после обнародования «Цеховой грамоты» перешли в корпорацию купцов, являлись Зульцеры. О Зульцерах известно, что они (впрочем, как и Вессисбруннеры) были уроженцами соседнего Кауфбойрена, людьми состоятельными и жившими там доходами не столько от торговли или ростовщичества, сколько от землевладения¹⁸². В 1354 г. Хартман Зульцер-старший продал свои земельные владения в сельской округе Кауфбойрена и поселился в Аугсбурге, оговорив следующее условие поселения в этом городе: ежегодно выплачивая городскому казначейству по 50 фунтов пфеннигов (около 17 гульденов), он будет освобожден от обязанности заседать в правящем совете, давать различные подати и выполнять другие бюргерские повинности¹⁸³. По свидетельству историографа аугсбургских патрицианских родов Пауля фон Штеттена-младшего, Хартман Зульцер-старший только спустя десять лет после переезда в Аугсбург, то есть всего за несколько лет до событий цехового переворота 1368 г., приобрел бюргерские права и, будучи по происхождению швабским дворянином, был принят в патрицианскую корпорацию Аугсбурга¹⁸⁴. Однако Я. Штридер вносит уточнение в повествование Штеттена и утверждает, что Зульцеры стали бюргерами только после смерти в 1389 г. Хартмана Зульцера-старшего¹⁸⁵, но тогда возникает вопрос, чем объяснить включение авторами официальной версии цехового переворота 1368 г. Зульцеров в список аугсбургских патрициев, принявших после этого переворота решение о переходе в торгово-ремесленные цехи и оказавшихся в купеческой гильдии. Между тем тот же Штридер отмечает, что Зульцеры продолжали инвестировать значительные денежные средства в землевладение и после переселения из Кауфбойрена в Аугсбург¹⁸⁶. Противоречие налицо. Где же находится истина?

Дело в том, что переселению Зульцеров из Кауфбойрена в Аугсбург предшествовала, о чем убедительно свидетельствуют источники, продажа ими если не всех, то большей части земельных владений. Но уже к концу XIV в. Зульцеры обладали крупными состояниями, позволившими им в 1396 г. войти в число богатейших налогоплательщиков города, причем часть их состояний оказалась инвестирована в ренты городского казначейства Аугсбурга¹⁸⁷. Поэтому вполне очевидно, что в судьбах и деятельности Зульцеров нашел отражение факт трансформации земельной ренты сначала в капитал с «сословно-ограниченными функциями» (ренты городского казначейства), а затем — в торгово-ростовщический капитал. Такой вывод находят подтверждение в городских хрониках, авторы которых отмечают активную деятельность Зульцеров во второй половине XV в. в роли крупных оптовых торговцев (особенно на Франкфуртских ярмарках) и банкиров-ростовщиков¹⁸⁸. Все это дает основание относить Зульцеров к числу тех сельских дворян и министериалов церкви, которые в условиях интенсивного развития товарно-денежных отношений и под их воздействием совершали эволюцию из рядов землевладельцев феодального типа через патрицианскую корпорацию в ряды представителей торгово-ростовщического капитала. Возможно, именно эти два этапа в деятельности Зульцеров нашли отражение в указанных выше версиях Пауля фон Шеттена-младшего и Я. Штридера о времени приобретения представителями этого семейства бюргерских прав и объясняют их различие.

Богатые аугсбургские патриции семейства Нердлингеров, не желая отказываться от деятельности оптовых торговцев и банкиров-ростовщиков, вместе с другими патрициями вступили в купеческую гильдию. Это, однако, не означало их разрыва с теми институтами, использование которых было обычным явлением в практике городских патрициев. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в начале XV в. (в 1407 г.) Герману Нердлингеру и Георгу Вайеру (по прозвищу Мангмейстер) были переданы права, до того принадлежавшие Онзоргам и Гервартам, на проведение еженедельных торгов и ежегодных ярмарок в Бухлоэ¹⁸⁹. Таким образом, Нердлингеры и после перехода в ряды цехового бюргерства продолжали использовать институт феодально-регального права, подчиняя его целям своей торговой деятельности. Их переход из патрицианской корпорации в купеческую гильдию не означал и отказа от участия

в феодальном землевладении¹⁹⁰. Факты дают в то же самое время основание для вполне обоснованного предположения, что уже к концу XIV в. торговая и банковско-ростовщическая деятельность приобрела для тех же Нердлингеров гораздо более важное значение, чем доходы от земельных и городских рент¹⁹¹. В пользу такого предположения, помимо прочего, красноречиво свидетельствуют успехи Нердлингеров в качестве торговцев на международных рынках в XV и особенно в XVI в. Вся совокупность фактов указывает на Нердлингеров как типичных представителей нарождающейся немецкой торговой буржуазии переходной от Средних веков к Новому времени эпохи.

О представителях семейства Ремботов известно, что они в начале XIV в. принимали весьма активное участие в оптовых закупках вина на рынках Венеции и Тироля, перепродавая весь этот товар на европейских рынках к северу от Альп и осуществляя банковско-ростовщические операции с княжеским двором в Инсбруке¹⁹². Вполне возможно, что именно экономические интересы являлись причиной перехода Ремботов из патрицианской корпорации в купеческую гильдию. Свидетельства о Ремботах содержат также «Книги рент» городского казначейства Аугсбурга¹⁹³ и акты городского монастыря св. Ульриха и Афры¹⁹⁴. Однако упоминания о Ремботах в источниках исчезают примерно с середины XV в., что можно объяснить пресечением этого патрицианско-купеческого рода Аугсбурга. Заслуживает внимания также и тот факт, что последние представители семейства Ремботов, судя по всему, располагали довольно скромными доходами и им вряд ли удавалось поддерживать соответствующий их статусу уровень социального престижа и «благородного образа жизни».

В числе патрицианских семейств, перешедших после цехового переворота в купеческую гильдию, находились и Ремы. Нам уже известен рассказ аугсбургского купца Лукаса Рема об успехе торговой и предпринимательской деятельности своего прадеда Ганса Рема-старшего, который еще в середине XIV в. обратил в звонкую монету недвижимую собственность, принял активное участие в венецианской торговле и важнил в ней крупное для того времени состояние. Рассказ Лукаса находит определенное подтверждение в актах «Книг рент» городского казначейства Аугсбурга конца XIV в.¹⁹⁵ Между тем деятельность самого Ганса Рема-старшего представляет интерес прежде всего по той причине, что он был в числе первых купцов, которые

стали поставлять хлопок из Венеции в родной город и, следовательно, стоял рядом с Дахсами, Гервартами и другими импортерами хлопка у колыбели бумазейного производства не только в Аугсбурге, но и, вероятно, в южно-немецких землях вообще. Деятельность Ганса Рема-старшего и других аугсбургских купцов-импортеров сырья, таким образом, способствовала превращению торговли в важнейший нерв экономической жизни города, источник обогащения бюргерской верхушки и эксплуатации ею многочисленных мелких производителей, занятых в бумазейном ремесле. Более того, есть основания полагать, что как Ганс Рем-старший, так и другие импортеры хлопка находились у истоков развития производственных отношений в рамках так называемых раздач, которые, приобретая черты раннекапиталистических отношений, с неизбежностью вступали в противоречие со строем средневекового корпоративного ремесла и являлись причиной острых социальных конфликтов между приверженцами и противниками новшеств в ремесле.

Факты свидетельствуют о том, что уже деятельность Ганса Рема-старшего имела определенное позитивное значение в создании предпосылок возникновения явлений раннего капитализма. С другой стороны, в деятельности Рема и вообще купцов и предпринимателей-раздатчиков того времени прогрессивные тенденции тесно переплетались с присущими им средневековыми чертами. Так, Бертольд Рем в 1360 г. отдал в наследственное держание одному из аугсбургских монастырей принадлежавший ему на правах «полной собственности» земельный участок в самом городе¹⁹⁶. Ганс Рем-старший 9 февраля 1385 г. приобрел в качестве епископского лена право на некоторые торговые пошлины¹⁹⁷. Он же денежные средства, нажитые торговлей и предпринимательством, инвестировал в землевладение и различные ренты «сеньориального происхождения»¹⁹⁸. К 1396 г. его инвестиции в различные формы недвижимости (землю в том числе) в структуре его собственности составляли 59,1 процента, в ренты городского казначейства — 12,4 процента, инвестированный в торговлю и банковско-ростовщические операции «свободный капитал» — только 28,5 процента. Часть «свободного капитала» и в 1396 г., вполне возможно, приходилась на инвестиции «купца-капиталиста» в текстильное производство. В то же время необходимо принять во внимание социально-психологический фактор, а именно: все инвестиции в ренты городского казначейства (1100 гульденов) и около 2000

гульденов инвестиций в землевладение Гансом Ремом-старшим совершены уже на закате жизненного пути (с 1388 г.), когда он шаг за шагом свертывал активную деятельность коммерсанта и «капиталиста», чтобы перейти к образу жизни рантье. В этой связи заслуживает внимания мобильность самой структуры собственности Ганса Рема-старшего: до 1388 г. у Ганса Рема-старшего вообще не было вкладов в городском казначействе Аугсбурга, доля недвижимости равнялась 36,3 процента, а «свободный капитал» составлял 63,7 процента в структуре его собственности. С другой стороны, пример Рема убедительно свидетельствует, какой притягательной силой продолжало обладать феодальное землевладение для представителей городской знати, в том числе для тех из них, кто, казалось бы, прочно встал на путь деятельности на поле рыночной экономики и даже — приобщения к капиталистическому предпринимательству в передовых отраслях народного хозяйства.

Выразительные факты, проливающие свет на социальный облик Ремов, приведены в хронике Буркарда Цинка¹⁹⁹. Хронист, рассказывая о наиболее примечательных, с его точки зрения, событиях 1416 г., отмечает, что Ганс Рем-младший, сын удачливого негодянта и предпринимателя Ганса Рема-старшего, в том году с помощью магистрата Аугсбурга захватил принадлежавшее епископу рыночное местечко Цусмарсхаузен. В ответ на это епископ приказал задержать тюки с товарами, принадлежавшими компании Ремов. Эти события послужили поводом к обострению отношений магистрата с епископом и поддержавшими последнего баварскими герцогами, которые стали препятствовать подвозу зерна в Аугсбург по реке Лех. По этой причине, как утверждает Цинк, возникла дороговизна на многие товары первой необходимости в самом городе и его округе. Подоплека этих событий состояла в следующем. Еще в 1395 г. Ганс Рем-старший продал принадлежавший ему Цусмарсхаузен за 1930 гульденов аугсбургскому епископу Буркарду. По условиям сделки часть покупной суммы в размере 900 гульденов была инвестирована в ренту из расчета выплаты 90 гульденов в качестве годовых процентов. Эта рента должна была поступать с доходов от сбора пошлин в Штерцинге, которые по регальному праву принадлежали епископу. С 1416 г. епископ решил прекратить выплату ренты на том основании, что Ремы уже получили в двукратном размере долг аугсбургской кафедры. И все же епископ вынужден был уступить и пойти на полю-

бовное соглашение с Ремами: епископ возвращал последним тюки с товарами, Рема епископу – Цусмарсхаузен, при условии, что епископ в полном объеме продолжит выплату ренты аугсбургскому купцу и банкиру. Таким образом, в данном эпизоде Рема выступали в роли банкиров-ростовщиков, использовавших финансовые затруднения епископа к немалой выгоде для себя.

Я. Штридер относит семейство Ремов к «фаланге капиталистов новой формации»²⁰⁰. Но в жестко сформулированном Штридером тезисе проступает модернизаторская тенденция в оценке исторических явлений. При рассмотрении вопроса о характере экономической деятельности Ремов (а равным образом подобных им купцов-предпринимателей) и их роли в процессе генезиса капитализма необходимо иметь в виду следующее. С одной стороны, можно считать вполне установленным фактом, что деятельность Ремов и источники их обогащения были тесным образом связаны с бумазейным производством; и этим Рема во многом отличались от представителей патрицианских родов Аугсбурга «старой формации». С другой стороны, тут же следует сделать оговорку, что связь Ремов с бумазейным производством по большей части все же ограничивалась поставками крупных партий сырья корпорации ткачей и долгое время не выходила за рамки отношений между торговцами и самостоятельными производителями, хотя и не исключала, как известно, и участия Ремов напрямую в эксплуатации мелких производителей с помощью механизма так называемых раздач. В то же самое время их предпринимательская деятельность во многом была типичной для позднего Средневековья и опиралась на феодальные институты, а в структуре их собственности значительное место продолжали занимать феодальное землевладение и источники доходов «сеньориального происхождения».

Связь со средневековыми правовыми институтами занимала заметное место в практике Ремов не только на рубеже XIV–XV вв., но и в начале второй половины XV в. О заинтересованности Ремов в феодальных привилегиях свидетельствует следующий эпизод. В 1462 г., как о том повествует хронист Клеменс Зендер, один из ратманов «по фамилии Рем» был направлен в резиденцию аугсбургского епископа в Диллинген, чтобы выкупить у последнего от имени магистрата пошлины, которыми тот владел в самом Аугсбурге. Однако Рем, по словам Зендера, «действуя вопреки приказу, купил пошлины для себя и своих наследников». В таких действиях Рема городские власти

усмотрели, и не без основания, узурпацию собственных прерогатив. Поэтому, «когда он (Рем. – Ю.Н.) вернулся домой», правящий совет своим решением вывел его из своего состава и принял постановление, запрещавшее Ремам «на вечные времена» заседать в магистрате²⁰¹. Однако судьбы представителей семейства Ремов в исторической перспективе определял отнюдь не «феодалный фактор».

Несмотря на превратности судьбы, Ремы продолжали активно себя проявлять в деловой жизни как в городе, так и далеко от его стен. В начале XVI в. представители семейства Ремов являлись пайщиками крупных южно-немецких торговых компаний Вельзеров-Фелинов и Хохштеттеров, а затем – и владельцами собственного предприятия²⁰². Поэтому, принимая во внимание приведенные выше факты и признавая точку зрения Я. Штридера в известном смысле модернизаторской, можно сделать вывод, что история семейства городской знати Ремов все же скорее свидетельствует не о перманентном превращении патрициев средневекового города в «капиталистов новой формации», а о сложности и противоречивости процесса генезиса самой буржуазии как общественного класса. Путь превращения средневекового бюргера в буржуа Нового времени был сильно затруднен чертами, присущими социальному облику и менталитету первого. К тому же, этот путь обычно не был непрерывным поступательным движением по восходящему вектору, в ходе которого бюргер утрачивал свои старые средневековые черты и приобретал новые, буржуазные. Этой эволюции известно и движение по нисходящей – в обратном общественному прогрессу направлении.

Примеры тому можно почерпнуть из истории семейств городской знати того же Аугсбурга, в частности из истории знатного патрицианского рода Эгенов. Представители семейства Эгенов также стояли у истоков бумажейного производства в этом городе²⁰³. После цехового переворота 1368 г. они вышли из патрицианской корпорации и вступили в купеческую гильдию. Если иметь в виду экономические интересы Эгенов, окажется, что такой шаг с их стороны не был случайностью. Еще в первой половине XIV в. они принимали активное участие в венецианской торговле²⁰⁴, а в начале XV в. (в 1405 г.) Лоренц Эген, занимавший в то время высшую в магистрате должность бургомистра, возглавил посольство родного города к дожу республики св. Марка²⁰⁵, целью которого в первую очередь являлось разви-

тие торговых отношений между Аугсбургом и Венецией. «Книги рент» городского казначейства и податной кадастр Аугсбурга 1396 г. отразили успехи торговой и банковско-ростовщической деятельности Эгенов²⁰⁶. Эти факты, казалось бы, убеждают в том, что причиной перехода Эгенов в ряды цехового бюргерства были в первую очередь обстоятельства экономического порядка. Однако на линию социально-политического поведения Эгенов оказывали влияние и другие факторы, в том числе семейная традиция и личные качества представителей этого рода. Среди Эгенов были люди большого честолюбия и властолюбия. Источники, к тому же, сообщают облику Эгенов черты, свидетельствующие о сохранении ими тесной и глубокой связи с «феодалным окружением».

Активную деятельность в экспортной торговле и занятия банковско-ростовщическими операциями Эгены совмещали с характерным для той эпохи выражением католического благочестия. Петер Эген-старший, находясь еще в 1367 г. на посту баумейстера магистрата, по словам хрониста, завершил строительство богадельни св. Духа²⁰⁷, а в 1410 г. Эгены одними из первых среди городской знати Аугсбурга возвели собственную капеллу²⁰⁸. В социально-политическом облике Эгенов сильно выраженное стремление к приобретательству и наживе сочеталось с чертами, присущими феодальным сеньорам. В середине XV в. один из представителей этого семейства, Петер Эген-младший, возведенный к тому времени в сословие имперского рыцарства, предпринял попытку свержения правящего совета и установления диктатуры личной власти²⁰⁹. Правда, в отличие от Зибото Штольцкирша Петер Эген-младший (их разделяло время в полтора столетия) ориентировался не столько на «городское дворянство» и старинные патрицианские роды, сколько на цеховое бюргерство, которое он старался привлечь на свою сторону демагогическими обещаниями отмены всех налогов, и городские низы, которым обещал щедрые благотворительные пожертвования. Таким образом, социальную метаморфозу Эгенов из патрициев средневекового города в буржуа раннего Нового времени можно считать несостоявшейся. Напротив, история семейства Эгенов являет собою наглядный пример «социальной рефеодализации».

В этой связи необходимо принять во внимание следующее. Еще в XIII в. Эгены поселились в Аугсбурге и заняли место в рядах его патрицианской верхушки. Активное участие Эгенов в

международной торговле побудило их в 1368 г. перейти в ряды торгово-ремесленного населения города. Успехи в банковско-ростовщической деятельности открыли перед представителями семейства Эгенов возможность инвестиций в землевладение. Эти инвестиции, фигурально выражаясь, вновь сблизили Эгенов с феодальным дворянством и в конечном счете привели к остроуму конфликту с городом и превратили их в политических противников городской коммуны. В конечном счете уже во второй половине XV в. произошел переход Эгенов в ряды дворянства.

О патрициях семейства Шмукеров, перешедших после событий 1368 г. в купеческую гильдию, «Книги рент» сообщают, что они со второй половины XIV в. поддерживали тесные контакты с верхушкой корпорации ткачей и обладали значительным вкладом в городском казначействе²¹⁰. К середине 90-х годов того же столетия материальное положение Шмукеров пошатнулось и их имена отсутствуют в списке богатейших налогоплательщиков города в 1396 г. Но это было преходящим явлением, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что в начале XV в. Шмукеры были приняты в аристократический «Клуб господ»²¹¹. В дальнейшем представители этого семейства неоднократно избирались бургомистрами Аугсбурга²¹². Отсутствие в источниках свидетельств об активном участии в феодальном землевладении и тесные контакты с верхушкой корпорации ткачей делают возможным предположение о причастности Шмукеров, в качестве купцов-предпринимателей или раздатчиков, к эксплуатации ремесленников-ткачей в городе и его сельской округе с помощью механизма отношений раздач. Использование этого механизма, как известно, являлось отправной точкой, с которой начиналось движение к богатству многих пионеров раннего капитализма в германских землях. Шмукеры, по всей видимости, в этом не были исключением.

Итак, для всех патрицианских семейств (без исключения), перешедших после цехового переворота 1368 г. в купеческую гильдию, этот шаг был закономерным явлением прежде всего по той причине, что их представители уже давно занимались торговлей и банковско-ростовщической деятельностью. Поэтому для них (за исключением Эгенов) переход в купеческую гильдию означал, по крайней мере в ближайшей исторической перспективе, укрепление связей как с самим городом, так и его цеховой верхушкой. Однако именно в этой перспективе судьбы упомянутых выше семейств оказались разными. Если Эгены

возвратились в ряды феодального дворянства, Бессисбруннеры, приняв активное участие в установлении в Аугсбурге «цехового правления», затем превратились в типичных бюргеров-рантье; Зульцеры, благодаря занятиям торговой деятельностью, прочно укоренились в рядах городского бюргерства; уже в купеческой гильдии произошло пресечение знатного рода бывших патрициев Ремботов; о Нердлингерах, Ремах и Шмукерах можно с определенной степенью достоверности утверждать, что представители этих семейств оказались «причастны» к процессам, которые были тесным образом связаны с явлениями раннего капитализма в германских землях.

* * *

Представители еще двух патрицианских семейств — Дендрихов и Флинсбахов — в 1368 г., согласно официальной версии событий цехового переворота, вступили в цех розничных торговцев-крамерей²¹³.

Источники рисуют противоречивый образ представителей городской знати семейства Дендрихов. По словам хрониста Гектора Мюлиха, Ульрих Дендрих-старший «был богатым человеком»²¹⁴. Оценка Мюлиха находит подтверждение в актах городского казначейства и материалах налогового кадастра 1396 г.²¹⁵ Упомянутый Ульрих Дендрих еще в 1372 г. вместе с другими местными банкирами-ростовщиками принял участие в финансировании магистрата во время войны города со швабскими рыцарями. Через два года после этого события (в 1374 г.) другой представитель семейства Дендрихов по имени Ганс занял должность городского фогта²¹⁶, на которую до второй половины XV в. назначались только дворяне и аноблированные императором городские патриции. На основании этих фактов можно сделать предположение, что Ганс Дендрих в отличие от Ульриха Дендриха не вступил в один из цехов города, а остался в патрицианской корпорации или даже перешел в ряды дворянства. О Дендрихах также известно, что они в 1401 г. арендовали земельный участок у монастыря св. Штефана в самом городе²¹⁷ и владели садом у городских стен²¹⁸. Они же активно себя проявляли в политической жизни города, используя порою общественные должности в корыстных целях.

Так, к примеру, на путь казнокрадства в 1462 г. встал «богатый купец по фамилии Дендрих», неоднократно избиравшийся старшиной цеха и членом правящего совета города и даже

занимавший в том году должность баумейстера, то есть возглавлявший финансовое ведомство магистрата. Дело Дендриха, вопреки намерениям властей сохранить его «в глубокой тайне», стало достоянием гласности, и «отцы города» вынуждены были привлечь проворовавшегося ратмана к ответственности. По приказу магистрата Дендрих был поставлен у «позорного столба» на центральной площади города Перлах перед созванными колокольным звоном горожанами, свобода его передвижения была ограничена городскими стенами, и он был лишен права избираться в правящий совет. Ему запрещалось носить оружие («кроме маленького ножичка, которым режут хлеб») и дорогие одежды²¹⁹. Пример Дендриха показывает, каким образом и в каких целях представители городской знати иногда использовали пребывание у кормилицы власти. Впрочем, еще большую заинтересованность правящая олигархия проявляла к отечавшей ее коренным жизненным потребностям политике магистрата.

Вторым патрицианским семейством, которое после переворота 1368 г. оказалось в цехе крамерей, были богатые Флинсбахи. Один из Флинсбахов по имени Хильдебранд был бургомистром города еще в конце первой половины XIII в. (в 1241 г.)²²⁰. Ганс Флинсбах в 1368 г. вошел в первый «цеховой правящий совет» в качестве старшины корпорации крамерей²²¹ и избирался на должность бургомистра в 1376 и 1380 г.²²² Акты монастыря св. Ульриха и Афры свидетельствуют о том, что еще в первой половине XIV в. Флинсбахи вели операции купли-продажи с землей в городской округе²²³. Значительные земельные владения они удерживали за собою здесь до конца этого столетия, но в первом десятилетии XV в. продали большую их часть²²⁴. Акты «Книг рент» убедительно указывают на удельный вес инвестиций в городское казначейство в структуре собственности Флинсбахов²²⁵.

Материалы источников позволяют сформулировать следующие выводы: 1) до цехового переворота 1368 г. большинство представителей семейства Флинсбахов вели образ жизни «городских дворян», источником существования которых служило прежде всего присвоение земельной ренты с владений в городской округе; 2) упоминания о Флинсбахах исчезают из городских анналов примерно с середины XV в. по причине пресечения «бюргерской ветви» этого патрицианского рода.

Представители еще двух патрицианских семейств (Кранцев и Пфистеров) после переворота 1368 г. перешли в цех пор-

тных и розничных торговцев тканями. Если портные в немецких средневековых городах обычно относились к числу бедных цеховых мастеров, торговцы тканями порою были зажиточными и даже богатыми людьми.

О перешедшем в эту корпорацию Генрихе Кранце известно, что он принадлежал к семейству, которое до 1368 г. значилось в списке городских патрициев²²⁶ и владело земельными владениями за городскими стенами²²⁷. Сам Генрих Кранц в конце XIV в. владел значительным для того времени состоянием и входил в число богатейших бюргеров города²²⁸. Но уже с начала XV в. какие-либо упоминания в источниках о Кранцах отсутствуют, что, вероятно, связано с пресечением этого рода городской знати Аугсбурга. По крайней мере именно к такому выводу приводит анализ актов казначейства.

Более обстоятельные сведения в источниках можно почерпнуть о семействе Пфистеров. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что срок пребывания Пфистеров в корпорации патрициата не был продолжительным: они появились в ней только в начале XIV в. Акты городского казначейства²²⁹ и монастыря св. Ульриха и Афры²³⁰ побуждают обратить внимание на следующие обстоятельства: бывший патриций Ульрих Пфистер в одном акте казначейства назван «пекарем» и в двух других — «торговцем тканями»; также известно, что он свою дочь выдал замуж за мясника Конрада Танхаузера. Можно предположить, что мотивом перехода Пфистеров в объединения городских ремесленников и торговцев, а также объяснением факта выдачи Ульрихом Пфистером дочери за представителя «среднего класса» были прежде всего причины материального порядка. Правда, несколько иную интерпретацию судьбам Пфистеров дает анонимный автор «Родословной книги» этого семейства. По его мнению, Пфистеры еще задолго до установления «цехового правления» постоянно занимались оптовой торговлей тканями, и именно во этой причине, когда в 1368 г. всем, кто не мог жить на одни только ренты и оброки, было предложено вступить в цехи, Ульрих Пфистер не пожелал отказываться от успешной торговой деятельности и перешел из патрицианской корпорации в купеческую гильдию. «Родословная книга» при этом особо подчеркивает активное участие членов семейства Пфистеров в прибыльной и весьма престижной в то время венецианской торговле²³¹. Однако судьбы семьи Пфистеров привлекают внимание исследователя и по другой причине.

После того как скоропостижно скончался сын Ульриха Пфистера Конрад Пфистер дела малолетнего сына покойного и внука Ульриха по имени Линхарт, позднее вступившего в брак с патрицианкой Сусанной Лангенмантель, взяла в свои руки мать Линхарта, «урожденная Эген» (имя которой автору этих строк установить не удалось). Между тем состояние самого Линхарта уже к 1411 г. достигло крупной суммы в размере 26 тыс. гульденов. Необходимо также отметить, что один из сыновей Линхарта, Георг Пфистер, был аноблирован императором, перешел в ряды сельского дворянства и в 1456 г. занимал в городе должность епископского бургграфа²³². И все же судьба представителей «бюргерской ветви» Пфистеров была несколько иной, чем ее представляет читателю автор «Родословной книги».

Вопреки версии ее автора, есть основания полагать, что Ульрих Пфистер после цехового переворота 1368 г. сначала вступил в цех пекарей, пребывание в котором, однако, для него оказалось кратковременным, поскольку он вскоре перешел в цех портных и торговцев тканями. Вступление в купеческую гильдию для самого Ульриха, по всей видимости, было сильно затруднено по причине отсутствия у него необходимых для этого денежных средств.

Переход Пфистеров из корпорации портных и торговцев тканями в купеческую гильдию связан уже с деятельностью Линхарта и особенно – его матери. В 1478 г. Пфистеры были приняты в «*Mehrer der Gesellschaft*» и в 1538 г. вместе с другими членами этой корпорации – в ряды аугсбургского патрициата²³³. В возвращении Пфистеров в патрицианскую корпорацию большую роль сыграло установление родственных связей с такими влиятельными в городе семействами, какими были Эгены и Лангенмантели. Эти связи способствовали и успеху Пфистеров в экономической деятельности.

* * *

После событий цехового переворота 1368 г. состоялся переход ряда патрицианских семейств Аугсбурга не только в «торговые цехи» купцов, розничных торговцев-крамерей, но и в корпорации ремесленников. Мотивы этого перехода и судьбы патрицианских семейств, оказавшихся в объединениях мелких производителей и торговцев, были, очевидно, разными. Для установления этих мотивов и судеб следует обратиться прежде всего к свидетельствам исторических источников.

Семейство Дрехзелей в первой половине XIV в. обладало, судя по всему, обычными для патрициев средневекового города доходами. На это, в частности, указывает тот факт, что еще в 1320 г. они «откупили» епископскую регалию – «соляное подворье» – при условии уплаты епископу ежегодной арендной платы в три срока в 300 фунтов пфеннигов (около 100 гульденов)²³⁴. Однако радикальные перемены в положении Дрехзелей произошли еще до событий 1368 г. Среди участников похода городского ополчения на рыцарский замок Цвингенберг в 1362 г. Конрад Дрехзель назван командиром небольшого отряда точильщиков (или токарей), а городским живописцем» (к ним тогда относили и маляров) вменялось в обязанность «быть послушными» Генриху Дрехзелю²³⁵. Осенью 1368 г. Г. Дрехзель вошел в «цеховой правящий совет» города в качестве старшины корпорации бондарей (von den schefflern)²³⁶, а К. Дрехзель в 1379 г. в одном из актов городского казначейства назван «торговцем съестным» (der Hucker)²³⁷. Итак, источники дают достаточные основания для гипотезы, что переход Дрехзелей в торгово-ремесленные объединения был обусловлен прежде всего экономическими причинами. Об оскудении патрицианского семейства Дрехзелей косвенным образом свидетельствует и тот факт, что им принадлежала только одна небольшая рента городского казначейства и их имена в 1396 г. отсутствовали в списке богатейших налогоплательщиков Аугсбурга. При этом Дрехзелели в отличие, к примеру, от Пфистеров, так и не вернули утраченных социально-политических позиций. Следовательно, в данном случае происходил необратимый процесс социальных метаморфоз семейства Дрехзелей, представители которого не только совершили переход из корпорации городского патрициата в торгово-ремесленные объединения, но и из рядов городской знати «опустились» в ряды «среднего класса» городского населения. Однако социальные метаморфозы с патрицианскими семействами Аугсбурга, которые происходили в XIV–XV вв., могли развиваться в другом направлении и приводить к принципиально иным социальным последствиям. Об этом красноречиво и вполне убедительно свидетельствуют судьбы ряда семейств аугсбургской городской знати, в том числе патрицианского происхождения.

Среди патрициев, перешедших в 1368 г. в цехи, находилось семейство Хорнлинов, которое Г. Планиц относит к «древнейшей ветви» патрицианских родов Аугсбурга²³⁸. «Книги рент»

указывают на связь Хорнлинов с клиром католической церкви²³⁹. Более того, есть основания полагать, что Хорнлины происходили из епископских министерялов. Это проливает дополнительный свет и на социально-политическую ориентацию семейства городской знати Хорнлинов. Вступив после событий 1368 г. в корпорацию городских мясников, Хорнлины продолжали активно себя проявлять в политической жизни города. Так, в 1373 г. Ульрих Хорнлин принял участие в посольстве правящего совета Аугсбурга к императорскому двору в Праге²⁴⁰. Не утратили Хорнлины тесных отношений и с «феодалным окружением»: с некоторыми прелатами католической церкви и особенно – с бывшими сеньорами города – аугсбургскими епископами. Во время острого конфликта в 1384 г. магистрата Аугсбурга с местным епископом Людвиг Хорнлин выступил на стороне епископа²⁴¹. Тридцать лет спустя (в 1415 г.) сын Людвига Ульрих Хорнлин «на вечные времена» был изгнан из города. Хронист Эрхарт Вараус объясняет причину изгнания Ульриха Хорнлина «пособничеством епископу»²⁴². Другой хронист, Гектор Мюлих, видит эту причину в близких отношениях Ульриха с «заключеными врагами города» – баварскими герцогами из рода Виттельсбахов, у которых тот, попирая «общую пользу», «искал [только] личную выгоду»²⁴³. И, можно сказать, подобные инвективы хронистов имели под собою определенные основания. Переход Хорнлинов из патрицианской корпорации в один из цехов городских ремесленников был продиктован, скорее всего, соображениями тактического порядка и не означал разрыва с привычной для них средой и изменения социальных ориентиров. Пример Хорнлинов примечателен тем, что вступление этих епископских министерялов в патрицианскую корпорацию, а затем и в цех городских ремесленников не изменило политических пристрастий Хорнлинов, которые продолжали искать опору в феодальном дворянстве и прелатах церкви за городскими стенами. Но такая тенденция уже не определяла магистрального направления социальной эволюции большинства семейств городской верхушки.

Противоположность Хорнлинам являли собою Цотманы, которые также после событий 1368 г. перешли в ряды цехового бюргерства. Одного из богатейших в 1396 г. налогоплательщиков Аугсбурга Ганса Цотмана бумаги городского казначейства называют «золотых дел мастером»²⁴⁴. «Ювелиром и бюргером Аугсбурга» его называет и акт городского монастыря св. Уль-

риха и Афры²⁴⁵. Инвестиции Ганса Цотмана в землевладение и ренту городского казначейства не превышали и 7 процентов в структуре его собственности. Источники не сообщают и о банковско-ростовщической деятельности Цотмана. Отсюда можно заключить, что большая часть крупного для конца XIV в. состояния Цотмана была инвестирована в производство ювелирных изделий и торговлю ими, причем производство этих изделий могло быть организовано как с помощью раздач сырых материалов хозяином предприятия мелким ремесленникам, так и в одной, но большой мастерской, в которой, вполне возможно, осуществлялась специализация и даже разделение труда. Однако обе версии – лишь рабочие гипотезы, так как источники хранят на этот счет полное молчание. Имеющиеся в распоряжении исследователя факты дают основание только для предположения. К тому же, Ганс Цотман, очевидно, умер, не оставив наследников. По всей видимости, это привело к прекращению деятельности созданного им предприятия и пресечению семейства городской знати Цотманов. Однако вряд ли может возникнуть сомнение, что практическую деятельность Ганса Цотмана в роли предпринимателя следует отнести к числу первых и в большинстве случаев кратковременных опытов организации общественного производства еще во второй половине XIV в. на раннекапиталистической основе. В еще большей мере очевиден тот факт, что Ганс Цотман являлся представителем городской знати «новой формации» и одним из «забытых» пионеров раннего капитализма в германских землях.

Современные историк средневекового Аугсбурга В. Цорн называет Мойтингов, перешедших после событий 1368 г. из патрицианской корпорации в объединение ткачей, в одном ряду с первыми местными купцами, которые стали поставлять в родной город из Венеции хлопок для бумажеиногo производства²⁴⁶. Однако свидетельства источников о Мойтингах²⁴⁷ вызывают сомнение в достаточной степени научной обоснованности точки зрения Цорна. С теми средствами, которыми обладали Мойтинги к моменту цехового переворота 1368 г. и даже позже – в конце XIV – первом десятилетии XV в. – они вряд ли могли принимать самостоятельное участие в венецианской торговле: опыт Ганса Рема-старшего и других аугсбургских купцов свидетельствует о том, что для этого необходимо было обладать оборотными средствами по крайней мере в несколько сотен гульденов. Между тем наукой установлено, что бумажеиногo произ-

водство возникло в Аугсбурге в середине XIV в. Поэтому, по мнению автора данных строк, в большей степени приближает к истине точка зрения, согласно которой представители семейства Мойтингов еще до событий 1368 г. вынуждены были «сесть за ткацкие станки», чтобы таким образом добывать себе средства к существованию; цеховой переворот лишь придал этому факту соответствующую юридическую форму. Обогащение Мойтингов началось только со второго десятилетия XV в.

Этот процесс приобрел большой размах и стал совершаться «ускоренными темпами» лишь при сыне Конрада-младшего и внуке Конрада-старшего (ремесленниках-ткачах довольно скромного достатка) Гансе Мойтинге, который достиг такого уровня благосостояния, что отказался от занятий «ручным ремеслом» и перешел из корпорации ткачей в купеческую гильдию. Но означают ли эти факты, что в основе генезиса крупного состояния Мойтингов, в чем пытается убедить Я. Штридер, лежали «трудолюбие, бережливость и личная инициатива»?²⁴⁸ Хорошо осведомленный в деловой жизни Аугсбурга Гектор Мюлих отмечает, что быстрый рост богатств Мойтингов совпал с их переходом от занятий ремеслом к деятельности купцов²⁴⁹.

В 30-е годы XV в. сын Ганса Мойтинга Людвиг основал собственную торговую компанию. Интересно, что эта компания одной из первых в Аугсбурге стала привлекать «чужой капитал», то есть депозитные вклады «третьих лиц». Служащим и пайщиком фирмы Мойтингов, как известно, являлся аугсбургский купец и хронист Буркард Цинк²⁵⁰. К 1448 г. состояние Мойтингов достигло 24000 гульденов, что, как утверждает Штридер, было высшей точкой успеха их торгового дома²⁵¹. В 1456 г. эрцгерцог Сигизмунд Габсбург заложил «консорциуму» аугсбургских банкиров-ростовщиков во главе с Людвигом Мойтингом горные богатства Тироля. Контракт Сигизмунда с «консорциумом» дал толчок инвестициям верхнегерманских капиталов сначала в откупные операции с металлами, а затем (с 80-х годов XV в.) и в добычу руды в австрийских владениях Габсбургов²⁵². Эти инвестиции оказали существенное влияние на развитие раннекапиталистических отношений в горнорудной промышленности австрийских земель, открыв новую страницу в истории раннего капитализма на его качественно иной, мануфактурной, стадии.

Возвращаясь к вопросу об источниках генезиса состояния Мойтингов, следует признать, что «трудолюбие, бережливость и личная инициатива», вероятно, имели определенное значение

на пути представителей этого семейства к богатству, особенно на первом его этапе. Однако очевидно и другое: обогащение Мойтингов связано прежде всего с эксплуатацией ими бедных мастеров корпорации ткачей Аугсбурга. Свидетельства источников дают основание полагать, что Ганс Мойтинг, а быть может, уже его отец, или, что менее вероятно, даже дед, «раздавали» сырье (хлопок) прядильщикам и полуфабрикаты – ткачам, скупая произведенные теми и другими изделия – пряжу и ткани. Такая практика открыла перед Мойтингами возможность аккумулировать необходимые денежные средства для перехода в корпорацию крупных оптовых торговцев – купеческую гильдию, что, однако, не означало их разрыва с цехом ткачей и кардинального изменения характера экономической деятельности. Этот переход лишь изменил положение Мойтингов в системе эксплуатации городских ремесленников. Дело в том, что если раньше Мойтинги выступали в роли связующего звена между мелкими производителями и крупными оптовыми торговцами, теперь они заняли место последних. Это изменило функции Мойтингов в самой системе раздач и открыло перед ними перспективу увеличения массы присваиваемой купцами-предпринимателями прибавочной стоимости, которая создавалась трудом мелких производителей (прядильщиков и ткачей). В свою очередь средства, приобретенные Мойтингами и другими представителями бюргерской верхушки Аугсбурга в торговле, банковско-ростовщической деятельностью и путем присвоения прибавочной стоимости в рамках отношений раздач, создавали предпосылки для их участия сначала в роли «откупщиков металлов», а затем и предпринимателей-капиталистов в горнорудной промышленности. Впрочем, сами Мойтинги, сыграв роль «откупщиков металлов» и банкиров в этой отрасли хозяйства, тем и завершили участие в горном деле, так и не став капиталистами-горнозаводчиками.

Завершая рассмотрение судеб патрицианских семейств Аугсбурга, которые, согласно официальной версии, после событий 1368 г. перешли из патрицианской корпорации в объединения городских ремесленников и торговцев, необходимо обратить внимание на следующее. Для большинства этих семейств причиной такого перехода послужили прежде всего обстоятельства экономического порядка. Для всех их, за исключением Хорнлинов, этот переход означал, хотя бы на время, более или менее глубокий разрыв с «феодалным окружением» и более

или менее прочное оседание в городской общине. Примечательен также и тот факт, что кое-кому из бывших патрициев, чтобы выжить, пришлось заняться даже «ручным ремеслом», зарабатывая этим ремеслом себе и своим семьям на пропитание. Это с достаточной степенью достоверности можно сказать о Пфистеррах, Цотманах и особенно – Мойтингах. В то же время необходимо отметить, что Пфистерам и Мойтингам удалось, благодаря усердию в ремесле и успехам в предпринимательской деятельности, пройти своего рода путь «социальной реабилитации» и вернуться в ряды городской знати.

* * *

О семействах Брейшухов, Бонпрехтов, Тотов, Фельманов и Шнельманов официальная версия сообщает, что они после цехового переворота 1368 г. покинули корпорацию городского патрициата. Эта версия ничего не говорит об их вступлении и пребывании в объединениях городских ремесленников и торговцев²⁵³. Поэтому, чтобы преодолеть, где только возможно, умолчание авторов официальной версии и проследить судьбы упомянутых патрицианских семейств, следует привлечь свидетельства источников, проливающих дополнительный свет на их историю.

О семействе Брейшухов из материалов источников можно почерпнуть следующие сведения. Ульрих Брейшух в 1372 г. принял участие в «консорциуме» аугсбургских банкиров-ростовщиков, которые предоставили крупный заем баварскому герцогу Фридриху Виттельсбаху²⁵⁴. О Томасе Брейшухе известно, что он в 1401 г. арендовал земельный участок в «нижнем городе» у монастыря св. Штефана²⁵⁵. Брейшухи выступали также и в роли инвесторов городского казначейства, один из актов которого (от 1389 г.) называет Германа Брейшуха старшиной корпорации ткачей²⁵⁶. Правда, во второй половине XIV в. Брейшухи переживали не лучшие времена, и их имена отсутствуют в списке богатейших налогоплательщиков (по данным податного кадастра 1396 г.). Но такое положение оказалось преходящим: в дальнейшем Брейшухам сопутствовал успех и им удалось поправить пошатнувшееся было положение. В 1478 г. Брейшухи были приняты в «*Mehrer der Gesellschaft*», а в 1538 г. вернулись в ряды городского патрициата²⁵⁷. Не оставляет сомнения и тот факт, что основными родами профессиональной деятельности и источником существования для Брейшухов на протяжении длительного времени являлись не только торговля и банковско-ро-

стовщические операции, но и, особенно во второй половине XIV в., занятия «ручным ремеслом». Именно успехи в ремесленной деятельности создали для Брейшухов необходимые условия и предпосылки восстановления утраченного социального статуса и престижа. Представляется близкой к истине и гипотеза об участии Брейшухов в эксплуатации занятых в текстильном производстве мелких производителей с помощью механизма раздачи, который, судя по всему, и открыл им путь к богатству.

О членстве представителей других семейств данной группы бывших патрициев в торгово-ремесленных корпорациях Аугсбурга источники и на самом деле ничего не сообщают. На этом основании можно заключить, что эти патриции, покинув после событий 1368 г. объединение «старинных родов», вообще оказались за рамками корпоративного строя города. По крайней мере такой вывод следует из самого факта умолчания как авторами официальной версии цехового переворота, так и другими источниками о членстве представителей семейств этой группы в корпорациях городских ремесленников и торговцев. Вполне возможно, что эта гипотеза отражает действительное положение вещей.

В Аугсбурге, по всей видимости, все же тогда существовала немногочисленная прослойка населения, представители которой обладали бюргерскими правами, но при этом не состояли в городских корпорациях. Правда, это фактически лишало бюргера активного избирательного права, так как в правящий совет и другие учреждения городского самоуправления избирали только корпорации.

Конрада Бонпрехта В. фон Штромер называет аугсбургским бюргером, который еще в начале XIV в. деятельность купца совмещал с занятиями ростовщичеством²⁵⁸. Изучение актов «Книг рент» и данных податного кадастра 1396 г.²⁵⁹ делает возможным предположение, что Конрад Бонпрехт умер, не оставив наследников, а представитель другой ветви этого рода Генрих Бонпрехт и его дети Урсула и Петер вели образ жизни городских рантье и, вполне возможно, землевладельцев²⁶⁰. Однако доходов, которые последние получали в виде процентов по вкладам в городское казначейство, а также – рент с феодального землевладения, оказалось недостаточно для поддержания социального престижа и «благородного образа жизни», что и привело Бонпрехтов к «выпадению» из рядов городской знати и к переходу в ряды «среднего класса» городского населения.

Семейство Тотов Р. Кислинг приводит в списке членов «*Mehrer der Gesellschaft*», которые в 1538 г. не были приняты в патрицианскую корпорацию Аугсбурга²⁶¹. Между тем еще в конце XIV в. Ульрих Тот-старший был в числе крупнейших инвесторов казначейства и самых богатых бюргеров города²⁶². Однако в XV в. это семейство городской знати разорилось и пришло в упадок, что и не позволило его представителям (в отличие от Брейшухов) восстановить утраченные социальные позиции и в XVI в. вернуться в патрицианскую корпорацию города. Впрочем, такой была судьба не одних только Тотов.

Так, семейство Фельманов К. Босль называет в числе древнейших патрицианских родов Аугсбурга²⁶³. О Конраде Фельмане известно, что он в первой половине XIV в. вел торговлю на рынках Тироля и занимался банковско-ростовщическими сделками с княжеским казначейством в Инсбруке²⁶⁴. Но уже во второй половине того же столетия семейство Фельманов (также как и Тотов) разорилось²⁶⁵ и перестало играть сколько-нибудь заметную роль в экономической жизни Аугсбурга. Социальная судьба Фельманов во многом схожа с судьбой Тотов. Она свидетельствует о необратимости процесса «опускания» некоторых патрицианских семейств в ряды средних слоев городского населения, которые существовали главным образом за счет занятий «ручным ремеслом» и мелкой розничной торговлей. Однако социальные метаморфозы, происходившие с «древними родами», могли принимать иной оборот.

Шнельманы, как о том свидетельствуют источники, вели происхождение от одного из рыцарских родов Швабии, их поселение в городе и вступление в патрицианскую корпорацию Аугсбурга состоялось примерно за четверть века до цехового переворота²⁶⁶. На основании фактов, которыми располагает исследователь о семействе Шнельманов, с достаточной степенью достоверности можно утверждать, что к концу XIV в. произошло пресечение «бюргерской ветви» этого рода²⁶⁷ и имел место переход в ряды клира католической церкви и министралов аугсбургского епископа представителей другой его ветви²⁶⁸. Свидетельства источников делают вполне возможным вывод, что прочного оседания Шнельманов в городской общине так и не произошло. Покинув после цехового переворота 1368 г. патрицианскую корпорацию, они, по всей видимости, не вступили ни в один из цехов (по крайней мере о факте их перехода в цехи источники не сообщают). Шнельманы оказались в городской

общине чужеродными элементами и были ею отторгнуты. Превращение дворянского семейства («швабских рыцарей») Шнелльманов в бюргеров средневекового города, можно сказать, так и не состоялось.

Таким образом, основными направлениями социальных метаморфоз патрицианских семейств данной группы (за исключением Брейшухов) были «опускание» в ряды средних слоев городского населения, разорение, упадок, оскудение и пресечение родов городской знати или их переход (точнее, возвращение) в «благородные сословия» феодального общества. История семейств данной группы не дает достаточно убедительных примеров эволюции патрицианских семейств в «средний класс» городского бюргерства. Судьбы этих семейств в большей мере могут служить наглядным примером циклического характера социальной эволюции данной категории городского населения.

* * *

Изучение судеб восемнадцати патрицианских семейств Аугсбурга, которые, если придерживаться официальной версии, после событий цехового переворота 1368 г. перешли из патрицианской корпорации в торгово-ремесленные цехи города, дает основания сделать следующие выводы.

Прежде всего необходимо признать вполне закономерным явлением, что половина или почти половина этих семейств (девять или восемь) оказались в торговых объединениях – купеческой гильдии и корпорации крамерей. Дело в том, что многие патриции являлись не только землевладельцами и инвесторами казначейства, но и еще задолго до цехового переворота занимались торговлей и банковско-ростовщической деятельностью. Поэтому их интересы (за исключением Хорнлинов и, видимо, Флинсбахов) в значительной степени были ориентированы, говоря современным языком, на «рыночную экономику».

Выход семейств городской знати из корпорации патрициев обычно приводил к их более или менее прочному оседанию в рядах средних слоев населения. Последние, как известно, были ревностными поборниками городской автономии, и выходцы из патрицианской корпорации, переходя в их ряды, принимали и их политическую позицию. Но и из этого правила известны исключения. Одно такое исключение являет собою линия политического поведения Людвига Хорнлина, поддержавшего местного епископа в его конфликте с городской общиной. Другое

исключение – судьба Петера Эгена-младшего, сблизившегося с дворянством и вставшего на путь открытой конфронтации с городской коммуной. Однако здесь следует сделать оговорку, что во время конфликта с городской общиной Петер Эген-младший, по всей видимости, стремился не столько к реставрации «старой сеньории», сколько к установлению диктатуры личной власти или, если так можно сказать, «немецкого варианта итальянской тирании».

4.4. «ВЫСКОЧКИ ИЗ ЦЕХОВ» В РЯДАХ ГОРОДСКОЙ ЗНАТИ

Четвертый тип аугсбургского патрициата, согласно классификации Р. Кислинга, составили семейства, представители которых не были выходцами из «старинных родов» и не отличались знатностью происхождения. Во второй половине XIV в. родоначальники этих семейств только начинали свой путь в ряды городской знати, в начале XV в. были включены в список членов «Клуба господ», в 1478 г. приняты в «*Mehrer der Gesellschaft*» и в 1538 г. этот путь социального возвышения завершили в патрицианской корпорации города²⁶⁹. Классификация Кислинга принимает во внимание критерии, которые отражают типичный и, с правовой точки зрения того времени, обычный и «легитимный» путь их возвышения из рядов цехового бюргерства в ряды городской элиты. Однако в таком случае за рамками исследования остаются семейства бюргерской верхушки, успехи представителей которых носили скоротечный характер и они в силу тех или иных обстоятельств обычным путем и на законных основаниях не смогли занять места в патрицианской корпорации, в которой общественное мнение видело эталон «знатности» в средневековом городе. Поэтому автор настоящей монографии намерен, насколько это позволяют сделать источники, восполнить пробел и обратиться к судьбам семейств бюргерской верхушки, представители которых фактически принадлежали к городской элите, но при этом формально не входили в число патрициев. Эти семейства оказались тем или иным образом причастны к процессу генезиса капитализма, сыграв в нем заметную и даже значительную роль. Обращение к их судьбам позволит не только сообщить дополнительный, к тому же существенный, штрих всей картине социальной жизни позднесред-

невекового города, но и показать ее в динамике и разнообразии. Тем самым представляется возможным расширить границы научного поиска.

* * *

Рассмотрение судебных патрицианских родов Аугсбурга четвертого типа, однако, следует начать с семейств таких представителей бюргерской верхушки, как Хонольды, Фелины, Рудольфы и Эндорферы, которые, вполне в соответствии с концепцией Р. Кислинга, совершили эволюцию, получившую завершение в XVI в. в патрицианской корпорации, традиционным для средневекового города путем. Представители этих семейств уже в последней четверти XIV – начале XV в. выступали в роли инвесторов городского казначейства Аугсбурга. Этот факт в известной степени отразил их успехи экономической деятельности и одновременно первые шаги в ряды городской знати.

В актах городского казначейства Аугсбурга лишь однажды упоминаются имена представителей семейства Хонольдов, причем текст самого акта делает возможной гипотезу, что Хонольды поддерживали дружеские отношения и, возможно, состояли в родстве с влиятельным в городе семейством Эгенов²⁷⁰. Хонольды были выходцами из Кауфбойрена, не порывали связей и после переселения в Аугсбург с родным городом, в сельской округе которого им еще в середине XV в. принадлежали мельница, земельные владения и ренты «сеньориального происхождения»²⁷¹. В дальнейшем, однако, пути Эгенов и Хонольдов решительно разошлись: первые связали свою судьбу с феодальным дворянством, опору в котором искал в своих политических планах Петер Эген-младший; главным полем деятельности вторых стали торговля и предпринимательство. И на избранном пути Хонольдам сопутствовал успех, который им в первую очередь принесло участие в раннекапиталистическом предпринимательстве, особенно в горнорудной промышленности австрийских владений Габсбургов.

К старинному купеческому семейству принадлежали Рудольфы, представитель которого (Rudolfus de Augusto) еще в конце XIII в. вел торговлю на рынках Тироля и занимался банковско-ростовщическими операциями с княжеским казначейством в Инсбруке²⁷². Однако удача отвернулась от Рудольфов, и в первой половине XIV в. им так и не удалось занять место в патрицианской корпорации Аугсбурга. Более того, к началу 60-х годов

того же столетия они не являлись даже членами купеческой гильдии, и в 1362 г. «один из Рудольфов» во время похода городского ополчения, целью которого было взятие и разрушение рыцарского замка Цвингенберг, возглавил отряд городских рыбаков в роли, по всей видимости, главы их объединения²⁷³. В дальнейшем купеческая деятельность Рудольфов оказалась успешной, и они сумели поправить пошатнувшееся было положение. В 1368 г. Цахариус Рудольф входил в число богатейших бюргеров города. Одиннадцать лет спустя (в 1379 г.) тот же Цахариус Рудольф большую часть своих денежных средств инвестировал в ренту городского казначейства²⁷⁴, которая, судя по данным податного кадастра 1396 г., на многие годы стала основным источником его доходов.

На основании свидетельств источников можно сделать вывод, что Цахариус Рудольф, достигнув в 60-е и 70-е годы XIV в. значительного по тому времени уровня благосостояния, сменил на склоне лет по примеру других богатых бюргеров беспокойную жизнь торговца на «дальних рынках» и купца-раздатчика на размеренный образ жизни рантье средневекового города. Наследники Цахариуса, однако, продолжали активно себя проявлять на ниве экономической деятельности, занимаясь банковско-ростовщическими операциями и торговлей, а с конца XV в. — и капиталистическим предпринимательством в горнорудных промыслах и текстильном производстве. Предпринимательская деятельность в этих отраслях превратилась для Рудольфов в основной источник обогащения и вместе с тем — в средство политического влияния. Таким путем прошли многие пионеры раннего капитализма, которых увлекла за собой волна экономического подъема, который переживали германские земли со второй половины XV в.

Предок компаньонов знаменитых представителей «аугсбургской ветви» патрицианского семейства баронов Вельзеров и братьев Цангмейстеров из Меммингена розничный торговец Зейц (Зигфрид) Фелин уже в конце 70-х — начале 80-х годов XIV в. был зажиточным бюргером, о чем свидетельствует, в частности, приобретение им ренты городского казначейства Аугсбурга²⁷⁵ и участие в феодальном землевладении в городской округе²⁷⁶. Фелины активно себя проявляли на рынках мировой торговли и в XVI в. Благодаря данному обстоятельству они, таким же образом как и Рудольфы, быстро приобщались к капиталистическому предпринимательству. Правда, достижения

предпринимателей ранга Рудольфов и Фелинов на этом поприще порою оказывались недостаточно заметными «за широкими спинами» таких выдающихся капитанов раннего капитализма в германских землях, какими были Фуггеры и Вельзеры, имена которых стали известны повсюду в Германской империи и даже за ее пределами.

«Книги рент» городского казначейства Аугсбурга лишь однажды упоминают Эндорферов²⁷⁷. Они были уроженцами Кауфбойрена и продолжали обладать феодальным землевладением в сельской округе родного города²⁷⁸ после переселения в Аугсбург. В то же время об Эндорферах известно, что они уже во второй половине XV в. принимали активное участие в горно-рудной промышленности Тироля не только в роли капиталистов-предпринимателей, но и инженеров – специалистов горного дела²⁷⁹. Что же касается Аугсбурга, здесь они прошли, также как Рудольфы и Фелины, обычный путь социального возвышения: от членов «Клуба господ» в начале XV в., через вступление в 1478 г. в аристократическую корпорацию «*Mehrer der Gesellschaft*», до принятия их в XVI в. в объединение городского патрициата. С другой стороны, Эндорферов, а равным образом Рудольфов и Фелинов, можно поставить в один ряд с представителями нарождавшегося класса торговой буржуазии.

* * *

Ведущей отраслью городского хозяйства Аугсбурга, которая принесла городу богатства, известность на международных рынках и затем значение одного из центров раннего капитализма в германских землях, было текстильное производство. Роль данной отрасли особенно возросла с развитием в Аугсбурге и его сельской округе с середины XIV в. бумазейного производства. Именно деятельность в этой отрасли, как мы видели, принесла успех Мойтингам и Брейшухам. В этой же связи представляет также интерес обращение к судьбам преуспевающих цеховых мастеров – «высочек» (*Emporkommlingen*) из корпорации ткачей. Все они начинали свой путь к богатству с занятий «ручным ремеслом» за ткацкими станками, затем перешли к торговой и предпринимательской деятельности и достигли на этом пути успеха. В такой же мере очевидно, что данный успех на локальном уровне связан с судьбами текстильного производства Аугсбурга. Таким образом макроистория раннего капитализма в германских землях и даже во всей Западной Европе в

целом преломлялась в микроистории имперского города Аугсбурга и его цеховой верхушки.

Пример семейства городской знати «новой формации» являли собою Артцты, которые не принадлежали к числу «древних» патрицианских родов и начинали свой путь наверх в цехе ткачей. Родоначальник этого семейства городской знати Иос Артцт-старший после цехового переворота 1368 г. неоднократно исполнял обязанности цвельфера и старшины корпорации, входил в состав правящего совета города и в конце XIV в. обладал значительным для того времени состоянием, часть которого была инвестирована в ренты городского казначейства²⁸⁰. Так, В. фон Штромер называет Артцта в числе аугсбургских купцов, которые еще в самом начале XV в. участвовали в прибыльной и престижной венецианской торговле²⁸¹. Известно также, что один из сыновей Иоса Артцта-старшего Ульрих Артцт-старший²⁸² в 1416 г. основал собственную торговую компанию, которая занималась главным образом сбытом текстильных товаров итальянского производства на рынках Германии (особенно на знаменитых Франкфуртских ярмарках)²⁸³. Все это свидетельствовало о крутом повороте в социальных судьбах семейства Артцтов, которые из цеховых мастеров совершали метаморфозу в крупных купцов-оптовиков.

Из рассмотренных выше фактов следует, что сын цвельфера и старшины корпорации ткачей перешел в купеческую гильдию и стал оптовым торговцем. Хронист Буркард Цинк называет Ульриха Артцта-старшего «богатым купцом и влиятельным бюргером, владельцем собственной торговой компании» и оценивает его состояние в 40000 гульденов. По словам Цинка, этот богатый бюргер, полагая, что с него берут в родном городе слишком большой налог, отказался в начале 40-х годов XV в. от бюргерских прав в Аугсбурге и эмигрировал в Нюрнберг. По мнению того же Цинка, Артцт сделал это, стремясь к личной выгоде и грубо попирая «общую пользу»²⁸⁴. Но четверть века спустя (в 1468 г.) в родной город возвратился сын эмигранта Ульрих Артцт-младший, поставивший, однако, условием своего возвращения обязательство городских властей, что они разрешат ему не состоять ни в одном из цехов, ни в патрицианской корпорации²⁸⁵. История семейства Артцтов для Цинка послужила поводом, чтобы обвинить «новых людей» во всех грехах — в алчности, забвении обычаев «доброе старое время» и попирании «справедливых» устоев цехового ремесла.

Дело в том, что, можно сказать, на глазах хрониста совершалось превращение Артцтов из «рядовых ткачей» в крупных оптовых торговцев, активно себя проявлявших в деятельности на рынках Венеции и Франкфурта-на-Майне. Эта социальная метаморфоза Артцтов завершилась еще при Ульрихе-старшем. Причем есть основания полагать, что генезис состояния Артцтов на первой стадии был тесно связан с раздачами сырья (хлопка) прядильщикам и полуфабрикатов (прежде всего пряжи) бедным цеховым мастерам и деревенским ткачам, практикой авансирования мелких производителей деньгами и сырьем, скупкой у них же готовых изделий. Все это привело Артцтов к участию в зачаточных формах раннекапиталистического предпринимательства, но не означало их необратимой эволюции из средневековых бюргеров в буржуа Нового времени. Переход от занятий «ручным ремеслом» к практике так называемых раздач имел свои ограничительные рамки. Нажитые с помощью предпринимательства богатства сделали возможной для Артцтов деятельность купцов-экспортеров и банкиров-ростовщиков, что открыло перед ними двери сначала в «*Mehrer der Gesellschaft*», а затем и — в корпорацию городского патрициата. Вместе с тем факты, отразившие отношение Артцтов к событиям Реформации и Крестьянской войны, особенно бургомистра Аугсбурга и представителя «городского сословия» в штаб-квартире Швабского Союза в Ульме Ульриха Артцта-третьего, который активно выступил на стороне феодально-политических сил и в Юго-Западной Германии сыграл роль одного из их лидеров²⁸⁶, делают правомерным вывод, что превращение представителей этого семейства средневековой городской знати в буржуа Нового времени так и не состоялось.

С корпорацией городских ремесленников-ткачей Аугсбурга связано начало пути к богатству и политическому влиянию знаменитых Фуггеров. Как известно, деятельность переселившегося из швабской деревни Грабен в Аугсбург Ганса Фуггера, сельского ткача и родоначальника династии «некоронованных властителей Германии», совпала во времени с ранней стадией развития в южно-немецких городах и их сельских округах бумажейного производства. Обращает на себя внимание и тот факт, что в отличие от большинства преуспевающих цеховых мастеров Фуггеры и во второй половине XV в. по существу не участвовали в инвестициях в городское казначейство, и первая рента этого казначейства ими была приобретена только в середине

XV в.²⁸⁷ Однако примерно за столетие до этого они сделали первые шаги к активному участию в феодальном землевладении²⁸⁸. Это явление заслуживает специального рассмотрения, поскольку его исследование, с одной стороны, позволит пролить дополнительный свет на историю обогащения и социального возвышения семейства Фуггеров. С другой стороны, приобщение Фуггеров к феодальному землевладению бросает достаточно яркий свет и на социальный облик нарождавшейся торговой буржуазии, точнее – ее верхушечной тончайшей прослойки («монопольной» фракции этой буржуазии).

Одни из первых биографов Фуггеров в современной историографии, М. Янзен, обращаясь к данному сюжету, отмечает, что родоначальник этого семейства аугсбургской городской знати Ганс Фуггер 13 марта 1403 г. приобрел у Андреаса Эберлина из Цусмарсхаузена за 200 гульденов «двор и половину гуфы» пахотной земли в Шеппахе на берегу р. Миндель. Через два года (18 июня 1405 г.) тот же Ганс Фуггер купил у патрицианского семейства Хофмайеров из Аугсбурга за 240 гульденов «двор», 4 чинша и небольшую парцеллу пахотной земли в Буртенбахе. Сопоставление названных выше земельных приобретений Ганса Фуггера с данными налогового кадастра Аугсбурга 1396 г. свидетельствует о том, что шестая часть его состояния (около 17 процентов) была инвестирована в землевладение. В действительности доля землевладения в структуре собственности Ганса Фуггера уже тогда была еще большей. Дело в том, что неопубликованная «Тайная книга чести фуггеровского рода», составленная в 1545 г., содержит запись о том, что Ганс Фуггер и после переселения из Грабена в Аугсбург продолжал владеть в родной деревне «несколькими пашнями и покосами»²⁸⁹. «Книга ленов» кафедрального собора Аугсбурга (за 1424 г.) включает свидетельство о том, что сын и наследник Ганса Фуггера Эндрес Фуггер получил в качестве держания «на ленном праве» «двор» в Хельфертингене и присоединил к полученному по наследству участку земли в Буртенбахе небольшой надел пашни, который он приобрел уже сам у аугсбургского бюргера Ганса Лаугингера²⁹⁰. Таким образом, источники не оставляют сомнения в том, что Фуггеры рано и, как оказалось, прочно и надолго связали свои жизненные интересы с феодальным землевладением, которое уже в конце XIV – начале XV в. занимало значительный удельный вес в структуре их собственности и, вероятно, определяло линию поведения представителей семейства.

Причем речь идет о том этапе деятельности самих Фуггеров, когда они еще были далеки от вершины своего богатства и политического влияния, во многих отношениях являя собою пример типичных представителей преуспевающей бюргерской верхушки. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Фуггеры, как, впрочем, и другие бюргеры, в качестве землевладельцев получали по преимуществу натуральную земельную ренту, которая в наибольшей степени отвечала их интересам торговцев. В то же время необходимо отметить, что сама практика поддержания механизма натуральной ренты была направлена на удовлетворение растущего спроса городского населения на сельскохозяйственные продукты и, следовательно, способствовала решению исключительно важной для средневекового города продовольственной проблемы. С другой стороны, такая практика содействовала расширению и углублению товарно-денежных отношений между городом и деревней. С этой точки зрения, как Фуггеры, так и другие преуспевающие представители бюргерской верхушки, принимавшие участие в феодальном землевладении, сыграли известную прогрессивную роль в развитии аграрного сектора общественного производства, подготавливая почву, фигурально выражаясь, для прорастания семян раннего капитализма в деревне.

Возникает, однако, вопрос, являлось ли участие Фуггеров в феодальном землевладении для бюргерской верхушки феноменальным явлением? Как убедительно показали в своих исследованиях отечественные историки, связь с феодальным землевладением и обладание «сеньориальными сервитутами» являлись характерными чертами, присущими в Средние века бюргерской верхушке не только Аугсбурга, но и других городов Германии²⁹¹. Правда, этот признак проявлял себя по-разному. Многочисленные свидетельства источников красноречиво указывают на то, что цеховые мастера и торговцы Южной Германии (Аугсбург²⁹², Ульма²⁹³, Кауфбойрена²⁹⁴, Констанца²⁹⁵, Мюнхена²⁹⁶ и т. д.) в сельских округах своих городов не только занимались животноводством, огородничеством, садоводством, виноградарством и цветоводством, совмещая эти занятия со своим основным ремеслом, но и выступали в роли получателей с зависимых крестьян земельной ренты или так называемого сверхценза, возникавшего в результате задолженности крестьян бюргерам-ростовщикам, а также являлись владельцами самих крестьян, которые попадали в лично-наследственную зависимость от бюргеров²⁹⁷.

Порою бюргеры сосредотачивали в своих руках сеньориальные права и привилегии в деревнях или даже занимали там место владельцев сеньорий. Иногда феодальное угнетение деревни они совмещали там же с деятельностью не только банкиров-ростовщиков, но и капиталистов-раздатчиков. Таким путем шли не только Фуггеры, но и другие преуспевающие цеховые мастера. На раннем этапе деятельности Фуггеров их участие в феодальном землевладении вряд ли принципиально отличалось от участия в нем многих удачливых выходцев из рядов цехового бюргерства. Только с конца XV в. участие Фуггеров в феодальном землевладении и на самом деле приобретает необычайно широкий размах, а с середины XVI столетия – все признаки «социальной рефеодализации». Однако на рубеже XIV–XV вв. Фуггеры, как и другие преуспевающие в предпринимательской и торговой деятельности цеховые мастера, еще были достаточно далеки от подобной метаморфозы.

Корпорация ткачей Аугсбурга уже в XIV в. и особенно в XV–XVI вв., кроме Мойтингов, Брейшухов, Артцтов и Фуггеров, выдвинула из своей среды также и других, как их называет Я. Штридер, «выскочек из цехов», которые своими богатствами и политическим влиянием не только не уступали, но и порою превосходили именитых представителей городской аристократии. Эта, по выражению того же Штридера, «фаланга купцов-капиталистов»²⁹⁸ включала такие семейства Аугсбурга, как Эхемы, Пиммели, Вайсы-Витциги, Хеммерлины, Хауштеттеры, Крамеры, Хохштеттеры и еще несколько десятков семейств, которые также можно отнести к числу нуворишей, наживших крупные состояния благодаря прежде всего участию в раннекапиталистическом предпринимательстве. Обращение к истории обогащения и возвышения, а равным образом – разорения и падения – этих семейств бюргерской верхушки представляет определенный научный интерес, поскольку в ней нашли отражение черты, присущие эпохе первоначального накопления и генезиса капитализма. Традиционный для того времени путь социального возвышения прошли Эхемы и Пиммели. К их истории и обратимся в первую очередь.

Повествование о семействе городской знати Аугсбурга Эхемов Пауль фон Штеттен-младший начинает с признания: «Не является ложным утверждение, что Эхемы вели происхождения от простых ремесленников цеха ткачей»²⁹⁹. Автор хроники ткачей Клеменс Егер особо подчеркивает тот факт, что уже ро-

доначальник этого семейства городской знати Ганс Эхем к началу XV в. обладал значительным состоянием, приумноженным сыном последнего Томасом Эхемом, который в середине того же столетия несколько раз избирался цвельфером и старшиной корпорации ткачей, а затем перешел в купеческую гильдию и в 70-е годы представлял ее в правящем совете города³⁰⁰. Причем, энергичные, вряд ли расположенные к сомнениям, угрызениям совести и состраданию к ближнему, представители семейства Эхемов, выступая в роли «подлинных рыцарей» эпохи первоначального накопления, полностью игнорировали инвестиции в ренты городского казначейства как средство аккумуляции капитала. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что в отличие от многих «высочек» из корпорации городских ткачей, экономическое и даже политическое влияние которых было основано исключительно на силе денег, носило характер кратковременных и, как правило, преходящих эпизодов, Эхемы сумели приобрести соответствующие менталитету средневекового бюргерства атрибуты социального престижа, вошли в ряды городской знати, заняв в конечном счете место в ее патрицианской корпорации.

Такой же, что и Эхемы, путь от ткацкого станка до патрицианской корпорации прошли и выходцы из цеха ткачей Пиммели³⁰¹, которые даже среди пионеров раннего капитализма в германских землях выделялись необычайной алчностью и жадной наживы³⁰². Основатель «династии» этого семейства аугсбургской знати Ганс Пиммель еще в 1486 г. обладал незначительными средствами всего в несколько десятков гульденов, так как, по словам Я. Штридера, работа за ткацким станком и в качестве наемного работника принадлежавшего магистрату белильного предприятия приносила ему незначительный доход³⁰³. Реальную перспективу обогащения перед Пиммелями открыло участие в экспортной торговле и эксплуатация городских и деревенских прядильщиков и ткачей-бумазейщиков с помощью механизма так называемых раздач. В свою очередь средства, аккумулярованные Пиммелями в торговле и предпринимательской деятельности в текстильном производстве, послужили своего рода «учредительным капиталом» для их участия в конце XV – первой половине XVI в. в роли сначала «откупщиков» и торговцев металлами, а затем – предпринимателей-капиталистов в горнорудной промышленности Тироля³⁰⁴. Помимо прочего, Пиммели являлись банкирами-финансистами Габсбургов.

По характеру экономической деятельности Пиммели, казалось бы, близко стояли к буржуазии Нового времени. Однако они же ориентировались на консервативные социально-политические идеалы и во время событий Реформации и Крестьянской войны выступали на стороне феодально-католических сил как противники радикальных преобразований общества и церкви. Они оказались, можно сказать, по разные стороны баррикад с «предшественниками пролетариата Нового времени» в своем родном городе³⁰⁵. Объяснение линии социально-политического поведения Пиммелей следует искать в том, что они, как и представители других богатейших семейств Аугсбурга, входившие во фракцию «монополистической» торговой буржуазии, которая была тесно связана с интересами феодального дворянства и католической церкви, не вступали в противоборство с существующим правопорядком за преобразование общественного строя, а сделали свой выбор на пути приспособления к условиям феодальной системы и использования ее институтов в собственных корыстных интересах. Прежде всего именно это обстоятельство определяло позицию представителей «монополистической» буржуазии в острых социально-политических и профессиональных конфликтах того времени. В конечном счете «монополисты» оказались на стороне тех консервативных сил, которые выступали за то, чтобы «все осталось, как было».

* * *

Эхемы и Пиммели прошли путь социального возвышения от рядовых ремесленников до патрицианской корпорации, куда они были приняты в 1538 г., если так можно сказать, в «усеченном варианте». Дело в том, что, по крайней мере, о членстве Эхемов и Пиммелей в «Клубе господ» источники не сообщают. Между тем корпорация ткачей Аугсбурга выдвинула из своей среды еще несколько десятков «выскочек», которые также совершали путь от ткацких станков в ряды бюргерской верхушки и капиталистов-раздатчиков. Однако последним, в отличие от Эхемов и Пиммелей, не удалось приобрести всех атрибутов «знатности», присущих средневековому городу. История этой социальной группировки городского бюргерства также представляет определенный научный интерес.

«Застрельщиком и вдохновителем» широкого общественного движения в Аугсбурге «против правления патрициев», по словам анонимного хрониста, выступил Ганс Вайс (известный

также горожанам под именем Витцига), которого хронист называет «казначеем ткачей» (kellermeister der weber). Именно он возглавил экономически самостоятельных городских ремесленников и торговцев, вставших на путь борьбы с монополией «древних родов» на политическую власть в городе. Участники движения считали существующий порядок формирования правящего совета и других учреждений городского самоуправления несправедливым прежде всего по той причине, что, как утверждает тот же хронист, они сами «желали управлять городом»³⁰⁶. В этой связи нельзя не обратить внимания на тот вполне очевидный факт, что лидер движения вряд ли встал на рискованный путь борьбы с правящим патрицианским режимом по соображениям материального характера, так как он был не только влиятельным, но и зажиточным человеком³⁰⁷. После событий цехового переворота 1368 г. Ганс Вайс (Витциг) неоднократно избирался цвельфером и старшиной корпорации ткачей, занимая в качестве старшины этой корпорации должности баумейстера и сборщика налогов и пошлин в правящем совете города³⁰⁸. Вряд ли он нажил свое состояние только работой за ткацким станком. Есть основания полагать, что состояние возникло в результате участия самого Ганса Вайса (Витцига) как в торговле, так и авансировании бедных ремесленников (прядильщиков и ткачей) в городе и его сельской округе. Возможно также, что он принял участие и в первых опытах по формированию предпринимательскими элементами из среды городского бюргерства производственных отношений в рамках так называемых раздач сырья или полуфабрикатов (пряжи) мелким производителям. Лишь принимая во внимание данную коллизия, можно найти объяснение происхождению крупных бюргерских состояний, которые появились в Аугсбурге уже во второй половине XIV в. Именно эта гипотеза, вполне возможно, может служить ключом к «тайне» возникновения здесь крупных бюргерских состояний.

Ганс Вайс (Витциг) умер, не оставив наследников. Но источники содержат свидетельства и о других Вайсах из корпорации городских ткачей. «Ткач и цвельфер цеха» Генрих Вайс в 70-е годы того же XIV в. выступил в роли инвестора городского казначейства³⁰⁹. Конрад Вайс в 1373 г. исполнял обязанности цвельфера корпорации ткачей³¹⁰, но уже тогда он вряд ли зарабатывал средства к существованию только за станком. Через пять лет (в 1378 г.) в одном из актов городского казначейства Аугсбурга Конрад Вайс назван «служащим Ульриха Ильсунга

и бюргером Мюнхена»³¹¹. Это дает основание заключить, что Конрад Вайс между 1373 и 1378 г. вышел из цеха ткачей, вступил в купеческую гильдию и стал фактором компании Ильсунгов в соседнем с Аугсбургом городе. Отсюда же следует, что к тому времени он достиг достаточной степени благосостояния, чтобы отказаться от занятий «ручным ремеслом» и перейти к деятельности купца и, быть может, предпринимателя.

Затем на протяжении более столетия Вайсы ничем не привлекали внимания городских хронистов. Вековое молчание было нарушено лишь в 1510 г., когда на средства Мартина Вайса в церкви св. Креста в Аугсбурге был установлен новый алтарь. Рассказывая об этом примечательном событии, хронист Вильгельм Рем особое внимание обращает на тот факт, что этот вклад на сооружение дорогостоящего алтаря был совершен человеком, который всего несколько лет тому назад зарабатывал себе «на хлеб насущный ручным ремеслом» и был «лишь рядовым ткачом»³¹². В другом месте хроники Рем называет Мартина Вайса «богатым купцом, состояние которого, как считали (многие), равнялось примерно 50000 гульденам»³¹³. Хронист, по всей видимости, впадает в некоторое преувеличение в оценке уровня состояния Вайса, хотя оно и на самом деле было весьма значительным и, к тому же, обнаруживало тенденцию роста, что, кстати, находит подтверждение в данных податных кадастров³¹⁴. Материалы источников не оставляют сомнения в том, что купеческо-предпринимательская деятельность Мартина Вайса была связана с развитием бумазейного производства в самом городе и его сельской округе, а также с теми выгодами, которые он извлекал из распространения в данной отрасли хозяйства отношений раздач. Отсюда следует, что механизм обогащения бюргерской верхушки Аугсбурга отличался определенным единообразием в том смысле, что основным источником этого обогащения служили раннекапиталистические формы организации текстильного, прежде всего бумазейного, производства. Именно здесь и возникали крупные бюргерские состояния.

Подобный Фуггерам и Вайсам путь совершили, по крайней мере на начальной стадии генезиса их состояний, и другие «выскочки» из корпорации ткачей Аугсбурга. Правда, большинству из них не удалось достичь или даже приблизиться к уровню состояний Мартина Вайса или особенно Якоба Фуггера-богатого. Однако источники, из которых все эти люди «новой формации» черпали свои богатства, были в основном одними и теми

же. В качестве примера можно еще раз сослаться на рассказ Буркарда Цинка о поступлении на службу к Иосу Крамеру, который наживал свое состояние не только в венецианской торговле, но и с помощью механизма раздач сырья и полуфабрикатов мелким производителям и скупки у них же чаще «сырой» (или «недоработанной») и реже – «стандартной» бумазеи, способной выдержать конкуренцию на «дальних рынках», то есть в центрах международной торговли. Став владельцем собственной торговой компании, Иос Крамер, также как и Мартин Вайс, не вышел тут же из корпорации ткачей, используя членство в ней как в своей предпринимательской деятельности, так и в целях активного участия в политической жизни и управлении городом³¹⁵. И хотя деятельность Крамера в качестве оптового торговца и предпринимателя не достигла масштабов и размаха деятельности Мартина Вайса, общей чертой происхождения богатств обоих представителей цеховой верхушки являлась тесная связь с текстильным производством города, в которое они инвестировали денежные средства. Поэтому первоосновой такой связи была не только торговля, но и отношения так называемых раздач, образующие, как показано в Главе второй настоящей монографии, предысторию и начальную стадию процесса генезиса капитализма. Таким же путем от занятий «ручным ремеслом» к предпринимательской деятельности капиталистического типа прошли и другие представители преуспевающей верхушки корпорации ткачей. Поэтому изучение их судеб представляет определенный научный интерес.

Обращаясь к истории семейства Хеммерлинов, Я. Штридер замечает, что современные историки незаслуженно о них «забыли»³¹⁶. С такой ремаркой Штридера можно согласиться. Между тем сам основоположник этого рода городской знати Якоб Хеммерлин-старший поселился в Аугсбурге только в конце 20-х или даже начале 30-х годов XV в., занимал сначала положение рядового ремесленника-ткача, но затем благодаря участию в оптовой торговле, как это можно заключить на основании изучения материалов хроники ткачей, нажил большое состояние и в списке богатейших налогоплательщиков города в 1467 г. находился третьим сверху вслед за нуворишем Томасом Эхемом и аристократом Лукасом Вельзером³¹⁷. Причем часть состояния Хеммерлинов была инвестирована в ренты городского казначейства Аугсбурга³¹⁸. Сам же Якоб Хеммерлин-старший, по крайней мере до 1454 г., оставался в корпорации городских ткачей,

и очевидно, что его богатства были аккумулированы не только в экспортной торговле и банковско-ростовщических операциях, но и в текстильном производстве, в котором он выступал прежде всего в роли капиталиста-раздатчика. Именно деятельность раздатчика принесла Якобу Хеммерлину-старшему большие материальные выгоды. Однако возвышение Хеммерлинов оказалось сколько стремительным, столько же и скоротечным. Уже на рубеже XV–XVI вв. «богатые ткачи Хеммерлины» перестали играть сколько-нибудь заметную роль в жизни Аугсбурга. Поэтому они, о чем свидетельствуют источники, также быстро были «преданы забвению» в общественном мнении и исторической памяти последующих поколений горожан, а затем – в современной историографии. Между тем «кратковременный эпизод» из истории семейства «богатых ткачей Хеммерлинов» бросает достаточно яркий свет на одну из существенных сторон социально-экономического развития не только Аугсбурга, но и всех германских земель в эпоху раннего капитализма.

К той же группе «выскачок из цехов» следует отнести семейство Хауштеттеров. В конце XV в. их имена были широко известны и пользовались популярностью среди жителей Аугсбурга благодаря многочисленным и щедрым благотворительным пожертвованиям в пользу церкви³¹⁹. В 1498 г. Якоб Хауштеттер являлся одним из богатейших налогоплательщиков Аугсбурга³²⁰ и часть состояния инвестировал в ренты городского казначейства³²¹. Как установил еще Я. Штридер, предки этого богатого бюргера добывали средства к существованию упорным трудом за ткацким станком³²². В отличие от Вайсов, Крамеров, Хеммерлинов и других преуспевающих цеховых мастеров, Хауштеттеры рано вышли из корпорации ткачей и вступили в купеческую гильдию, что, однако, не означало утраты ими тесных связей с бурно развивавшимся в то время текстильным производством. Изменился лишь уровень и особенно характер этих связей, им был придан новый импульс, который прежде всего проявился в том, что Хауштеттеры, став крупными оптовыми торговцами и банкирами, сумели подчинить себе гораздо большее число мелких производителей, чем это они могли сделать до перехода в купеческую гильдию. Переход в эту гильдию также означал, что они стали самостоятельно осуществлять сбыт готовых изделий на рынках «дальней торговли». Однако и в новом качестве Хауштеттеры продолжали выступать в роли капиталистов-раздатчиков, теперь уже по отношению не только к

бедным цеховым мастерам, но и сельским ремесленникам. Правда, их пребывание в новом качестве было недолгим, а падение стремительным. Хауштеттеры как быстро появились в рядах городской элиты, также быстро из них и исчезли.

Знаменитые купцы, банкиры-ростовщики, предприниматели-капиталисты и спекулянты-авантюристы международного масштаба из семейства Хохштеттеров, строго говоря, не были «высочками» из корпорации ткачей Аугсбурга, но их «взлет» тесным образом связан с текстильным производством этого города. Хохштеттеры начинали свой жизненный путь в городе в белильном производстве, а затем в течение нескольких десятилетий занимались главным образом розничной торговлей тканями, прокладывая, по словам Я. Штридера, себе дорогу в ряды «капиталистов новой формации»³²³. Известно, что еще в 1408 г. «белильщик Хохштеттер» платил налог с имущества в несколько десятков гульденов. Долгое время состояние Хохштеттеров вообще не обнаруживало признаков роста. Только с 40-х годов XV в. благодаря успехам деятельности на поле рыночной экономики они стали аккумулировать в своих руках значительные денежные средства, что, в частности, нашло отражение в актах городского казначейства³²⁴. С конца того же столетия процесс обогащения семейства Хохштеттеров развивался стремительными темпами, а их кипучая деятельность своими масштабами и размахом торгово-банковских операций (зачастую носивших спекулятивный характер) и инвестиций в промышленное производство (особенно горнорудные промыслы) поражала воображение и вызывала удивление современников. Все это позволило Хохштеттерам подняться до европейского уровня «деловых людей» и встать в один ряд с крупнейшими банками и предпринимателями того времени.

С другой стороны, деятельность тех же Хохштеттеров не только привлекла всеобщее внимание, но и вызвала резкую критику и осуждение со стороны представителей различных слоев общественности. Особой остроты критика в их адрес (вряд ли уступавшая критике в адрес «пресловутых Фуггеров») достигла во время «антимонополистического движения»³²⁵. В этой связи большой интерес представляет оценка деятельности компании Хохштеттеров и особенно ее главы – Амброзиуса Хохштеттера – в трудах аугсбургских хронистов Клеменса Зендера и Вильгельма Рема. «Он скупал, – пишет Зендер об Амброзиусе Хохштеттере, – лес при хорошей дороге, когда же путь стано-

вился плохим, поставлял (лес. – Ю.Н.) на рынок. Таким же образом [он продавал] вино, зерно и ткани. И часто он скупал весь товар по более высокой цене, чем он стоил на самом деле, притесняя тем самым других купцов, которые не могли себе этого позволить». Хронист обвиняет «монополистов» (в первую очередь Хохштеттеров) в том, что они принуждали потребителей, прибегая к «бессовестным мерам», покупать товары первой необходимости «по вздутым ценам». На этом основании Зендер делает вывод, что Амброзиус Хохштеттер «в своей купеческой деятельности наносил ущерб общей пользе и угнетал простого человека не только чрезмерным количеством ... товаров, но и плохими недоброкачественными товарами»³²⁶.

Гневные инвективы в адрес как Хохштеттеров, так и других «монополистов» произносит и хронист Вильгельм Рем (причем в адрес Хохштеттеров в особенно резких выражениях). Он пишет о «несметных богатствах», которыми обладали местные купцы, объединявшиеся друг с другом в торговые компании. Однако в этих компаниях, по его словам, «некоторые из них (компаньонов. – Ю.Н.) были неверны друг другу, похищая у своих компаньонов многие тысячи гульденов». Поэтому, как утверждает Рем, владельцы и руководители компаний на самом деле были «большими ворами»³²⁷. Насколько справедливы такие обвинения и в какой мере точно они отражали действительное положение вещей?

Сформулированные на эмоционально-психологическом уровне и выражавшие настроения многих очевидцев и участников событий обвинения хронистов вместе с тем носят предвзятый характер. Эти обвинения хотя и проливают некоторый свет на нравы в «большом бизнесе» того времени, не дают верного представления о подоплеке осуждения событий самими хронистами. Дело в том, что жертвами этих нравов стали представители семейства Ремов – Бартоломеус и Лукас. Это обстоятельство придавало инвективам Вильгельма Рема особую тональность. Клеменс Зендер поддерживал дружеские отношения с семейством Фуггеров, представители которого были заинтересованы в устранении опасного конкурента – Амброзиуса Хохштеттера, чем во многом объясняется негативный настрой хрониста по отношению к последнему. С другой стороны, вряд ли правомерно изображать Хохштеттеров демонами того времени и рисовать их образ только темными красками. В их деятельности не может не привлекать внимания по крайней мере еще одно ее

проявление, которое имеет принципиальное значение для оценки роли Хохштеттеров в экономической истории не только Аугсбурга, но и всех германских земель начала XVI в. Поэтому обратимся к сюжету, бросающему достаточно яркий свет на участие Хохштеттеров в развитии рыночной экономики на заре эпохи капитализма.

Как свидетельствуют источники, предприятие, во главе которого стоял Амброзиус Хохштеттер, в своей деятельности использовало не только денежные средства членов семейства и постоянных компаньонов, участвовавших в предприятии, как тогда говорили, «трудом и капиталом», но и охотно привлекало и «чужие деньги» в качестве депозитных вкладов. Поэтому в деятельности Хохштеттеров можно видеть один из первых опытов по созданию в Аугсбурге своего рода частного «народного банка». У Хохштеттеров, как пишет хронист, «помещали свои деньги князья, графы, дворяне, крестьяне, слуги и служанки и получали [ежегодно] по 5 гульденов с сотни. У них помещали свои деньги даже те, кто имел не более 10 гульденов, полагая, что деньги будут не только находиться в надежном месте, но и приносить ежегодно прибыль»³²⁸. Аккумулированные таким образом денежные средства Хохштеттеры использовали не только на спекулятивные торгово-финансовые сделки (в первую очередь на рынках Нидерландов), но и для того, чтобы перейти от участия в откупных операциях с металлами и торговли ими на европейских рынках к капиталистическому предпринимательству в горнорудных промыслах Крайны и других австрийских владений Габсбургов³²⁹. Причем и здесь Хохштеттеры вели дела с большим размахом и необычной для Средневековья энергией, инвестируя капиталы в горные разработки, строительство и оборудование плавильных предприятий. Таким образом, рассмотренные выше факты убедительно указывают на «причастность» деятельности Хохштеттеров к явлениям раннего капитализма. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что на всех этапах своей деятельности на поле рыночной экономики аугсбургские нувориши выступали в первую очередь в роли крупных оптовых торговцев и банкиров-ростовщиков. Этот факт особенно ярко проявился в банкротстве компании Хохштеттеров³³⁰. История этого семейства может служить во многих отношениях типичным примером экономической деятельности торговой буржуазии эпохи первоначального накопления и генезиса капитализма, героями и одновременно жертвами которой явля-

лись Хохштеттеры. Взлет и падение Хохштеттеров были одним из наиболее ярких эпизодов в истории раннего капитализма в германских землях.

* * *

Прежде чем завершить рассмотрение проблемы типологии городской элиты, необходимо вернуться к концепции Р. Кислинга. Как известно, он относит к четвертому типу патрициата «выскочек из цехов», сумевших пройти обычный для средневекового Аугсбурга путь социального возвышения от «Клуба господ», через аристократическое сообщество «*Mehrer der Gesellschaft*» в патрицианскую корпорацию. Такой путь прошли Хонольды, Рудольфы, Фелины, Фугеры, Эндорферы, Артцты, Эхемы и Пиммели. Помимо них, в отличие от немецкого историка автор настоящей монографии включает в четвертый тип городской элиты Аугсбурга такие семейства «выскочек из цехов», которые, достигнув высокого уровня благосостояния, аккумулировав в своих руках значительные богатства и сыграв заметную роль в экономической истории города, в силу тех или иных причин так и не смогли занять места в его патрицианской корпорации. Автор показывает это на примере Вайсов-Витцигов, Хеммерлинов, Крамеров, Хауштеттеров и Хохштеттеров. Критерием, объединявшим обе эти группы «выскочек из цехов» в рядах социально-экономической и политической элиты Аугсбурга, была непосредственная и тесная связь их деятельности с явлениями раннего капитализма; их участие не только в торговле и ростовщичестве, но и зачаточных формах капиталистического предпринимательства не вызывает сомнения. В силу данного обстоятельства, казалось бы, что обе эти группы находились на пути превращения из средневекового бюргерства в буржуазию Нового времени. Однако успешное развитие и завершение этого процесса зависело от целого ряда факторов.

Процессу эволюции средневековой городской знати в буржуазию Нового времени могло способствовать или, напротив, тормозить это движение формирование национальных государственных институтов или торжество политической раздробленности, уровень общественного сознания и культуры как элиты общества, так и широких слоев населения страны. В условиях германских земель XV–XVI вв. патрицианско-олигархическая верхушка одного из крупнейших южно-немецких городов – Аугсбурга – совмещала в своей деятельности капиталистическое

предпринимательство с обладанием феодальными регалиями и привилегиями, что вело к образованию тончайшей прослойки «монополистической» буржуазии, которая вступила в союз с консервативными силами, стоявшими на страже неизбежности феодального правопорядка и оказывавшими противодействие развитию нарождающегося класса промышленной буржуазии или даже подавлявшими его. «Монополистическая» буржуазия Германии искала опору в династии Габсбургов. Однако в отличие от Англии и Франции, где союз молодой буржуазии с королевской властью способствовал ее консолидации в границах национальных государств, в Германской империи такого союза не сложилось по причине отсутствия сильной центральной власти и торжества «княжеского мелкодержавия». Политика Габсбургов, имея целью реализацию утопической идеи мировой христианской монархии, на самом деле лила воду на мельницу политического партикуляризма и серьезно затрудняла развитие национального самосознания немецкой буржуазии. И хотя одна ее фракция («монополистическая» верхушка) прочно связала свои интересы с космополитическими планами Габсбургов, другая – была слишком слаба, чтобы выступить в качестве политического оппонента Габсбургов и поддержавших последних «монополистов», сыграть роль «могильщика феодализма» и объединителя страны. Все это в конечном счете обернулось трагедией как для Габсбургов, так и самой буржуазии, которая по уровню политической зрелости стала отставать от буржуазии передовых стран Западной Европы.

С другой стороны, предпринятое выше исследование убеждает в том, что критериями, определяющими положение городской элиты в городском сообществе, являлось ее участие в управлении городом, занятия банковско-ростовщической деятельностью и оптовой торговлей (обычно международного масштаба), тесная связь с различными формами феодального землевладения. По мере развития средневекового города и его превращения сначала в центр ремесла и торговли в условиях простого товарного производства, а затем – зачаточных форм капитализма, происходили изменения и в социальном облике городской знати. Поэтому многие немецкие историки-урбанисты не без основания подчеркивают появление в позднесредневековых городах рядом со «старым патрициатом», который ориентировался на ценности средневековой цивилизации, людей «новой формации»³³¹. Последние тем или иным образом уча-

ствовали в процессе генезиса капитализма. Однако переход средневекового города на новую стадию развития, что нашло выражение в зарождении явлений раннего капитализма, и его социальные последствия получают неоднозначные оценки среди исследователей. Так, известно, что, по мнению Э. Машке, социально-экономическое развитие средневекового города определяло не ремесло, а торговля, прежде всего экспортная. Отсюда следует и другой вывод, а именно: деятельность городской элиты не имела прямого отношения к социальным последствиям капиталистической эксплуатации, поскольку эта элита обязана своими богатствами, как полагает Машке, исключительно личной инициативе и присущему ей, вполне по М.Веберу, «духу предпринимательства»³³². В то же время как сам Машке, так и близко к нему стоящие представители школы «социальной истории», приводят в своих трудах факты, которые скорее убеждают в обратном. Как это было показано выше, проблема эволюции верхушечных прослоек городского населения шире проблемы эволюции городского патрициата в юридическом значении этого понятия. В южно-немецких городах цеховые перевороты, которые здесь начались с 30-х годов XIV в. и завершились к концу второго десятилетия XV в., привели к тому, что в ряды городской элиты влились преуспевающие в предпринимательской деятельности мастера торгово-ремесленных корпораций, оказавшие значительное влияние на различные стороны жизни позднесредневекового города и оставившие в ней достаточно глубокий след.

Как уже мог убедиться читатель, в Аугсбурге цеховой переворот 1368 г. имел следствием «раскол» патрицианской корпорации: одни ее семейства после этого переворота полностью или частично перешли в торгово-ремесленные объединения (цехи), другие – остались в своей корпорации. Сама патрицианская корпорация утратила монополию на политическую власть в городе. Примерно через столетие после этого переворота (в 1475 г.) 2238 городских налогоплательщиков были членами цехов и только 46 – патрициями³³³. Таким образом, к концу третьей четверти XV в. патриции составили немногим более двух процентов от общего числа налогоплательщиков Аугсбурга. Число патрицианских родов здесь с 51 в начале второй половины XIV в. сократилось до 8 к 30-м годам XVI в. К 1538 г. в Аугсбурге проживали патрицианские семейства Гервартов, Ильсунгов, Вельзеров, Релингеров, Хофмайеров, Равенбургеров, Ланген-

мантелей фон Рэ и Лангенмантелей фон Шпаррен. Впрочем, упадок и пресечение патрицианских семейств стали очевидным фактом с начала XV в. Это обстоятельство побудило правящую олигархию в 1478 г. после поражения радикально-бюргерской оппозиции во главе с «бургомистром от цехов» Ульрихом Шварцем³³⁴ создать аристократическую корпорацию «*Mehrer der Gesellschaft*». В нее вошли семейства цехового бюргерства, состоявшие в родстве с патрициями и получившими еще в начале XV в. доступ в «Клуб господ». Следующий шаг был сделан через шестьдесят лет (в 1538 г.), когда правящий совет Аугсбурга принял постановление, имевшее целью предотвращение по причине пресечения знатных родов в буквальном смысле летального исхода судьбы патрицианской корпорации. Согласно постановлению в патрицианскую корпорацию было принято большинство членов «*Mehrer der Gesellschaft*», семейства «городских дворян» и аноблированные императором патриции Ульма, Нюрнберга и Страсбурга, проживавшие ко времени реформы в Аугсбурге. В результате этой реформы патрицианская корпорация пополнилась представителями 38 семейств городской верхушки³³⁵. Таким образом инициаторы реформы попытались вернуть патрицианскую корпорацию к тому состоянию, в котором она находилась в середине XIV в. Эта попытка, фигурально выражаясь, «вливать молодое вино в старые меха», не принесла ожидаемого ее творцами результата. Впрочем, об этом речь ниже.

Сказанное дает основание заключить, что представления о городской элите Аугсбурга (между 1368 и 1538 г.) нельзя ограничивать только патрициатом. После цехового переворота патрицианская корпорация переживала глубокий и затяжной кризис, который, в частности, выразился в пресечении или переходе в ряды клира католической церкви и сельского дворянства некоторых «древних родов» (*Geschlechter*) города. Между тем реальная политическая власть в городе оказалась в руках не столько патрициата, сколько в руках нескольких десятков богатых и влиятельных семейств (олигархии), которые в большинстве своем были выходцами из цехового бюргерства. Заслуживает внимания и тот факт, что, за исключением, быть может, Лангенмантелей, бывшие социально-политические позиции сохранили только те патрицианские семейства, которые прочно связали свои интересы с бюргерскими родами экономической деятельности (торговой и банковско-ростовщической), а кое-кто из них – Герварты, Вельзеры и Релингеры – даже встали

на путь капиталистического предпринимательства. С другой стороны, такие семейства бюргерской верхушки, как Фуггеры и Пиммели, достигли не только богатств, но и социального возвышения только или по преимуществу благодаря успехам своей деятельности на поле рыночных отношений и участию в текстильной и горнорудной промышленности.

Судьбы городского патрициата, которые в настоящей главе рассмотрены на примере позднесредневекового Аугсбурга, свидетельствуют не только о возвращении патрицианских семейств в ряды феодального дворянства и клира католической церкви, упадке, разорении и пресечении этих семейств или, напротив, о переходе их представителей в торгово-ремесленные объединения, но и об изменении общественно-политических функций патрициата. Патрициат, утратив после событий 1368 г. монополию на политическую власть в городе, вынужден был перейти от образа жизни «городских дворян» (землевладельцев и рантье) к коммерческой деятельности и даже раннекапиталистическому предпринимательству, то есть к политике социального партнерства с верхушкой цехового бюргерства. Такая линия социального поведения в значительной мере была обусловлена закономерностями общественного развития, и тот, кто не следовал ей, имел немного шансов удержаться в рядах городской знати.

4.5. СТРУКТУРА СОБСТВЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ ЭЛИТЫ (ПО «КНИГАМ РЕНТ» КАЗНАЧЕЙСТВА)

Структура собственности представителей городской элиты Аугсбурга, известным образом отражавшая их экономические интересы и образ жизни, имеет принципиальное значение для установления социального облика³³⁶ и даже политической ориентации верхушки этого города. В целях исследования этой структуры автор прибегал к статистическому методу исследования (в той мере, насколько такую возможность предоставляют источники). Факты статистического порядка сведены в таблицы (см. таблицы 6–8). Цифры, приведенные в таблице 6, указывают на значение инвестиций патрициев и верхушки цехового бюргерства в ренты городского казначейства.

Таблица 6

Семейства городской знати – инвесторы казначейства Аугсбурга
(вторая половина XIV–XV вв.)*

№	Семейства инвесторов	Сумма вкладов в гульденах	
		Вторая половина XIV в.	70-е – 80-е годы XV в.
1	Бютрихи	4700	–
2	Флинсбахи	2700	200
3	Эгены	2690	1315
4	Ридереры	2120	–
5	Ремы	1850	4500
6	Лангенмантели	1580	2603
7	Тоты	1500	460
8	Зульцеры	1450	3850
9	Ридлеры	1400	8220
10	Хангеноры	1380	–
11	Бонпрехты	1300	1310
12	Шренки	1250	330
13	Рудольфы	1000	2000
14	Релингеры	920	5630
15	Ильсунги	900	4800
16	Ремботы	760	–
17	Раппольты	700	770
18	Артцты	680	1520
19	Вайсы-Витциги	680	400
20	Фогели	660	4200
21	Вельзеры	630	1696
22	Дахсы	620	100
23	Вессисбруннеры	600	100
24	Дендрихи	600	880
25	Хонольды	600	–
26	Госсенброты	500	3026
27	Шмукеры	500	–

№	Семейства инвесторов	Сумма вкладов в гульденах	
		Вторая половина XIV в.	70-е – 80-е годы XV в.
28	Шонгауэры	480	90
29	Брейшухи	350	980
30	Мойтинги	330	2810
31	Кранцы	320	–
32	Онзорги	320	–
33	Миннеры	310	3000
34	Хорнлины	305	1140
35	Барты	300	–
36	Приоли	300	–
37	Бахи	270	300
38	Нердлингеры	270	1845
39	Мюлихи	220	60
40	Хальбхеры	220	–
41	Пфистеры	210	3410
42	Фелины	200	–
43	Шнельманы	200	–
44	Цотманы	200	–
45	Энгельшалъки	200	400
46	Битшлины	170	–
47	Ланги	170	1250
48	Ричарды	160	–
49	Герварты	140	2340
50	Ледереры	140	70
51	Ратзамы	120	–
52	Эндорферы	80	580
53	Гланеры	75	–
54	Портнеры	60	–
55	Швиггеры	60	–
56	Равенсбургеры	50	940
57	Хейлиггроберы	40	–
58	Фельманы	30	–

№	Семейства инвесторов	Сумма вкладов в гульденах	
		Вторая половина XIV в.	70-е – 80-е годы XV в.
59	Голленхоферы	20	–
60	Штольдккриши	20	–
61	Пфетнеры	13	–
62	Дрехзели	7	35
63	Хофмайеры	7	1590
64	Вальтеры	–	8450
65	Фиттели	–	2970
66	Лаугингеры	–	2440
67	Хеммерлины	–	2090
68	Хауштеттеры	–	1800
69	Пойтингеры	–	950
70	Хохштеттеры	–	720
71	Штеттены	–	400
72	Фуггеры	–	300
73	Холи	–	180
74	Штамлеры	–	150
75	Паппенгеймы	–	12,5
	Итого:	40637	89212,5

* Die Leibgedingtbuecher der Freien Reichsstadt Augsburg 1330–1550 / Hrsg. von A. Haemmerle. München, 1958.

«Книги рент» сообщают о том, что общая сумма инвестиций в городское казначейство к рубежу 80-х и 90-х годов XV в. выросла почти в два раза по сравнению со второй половиной XIV в. (точнее – с 70-ми годами этого столетия). Однако оценка данного явления вряд ли может быть однозначной. В одних случаях инвестиции в ренты городского казначейства, пусть и косвенным образом, все же свидетельствовали об успехах (особенно во второй половине XIV в.) торговой, банковско-ростовщической и предпринимательской деятельности представителей семейств городской верхушки и о сосредоточении в их руках значительных денежных средств; в других же, – напротив, об

отказе (особенно со второй половины XV в.) инвесторов казначейства от активных занятий торговлей и банковско-ростовщической деятельностью и об их переходе к «благородному образу жизни» рантье средневекового города или «городских дворян». Попытаемся в первую очередь рассмотреть материалы «Книг рент» и на основании анализа их статистических данных сформулировать некоторые наблюдения и обобщения.

1. В роли инвесторов городского казначейства Аугсбурга в таблице фигурируют представители 75 семейств местной знати. Сравнение двух списков инвесторов казначейства, первый из которых можно датировать 1379 г., второй список – концом 80-х или началом 90-х годов XV в. (то есть время, отделяющее друг от друга эти списки, составляет около 110 лет), позволяет заключить, что инвестиции представителей семейств городской верхушки за данный отрезок времени увеличились с 40647 до 89212,5 гульденов (то есть более чем в два раза) и к концу XV в. инвестиции в ценные бумаги городского казначейства достигли своего апогея. При этом следует обратить внимание на тот факт, что в первом списке фигурирует 63 инвестора-представителя городской элиты, на каждого из которых приходилось в среднем 645,1 гульдена; во втором списке – 50 вкладчиков, каждый из которых в среднем инвестировал уже 1784,2 гульдена. Размер среднего вклада увеличился в 2,76 раза. Но в последние десятилетия XV в. рост инвестиций в казначейство сменился спадом, который оказался предвестником грядущего кризиса и краха этого института. С начала XVI в. инвестиции в ренты городского казначейства стали быстро сокращаться и уже к середине столетия этот традиционный финансовый институт средневекового города фактически прекратил существование. Причиной тому могли быть различные обстоятельства, но главным среди них все же было несоответствие названного института «вызовам времени». В изменившихся общественных условиях на смену ростовщичеству и рентам городского казначейства приходили коммерческий кредит и банковские ставки процентов по вкладам. С изменившегося поля финансовой деятельности городское казначейство оказалось вытеснено частными банками, которые быстрее и успешнее сумели приспособиться к переменам и новым правилам экономической деятельности. Выразительный тому пример – попытка создания по сути банка нового типа Хохштеттерами. Так или иначе, это вело к торжеству частной инициативы над казенной косностью.

2. Сравнение упомянутых выше двух списков инвесторов городского казначейства позволяет также установить, что за это время произошло «выпадение» из числа инвесторов представителей 25 семейств (Барты, Битшлины, Бютрихи, Гланеры, Голленхоферы, Кранцы, Онзорги, Портнеры, Приоли, Пфетнеры, Ратзамы, Ремботы, Ридереры, Ричарды, Фельманы, Фелины, Хальбхеры, Хангеноры, Хейлиггроберы, Хонольды, Цотманы, Шмукеры, Швиггеры, Шнельманы, Штольцкирши) и, напротив, появление в том же качестве инвесторов из 12 других семейств (Вальтеры, Лаугингеры, Паппенгеймы, Пойтингеры, Фиттели, Фуггеры, Хауштеттеры, Хеммерлины, Холи, Хохштеттеры, Штамлеры, Штеттены). Перемены «первого ряда» в большинстве случаев свидетельствовали о пресечении, разорении, оскудении или возвращении в ряды клира католической церкви и сельского дворянства семейств городской знати, которые выступали в роли инвесторов казначейства Аугсбурга; «второго ряда» – о вступлении на историческую сцену преуспевающих представителей «новой знати» (или «новых людей»), как правило, выходцев («выскочек») из рядов цехового бюргерства. В то же самое время необходимо иметь в виду, что в отдельных случаях появление инвесторов «второго ряда» также могло сопровождаться исходом представителей аугсбургской городской знати из рядов городского бюргерства вообще (как это, в частности, произошло с семейством Паппенгеймов) или только Аугсбурга в случае миграции патрицианских семейств в другие города (как это, к примеру, случилось с Бартами, переселившимися в Мюнхен). Следовательно, порой социальные метаморфозы, присущие семействам городской знати, в большей степени отражают действие «личностного фактора», нежели следуют закономерности, в связи с чем производят впечатление хаотичности и напоминают броуновское движение.

3. Постоянных инвесторов городского казначейства Аугсбурга можно разделить на три категории: первая включала инвесторов, чьи вклады в ренты этого казначейства оставались примерно на одном уровне по обоим спискам; вторая – инвесторов, чьи вклады в XV в. существенно выросли по сравнению с XIV в.; третья – инвесторов, сокративших свои вклады в казначейство или вовсе отказавшихся от них (перечислены выше). К первой категории следует отнести Бонпрехтов, Вайсов-Витцигов, Дендрихов, Раппольтов; ко второй – Артцтов, Вельзеров, Госсенбров, Зульцеров, Ильсунгов, Лангенмантелей, Лангов,

Миннеров, Мойтингов, Релингеров, Ремов, Ридлеров, Рудольфов, Фогелей, Хорнлинов³³⁷, к третьей – Вессисбруннеров, Дахсов, Тотов, Флинсбахов, Шренков, Шонгауэров и Эгенов. В то же время, обращаясь к анализу актов «Книг рент», необходимо иметь в виду, что к рубежу 80-х и 90-х годов XV в. инвестиции в ценные бумаги городского казначейства Аугсбурга, как известно, достигли высшей точки. Однако тенденция развития данного финансового института состояла в том, что значение этой «излюбленной формы кредита в средневековом городе» в исторических условиях первоначального накопления и генезиса капитализма неудержимо падало. Такая тенденция стала себя проявлять еще в конце XIV – начале XV в., но с особой силой дала о себе знать только с конца XV в. В первые десятилетия XVI в. инвестиции в городские ренты уже носили эпизодический характер, а к середине столетия этот институт перестал отвечать требованиям времени и фактически прекратил существование. В качестве предвестника неизбежности подобного исхода можно рассматривать отношение к инвестициям в городские ренты в конце XIV – начале XV в. Фуггеров и других пионеров раннего капитализма в германских землях.

Кроме выводов, которые сформулированы выше, «Книги рент» и данные податных кадастров имперского города Аугсбурга позволяют сделать и некоторые другие наблюдения.

В 23 эпизодах источники предоставляют нам возможность установить долю инвестиций в ренты финансового ведомства Аугсбурга в структуре собственности семейств городской знати XIV–XV вв. (см. таблицу 7).

Данные таблицы достаточно выразительны и указывают на то, что доля инвестиций в ренты была относительно низкой и колебалась от трех до двадцати процентов в структуре собственности главным образом тех семейств или отдельных их представителей (Ганса Цотмана, Дахсов, Релингеров, Ганса Ремастаршего, Вайсов-Витцигов и Иоса Арццта-старшего), участие которых в создании и распространении отношений так называемых раздач в текстильном ремесле, прежде всего в бумазейном производстве, можно считать вполне достоверным фактом. Особое внимание в связи с этим привлекает деятельность Ганса Дахса-старшего, который первым из аугсбургских купцов-раздатчиков достиг на этом пути впечатляющего результата. Однако текстильное производство не было единственной отраслью, в которой появились новации, вступавшие в непримиримое

Таблица 7

Инвестиции в казначейство в структуре собственности городской знати Аугсбурга (XIV–XV вв.)*

№	Инвесторы казначейства Аугсбурга	Общая сумма собственности в гульденах	Инвестиции в казначейство	
			в гульденах	в процентах к сумме собственности
1	Дахсы	21630	600	2,8
2	Ганс Цотман	6600	200	3,0
3	Якоб Хауштеттер	17688–36376	1800	4,9–10,2
4	Энгельшалки	2520	200	7,9
5	Хеммерлины	25920	2090	8,0
6	Релингеры	10500	920	8,8
7	Нердлингеры	2880	270	9,4
8	Конрад Ильсунг	1920	184	9,6
9	Ганс Рем-старший	8880	1100	12,4
10	Анна Витциг	1344	200	14,9
11	Альбрехт Флинсбах	3810	700	18,4
12	Генрих Кранц	1740	320	18,4
13	Ульрих Дендрих	3120	600	19,2
14	Зульцеры	4164	800	19,2
15	Ридлеры	6930	1400	20,2
16	Карл Эген	2480	500	20,2
17	Иос Арцит-старший	3360	680	20,2
18	Ульрих Тот	4800	1500	31,2
19	Ганс Шонгауэр	1410	480	34,0
20	Ганс Вессисбруннер	1360	600	44,1
21	Шренки	2325	1250	53,8
22	Цахариус Рудольф	1680	1000	59,5
23	Генрих Бонпрехт	1410	1100	78,0

* Die Leibgedingbuecher ...; Lucas Rem. Tagebuch ...; Strieder J. Zur Genesis ...

противоречие с самим режимом цехового ремесла. Именно об этом свидетельствует деятельность Ганса Цотмана, инвестировавшего крупные средства в производство ювелирных изделий и торговлю ими. С другой стороны, высокий удельный вес инвестиций в городские ренты (Вессисбруннеров, Шонгауэров, Шренков, Ридлеров и Бонпрехтов) свидетельствовал (в зависимости от конкретных обстоятельств) как об оскудении, так и, напротив, о прочном оседании представителей этих семейств в рядах средних слоев городского населения. Затруднения материального порядка (что, к примеру, произошло с Зульцерами) могли носить преходящий характер. Те же Зульцеры в XV и начале XVI в. активно себя проявляли в оптовой торговле крупного для того времени масштаба на международных рынках, в первую очередь на Франкфуртских ярмарках. Эта деятельность Зульцеров была успешной, что и позволило им восстановить пошатнувшиеся было позиции в рядах аугсбургской знати. В то же время есть основания для вывода, что с конца XV – начала XVI в. ренты городского казначейства перестали играть роль надежного щита благополучия семейств бюргерской верхушки. Именно это и было основной причиной падения интереса к ним.

Дело в том, что денежные средства, инвестированные в ренты городского казначейства, фактически утрачивали статус «свободного капитала» (купеческого или банковско-ростовщического) и, по существу совершая движение в обратном историческому прогрессу направлении, приобретали качества «капитала с сословно-ограниченными функциями», или, как тогда говорили, «спящего капитала». Деньги, инвестированные в городские ренты, не подлежали возврату их владельцам, и в качестве оборотных средств купцы и предприниматели могли использовать только проценты по вкладам в казначейство. Вообще создается впечатление, что под влиянием данного обстоятельства в большинстве случаев владельцы рент использовали денежные средства, полученные в виде процентов по вкладам в городское казначейство, по преимуществу на удовлетворение своих жизненных потребностей. Если же принять во внимание достаточно высокие ставки по данным вкладам (обычно 10 процентов годовых по вкладам «на срок жизни» и 5 процентов – по «вечным рентам»), у инвесторов казначейства, особенно когда инвестиции достигали значительных масштабов, велик был соблазн отказаться от риска участия в коммерческо-предпринимательской деятельности и перейти к образу жизни рантье.

Анализ источников убеждает в том, что именно так нередко и происходило на практике (примерами тому могут служить Ганс Рем-старший и Цахариус Рудольф). Инвестиции в феодальное землевладение в некотором смысле даже имели преимущества перед инвестициями в городские ренты: получатель натуральной ренты мог реализовать ее на рынке и извлечь из нее, кроме процентов с инвестированного в землевладение капитала, торговую прибыль, используя последнюю не только на удовлетворение личных потребностей, но и в качестве оборотных средств предприятия, или даже в интересах дела продать землю, отдать ее в заклад (ипотеку). С другой стороны, инвестиции в городские ренты и землевладение имеют принципиальное значение не только для исследования структуры собственности бюргерской верхушки позднесредневекового города, но и образа ее жизни. Обладание этими источниками доходов не только «приближало» представителей городской знати к «благородным сословиям» феодального общества, но и приучало их к праздному образу жизни.

В шести эпизодах источники предоставляют возможность более или менее точно установить основные структурообразующие элементы собственности семейств городской знати Аугсбурга, которые включают недвижимую собственность (домовладение и землевладение как в самом городе, так и в его сельской округе), ренты городского казначейства и, наконец, «первые действительно свободные формы капитала» (инвестиции в торговлю, банковско-ростовщические операции и производство) (см. таблицу 8).

При составлении таблицы в основу были положены материалы податного кадастра 1396 г. Несмотря на недостаточную, быть может, научную репрезентативность представленной в таблице выборки, она все же содержит факты, отражающие явления реальной действительности и сообщающие подлинные черты социальному облику представителей городской знати. Выборка свидетельствует о высоком уровне «свободного капитала» в структуре собственности Ганса Цотмана, который, как о том уже сказано выше, по всей видимости, большую часть крупного для второй половины XIV в. состояния инвестировал в организацию производства ювелирных изделий и торговлю ими. Второе место по этому показателю (доле «свободного капитала» в структуре собственности) занимает структура собственности вдовы и наследницы самого богатого бюргера Аугсбурга

Таблица 8

Структура собственности представителей городской знати
Аугсбурга (конец XIV – начало XV в.)*

Собственники	Недвижимая собствен- ность		Ренты казна- чейства		«Свобод- ный капитал»		Состоя- ния в гуль- денах
	в гуль- денах	в %	в гуль- денах	в %	в гуль- денах	в %	
Ганс Цотман	210	3,2	200	3,0	6190	93,8	6600
Катрин Дахс	2060	9,5	600	2,8	18970	87,7	21630
Конрад Ильсунг	600	31,2	184	9,6	1136	59,2	1920
Альбрехт Флинсбах	1160	30,4	700	18,4	1950	51,2	3810
Ганс Рем-старший	5250	59,1	1100	12,4	2350	26,5	8880
Ганс Вессисбруннер	640	47,1	600	44,1	120	8,8	1360

* Leibgedingtuebcher ...; Urkunden St. Ulrich u. Afra ...; Urkunden der Stadt Kaufbeuren ...; Weberchronik ... S. 20; *Wahraus* ... Beilage 2; *Zink* ...; *Strieder J.* Zur Genesis ...

того времени Ганса Дахса – Катрин Дахс. Однако известно, что Ганс Цотман умер бездетным, а Ганс Дахс-старший был отцом троих детей: сына Ганса-младшего, который, вероятно, к 1396 г. уже не был жив; и дочерей Доротеи, ставшей монахиней, и Агнес, вышедшей замуж за патриция Конрада Релингера³³⁸. Поэтому после смерти Ганса Цотмана и вдовы Ганса Дахса-старшего Катрин, которая, судя по всему, длительное время (примерно пятнадцать лет) успешно управляла делами покойного мужа, предприятия Цотманов и Дахсов, скорее всего, прекратили существование. Вместе с тем не лишена основания гипотеза, что приданое дочери Ганса Дахса-старшего Агнес и часть состояния самого Ганса Дахса-старшего, полученного ею по наследству после смерти матери, могли быть использованы мужем Агнес Конрадом Релингером (представителем семейства,

которое активно себя проявляло в предпринимательской деятельности) также в качестве «свободного капитала». Непосредственное участие в создании в Аугсбурге бумажейного производства принял и Ганс Рем-старший, который, вероятно, наряду с другими купцами-предпринимателями стоял у истоков формирования отношений раздач в этой отрасли. Наследники «первого капиталиста из рода Ремов» продолжали заниматься предпринимательством и после его смерти. Здесь, по всей видимости, можно говорить о традиции участия нескольких поколений Ремов на протяжении примерно двухсот лет (с середины XIV до середины XVI в.) в предпринимательской деятельности, в том числе капиталистической по своему характеру.

Анализ структуры собственности семейств городской знати Аугсбурга указывает и на явления иного и даже противоположного свойства по сравнению с рассмотренными выше. Довольно высокий уровень «свободного капитала» в структуре собственности Конрада Ильсунга отразил факт участия Ильсунгов в банковско-ростовщической деятельности, импортно-экспортной торговле и, вполне возможно, в эксплуатации ремесленников-ткачей с помощью механизма отношений раздач. Примерно такая же, как у Ильсунгов, по формальным признакам, структура собственности Альбрехта Флинсбаха, напротив, отнюдь не являлась свидетельством прочности связей семейства Флинсбахов с бюргерскими родами экономической деятельности. Скорее в обратном убеждает то обстоятельство, что наследники самого Альбрехта Флинсбаха вернулись в ряды сельского дворянства и, таким образом, не только совершили социальную метаморфозу рефеодализации, но и использовали нажитый торговлей и предпринимательством «свободный капитал» на приобретение земельных владений. Низкий уровень «свободного капитала» в структуре собственности Ганса Вессисбруннера-старшего оказался близким предвестником превращения представителей семейства Вессисбруннеров в рантье средневекового города, «свободный капитал» которых, нажитый главным образом в солеваренном промысле и торговле солью, был инвестирован в ренты городского казначейства и превратился в «капитал с сословно-ограниченными функциями». Обращает на себя внимание и высокий уровень недвижимой собственности и прежде всего землевладения в структуре собственности большинства семейств городской знати Аугсбурга. Отличается от этого большинства только структура собственности Ганса Цотмана и

Ганса Дахса, что, хотя и косвенным образом, подтверждает активное участие владельцев этих состояний в начальной стадии процесса генезиса капитализма в промышленном производстве, а также — глубокий и радикальный разрыв Цотманов и Дахсов с «феодальной средой обитания» и даже — «феодальным окружением». Однако опыт такого «разрыва» носил относительно кратковременный и преходящий характер, не был проявлением осознаваемой на идеологическом уровне самими участниками процесса своей деятельности и выражением исторической закономерности, а скорее являлся результатом стечения особых обстоятельств и исключением из правила. В большинстве своем представители городской знати, выступая в роли носителей менталитета человека Средневековья, шли другим путем.

* * *

Исследование структуры собственности семейств городской знати Аугсбурга показывает, что эта структура складывалась из разнородных элементов и включала: 1) различные формы участия (как в городской черте, так и за городскими стенами) в землевладении, которое по своей природе продолжало оставаться феодальным, обнаруживая лишь тенденцию превращения в «свободное достояние» или «полную и отчуждаемую собственность»³³⁹; 2) ренты городского казначейства («капитал с сословно-ограниченными функциями»); 3) свободные денежные средства (ростовщический и купеческий капитал); 4) элементы промышленного капитала, которые возникали уже во второй половине XIV в. в результате инвестиций владельцами свободных денежных средств (по преимуществу ростовщического и купеческого по происхождению) в общественное производство, сначала в работавшие на экспорт и массового потребителя различные отрасли текстильного производства, а затем и в горнорудные промыслы. Правда, долгое время «промышленный капитал» не отличался устойчивостью. Инвестированные в производство капиталы в случае изменения в худшую сторону рыночной конъюнктуры могли совершать движение и в обратном направлении, что выражалось в их метаморфозе не только в «свободный капитал», но и в архаические и примитивные формы богатства — городские и земельные ренты. В соотношении между этими структурообразующими элементами собственности бюргерской верхушки нашли своеобразное отражение основные направления социальных метаморфоз средневековой город-

ской знати. Если инвестиции в различные формы феодального землевладения служили прежде всего целям поддержания социального престижа городской знати и только отчасти – источником существования для нее; обладание денежными средствами красноречиво указывало на происхождение богатств этой знати и на ее тесную связь с бюргерскими родами экономической деятельности, то есть на участие в торговле, банковско-ростовщических операциях и инвестициях в ремесленное производство. Одним словом, исследование структуры собственности немало может сказать о том, чем занималась та или иная семья (или отдельные ее представители) и за счет каких источников доходов она жила. Собранные буквально по крупицам факты могут дать пищу и для достаточно широких обобщений.

Опираясь на общепринятые в современной науке социально-экономические критерии и исходя в первую очередь из структуры собственности семейств городской знати, можно выделить следующие ее типы: 1) землевладельцы («городские дворяне»), жившие за счет присвоения феодальной ренты; 2) рантье, существовавшие за счет процентов по вкладам в городское казначейство; 3) купцы и банкиры-ростовщики, чьи богатства являлись своеобразным показателем успехов товарного производства; 4) предприниматели-капиталисты, близко стоявшие по роду своей экономической деятельности к буржуазии Нового времени. Впрочем, в чистом виде такие типы вряд ли встречались в реальной действительности, поскольку те или иные элементы обычно лишь преобладали в структуре собственности и социальном облике различных группировок городской знати. В то же время очевиден тот факт, что патриции первых двух типов безвозвратно утрачивали влияние в экономической жизни города и вместе с ним политическую власть. Влияние и власть с неизбежностью перемещались к городской знати третьего типа, наиболее преуспевающие выходцы из рядов которой совмещали в своей деятельности ориентированную на «дальние рынки» торговлю и банковско-ростовщические операции с зачатками капиталистического предпринимательства, выступая чаще в роли капиталистов-раздатчиков, реже – владельцев мануфактур. Наиболее преуспевающие представители этой группы и образуют городскую знать четвертого типа. Только о знати данного типа можно сказать, что она в исторической перспективе способна была при определенных условиях встать на путь превращения в буржуазию. Однако буржуазия, как известно, уже на

начальной стадии своего исторического бытия оказалась расколота на две фракции – мануфактурную и торговую. Представителей городской знати четвертого типа следует отнести ко второй фракции ранней буржуазии. Самые богатые семейства этого типа городской знати образовывали тончайшую прослойку «монополистов», против которых с конца XV в. развернулось широкое общественное движение. Попытки радикальных элементов из среды городского бюргерства перейти к деятельности капиталистов-мануфактуристов подавлялись режимом средневекового корпоративного ремесла и политикой стоявших у кормила власти города представителей городской знати четвертого типа. Нарождавшаяся торговая буржуазия, к тому же, была «отягощена» бременем связей со средневековыми институтами и особенно – феодальным землевладением. Сохранение таких связей и ориентация на них были одной из примечательных черт предпринимательской деятельности представителей городской знати и последнего типа. Отсюда можно заключить, что перманентное превращение городской знати Средневековья в буржуазию Нового времени вряд ли могло иметь генетические корни в ауре сообщества верхушки населения средневекового города. Ряды этой буржуазии все же по преимуществу пополнялись другими людьми, способными к восприятию, усвоению и использованию на практике ценностей идущей на смену средневековой новой цивилизации.

* * *

Завершая исследование проблемы позднесредневековой городской знати и ее эволюции на примере Аугсбурга, следует бросить хотя бы беглый взгляд на судьбы ее представителей сквозь призму бурных событий германской истории на исходе Средних веков и в начале Нового времени. Экономический подъем и сопровождавшие его успехи распространения зачаточных форм капитализма принесли с собою обострение социальных противоречий в городах. Эта тенденция общественного развития особенно ярко себя проявила в Аугсбурге, который являлся одной из цитаделей раннего капитализма в германских землях. Какую же линию поведения избрала городская знать в новых исторических условиях? Какой была ее реакция на явления раннего капитализма?

В 70-е годы XV в., о чем уже было сказано выше, большинство патрициев выступили в роли непримиримых противников

радикально-бюргерской оппозиции, которую возглавлял бургомистр города «от цехов» Ульрих Шварц. Более того, патриции Бартоломеус Вельзер, Сигизмунд Госсенброт, Петер Герварт и Леонхард Релингер являлись вдохновителями и организаторами заговора против Шварца, его сторонников и сподвижников³⁴⁰. Между тем «прокапиталистическая ориентация» Шварца представляется в достаточной степени установленным фактом. С другой стороны, известно, что Вельзеры, Госсенброты, Герварты и Релингеры также принадлежали к семействам городской знати «новой формации», представители которых не были чужды занятиям капиталистическим предпринимательством, более того – на этом пути им сопутствовал успех. В чем же тогда причина противостояния радикально-бюргерской оппозиции и городской знати «новой формации»?

Конфликт в Аугсбурге в 70-е годы XV в. по своей сути во многом схож с событиями, которые произошли в Базеле на рубеже XVI–XVII вв. В том и другом случае вопрос стоял не столько об отношении к капитализму как таковому, сколько о путях его развития. Различие состояло в том, что если в Аугсбурге объективно поборниками радикального пути к капитализму выступали передовые элементы городского бюргерства, в Базеле – предприниматели-эмигранты. В то время как в Аугсбурге противниками такого варианта движения к капитализму являлись владельцы крупных торговых компаний, в Базеле – местные цеховые мастера, точнее, их верхушка. Владельцы компаний и цеховые мастера по разным мотивам, руководствуясь собственными интересами, были едины в стремлении удержать капитализм на его начальной стадии (то есть в рамках отношений раздач). Реакция владельцев компаний на деятельность радикально-бюргерской оппозиции отразила уровень общественного сознания торговой буржуазии, только еще вступавшей во второй половине XV в. на политическую сцену. Причина поражения Шварца и радикально-бюргерской оппозиции заключалась в том, что время «мануфактурного капитализма» в Аугсбурге тогда еще не пришло. Шварц и его сторонники «опередили время» и потерпели поражение. Их же оппоненты из рядов городской знати «новой формации» боролись за то, что могло быть реализовано на практике в ближайшей перспективе (и к немалой для них выгоде). Время перехода от системы раздач к мануфактурному капитализму наступило в Базеле во второй половине XVI в. Здесь капитализм, выдержав серьезные испытания

на выживание на рубеже XVI–XVII вв., уже приобрел, как можно полагать, необратимый характер.

Социальные противоречия в германских землях, особенно в их юго-западном регионе, достигли апогея во время событий Реформации и Крестьянской войны. В ходе этих событий одна из влиятельных группировок городской знати Аугсбурга оказалась на стороне католической церкви и «старого порядка». Наиболее активными деятелями данной группировки являлись Фуггеры во главе с Якобом Фуггером-богатым, которого общественное мнение называло «некоронованным властителем Германии»³⁴¹. Однако меняются времена, меняются и люди. Наглядные тому примеры можно почерпнуть из истории семейств городской знати того же Аугсбурга.

В роли оппонента Якоба Фуггера и «католической партии» выступил Ульрих Релингер, неоднократно занимавший в годы Реформации должность правящего бургомистра Аугсбурга. Между тем еще пятьдесят лет тому назад представитель этого же семейства Леонхард Релингер, как известно, выступил в качестве непримиримого противника радикально-бюргерской оппозиции. Теперь Ульрих Релингер выдвинул опиравшуюся на учение швейцарского реформатора Ульриха Цвингли и настроения радикально-бюргерских элементов в Южной Германии программу общественных преобразований³⁴². Эта программа, между прочим, включала требования, которые выдвигались в ходе общественного движения во главе с Ульрихом Шварцем еще в 70-е годы XV столетия. Представитель другого семейства городской знати Аугсбурга, Вильгельм Рем, не только подвергал резкой критике «угнетателей народа» — прелатов католической церкви, князей и вообще все феодальное дворянство, но и высказывался за удовлетворение большинства требований швабских крестьян, которые были изложены в знаменитых «Двенадцати статьях»; причем Рем выражал сочувствие восставшему в 1525 г. «простому народу» и обвинял в восстании самих «угнетателей народа»³⁴³. «Если бы каждый богач, — утверждал Рем, — поставил бы себя на место бедных крестьян, [он] признал бы, что большинство из них невиновно»³⁴⁴. Патриции Эйтельганс Лангенмантель и Сигизмунд Вельзер приняли активное участие в движении анабаптистов. Причем Лангенмантель за деятельность в одной из общин адептов «новой веры», приверженность идее «общности имущества», пропаганду учения о скором «пришествии Иисуса Христа» и «наступление божьего

царства на земле», в котором «все будут равны», заплатился жизнью³⁴⁵. Факты об участии выходцев из семейств городской знати Аугсбурга в событиях Реформации и Крестьянской войны на стороне тех, кто боролся за преобразования в церкви и государстве, за свободу личности и право выбора жизненного пути, хотя и носили характер кратковременных эпизодов. Однако эти эпизоды примечательны прежде всего тем, что в них нашел отражение не только процесс разложения средневекового корпоративного строя городского ремесла, но и большие перемены во всем обществе, вступившем в стадию кризиса системы феодализма, первоначального накопления и генезиса капитализма. В драму переходной от феодализма к капитализму эпохи оказались вовлечены и семейства городской знати Аугсбурга, которые самым ходом исторического процесса также были поставлены перед выбором: держаться за старое и уйти вместе с ним в прошлое, или в движении навстречу будущему встать на путь инноваций, принять идеологию и ценности неумолимо наступающей индустриальной цивилизации. Теперь многое зависело от того, какой они сделают выбор.

Кардинальные перемены в социально-экономических отношениях, которые были связаны с возникновением явлений раннего капитализма, а с началом Реформации и перемены в духовной жизни общества, нарушавшие традиционный порядок вещей, натолкнулись на упорное противодействие со стороны консервативных сил. Это порождало острые конфликты на разных уровнях и в разных масштабах (общегерманские и локальные). В обстановке очередного обострения общественных противоречий, особенно на конфессиональной почве между католиками и протестантами, которые приобрели общегерманский характер, в Аугсбурге в 1536 г. достоянием гласности стал проект преобразования патрицианской корпорации города³⁴⁶. Инициаторы «новации» и авторы проекта реформы намерены были, во-первых, вдохнуть новую жизнь в буквально дышащую на ладан патрицианскую корпорацию Аугсбурга; во-вторых, усилить в «реформированной» корпорации позиции протестантов. Последнее намерение авторов и инициаторов проекта реформы объясняется тем, что Аугсбург вступил в антикатолический Шмалькальденский Союз, направленный против императора Карла V Габсбурга. Через два года (в 1538 г.) проект реформы был реализован на практике. Однако скоро стало очевидным фактом, что реформа патрицианской корпорации не

принесла результатов, так как оказалось невозможным дать вторую жизнь тому, что безвозвратно уходило в прошлое и становилось достоянием только истории. Патрициат средневекового города уже сыграл свою роль и был поставлен перед жесткой необходимостью в ближайшей перспективе покинуть историческую сцену. Усилия, направленные на то, чтобы реформировать патрицианскую корпорацию и сделать ее способной ответить на вызовы Нового времени, оказались тщетными: патрициат не проявил стремления добровольно расстаться со средневековыми привилегиями и привычным для него образом жизни. Реставрация Карлом V в 1548 г. «патрицианского правления» в Аугсбурге лишь подтвердила это правило. Вместе с тем заслуживает внимания еще одна сторона реформы патрицианской корпорации этого города.

Патрицианская корпорация Аугсбурга в 1538 г. была реформирована, на первый взгляд, исключительно «по старым правилам», которые отражали обычные для того времени идеологические установки, соответствовавшие менталитету верхушки средневекового бюргерства и ее интересам. Эти «правила» имели в виду прежде всего длительность сроков пребывания в городской общине, близость родственных связей со «старинными родами» города, «легитимную» последовательность самого порядка продвижения по лестнице социальной иерархии претендентов на членство в патрицианской корпорации. Однако вопреки слабо завуалированной приверженности авторов проекта «седой старине», на самом деле главными требованиями, которые предъявлялись к претендентам на вступление в патрицианскую корпорацию, были богатства, влияние в общественной жизни города и за его стенами, способность поддержания общепринятых норм социального престижа. Поэтому в «реформированную» корпорацию были приняты крупные оптовики, занимавшиеся торговлей международного масштаба и подвизавшиеся при императорском и княжеских дворах в качестве «финансистов» банкиры-ростовщики, в том числе потомки и наследники пионеров раннего капитализма в германских землях. Среди потомков последних можно было увидеть крупных землевладельцев в старых костюмах феодальных сеньоров. Предки этих «сеньоров» разбогатели обычными для бюргеров путями, а кое-кто из них начинал свой путь к богатству и в «благородные сословия» общества за ткацкими станками. Однако богатства и высокий уровень социального престижа им

принес, естественно, не труд за ткацкими станками, а занятия торговлей, банковско-ростовщическими операциями и деятельностью в роли купцов-раздатчиков в текстильном производстве, «откупщиков металлов» и капиталистов в горном деле. Нажитые таким образом деньги преуспевающие бюргеры инвестировали не только в торговлю и производство, но и землевладение, дворянские титулы, звания и сеньориальные привилегии. Представители других семейств городской знати Аугсбурга совершали, можно сказать, движение в обратном направлении. Предки и родоначальники этих семейств прошли путь из рядов сельского дворянства и министерялов церкви сначала в патрицианскую корпорацию, затем – в ряды «среднего класса». По истечении времени, разбогатев прежде всего на поле рыночных отношений, они возвратились туда, откуда пришли, то есть в «благородные сословия» феодального общества, совершив, следовательно, метаморфозу своего рода «социальной реабилитации». Здесь они, между прочим, встретились на одной ступени «социальной иерархии» с потомками и наследниками аугсбургских ткачей и других «выскачек из цехов». Этот «круговорот», однако, вряд ли был возвратом к тому, что уже когда-то было.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К патрициату в эпоху классического Средневековья относились те представители городской знати, которые являлись носителями особого типа самосознания, были членами патрицианской корпорации, имели соответствующий юридический статус и на определенном этапе развития города обладали монополией на его управление. Обладая и бюргерскими правами, патриции входили в ряды средневекового «бюргерства» в широком смысле этого слова, когда под бюргером подразумевался любой полноправный гражданин. В узком смысле категория «бюргер» означала принадлежность к «среднему классу» городского населения.

² См.: *Эпштейн А.Д.* Продовольствие и цены в Аугсбурге ...; *Он же.* Из экономической истории Аугсбурга ...; *Он же.* История Германии ...; *Савина Н.В.* Купеческие компании ...; *Она же.* Южно-немецкий капитал ...

³ *Kiessling R.* Bürgerliche Gesellschaft ... S. 271, 43.

⁴ *Dirr P.* Studien ... Urkunden und Aktenstücke. S. 194–195.

⁵ Подобные аугсбургскому непереводаемому на русский язык образованию «*Mehrer der Gesellschaft*» аристократические «сообщества» существовали и в других городах Южной и Юго-Западной Германии. Так, например, в Равенсбурге это была корпорация

«Die Gesellschaft zum Esel» («Товарищество у осла»), возникшая еще во второй половине XIV в., которая объединяла в своих рядах прежде всего крупных оптовых торговцев; в нее входили как патриции, так и богатые цеховые мастера, особенно корпорации ткачей. В Констанце такое же назначение имел «питейный клуб» под названием «Zur Katze» («У кошки»), в Линдау – «Zum Sünfzen» («У грешников»), в Меммингене – «Zum Löven» («У льва»). Такие объединения, в отличие от цеховых и патрицианских корпораций, не обладали политическими правами и не имели представительства в правящих советах и других учреждениях городского самоуправления, но оказывали на деятельность последних определенное влияние (см.: *Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 1: Urkunden. S. 209, 211, 212; Eitel P. Die oberschwäbischen Reichsstädte ... S. 38, 47.*

⁶ См.: *Weberchronik ... S. 170, 176, 180; Langenmantel ... S. 13–16, 37–39, 56 ff.* Ср. также: *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ... S. 277.*

⁷ UB der Stadt Augsburg ... S. 148–149.

⁸ Первоначально в средневековой Германии действовала система: фунт – шиллинг – пфенниг в соотношении 1 фунт=20 шиллингов=240 пфеннигов (причем реальной единицей был серебряный пфенниг, а фунт и шиллинг были расчетными единицами). Однако с развитием торговли возникла потребность в более крупных монетах. Кроме того, большой размах приобрела порча пфеннига – уменьшение содержания в нем серебра. Так, в аугсбургском пфенниге содержание серебра с 1399 по 1524 г. упало с 0,25 до 0,116 г. Все это обусловило появление новых монет. По образцу флорентийских (флорины) и венецианских (дукаты) монет в Рейнской Германии стали чеканить золотые монеты («рейнские гульден»). (См.: *Suhle A. Deutsche Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhundert. Berlin, 1971. S. 154 ff.*). С конца XV в. в Германии появились серебряные гульдены и крейцеры в соотношении 1 гульден=60 крейцерам=240 пфеннигам. Уже с конца XIV в. соотношение между золотым (а затем и серебряным) гульденом и расчетным фунтом установилось приблизительно как 1 к 3 (1 гульден=3 фунтам). Именно такое соотношение принимает во внимание при расчетах автор настоящей монографии.

⁹ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 132. S. 62.* Переселение Энгельшалков в город, вероятно, произошло только после 1330 г. или в этом году, так как один из актов монастыря св. Ульриха и Афры от 31 марта 1330 г. еще не называет «рыцаря» Энгельшалка фон Хильденберга, владельца «двора» в сельской округе Аугсбурга в Диссенхофене, аугсбургским бюргером.

¹⁰ *Srieder J. Zur Genesis ... S. 8.* Энгельшалки в 1396 г. платили налог с состояния в 2520 гульденов и занимали двадцатую строку сверху в списке богатейших налогоплательщиков города (в данном эпизоде и далее автор использует материалы податного кадастра Аугсбурга 1396 г., которые были сведены в особую таблицу Я. Штридером). Генрих Энгельшалк между 1379 и 1391 г. (точная дата не известна) «откупил у Франца Ридлера» (*sind abkaufen von Franzen dem Ridler*) ренту городского казначейства Аугсбурга в 20 гульденов, инвестировав в нее около 200 гульденов. Эта рента составила в конце XIV в. около восьми процентов состояния Энгельшалков.

¹¹ Ibid. S. 39, 41–42; *Langenmantel* ... S. 51–56. Об этом свидетельствует и тот факт, что Генрих Энгеншалк в качестве старшины купеческой гильдии трижды (в 1419, 1423 и 1425 г.) занимал высшую в магистрате Аугсбурга должность бургомистра.

¹² *Langenmantel* ... S. 38.

¹³ LGB. № 1641. Ганс Паппенгейм-младший в 1396 г. являлся «бюргером Аугсбурга», платил налог с состояния в 1215 гульденов и входил в число 74-х богатейших налогоплательщиков города. Урсула Паппенгейм, по всей видимости, монахиня одной из городских обителей, еще в начале второй половины XV в. владела небольшой рентой аугсбургского казначейства «в один гульден с четвертью». Это последнее упоминание о проживании Паппенгеймов за городскими стенами Аугсбурга.

¹⁴ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 413. S. 164–165. Между тем уже сын Ганса Паппенгейма-младшего Вильгельм фон Паппенгейм, как это следует из текста акта монастыря св. Ульриха и Афры от 20 октября 1401 г., не был бюргером Аугсбурга.

¹⁵ LGB. № 216. В 1379 г. «рыцарь Генрих Хейлигтробер» приобрел ежегодную ренту городского казначейства Аугсбурга в 4 гульдена для своей племянницы, монахини богатого баварского монастыря в Обершененфельде (ее имя в акте не указано).

¹⁶ *Strieder J. Zur Genesis* ... S. 81–32.

¹⁷ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 61. S. 35. Этот акт сообщает, что Швиггер фон Миндельберг 3 апреля 1297 г. подарил монастырю св. Ульриха и Афры права фогтства над «дворами» в Нассенбойрене.

¹⁸ UB der Stadt Augsburg ... S. 30–31.

¹⁹ LGB. № 354. Ганс Швиггер в 1379 г. купил в городском казначействе Аугсбурга ренту в 6 гульденов. В акте казначейства также сказано, что инвестор проживал в городе «на Кошачьем подворье» (am Katzenmargt).

²⁰ *Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter* ... S. 53–54.

²¹ См.: LGB. № 4, 5.

²² LGB. № 29, 34, 44. Выходец из бюргерско-купеческого семейства городской элиты Аугсбурга «священник Конрад Фицтум фон Вельхейн» владел к 1389 г. тремя рентами рентами (двумя по 7 и одной в 14 гульденов); его внебрачный сын – одной рентой городского казначейства Аугсбурга (в 6 гульденов). Таким образом, Фицтум инвестировал в эти ренты около 340 гульденов.

²³ См.: TRB. S. 171, 176.

²⁴ LGB. № 157, 162, 163, 189, 190, 197, 204, 205. «Книги рент» сообщают о том, что в начале второй половины XIV в. Бютрихи являлись самыми крупными инвесторами городского казначейства Аугсбурга, причем большую часть рент казначейства они приобрели за 10–15 лет до цехового переворота 1368 г. В общей сложности Гансом и Генрихом Бютрихами, которых акты казначейства называют «бюргерами Мюнхена», и Людвигом Бютрихом – «бюргером Майнца», было приобретено более десяти рент; по этим рентам финансовое ведомство городского магистрата ежегодно выплачивало Бютрихам 470 гульденов, то есть ими в ценные

бумаги казначейства было инвестировано крупное по тем временам состояние почти в 5000 гульденов. Отметим также, что Людвиг купил этих рент на 200, Ганс – на 1500, Генрих – на 3000 гульденов. Об участии Бютрихов в банковско-ростовщической и торговой деятельности источники не содержат достоверных свидетельств.

²⁵ Weberchronik ... S. 170–171; *Langenmantel* ... S. 37.

²⁶ Die Chronik von 1368 bis 1406 ... S. 22–23; *Mulich* ... S. 16.

²⁷ *Zink* ... S. 47–49.

²⁸ UB der Stadt Augsburg ... S. 228.

²⁹ *Bosl K. Augsburger Bürgertum* ... S. 28.

³⁰ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 166. S. 75. Этот акт (от 17 июня 1335 г.) называет «господина Ульриха Барта» «кустосом» (приором) монастыря св. Ульриха и Афры.

³¹ LGB. № 161, 880, 985. Ганс Барт в 1379 г. (то есть спустя одиннадцать лет после цехового переворота) приобрел ренту «на срок [одной] жизни» в 20 гульденов городского казначейства Аугсбурга, был еще жив и продолжал владеть ею и через сорок лет (в 1419 г.). В том же 1419 г. рентой городского казначейства Аугсбурга в 10 гульденов владела и его дочь Адельхейд Барт. Однако об источниках доходов и образе жизни Бартов в Мюнхене нам ничего не известно.

³² LGB. № 548, 705. В течение примерно десяти лет (с 1379 по 1389 г.) Якоб, Габриэль Ридлеры и сын последнего Франц постоянно инвестировали денежные средства в городское казначейство Аугсбурга и приобрели несколько крупных рент. По вкладам в казначейство в конце 80-х годов XIV в. Ридлеры ежегодно получали по 140 гульденов.

³³ Якоб Ридлер в 1396 г. платил налог с состояния в 4710 гульденов и занимал 9 или 10 место в списке богатейших налогоплательщиков Аугсбурга, а Франц Ридлер с состоянием в 2220 гульденов был в списке тридцатым. Если принять во внимание, что оба приобрели ценных бумаг городского казначейства примерно на 1400 гульденов, окажется, что 20,2 процента их состояния были инвестированы в ренты.

³⁴ *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft* ... S. 199.

³⁵ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 458. S. 181–182. 9 января 1409 г. Анна Ридлер, вдова Франца Ридлера, совершает дарение поля и покосов, расположенных недалеко от городских стен на правом берегу р. Лех, а также оброков с них, в пользу монастыря св. Ульриха и Афры.

³⁶ Weberchronik ... S. 170–171; *Langenmantel* ... S. 37, 38.

³⁷ *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft* ... S. 282–283.

³⁸ Weberchronik ... S. 170–171; *Langenmantel* ... S. 37, 38.

³⁹ LGB. № 152, 198, 301, 756. В 1379 г. в роли инвестора аугсбургского казначейства выступил «бюргер Мюнхена» Ганс Шренк, а в 1390 г. – другой представитель этого семейства и также «бюргер Мюнхена» Бартоломеус Шренк. Оба приобрели крупные ренты, инвестировав в них значительную сумму в 1200 гульденов.

Но еще в 1379 г. две небольшие ренты в 6 и 10 фунтов пфеннигов, затратив на них около 50 гульденов, себе и своей дочери Анне купил «бюргер Аугсбурга» Марквард Шренк, который в акте казначейства назван «тестем покойного Конрада Миннера», представителя старинного патрицианского рода города. Марквард Шренк, судя по всему, не был эмигрантом и не покидал Аугсбурга.

⁴⁰ Ганс и Бартоломеус Шренки в 1396 г. входили в число богатейших налогоплательщиков города, обладали состоянием в 2325 гульденов, более половины которого (53,8 процента) было инвестировано в ренты городского казначейства.

⁴¹ *Langenmantel* ... S. 37–39, 51–56. Лангенмантели до цехового переворота 1368 г. занимали должность бургомистра 9 раз, а между 1369 и 1521 г. – 53 раза; в общей сложности они обладали этой должностью в течение 62 лет.

⁴² LGB. № 71, 90, 117, 125, 217, 231, 235, 285, 295, 304, 314, 322, 331, 332, 460, 477, 543, 631, 720, 722, 780. По примеру других представителей средневековой городской знати Лангенмантели постоянно приобретали ренты городского казначейства Аугсбурга, совершая вклады как в пользу церковных учреждений, так и на имена многочисленных членов этого патрицианского рода (особенно монахинь и монахов, как правило, аугсбургских обитателей). В общей сложности Лангенмантелям принадлежали 33 ренты, в которые они, по подсчетам автора этих строк, инвестировали около 1580 гульденов. Правда, большинство рент были небольшими и не превышали 10 гульденов.

⁴³ *Planitz H.* Die deutsche Stadt ... S. 273.

⁴⁴ *Urkunden St. Ulrich u. Afra* ... № 149 а). S. 68; № 254. S. 106; № 611. S. 268; № 751. S. 291–292; № 767. S. 306. На это, в частности, указывают акты монастыря св. Ульриха и Афры. 28 сентября 1332 г. «рыцарь Иоганн Лангенмантель» берет на себя обязательство ежегодно платить аббату и конвенту монастыря по «6 шиллингов аугсбургских пфеннигов» за ленное держание «в поле у Шапперфельта». 12 ноября 1350 г. «бюргер Аугсбурга» Рудигер Лангенмантель продает принадлежавшие ему церковные десятины в Бобингене аугсбургскому бюргеру и патрицию Гансу Хангенору за 170 фунтов пфеннигов. 5 июля 1423 г. еще один Лангенмантель по имени Хартман, который назван в цитируемом документе «бюргером Ульма», продает «бюргеру Аугсбурга» Конраду Фогелю свои земельные владения в деревне Габлинген за 53 гульдена. 26 июля 1436 г. аббат монастыря св. Ульриха и Афры возбуждает судебную тяжбу с Бартоломеусом Лангенмантелем «из-за [церковных] десятин и оброков» с земельных владений у городских стен Аугсбурга. Через два года (26 марта 1438 г.) Лангенмантели продают аббату того же монастыря «права фогтства, суда и банна» (*Zwing und Bann*) в Банштеттене. Все это – лишь эпизоды, свидетельствующие о тесной связи семейства Лангенмантелей с феодальным землевладением, но не отражающие всего многообразия этих связей. На самом деле участие Лангенмантелей в землевладении было гораздо более значительным.

⁴⁵ *Zorn W.* Augsburg ... S. 113.

⁴⁶ *Die Chronik von 1368 bis 1406* ... S. 31.

⁴⁷ *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ... S. 199.*

⁴⁸ *Zorn W. Augsburg ... S. 138.*

⁴⁹ *Groos W. Zinslehen ... S. 66.*

⁵⁰ *Strieder J. Zur Genesis ... S. 81–82.*

⁵¹ TRB. № 18. S. 69; № 48. S. 72; № 29. S. 124; № 68. S. 125; *Zorn W. Augsburg ... S. 117.*

⁵² TRB. S. 181.

⁵³ Регалии (от лат. *regalis* – царский) представляли собою в Средние века королевские (в Германии и княжеские) привилегии, монопольные права на получение доходов. Эти регалии заключались в праве чеканить монету, в праве суда и доходов с него, праве сбора налогов, пошлин, штрафов, монополии на разработку рудников и т.п. Часто регалии отдавались на откуп частным лицам, прежде всего богатым городским банкирам-ростовщикам (см.: *Смирнова Е.Д., Сушкевич А.П., Федосик В.А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск, 1999. С. 282.*)

⁵⁴ *Zorn W. Augsburg ... S. 135.*

⁵⁵ *Ibid. S. 136.*

⁵⁶ *Quellen zur Handelsgeschichte der Paumgartner von Augsburg / Hrsg. von K.O. Müller. Wiesbaden, 1955. S. 251–269.*

⁵⁷ См.: *Некрасов Ю.К. Очерк ... С. 172–173, 184.*

⁵⁸ *Planitz H. Die deutsche Stadt ... S. 273.*

⁵⁹ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 254. S. 108; № 272. S. 113; № 234. S. 116–117; № 323. S. 123; № 661. S. 256–257; № 708. S. 274; № 787. S. 306.* Конрад Онзорг вместе с аугсбургским бюргером Конрадом Кунцельманом в июне 1351 г. вел судебную тяжбу с монастырем св. Ульриха и Афры из-за лугов на территории общины деревни Берхейм. 20 мая 1357 г. Конрад Онзорг с согласия «ленного господина» – епископа Аугсбурга Маркварда – продал монастырю «оброк в два воза сена» со своих владений в Лютерсхофене. 7 сентября 1361 г. братья Онзорги (монах – «брат Иоганн», бюргеры – Хартман и Конрад) продали тому же монастырю луга в Ауэ, которые они получили по наследству «от родной бабки», супруги покойного Лутца Портнера. В акте от 5 мая 1366 г. Конрад Онзорг выступает в роли совладельца лесной вырубке в Лютерсхофене. 12 мая 1401 г. Онзорги продали тому же монастырю надел пахотной земли в Берхейме за 150 гульденов. 27 июня 1430 г. городской фогт Аугсбурга Ганс Тишингер огласил вердикт по тяжбе Онзоргов с монастырем св. Ульриха и Афры по размежеванию владений Онзоргов и монастыря в Велленбурге. 19 августа 1433 г. Онзорги возбудили иск против монастыря, в котором заявляли, что держатели общины Берхейма подлежат «деревенскому суду» аугсбургских патрициев и имеют право пользоваться лесными угодьями и пастбищами как в самом Берхейме, так и в Шпортцельбруннере только с их (Онзоргов) разрешения, поскольку эти угодья, утверждали Онзорги, являются их «полной собственностью».

⁶⁰ *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ... S. 199, 200.*

⁶¹ UB der Stadt Augsburg ... S. 36. В акте сказано, что 7 сентября 1350 г. Конрад Онзорг продал дом с приусадебным участком и два крестьянских «двора» вместе с правами «деревенского суда» над их держателями аугсбургскому патрициу Дахсу.

⁶² Ibid. S. 42.

⁶³ Die Urkunden der Hochstifts Augsburg ... № 325. S. 157–159.

⁶⁴ Zorn W. Augsburg ... S. 123.

⁶⁵ Die Chronik von 1368 bis 1406 ... S. 47; die Chronik der Gründung ... S. 313.

⁶⁶ Zink ... S. 15–16.

⁶⁷ Ibid. S. 50–51.

⁶⁸ Die Chronik von 1363 bis 1406 ... S. 104–105.

⁶⁹ LGB. № 632. Онзоргам принадлежала только одна рента городского казначейства Аугсбурга, по которой они ежегодно получали 32 гульдена. Этих доходов было явно недостаточно, чтобы поддерживать «благородный образ жизни» «городских дворян» или патрициев-рантье средневекового города.

⁷⁰ Об участии Иоса Онзорга-младшего в деятельности бюргерской оппозиции в Аугсбурге в 70-е годы XV в. см.: Некрасов Ю.К. Радикально-бюргерская оппозиция ... С. 135, 144.

⁷¹ Müllich ... S. 251. Мюлих, таким образом, представляет смерть Онзорга как несчастный случай или, по крайней мере, ничего не говорит о причастности олигархии к этому происшествию. Категоричный в своих суждениях Зендер приводит фамилию Онзорга в списке подвергшихся репрессиям участников движения, без обиняков заявляя, что тот был «зарезан одним из городских слуг» (см.: Sender ... S. 41). Апологет олигархического режима в Аугсбурге Пауль фон Штеттен-младший излагает как правдоподобное мнение Мюлиха и отвергает точку зрения Зендера (см.: Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter... S. 219). И все же, по мнению автора этих строк, Зендер, скорее всего, ближе к истине, чем Мюлих и Штеттен.

⁷² Planitz H. Die deutsche Stadt ... S. 273.

⁷³ Zorn W. Augsburg ... S. 123.

⁷⁴ Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ... S. 200.

⁷⁵ UB der Stadt Augsburg ... S. 56.

⁷⁶ Die Chronik der Gründung ... S. 307.

⁷⁷ LGB. № 621. На это, пусть и косвенным образом, указывает и тот факт, что в 1391 г. небольшой рентой городского казначейства Аугсбурга (в 6 гульденов) владела только супруга Генриха Портнера-младшего Барбара Портнер, которая в акте казначейства названа «дочерью покойного Петера Ридерера».

⁷⁸ Zorn W. Augsburg ... S. 123.

⁷⁹ Langenmantel ... S. 39.

⁸⁰ Die Chronik von 1368 bis 1406 ... S. 23.

⁸¹ Zink ... S. 26.

⁸² Müllich ... S. 32.

⁸³ LGB. № 325, 339, 455, 576. Рудигер Раппольт между 1379 и 1389 г. приобрел своим детям (Гансу, Маргарет, Францу, Рудигеру-младшему, Даниэлю и Элен) 10 рент казначейства Аугсбурга, инвестировав около 700 гульденов. Однако доход от этих рент (около 70 гульденов в год) вряд ли был достаточным для поддержания социального престижа и «благородного образа жизни» многочисленного семейства Раппольтов.

⁸⁴ Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ... S. 88.

⁸⁵ Цит. по: Strieder J. Zur Genesis ... S. 54.

⁸⁶ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 133. S. 62; № 205. S. 90; № 413. S. 164–165. 24 апреля 1330 г. «рыцарь Бертольд дер Релингер фон Релинг» и брат последнего по имени Кунцель совершают дарение городскому монастырю св. Ульриха и Афры одного поля в судебном округе Эйхах. 1 февраля 1392 г. Ганс Релингер-младший продает свой «двор» в Анхаузене вместе с прилегающим к этому «двору» лугом тому же монастырю (сумма сделки в документе не указана). 20 октября 1401 г. Ульрих Релингер-старший приобрел у Вильгельма фон Паппенгейма небольшой земельный участок в деревне Лютерсхофен. Однако в источниках отсутствуют свидетельства о крупных земельных приобретениях Релингеров как в конце XIV, так и первой половине XV в.

⁸⁷ LGB. № 326, 407, 431, 650. По шести рентам городского казначейства Аугсбурга Релингеры ежегодно получали 91 гульден и 2,5 фунта пфеннигов, то есть в общей сложности они инвестировали в эти ренты 920 гульденов, что составляло около 8,8 процентов в структуре их собственности. Следовательно, городские ренты не определяли экономических интересов Релингеров.

⁸⁸ См.: Schönigh F.J. Die Relinger von Augsburg: Ein Beitrag zur deutschen Wirtschaftsgeschichte des 16. und 17. Jahrhundert. Paderborn, 1927. S. 2 ff.

⁸⁹ Многочисленные факты свидетельствуют о том, что Релингеры, как, впрочем, и представители ряда других семейств, совмещали участие в венецианской торговле с банковско-ростовщическими операциями с тирольским княжеским двором в Инсбруке (см.: TRB. S. 30, 180; Strohmeyer W., von. Oberdeutsche Hochfinanz ... S. 50).

⁹⁰ Groos W. Zinslehen ... S. 66.

⁹¹ LGB. № 267, 291, 299, 313, 317, 330, 469, 470, 542, 544, 562, 565, 769, 771, 807. Ридереры относились к числу крупнейших инвесторов казначейства Аугсбурга. В роли покупателей рент выступали Петер, Якоб, Конрад, Бартоломеус Ридереры и вдова последнего Катрин, которые совершили в общей сложности 26 вкладов. По этим вкладам казначейство ежегодно выплачивало самим Ридерам, их близким и дальним родственникам 70 фунтов пфеннигов и 199 гульденов. Ридереры, таким образом, к 1381 г. инвестировали в городские ренты около 2120 гульденов.

⁹² Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 416. S. 166. Только один акт городского монастыря св. Ульриха и Афры (от 5 ноября 1402 г.) отразил факт приобретения аугсбургским патрицием Эрхартом Ридерером церковных десятин в Штокхартен.

⁹³ *Langenmantel ...* S. 39.

⁹⁴ *Paul von Stetten-jüngerer. Geschichte der adelichen Geschlechter ...* S. 82.

⁹⁵ *Wahraus ...* S. 224; *die Chronik der Gründung ...* S. 312.

⁹⁶ *Die Chronik von 1368 bis 1406 ...* S. 26.

⁹⁷ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ...* № 446. S. 187; № 694. S. 269. На участие Хангеноров в феодальном землевладении указывают, в частности, акты аугсбургского монастыря св. Ульриха и Афры. 20 апреля 1408 г. Ганс Хангенор в качестве епископского лена получил несколько церковных десятин в Бобингене и Дефертингене, а также «двор» в Грисбахе. 27 октября 1432 г. епископ передал в лен бургомистру Аугсбурга Штефану Хангенору «вторую половину» церковных десятин в Бобингене (первая половина этих десятин последнему уже давно принадлежала на правах совладения с родным братом Георгом Хангенором), «половину двора» в Отмарсхаузене, 19 югеров пахотной земли, 7 соляных варниц и покосы («26 tagwerken»), то есть луга, которые может скосить один косарь в течение 26 рабочих дней или 26 косарей в течение одного рабочего дня.

⁹⁸ *LGB. № 258, 283, 315, 340, 414, 415, 489, 539, 604, 608.* Шести представителям семейства Хангеноров принадлежали 18 рент городского казначейства Аугсбурга, которые ежегодно приносили им доход в 28 фунтов пфеннигов и 129 гульденов, то есть они инвестировали в эти ренты около 1380 гульденов. Хангеноры входили в число крупнейших инвесторов казначейства, но их имена отсутствуют в списке богатейших налогоплательщиков города в кадастре 1396 г., что и дает основания для предположения: Хангеноры жили прежде всего за счет рент с землевладения и процентов с облигаций городского займа. По крайней мере документы, относящиеся к 70-м и 80-м годам XIV в. ничего не сообщают о других источниках доходов этого семейства.

⁹⁹ *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ...* S. 229.

¹⁰⁰ *Strieder J. Zur Genesis ...* S. 81–82.

¹⁰¹ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ...* № 147. S. 67; № 193. S. 85–86; № 314. S. 316–317. В 1331 г. «магистр» (magister) Ульрих Хофмайер совершает дарение городскому монастырю св. Ульриха и Афры двух «дворов» «с относящимися к ним садами». 11 ноября 1339 г. он же получает в качестве «епископского лена» права фогтства над деревней Киссинген в сельской округе города. В акте от 17 декабря 1434 г. Георг Хофмайер назван собственником сада у одних из городских ворот Аугсбурга.

¹⁰² *LGB. № 733.* Только однажды в счетах городского казначейства (1379 г.) о выплате процентов по вкладам в это казначейство упоминаются имена Элизабет и Маргарет Хофмайер, по всей видимости, монахинь одной из городских обителей, сообща владевших небольшой рентой в 2 фунта пфеннигов, в которую было инвестировано около 7 гульденов.

¹⁰³ См.: *Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса ...* С. 118–120; *Он же. Радикально-бюргерская оппозиция ...* С. 144–145.

¹⁰⁴ См.: *Некрасов Ю.К. Происхождение ...* С. 157–159.

¹⁰⁵ Die Augsburgur Baumeisterrechnung ... S. 61, 72, 172.

¹⁰⁶ TRB. S. 181.

¹⁰⁷ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 151. S. 69; № 213. S. 92–93. 1 декабря 1332 г. Конрад Ланг продал монастырю св. Ульриха и Афры свою долю (halbtaile) на два дома и дворовые постройки с садами у одних из городских ворот. Через десять лет (18 февраля 1343 г.) фогт судебного округа Хохштеттен возбудил иск против аугсбургского бюргера и патриция Конрада Ланга фон Верде. Объект тяжбы – сеньориальные права Лангов на территории «деревенской общины в Бруггерверде» и особенно на земли альменды.

¹⁰⁸ Groos W. Zinslehen ... S. 67.

¹⁰⁹ *Langenmantel* ... S. 39.

¹¹⁰ LGB. № 378. «Солевар Генрих Ланг» в 1379 г. приобрел ренту городского казначейства в 8 гульденов на свое имя и две ренты по 4 гульдена каждая своей супруге Элизабет и сыну Андреасу, инвестировав в эти ренты около 160 гульденов.

¹¹¹ Ibidem. Ульрих Ланг в том же году купил ренту в 3 фунта пфеннигов, инвестировав в нее всего лишь около 10 гульденов.

¹¹² Weberchronik ... S. 220. Anm. 1.

¹¹³ Ibid. S. 282.

¹¹⁴ Ibid. S. 170–171; *Langenmantel* ... S. 51–56.

¹¹⁵ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 188. S. 83–84. Еще за три десятилетия до событий цехового переворота (13 июля 1338 г.) Пауль Пфетнер отказался от права на получение ежегодного оброка (четырёх шиллингов и четырех куриц) с держания в Батценхофене в пользу монастыря св. Ульриха и Афры.

¹¹⁶ LBG. № 381. «Скорняк Пауль Пфетнер» совместно с Генрихом Вайсом-Витцигом, исполняя обязанности опекунов, в 1378 г. приобрели ренту в 12 гульденов на имя «девицы Анны», которая названа в акте «дочерью покойного Иоса Штробеля».

¹¹⁷ См.: LGB. № 729.

¹¹⁸ *Langenmantel* ... S. 39.

¹¹⁹ LGB. № 218, 232, 261, 279, 290, 296, 318, 328, 338, 383, 453, 744. Наследникам Вернера Фогеля-старшего (Гансу, Вернеру-младшему, Генриху, Анне и Элизабет) принадлежали 17 небольших рент, по которым казначейство ежегодно выплачивало им «58 фунтов пфеннигов и 47 гульденов», то есть инвестиции представителей «патрицианской ветви» этого рода в городские ренты составляли около 660 гульденов.

¹²⁰ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 464. S. 183–184. 6 августа 1409 г. престарелый Конрад Фогель совершает дарение монастырю св. Ульриха и Афры одной гуфы пахотной земли, судебных прав над ее держателями в Рейнвейлере. Акт содержит оговорку, что Фогели владели этой землей «на ленном праве» и получали с нее в виде оброка 4 шаффеля ржи и овса. (Шаффель – мера сыпучих тел, составлявшая в Швабии в весовом выражении около 56 кг.)

¹²¹ *Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ...* S. 82.

¹²² *Bosl K. Augsburgur Bürgerturn ...* S. 27.

¹²³ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ...* № 245. S. 103; № 534. S. 208–209; *Weberchronik...* S. 289. 4 июля 1348 г. бюргер Аугсбурга Иоганн (Ганс) Шонгауэр продал монастырю св. Ульриха и Афры «оброк в 5 повозок сена с собственного луга», расположенного поблизости от деревни Геггинген, за 31 фунт пфеннигов. Из текста другого акта (от 23 ноября 1414 г.) следует, что Конрад Шонгауэр был собственником «двора» и земельного участка в самом городе, неоднократно исполнял обязанности старшины корпорации ткачей и являлся прямым предком известного художника эпохи Возрождения Мартина Шонгауэра (умер в 1491 г.).

¹²⁴ *LGB. № 394, 495, 496, 580.* Представители городской знати семейства Шонгауэров владели 11 рентами казначейства и в них было инвестировано 480 гульденов. Глава этого семейства Ганс Шонгауэр входил в число богатейших бюргеров Аугсбурга и в 1396 г. платил налог с состояния в 1410 гульденов (инвестиции в ценные бумаги магистрата равнялись 34 процентам его состояния). Источники не сообщают что-либо о Гансе Шонгауэре купце или банкире-ростовщике. Вместе с тем вполне очевиден тот факт, что если не Ганс, то его наследник Конрад Шонгауэр занялись ткацким ремеслом. Не исключено, что Шонгауэры, располагая к тому реальной возможностью, инвестировали деньги в ремесленное производство: авансировали мелких производителей деньгами, «раздавали» сырье прядильщикам и пряжу ткачам. Конрад Шонгауэр, вероятно, играл роль, аналогичную роли «суконщика» в шерстоткацком производстве.

¹²⁵ О жизни и творчестве Мартина Шонгауэра см.: *Либман М. Искусство Германии XV и XVI веков. М., 1964. С. 48–59.*

¹²⁶ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ...* № 215. S. 93. Еще 23 февраля 1344 г. Генрих Штольцкирш-старший с согласия сыновей – Генриха-младшего и Ганса Штольцкиршей – продает городскому монастырю св. Ульриха и Афры две гуфы пахотной земли и «наследственный лен» с правами фогтства над держателями всех этих наделов. С каждой гуфы Штольцкирши ежегодно получали по 25 шиллингов «фогтского побора», 5 шиллингов «денежного чинша», 2 шаффеля пшеницы, ржи и овса, 2 гусей, 4 «осенние курицы», 2 «пасхальные курицы», 100 яиц; с «наследственного лена» – 3,5 шаффелей пшеницы, 2 «пасхальные курицы» и 3 шиллинга «денежного чинша». Продажа земельных владений оказалась близким предвестником оскудения и пресечения знатного патрицианского рода Штольцкиршей.

¹²⁷ *Bosl K. Augsburgur Bürgerturn ...* S. 29.

¹²⁸ *LGB. № 700.* В актах городского казначейства Аугсбурга лишь однажды упоминается имя монахини Элизабет Штольцкирш, которая в 1379 г. получала небольшую ренту в 2 гульдена, то есть инвестиции Штольцкиршей в городские ренты равнялись всего лишь 20 гульденам.

¹²⁹ *LGB. № 738, 788, 801.* Ратзамы владели тремя рентами городского казначейства Аугсбурга и ежегодно получали по этим рентам 36 фунтов пфеннигов,

то есть ими было инвестировано в это казначейство около 120 гульденов. Но обращает на себя внимание следующее: проценты по вкладам получали только представительницы этого семейства Анна, Гертруд и Мец, в чем можно усматривать факт, свидетельствующий о пресечении патрицианского рода Ратзамов.

¹³⁰ LGB. № 276, 286, 420, 735. Ричардам принадлежали 5 рент городского казначейства, ежегодный доход по которым составлял 8 гульденов и 23 фунта пфеннигов, то есть их инвестиции равнялись примерно 160 гульденам. Получателями процентов по этим вкладам выступали Адельхейд и Агнес Ричард, которые, между прочим, в своих завещаниях не называют ни одного наследника с такой фамилией. Это дает основание для вывода о пресечении патрицианского рода Ричардов.

¹³¹ TRB. S. 171, 187.

¹³² LGB. № 104, 233, 248, 745. Хальбхеры обладали 8 вкладами в городское казначейство, по которым они ежегодно получали 38 фунтов пфеннигов и 8 гульденов, то есть Хальбхерами было инвестировано в городские ренты менее 220 гульденов. В «Книгах рент» упоминаются имена умершего в 1379 г. Бертольда Хальбхера-старшего, его вдовы Адельхейд и их сына Бертольда-младшего, который, вероятно, и был последним представителем этого патрицианского рода.

¹³³ TRB. S. 9, 13; № 85. S. 79; № 118, 120, 121. S. 84; № 130. S. 85; № 125, 130. S. 86; № 145. S. 88; № 161. S. 91; № 215–218. S. 102; № 222, 223. S. 103; № 27. S. 138; № 143. S. 160; S. 172, 184; Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 323. S. 130. Бумаги княжеского казначейства в Тироле содержат многочисленные свидетельства о деятельности Конрада Миннера-старшего в качестве банкира-ростовщика и крупного оптового торговца. Он поставлял на местные рынки сукна, а закупал здесь же вина, чтобы затем продать их на рынках Германии. Для компании Миннеров Тироль, к тому же, служил в качестве транзитного пункта для поставок на итальянские рынки (особенно в Венецию) льняных тканей южно-немецкого производства. Миннеры энергично и с размахом вели банковско-ростовщические операции и с княжеским двором в Инсбруке. Активная деятельность компании в Тироле приходится на время с 1300 по 1324 г. и связана с именем упомянутого выше Конрада Миннера-старшего. Успехи в коммерции (прежде всего Конрада-старшего) позволили Миннерам часть нажитых средств инвестировать в землевладение. На это, в частности, указывает факт дарения в марте 1377 г. Анной Миннер, вдовой аугсбургского бюргера Конрада Миннера-младшего, монастырю св. Ульриха и Афры «половины» и «целой гуфы» в Бобингене вместе с правами фогтства над их держателями (эти объекты собственности около пятидесяти лет тому назад были приобретены все тем же Конрадом Миннером-старшим). С «половины гуфы» следовал оброк в 25 шиллингов «особого (фогтского. – Ю.Н.) побора», 2 гуся, 4 «осенних» и столько же «пасхальных» куриц, 100 яиц; с «наследственного держания» – 3,5 шаффеля пшеницы, 3 шиллинга «денежного чинша» и 2 «пасхальные курицы».

¹³⁴ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 177. S. 79. 29 ноября 1336 г. бюргер Аугсбурга Иоганн (Ганс) Приоль купил у Генриха фон Веллишаузена за 16 фунтов пфеннигов небольшой участок пахотной земли в Штейнбахе.

¹³⁵ LGB. № 49, 138, 263, 271, 273, 280, 287, 616, 721, 734, 735, 746. К концу 70-х годов XIV в. Миннеры владели четырьмя рентами городского казначейства Аугсбурга и инвестировали в них в общей сложности около 310 гульденов. Приюли к тому времени обладали семью рентами, по которым ежегодно получали 14 фунтов пфеннигов и 25 гульденов, то есть их инвестиции в эти ренты составляли около 310 гульденов. Равенбургерам принадлежали 3 ренты, приносящие ежегодный доход в 14 фунтов пфеннигов, то есть их инвестиции в эти ренты равнялись примерно 50 гульденам.

¹³⁶ TRB. S. 13, 18, 22; № 100. S. 81–82; № 118–123. S. 84–85.

¹³⁷ *Strieder J. Zur Genesis ...* S. 81–82.

¹³⁸ *Strohmer W., von. Die oberdeutsche Hochfinanz ...* S. 50.

¹³⁹ *Zorn W. Augsburg ...* S. 112.

¹⁴⁰ *Zink ...* S. 30.

¹⁴¹ LGB. № 320, 321, 358, 362, 567, 568, 736, 961. В роли инвесторов городского казначейства Аугсбурга выступали такие представители семейства Госсенбротов, как Ганс, Марквард и «Петер, сын Меркварда», которые в общей сложности приобрели 18 рент и ежегодно получали по ним 42 гульдена и 25 фунтов пфеннигов. Таким образом, инвестиции Госсенбротов в облигации городских займов составили около 500 гульденов, причем почти половина этих инвестиций приходилось на долю Ганса Госсенброта, одного из организаторов и вдохновителей еврейских погромов в начале 80-х годов XIV в. в южно-немецких городах.

¹⁴² *Urkunden St. Ulrich u. Afra ...* № 419. S. 167. В этой связи представляет интерес акт монастыря св. Ульриха и Афры от 7 июня 1403 г., в котором, в частности, речь идет о приданом супруги Бертольда Госсенброта. В качестве такового ей принадлежали в деревне Эрцфинген 27 югеров пахотной земли «в трех полях», усадьба, сад, две небольших рощи и «13 tagwerken» покосов. Это – типичное, помимо прочего, имение патрициев и богатых бюргеров, которое не только приносило материальную выгоду, но и позволяло владельцу вместе с семьей проводить здесь летние месяцы.

¹⁴³ *Strieder J. Zur Genesis ...* S. 39–41.

¹⁴⁴ *Weberchronik ...* S. 177, 180.

¹⁴⁵ *Urkunden St. Ulrich und Afra ...* № 327. S. 132–133; № 377. S. 151. Первый из этих актов содержит судебный вердикт (от 9 августа 1378 г.) по тяжбе между Конрадом Инсульгом и крестьянами общины Эринген, из которого следует, что Ильсунг был не только землевладельцем, но и обладал здесь правами фогства и низшей юрисдикцией («деревенским судом»), то есть по существу выступал в роли сеньора общины Эрингена. Во втором акте речь идет о том, что тот же Конрад Ильсунг до 12 мая 1393 г. владел «собственным двором» в Вигтау, с которого получал ежегодно в виде ренты 4 шаффеля ржи и овса, 10 шиллингов «лугового оброка», 8 «осенних куриц», 2 гусей и 1 шиллинг «денежного оброка или 1 мальтер масла», 100 яиц.

¹⁴⁶ LGB. № 64, 115, 264, 361, 380, 651, 758, 778, 782, 789, 796, 825. Во второй половине XIV в. Ильсунги активно приобретали ренты городского казначейства.

В общей сложности им принадлежали 15 рент, по которым казначейство ежегодно выплачивало 29 фунтов пфеннигов и 80,5 гульденов, то есть инвестиции Ильсунгов в ренты составили около 900 гульденов. При этом заслуживает внимания тот факт, что пятью рентами (стоимостью примерно в 300 гульденов) владели Элизабет, Анна и Агнес Ильсунг – все монахини аугсбургской обители св. Катрин, тремя рентами (стоимостью в 350 гульденов) – Катрин Ильсунг. К числу богатейших жителей города податной кадастр 1396 г. относит только Конрада Ильсунга. Последний обладал состоянием в 1920 гульденов, из которых около 184 гульденов (то есть 9,6 процентов) приходилось на долю городских рент. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что Ильсунги вели многие торговые и финансовые операции вдали от стен родного города, и часть своих состояний, есть основания так полагать, по примеру других «отцов города» утаивали от фиска.

¹⁴⁷ Weberchronik ... S. 220. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1389 г. братья Конрад и Ульрих Ильсунги продали корпорации ткачей два городских дома, причем за один из этих домов корпорация заплатила им 700 гульденов наличными и обязалась также ежегодно поставлять Ильсунгам по 4 штуки белой бумазеи, стоимостью по 10 гульденов каждая. Если принять этот «чинш бумазеей» за капитализированную ренту, окажется, что он обошелся Ильсунгам в 800 гульденов. Таким образом, один из проданных Ильсунгами корпорации ткачей домов, который хроника называет «большим», стоил около 1500 гульденов. Данные же о стоимости второго дома в материалах источников отсутствуют.

¹⁴⁸ Die Chronik von 1368 bis 1406 ... S. 26–28.

¹⁴⁹ Фландрия – средневековое графство, затем одна из провинций Нидерландов.

¹⁵⁰ Strohmeyer W., von. Oberdeutsche Hochfinanz ... S. 406–407.

¹⁵¹ Ibid. Beilage 2. S. 510.

¹⁵² UB der Stadt Augsburg ... S. 60–61.

¹⁵³ Ibid. S. 121, 221–222; die Chronik der Gründung ... S. 308; Müllich ... S. 3.

¹⁵⁴ Bisle M. Die öffentliche Armenpflege ... S. 42.

¹⁵⁵ Strieder J. Zur Genesis ... S. 110–111.

¹⁵⁶ TRB. S. 179; Strohmeyer W., von. Oberdeutsche Hochfinanz ... S. 50.

¹⁵⁷ LGB. № 284, 623, 641. Семейству Гервартов принадлежали только 5 небольших рент, по которым городское казначейство Аугсбурга ежегодно выплачивало им по 14 гульденов и 4 фунта пфеннигов, то есть инвестиции Гервартов в последней четверти XIV в. лишь немного превышали 140 гульденов.

¹⁵⁸ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 380. S. 152. В актах монастыря св. Ульриха и Афры лишь однажды зафиксирована продажа Петером Гервартом 1 декабря 1393 г. бюргеру Аугсбурга Ортелю Вильпрехту ренты с земельного владения в Бобингене за 12 гульденов с передачей покупателю права свободного распоряжения объектом сделки. Видимо, в документе речь идет о парцеллярном держании или, быть может, о стоимости «крестьянской ренты» (или сверхценза).

¹⁵⁹ *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ...* S. 54.

¹⁶⁰ *Strieder J. Zur Genesis ...* S. 83.

¹⁶¹ LGB. № 288, 298, 319, 365, 426, 724, 752, 781, 819. В роли инвестора городского казначейства выступал только Ганс Дахс-старший (Johann Dahs senior), который приобрел 10 рент «на срок жизни», затратив на них около 600 гульденов. Эта сумма равнялась 2,8 процента состояния Дахов, которое податной кадастр 1396 г. оценивал в огромную по тому времени сумму – 21630 гульденов! Вместе с тем необходимо иметь в виду следующее. Ганс Дахс-старший приобрел ренты зятю Конраду Релингеру, дочерям – Агнес-старшей (супруге Конрада Релингера) и монахине Доротее, внучке – Агнес-младшей («урожденной Релингер») и своей супруге Катрин («урожденной Партнер»). Лишь однажды в актах казначейства фигурирует имя Ганса Дахса-младшего. Все покупки рент совершены до 1379 г. Сам Ганс Дахс-старший умер между 1379 и 1382 г. Однако наследником состояния покойного стал не Ганс Дахс-младший, а вдова Ганса Дахса-старшего Катрин Дахс, которая была жива в 1396 г. и внесла налог в городскую казну с состояния Дахов от своего имени.

¹⁶² *Wahraus ... Beilage 2. S. 255.*

¹⁶³ *Zorn W Augsburg ...* S. 135.

¹⁶⁴ *Wahraus ... Beilage 2. S. 255.*

¹⁶⁵ *Zink ...* S. 14: «... er hat ain mul da».

¹⁶⁶ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ...* № 340. S. 137. 4 февраля 1382 г. Картин Дахс, вдова Ганса Дахса-старшего, приобрела за «32 золотых гульдена» три «двора» в Вигтау. В тексте договора Катрин Дахс с держателями сказано: первый «двор» с четырьмя югерами пахотной земли держит Вернер Шмидт и платит 2 шиллинга «денежного оброка», 3 пфеннига «лугового оброка», 2 «пасхальные курицы», 30 яиц; второй «двор» (с таким же наделом пахотной земли) «держит» Уиц Кохнер и платит 2 шиллинга «денежного чинша», 3 пфеннига «лугового оброка», одну «пасхальную курицу» и 30 яиц; держатель третьего «двора» (его имя не указано) с восемью югерами пахотной земли и «1 tagwerk» покосов платит то же, что и держатель второго «двора», а сверх того – 1 шиллинг деньгами. В данном случае, в отличие от рассмотренного выше эпизода (см.: примечание 158 к настоящей главе), вполне возможно сделать заключение о парцеллярном характере упомянутых в монастырском акте держаний, так как они явно не могли обеспечить держателей и их семьи средствами существования. В пользу такого вывода свидетельствует также отсутствие в перечне повинностей обычных для таких договоров натуральных оброков зерном (пшеницей, рожью и овсом). Это и дает основание для гипотезы, что здесь в роли держателей выступали ткачи-крестьяне, которые были вовлечены в процессы формирования отношений раздач в позднесредневековом текстильном производстве.

¹⁶⁷ *Weberchronik ...* S. 169, 171, 178–179; *Langenmantel ...* S. 38, 39, 51–56; *Paul von Stetten-jungere. Geschichte der adelichen Geschlechter ...* S. 158 ff. В отдельных случаях «Книги рент» казначейства Аугсбурга и городские хроники также содержат указания на профессию или членство инвесторов казначейства или персонажей хроник

в корпорациях города. Сведения на этот счет можно подчерпнуть и из некоторых других источников.

¹⁶⁸ См.: LGB. № 818.

¹⁶⁹ «Цеховой листок» за 1403 г. включает стекольщиков, живописцев, граверов и ювелиров («золотых дел мастеров») в корпорацию кузнецов (См.: *Zorn W. Augsburg ... S. 134–135*).

¹⁷⁰ Составители такого же «Цехового листка» за 1463 г. большинство ювелиров приписывали к купеческой гильдии (см.: *Dirr P. Kaufleutezunft und Kaufleutestube zur Zeit Zunftrégiments (1368–1548) // ZHV. 1909. Bd. 35. S. 134*).

¹⁷¹ Fortsetzungen des Hector Müllich ... S. 342.

¹⁷² Weberchronik ... S. 172–174.

¹⁷³ UB der Stadt Augsburg ... S. 148–149.

¹⁷⁴ *Zorn W. Augsburg ... S. 134–135*.

¹⁷⁵ Weberchronik ... S. 176.

¹⁷⁶ Ibid. S. 169.

¹⁷⁷ *Maschke E. Verfassung ... S. 300–301*.

¹⁷⁸ LGB. № 400. Ганс Вессисбруннер-старший в 1379 г. приобрел две ренты (для себя и своего сына Ульриха), по процентам от которых финансовое ведомство магистрата стало выплачивать им ежегодно 60 гульденов. Между тем состояние Вессисбруннеров податной кадастр 1396 г. оценивал в 1360 гульденов, то есть почти половина состояния этого семейства (44,1 процента) приходилась на инвестиции в казначейство Аугсбурга, что, по всей видимости, отразило факт перехода представителей этого семейства к образу жизни городских рантье.

¹⁷⁹ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 400. S. 159; № 631. S. 293*. 2 апреля 1398 г. Ганс Вессисбруннер-старший совершает дарение монастырю св. Ульриха и Афры двух домов с «усадьбами и садами», с каждого из которых он ежегодно получал «денежный чинш» в 3,5 гульдена (следовательно, их стоимость можно оценить в 140 гульденов). Через тридцать лет (28 декабря 1428 г.) внук участника цехового переворота Ганс Вессисбруннер-младший продал тому же монастырю «двор» в Геггингене «со всем имуществом», за исключением прав фогтства над держателями «двора». С этого «двора» его владелец ежегодно получал в виде оброков 4 шаффеля пшеницы и ржи, 6 шаффелей овса, 2 шаффеля ячменя, 100 яиц, 4 «осенних курицы», 2 гусей. Стоимость всех этих сельскохозяйственных продуктов монастырский акт определяет в 25 гульденов. Если принять данную сумму за капитализированную ренту, окажется, что цена «двора» равнялась 500 гульденам. Другой монастырский акт сообщает, что 7 июля 1428 г. «мастер Якоб Вессисбруннер-младший» вел тяжбу в городском суде Кауфбойрена за свое «материнское наследство» – еще один «двор» Вессисбруннеров в Геггингене.

¹⁸⁰ *Urkunden der Stadt Kaufbeuren ... № 510. S. 161–162*. 9 сентября 1421 г. аугсбургский бюргер Ульрих Вессисбруннер продал местной богадельне «половину двора» в городской округе Кауфбойрена. Этот «двор» назван в цитируемом документе

«чиншевым леном без права фогтства», «ленным господином» которого являлся богатый и влиятельный монастырь в Вейнгартене.

¹⁸¹ Цитируемые выше документы (см.: примечания 178 и 179) позволяют достаточно точно установить, что на рубеже XIV–XV вв. инвестиции семейства Вессисбруннеров в недвижимую собственность равнялись 640 гульденам, то есть почти половине их состояния (47,1 процента). Если же принять во внимание, что 600 гульденов (44,1 процента) состояния Вессисбруннеров было инвестировано в городские ренты, окажется: уже к началу XV в. в их распоряжении находились незначительные свободные денежные средства в 120 гульденов (8,8 процента состояния), которые можно было бы использовать в торговле или банковско-ростовщических операциях. В 20-е годы XV в. Вессисбруннеры продали большую часть своих земельных владений. За превращением представителей этого семейства бывших патрициев в рантье последовало их полное оскудение и выпадение из рядов городской знати. Социальные метаморфозы, происходившие с семейством Вессисбруннеров, можно считать вполне закономерным явлением.

¹⁸² *Urkunden der Stadt Kaufbeuren ... № 364. S. 120–121.* Существование у Зульцеров источников доходов «феодалного происхождения» в Кауфбойрене несомненно. На это указывает акт городского архива Кауфбойрена от 11 апреля 1405 г. о продаже Йосом Зульцером местной богадельне церковных десятин в Батценхофене, которыми Зульцеры «давно уже владели» в качестве «лена Кемптенского аббатства».

¹⁸³ *Dirr P. Studien ... S. 164.*

¹⁸⁴ *Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ... S. 168.*

¹⁸⁵ *Strieder J. Zur Genesis ... S. 129–130.*

¹⁸⁶ *Ibid. S. 130.*

¹⁸⁷ *LGB. № 303, 316, 323, 364, 367, 377, 442, 518, 530, 659–661.* Зульцеры во второй половине XIV в. относились к числу крупнейших инвесторов казначейства. Между 1368 и 1389 г. они приобрели 20 рент, которыми владели шесть представителей этого семейства (Хартман-старший, Хартман-младший, Ганс, Йос, Доротея и Анна). Ежегодный доход от вкладов в казначейство составлял 20 фунтов и 138 гульденов, то есть Зульцерами в городские ренты было инвестировано около 1450 гульденов. В 1396 г. Ганс Зульцер платил налог с состояния в 2700 гульденов, а Хартман Зульцер-младший – с состояния в 1464 гульдена. Таким образом, по оценке податного кадастра братьям принадлежало состояние в 4164 гульдена, около 800 гульденов которого (т.е. 19,2 процента) было инвестировано в ренты городского казначейства.

¹⁸⁸ *Zink ... S. 112; Müllich ... S. 108.*

¹⁸⁹ *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ... S. 200.*

¹⁹⁰ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 667. S. 258.* В акте от 16 сентября 1430 г. речь идет о том, что Йорг Нердлингер, «сын Гильга Нердлингера», за себя и своих наследников и сыновей – Людвига, Йорга-младшего и Якоба – ежегодно платит аббату, приору и конвенту аугсбургского монастыря св. Ульриха и Афры четыре гульдена за ленное держание в Херманштеттене, которое включает по десять югеров пахотной

земли в каждом из трех полей, покосы (uber 10 tagwerken) и усадьбу с домом.

¹⁹¹ LGB. № 461, 481. Нердлингеры обладали двумя рентами городского казначейства Аугсбурга, в которые они инвестировали около 270 гульденов. В 1396 г. Гильг Нердлингер-старший владел состоянием в 1500 гульденов, Герман Нердлингер – в 1380 гульденов, то есть их собственность равнялась 2880 гульденам, 9,4 процента которой приходилось на городские ренты.

¹⁹² Именно на это указывают документы тирольского казначейства: TRB. S. 23, 186; № 164. S. 91; № 184. S. 95.

¹⁹³ LGB. № 48, 96, 312, 360, 419, 591, 827. Во второй половине XIV в. Ремботы владели тринадцатью рентами городского казначейства Аугсбурга, доходы от которых ежегодно составляли 16 фунтов пфеннигов и 73 гульдена, то есть их инвестиции в эти ренты составляли около 760 гульденов. Однако в 1396 г. никто из Ремботов не вошел в число богатейших налогоплательщиков города.

¹⁹⁴ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 261. S. 109; № 484. S. 139. 12 января 1352 г. Ульрих Рембот приобрел у аугсбургского бюргера Конрада Финнингера («двор» с 24 югерами пахотной земли за 85 фунтов пфеннигов. 10 апреля 1410 г. Ганс Рембот и его супруга Анна продали монастырю св. Ульриха и Афры участок земли у стен самого монастыря вместе с усадьбой, дворовыми постройками и садом за 220 гульденов, оговорив, правда, для себя право на получение с этого имени символического чинша в «половину гульдена в течение срока нашей жизни».

¹⁹⁵ LGB. № 355, 451, 624. Ремы принадлежали к числу крупнейших инвесторов городского казначейства Аугсбурга; их вклады в это казначейство к концу XIV в. достигли примерно 1850 гульденов. Однако при рассмотрении актов казначейства необходимо также принять во внимание следующие обстоятельства. В 1379 г. аугсбургский патриций и купец Конрад Ильсунг, исполняя обязанности опекуна и душеприказчика, приобрел ренту в 60 гульденов на имя Себастьяна Рема-младшего, сына умершего в том же году Себастьяна Рема-старшего. Тогда же ренту в 14 гульденов купила, как сказано в акте казначейства, «Вестернах, дочь Рема», о которой не известно, была ли она дочерью Себастьяна Рема-старшего или покойного Бертольда Рема. Ганс Рем-старший выступил в роли инвестора казначейства дважды: первый раз в 1388 г. он купил ренту в 10 гульденов своей дочери Маргарет – монахине городской обители св. Катрин; второй раз в 1390 г. он приобрел ренты своим сыновьям – Гансу-младшему и Лукасу-старшему по 35 гульденов и Георгу в 30 гульденов. Таким образом, инвестиции Ганса Рема-старшего в ценные бумаги магистрата составили около 1100 гульденов. Он еще был жив в 1396 г., занимал одно из первых мест в списке богатейших налогоплательщиков города и обладал состоянием в 8880 гульденов. На основании же рассмотренных выше свидетельств источников можно заключить: 1) городские ренты составляли 12,4 процента состояния Ганса Рема-старшего; 2) значительная доля приходилась на недвижимую собственность в самом городе; 3) инвестиции в городские ренты предприимчивым бюргером были совершены на исходе его жизненного пути, когда он отошел от активной коммерческо-предпринимательской деятельности. Раньше он находил другие сферы приложения принадлежавшим ему «свободным капиталам».

¹⁹⁶ UB der Stadt Augsburg ... S. 37.

¹⁹⁷ Ibid. S. 219.

¹⁹⁸ «Дневник» Лукаса Рема, использовавшего, как известно, деловые записки своего прадеда Ганса Рема-старшего, дает основание для вывода, что последний инвестировал в землевладение и недвижимую собственность около 3500 гульденов, то есть, если принять во внимание показания налогового кадастра 1396 г., 39,8 процента принадлежавшего ему состояния. Примерно 1750 гульденов (17 процентов собственности) приходилось на землевладение и домовладения Ганса Рема-старшего в городской черте. В «Дневнике» также речь идет о том, что еще Гансом Ремом-старшим были приобретены в качестве «ленов» четыре «двора». Договоры о «ленных держаниях дворов» между 1411 и 1426 г. были «пролонгированы» его сыном и наследником Гансом Ремом-младшим. В конце XV в. этими «дворами» владел автор «Дневника» – Лукас Рем. «Дворы» находились в разных местах: Мерингене (держатель «двора» – Матеус Гайер), Отмарсхаузене (Вайт Гайер), Гурлахе (Ганс Зелингер) и Киссингене (Ульрих Шерер). «Ленными господами» «дворов» выступали аугсбургские епископы, баварские герцоги, некий «рыцарь фон Гогенек» и его наследники. Держатели земли Матеус и Вайт Гайеры, Ганс Зелингер вносили ренту исключительно натуральными оброками (зерновыми культурами – рожью, овсом, пшеницей, а также – курами, гусями и гусиным жиром). Только Ульрих Шерер почти третью часть ренты (32,6 процента) платил деньгами и более двух третей (67,4 процента) – продуктами. Лукас Рем оценивал стоимость всех рент в денежном выражении в 103 гульдена (см.: *Lucas Rem. Tagebuch...* S. 59–61. Ср. также: *Некрасов Ю.К.* К проблеме генезиса ... С. 139–140). Если рассматривать все эти платежи как капитализированную ренту, окажется, что упомянутые выше земельные приобретения Ганса Рема-старшего обошлись ему примерно в 2000 гульденов. Еще около 1500 гульденов ему стоили покупки церковных десятин, различных рент и регальных прав на сбор торговых пошлин. Если учесть также и инвестиции Ганса Рема-старшего в ренты городского казначейства и недвижимые имущества, о чем уже сказано выше, в самом городе, нетрудно установить, что оставшуюся часть его собственности образует «свободный капитал». Только такое исследование в состоянии приоткрыть завесу тайны с происхождения крупных бюргерских капиталов и может служить в известном смысле свидетельством участия их владельцев в процессе генезиса капитализма.

¹⁹⁹ *Zink ...* S. 75–76.

²⁰⁰ *Strieder J.* Zur Genesis ... S. 58 ff.

²⁰¹ *Sender ...* S. 39.

²⁰² *Lucas Rem. Tagebuch ...* S. 21; *Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ...* S. 116–117; *Sender ...* S. 146–148. Ср. также: *Некрасов Ю.К.* Очерк ... С. 70–72; *Он же.* К проблеме генезиса ... С. 108; *Савина Н.В.* Южнонемецкий капитал ... С. 73, 82–83, 298.

²⁰³ *Zorn W.* Augsburg ... S. 135.

²⁰⁴ *Strohmer W., von.* Oberdeutsche Hochfinanz ... S. 50.

²⁰⁵ *Fondaco dei Tedeshi ... Urkunden.* № 318. S. 162–163.

²⁰⁶ LGB. № 62, 77, 351, 497, 577, 632. Эгены во второй половине XIV в. принадлежали к числу крупнейших инвесторов городского казначейства Аугсбурга. Между 1379 и 1389 г. самими Эгенами и третьим лицом (Ульрихом Релингером) на их имя в общей сложности было инвестировано в это казначейство около 2690 гульденов и приобретено 14 рент. В 1396 г. в списке богатейших налогоплательщиков города значилось имя только Карла Эгена, обладавшего состоянием в 2480 гульденов, 500 гульденов которого, то есть 20,2 процента, приходилось на ренты городского финансового ведомства.

²⁰⁷ Die Chronik der Gründung ... S. 314.

²⁰⁸ Ibid. S. 318.

²⁰⁹ Подробнее об этом см.: Некрасов Ю.К. Социальная борьба ... С. 438; Он же. Происхождение ... С. 150.

²¹⁰ LGB. № 523, 527. В 1389 г. в первом из этих актов Генрих Шмукер, цвельфер корпорации ткачей Генрих Брейшух и основатель знаменитого торгового дома недавно переселившийся из швабской деревни Грабен «ткач Ганс Фуггер» (Hans Fucker, Weber) выступили в роли душеприказчиков покойного Конрада Мойтинга-старшего и приобрели ренты малолетним детям последнего. Во втором акте того же года Генрих Шмукер выступил в роли покупателя городских рент для себя лично и членов своей семьи, инвестировав в ценные бумаги городского казначейства значительную сумму в 500 гульденов. Однако в 1396 г. он не входил в число богатейших налогоплательщиков Аугсбурга. Поэтому вполне возможно, что на какое-то время доходы от этих рент стали основным источником существования семейства Шмукеров.

²¹¹ Dirr P. Studien ... S. 195.

²¹² Langenmantel ... S. 51–56.

²¹³ Крамери в Аугсбурге занимались торговлей в розницу пряностями, обувью, поясами, кошельками, перчатками, головными уборами, кожами, воском, хлопком и многими другими товарами. Однако масштабы этой торговли регламентировались декретами правящего совета города, и крамерям было запрещено продавать ткани, розничная торговля которыми являлась монополией цеха портных и торговцев тканями. Крамери вели торговлю в лавках, которые сначала являлись собственностью города и сдавались торговцам в аренду, но затем – «приватизированы» и стали собственностью обладателей метризы корпорации крамерей. Правда, судя по всему, несколько лавок в качестве объектов собственности остались в распоряжении цеха крамерей (см.: Eckert H. Die Kramer in süddeutschen Städten bis zum Ausgang des Mittelalters. Berlin; Leipzig, 1910. S. 16, 50–51, 67).

²¹⁴ Müllich ... S. 2.

²¹⁵ LGB. № 514, 557, 643. Ульрих Дендрих в 80-е годы XIV в. приобрел сыновьям (Ульриху-младшему, Штефану и Иосу), дочерям (Агнес и Отилии), внучке Афре ренты городского казначейства Аугсбурга, в которые он инвестировал около 600 гульденов. В 1396 г. он входил в число богатейших бюргеров города и платил налог с состояния в 3120 гульденов, то есть ренты равнялись 19,2 процентам его собственности.

²¹⁶ *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ...* S. 54.

²¹⁷ *Groos W. Zinslehen ...* S. 67.

²¹⁸ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ...* № 624. S. 242. Акт от 10 сентября 1427 г. называет бургомистра Аугсбурга Йорга Дендриха собственником сада у одних из городских ворот, который он сдавал в аренду за «денежный чинш» в 1 гульден. Этот чинш Йорг Дендрих ежегодно получал ко дню св. Михаила.

²¹⁹ *Zink ... Beilage IV. S. 273–275; Anonyme Chronik ...* S. 514.

²²⁰ *Langenmantel ...* S. 37.

²²¹ *Weberchronik ...* S. 178.

²²² *Langenmantel ...* S. 51–56.

²²³ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ...* № 171. S. 77; № 230. S. 93; № 243. S. 102. 17 июля 1335 г. Маргарет Флинсбах, вдова Николая Флинсбаха-старшего, приобрела небольшой надел земли в Ритценроде, с которого она стала ежегодно получать в качестве оброка 1,5 шаффеля пшеницы и овса, 5 шиллингов деньгами и 2 курицы. 24 июля 1345 г. Вильгельм Флинсбах и его брат Николай-младший продают монастырю «собственный двор и гуфу» в Виггау. С «двора» они ежегодно получали 4 шаффеля ржи, 1 метцен масла, 10 шиллингов «лугового оброка», «3 шиллинга за сыр», 2 гусей, 8 куриц и петухов, 100 яиц и 12 пфеннигов «денежного оброка», с «гуфы» – 1,5 шаффеля ржи и овса, 4 шиллинга «лугового оброка», 50 яиц, 6 пфеннигов «денежного оброка». 12 марта 1348 г. те же братья Флинсбахи продают за 85 фунтов пфеннигов остаток своих земельных владений в Виггау аугсбургскому бюргеру Конраду Фиттелю.

²²⁴ *Ibid.* № 351. S. 141; № 370. S. 149; № 412. S. 163–164; № 413. S. 175; № 652. S. 251–252. В июле 1384 г. родоначальник «бюргерской ветви» семейства Флинсбахов – Альбрехт – купил у монастыря св. Ульриха и Афры два «двора» в Виггау. 26 августа 1391 г. аугсбургский бюргер Ганс Флинсбах приобрел в том же Виггау «малую гуфу» и два «двора» у Герлаха фон Вейсингена. В виде ренты покупатель стал ежегодно получать по одному шаффелю ржи и овса с каждого владения; кроме того, с первого «двора» – 1 метцен масла и 1 «пасхальную курицу», со второго «двора» – 30 яиц, 3 шиллинга деньгами и 1 «пасхальную курицу». 23 августа 1401 г. Элизабет Флинсбах, вдова аугсбургского бюргера Ульриха Флинсбаха-старшего, за 1050 гульденов продала бюргеру Аугсбурга Людвигу Рудольфу свои владения в Виггау, Бойрене, Зунтхейме и Эпичхофене, 6 «оброков» в Эльхарте и церковные десятины в Шенберге. Она же с согласия своего сына, Ульриха Флинсбаха-младшего, 23 июля 1407 г. за 110 гульденов продала монастырю св. Ульриха и Афры права фогтства над «двором» в Диммерхарте и двумя держаниями в Хольцхейне. 4 августа 1429 г. фогт Аугсбурга Ганс Тишингер вынес вердикт по тяжбе между Ульрихом Флинсбахом и аббатом монастыря св. Ульриха и Афры из-за границ принадлежавшего Флинсбахам участка леса в Тойфельгале. Это – последнее упоминание о Флинсбахах в актах монастыря св. Ульриха и Афры.

²²⁵ *LGB.* № 490, 531, 615. Флинсбахи во второй половине XIV в. являлись одними из крупнейших инвесторов городского казначейства Аугсбурга. Представители этого семейства инвестировали в ренты казначейства около 2700 гульденов, причем более

четверти инвестиций (700 гульденов) приходилось на долю представителя бюргерской ветви рода Флинсбахов – Альбрехта. Последний входил в число богатейших бюргеров города; его состояние податной кадастр 1396 г. оценивал в 3810 гульденов, то есть вклады в городское казначейство составляли 18,4 процентов его движимой и недвижимой собственности. Инвестиции в землевладение представителей этой ветви рода равнялись почти третьей части их состояний – по крайней мере 1160 гульденам (30,5 процента их собственности).

²²⁶ *Planitz H. Die deutsche Stadt ... S. 273.*

²²⁷ *Strieder J. Zur Genesis ... S. 81–82.*

²²⁸ LGB. № 450, 537. Генрих Кранц инвестировал в городское казначейство около 320 гульденов. Он приобрел небольшие ренты «на срок одной жизни» на свое имя и своим дочерям Афре и Анне, а также детям последней. Судя по актам казначейства, у Генриха Кранца не было сыновей. В 1396 г. он платил налог с имущества в 1740 гульденов, то есть ренты городского казначейства составляли 18,4 процента его состояния.

²²⁹ LGB. № 92, 238, 324, 363, 695. Пфистерами были приобретены 11 небольших рент городского казначейства Аугсбурга, по которым они ежегодно получали 18 фунтов пфеннигов и 15 гульденов, то есть инвестировали в эти ренты около 210 гульденов. Интересно, что «главный инвестор» этого семейства Ульрих Пфистер в одном акте казначейства 1379 г. (№ 238) назван «пекарем» (*der Beck*), в других актах того же года (№ 324 и № 363) – «портным» (*der Gewandschneider*), то есть в 1379 г. он перешел из цеха пекарей в корпорацию портных и розничных торговцев тканями и сменил тяжкий труд пекаря, по всей видимости, не на профессию портного, а на занятия розничной торговлей тканями. Отметим также, что в 1396 г. имена Ульриха и других Пфистеров отсутствуют в списке богатейших налогоплательщиков Аугсбурга.

²³⁰ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 376. S. 151.* В монастырском акте от 2 мая 1393 г. Ульрих Пфистер назван собственником небольшого земельного участка у одних из городских ворот (вероятнее всего, сада), который он сдавал в аренду и ежегодно получал за него плату «в половину гульдена».

²³¹ Цит. по: *Strieder J. Zur Genesis ... S. 101.*

²³² *Ibid. S. 104.*

²³³ *Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ... S. 170–171.*

²³⁴ *Die Augsburger Baumeisterrechnung ... S. 13–14.*

²³⁵ *Wahraus ... Beilage 2. S. 253.*

²³⁶ *Weberchronik ... S. 179.*

²³⁷ LGB. № 222. В упомянутом акте городского казначейства Аугсбурга (1379 г.) речь идет о том, что «торговец съестным» Генрих Дрехзель приобрел для своего сына Ганса Дрехзеля ренту в 2 фунта пфеннигов, инвестировав, таким образом, в эту ренту небольшую сумму денег в 20 фунтов пфеннигов (то есть всего около 7 гульденов).

²³⁸ *Planitz H. Die deutsche Stadt ... S. 273.*

²³⁹ LGB. № 294, 638, 658, 815. Представители семейства Хорнлинов во второй половине XIV в. приобрели шесть небольших рент городского казначейства Аугсбурга, инвестировав в эти ренты в общей сложности 305 гульденов. Примечательно, что один из актов казначейства называет его инвестора Сигизмунда Хорнлина капелланом кафедрального собора города.

²⁴⁰ *Mulich ...* S. 13.

²⁴¹ *ibid.* S. 37.

²⁴² *Wahraus ...* S. 231–232; Beilage 3. S. 259–261.

²⁴³ *Mulich ...* S. 53.

²⁴⁴ LGB. № 818. Ювелир (Goldschmidt) Ганс Цотман в 1379 г. приобрел «для себя» ренту городского казначейства Аугсбурга в 20 гульденов, то есть инвестировал в ценные бумаги городского магистрата около 200 гульденов. В 1396 г. он платил налог с крупного по тому времени состояния в 6600 гульденов, то есть вклад в ренту городского казначейства равнялся всего лишь 3 процентам состояния Ганса Цотмана.

²⁴⁵ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ...* № 326. S. 131. 30 марта 1379 г. вдова швабского рыцаря Генриха фон Буха Маргарет фон Бух продала «золотых дел мастеру и бюргеру Аугсбурга» Гансу Цотману за 210 гульденов «свой двор в Ритценроде», передав новому владельцу и принадлежавшую ей «свободу распоряжения двором по имперскому праву». С этого «двора» Ганс Цотман стал ежегодно получать в качестве ренты 5 шаффелей ржи и овса, 1 – пшеницы и ячменя, 2,5 фунтов пфеннигов «лугового оброка», 4 гусей, 12 «осенних куриц», 100 яиц, 13 пфеннигов «денежного чинша». Стоимость этого «двора» составляла лишь 3,2 процента собственности Цотмана. Другие свидетельства об участии Цотманов в землевладении в источниках отсутствуют.

²⁴⁶ *Zorn W. Augsburg ...* S. 135.

²⁴⁷ LGB. N 523; *Weberchronik ...* S. 285; *Strieder J. Zur Genesis ...* S. 102–104. За несколько лет до событий цехового переворота (в 1364 г.) Мойтинги проживали в бедном городском предместье «Holzhausen», большинство жителей которого ютились в деревянных хижинах. По завещанию Конрада Мойтинга-старшего, обладавшего состоянием в 330 гульденов, душеприказчики покойного Генрих Шмукер, Герман Брейшух и Ганс Фуггер в 1389 г. приобрели ренты городского казначейства детям покойного – Анне, Катрин и Конраду-младшему (по 10 гульденов каждому). Отсюда можно заключить, что 300 гульденов инвестированного в ренты городского казначейства состояния Конрада Мойтинга-старшего получили по наследству в равных долях его дети и только 30 гульденов – вдова покойного. О Конраде Мойтинге-младшем также известно, что он еще при жизни отца неоднократно исполнял обязанности цельфера корпорации ткачей. В 1396 г. Конрад Мойтинг-младший платил налог с имущества в 387 гульденов (из этого имущества по завещанию отца 100 гульденов было инвестировано в ренту городского казначейства); в 1403 и 1408 г. он платил налог с имущества всего в 180 гульденов. С такими средствами вряд ли было возможно участвовать в венецианской торговле.

²⁴⁸ *Strieder J. Zur Genesis ...* S. 104.

²⁴⁹ *Mülich ...* S. 68.

²⁵⁰ *Zink ...* S. 138 ff. Beilagen. S. 334.

²⁵¹ *Strieder J. Zur Genesis ...* S. 98.

²⁵² См.: *Смирин М.М.* К истории раннего капитализма ... С. 140–141; *Некрасов Ю.К.* Очерк ... С. 152; *Он же.* О роли торгово-ростовщического капитала ... С. 191 след.; *Савина Н.В.* Южнонемецкий капитал ... С. 146, 295.

²⁵³ До 1458 г., когда в Аугсбурге императором Карлом V были распущены цехи, как утверждает К.А. Левинсон, в этом городе «каждый гражданин обязательно должен был приписан к какому-либо цеху, независимо от занятий ...» (см.: *Левинсон К.А.* Чиновники ... С. 65). Однако так ли это было на самом деле?

²⁵⁴ *Die Chronik von 1368 bis 1406 ...* S. 26.

²⁵⁵ *Groos W. Zinslehen ...* S. 68.

²⁵⁶ LGB. № 511, 545. Представители семейства Брейшухов во второй половине XIV в. обладали шестью городскими рентами, в которые они инвестировали около 350 гульденов.

²⁵⁷ *Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ...* S. 171–172.

²⁵⁸ *Strohmer W., von. Oberdeutsche Hochfinanz ...* S. 447.

²⁵⁹ LGB. № 508–510, 512, 603. Бонпрехты входили в число крупнейших инвесторов городского казначейства Аугсбурга, вклады которых в это казначейство к концу XIV в. превысили 1000 гульденов. Одной рентой в 20 гульденов владел Конрад Бонпрехт, пятью рентами – его брат Генрих и дети последнего Урсула и Петер. Бонпрехты ежегодно получали по этим рентам 130 гульденов. Состояние Генриха Бонпрехта податной кадастр 1396 г. оценивал в 1410 гульденов, то есть инвестиции в ренты городского казначейства (1100 гульденов) равнялись 78 процентам его состояния. Именно это и дает основание видеть в Генрихе Бонпрехте и его детях и наследниках бюргеров-рантье.

²⁶⁰ *Urkunden St. Ulrich u. Afra ...* № 534. S. 208–209. Впрочем, в актах монастыря св. Ульриха и Афры лишь однажды упоминается имя Петра Бонпрехта, который 23 ноября 1414 г. выступил в роли дарителя монастырю чинша в 3/4 гульдена с дома и усадьбы, расположенных между домами Гланеров и Конрада Шонгауэра на «Соляном подворье» в самом городе.

²⁶¹ *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft: ...* S. 282–283.

²⁶² LGB. № 602. Ульрих Тот-старший в 1396 г. приобрел ренту в 60 гульденов своему сыну Ульриху Тоту-младшему, в 50 гульденов – дочери Анне, по 20 гульденов каждой – дочерям Доротее и Барбаре, ренту в 10 гульденов – для себя лично, то есть инвестировал в городское казначейство около 1500 гульденов. Ульрих Тот-старший в том же году занимал шестую строку в списке богатейших жителей города и платил налог со значительного состояния в 4800 гульденов; 31,2 процента этого состояния было инвестировано в ценные бумаги финансового ведомства магистрата.

²⁶³ *Bosl K. Augsburger Bürgertum ...* S. 29.

²⁶⁴ TRB. S. 176.

²⁶⁵ LGB. № 726. Косвенным образом на это указывает тот факт, что в 1379 г. небольшой рентой городского казначейства Аугсбурга в 10 фунтов пфеннигов (немногим более 3 гульденов) владела только представительница этого рода по имени Агнес.

²⁶⁶ Urkunden St. Ulrich и. Afra ... № 206. S. 90. Некоторые тому подтверждения можно найти в акте монастыря св. Ульриха и Афры от 18 февраля 1342 г. Речь в нем идет о том, что «рыцарь» Генрих Шнельман-старший и его сын «бюргер Аугсбурга» Генрих Шнельман-младший продали монастырю 20 югеров пахотной земли «в одном поле», причем 5 югеров названы в акте «кленом кафедрального собора Аугсбурга», а 15 югеров – их, Шнельманов, «полной собственностью». Вместе с пахотной землей Шнельманы продали и «4 tagwerken» луга. Обращает на себя внимание и тот факт, что отец-рыцарь уже «поселил» в городе сына, который стал полноправным бюргером и как дворянин, по всей видимости, был принят в патрицианскую корпорацию Аугсбурга.

²⁶⁷ LGB. № 716. Уже в 1379 г. городской рентой в 20 гульденов владела только Отилия Шнельман, которая в акте казначейства Аугсбурга названа вдовой Генриха Шнельмана-младшего.

²⁶⁸ LGB. № 683. В 1390 г. значительную ренту в 60 гульденов приобрел «господин Конрад Шнельман», о котором в акте казначейства города Аугсбурга сказано, что он являлся «настоятелем церкви в Халле у Инсбрука», то есть в графстве Тироль.

²⁶⁹ *Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ...* S. 282–283.

²⁷⁰ LGB. № 601. В 1390 г. Петер-старший, Карл и Лоренц Эгены, осуществляя права опекунов, приобрели значительную ренту городского казначейства Аугсбурга в 60 гульденов (то есть инвестировали в нее около 600 гульденов) на имя «девицы Анны», которая названа в цитируемом здесь документе «дочерью покойного Отто Хонольда».

²⁷¹ Urkunden der Stadt Kaufbeuren ... № 803. S. 243; № 873. S. 265. 26 мая 1445 г. аугсбургский бюргер Ульрих Хонольд совершил обмен с городской богадельней Кауфбойрена принадлежавшей ему мельницы во Франкенхаузене на земельные владения этой богадельни в Рихенбахе. Мельница приносила Хонольдам ежегодно доход в 8 мальтеров пшеницы, 2 шаффеля овса, 4 курицы и 700 яиц. (В акте не сказано, однако, что собою представлял объект обмена в Рихенбахе и какой он приносил доход. Поэтому возможно лишь предположение, что с него поступал доход более или менее равнозначный доходу с мельницы Хонольдов во Франкенхаузене.) 19 июля 1453 г. тот же Ульрих Хонольд учреждает ежегодную «благочестивую ренту» в 15 гульденов. Эта рента в виде натуральных оброков впредь должна была поступать с владений ее учредителя в Штетвангене и Тальхофене в распоряжение богадельни в Кауфбойрене. Любопытно отметить, что акт об учреждении ренты предусматривал ее использование только по указанному учредителем назначению.

²⁷² TRB. № 45 a). S. 72; № 6 a). S. 125 ff.; S. 187–188.

²⁷³ *Wahraus ...* Beilage 2. S. 254.

²⁷⁴ LGB. № 710. Один из актов «Книг рент» сообщает, что в 1379 г. Цахариус Рудольф приобрел крупную ренту в 100 гульденов, инвестировав в городское

казначейство Аугсбурга около 1000 гульденов. В 1396 г. он был еще жив, входил в число богатейших жителей города и платил налог с состояния в 1680 гульденов, почти 60 процентов которого образовывал вклад в городское казначейство. Структура собственности Цахариуса Рудольфа дает основание относить его к числу бюргеров-рантье средневекового города.

²⁷⁵ LGB. № 434. «Розничный торговец» (der Cramer) Зейц Фелин в 1379 г. владел рентой городского казначейства Аугсбурга в 20 гульденов, инвестировав в нее около 200 гульденов.

²⁷⁶ Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 345. S. 139. 16 марта 1383 г. тот же Зигфрид Фелин за 115 гульденов купил у городского монастыря св. Ульриха и Афры «на срок жизни» два «наследственных лена» в Бобингене, с каждого из которых покупатель ленных держаний в качестве земельной ренты стал ежегодно получать натуральный «оброк» в 12 шаффелей ржи.

²⁷⁷ LGB. № 434. В 1479 г. Дитрих Эндорфер купил ренту городского казначейства Аугсбурга своему сыну Гансу Эндорферу, которому она должна была ежегодно приносить доход в 8 гульденов.

²⁷⁸ Urkunden der Stadt Kaufbeuren ... № 1144. S. 357. Упомянутые в предыдущем эпизоде отец и сын Эндорферы (Дитрих и Ганс) – «бюргеры Аугсбурга» – за шесть лет до этого (в конце 1473 г.) вели тяжбу в городском суде Кауфбойрена из-за «ленного имущества» (Lehengut) в сельской округе последнего с местным бюргером Ульрихом Швейнхартом.

²⁷⁹ См.: Некрасов Ю.К. Очерк ... С. 172, 173.

²⁸⁰ Weberchronik ... S. 268; LGB. № 408, Strieder J. Zur Genesis ... S. 152. Об Иосе Арцте-старшем известно, что он выполнял обязанности цвельфера цеха ткачей в 1369–1379, 1381 и 1390 г., старшины – в 1377 и 1386 г., сборщика налогов и пошлин в магистрате – в 1379 г. В том же 1379 г. Иос Арцт-старший совершил вклад в городское казначейство Аугсбурга и за 280 гульденов купил две ренты: себе (в 12 гульденов) и сыну Иосу-младшему (в 8 гульденов). Через десять лет (в 1389 г.) Иос Арцт-старший снова выступил в роли инвестора казначейства. На этот раз за 400 гульденов он приобрел ренты сыновьям: Иосу-младшему (в 8 гульденов), Ульриху-старшему и Конраду (каждому по 16 гульденов). В 1396 г. Иос Арцт-старший владел состоянием в 3360 гульденов, то есть его инвестиции в ценные бумаги городского магистрата (680 гульденов) равнялись 20,2 процента состояния Арцтцов.

²⁸¹ Strohmer W., von. Oberdeutsche Hochfinanz ... S. 50.

²⁸² Urkunden St. Ulrich u. Arfa ... № 590. S. 228–229. Только один акт монастыря св. Ульриха и Афры (22 октября 1422 г.) называет Ульриха Арцта-старшего собственником «небольшого лужка», находившегося рядом с городскими стенами, который он сдавал в аренду и ежегодно получал ко дню св. Михаила «денежный чинш» в 1 гульден. Это вряд ли означает, что участие Арцтцов в землевладении ограничивалось лишь данным эпизодом, хотя, с другой стороны, источники и на самом деле не сообщают о приобретении ими значительных земельных комплексов.

²⁸³ Zorn W. Augsburg ... S. 140.

²⁸⁴ Zink ... S. 74.

²⁸⁵ Ibidem. Anm. 1.

²⁸⁶ Подробнее об этом см.: *Смирин М.М.* Народная реформация ... С. 390, 439, 448, 454, 467; *Некрасов Ю.К.* Реформа или революция ... С. 57, 290–291.

²⁸⁷ LGB. № 1188, 1204. Этой рентой в 10 гульденов до 1 октября 1466 г. владела Барбара Фуггер, вдова Лукаса Фуггера. В том же 1466 г. кто-то из Фуггеров (имя инвестора в акте не указано) на выгодных условиях приобрел ренту «на срок жизни» в 14 гульденов всего за 200 гульденов на имя Якоба Фуггера-богатого. Таким образом, инвестиции Фуггеров в ренты городского казначейства и во второй половине XV в. не превышали 300 гульденов. Отсюда можно заключить, что эти вклады носили не только эпизодический, но и случайный характер, и облигации займов городского казначейства в качестве формы капиталовложений не привлекали внимания Фуггеров. Отношение последних к инвестициям в городское казначейство показательно и по другой причине: Фуггеры одними из первых среди пионеров раннего капитализма в германских землях отказались от «излюбленной формы кредита в средневековом городе», так как эта форма кредита перестала соответствовать интересам предпринимательских элементов, уменьшая оборотные средства компаний, в которые объединялись первые капиталисты. Дело в том, что инвестиции в ренты городского казначейства, о чем уже говорилось выше, превращали «свободный капитал», как тогда говорили, в «спящий капитал». Такая метаморфоза капитала лишала купцов и предпринимателей возможности мобилизации в случае необходимости денежных средств, инвестированных в ренты.

²⁸⁸ Западные исследователи уже с начала прошлого столетия проявляют интерес к такому историческому феномену, как участие Фуггеров в землевладении. В этой связи следует сослаться на труды Т. Дювель, Г. фон Пельница, Г. Зимнагера и Р. Мандру (см.: *Düvel T.* Die Gütererwerbungen Jacob Fugger der Reichen. Leipzig: Berlin, 1913; *Pölnitz G., von.* Jacob Fugger: Kaiser, Kirche und Kapital in oberdeutschen Renaissance. Tübingen, 1949. Bd. 1; *Sinnacher G.* Die Fuggertestamente des 16. Jahrhunderts. Göttingen, 1960; *Mandrou R.* Les Fugger propriétaires an Swebe (1560–1618). Paris, 1960). В отечественной историографии эта тема привлекла внимание Н.В. Савиной (см.: *Савина Н.В.* О характере эксплуатации земельных владений Фуггерами в первой половине XVI в. // СВ. 1977. Вып. 41. С. 173–186; *Она же.* Южнонемецкий капитал ... С. 273–283). Однако все упомянутые выше историки (исключение составляют лишь М. Янзен, о трудах которого речь пойдет ниже) акцентируют внимание на землевладении Фуггеров с конца XV в., когда оно уже достигло действительно крупных масштабов и на самом деле превратилось в своего рода исторический феномен. Но эти же историки по существу оставляют вне поля зрения начальный этап деятельности Фуггеров по приобщению к феодальному землевладению.

²⁸⁹ *Jahnsen M.* Die Anfänge der Fugger (bis 1494). Leipzig, 1907. S. 16, 20, 75.

²⁹⁰ Das Lehenbuch des Hochstifts Augsburg ... S. 35.

²⁹¹ См.: *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Очерки ... С. 211 след.; *Майер В.Е.* Роль

ростовщического капитала ... С. 64–67, 72 след.; *Он же*. Деревня и город ... С. 70 след.; *Ермолаев В.А.* Городское землевладение на территории Нюрнбергского бурграфства // СГ. 1968. (Вып. 1). С. 80 след.; *Незуляева Т.М.* Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XIII – начале XIV в. // Там же. С. 62 след.; *Она же*. Эволюция земельной собственности ... С. 172 след.; *Некрасов Ю.К.* К проблеме генезиса ... С. 136 след.; *Он же*. Эволюция социального строя и отношения собственности ... С. 55, 56, 59 след.; *Он же*. Реформа или революция? ... С. 100–102; *Евдокимова А.А.* Изменение ... С. 139 след. В этой связи представляет интерес исследование Х. Харниша, рисующее во многом близкую южно-немецкому варианту картину бюргерского землевладения на примере Магдебургского побережья и Гарцфорланда (см.: *Harnisch H.* Bauern – Feudaladel – Städtebürgertum: Untersuchung über den Zusammenhang zwischen Feudalrente, bäuerlicher Warenproduktion und Ware-Geldbeziehungen in Magdeburger Börde und nordöstlichem Harzvorland vor der frühbürgerlichen Revolution bis zum Dreißigjährigen Krieg. Weimar, 1980. S. 141–145 ff.).

²⁹² См.: *Urkunden des Hochstifts Augsburg ...* № 423. S. 207; № 471. S. 229–230; № 571. S. 282; *Lehenbuch des Hochstifts Augsburg ...* S. 27; *Rundstedt H.-S.* Die Regelung des Getreidehandels ... S. 55 ff.

²⁹³ См.: *Ulmisches UB. Bd. 2. T. 1.* № 115. S. 128–129, № 418. S. 193; *Bd. 2. T. 2.* № 563. S. 521; № 609. S. 547; № 723. № 723. S. 615–616; № 747. S. 642; № 753. S. 696; № 602. S. 685; № 811. S. 693–694; № 856. S. 703; № 856. S. 733–734; № 930. S. 772; № 1053. S. 846–848; *Hohenstadt O.* Entwicklung ... S. 39, 45–46, 72, 80.

²⁹⁴ См.: *Urkunden der Stadt Kaufbeuren ...* № 478, 480. S. 152; № 788. S. 239; № 1082. S. 338; № 1094. S. 341; № 1162. S. 362; № 1179. S. 367; № 1200. S. 375; № 1211. S. 379; № 1298. S. 407; № 1364. S. 429; № 1365. S. 430–431; № 1398. S. 440; № 1504. S. 508.

²⁹⁵ См.: *Das Rote Buch ...* № 3. Art. 26, 33, 67. S. 67, 71, 99; *Statutensammlung ...* № 169. S. 129; № 301. S. 165; № 307. S. 137; № 314. S. 195.

²⁹⁶ См.: *Urkunden des Heiliggeistspitals in München ...* № 334. S. 360–362; № 349. S. 378–379; № 272. S. 412–413; № 368. S. 499–500; № 375. S. 507.

²⁹⁷ *Strohmer W.*, von. Obesrdeutsche Hochfinanz ... *Beilage XII.* S. 525–528. Материалы податного кадастра Нюрнберга за 1431 г. содержат данные о том, что «крепостными людьми» (*leibeigenen*) (точнее было бы сказать – находившимися в лично-наследственной зависимости крестьянами. – *Ю.Н.*) владели 230 семейств горожан. Так, Петер Халлер с сыном владели 192 крестьянами, вдова бюргера по фамилии Мюфлин – 110, Конрад Паумгартнер – 136, Ганс Руммель – 164. Многие бюргеры, большинство из которых отнюдь не принадлежало к числу семейств городской знати, имели от одного до трех крестьян. Только против фамилии богатого купца и предпринимателя Штефана Колера написано: «нет».

²⁹⁸ *Strieder J.* Zur Genesis ... S. 135 ff.

²⁹⁹ *Paul von Stetten-jüngere.* Geschichte der adelichen Geschlechter ... S. 193 ff.

³⁰⁰ *Weberchronik ...* S. 273. Уже в 1403 г. Ганс Эхем платил налог с имущества в 930 гульденов, а его сын и наследник Томас в 1411 г. – с состояния, превышавшего

6500 гульденов. К 1448 г. состояние последнего выросло до 9600 гульденов.

³⁰¹ *Paul von Stetten-jüngere*. Geschichte der adelichen Geschlechter ... S. 290.

³⁰² *Sender* ... Beilagen. S. 329.

³⁰³ *Strieder J.* Zur Genesis ... S. 141. Ср. также: *Weberchronik* ... S. 270–271.

³⁰⁴ См.: *Смирин М.М.* К истории раннего капитализма ... С. 120 след.; *Некрасов Ю.К.* Очерк ... С. 146; *Он же.* О роли торгово-ростовщического капитала ... С. 201; *Савина Н.В.* Два типа торговых компаний ... С. 152.

³⁰⁵ См.: *Некрасов Ю.К.* Южнонемецкий город ... С. 278, 286–290.

³⁰⁶ *Die Chronik von 1368 bis 1406* ... S. 22.

³⁰⁷ LGB. № 410. Текст этого акта городского казначейства сообщает, что «ткач Ганс Витциг» (*Johanns Witzig, der Weber*) в 1379 г. приобрел на имя своей супруги Анны Витциг ренту в 20 гульденов, то есть затратил на нее около 200 гульденов. Вдова «ткача Ганса Витцига» (*Witzigin*) в 1396 г. входила в число богатейших налогоплательщиков города и обладала значительным для того времени состоянием в 1344 гульдена, 14,9 процентов которого оказалось инвестировано в ценные бумаги финансового ведомства магистрата Аугсбурга.

³⁰⁸ *Weberchronik* ... S. 293.

³⁰⁹ LGB. № 312. «Ткач и цвельфер» Генрих Вайс в 1379 г. владел рентой городского казначейства Аугсбурга в 8 гульденов.

³¹⁰ *Weberchronik* ... S. 292.

³¹¹ LGB. № 172. Конрад Вайс в 1378 г. инвестировал в ренту финансового ведомства магистрата Аугсбурга 400 гульденов.

³¹² *Wilhelm Rem.* Cronika der newer geschichten ... S. 34.

³¹³ *Ibid.* S. 117.

³¹⁴ *Weberchronik* ... S. 292. Мартин Вайс еще в 1477 г. владел имуществом всего в несколько десятков гульденов. Однако в 1489 г. он платил налог с состояния от 1,5 до 3 тыс., еще через десять лет (в 1498 г.) – с состояния от 4 до 8 тыс., которое к 1516 г. достигло уровня от 15 до 30 тыс. гульденов. Дело в том, что в 1482 г. в Аугсбурге была проведена реформа системы прямого налогообложения. В соответствии с нормой, установленной этой реформой, каждый бюргер обязан был вносить в городскую казну налог в размере одного процента с движимого и половины процента – с недвижимого имущества. В податной список заносилась, однако, общая сумма налога, что позволяет установить только максимум и минимум состояния бюргера и создает трудности на пути определения подлинной величины и структуры его состояния.

³¹⁵ *Weberchronik* ... S. 282. Материалы податных кадастров свидетельствуют о том, что состояние Иоса Крамера достигло самого высокого уровня в 1413 г., когда сам владелец этого состояния оценивал его в 2500 гульденов. Иос Крамер четыре раза избирался старшиной корпорации ткачей и в качестве ее представителя занимал различные должности в городском магистрате.

³¹⁶ *Strieder J. Zur Genesis ... S. 147–150.*

³¹⁷ *Ibid. S. 15; Weberchronik ... S. 278.* Якоб Хеммерлин-старший между 1427 и 1453 г. восемнадцать раз избирался цвельфером корпорации ткачей и дважды (в 1449 и 1451 г.) – старшиной. В 1455 г. состояние Якоба Хеммерлина-старшего, перешедшего к тому времени из цеха ткачей в купеческую гильдию, достигло 18000 гульденов. Сын умершего в 1477 г. Якоба Хеммерлина-старшего Якоб Хеммерлин-младший еще в конце 40-х годов вступил в брак с одной из представительниц аугсбургско-нюрнбергского патрицианского рода баронов Вельзеров и основал семейство Хеммерлин-Вельзеров городской знати Аугсбурга.

³¹⁸ LGB. № 1069, 1265 а), 1434. Якоб Хеммерлин-старший и его супруга Магделена Хеммерлин (урожденная фон Руц) владели «вечной рентой» в 20 гульденов, приобретенной в городском казначействе (после 1454 г.) за 400 гульденов. Глава этого семейства – Якоб Хеммерлин-старший – купил на свое имя (до 1477 г.) ренту в 75 гульденов «на срок одной жизни». Ганс фон Руц (после 1477 г.) приобрел «пожизненную ренту» в 25 гульденов родной сестре Магделене, вдове Якоба Хеммерлина-старшего. Якоб Хеммерлин-младший совершил вклад в ренты «на срок одной жизни» (дата в документе отсутствует), по которому казначейство Аугсбурга ежегодно стало выплачивать Хеммерлинам 68 гульденов. Эти ренты он приобрел своей супруге Магделене («урожденной Вельзер»), а также детям – Барбаре, Вальпургии, Магделене-младшей и Гансу. Таким образом, самими Хеммерлинами или на имя членов их семьи «третьим лицом» (Гансом фон Руцем) в городское казначейство было инвестировано 2090 гульденов. Если принять во внимание, что в 1467 г. состояние Хеммерлинов податным кадастром оценивалось в 25920 гульденов, окажется, что восемь процентов их состояния было потрачено на приобретение рент финансового ведомства Аугсбурга, занимавших, следовательно, достаточно скромное место в структуре их собственности.

³¹⁹ *Sender ... S. 42.*

³²⁰ *Strieder J. Zur Genesis ... S. 17.* В 1498 г. Якоб Хауштеттер заплатил в городскую казну налог в размере «88 4/9 гульденов», то есть с состояния от 17688 до 36376 гульденов, с которыми он занимал девятую строку в списке богатейших налогоплательщиков Аугсбурга.

³²¹ LGB. № 1301, 1663, 1761. Якоб Хауштеттер приобрел ренту в 30 гульденов «на срок одной жизни» на имя дочерей Конрада Релингера – Элизабет и Урсулы, ренты на «срок двух жизней» по 25 гульденов каждая: одну – родной сестре Элизабет Эслингер, другую – на имя «Томаса Крамера, сына Линхарта Крамера». Элизабет и Урсула Релингер, Томас Крамер приходились инвестору внучками и внуком. Тот же Якоб Хауштеттер выступил также в роли покупателя за 1000 гульденов «вечной ренты» в 40 гульденов. Все эти ренты, по всей видимости, Якобом Хауштеттером приобретены еще в 60-е и 70-е годы XV в. (точные даты этих приобретений в актах казначейства отсутствуют). В общей же сложности он инвестировал в городское казначейство около 1800 гульденов, то есть, несмотря на значительность самой суммы, она равнялась всего лишь от 5 до 10 процентов его состояния. Бумаги казначейства делают также

близким к истине предположение, что у Якоба Хауштеттера не было сыновей и после его смерти произошло пресечение этого рода аугсбургских нуворишей.

³²² *Strieder J. Zur Genesis ... S. 153. Ср. также: Weberchronik ... S. 279; Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса ... С. 95 след.; Он же. Реформа или революция? ... С. 84–88.*

³²³ *Strieder J. Zur Genesis ... S. 158.*

³²⁴ LGB. № 1004, 1319, 1492 а–b), 1598, 1707. Имена Хохштеттеров впервые появились в бумагах городского казначейства Аугсбурга только в 1444 г., когда Ульрих Хохштеттер-старший приобрел ренты (по 10 гульденов каждая) своим сыновьям – Ульриху-младшему и Георгу-старшему. Последний, вероятно, в начале 70-х годов XV в. купил две ренты («на срок одной жизни») (по 15 гульденов каждая) детям своего брата Ульриха-младшего – Ульриху-третьему и Урсуле. По всей видимости, в те же годы Ульрих Хохштеттер-младший приобрел ренты («на срок двух жизней») своему брату Георгу Хохштеттеру-старшему и дочерям последнего – Аполлонии и Фелиции (всем – по 10 гульденов); и на таких же условиях по 12 гульденов – себе и своим детям Урсуле, Аполлонии, Фелиции и Георгу-младшему. В общей сложности к началу 80-х годов XV в. Хохштеттерами в ренты городского казначейства было инвестировано около 700 гульденов. Вместе с тем примечателен и тот факт, что именно в 80-е годы того же столетия инвестиции Хохштеттеров в это казначейство полностью прекращаются. Поэтому в «Книгах рент» казначейства отсутствует имя самого знаменитого представителя семейства Хохштеттеров – Амброзиуса. Это скорее всего означало, что для Хохштеттеров, а равным образом и для многих им подобных банкиров-ростовщиков и капиталистов-предпринимателей, к тому времени городские ренты утратили привлекательность в качестве средства аккумуляции капитала. Эти ренты могли иметь значение только в качестве источника удовлетворения насущных личных потребностей.

³²⁵ *Савина Н.В. Купеческие компании ... С. 196 след. Ср. также: Эпштейн А.Д. История Германии ... С. 10 след.*

³²⁶ *Sender ... S. 220.*

³²⁷ *Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 116–117.*

³²⁸ *Sender ... S. 220.*

³²⁹ См.: *Некрасов Ю.К. Очерк ... С. 163–165, 193.*

³³⁰ *Sender ... S. 221–224; Lucas Rem. Tagebuch ... S. 21. Ср. также: Некрасов Ю.К. Очерк ... С. 74–75; Kern E. Studien zur Geschichte des Augsburgischer Kaufmannshauses Hochstetters. Leipzig; Berlin, 1935. S. 107 ff.*

³³¹ См.: *Westermann A. Memminger Handel ... S. 19; Bächtold K. Wandlungen ... S. 61–62; Elben R. Das Patriziat der Reichsstadt Rottweil: Von den Anfängen bis zum Jahre 1550. Stuttgart, 1954. S. 2–5, 10–11, 22–23, 45 ff., 241; Wunder G. Die Sozialstruktur ... S. 32 ff.; Jeht H. Studien ... S. 86; Schnyder W. Die Bevölkerung ... S. 235–241; Eitel P. Die oberschwäbischen Reichsstädte ... S. 134.*

³³² *Maschke E.* Continuite social et histoire urbaene medievell // *Annales. Ekonomikes. Civalisation.* Paris, 1960. Vol. 15. № 5. P. 948.

³³³ *Blendinger F.* Versuch einer Bestimmung ... S. 46.

³³⁴ *Эпштейн А.Д.* Из истории Аугсбурга ... С. 163–164; *Некрасов Ю.К.* К проблеме генезиса ... С. 118–120; *Он же.* Социальная борьба в Аугсбурге в середине и начале второй половины XV века // *Проблемы германской истории.* Вологда, 1973. Вып. 2. С. 440; *Он же.* Радикально-бюргерская оппозиция ... С. 129–130, 136–148; *Он же.* Происхождение ... С. 143–152; *Он же.* Реформа или революция? ... С. 118–119; *Deuerlein E. Ulrich Schwarz* // *LB.* 1953. Bd. 2. S. 96–121.

³³⁵ См.: *Dirr P.* Kaufleutezunft ... S. 138–139; *Kiessling R.* Bürgerliche Gesellschaft ... S. 46, 50.

³³⁶ См.: *Некрасов Ю.К.* Эволюция социального строя ... С. 196; *Он же.* Эволюция социального строя и отношения собственности ... С. 56–57.

³³⁷ LGB. № 271, 287, 734, 735, 746, 1031, 1680. «Книги рент» хранят немало семейных тайн, удивительных и даже в известном смысле загадочных фактов, попытки объяснения которых сопряжены с немалыми трудностями, а порою ставят исследователя в тупик. Так, к примеру, знатное патрицианское семейство Миннеров, представитель которого Конрад-старший в начале XIV в. с большим для того времени размахом вел торговлю на европейских рынках, во второй половине того же столетия не проявляло особой активности как в деловой жизни города, так и в приобретении городских рент. В 1379 г. Конрад Миннер-младший, сын и наследник энергичного negociанта Конрада Миннера-старшего, владел рентой в 8 гульденов, а его родной брат Петер – рентой в 15 гульденов. В том же 1379 г. одна из дочерей Конрада Миннера-младшего по имени Катрин получала две ренты в 10 и 7 фунтов пфеннигов, а другая его дочь Анна (монахиня городской обители св. Маргарет) – ренту в 8 фунтов пфеннигов, которую ей приобрел несколько лет тому назад, как сказано в акте казначейства, «ныне покойный Генрих Амман». В свою очередь Конрад Миннер-младший приобрел такую же ренту в 8 фунтов пфеннигов монахине той же обители св. Маргарет по имени Элизабет, которую акт казначейства называет «дочерью Аммана». Следовательно, к 1379 г. инвестиции Миннеров в финансовое ведомство города составили около 310 гульденов. На рубеже XIV–XV вв. Миннеры, как это уже было отмечено выше, вообще не были заметны в экономической жизни Аугсбурга. В 1396 г. их имена отсутствуют в списке богатейших налогоплательщиков города. Однако 24 июня 1431 г. Георг Миннер-старший за 2000 гульденов приобрел «вечную ренту» городского казначейства Аугсбурга в 100 гульденов. Еще через 52 года (4 апреля 1483 г.) Георг Миннер-младший и его супруга Анна Миннер («урожденная Рем») купили в финансовом ведомстве магистрата Аугсбурга «на срок жизни обоих» (vff ir baidler leib) за 1000 гульденов ренту в 100 гульденов. Таким образом, инвестиции Миннеров в облигации городских займов к концу XV в. составили значительную сумму в 3000 гульденов, которая почти в десять раз (!) превысила их инвестиции в ценные бумаги магистрата города по сравнению со второй половиной XIV в. Загадка же в том, что нет ответа на вопрос, откуда Миннеры взяли деньги на приобретение двух крупных

рент городского казначейства Аугсбурга. Какие-либо, даже косвенные, свидетельства о происхождении денег, потраченных Миннерами на покупку рент, в источниках отсутствуют. С другой стороны, очевидно, что Георг Миннер-младший вел образ жизни бюргера-рантье позднесредневекового города и, по всей видимости, был последним представителем патрицианского рода Миннеров, пресечение которого состоялось на рубеже XV–XVI вв.

³³⁸ Я. Штридер ошибочно называет Конрада Релингера Гансом (см.: *Strieder J. Zur Genesis ... S. 54*).

³³⁹ В Германии по крайней мере уже с начала XIV в. довольно интенсивно протекал процесс исключения земельных владений, обычно небольших по масштабам, из системы вассально-ленных отношений, и таким образом происходило формирование института частной собственности на землю под влиянием норм не столько германского обычного, сколько римского права. Возникновение этого института являлось важнейшей предпосылкой развития капитализма в сельском хозяйстве. Инициаторами и наиболее заинтересованными участниками этого процесса выступали бюргеры. Используя финансовые затруднения феодального дворянства и особенно территориальных князей, бюргеры порою добивались (в большинстве случаев за особую плату или отсрочку платежей по долговым обязательствам) права «свободного распоряжения» приобретенными ими за деньги (в результате заклада или операций купли-продажи) земельными владениями. Так совершалось вовлечение земли в рыночное обращение. На этот счет источники содержат достаточно выразительные и многочисленные свидетельства (см.: *Urkunden des Schlossarchiv Kronburg ... № 75. S. 38; Urkunden St. Ulrich u. Afra ... № 168. S. 83–84; № 205, 208. S. 90; № 238. S. 100; № 325. S. 131; № 377. S. 151; № 590. S. 228–229; Urkunden der Stadt Kaufbeuren ... № 1368. S. 430–431; № 1576. S. 503; Urkunden des Heiliggeistspitals in München ... № 151. S. 215; № 230. S. 344–345; № 375. S. 507; Ulmisches UB. Bd. 2. T. 1. № 349. S. 347; № 418. S. 393; № 522. S. 436*). Число примеров, отражающих постоянную практику бюргеров, которые проявляли удивительное упорство, чтобы принадлежавшие им «ленные держания» превратить в «свободно отчуждаемую собственность», легко можно было бы умножить. Об этом же свидетельствуют результаты исследований современных историков (см.: *Майер В.Е. Деревня и город ... С. 67 след.; Он же. Крестьянство Германии ... С. 41, 47; Незуляева Т.М. Эволюция земельной собственности... С. 171 след.; Groos W. Augsburg im 13. Jahrhundert ... S. 56 ff.; Idem. Zinslehen der Stadt Augsburg ... S. 65 ff.; Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ... S. 194–197*).

³⁴⁰ См.: *Некрасов Ю.К. Радикально-бюргерская оппозиция ... С. 144–145*.

³⁴¹ *Норден А. Некоронованные властители ... С. 115, 129–130*.

³⁴² Подробнее об этом см.: *Некрасов Ю.К. Южнонемецкий город ... С. 287; Он же. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны ... // СГ. 1981. Вып. 6. С. 98; Он же. Реформа или революция? ... С. 148–157; Микешин А.А. Программный документ швейцарской реформации: «67 Тезисов» Ульриха Цвингли // Антиковедение и медиевистика. Ярославль, 2001. Вып. 3. С. 74 след.; Он же. Программные установки авторов радикально-бюргерских проектов на юго-западе*

германских земель (1524–1525 гг.) // Древность и средневековье Европы. Пермь, 2002. С. 86 след.; *Roth F.* Augsburgs Reformationsgeschichte. Bd. 1: 1517–1530. München, 1901. S. 93 ff.

³⁴³ *Некрасов Ю.К.* Городские хронисты ... С. 140–141.

³⁴⁴ *Wilhelm Rem.* Cronika der newer geschichten ... S. 227 ff. Ср. также: *Смирин М.М.* Народная реформация ... С. 448–449, 455 след.

³⁴⁵ См.: *Некрасов Ю.К.* К проблеме генезиса ... С. 126–127. Ср. также; *Он же.* Реформа или революция? ... С. 261–262; *Sender* ... S. 189; *Schubert F.H.* Die Reformation in Augsburg // «Augusta 955–1955» ... S. 291; *Westermayer F.* Eitelhans Langenmantel // LB. 1955. Bd. 5. S. 142 ff.

³⁴⁶ См.: *Paul von Stetten-altere.* Geschichte der Stadt Augsburg ... Urkunden. S. 423–425; *Paul von Stetten-jungere.* Geschichte der adelichen Geschlechter ... S. 155 ff.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тернистый путь пройден. Наблюдения и выводы сформулированы. На примере юго-западного региона германских земель прослежена начальная стадия генезиса явлений раннего капитализма и затронуты некоторые социальные аспекты этой проблемы. Поэтому в заключении автор намерен рассмотреть темы, которые оказались как бы «за кадром» магистрального направления самого исследования или присутствовали в нем в качестве побочных сюжетов. К таким сюжетам относятся: 1) «цеховые революции» или, точнее, цеховые политические перевороты конца первой половины XIV – первых двух десятилетий XV в.; 2) участие городского бюргерства в феодальном землевладении; 3) специфика общественного сознания и социальной психологии средневекового бюргерства, ее отражение в ментальности городской элиты (особенно патрициата) и представителей нарождавшегося класса торговой буржуазии.

На первый взгляд, за эти три столетия (XIV–XVI), временные рамки которых определяют содержание настоящей монографии, мало что изменилось. Общество продолжало оставаться обществом традиционной культуры, почти неподвижным, находящимся во власти системы феодализма, а производство – по преимуществу ручным. Но это кажущаяся неподвижность, поскольку именно в эти столетия исподволь происходили перемены, подготовившие переход Западной Европы от средневековой к индустриальной цивилизации. Поэтому, обращаясь к упомянутым выше сюжетам, автор намерен не только пролить дополнительный свет на связь истории средневекового города и его обитателей с прошлым, но и, фигурально выражаясь, построить мосты между прошлым и будущим, наметив перспективу движения из прошлого в будущее.

* * *

В имперских городах движение ремесленников и мелких торговцев против правления патрициата в юго-западном регионе германских земель почти повсеместно увенчалось успехом. Городские ремесленники и торговцы объединились в корпорации, которые получили представительство в правящих советах и разделили власть с патрициатом, а кое-где (в частности, в Равенсбурге) вообще отстранили патрициев от управления. Историческую значимость цеховых переворотов вполне признавали и соответствующим образом трактовали их первые историки. К примеру, в трудах аугсбургских хронистов XV–XVI вв.

(особенно Вильгельма Рема) события цехового переворота 1368 г. вообще представлены как своего рода водораздел между «старой» и «новой» историями города. По убеждению городских хронистов (за исключением Рема), результатом цехового переворота в Аугсбурге было возвращение к «справедливому равенству» давно минувших лет, установление порядков времени «седой старины» (древнегородской демократии), отвечавшей будто бы требованиям принципа «общей пользы» и интересам подавляющего большинства городского населения.

Цеховые политические перевороты в средневековых немецких городах не забыты и современной историографией. Так, Г. Планиц видит в них «мятеж ремесленников против (городской. — Ю.Н.) аристократии»¹. К.-Г. Мистеле скептически оценивает итоги противоборства цехового бюргерства с патрициатом, так как, по его мнению, в ходе этой борьбы решался вопрос только о некотором расширении социальной базы, на которую опирались правящие советы городов, и их следствием, как он полагает, было образование прослойки «новой знати», которая, однако, также как и «старый патрициат», быстро обособлялась от основной массы горожан². Р. Эльбен акцентирует внимание прежде всего на том, что уже в XIV в. движения ремесленников и мелких торговцев были направлены не только против «городского дворянства», но и «против коррупции цеховых старшин»³. Такие оценки носят односторонний характер, фиксируя внимание главным образом на внешних проявлениях социальных конфликтов в средневековых городах, но вряд ли в достаточной мере точно отражают их содержание и сущность.

Долгое время отечественные историки при исследовании проблемы социальной борьбы в средневековых городах Западной Европы руководствовались установкой К. Маркса, который указывал на «заговорщический и революционный характер городских движений» в Средние века⁴. К изучению этой темы на примере немецких городов обращались М.М. Смирин и В.А. Ермолаев, В.В. Стоклицкая-Терешкович⁵. Последняя на материале истории средневекового Кельна рассмотрела политическое противоборство цехового бюргерства с патрициатом. Смирин и Ермолаев — вопрос об участии бюргерства в борьбе за общественные преобразования и единое национальное государство.

В марксистской историографии ГДР наибольший интерес представляют труды К. Кцока, в которых тема социальных противоречий в средневековых городах в предшествовавшую

Реформации эпоху прослеживается на материале городов юго-западного региона германских земель. С его точки зрения, в XIV–XV вв. городское бюргерство этого региона стремилось не к революции, а лишь к реформам и более широкому представительству в учреждениях городского самоуправления. В силу последнего обстоятельства бюргерство ставило перед собою задачу устранения или ограничения политических и экономических привилегий патрициата и введения гарантий прав торгово-ремесленных корпораций. Полемизируя с историками-немарксистами, Кцок утверждает, что в ходе борьбы цехового бюргерства с патрициатом речь шла не столько о разрешении «конституционного вопроса», сколько о борьбе за власть в городах. Он полагает, что победа бюргерской оппозиции над патрициатом была достигнута исключительно благодаря поддержке этой оппозиции со стороны широких слоев городского населения и прежде всего – мелких торговцев и экономически самостоятельных ремесленников⁶. Такую трактовку цеховых переворотов и их исторических последствий отличает известная односторонность, поскольку она не принимает во внимание всей сложности и многообразия социально-политических конфликтов в городах того времени в Западной Европе в целом и Юго-Западной Германии в частности.

Последнее слово в отечественной историографии о политическом содержании социальной борьбы в средневековых городах Западной Европы сказала Н.А. Хачатурян. Она обратила внимание на имеющее принципиальное значение обстоятельство, когда после победы коммунального движения сложилась ситуация, в условиях которой представители правящей верхушки, «отступая от принципов раннегородской демократии ... нарушили ограничения повторного избрания на должность (бургомистра или мэра. – Ю.Н.), подменили принцип выборности системой кооптации (членов правящих советов городов. – Ю.Н.), когда старые магистраты сами назначали или узким кругом выборщиков определяли своих преемников». При таком варианте «городская автономия оказывалась поставлена на службу интересов патрициата. Возникшее под влиянием такого хода событий социальное напряжение неизбежно разрешалось массовым движением средних слоев, которое получило неточное (слишком узкое) наименование «цеховых революций». По мнению Хачатурян, «бюргерство обычно добивалось успеха в случаях, когда были сильны промышленные силы», с достаточным

на то основании называя в этой связи Аугсбург в числе городов, в которых такие «силы» существовали. Она же вполне правомерно полагает, что «не следует преувеличивать непримиримость отношений между патрициатом и остальным бюргерством: чаще всего они договариваются». Как утверждает Хачатурян, «победа цехов вовсе не предполагала возврата к демократическим формам правления». Дело в том, что торжество уравнительного принципа производства, как она считает, не могло «сдерживать индивидуальных принципов, идущих от мелкого производства»⁷. Исследование Хачатурян можно рассматривать как отход от жесткой оценки цеховых переворотов в средневековых городах, в которых историки-марксисты видят прежде всего проявление социальной и даже классовой борьбы в феодальном обществе. В ее исследовании предпринимается попытка преодоления столь одностороннего подхода к установлению сущности данного исторического явления.

И все же трудно избавиться от впечатления, что современная наука до сих пор сказала о социальной природе цеховых политических переворотов еще далеко не все. Взгляд на события этих переворотов под другим углом зрения и как бы со стороны может открыть новые и более широкие горизонты осмысления самой сущности и характера противостояния между цеховым бюргерством и патрициатом, его социально-экономических последствий и значения в жизни как средневековых городов Западной Европы в целом, так и городов юго-западного региона германских земель в частности.

В этом регионе первыми еще в 1336 г. «цеховое правление» ввели бюргеры Цюриха. Причем здесь конфликт был спровоцирован острыми противоречиями между двумя фракциями в самой патрицианской корпорации — «городскими дворянами», с одной стороны, купцами и банкирами-ростовщиками, — с другой. Предводитель «городских дворян» и патрициев «старой формации» рыцарь Рудольф Брун, опираясь на поддержку широких слоев городского населения, нанес сокрушительное поражение политическим силам, которые так или иначе ориентировались на патрициев «новой формации» (купцов и банкиров-ростовщиков)⁸. Тогда в Цюрихе и был установлен жесткий режим цеховых монополий и строгой регламентации ремесленной деятельности и рыночного обмена. Здесь были запрещены любые компании, что сильно затрудняло появление предприятий нового типа в сфере общественного производства.

После событий 1336 г. правящий совет Цюриха оказался под неусыпным контролем и большим влиянием цеховых старшин и цеховых комитетов торгово-ремесленных корпораций. Пошло ли это, однако, на пользу городу и его жителям?

Утвердительный ответ на таким образом поставленный вопрос легко можно было бы подвергнуть сомнению. Дело в том, что именно ко времени установления «цехового правления» относится также экономический упадок Цюриха и свертывание его экспортных отраслей — шелкового и шерстяного производства. Свидетельства источников дают основания, по крайней мере для гипотезы, что политический переворот 1336 г. и введение «цехового правления» нанесли сильный удар по отношениям раздач, первые ростки которых в Цюрихе и его сельской округе, по всей видимости, появились еще в самом начале XIV в. Потери от этого удара для экономики города были тяжелыми по своим последствиям, но преходящими. Как известно, Цюрих сумел восстановить утраченные было позиции в экспортных отраслях производства. Это произошло, однако, только в конце XV — начале XVI в. Отсюда можно заключить, что победа Бруна не только не способствовала прогрессивным тенденциям в развитии производительных сил, но и, напротив, привела к обратным результатам. И все же до сих пор остается открытым вопрос, был ли цеховой переворот реакцией на неблагоприятную для самого города рыночную конъюнктуру или эти изменения были вызваны политикой правящего совета, направленной на «удушение» первых ростков капитализма? В социально-экономической и политической истории Цюриха того времени остаются «белые пятна», которые хранят покров тайны на некоторых неразрешенных общественных противоречиях. Поэтому в достаточной степени обоснованного и точного ответа на поставленный выше вопрос до сих пор не дано.

С большей очевидностью негативные последствия ожесточенной борьбы, которую на протяжении почти целого столетия вели городские ремесленники с патрициатом, проявили себя в Констанце⁹. Первая попытка установления здесь власти торгово-ремесленных корпораций (не без влияния «цюрихского примера») была предпринята еще в 1342 г. Но только почти через три десятилетия (в 1370 г.), то есть уже после победы цехов над патрициатом в Аугсбурге, эта цель, наконец, была достигнута и в Констанце. Монополия патрициата на власть в Констанце была устранена, а цехи признаны не только в качестве торгово-ре-

месленных, но и политических объединений, что и дало им право на представительство в правящем совете города. Недовольные таким оборотом дела констанцкие патриции в 1389 г., казалось бы, взяли реванш и вернули утраченную власть. Однако победа оказалась призрачной. Во-первых, патрициям не удалось восстановить безраздельное политическое господство в городе. Во-вторых, через несколько десятилетий (с начала 20-х годов XV в.) в Констанце развернулось настолько мощное и опасное для городской верхушки общественное движение, что в 1428 г. 47 патрициев и «их друзей из цехов» покинули родной город и отправились в добровольное изгнание.

Как было показано во второй главе, в 30-е годы XV в. началось длительное и упорное соперничество между Констанцем и Санкт-Галленом, которое завершилось победой последнего только через столетие – в 30-е годы XVI в. В этой связи следует обратить внимание на тот факт, что именно с 30-х годов XV в. наступило время бурного подъема знаменитого полотняного производства Санкт-Галлена и, напротив, кризиса и упадка льноткацкой промышленности Констанца. Как утверждают очевидцы завершающей стадии соперничества между этими двумя городами Вадиян и Кеслер, решающий вклад в успехи полотняного производства Санкт-Галлена внесли инвестиции капиталов констанцких патрициев-эмигрантов, а также их практический опыт в организации производства и особенно сбыте на международных рынках готовых изделий¹⁰.

В победе Санкт-Галлена в длительном конкурентном противостоянии с Констанцем просматривается торжество производства, организованного в рамках механизма раздачи и зачаточной формы капиталистической мануфактуры, над средневековым мелкотоварным корпоративным ремеслом. В Констанце победа цехового бюргерства над патрициатом определенно имела пагубные для экономики города последствия. Эти последствия выразились в установлении жестких норм корпоративного ремесла с его монополиями, мелочной регламентацией, а также в попытках реализации на практике уравнилельного принципа цехового ремесла. Такие попытки привели к стагнации общественного производства и даже на некоторое время, образно выражаясь, к затуханию очагов раннего капитализма в Констанце и его округе, оказали негативное влияние на соседние территории Озерного края, долгое время находившиеся в сфере экономического влияния Констанца.

Иной характер носили события в имперском городе Ульме¹¹. «Цеховое правление» здесь (также, между прочим, не без влияния «цюрихского примера») было установлено еще в 1345 г. и закреплено в 1397 г. так называемой «Цеховой грамотой». В Ульме крупным оптовым торговцам сырьем (хлопком) долгое время удавалось удерживать в своих руках командные позиции в основной отрасли городского хозяйства – бумазейном производстве. Это выразилось прежде всего в том, что они подчинили своим интересам правила закупок сырья и сбыта готовых изделий, жестко определяли технологию операций производственного цикла в соответствии с требованиями стандартов экспортного ремесла. Новые производственные отношения создавались здесь по преимуществу усилиями «сверху», то есть главным образом крупными оптовыми торговцами, выступавшими в роли купцов-капиталистов. Преуспевающим цеховым мастерам путь к участию в этом, говоря современным языком, бизнесе, если и не был закрыт, то по крайней мере сильно затруднен. Именно это обстоятельство, по всей видимости, являлось одной из причин стагнации темпов раннекапиталистического развития в ведущей отрасли городского ремесла – бумазейном производстве. Это же объясняет и неоднозначность оценок явлений раннего капитализма в Ульме и его сельской округе в современной историографии.

Наиболее сбалансированный вариант компромисса между цеховым бюргерством (точнее сказать, его верхушкой), с одной стороны, и патрициатом – с другой, имел место, по всей видимости, в Аугсбурге¹². Здесь правящим советом и цехами не было создано непреодолимой преграды на пути развития отношений раздач прежде всего в ставшем, как и в Ульме, уже с середины XIV в. ведущей отраслью городского хозяйства бумазейном производстве. Косвенным образом как на успехи развития отношений раздач, так и на их социальные последствия указывают события антиналогового волнения цеховых ремесленников и мелких торговцев Аугсбурга в самом конце того же столетия (в 1397 или 1398 г.), о котором сообщают городские хронисты. Последние единодушны во мнении, что среди «бунтовщиков» было «большее число разорившихся ткачей», которые, по их словам, готовы были прибегнуть к крайним мерам, «чтобы избавиться от своих денежных долгов». Хронисты также утверждают, что «среди разорившихся бедных ремесленников» находилось немало ткачей, впавших в такую нищету, что они даже

«утралили ткацкие станки»¹³. Картина, которую рисуют хрони-сты, отразила результаты примерно полувековой практики рас-пространения отношений раздач. Этот первый опыт распрост-ранения явлений раннего капитализма сопровождался подчинением мелких производителей власти капитала и при-нес разорение многим городским ремесленникам-ткачам.

Между тем регулирование властями Аугсбурга производ-ства и торговли на самом деле отличалось определенным «ли-берализмом». Благодаря данному обстоятельству здесь актив-ное участие в процессе формирования отношений раздач приняли и удачливые цеховые мастера. Поэтому в 1368 г. «про-мышленные силы», между которыми прежде всего и был дос-тигнут компромисс, представляли не только крупные оптовые торговцы, в большинстве своем принадлежавшие к городскому патрициату, но и преуспевающие представители цехового бюр-герства. Именно эти «силы» сумели отеснить патрицианские семейства «старой формации» от кормила управления городом, фактически установили контроль над формированием правя-щего совета и овладели в нем ключевыми позициями. По этой же причине цеховой переворот способствовал сближению вер-хушки цехового бюргерства с патрицианскими семействами, прочно связавшими к началу второй половины XIV в. свои ин-тересы с развитием рыночных отношений и формированием системы раздач. Общность интересов преуспевающих цеховых мастеров и патрицианских семейств «новой формации», о кото-рых можно сказать, что они также придерживались «рыночной ориентации», образуют отличительную черту социально-эконо-мического развития позднесредневекового Аугсбурга. Однако и здесь баланс сил между патрициями, крупными оптовыми тор-говцами и банкирами-ростовщиками, с одной стороны, и бога-тыми цеховыми мастерами – с другой, был относительным. Примерно столетие спустя после введения «цехового правле-ния» (в 70-е годы XV в.) в Аугсбурге в повестку дня был постав-лен вопрос о судьбах раннего капитализма, точнее – о выборе пути его развития. Возможны были два варианта. При первом варианте упор делался на сохранение корпоративности ремес-ленного производства и проникнутого духом коллективизма менталитета человека Средневековья. Второй вариант предпо-лагал преодоление корпоративных устоев традиционного цехо-вого ремесла и, в конечном счете, торжество индивидуализма над коллективизмом. Владельцы крупных торговых компаний

не только содействовали, но и приняли личное участие в подавлении «несвоевременной» попытки радикальных элементов городского бюргерства изменить существующий порядок вещей, целью которой, говоря словами К. Маркса, был бы «переворот в самом способе производства», то есть устранение препятствий на пути свободного развития капитализма и ускорение темпов движения к его мануфактурному варианту.

Итак, рассмотренные выше факты позволяют сформулировать следующие выводы. Установление «цехового правления» в Цюрихе, введение строгих правил корпоративного ремесла с целью поддержания принципа равенства мелких самостоятельных производителей в то время, когда тесные рамки этого ремесла уже вступали в противоречие с интересами самого общественного производства, если не были единственной причиной, то, по крайней мере, способствовали увяданию в Цюрихе и его сельской округе первых ростков раннего капитализма. Противостояние на протяжении многих десятилетий цеховых мастеров, с одной стороны, банкиров-ростовщиков, крупных оптовых торговцев и капиталистов-раздатчиков – с другой, нанесло большой урон развитию льноткачества в Констанце и всем Озерном крае, имело следствием отток инвестиций из местного ремесла и их перемещение в полотняное производство соседнего Санкт-Галлена. В конечном счете именно перемещение инвестиций предредило исход длительного соперничества между Констанцем и Санкт-Галленом в пользу последнего. Сохранение командных позиций в руках крупных оптовых торговцев и капиталистов-раздатчиков (Wollherren) в основной отрасли городского хозяйства Ульма – бумазейном производстве – постоянно порождало конфликты между цеховыми мастерами и проводившим политику поддержки крупных оптовых торговцев правящим советом города. Эти конфликты достигли апогея в начале XVI в. (1512–1513 гг.). Экономическая политика ульмских «Wollherren» подавляла инициативу предпринимательских элементов из числа цеховых мастеров, воздвигала трудно преодолимые преграды на пути свободного развития производительных сил и в немалой мере содействовала стагнации явлений раннего капитализма. «Либерализм» политики магистрата Аугсбурга также имел свои строго очерченные пределы: его политика, создавая вполне благоприятную почву для развития отношений раздач, в то же время не была направлена ни на ломку режима корпоративного ремесла, ни на поддержку мануфактурного ка-

питализма. Дело в том, что система раздач вполне уживалась с нормами и правилами цехового ремесла и долгое время отвечала интересам вступавшей на историческую сцену торговой буржуазии с унаследованным ею от прошлого менталитетом людей Средневековья. Поэтому процесс перехода от зачаточных форм капитализма в виде механизма раздач к его мануфактурной стадии на рубеже XVI–XVII вв. можно признать состоявшимся только в Базеле. На такой исход явлений раннего капитализма оказывала влияние способность цехового ремесла к противостоянию «натиску капитализма» или, напротив, «капиталистическому перерождению». Истоки этой альтернативы следует искать еще в событиях цеховых переворотов XIV – начала XV в. Политика цехов, прежде всего в тех случаях, когда она имела целью ограничение или подавление деятельности купцов-раздатчиков, могла носить в определенном смысле и антикапиталистический характер. Именно такую направленность имела политика правящих советов Цюриха и особенно Констанца.

* * *

Еще одна заслуживающая внимания тема – участие немецкого бюргерства в феодальном землевладении. Эта тема затрагивается в трудах отечественных историков, на которые уже ссылался автор настоящей монографии¹⁴. Поэтому здесь он видит свою задачу в том, чтобы подвести итоги наблюдениям, которые до сих пор оставались для него как бы «побочными сюжетами», не имеющими самостоятельной научной значимости.

Прежде всего нельзя не обратить внимания на тот вполне очевидный факт, что в Швабии и сопредельных с нею территориях земля и различные феодально-сеньориальные сервитуты уже с начала XIV в. вовлекались в рыночные отношения и становились в открытой или завуалированной формах объектами залога (ипотеки) и рыночных операций купли-продажи. А.А. Евдокимова, исследовавшая эту проблему на материале сельских округ и самих городов Швабии, выделяет следующие виды поземельных сделок: 1) продажа земли и усадеб в городе и его округе «в собственность» и без права выкупа; 2) продажа ленных держаний; 3) продажа рент с правом выкупа; 4) продажа рент без права выкупа. Причем поземельные сделки последних двух типов она рассматривает только как результат ростовщических операций¹⁵. Евдокимова, однако, делает оговорку, что в поле ее зрения находятся исключительно рыночные операции,

«которые связаны с приобретением земли»¹⁶. Такой подход к теме исследования сужает горизонт научного поиска и не позволяет с достаточной степенью достоверности и точности показать процесс развития социально-экономических отношений между городом и деревней, а равным образом – метаморфозы института собственности в аграрном секторе общественного производства, роль и значение в этих исторических явлениях бюргерства, в том числе городской элиты, которая проявляла особую активность в рыночных операциях с землей.

Рассматривая проблему участия городского бюргерства в феодальном землевладении, необходимо иметь в виду, что уже с XIV в. князья, титулованные дворяне, рядовые рыцари и церковные учреждения, которым принадлежали сеньории, испытывая острую нужду в деньгах, закладывали свои сеньории «до полной выплаты долга» как магистратам городов, так и богатым бюргерам, предоставившим им кредиты. Далеко не всегда владельцы князья и тем более мелкие рыцари возвращали долг кредиторам к установленному договором сроку; и тогда сеньории становились собственностью магистратов городов или бюргеров¹⁷. С другой стороны, с того же времени (XIV в.) в Швабии совершались акты отчуждения феодально-сеньориальных сервитутов (в том числе земельных рент) от титула собственности. В результате «операций отчуждения» ренты, права на получение различных платежей и поборов с держателей земли или привилегии ее юридических владельцев не только становились объектами ипотечных сделок, но также продавались и без земли. Однако первоисточником выгоды для покупателей различных рент оставалась прежде всего сама земля, точнее – доходы с нее. То же можно сказать о церковных десятинах: они также превращались в объект рыночных операций, в результате которых церковные десятины, различные ренты и доходы с церковного землевладения также становились собственностью не только магистратов городов, но и богатых бюргеров.

Исследование материалов источников (в первую очередь публично-правовых актов, отражавших рыночные операции, объектами которых были земля и ренты сеньориального происхождения) дают основания для вывода: уже с XIV в. в границах рассматриваемого в настоящей монографии региона интенсивно протекал процесс перераспределения земельной собственности между феодалами и городским бюргерством, которое энергично вторгалось в систему феодального землевладения и

оказывало существенное влияние на эволюцию института феодальной собственности на землю, способствуя приближению этого института к буржуазной собственности.

Объектами рыночных операций являлись сеньории с правами высшей уголовной юрисдикции над проживавшими на их территории населением, деревни и хутора с правами и без прав низшей юрисдикции («деревенским судом») над их жителями, «права фогтства» над деревнями и отдельными держаниями, церковные десятины, крестьянские держания, которые обычно фигурируют в документах того времени под названием «дворов»; «заповедные леса» с сеньориальными правами охоты, лесные вырубki, рощи, пастбища и выгоны для скота, покосы и луга, водоемы (текучие воды, пруды и озера), усадьбы, жилые дома, постройки хозяйственного назначения, «крестьянские ренты» (или сверхцензы), мельницы (или баналитетные права на них)¹⁸. Все перечисленные выше объекты бюргеры арендовали или приобретали у духовных и светских князей, церковных корпораций и других собственников феодального типа, деревенских общин и крестьян-землевладельцев в результате рыночных операций купли-продажи, причем в этих операциях значительную роль играл заклад недвижимой собственности, в том числе земли, что и вело к развитию института ипотеки. С течением времени все чаще контрагентами таких имущественных сделок являлись сами бюргеры. В одних случаях сделки заключались в соответствии с нормами «ленного права», в результате их приспособления к рыночным отношениям; в других — происходило изъятие земельных комплексов из системы «ленного права» и их превращение в «свободное достояние», или «полную собственность». Эта собственность, как полагает А.А. Евдокимова, «не была капиталистической: она не всегда свободна от феодальных повинностей и, видимо, не была связана с системой наемного труда, основанного на эксплуатации и приносившего прибавочную стоимость»¹⁹. Соглашаясь в принципе с такой трактовкой, необходимо иметь в виду, что вовлечение земли и связанных с нею феодально-сеньориальных сервитутов в рыночный оборот подтачивало устои феодальной собственности на землю, создавало необходимую предпосылку для преобразования феодальной ренты в капиталистическую и формирования института буржуазной собственности на землю. Возникновение новых форм земельной собственности сыграло значительную роль в развитии капитализма в деревне.

Рассматривая проблему бюргерского землевладения, следует иметь в виду, что позднесредневековое общество, в котором большинство населения проживало в деревнях и главным образом занималось земледелием, долгое время оставалось по преимуществу аграрным. Земля продолжала играть значительную роль и в жизни бюргеров. Обладание землей служило для них не только средством поддержания социального престижа, но и своего рода средством социальной защиты, поскольку в известном смысле землевладение могло выполнять функцию гаранта благосостояния семей бюргеров в случае банкротства принадлежавших им предприятий (компаний) или разорения владельцев ремесленных мастерских. Таким образом, землевладение выступало в качестве своеобразного щита благополучия человека того времени, бюргера в том числе.

В условиях господства системы феодализма права собственности (или владения) на землю получали реализацию в присвоении ее собственником (или владельцем) земельной ренты, которая создавалась трудом арендаторов или держателей земли. Анализ источников не оставляет сомнения в том, что преобладающей формой земельной ренты в швабской деревне на протяжении длительного времени (XIV–XVI вв.) были различные натуральные платежи: иногда рента уплачивалась только продуктами; чаще же денежные платежи не превышали в структуре ренты от 10 до 20 процентов и крайне редко эти платежи вносились только деньгами. В качестве ренты бюргеры получали прежде всего зерновые культуры (рожь, пшеницу, овес и ячмень). Именно эти платежи отражали сам факт поземельной зависимости крестьян от бюргеров. Не имели принципиального значения и занимали довольно скромное место в структуре ренты платежи животным и растительным маслами, курами и куриными яйцами. Платежи курами (особенно «весенними», или «пасхальными») можно рассматривать и как «чинши признания» крестьянами зависимости от бюргеров-землевладельцев. В тех случаях, когда последние обладали правами «деревенского суда» или правами фогтства над держателями, эта зависимость приобретала характер лично-наследственной. Иногда поборы курами были редуцированы в денежную форму, но обычно с обязательным указанием на их происхождение. В источниках, однако, отсутствуют даже какие-либо упоминания о барщинах в любом их виде. Это ставит исследователя перед дилеммой: или в Средние века барщинная система хозяйства в юго-запад-

ном регионе германских земель так и не сложилась, или к XIV в. она уже стала пройденным этапом в эволюции аграрного строя данного региона? Доля денежных платежей в структуре земельной ренты не только не преобладала, но и бюргеры-землевладельцы, как правило, не проявляли стремления к редукции натуральных оброков в денежную их форму. Консерватизм бюргеров, как о том уже сказано выше, был обусловлен их экономическим интересом – возможностью присвоения, кроме самой земельной ренты, торговой прибыли при реализации сельскохозяйственных продуктов на рынке.

* * *

Критериями, определяющими зрелость цивилизации и ее способность к саморазвитию, являются не только достижения в области материальной культуры и технологий, но и характер общественного сознания как на теоретическом (в Средние века – религиозно-теологическом), так и обыденном (социально-психологическом) уровнях, склад мышления, неотрефлексированные социокультурные представления и связанные с ними поведенческие стереотипы, то есть то, что составляет менталитет человека данной цивилизации. Общественное сознание средневекового бюргерства по преимуществу носило коллективистский характер. Поэтому бюргер признавал себя прежде всего частью большого или малого коллектива (городской общины, церковного прихода, религиозного братства, торгово-ремесленной или патрицианской корпорации, рода, семьи). Он подчинял свои личные интересы интересам коллектива. Индивидуализация личности и общественного сознания человека средневековой цивилизации, бюргера в том числе, была долгим и болезненным процессом²⁰. Этот процесс совершался под влиянием перемен в жизни общества (возникновения и развития явлений раннего капитализма, появления новых форм идеологии – гуманистической и реформационной) и выражался в преодолении средневековой традиции, формировании менталитета человека переходной от средневековой к индустриальной цивилизации эпохи. Этот процесс отличался большой протяженностью во времени, ему были известны отступления от линии прогресса с рецидивами попыток реставрации устоев, казалось бы, уже давно минувшего прошлого и завершился лишь в XVIII в. в эпоху Просвещения. Однако здесь для нас имеет принципиальное значение установление истоков данного процесса.

Перемены в духовной жизни общества находят отражение в свидетельствах современников и очевидцев этих перемен. Так, аугсбургский хронист Буркард Цинк еще в конце 60-х годов XV в. не без сожаления о недавно минувшем «добром старом времени» писал о том, что теперь стало обычным явлением, когда каждый бюргер стремится только к личной выгоде, и «никто, – сокрушается хронист, – не ищет общей пользы»²¹. Он имел в виду людей, которые, порывая со средневековой традицией, вступали в своей деятельности на путь инноваций, личного риска, изменения норм поведения и даже образа жизни. Отношение самого Цинка ко всем этим переменам было отрицательным и рассматривалось им как нарушение принципа «общей пользы». Примерно пятьдесят лет спустя такой же, казалось бы, точки зрения на принцип «общей пользы» придерживался и другой аугсбургский хронист – Вильгельм Рем. Он подвергал критике нравы в немецком обществе и утверждал (имея в виду прежде всего 20-е годы XVI в.), что появилось немало людей, грубо попирающих принцип «общей пользы» и преследующих сугубо корыстные цели²². Такое же отрицательное отношение к любым проявлениям «попрания общей пользы» и «справедливого равенства прошлых лет» после Рема (в 30-е и 40-е годы того же столетия) высказывал в своих трудах еще один аугсбургский хронист – Клеменс Егер. Однако существовало ли единодушие в этом вопросе всех упомянутых здесь хронистов?

Городские хронисты, несмотря на различия в происхождении, социальном статусе и принадлежности к разным конфессиям, продолжают ориентироваться, на первый взгляд, исключительно или по преимуществу на культурные ценности и мораль средневековой цивилизации. Так, вполне очевидно, что для Цинка и Егера идеалом «справедливости» и «равенства» служат «седая старина» – «доброе старое время», когда, по их убеждению, счастливо жили «наши предки». Оба хрониста относятся с неприязнью к любым новшествам, которые, как они полагают, ведут к «несправедливости» и «неравенству». Рем, напротив, как известно, с одобрением отзываясь о мануфактуре ульмского купца и предпринимателя Мартина Шалера, видит в предпринимательской деятельности ее основателя, который дал работу и вместе с нею средства к существованию многим людям, реализацию принципа «общей пользы». В отличие от Цинка и Егера, искавших общественный идеал в ценностях уходящей средневековой цивилизации, помыслы Рема обращены к

реалиям современной ему действительности. В оценке сущности происходивших на его глазах явлений и процессов он вполне определенно следует принципам целесообразности и здравого смысла. Рем связывает реализацию принципа «общей пользы» не с прошлым, а с движением общества по пути прогресса и изменением условий жизнедеятельности человека. Если в сознании Цинка и Егера еще живы стереотипы уравнилельных норм цехового строя, Рем фактически делает ставку на свободу выбора и личную инициативу человека. Для Рема основополагающим критерием служения «общей пользе» являлось не столько «справедливое равенство» людей в условиях корпоративного строя города, сколько право выбора и особенно успех практической деятельности человека²³. Это, однако, отнюдь не означает, что бюргерская верхушка, в том числе те ее представители, которые уже встали на путь капиталистического предпринимательства, как показала А.Л. Ястребицкая, полностью порвали со всякой корпоративностью и поведенческими стереотипами, присущими менталитету бюргера как человеку средневековой цивилизации²⁴.

В этой же связи необходимо принять во внимание, что критика Вильгельмом Ремом пороков современного ему общества была выражением не столько негативного отношения к раннему капитализму как таковому, сколько являлась реакцией на некоторые стороны процессов первоначального накопления и генезиса капитализма. Эта реакция отразила кардинальные сдвиги в сознании и нормах поведения самого человека, который, фигурально выражаясь, из Средних веков вступал в раннее Новое время. Переходный характер эпохи получил соответствующее отражение в сознании современников, в том числе в их критическом отношении к тем пионерам раннего капитализма, которые сумели достичь в своей деятельности особенно впечатляющего успеха. Выразительным тому примером может служить публицистика «евангелического проповедника» радикального толка Якоба Штрауса. Он писал в 1524 г. в одном из своих памфлетов: «... там, где князь берет ежегодно [всего] один пфенниг, там же закоренелый ростовщик собирает за ним десять [пфеннигов]. Я не называю этих разорителей страны, так как они достаточно известны во всем мире. Поэтому властители (земного царства. — Ю.Н.) вряд ли нашли что-нибудь лучшее для защиты и поддержки христианства, если бы они изгнали повсюду из своих владений ростовщичество»²⁵. Нет

сомнения и в том, что в ряду «закоренелых ростовщиков», «известных во всем мире», Штраус определенно имел в виду «пресловутых Фуггеров», Вельзеров и Хохштеттеров. Гневные инвективы Штрауса направлены в адрес ростовщичества, которое к началу XVI в. фактически стало достоянием истории и приобрело в общественном сознании значение имени нарицательного, символа-антипода «общей пользы». Более того, противопоставление категорий «ростовщичества» (зла) и «общей пользы» (добра) стало общим местом не только в публицистике, но и программных документах общественных движений того времени²⁶. Появление такого литературного штампа красноречиво свидетельствовало о переменах, происходивших прежде всего в экономической жизни общества. Эти перемены, оказавшие влияние и на общественное сознание бюргерства, в конечном счете изменили и его отношение к основополагающим ценностям западноевропейской средневековой цивилизации. Вопрос, однако, состоит в том, в чем конкретно выразились сдвиги в самосознании бюргерства и линии поведения предпринимательских элементов, и, главное, что эти сдвиги означали на практике. Ответ на этот вопрос имеет исключительное значение в установлении роли так называемого «субъективного фактора» в процессе генезиса капитализма и движения западноевропейского общества от средневековой к индустриальной цивилизации.

Одним из наиболее значимых проявлений перестройки общественного сознания человека переходной от Средних веков к Новому времени эпохи стало изменение его отношения к труду как на идеологическом (религиозном), так и на обыденном уровнях. Отношение к труду изменялось прежде всего под влиянием успехов в социально-экономическом развитии общества, когда реальной становилась перспектива накопления богатств не только купцами и банкирами-ростовщиками, но и рядовыми производителями и вышедшими из их среды предпринимателями. Этика протестантизма лишь придала особое обоснование такой мотивации деятельности человека, то есть практика предшествовала теории. В то же время очевиден и тот факт, что, возникнув, этика протестантизма стимулировала производительный труд, максимальную капитализацию прибавочной стоимости и минимизацию затрат на личное потребление. Именно это и было величайшим прорывом в будущее. Дело в том, что на труд в Средние века смотрели прежде всего как на тяжкую повинность, возложенную Богом на человечество за «грехопа-

дение» его библейских прародителей – Адама и Евы. Обязанность такого труда была тяжелой, но, как тогда считали, вполне добровольной. Отказ от трудовой деятельности ремесленника или крестьянина «во имя служения Богу» или из желания следовать примеру Христа и его учеников общественным мнением не только не осуждался, но даже поощрялся. Лица, уклонявшиеся от «общественно полезного труда», долгое время за такое поведение не подвергались наказаниям и преследованиям со стороны официальных властей²⁷. Отношение к труду, собственно говоря, и дало основание реформаторам XVI в. назвать Средние века «ленивыми» и даже обвинить католическую церковь в «поощрении безделья».

В новых исторических условиях первоначального накопления и генезиса капитализма положение кардинальным образом изменилось. Теперь все чаще предпринимались попытки разрешения «рабочего вопроса» в интересах работодателей, в том числе с помощью властей и внеэкономических мер принуждения, в обход традиционных правил отношений между работодателями и наемными работниками. «Прокапиталистические элементы», выступавшие в роли предшественников буржуазии Нового времени, стали прибегать к акциям, направленным на изыскание средств, с помощью которых можно было бы заставить работать на себя бродяг, нищих и пауперов («здоровых бездельников», по терминологии как официальных властей, так и работодателей). Таким образом правящие советы городов по требованию работодателей, как известно, иногда поступали и до Реформации. Еще до 1517 г. городские магистраты прибегали к действиям, имевшим целью принуждение к труду «всех здоровых бездельников». Однако тогда подобные действия носили спорадический характер и не только не находили понимания и поддержки со стороны широких слоев населения, но и вызывали резкую критику в адрес властей со стороны общественности. По этой причине подобные меры оказывались недостаточно эффективными. Насилие, к которому прибегали в своей социальной политике власти (особенно магистраты городов), не только не достигало цели в отношении деклассированных элементов и выбитых из привычной жизненной колеи людей, но, главное, не оказывало должного воздействия на общественное сознание массы трудящихся субъектов и не изменяло отношения к труду. Труд для них по-прежнему оставался тяжким бременем и наказанием за «первородный грех».

Сознание людей продолжало отставать от социально-экономических реалий и не отвечало «вызову времени», потребностям нарождающегося капитализма с его отличным от Средневековья отношением к труду. Это необычайно острое для той эпохи противоречие призвана была разрешить Реформация.

Реформация не только объявила труд обязанностью каждого верующего перед Богом, но и придала мероприятиям властей по принуждению к труду тех, кого они считали «здоровыми бездельниками», более целенаправленный, регулярный и действенный характер. Происходило это в условиях, когда, с одной стороны, закрытие монастырей резко увеличило число людей, оказавшихся без каких-либо средств к существованию, что способствовало росту пауперизма и вместе с ним – резервной армии наемного труда. С другой стороны, те, кто обладал властью и богатствами, нашли в реформационной идеологии обоснование своим действиям по принуждению к труду тех, кто уклонялся от выполнения этой обязанности. Однако принудительными и репрессивными мерами властей по отношению к деклассированным элементам дело не ограничивалось.

Реформационное учение, что особенно важно подчеркнуть, объявляло труд выполнением главной цели земного бытия верующего. Поэтому трудовая этика протестантизма уже в XVI в. стала не только объектом исследований теологов, философов и научной полемики в среде гуманистов²⁸, но и, что имеет принципиальное значение, была воспринята в качестве нормы поведения как капиталистами-предпринимателями, так и большинством трудящихся. Из тяжелой повинности и суровой необходимости труд превратился в исполнение божественного призвания. Поворот в сознании трудящихся города и деревни имел далеко идущие и глубокие социальные последствия, которые в конце концов нашли воплощение в капиталистическом способе производства и формировании ценностей индустриальной цивилизации. Этот поворот в общественном сознании людей был направлен на реализацию, говоря словами Ф. Броделя, исторической перспективы «долгого времени»²⁹. Однако к данному процессу можно применить и другой масштаб измерения, используя который, представляется возможным рассмотреть исторические явления с более близкого временного расстояния.

Согласно концепции того же Ф. Броделя, в перспективе «короткого времени» под воздействием как стихийно возникавших еще на почве простого товарного производства явлений

раннего капитализма, так и ригорических установок этики протестантизма историческое развитие совершалось по восходящему вектору прогресса. Прибегая к аллегории, можно сказать, что в XVI в. Западная Европа окончательно проснулась от латаргического сна Средневековья и встала на тот путь, который и привел ее в конечном счете к мануфактурному капитализму и торжеству ценностей постсредневековой цивилизации. Этика протестантизма стимулировала хозяйственную инициативу, предпринимательскую деятельность, воспитывала в участниках общественного производства трудолюбие и дисциплину, в том числе дисциплину наемного труда. Именно этика протестантизма, по мнению М. Вебера, оказала решающее влияние на выбор Западной Европой оптимального для того времени варианта экономического развития, реализовав таким образом право на свободу выбора. Правда, вопрос о роли протестантизма в победном шествии капитализма до сих пор остается спорным в исторической литературе. Кое-кто из оппонентов Вебера отвергает какую-либо связь между идеологией протестантизма и явлениями раннего капитализма, указывая, в частности, на тот факт, что родиной современного капитализма была Италия, где капитализм возник задолго до Реформации. С этим трудно не согласиться. Но в то же время нельзя не обратить внимания и на тот факт, что капитализм утвердился прежде всего в странах победивших кальвинистских революций – Нидерландах и Англии. Развитие капитализма на ранних его стадиях вообще было явлением вполне идеологизированным (итальянский капитализм XIV–XV вв. стимулировался идеологией гуманизма). Правда, тут же следует оговориться, что культура Возрождения и идеология гуманизма, можно сказать, образовывали и воспитывали по преимуществу буржуа-капиталистов и не оказывали действительного влияния на широкие массы трудящихся города и деревни, которые тогда еще не были в состоянии воспринять ценности новой культуры, в том числе ее этические требования. Это, хотя бы отчасти, объясняет, почему спорадические явления раннего капитализма в Северной и Средней Италии так и не переросли во «всеобщую форму».

С другой стороны, связь идеологии с практикой не носит характера обязательного императива. Правоверный католик Якоб Фуггер-старший был не менее успешным капиталистом, чем его оппонент, убежденный протестант Ульрих Релингер. Более того, Фуггеры устами высокооплачиваемого и блестяще

образованного советника, главы кружка аугсбургских гуманистов и секретаря правящего совета Аугсбурга Конрада Пойтингера, выступившего с обоснованием теории права человека на богатство и счастье, а также принципа «свободы торговли», продемонстрировали достаточно глубокое понимание сущности происходивших в обществе перемен экономического порядка. И все же свой выбор исторического пути развития Западная Европа в переходную от Средневековья к Новому времени эпоху сделала не без влияния импульсов реформационной идеологии. При этом первостепенное значение имело не только то, чему учили сами реформаторы (Мартин Лютер, Жан Кальвин и другие), что они говорили по поводу той или иной экономической ситуации, но и выводы, которые делали из их доктрин как ученики и последователи реформаторов, так и непосредственные участники строительства капитализма. При этом необходимо иметь в виду, каким образом «реформационные импульсы» воспринимались и как они проявлялись в линии поведения как работодателей, так и наемных рабочих. Иными словами, практика, нуждаясь в обосновании своей правомерности, оказывала обратное воздействие на теорию, то есть на эволюцию реформационных учений, которые порою получали трактовку, далекую от замысла и личного мнения их творцов.

Следуя по избранному пути, Западная Европа расставалась не только со Средневековьем, но и с самой системой феодализма. Правда, расставание происходило, также вполне по Броделю, уже в перспективе «долгого времени», продолжалось в течение примерно трех столетий, было трудным, сопровождалось кризисами и катаклизмами, революциями и гражданскими войнами, поскольку сама система феодализма проявила удивительную жизнестойкость и способность к противостоянию наступлению новой и враждебной ей цивилизации. Сила такого противостояния объясняется не только устойчивостью натурального и мелкотоварного хозяйственных укладов, социальных и политических институтов системы феодализма, которые являлись ее стеновым хребтом, но и тем, что средневековая цивилизация опиралась на христианскую идеологию традиционного общества, коллективистское сознание людей и вековые нормы поведенческого характера. Первая попытка подрыва этой опоры была предпринята идеологами гуманизма, которые утверждали в молодой буржуазии чувство собственного достоинства. Идеология гуманизма оказала влияние на интеллектуальную

эли́ту тогдашнего общества, в том числе на идеологов Реформации, которые и нанесли сокрушительный удар по средневековым идейным устоям. Гуманистическая же идеология, преодолев в эпоху Просвещения дуализм светского и религиозного начал в пользу первого, стала в конечном счете достоянием не только образованных кругов общества, но и широких народных масс, подготовила последние к грядущим радикальным переменам в жизни общества, в том числе революционному устранению институтов и учреждений «старого порядка».

События, явления и процессы «глобальной истории» в масштабах германских земель и даже всей Западной Европы порою почти зеркальным образом отражались или, напротив, своеобразно преломлялись в «локальной истории» Аугсбурга, в том числе в судьбах семейств городской знати. Выходцы из патрицианских семейств и на самом деле имели определенные достижения и заслуги перед родным городом. Представители знатных патрицианских семейств приняли участие в основании здесь в середине XIV в. бумазейного производства и способствовали внедрению в это производство технологических новшеств³⁰. Они же поставляли сырье (преимущественно хлопок) с «дальних рынков» (прежде всего из Венеции) для нужд новой отрасли текстильного производства и занимались сбытом ее изделий на крупнейших международных европейских рынках того времени. Все это не только содействовало повышению качества ремесленных изделий и их конкурентной способности в экспортной торговле, но и принесло Аугсбургу богатства и славу за пределами германских земель. Городская верхушка стояла у истоков формирования системы раздач, которая приобрела значение своего рода «стартовой площадки», откуда началось движение общественного производства от простого товарного к капиталистической кооперации. Наиболее «продвинутые» к ценностям индустриальной цивилизации представители городской знати приобщались к капиталистическому предпринимательству в текстильном производстве и горном деле. Ко всем этим новациям, как было показано выше, непосредственное отношение имел аугсбургский патрициат³¹. Однако означало ли все это перманентную социальную метаморфозу средневековой городской элиты в буржуазию Нового времени?

Разнообразные и многочисленные источники, которые были использованы автором настоящей монографии в поисках ответа на поставленный выше вопрос, не дают достаточных оснований

для вывода о генетической преемственности между средневековым бюргерством, верхушку которого и образовывала городская элита, и буржуазией Нового времени. Как правило, буржуазия рекрутировалась из тех слоев населения, представители которых, порывая с традициями прошлого, в большей мере, чем городская знать, были экономически независимы от феодальных источников существования, а самосознание выходцев из этих слоев являлось более свободным от стереотипов, присущих менталитету человека Средневековья. Это, в частности, находило выражение в линии поведения представителей и городской знати новой формации, которое все чаще определялось в целом чуждыми Средневековью принципами здравого смысла и целесообразности. «Новый человек», как его называли гуманисты, проявлял, о чем уже было сказано выше, большую, по сравнению с человеком Средневековья, способность к восприятию, усвоению и использованию на практике только еще формирующихся ценностей постсредневековой цивилизации. Однако оказалось, что представители средневековой городской знати в большинстве своем не обладали достаточным потенциалом для решения данной задачи. Представители этой знати в переходную от Средневековья к Новому времени эпоху, особенно после того как получили доступ к феодальному землевладению, дворянским титулам и званиям, должностям в административном аппарате на государственном (имперском или территориальном) уровне, выступали прежде всего в роли элиты западноевропейского общества позднего Средневековья, а не буржуазии Нового времени.

«Интеграция городов в государственную жизнь средневековой Европы», — отмечает Е.В. Гутнова, — выразилась в том, что «горожане все чаще начинают проникать в состав высших привилегированных сословий — с помощью аноблирования. К этому ведет приобретение более или менее крупных земельных владений в городской округе, участвовавшие в то время смешанные браки между богатыми горожанами и соседними феодалами, особенно распространявшиеся в XIV–XV вв. Одним из важных способов аноблирования, инспирированных непосредственно королевской властью, была длительная служба выходцев из горожан в центральном и местном государственном аппарате»³². В Германии, как и других странах Западной Европы, выходцы из семейств городской знати также привлекались на государственную службу в имперском или княжеском админи-

стративном аппарате, порою занимая на этой службе высокие и престижные должности. Представители городской знати Аугсбурга следовали этому историческому опыту и использовали возможность приобщения к политической и государственной деятельности на имперском и региональном уровнях. Однако такая служба и связанные с нею привилегии отдаляли бюргерскую верхушку от буржуазии и, напротив, сближали с феодальным дворянством. С другой стороны, такой ход событий «смягчал» противостояние нарождавшейся буржуазии с феодальным дворянством и отодвигал их конфронтацию в борьбе за обладание политической властью в далекое будущее.

Принимая во внимание историческую перспективу «долгого времени», необходимо еще раз подчеркнуть, что участие в феодальном землевладении не только магистратов городов и городской элиты, но и представителей «среднего класса» городского населения имело исключительное значение в жизни и самих городов³³, накладывая на нее неповторимый, присущий только средневековой цивилизации отпечаток. Участие в землевладении, прежде всего обладание городским бюргерством сеньориальными правами и привилегиями, являлось причиной острых конфликтов между городами и их сельскими округами. Дело в том, что при таком варианте развития городское бюргерство становилось на место феодальных сеньоров и осуществляло на практике феодальную эксплуатацию находившихся от него в зависимости крестьян. Поэтому, возвращаясь к уже рассмотренной еще в первой главе дискуссии о социальной природе средневекового бюргерства и учитывая всю совокупность свидетельств источников и достижений современной исторической науки, можно сформулировать следующие выводы.

Город в Средние века в странах Западной Европы не только являлся административным и культурным центром, пунктом сосредоточения ремесла и торговли, но и играл роль, с одной стороны, проводника товарно-денежных отношений в деревню, создавая в ней в перспективе «долгого времени» предпосылки и условия для развития капитализма, а с другой — выступал в перспективе «короткого времени» как феодальный властитель той же деревни³⁴. Участвуя в феодальном землевладении, представители бюргерской верхушки (прежде всего патриции) выполняли функции агентов господствующего класса феодалов не только в деревне, но порою и в самом городе. Правда, в позднее Средневековье и раннее Новое время эволюция социальной

структуры более или менее значительных городских центров уже совершалась в направлении ее приближения к социальной структуре индустриального общества. Однако и города переходной от Средних веков к Новому времени эпохи еще многими нитями были связаны с их аграрной периферией и феодальными институтами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Населению позднесредневековых городов, в том числе их верхушке, не удалось освободиться от «родовых» признаков, присущих менталитету человека Средневековья. В силу данного и некоторых других обстоятельств, вряд ли есть основания относить средневековое бюргерство к особому «неосновному», или «промежуточному», классу феодального общества. В такой же мере нет оснований считать состоявшимся и процесс перманентного превращения средневекового бюргерства в буржуазию Нового времени. Это, естественно, верно и в отношении городской элиты. Впрочем, последний сюжет уже находится за рамками исследовательских задач, которые стояли перед автором настоящей монографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Planitz H.* Die deutsche Statdt ... S. 325.

² *Mistele K.-H.* Die Bevölkerung der Reichsstadt Heilbronn im Spätmittelalter: Eine soziologische Untersuchung an Hand der Steuer des 15. und 16. Jahrhundert. Heilbronn, 1962. S. 87–88.

³ *Elben R.* Das Patriziat ... S. 41.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 322.

⁵ См.: *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Очерки ...; *Она же.* Основные проблемы ...; *Смирин М.М.* Очерки ...; *Ермолаев В.А.* Революционные движения в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966.

⁶ См.: *Czok K.* Die Bürgerkämpfe ... S. 54–57; *Idem.* Zunftkämpfe, Zunftrevolution oder Bürgerkämpfe? // *WZ der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe.* 1957/58. Н. 7. S. 136, 142.

⁷ *Хачатурян Н.А.* Политическая организация средневекового города // *Город в средневековой цивилизации...* Т. 1. С. 332–334.

⁸ См.: *Quellenbuch zur Verfassungsgeschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft und Kantone von Anfängen bis zur Gegenwart.* 3. Aufl. Aarau, 1947. S. 131–132;

Czok K. Die Bürgerkämpfe ... S. 57; Ammann H. Untersuchung ... S. 323 ff.; Guyer P. Soziale Schichtung ... S. 571 ff.

⁹ См.: *Die Chroniken der Stadt Konstanz ... S. 50–51, 272, 72–74, 111–112, 274, 136–139; Beilage. S. 341–343.*

¹⁰ *Watts Schriften ... Bd. 1. S. 422; Bd. 3. S. 284; Kesslers Sabbata ... S. 435–436.*

¹¹ *Nübling E. Die Reichsstadt Ulm ... Bd. 1. S. 63–64; Bd. 2. S. 192–193, 197–198, 451, 465, 473–492.*

¹² Как утверждает М.А. Бойцов, в немецких городах в XIV в. «полностью власть ... переходила к цехам лишь там (Аугсбург), где и патриции сочли за лучшее оформить свое объединение в виде цеха – объединения в данном случае чисто политического, не имеющего никаких производственных функций» (см.: *Бойцов М.А. Города Германии ... С. 78*). И хотя вряд ли можно согласиться с мнением Бойцова о том, что в Аугсбурге после цехового переворота 1368 г. «власть полностью перешла к цехам», он в то же время, по всей видимости, прав в том, что в этом городе в том году большинство патрициев с пониманием отнеслись к требованиям бюргерской оппозиции и выразили готовность к политическому компромиссу. Однако меньшинство патрициев, как это было показано в четвертой главе настоящей монографии, придерживались иной точки зрения, а кое-кто из них даже встал на путь открытой конфронтации с «цеховым правлением». Поэтому позицию и линию политического поведения этого меньшинства также следует принимать во внимание при рассмотрении событий 1368 г., установлении их сущности и последствий.

¹³ *Die Chronik von 1368 bis 1406 ... S. 109–110; Zink ... S. 52; Weberchronik ... S. 223–224.*

¹⁴ См.: *Майер В.Е. Роль ростовщического капитала ...; Он же. Деревня и город...; Он же. Крестьянство Германии ...; Ермолаев В.А. Городское землевладение ...; Он же. Гейльброннская программа ...; Негуляева Т.М. Возникновение ...; Она же. Эволюция...; Савина Н.В. О характере ...; Она же. Южнонемецкий капитал...; Евдокимова А.А. Изменение ...*

¹⁵ *Евдокимова А.А. Изменение ... С. 141.*

¹⁶ Там же. С. 140.

¹⁷ *Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса ... С. 137.*

¹⁸ Участие бюргеров Южной Германии в мельничном промысле, судя по материалам источников, занимало существенное место в их хозяйственной деятельности. К сожалению, в отечественной историографии эта тема до сих пор остается «белым пятном» и еще ожидает своего исследователя. Между тем в публично-правовых актах XIV–XV вв. бюргеры постоянно выступают в роли «собственников», «владельцев на ленном праве» или арендаторов мельниц.

¹⁹ *Евдокимова А.А. Изменение ... С. 152.*

²⁰ См.: *Гуревич А.Я. Человек средневековья // История Европы. Т. 2. С. 696–697.*

²¹ Zink ... S. 74.

²² Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 118 ff.

²³ См.: Вебер М. Этика протестантизма ... С. 70 след.; Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 250 след.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 445.

²⁴ См.: Ястребицкая А. Л. Trucketten/Verleger ... С. 422.

²⁵ Flugschriften der Bauernkriegszeit / Hrsg. von A. Laube u. H. W. Seiffert. Berlin, 1975. S. 187. О Якобе Штраусе также см.: Гобри И. Лютер. М., 2000. С. 269.

²⁶ Об этом, к примеру, см.: Чуянов А. Ф. Михаэль Гайсмайер и его «Земское устройство» // Германская история эпохи Реформации ... С. 108. Ст. 17, 18; С. 109. ст. 22; С. 110. Прим. 2; С. 113. Прим. 20; С. 115–116. Прим. 34, 39.

²⁷ См.: Некрасов Ю. К. Реформа или революция? ... С. 137–138, 262. Прим. 55.

²⁸ Штекли А. Э. От приютов милосердия ... С. 101 след.; Hoyer S. Utopia deutsch: Zu der Gleichheitsvorstellung im Basler Humanistenkreis // JbGF. 1981. Bd. 6. S. 237 ff.

²⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 14, 18, 65, 67, 72–73.

³⁰ См.: Некрасов Ю. К. Реформа или революция? ... С. 84–88. Ср. также: Шевеленко А. Я. Техника городских ремесел // Город в средневековой цивилизации ... Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан. М., 1999. С. 137–140.

³¹ Довольно неожиданно для автора этих строк в последнее время в историографии возобновилась полемика о патрициате средневековых городов Западной Европы, инициаторы которой предпринимают попытку ревизии давно сложившихся научных представлений об этом институте. К примеру, как полагает П. Ю. Уваров, «термин "патрициат", которым историки по традиции обозначают городскую элиту ... условен». «Условность термина» он объясняет тем, что «Средневековые не знали (этого термина. – Ю. Н.) ... как не знали и другого собирательного обозначения городской верхушки. Контуры этой группировки не получили юридического подтверждения. За исключением Венеции и некоторых других южных городов, формально патрициат ничем не отличался от остального бюргерства. Это были такие же члены городской общины, как и другие, только богаче и влиятельнее прочих и чаще избирались на муниципальные должности. В разных городах их называли по-разному: «господа», «лучшие», «наследственные мужи» ... Этой фракции бюргерства принадлежало политическое лидерство, основанное на сочетании богатства, престижа и власти» (см.: Уваров П. Ю. Община горожан: структура и конфликты // Город в средневековой цивилизации ... Т. 3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 2000. С. 11).

Оригинальная, на первый взгляд, точка зрения П. Ю. Уварова носит, однако, характер своего рода исторического парадокса и с нею трудно согласиться. Дело в том, что существование патрициата – факт реальной действительности, а не «изобретение» или плод фантазии историков. По крайней мере это верно в отношении

имперских городов Южной Германии. Так, например, в Аугсбурге уже с конца XIII в. патриции получили точное юридическое обозначение – «die Geschlechter», указывающее прежде всего на «древность» поселения того или иного семейства в городе и его особое (обычно привилегированное) положение в городской общине. До 1276 г. именно из их числа сеньор города – местный епископ – формировал городской совет, который, однако, по существу являлся совещательным органом и не обладал ни законодательной, ни исполнительной властью. С 1276 г. в результате победы горожан Аугсбурга в коммунальном движении патриции от имени победителей путем кооптации членов правящего совета теперь делали это уже сами. Почти в течение столетия (до поздней осени 1368 г.) патрициям принадлежала монополия на власть в городе. Здесь и после событий цехового переворота в конце XIV в. и на протяжении большей части XV в. патриции на разных уровнях общения противопоставлялись рядовому бюргерству («простому народу»), а патрицианская корпорация сохраняла некоторые преимущества (в первую очередь политические) перед торгово-ремесленными цехами.

Тогда же в общественном сознании укоренилось представление о «трехчленной» иерархии социальной структуры городского населения, зафиксированное в трудах городских хронистов XV в. На верхней ступени этой иерархии стоял «патриций» (der Geschlechter), на средней – «простолюдин» (der gemeine Mann), то есть цеховой мастер или торговец, собственник и полноправный бюргер, на нижней – «плебей» (der Bovel), то есть подмастерье, поденщик, «неимуший» житель города без определенных занятий, надежных источников существования и прав гражданства. Именно таким образом иерархия социального строя феодального общества «спреломлялась» на городском уровне. Только в конце XV в. на смену понятию «Geschlechter» приходит понятие «Herrgen» (господа). Под «Herrgen» подразумевались самые богатые и влиятельные бюргеры, принадлежность которых к патрицианской корпорации не была обязательной. Яркий тому пример – Фуггеры, которые раньше оказались возведены в «имперское дворянство» и даже стали обладателями титула графов, прежде чем в 1538 г. были приняты в патрицианскую корпорацию Аугсбурга. Между тем «господами» их называли в городе с конца XV в. То же можно сказать о некоторых других «выскочках из цехов», сумевших подняться в ряды городской знати. К примеру, к последней принадлежали как ставшие патрициями Пиммели, так и Хохштеттеры, которые патрициями так и не успели стать по той причине, что в конце 20-х годов XVI в. компания Хохштеттеров обанкротилась и они разорились.

³² Гутнова Е.В. Город, бюргерство и феодальная монархия // Город в средневековой цивилизации ... Т. 4: Extra mures. Город, общество, государство. М., 2000. С. 24–25.

³³ Тушина Е.В. Городское землевладение // Город в средневековой цивилизации ... Т. 2. С. 287–288.

³⁴ Бойцов М.А. Города Германии ... С. 85–86.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Das ältere Recht der Reichsstadt Isny // WGQ. 1914. Bd. 18.
- Anonyme Chronik der Stadt Augsburg (991–1483) // CDS. 1892. Bd. 22 (3).
- Die Aurgsburger Baumeisterrechnung von 1320–1331 / Hrsg. von R. Hoffmann // ZHV. 1878. Bd. 5.
- Die Chronik der Familie Fugger von Jahre 1599 / Hrsg. von Chr. Meyer. München, 1902.
- Die Chronik der Stadt Augsburg von 1368 bis 1406 mit Fortsetzung bis 1447 // CDS. 1865. Bd. 4 (1).
- Die Chronik von der Gründung der Stadt Augsburg bis zum Jahre 1469 // CDS. 1865. Bd. 4 (1).
- Die Chroniken der Stadt Konstanz / Hrsg. von Ph. Ruppert. Konstanz, 1890.
- Die Diesbach-Watt Gesellschaft: Urkunden und Register / Hrsg. von H. Ammann // Idem. Die Diesbach-Watt Gesellschaft: Ein Beitrag zur Handelsgeschichte des 15. Jahrhunderts. St. Gallen, 1928.
- Flugschriften des Bauernkriegszeit / Hrsg. von A. Laube, H. W. Seiffert. Berlin, 1975.
- Fondaco dei Tedesci in Venedig und Deutsch-Venetianischen Handelsbeziehungen. Bd. I: Urkunden / Hrsg. von H. Simonsfeld. Stuttgart, 1887.
- Fortsetzungen der Chronik der Stadt Augsburg von Hector Mülich // CDS. 1894. Bd. 23 (4).
- Frankfurter Zunfturkunden bis zum Jahre 1612 / Hrsg. von B. Schmidt. Frankfurt am Main, 1914. Bd. 2.
- Geschichte der mittelalterlichen Handel und Verkehr zwischen Westdeutschland und Italien. Bd. I: Urkunden / Hrsg. von A. Schulte. Leipzig, 1900.
- Hug Heinrich*. Villinger Chronik von 1495 bis 1533 / Hrsg. von Chr. Roder. Tübingen, 1883.
- Jager Clemens*. Die Chronik der Augsburger Schusterzunft von Erkaufung des Bunthauses (1449) an bis zum Jahre 1532 // CDS. 1929. Bd. 34 (9).
- Jager Clemens*. Der erbern zunft von Webern herkommen, Chronika und jarbuch // CDS. 1929. Bd. 34 (9).
- Kessler Johannes*. Sabbata mit kleineren Schriften und Briefen / Hrsg. von E. Egli u. R. Schoch. St. Gallen, 1902.

- Konstanzer Leinwandgewerbe / Hrsg. von F. Wieland. Konstanz am Bodensee, 1953.
- Langenmantel David*. Historie des Regiments der Heiligen Römischen Reichsstadt Augsburg. Frankfurt; Leipzig, 1743.
- Das Lehenbuch des Hochstifts Augsburg von 1424 / Bearb. von H. Vietzen. Konstanz, 1939.
- Die Leibgedingtbuecher der Freien Reichsstadt Augsburg 1330–1550 / Hrsg. von A. Haemmerle. München, 1958.
- Leinwandgewerbe und Fernhandel der Stadt St. Gallen von den Anfängen bis 1520. Bd. 1: Quellen / Hrsg. von H.C. Peyer. St. Gallen, 1959.
- Mülich Hector*. Die Chronik der Stadt Augsburg (1368–1487) // CDS. 1892. Bd. 22 (3).
- Oberdeutsche Kaufleute in den Tiroler Raitbuechern (1288–1370) / Hrsg. von F. Bastian. München, 1931.
- Quellen zur Züricher Wirtschaftsgeschichte: Von den Anfängen bis 1500 / Hrsg. von W. Schneider. Bd. 2: 1461 bis 1500. Zürich; Leipzig, 1937.
- Quellenbuch zur Verfassungsgeschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft von den Anfängen bis zur Gegenwart / Bearb. von H. Nabholz u. P. Kleui. 3. Aufl. Aarau, 1947.
- Rem Lucas*. Tagebuch aus den Jahren 1494–1541 / Hrsg. von B. Greiff // Jahresbericht des Historischen Vereins von Schwaben und Neuburg. Augsburg, 1861.
- Rem Wilhelm*. Cronika der newer geschichten // CDS. 1894. Bd. 25 (5). Das Rote Buch / Hrsg. von O. Feger. Konstanz am Bodensee, 1949.
- Ruland Otto*. Handlungsbuch / Hrsg. von P. Pfeiffer. Stuttgart, 1848.
- Sachs Hans*. Prosadialoge / Hrsg. von A. Lenck. Leipzig, 1970.
- Statutensammlung der Stadtschreiber Jorg Vögeli / Hrsg. von O. Feger. Konstanz am Bodensee, 1951.
- Sender Clemens*. Die Chronik der Stadt Augsburg von den ältesten Zeiten bis zum Jahre 1536 // CDS. 1894. Bd. 23 (4).
- Statten Paul-ältere, von*. Geschichte der freien Reichsstadt Augsburg. Frankfurt; Leipzig, 1743.
- Statten Paul-jüngere, von*. Geschichte der adelichen Geschlechter in der freien Reichsstadt Augsburg. Augsburg, 1762.
- Stetten Paul-jüngere, von*. Kunst-, Gewerbe- und Handwerksgeschichte der Reichsstadt Augsburg. Augsburg, 1789.
- Studien zur Geschichte der Augsburger Zunftverfassung 1368–1548; Anlagen, Urkunden und Aktenstücke / Hrsg. von P. Dirr // ZHV. 1913. Bd. 39.

- Tucher Andreas*. Baumeisterbuch der Stadt Nürnberg (1464–1475) mit einer Einleitung F. Weech / Hrsg. von M. Lexer. Stuttgart, 1862.
- Ulmisches Urkundenbuch. Bd. 1: Die Stadtgemeinde (von 854 bis 1314) / Hrsg. von P. Preusel. Stuttgart, 1873.
- Ulmisches Urkundenbuch. Bd. 2. T. 1–2: Die Reichsstadt (von 1315 bis 1356) / Hrsg. von K. Veesebmeyer u. R. Bazing. Ulm, 1898–1900.
- Die Urkunden der Stadt Augsburg: Das Stadtbuch Augsburg, insbesondere das Stadtrecht vom Jahre 1276 / Hrsg. von Chr. Meyer. Augsburg, 1878. Bd. 2.
- Die Urkunden der Stadt Kaufbeuren: Stadt, Spital, Pfarrei, Kloster (1240–1500) / Bearb. von R. Dertsch. Augsburg, 1955.
- Die Urkunden des Heiliggeistspitals in München: 1250–1500 / Bearb. von H. Vogel. München, 1960.
- Die Urkunden des Hochstift Augsburg: 769–1420 / Bearb. von W.B. Vock. Augsburg, 1959.
- Die Urkunden des Reichsstift St. Ulrich und Afra in Augsburg: 1023–1140 / Hrsg. von R. Hippler. Augsburg, 1956.
- Die Urkunden des Schlossarchiv Kronburg: 1366–1829 / Bearb. von K. Frh. von Adrian-Werburg. Augsburg, 1972.
- Urkunden zur Städtischen Verfassungsgeschichte / Hrsg. von F. Keutgen. Berlin, 1901.
- Wahraus Erhard*. Die Chronik der Stadt Augsburg: 1126–1445, mit Nachträgen bis zum Jahre 1462 // CDS. 1865. Bd. 4 (1).
- Watt Joachim, von (Vadian)*. Deutsche historische Schriften. Bde 3. St. Gallen, 1874/79.
- Zimmerische Chronik. 2. Aufl. Bd. 4 / Hrsg. von A. Barack. Freiburg im Breisgau; Tübingen, 1881/82.
- Zink Burkard*. Die Chronik der Stadt Augsburg: 1368–1468 // CDS. 1865. Bd. 5 (2).
- Die Zunftverfassung von 1411–1535 / Hrsg. von E. Ruedi // Schaffhauser Beiträge zur vaterländischen Geschichte. Thayngen, 1961. H. 3.

ЛИТЕРАТУРА

- Баткин Л.М.* Письмо читателя // СВ. 1955. Вып. VI.
- Бойцов М.А.* Города Германии до конца XV века // Город в средневековой цивилизации ... Т. 1.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация: Экономика и капитализм (XV–XVIII вв.). Т. 1: Структура повседневности: возможное и невозможное. Т. 2: Игры обмена; Т. 3: Время мира. М., 1992.
- Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.
- Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики: 1917–1966. Л., 1968.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Он же. Избранные произведения. М., 1990.
- Вебер М.* Протестантские секты и дух капитализма // Там же.
- Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979.
- Германская история эпохи Реформации: Исследования и документы. Вологда, 1993.
- Гобри И.* Лютер. М., 2000.
- Гончарова В.И.* Проблемы альтернативного развития Священной Римской империи на рубеже XV–XVI вв. // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 8: История – Филология – Философия. Сыктывкар, 1995. Вып. 1.
- Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1: Феномен средневекового урбинизма; Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан; Т. 3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей; Т. 4: Extra mures. Город, общество, государство. М., 1999–2000.
- Григорьян Ю.М.* К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // ВИ. 1958. № 1.
- Гуревич А.Я.* Человек средневековья // История Европы. Т. 2.
- Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974.
- Гутнова Е.В.* Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Европе (X–XV вв.). М., 1984.
- Гутнова Е.В.* Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства ...
- Гутнова Е.В.* Западноевропейский регион в XI–XV вв. // История Европы. Т. 2.
- Гутнова Е.В.* Город, бюргерство и феодальная монархия // Город в средневековой цивилизации ... Т. 4.
- Данилов А.И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. М., 1958.
- Дятлов В.А.* Городские власти и проблемы нищенства и бродяжничества в Германии в конце XV–XVI вв. // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1989.
- Дятлов В.А.* Реформа городской благотворительности в Германии (1522–1524 гг.) // Германская история эпохи Реформации ...
- Евдокимова А.А.* Законодательство Фрейбурга в Брейсгау о нищих и бродя-

- гах (XVI в.) // Социальные отношения и политическая борьба ...
- Ермолаев В.А.* Франконский город в Крестьянской войне 1525 г. // Сб. 1954. Вып. V.
- Ермолаев В.А.* Революционные движения в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966.
- Ермолаев В.А.* Городское землевладение на территории Нюрнбергского бургграфства // СГ. 1968. (Вып. 1).
- Ермолаев В.А.* Гейльброннская программа: Программа немецкого радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986.
- Зомбарт В.* Современный капитализм. М.; Л., 1931. Т. 1. Полутом 1.
- История Европы.* Т. 2: Средневековая Европа. М., 1992; Т. 3: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). М., 1993.
- История крестьянства в Европе: Эпоха Феодализма.* М., 1986. Т. 2–3.
- К итогам дискуссии по проблеме генезиса капиталистических отношений (статья редколлегии сб. «Средние века») // Сб. 1955. Вып. VI.
- Каплюк В.З.* Марксистская историография ГДР о раннебуржуазной революции в Германии (на материалах дискуссий в Вернигероде) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964. Вып. 2.
- Колесницкий Н.Ф.* Политическая борьба в германских землях в XIII–XV вв. и возникновение ландтагов // Социальные отношения ...
- Колесницкий Н.Ф., Ястребицкая А.Л.* Германия // История Европы. Т. 3.
- Кюттлер В.* Город и бюргерство при феодализме: Теоретические проблемы исследования города в ГДР // Сб. 1982. Вып. 45.
- Левинсон К.А.* Чиновники в городах Южной Германии XVI–XVII вв.: Опыт исторической антропологии. М., 2000.
- Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе) // Он же. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1.
- Ленин В.И.* По поводу так называемого вопроса о рынках // Там же.
- Ленин В.И.* Перлы народничества прожектерства // Там же. Т. 2.
- Ленин В. И.* Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности // Там же.
- Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Там же. Т. 3.
- Ленин В.И.* Аграрная политика русской социал-демократии // Там же. Т. 6.
- Ленин В.И.* Эмпириокритицизм и исторический материализм // Там же. Т. 18.
- Ленин В.И.* Карл Маркс // Там же. Т. 26.
- Ленин В.И.* Великий почин // Там же. Т. 39.
- Ленин В.И.* Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП (б) г. Москвы и Московской губернии в апреле 1921 г. // Там же. Т. 43.
- Ленин В.И.* О продовольственном налоге // Там же.
- Либман М.* Искусство Германии XV и XVI веков. М., 1969.
- Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Маграт А.* Богословская мысль Реформации. Одесса, 1994.

- Майер В.Е.* Вопросы аграрной истории Германии в освещении буржуазных историков ФРГ // СВ. 1964. Вып. 26.
- Майер В.Е.* Роль ростовщического капитала в немецкой деревне XIV–XVI вв. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970.
- Майер В.Е.* Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой в Германии XIV–XVII вв. // СВ. 1971. Вып. 33.
- Майер В.Е.* Деревня и город Германии в XIV–XVI вв.: Развитие производительных сил. Л., 1979.
- Майер В.Е.* Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.
- Маркс К.* Нищета философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.
- Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных Записок» // Там же. Т. 19.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1, 3 // Там же. Т. 23; Т. 25. Ч. 3.
- Маркс – Энгельсу, 27 июля 1854 г. // Там же. Т. 3.
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Там же. Т. 4.
- Микешин А.А.* Программный документ швейцарской реформации: «67 Тезисов» Ульриха Цвингли // Антиковедение и медиевистика. Ярославль, 2001. Вып. 3.
- Негуляева Т.М.* Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XIII – начале XIV в. // СГ. 1968. (Вып. 1).
- Негуляева Т.М.* Эволюция земельной собственности в средневековом Страсбурге XII–XIV вв. // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2.
- Негуляева Т.М.* Некоторые проблемы истории средневекового города и бюргерства в урбанистике ГДР // СГ. 1978. Вып. 5.
- Некрасов Ю.К.* Очерк из экономической истории Германии конца XV – начала XVI в. (по материалам южно-немецких торговых и торгово-промышленных компаний) // УЗ ЛГПИ. Т. 449. Вологда, 1969.
- Некрасов Ю.К.* К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV–XVI вв. (По материалам имперского города Аугсбурга) // Проблемы германской истории. Вологда, 1971. (Вып. 1).
- Некрасов Ю.К.* Проблемы раннего капитализма в Германии в освещении М.М. Смирин // ЕГИ. 1971. М., 1973.
- Некрасов Ю.К.* К социально-экономической истории Аугсбурга в XV веке // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2.
- Некрасов Ю.К.* Социальная борьба в Аугсбурге в середине и начале второй половины XV века // Там же.
- Некрасов Ю.К.* О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975.
- Некрасов Ю.К.* Радикально-бюргерская оппозиция в Аугсбурге в 70-е годы XV в.: Ход движения и социальный состав участников // СВ. 1975. Вып. 38.
- Некрасов Ю.К.* Происхождение и программа деятельности радикально-бюргерская оппозиция в Аугсбурге в 70-е годы XV в. // СВ. 1975. Вып. 39.
- Некрасов Ю.К.* О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии (по материалам хронистики XVI в.) // Вестник МГУ. Сер. истор. 1977. Вып. 4.

- Некрасов Ю.К.* Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // СВ. 1977. Вып. 41.
- Некрасов Ю.К.* Южно-немецкий город в начале Крестьянской войны (май – сентябрь 1524 г.) // ЕГИ. 1976. М., 1977.
- Некрасов Ю.К.* Социально-политические вопросы в освещении немецкой хронистики XVI в. // ЕГИ. 1977. М., 1978.
- Некрасов Ю.К.* Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 – осень 1525 гг.) // СГ. 1978. Вып. 5; 1981. Вып. 6.
- Некрасов Ю.К.* Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения ...
- Некрасов Ю.К.* Эволюция социального строя городов Верхней Швабии и Северной Швейцарии в XIV–XVI вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988.
- Некрасов Ю.К.* Эволюция социального строя и отношения собственности в средневековом городе XIV–XVI вв. (на примере Швабии и Швейцарского Союза) // Проблемы эволюции ...
- Некрасов Ю.К.* Реформа или революция? Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI века. Вологда, 1998.
- Немилов А.Н.* Первые гуманистические кружки в Нюрнберге и их роль в развитии немецкого гуманизма // УЗ ЛГУ. 1968. Сер. истор. Вып. 28.
- Немилов А.Н.* Грюневальд: Жизнь и творчество мастера Матиса Нитхарта-Готхарта. М., 1972.
- Немилов А.Н.* К вопросу о формах раннекапиталистического производства в Нюрнберге // СГ. 1974. Вып. 2.
- Немилов А.Н.* Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979.
- Норден А.* Некоронованные властители. М., 1978.
- Полянский Ф.Я.* Отношение чехов к капитализму в период их расцвета // ВИ. 1947. № 7.
- Полянский Ф.Я.* Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. М., 1952.
- Потанина Л.Б.* Организация ремесла во Франкфурте-на-Майне во второй половине XIV – первой половине XV в. // УЗ МГПИ. 1969. № 294.
- Проблемы германской истории. Вып. 2: Материалы симпозиума, состоявшегося в Вологде 15–17 октября 1971 г. Вологда, 1973.
- Проблемы эволюции общественного строя и международные отношения в истории западноевропейской цивилизации. Вологда, 1997.
- Пуришев Б.И.* Своеобразие немецкого Возрождения // Литература эпохи Возрождения. М., 1967.
- Пуришев Б.И.* Литература эпохи Возрождения. М., 1996.
- Развитие капиталистической мануфактуры в Англии и Германии XVI–XVII вв. М., 1981.
- Репина Л.П.* Население городов // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1.

- Рутенбург В.И.* Очерки истории раннего капитализма в Италии: флорентийские компании XIV века. М.; Л., 1951.
- Рутенбург В.И.* О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV–XV вв. // СВ. 1955. Вып. VI.
- Рутенбург В.И.* Титаны Возрождения. Л., 1979.
- Савина Н.В.* Два типа купеческих компаний Южной Германии на рубеже XV–XVI вв. // СВ. 1973. Вып. 37.
- Савина Н.В.* О характере эксплуатации земельных владений Фуггерами в первой половине XVI в. // СВ. 1977. Вып. 41.
- Савина Н.В.* Купеческие компании и общественное движение в Германии первой трети XVI в. // Социальная природа средневекового бюргерства ...
- Савина Н.В.* Южно-немецкий капитал в странах Западной Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.
- Самаркин В.В.* Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976.
- Сванидзе А.А.* Деревенские ремесла в средневековой Европе. М., 1985.
- Сванидзе А.А.* Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации ... Т. 1.
- Сванидзе А.А.* Торговые компании // Город в средневековой цивилизации ... Т. 2.
- Смирин М.М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. 2-е изд. М., 1955.
- Смирин М.М.* Очерки политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.
- Смирин М.М.* О характере экономического подъема и революционном движении в Германии в эпоху Реформации // ВИ. 1957. № 6.
- Смирин М.М.* К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.). М., 1969.
- Смирнова Е.Д., Сушкевич А.П., Федосик В.А.* Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск, 1999.
- Социальная природа средневекового бюргерства XVIII–XVII вв. М., 1979.
- Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI–XVI вв.). Вологда, 1985.
- Стам С.М.* Чем же в действительности была Реформация в Германии? // ВИ. 1958. № 4.
- Стам С.М.* Движущие противоречия развития средневекового города // ВИ. 1965. № 7.
- Стам С.М.* Средневековый город и проблема возникновения нефеодалных форм собственности // СГ. 1974. Вып. 2.
- Стоклицкая-Терешкович В.В.* Очерки по социальной истории немецкого города в XIV–XV вв. М.; Л., 1936.
- Стоклицкая-Терешкович В.В.* К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в. // СВ. 1954. Вып. V.
- Стоклицкая-Терешкович В.В.* Немецкий город в эпоху Крестьянской войны // Вестник МГУ. Сер. обществ. наук. 1960. Вып. 2.

- Стоклицкая-Терешкович В. В.* Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв. М., 1960.
- Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1991.
- Тушина Е. В.* Городское землевладение // Город в средневековой цивилизации... Т. 2.
- Уваров П. Ю.* Община горожан: структура и конфликты // Там же. Т. 3.
- Фараджеева С. А.* Политика саксонских курфюрстов в горном деле (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Из истории западноевропейского средневековья. М., 1972.
- Фараджеева С. А.* К вопросу об эволюции «дирекционного принципа» в горном деле Саксонии XVI в. // СВ. 1977. Вып. 41.
- Фараджеева С. А.* Раннекапиталистические отношения в горной промышленности Саксонии во второй половине XVI в. // Генезис капитализма в позднее средневековье ...
- Фараджеева С. А.* Зарождение раннекапиталистических отношений в горной промышленности Саксонии во второй половине XVI в. // Развитие капиталистической мануфактуры ...
- Хачатурян Н. А.* Социально-политические структуры и процессы в средневековой Европе // История Европы. Т. 2.
- Хачатурян Н. А.* Политическая организация средневекового города // Город в средневековой цивилизации ... Т. 1.
- Чайковская О. Г.* Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет // ВИ. 1956. № 12.
- Чистозвонов А. Н.* Исследовать явления в их исторической самобытности и связях // СВ. 1955. Вып. VI.
- Чистозвонов А. Н.* Некоторые основные проблемы генезиса капитализма в европейских странах // Теоретические и историографические проблемы капитализма. М., 1968.
- Чистозвонов А. Н.* Социальная структура сукноделия в Голландии в XIV–XVI вв. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1968.
- Чистозвонов А. Н.* О стадияльно-региональном изучении буржуазных революций XVI–XVII вв. в Европе // ННИ. 1973. № 2.
- Чистозвонов А. Н.* Детерминанты технологии средневекового шерстоткачества (преимущественно на материале Нидерландов) // СВ. 1973. Вып. 36.
- Чистозвонов А. Н.* Проблемы истории средневековья на V конгрессе историков ГДР // СВ. 1973. Вып. 37.
- Чистозвонов А. Н.* Введение // Социальная природа средневекового ...
- Чистозвонов А. Н.* Вместо Заключения // Там же.
- Чистозвонов А. Н.* О социальной природе средневекового бюргерства (постановка проблемы) // СВ. 1982. Вып. 45.
- Чистозвонов А. Н.* К вопросу о стадияльно-региональном методе сравнительно-исторического изучения буржуазных революций XVI–XVIII вв. в Европе // Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1985.

- Чистозвонов А.Н.* Генезис капитализма: Проблемы методологии. М., 1985.
- Чуянов А.Ф.* Становление Протестантского союза в Германии (20-е – 30-е гг.) // Проблемы эволюции ...
- Шевеленко А.Я.* Техника городских ремесел // Город в средневековой цивилизации ... Т. 2.
- Штекли А.Э.* От приютов милосердия к работным домам // СВ. 1984. Вып. 47.
- Штекли А.Э.* Утопии и социализм. М., 1993.
- Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7.
- Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. Т. 20.
- Энгельс Ф.* Из подготовительных работ к Анти-Дюрингу // Там же.
- Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Там же. Т. 21.
- Эпштейн А.Д.* Продовольствие и цены в Аугсбурге в XV–XVI вв. // УЗ МГОПИ. 1941. Вып. 1.
- Эпштейн А.Д.* К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в. // СВ. 1953. Вып. IV.
- Эпштейн А.Д.* К вопросу о Реформации и Крестьянской войне в Германии как первой буржуазной революции // ВИ. 1957. № 8.
- Эпштейн А.Д.* Из экономической и социальной истории Аугсбурга в XV и начале XVI века // СВ. 1957. Вып. X.
- Эпштейн А.Д.* История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961.
- Юркина В.И.* К вопросу о положении свободного и присяжного ремесла в Нюрнберге // УЗ МОПИ. 1963. Т. 133.
- Юркина В.И.* К вопросу юридического и экономического положения подмастерьев в Нюрнберге в средневековье // УЗ МОПИ. 1965. Т. 121. Вып. 5.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994.
- Ястребицкая А.Л.* О развитии капиталистических отношений в книгопечатном производстве немецкого города XV–XVI вв. // Вестник МГУ. Ист.-фил. сер. 1958. № 3.
- Ястребицкая А.Л.* Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании второй половины XV – середины XVI в. // СВ. 1963. Вып. 24.
- Ястребицкая А.Л.* Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // СВ. 1988. Вып. 50.
- Ястребицкая А.Л.* Truckertgen и Trucker/Verleger в немецком книгопечатании XV–XVI веков: предприниматели и предпринимательское поведение // Другие средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб., 2000.
- Abel W.* Wüstungen und Preisfall im Spätmittelalterlichen Europa // 7 JNÖS. 1953. Bd. 165. H. 5–6.
- Abel W.* Massenarmut und Hungerkriesen im Vorindustriellen Europa: Versuch einer Synoptis. Hamburg; (West-) Berlin, 1974.

Ammann H. Die Diesbach-Watt Gesellschaft: Ein Beitrag zur Handelsgeschichte des 15. Jahrhunderts. St. Gallen, 1928.

Ammann H. Die wirtschaftliche Stellung St. Gallen im Mittelalter // Aus Sozial- und Wirtschaftsgeschichte: Gedächtnisschrift für Georg von Below. St. Gallen, 1928.

Ammann H. Untersuchungen über die Wirtschaftsstellung Zürichs in Ausgang des Mittelalters // Zeitschrift für Schweizerische Geschichte. 1949. Bd. 29. № 3; Bd. 30. H. 4; Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1952. Bd. 2. H. 3.

Ammann H. Konstanzer Wirtschaft nach dem Konzil // Schriften des Vereins für Geschichte des Bodenseeraumes. Konstanz, 1950. Bd. 60.

Ammann H. Die Anfänge der Leinenindustrie des Bodenseegebiets // Alemannisch Jahrbuch. Lahr/Schwarzwald, 1953.

Ammann H. Die wirtschaftliche Stellung der Reichsstadt Nürnberg im Spätmittelalter. Nürnberg, 1970.

Andreas W. Strassburg an Wende vom Mittelalter zur Neuzeit. Leipzig, 1948.

Angermeier H. Königtum und Landschaftsfrieden im deutschen Spätmittelalter. München, 1966.

Aubin G. Die Leinenweberzechen in Zittau, Bautzen und Görlitz: Darstellung und Urkunden // JNÖS. 1915. Bd. 104 (NF – Bd. 49).

Aubin G. Zur Geschichte des Verlagssystems in der Periode des Frühkapitalismus // JNÖS. 1927 (NF – Bd. 72).

Aubin H. Formen und Verbreitung des Verlagswesens in altnürnberger Wirtschaft // BWGN. 1967. Bd. 2.

Bächtold K. Wandlungen der Zunftverfassung // Schaffhauser Beiträge zur vaterländischen Geschichte ...

Bader K.S. Der deutsche Südwest in seiner territorial-staatlichen Entwicklung. Stuttgart, 1950.

Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands: Von der Vorzeit bis zum Ende des Mittelalters. 2.Aufl. München, 1951.

Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschland vom Beginn des 16. bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. München, 1952.

Beiträge zur vaterländischen Geschichte. Thayngen, 1961. H. 38.

Berthold B., Engel E., Laube A. Die Stellung des Bürgertums in der deutschen Feudalgesellschaft bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts // ZfG. 1973. H. 2.

Bisle M. Die öffentliche Armenpflege der Reichsstadt Augsburg mit Berücksichtigung der einschlägigen Verhältnisse in anderen Reichsstädten Südwestdeutschland. Paderborn, 1904.

Blaschke K. Zur Statistik der sächsischen Städte im 16. Jahrhundert // Vom Mittelalter zur Neuzeit: Zum 65. Geburtstag von H.Sproemberg. Berlin, 1956.

- Blendinger F.* Versuch einer Bestimmung der Mittelschichten in der Reichsstadt Augsburg vom Ende des 14. bis Anfang des 18. Jahrhunderts // *Städtische Mittelschichte ...*
- Blickle P.* Landschaften und alten Reich: Die staatlichen Funktion des gemeinen Mannes in Oberdeutschland. München, 1973.
- Blickle P.* Die Revolution 1525. München; Wien, 1975.
- Bog I.* Wachstumsproblem der oberdeutschen Wirtschaft (1540–1618) // *Wirtschaftliche und soziale Probleme der gewerblichen Entwicklung im 15.–16. und 19. Jahrhundert.* Stuttgart, 1968.
- Bosl K.* Die wirtschaftliche und gesellschaftliche Entwicklung des Augsburger Bürgertums von 10. bis 14. Jahrhundert // *SBBA. Philosophische Klasse.* München, 1960. H. 3.
- Bothe F.* Geschichte der Stadt Frankfurt am Main. Frankfurt, 1910.
- Burkard K.* Die Ulmer Handelsherren Mittelalters. Tübingen, 1948.
- Buszello H.* Der deutsche Bauernkrieg als politische Bewegung: Mit besonderer Berücksichtigung der anonymen Flugschrift an die Versammlung gemeiner Pawerschaft. (West-) Berlin, 1969.
- Cramer U.* Verfassung und Verwaltung Strassburgs von Reformationszeit bis zum Fall der Reichsstadt. Frankfurt (Main), 1931.
- Czok K.* Zunftkämpfe, Zunftrevolution oder Bürgerkämpfe? // *WZ Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe.* 1957/56. H. 7.
- Czok K.* Zur Volksbewegung in den deutschen Städten des 14. Jahrhunderts: Bürgerkämpfe und Antikuriale Opposition // *Städtische Volksbewegung im 14. Jahrhundert.* Berlin, 1960.
- Czok K. (Rez.) Schmidt H.* Die deutschen Städtechroniken als Spiegel der bürgerlichen Selbstverständnisse im Spätmittelalter. Göttingen, 1958 // *ZfG.* 1960. H. 12.
- Czok K.* Bürgerkämpfe und Chronisten im deutschen Spätmittelalter: Ein Beitrag zur Herausbildung bürgerlicher Geschichtswissenschaft // *ZfG.* 1962. H. 2.
- Czok K.* Die Bürgerkämpfe in Süd- und Westdeutschland im 14. Jahrhundert // *Jahrbuch für Geschichte der oberdeutschen Reichsstädte: Esslinger Studien.* 1966/67. Bd. 12/13.
- Deuerlein E.* Ulrich Schwarz // *LB.* 1953. Bd. 2.
- Deutsche Geschichte.* Bd. I: Von den Anfängen bis 1789. Berlin, 1965.
- Diehl A.* Zur Verfassungs- und Finanzgeschichte der Reichsstadt Esslingen im 13. und 14. Jahrhundert // *Württembergisches Jahrbuch für Statistik und Landesgeschichte.* Stuttgart, 1900.
- Dietz A.* Frankfurter Handelsgeschichte. Frankfurt (Main), 1910.

Dirr P. Kaufleutezunft und Kaufleutestube in Augsburg zur Zeit Zunftregiments: 1368–1548 // ZHV. 1909. Bd. 35.

Dirr P. Clements Jager und seine Ehrenbücher und Zunftchroniken: Zur Kenntnis der Historiographie des 16. Jahrhunderts // ZHV. 1910. Bd. 36.

Dirr P. Augsburger Textilgewerbe im 18. Jahrhundert // ZHV. 1911. Bd. 37.

Dirr P. Studien zur Geschichte der Augsburger Zunftverfassung: 1368–1548 // ZHV. 1913. Bd. 39.

Dülmen. R., van. Revormation als Revolution: Soziale Bewegungen und religiöser Radikalismus. München, 1977.

Düvel T. Die Gütererwerbungen Jacob Fugger des Reichen. Leipzig; Berlin, 1913.

Eckert H. Die Kramer in süddeutschen Städten bis zum Ausgang des Mittelalters. Berlin; Leipzig, 1910.

Eitel P. Die oberdeutschen Reichsstädte im Zeitalter der Zunftherrschaft: Untersuchungen ihrer politischen und sozialen Struktur unter besonderer Berücksichtigung der Städte Lindau, Memmingen, Ravensburg und Überlingen. Stuttgart, 1970.

Eitel P. Die politische, soziale und wirtschaftliche Stellung des Zunftbürgertums in den oberdeutschen Reichsstädten am Ausgang des Mittelalters // Städtische Mittelschichten ...

Elben R. Das Patriziat der Reichsstadt Rottweil: Von den Anfängen bis zum Jahre 1550. Stuttgart, 1964.

Endres R. Zur Einwohnerzahl Nürnbergs im 15.– 16. Jahrhundert // Mitteilungen der Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg. Nürnberg, 1970. Bd. 57.

Endres R. Zünfte und Unterschichten als Elemente der Instabilität in den Städten // Revolte und Revolution in Europa ...

Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. 2. Aufl. Göttingen, 1975.

Feger O. Geschichte des Bodenseeraumes. Bd. 2: Weltweites Mittelalters. Lindau; Konstanz, 1958.

Forberger R. Die Manufaktur in Sachsen vom Ende des 16. Jahrhunderts bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1958.

Fritze K. Eigentumsverhältnisse und Charakter des mittelalterlichen Städtebürgertums // ZfG. 1977. H. 3.

Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland in ersten Drittel des 16. Jahrhunderts: Referat und Diskussion zum Thema der frühbürgerlichen Revolution in Deutschland: 1476–1535 / Red. G. Brendler. Berlin, 1961.

Furger F. Verlagssystem als Organisationform des Frühkapitalismus in Textilgewerbe. Stuttgart, 1927.

Gaiger G. Die Reichsstadt Ulm vor der Reformation und kirchliches Leben am Ausgang des Mittelalters. Ulm, 1971.

Geering T. Handel und Industrie der Stadt Basel: Zunftwesen und Wirtschaftsgeschichte bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Basel, 1886.

Gesellschaftliche Unterschichten in den südwestdeutschen Städten: Protokoll über die V. Arbeitstagung des Arbeitskreises für südwestdeutschen Städtgeschichtsforschung. Schwäbisch Hall 11.–13. November 1966. Stuttgart, 1967.

Gothein E. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes und angrenzender Landschaften. Stuttgart, 1892. Bd. 1.

Groos W. Augsburg im 13. Jahrhundert // Bericht der Naturforschenden Gesellschaft Augsburg. Augsburg, 1964.

Groos W. Zinslehen der Stadt Augsburg // Ad Sanctum Stephanum: Die Wirtschafts- und Kulturgeschichte der Reichsstadt Augsburg im Mittelalter. Augsburg, 1966.

Guyer P. Die soziale Schichtung der Bürgerschaft Zürichs von Ausgang des Mittelalters bis 1789 // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. Zürich, 1952. H. 4.

Harnisch H. Bauern – Feudaladel – Städtebürgertum: Untersuchungen über Zusammenhang zwischen Feudalrente, Warenproduktion und Ware-Geldbeziehungen in Magdeburger Börde und nordöstlichen Harzvorland von der frühbürgerlicher Revolution bis zum Dreissigjährigen Krieg. Weimar, 1980.

Hartung J. Die augsburger Zuschlagsteuer 1475: Ein Beitrag zum städtischen Steuerwesen, sowie den sozialen und Einkommenverhältnisse am Ausgang des Mittelalters // JGVV. 1895. H. 1.

Hartung J. Die augsburger Vermögensteuer des 16. Jahrhunderts // JGVV. 1895. H. 4.

Hartung J. Die augsburgische Vermögensteuer und Entwicklung der Besitzverhältnisse im 16. Jahrhundert // JGVV. 1898. H. 2.

Hartung J. Die direkten Steuer und Vermögenentwicklung in Augsburg von Mitte 16. bis 17. Jahrhundert // JGVV. 1898. H. 4.

Haverkamp A. Die «frühbürgerliche» Welt im hohen und späten Mittelalter: Landesgeschichte und Geschichte der städtischen Gesellschaft // HZ. 1975. Bd. 221.

Heer F. Augsburger Bürgertum im Aufstieg Augsburgs zur Weltstadt (1275 bis 1530) // «Augusta 955–1955»: Forschungen und Studien zur Kultur- und Wirtschaftsgeschichte Augsburgs. Augsburg, 1955.

Heitz G. Gründung, Kapazität und Eigentumsverhältnisse der Chemnitzer Bleiche (1357–1471) // Vom Mittelalter zur Neuzeit ...

Heitz G. Ländliche Leinenproduktion in Sachsen (1470–1550). Berlin, 1961.

Heitz G. Volksmassen und Fortschritt in der Epoche des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus // ZfG. 1977. H. 10.

Heitz G. Zur Rolle der kleinen mecklenburgischen Landstädte in der Periode des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus // HS. 1981. Bd. 8.

- Hildebrand B.* Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie // JNÖS. 1866. Bd. 6.
- Hoffmann H., Mittenzwei I.* Die Stellung des Bürgertums in der deutschen Feudalgesellschaft von der Mitte des 16. Jahrhunderts bis 1789 // ZfG. 1974. H. 2.
- Hohenstadt O.* Die Entwicklung des Territoriums der Reichsstadt Ulm im 13. und 14. Jahrhundert. Stuttgart, 1911.
- Hoyer S.* Utopia deutsch: Zu der Gleichheitsvorstellung in Basler Humanistenkreis // JbGF. 1981. Bd. 6.
- Irsiegler F.* Die wirtschaftliche Stellung der Stadt Köln im 14. und 15. Jahrhundert: Strukturanalyse einer spätmittelalterlichen Exportgewerbe- und Fernhandelsstadt. Wiesbaden, 1979.
- Jahnsen M.* Die Anfänge der Fugger (bis 1494). Leipzig, 1907.
- Jahnsen M.* Jacob Fugger der Reiche. Leipzig, 1910.
- Jecht M.* Studien zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte // VSWG. 1926. Bd. 19.
- Jecht H.* Zur Untersuchung der gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte // Der Stadt des Mittelalters. Bd. 3: Wirtschaft und Gesellschaft. Darmstadt, 1973.
- Kellenbenz H.* Gewerbe und Handel: 1500–1648 // Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Stuttgart, 1971. Bd. 1.
- Kern E.* Studien zur Geschichte des Augsburger Kaufmannshauses des Hochstetters. Leipzig; Berlin, 1935.
- Kiessling R.* Bürgerliche Gesellschaft und Kirche in Augsburg im Mittelalter: Ein Beitrag zur Strukturanalyse der oberdeutschen Reichsstadt. Augsburg, 1971.
- Kleinhub M.* Das Recht der Übertragung und Verpfändung von Liegenschaften in der Reichsstadt Ulm bis 1548. Ulm, 1961.
- Koehne C.* Die 1461 vorgenommene Einschränkung der Zunftverfügnisse in der Reichsstadt Überlingen und Reformation Kaiser Sigmunds // ZGOR. 1932. Bd. 45 (NF).
- Kriedte P., Medik H., Schlumbohm J.* Industrialisierung vor der Industrialisierung: Gewerbliche Warenproduktion auf dem Land in der Formalisierung der Kapitalismus. Göttingen, 1977.
- Kunze A.* Der oberdeutsche Handelskapital und die sächsische Leinwand im 16. Jahrhundert // Meissnisch-Sächsische Forschungen: Zur Jahrtausendfeier der Mark Meissen und Sächsischen Staates. Dresden, 1929.
- Kunze A.* Der Frühkapitalismus in Chemnitz. Karl-Marx-Stadt (Chemnitz), 1958.
- Kunze A.* Zur Geschichte der Nürnberger Textil- und Färbereigewerbe vom Spätmittelalter zum Beginn der Neuzeit // BWGN. 1968. Bd. 2.

- Küttler W.* Zum Probleme der Anwendung der marxistisch-leninistischen Klassenbegriffe auf das mittelalterliche Städtebürgertum // ZfG. 1954. H. 6.
- Largiader A.* Geschichte von Stadt und Landschaft Zürich. Bd. 1: Von den Anfängen bis zur Aufklärung. Zürich, 1945.
- Laube A.* Herausbildung von Elementen einer Handels- und Manufakturbourgeoisie und deren Rolle in der deutschen frühbürgerlichen Revolution // JbGF. 1977. Bd. 1.
- Laube A., Steinmetz M., Vogler G.* Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin, 1974.
- Lorenz O.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jahrhunderts. Berlin, 1886.
- Lösche G.* Zur Geschichte der Entwicklung der Produktionsverhältnisse in der Leinen- und Barchantproduktion der oberdeutschen Städte von 1450 bis 1570. Berlin, 1953.
- Lötscher V.* Der deutsche Bauernkrieg in der Darstellung und im Urteil der eidgenössischen Schweizer. Basel, 1943.
- Lütge F.* Das 14. und 15. Jahrhundert in der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte // Idem. Studien zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart, 1963.
- Mägdefrau W.* Revolutionäre Kommunalbewegung und gesellschaftliche Fortschritt in Feodalismus, unter regionalgesellschaftlichem Aspekt // WZ Friedrich-Schiller-Universität. Jena, 1972. Bd. 21. H. 2.
- Mandrou R.* Los Fugger propriétaires fonciers en Swabe (1560–1618). Paris, 1960.
- Maschke E.* Verfassung und soziale Kräfte der deutschen Stadt des späteren Mittelalters, vornehmlich in Oberschwaben // VSWG. 1959. Bd. 46.
- Maschke E.* Continuite sociale et histoire urbaene medievale // Annales: Economies. Societas. Civilisation. Paris, 1960. Vol. 15. № 5.
- Maschke E.* Der wirtschaftliche Aufstieg des Burkard Zink (1396–1474) in Augsburg // Festschrift H. Aubin zum Geburtstag. Miesbaden, 1965. Bd. 1.
- Maschke E.* Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands // Gesellschaftliche Unterschichten in den Südwestdeutschen Städten. Stuttgart, 1967.
- Maschke E.* Mittelschichten in deutschen Städten des Mittelalters // Städtische Mittelschichten. Stuttgart, 1972.
- Meisel P.* Die Verfassung und Verwaltung der Stadt Konstanz im 16. Jahrhundert. Konstanz, 1957.
- Menke J.B.* Geschichtsschreibung und Politik in den deutschen Städten des Spätmittelalters // JbGMO. 1960. Bd. 34.
- Meyer M.* Die Haltung der Vertreter der Freien und Reichsstädte auf den Reichstagen von 1521 bis 1526 // JbGF. 1981. Bd. 5.

- Mistele K.-H.* Die Bevölkerung der Reichsstadt Heilbronn im Spätmittelalter: Eine soziologische Untersuchung am Hand der Steuer des 15. und 16. Jahrhunderts. Heilbronn, 1962.
- Mottek H.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands: Ein Grundriss. Bd. 1: Von den Anfängen bis zur Zeit der französischen Revolution. 4. Aufl. Berlin, 1964.
- Müller K.O.* Die oberschwäbischen Reichsstädte: Ihre Entstehung und ältere Verfassung. Stuttgart, 1912.
- Näf W.* Vadian und seine Stadt St. Gallen. Bd. 2: 1518 bis 1551: Bürgermeister und Reformator St. Gallen. St. Gallen, 1957.
- Naujoks E.* Obrigkeitgedanke, Zunftverfassung und Reformation: Studien zur Verfassungsgeschichte. Stuttgart, 1958.
- Naujoks E.* Latente Zunfttradition in den oberschwäbischen Reichsstädten. Wiesbaden, 1962.
- Norden A.* Herrscher ohne Krone. Berlin, 1974.
- Nübling E.* Ulms Baumwollweberei im Mittelalter: Urkunden und Darstellung. Leipzig, 1890.
- Nübling E.* Die Reichsstadt Ulm am Ausgang des Mittelalters (1378–1556): Ein Beitrag zu deutschen Städte- und Wirtschaftsgeschichte. Ulm, 1904.
- Pitz E.* Studien zur Entstehung Kapitalismus // Festschrift H. Aubin zum 80. Geburtstag. Wiesbaden, 1965. Bd. 1.
- Planitz H.* Die deutsche Stadt im Mittelalter: Von der Vorzeit bis zu Zunftkämpfen. Graz; Köln, 1954.
- Pölnitz G., von.* Jacob Fugger: Kaiser, Kirche und Kapital in oberdeutsche Renaissance. Bde 2. Tübingen, 1949/57.
- Pölnitz G., von.* Anton Fugger: Kaiser, Kirche und Kapital in oberdeutsche Renaissance. Bde 2. Tübingen, 1958/63.
- Revolte und Revolution in Europa / Hrsg. von P. Blickle // HZ. 1975. Beiheft 4 (NF).
- Rosenberg H.* Probleme der deutschen Sozialgeschichte. Frankfurt am Main, 1969.
- Roth F.* Augsburgs Reformationsgeschichte. Bd. 1: 1517–1530. München, 1901.
- Roth F.* Clemens Jager, nacheinander Schuster und Ratsherr, Stadtarchivar und Ratsdiener und Zolltechniker im Augsburg – der Verfasser des Habsburgisch-Oesterreichischen Ehrenwerk // ZHV. 1926. Bd. 46. H. 1.
- Rozycki M.* Die Handwerker und ihre Vereinigungen in alten Winterthur (bis 1789) // 279. Neujahrsblatt der Stadtbibliothek Winterthur, 1946.
- Ruedi E.* Die Zunftverfassung 1411–1535 // Schaffhauser Beiträge zur vaterländischen Geschichte ...

Rundstedt H.-S. Die Regelung des Getreidehandels in Städten Südwestdeutschlands und der deutschen Schweiz im späteren Mittelalter und in Beginn der Neuzeit. Stuttgart, 1938.

Sabeau D.W. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges: Eine Studie der sozialen Verhältnisse im südlichen Oberschwaben in den Jahren vor 1525. Stuttgart, 1972.

Sabeau D. Probleme der deutschen Agrarverfassung zu Beginn des 16. Jahrhunderts: Oberschwaben als Beispiel // Revolte und Revolution in Europa ...

Sämmler A. Überlingen: Bilder aus der Geschichte einer kleinen Reichsstadt. Singen, 1949.

Schaffhauser Beiträge zur vaterländischen Geschichte. Thayngen, 1961. H. 38.

Scheurle A. Wangen im Allgau: Das Werden und Wachsen der Stadt. Wangen, 1950.

Scheutlin O. Das st. gallische Zunftwesen von den Anfängen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Basel, 1937.

Schib K. Geschichte der Stadt Schaffhausen: 1045–1945. Thayngen; Schaffhausen, 1946.

Schib K. Geschichte der Schweiz. Thayngen; Schaffhausen, 1955.

Schib K. Die Entstehung und politischer Sieg der Zünfte im Jahre 1411 // Schaffhauser Beiträge zur vaterländischen Geschichte...

Schildhauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostok und Weimar im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Weimar, 1959.

Schmidt H. Die deutschen Städtechroniken als Spiegel des bürgerlichen Selbstverständnisses im Spätmittelalter. Göttingen, 1958.

Schmoller G. Die Strassburger Tücher- und Weberzunft: Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Weberei und des deutschen Gewerberechts vom XIII. bis XVII. Jahrhundert. Strassburg, 1879.

Schmoller G. Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung // JGVV. 1890/93.

Schnabel F. Deutschlands geschichtliche Quellen und Darstellung in der Neuzeit. Bd. I: Das Zeitalter der Reformation (1500–1600). Leipzig; Berlin, 1931.

Schnith K. Die Augsburger Chronik des Burkard Zink: Eine Untersuchung zur reichsstädtischen Geschichtsschreibung des 15. Jahrhunderts. München, 1959.

Schnyder W. Bevölkerung der Stadt und Landschaft Zürich von 14. bis 17. Jahrhundert: Eine methodologische Studie, Zürich, 1926.

Schnyder W. Soziale Schichtung und Grundlagen der Vermögensbildung in den spätmittelalterlichen Städten der Eidgenossenschaft // Festschrift K. Schib zum siebenzigsten Geburtstag am 7. September 1968. Thayngen, 1968.

- Schönberg G.* Zur wirtschaftlichen Bedeutung des Zunftwesens im Mittelalter // JNÖS. 1867. Bd. 9.
- Schönigh F.J.* Die Relinger von Augsburg: Ein Beitrag zur deutschen Wirtschaftsgeschichte des 16. und 17. Jahrhunderts. Paderborn, 1927.
- Schubert F.H.* Die Reformation in Augsburg // «Augusta 955–1955»: Studien zur Kultur- und Wirtschaftsgeschichte. München, 1955.
- Schulte A.* Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft: 1380–1530. Bd 3. Stuttgart; Berlin, 1923.
- Schultz H.* «Protaindustrialisierung» in der Manufakturperiode: Gegensatz von Theorie und Emporie // JbWG. T. IV.
- Schultz H.* Ländliches Handwerk und ländliche Sozialstruktur um 1800 // JbMG. 1981. T. XI.
- Simnacher G.* Die Fuggertestamente des 16. Jahrhunderts. Göttingen, 1960.
- Sombart W.* Der moderne Kapitalismus. Bd. I. Hlbd. I. München; Leipzig, 1928.
- Spading K.* Holland und Hanse im 15. Jahrhundert: Zur Problematik des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus. Weimar, 1973.
- Städtische Mittelschichten: Protokoll der VIII. Arbeitstagung Arbeitskreise für südwestdeutsche Städtegeschichtsforschung Biberach 14.–16. November 1966. Stuttgart, 1972.
- Stam S.M.* Die ökonomische Grundlagen der Herausbildung und Entwicklung der mittelalterlichen Stadt West- und Mitteleuropas // JbGF. 1977. Bd. I.
- Steinmetz M.* Das Münstzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971.
- Strieder J.* Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen: Monopole, Kartele und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit. 2. Aufl. München; Leipzig, 1925.
- Strieder J.* Zur Genesis des modernen Kapitalismus: Forschungen zur Entstehung des grossen bürgerlichen Kapitalvermögen am Ausgang des Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit, zunächst in Augsburg. 2. Aufl. München; Leipzig, 1935.
- Strohmer W., von.* Oberdeutsche Hochfinanz: 1350–1450. Wiesbaden, 1970.
- Strohmer W., von.* Die Gründung der Baumwollindustrie in Mitteleuropa: Wirtschaftspolitik in Spätmittelalter. Stuttgart, 1978.
- Suhle A.* Deutsche Münz- und Goldgeschichte von der Anfnägen bis 15. Jahrhundert. Berlin, 1971.
- Tellenbach G.* Augsburgs Stellung in Schwaben und im Deutschen Reich während Hochmittelalters // Augsburg 955–1955: Forschungen und Studien zur Kultur und Wirtschaftsgeschichte Augsburgs. München, 1955.

Töpfer B. Volksbewegungen, Ideologie und gesellschaftlicher Fortschritt in der Epoche des entwickelten Feudalismus: Vom 11. bis 15. Jahrhundert // ZfG. 1977. H. 10.

Uitz E. Die europäischen Städte im Spätmittelalter: Haupttendenzen der Entwicklung der Stadt-Land-Beziehungen von der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts // ZfG. 1973. H. 4.

Vogler G. Die Dialektik von Klassenentwicklung und sozialer und politischer Bewegung in der Feudalgesellschaft Mittel- und Westeuropas von 11. bis 15. Jahrhundert // ZfG. 1972. H. 10.

Vogler G. Probleme der Klassenentwicklung in der Feudalgesellschaft // ZfG. 1973. H. 10.

Wedler K. Klassenkampf und Bundesproblematik in den Flugschriften, Fastnachtspielen und Zeitgedichten des Hans Sachs // Der Bauer im Klassenkampf: Studien zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges und bäuerliche Klassenkampf im Spätfudalismus. Berlin, 1975.

Wege E. Die Zünfte als Träger wirtschaftlicher Kollektivmassnahmen. Stuttgart, 1930.

Wegele F.K. Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. München; Leipzig, 1885.

Welser H., von. Lucas Rem // LB. 1958. Bd. 6.

Westermann A. Die Zahlungseinstellung der Handlungsgesellschaft der Gebrüder Zangmeister zu Memmingen // VSWG. 1908. Bd. 7.

Westermann A. Geschichte der Memminger Weberzunft und ihrer Erzeugnisse im 15. Jahrhundert // VSWG. 1914. Bd. 12. H. 3–4.

Westermann A. Memminger Handel und Handelsgesellschaften um die Wende zur Neuzeit // MGBI. 1920. Bd. 6. N 2.

Westermayer F. Eitelhans Langenmantel // LB. 1956. Bd. 5.

Winkelmann O. Das Fürsorgen der Stadt Strassburg vor und nach Reformation zum Ausgange des 16. Jahrhunderts. Leipzig, 1922.

Wunder G. Die Sozialstruktur der Reichsstadt Schwäbisch Hall im späten Mittelalters // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa: Reichenau Vorträge: 1963–1964. Konstanz; Stuttgart, 1966.

Wunder G. Die soziale Struktur der Handwerkschaft in unseren alten Städten // Stadtische Mittelschichten ...

Zorn W. Augsburg: Geschichte einer deutschen Stadt. Augsburg, 1955.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абель В. 24, 33, 64, 67, 403
Адам 55, 383
Адриан-Вербург К., фон 72, 396
Акерман 94, 95
Альбрехт Габсбург, германский император 241
Альбрехт Конрад 57
Амман Г. 21, 23, 28, 63, 64, 75, 183, 184, 190, 223, 391, 394, 404
Амман Генрих 362
Амман Элизабет 362
Ангермайер Г. 73, 404
Андреас В. 169, 193, 404
Антерингер Матеус 187
Артцт Иос-старший 294, 318, 319, 356
Артцт Иос-младший 356
Артцт Конрад 356
Артцт Ульрих-старший 294, 295, 356
Артцт Ульрих-младший 294
Артц Ульрих-третий 295
Артцты 294, 295, 298, 308, 313, 317, 356
Аубин Герман 183, 184, 404
Аубин Густав 31, 63, 404
Афра, св. католической церкви 51, 72, 242, 249, 251, 262, 270, 278, 279, 283, 322–336, 338–348, 351–356, 363
Бадер К.З. 183, 404
Байр Вильгельм 112
Барак А. 75, 396
Барт Адельхейд 334
Барт Ганс 237, 334
Барты 236, 237, 239, 314, 317, 334
Бастиан Ф. 70, 395
Баткин Л.М. 15, 397
Бахи 314
Бацинг Р. 71, 396
Бельмонт Пьер Понт 174
Бернер Александр 163, 164, 169
Бессереры 114
Бехтель Г. 22, 63, 404
Бертольд Б. 37, 68, 404
Бехтольд К. 361, 404
Бисле М. 225, 259, 344, 404
Битшлины 232, 314, 317
Блашке К. 223, 404
Блендингер Ф. 34, 67, 220, 228, 361, 405
Бликле П. 73, 194, 405, 410
Бог И. 22, 63, 190, 226, 405
Бойцов М.А. 12, 16, 391, 393, 397
Бонпрехт Генрих 287, 319, 354
Бонпрехт Конрад 287, 354
Бонпрехт Петер 287, 354
Бонпрехт Урсула 287, 354
Бонпрехты 264, 286, 287, 313, 317, 320
Босль К. 34, 67, 237, 288, 334, 341, 354, 405
Боте Ф. 169, 405
Брейшух Генрих 350
Брейшух Герман 286, 353
Брейшух Томас 286
Брейшух Ульрих 286
Брейшухи 264, 286–289, 293, 298, 314, 354
Брендлер Г. 406
Бродель Ф. 384, 386, 392, 397
Брун Рудольф 369
Бургграф Ульрих 235
Бургграфы 233, 235, 236, 256
Буркард – аугсбургский епископ 272
Буркард К. 168, 193, 405
Бусцелло Х. 194, 405
Бух Генрих, фон 353
Бух Маргарет, фон 353

- Бюрер Отмар 95, 123
 Бютрих Ганс 333, 334
 Бютрих Генрих 333, 334
 Бютрих Людвиг 333, 334
 Бютрих Якоб 236
 Бютрихи фон Рейхсартцхау-
 зены 236, 237, 239, 243, 256,
 315, 317, 333, 334
 Бюхель Матис-второй 175
 Бюхель Матис-третий 175
 Вадиан (см.: Ватт Иоахим, фон)
 Вайер Георг 269
 Вайеры (Мангмейстеры) 246,
 Вайнштейн О.Л. 15, 27, 55, 64,
 73, 194, 397
 Вайс (Витциг) Ганс 300–301,
 359
 Вайс (Витциг) Генрих 301, 340,
 359
 Вайс Конрад 301, 302, 359
 Вайс Мартин 302, 303, 359
 Вайсы (Витциги) 298, 301, 302,
 304, 308, 313, 317, 318
 Вальтеры 315, 317
 Ванспир Бернхард 175
 Вараус Эрхарт 54, 55, 57, 72,
 282, 322, 339, 352, 353, 396
 Ватт Иоахим (Вадиан), фон 58,
 75, 98–100, 137–139, 371, 396,
 410
 Ватт Петер, фон 89, 93, 184
 Ватт Хуг, фон 89, 93, 185
 Ватты 60, 75, 89, 90, 93, 185
 Вебер М. 20, 21, 62, 63, 193,
 225, 310, 385, 392, 397
 Веге Э. 114, 187, 413
 Вегеле Ф.К. 74, 413
 Ведлер К. 192, 413
 Вейнхейн Генрих, фон 211
 Вейсинген Герлах, фон 351
 Веллисхаузен Генрих, фон 342
 Вельзер Бартоломеус 327
 Вельзер Г., фон 70, 413
 Вельзер Лукас 303
 Вельзер Сигизмунд 328
 Вельзеры 274, 292, 293, 310,
 311, 313, 317, 327, 360, 382
 Вессисбруннер Ганс-старший
 267, 319, 322, 323, 346
 Вессисбруннер Ганс-младший
 346
 Вессисбруннер Ульрих 346
 Вессисбруннер Якоб 346
 Вессисбруннеры 264, 267, 268,
 277, 313, 318, 320, 346, 347
 Вестермайер Ф. 364, 413
 Вестерман А. 16, 62, 114, 116,
 134, 135, 143, 188, 190, 361, 413
 Везенмайер Г. 71, 396
 Везх Ф. 70
 Виланд Ф. 51, 71, 395
 Вильпрехт Матеус 192
 Вильпрехт Ортель 344
 Винкельман О. 192, 413
 Виттельсбахи 255, 282
 Витцен Г. 71, 395
 Витциг Анна 319, 359
 Вундер Г. 34, 67, 224, 361, 413
 Габсбурги 11, 299, 307, 309
 Гайгер Г. 168, 193, 406
 Гайгер Вайт 349
 Гайгер Матеус 349
 Гайсмайер Михаэль 392
 Гегель Карл 54
 Герварт Генрих 242, 260
 Герварт Петер 327, 344
 Герварты 257, 260–262, 269,
 271, 310, 311, 314, 327, 344
 Герст Мартин 112
 Геэринг Т. 20, 62, 171, 173, 176,
 178, 186, 188, 189, 193, 407
 Гланеры 232, 314, 317, 354
 Гланс Леонхард 192
 Гобри И. 392, 397
 Гогенек, фон. 349
 Голленхоферы 232, 315, 317

- Гончарова В.И. 16, 397
Госсенброт Бертольд 343
Госсенброт Ганс 257, 343
Госсенброт Марквард 343
Госсенброт Петер 343
Госсенброт Сигизмунд 327
Госсенброты 257, 258, 261, 313, 317, 327, 343
Готхейн Э. 20, 62, 127, 184, 189, 407
Готшалки 233, 256
Грейфф Б. 395
Григорьян Ю.М. 8, 15, 397
Гроос В. 228, 336, 338, 340, 351, 354, 363, 407
Грюневальд (Матис Нитхарт Готхарт) 65
Гуйер П. 109, 186, 391, 407
Гуревич А.Я. 65, 391, 397
Гутнова Е.В. 16, 45, 62, 63, 70, 73, 388, 393, 397
Гюглер из Зальцбурга 187, 188
Данилов А.И. 63, 397
Дахер Гебхард 57
Дахс Агнес 345
Дахс Ганс-старший 246, 261, 262, 318, 322, 324, 345
Дахс Ганс-младший 322, 345
Дахс Доротея 345
Дахс Катрин 322, 345
Дахсы 246, 257, 261, 262, 271, 313, 318, 319, 322, 324, 337, 345
Дендрих Агнес 250
Дендрих Ганс 277
Дендрих Иос 350
Дендрих Йорг 351
Дендрих Отилия 350
Дендрих Ульрих-старший 277, 319, 350
Дендрих Ульрих-младший 250
Дендрих Штефан 250
Дендрихи 264, 277, 278, 313, 317
Дерч Р. 396
Диль А. 189, 227, 405
Диль Клаус 122
Дирр П. 70, 75, 225, 226, 331, 346, 347, 350, 362, 406
Дисбах Клаус, фон 60, 89, 185
Дисбах Кристоф, фон 89, 90, 185
Дисбахи 60, 75, 89
Диц А. 169, 193, 405
Дойерлейн Э. 362, 405
Дрехзель Ганс 352
Дрехзель Генрих 281, 352
Дрехзель Конрад 281
Дрехзели 264, 281, 315
Дювель Т. 357, 406
Дюльмен Р., ван 194, 198, 406
Дятлов В.А. 193, 397
Ева 54, 383
Евдокимова А.А. 193, 228, 358, 375, 377, 391, 397
Егер Клеменс 59, 75, 82, 139, 140, 160, 192, 238, 246, 252, 264, 265, 298, 380, 381, 394, 410
Ермолаев В.А. 28, 65, 189, 358, 367, 390, 391, 398
Ехт Х. 35, 68, 361, 408
Зейфферт Г.В. 392, 394
Зелингер Ганс 349
Землер А. 223, 411
Зендер Клеменс 58, 74, 273, 305, 306, 337, 349, 359–361, 395
Зимнагер Г. 357, 412
Зомбарт В. 20, 21, 33, 34, 62, 63, 88, 184, 398, 412
Зуле А. 332, 412
Зульцер Анна 347
Зульцер Ганс 347
Зульцер Доротея 347
Зульцер Иос 347
Зульцер Ульрих 265, 266
Зульцер Хартман-старший 268, 347
Зульцер Хартман-младший 347
Зульцеры 264, 268, 269, 277, 313, 317, 319, 320, 347

- Ильсунг Агнес 344
Ильсунг Анна 344
Ильсунг Георг 259
Ильсунг Катрин 344
Ильсунг Конрад 258, 319, 322, 323, 343, 344, 348
Ильсунг Ульрих 259, 260, 301, 344
Ильсунг Элизабет 344
Ильсунги 251, 257–259, 261, 302, 310, 313, 317, 323, 343, 344
Ильсунг фон Меринген, граф 258
Имхоф Ульрих 86–89, 123, 184
Ирзиглер Ф. 23, 28, 64, 408
Кальвин Жан 172, 205, 386
Каплюк В.З. 15, 194, 398
Карг Леопольд 259
Карл IV Люксембург, император 242
Карл V Габсбург, император 329, 330, 354
Катрин, св. католической церкви 348
Кейтген Ф. 71, 396
Келленбенц Г. 169, 193, 408
Кене К. 224, 408
Керн Э. 361, 408
Кеслер Иоганнес 58, 74, 75, 98–100, 136, 371, 394
Киммиг Г. 72
Кислинг Р. 34, 67, 70, 225, 228, 230–232, 257, 288, 290, 291, 308, 331, 332, 334, 336–337, 339, 345, 351, 354, 355, 362, 363, 408
Клейнхуб М. 189, 408
Клеуи П. 395
Колер Штефан 358
Колесницкий Н.Ф. 16, 70, 398
Кохнер Уиц 345
Крамер Иос 82, 83, 303, 359
Крамер Линхарт 360
Крамер Томас 360
Крамеры 298, 304, 308
Крамер У. 169, 193, 405
Кранц Анна 352
Кранц Афра 352
Кранц Генрих 279, 319, 352
Кранцы 264, 278, 279, 314, 317
Кридте П. 26, 27, 154, 408
Кунце А. 30, 31, 66, 408
Кунцельман Конрад 336
Кцок К. 36, 53, 54, 68, 71, 72, 367, 390, 391, 405
Кюттлер В. 39, 68, 69, 398, 409
Ланг Андреас 340
Ланг Генрих 251, 340
Ланг Конрад 251, 340
Ланг Пауль 251
Ланг Ульрих 251, 340
Ланг Элизабет 340
Ланги 232, 251, 252, 256, 314, 317, 340
Лангенмантиль Анна 240
Лангенмантиль Бартоломеус 335
Лангенмантиль Ганс, «цу Вертунген» 237, 239, 240
Лангенмантиль Ганс фон Шпаррен 240
Лангенмантиль Генрих 56, 240
Лангенмантиль Давид 60, 76, 234, 238, 252, 264, 332–335, 337, 339, 340, 351, 395
Лангенмантиль Иоганн 335
Лангенмантиль Клара 246
Лангенмантиль Конрад 240
Лангенмантиль Рудигер 335
Лангенмантиль Сусанна 280
Лангенмантиль Хартман 240, 335
Лангенмантиль Эйтельганс 328, 364, 413
Лангенмантили фон Рэ 241, 310–311

- Лангенмантели фон Шпаррен 240, 241, 311
 Лангенмантели 232, 239, 241, 242, 256, 280, 311, 313, 317, 332, 335
 Ларгиадер А. 186, 189, 223, 409
 Лаубе А. 37, 66, 68, 168, 169, 193, 392, 394, 404, 409
 Лаугингер Ганс 296
 Лаугингер Марквард 240
 Лаугингеры 315, 317
 Левинсон К.А. 75, 354, 398
 Ледереры 314
 Лексер М. 70, 396
 Ленин В.И. 7, 9, 13–16, 88, 89, 124, 152, 159, 182, 184, 189, 191, 194, 398
 Ленк А. 395
 Лескаль Антуан 174, 175
 Лечер В. 75, 409
 Леше Г. 169, 193, 409
 Либман М. 341, 344, 398
 Ливий Тит 75
 Лоренц О. 55, 72, 409
 Люблинская А.Д. 55, 73, 398
 Лютер Мартин 11, 386, 392, 397, 412
 Лютге Ф. 24, 33, 64, 67, 409
 Маграт А. 193, 398
 Майер В.Е. 28, 64–66, 130, 189, 357, 363, 391, 398
 Майер М. 169, 193, 409
 Майер Ульрих 95
 Майер Х. 71, 75, 394, 396
 Майзель П. 129, 189, 409
 Максимилиан I Габсбург 148
 Мандру Р. 357, 409
 Маргарет, св. католической церкви 362
 Марк, св. католической церкви 274
 Марквард, аугсбургский епископ 336
 Маркс К. 7, 12, 14, 16, 44, 62, 116–118, 124, 123, 152, 167, 177–179, 188, 189, 191, 193, 194, 202, 205, 222, 224, 225, 367, 374, 390, 399
 Маршалък Генрих 52
 Машке Э. 33, 34, 55, 67, 72, 191, 227, 310, 346, 362, 409
 Мегдефрау В. 69, 409
 Медик Г. 26, 27, 64, 408
 Мейстерлин Сигизмунд 57
 Мендлеры 114, 212
 Менке И.Б. 53, 54, 72, 409
 Метелли Рудольф 94
 Мецце Ганс 115
 Микешин А.А. 363, 399
 Миннер Анна (монахиня) 362
 Миннер Анна («урожденная Рем») 342, 362
 Миннер Георг-старший 362
 Миннер Георг-младший 362, 363
 Миннер Катрин 362
 Миннер Конрад-старший 335, 342, 362
 Миннер Конрад-младший 362
 Миннер Петер 362
 Миннеры 232, 254–256, 314, 318, 342, 343, 362, 363
 Мистеле К.-Г. 367, 390, 410
 Миттенцвей И. 38, 39, 69, 408
 Михаил, св. католической церкви 351, 356
 Мозер Отмар 136
 Мойтинг Анна 353
 Мойтинг Ганс 284, 295
 Мойтинг Конрад-старший 284, 350, 353
 Мойтинг Конрад-младший 284, 353
 Мойтинг Катрин 353
 Мойтинг Людвиг 284
 Мойтинги 283–286, 293, 298, 314, 318, 353

- Мориц, св. католической церкви 259
Моттек Г. 66, 410
Мюлих Гектор 56, 57, 73, 186, 216, 244, 246, 264, 277, 282, 284, 334, 337, 338, 347, 350, 353, 354, 394, 395
Мюлихи 314
Мюллер К.О. 129, 189, 336, 410
Мюнцер Томас 401
Мюнцмейстеры 233, 256
Мюфлин 358
Набхольц Г. 395
Науекс Э. 22, 63, 168, 189, 192, 193, 226, 410
Негуляева Т.М. 43, 44, 69, 358, 363, 391, 399
Некрасов Ю.К. 15, 16, 63, 68, 74, 75, 184, 186, 188, 190–194, 223, 224, 228, 336, 337, 339, 349, 350, 354, 356–359, 361–364, 391, 392, 399, 400
Немилов А.Н. 28, 65, 73, 400
Нердлингер Герман 269, 348
Нердлингер Гильг 347, 348
Нердлингер Йорг 347
Нердлингер Йорг-младший 347
Нердлингер Людвиг 347
Нердлингер Якоб 347
Нердлингеры 264, 269, 270, 277, 314, 319, 347, 348
Неф В. 75, 410
Норден А. 66, 183, 225, 400, 410
Нюблинг Э. 20, 62, 147, 183, 186, 189, 190, 192, 225, 391, 410
Онзорг Иоганн, монах 336
Онзорг Иос-старший 243, 244, 250
Онзорг Иос-младший 244, 377
Онзорг Конрад 242, 243, 260, 336, 337
Онзорг Хартман 243, 336
Онзорг Штефан 243
Онзорги 232, 236, 239, 242, 243, 244, 256, 269, 314, 317, 336, 337
Паппенгейм Вильгельм, фон 333, 338
Паппенгейм Ганс-младший 333
Паппенгейм Урсула 333
Паппенгеймы 233, 234, 256, 315, 317, 333
Паумгартнер Ганс-младший 241
Паумгартнер Конрад 358
Паумгартнеры 241
Пацаглиа 138
Пеллицари Стефано 173–175
Пельниц Г., фон 183, 357, 410
Пиммель Ганс 299
Пиммели 298–300, 308, 312, 393
Пиц Э. 22, 63, 410
Планиц Г. 34, 67, 239, 242, 281, 335–337, 352, 367, 390, 410
Плутарх 75
Пойер Г.К. 51, 71, 184–186, 188, 190, 395
Пойтингер Конрад 386
Пойтингеры 315, 317
Полянский Ф.Я. 27, 64, 400
Портнер Барбара 337
Портнер Генрих-старший 245, 257, 265
Портнер Генрих-младший 245, 337
Портнер Луц 336
Портнеры 232, 239, 244, 245, 256, 314, 317
Потанина Л.Б. 28, 191, 400
Прендлер Ганс 95, 96
Приоль Иоганн (Ганс) 342
Приоли 232, 254–256, 314, 317, 343
Пройзель П. 71, 396
Пуришев Б.И. 192, 400
Пфейффер П. 70, 395

- Пфетнер Прангерин 252
 Пфетнер Пауль 252, 340
 Пфетнеры 232, 251, 252, 256, 315, 317
 Пфистер Георг 280
 Пфистер Конрад 280
 Пфистер Кунигунда 246
 Пфистер Линхарт 280
 Пфистер Ульрих 279, 280, 352
 Пфистеры 264, 278–281, 285, 314, 352
 Равенбургеры 232, 254–256, 310, 314, 343
 Раппольт Ганс 338
 Раппольт Даниэль 338
 Раппольт Маргарет 338
 Раппольт Рудигер-старший 245, 246, 338
 Раппольт Рудигер-младший 338
 Раппольт Франц 338
 Раппольт Элен 338
 Раппольты 232, 239, 246, 256, 313, 317, 338
 Ратзам Анна 342
 Ратзам Гертруд 342
 Ратзам Мец 342
 Ратзамы 232, 254–256, 314, 317, 341, 342
 Рейбахер Ганс 187, 188
 Релингер Агнес 345
 Релингер Бертольд 338
 Релингер Ганс-старший 246
 Релингер Ганс-младший 338
 Релингер Грейнвальд, фон 246
 Релингер Конрад 246, 322, 345, 360, 363
 Релингер Кунцель 338
 Релингер Леонхард 327, 328
 Релингер Ульрих 246, 328, 338, 350, 385
 Релингер Урсула 360
 Релингер Элизабет 360
 Релингеры 232, 239, 246–248, 250, 256, 310, 311, 313, 318, 319, 327
 Рем Бартоломеус 306
 Рем Бертольд 271, 348
 Рем Вестернах 348
 Рем Вильгельм 58, 73, 74, 166, 167, 192, 226, 302, 305, 306, 328, 349, 359, 361, 364, 367, 380, 381, 392, 395
 Рем Ганс-старший 48, 80, 81, 271, 272, 283, 318–323, 348, 349
 Рем Ганс-младший 270, 272, 348, 349
 Рем Георг 348
 Рем Лукас-старший 48
 Рем Лукас-младший 47, 48, 70, 80, 81, 183, 270, 306, 319, 348, 349, 361, 395, 413
 Рем Маргарет 348
 Рем Себастьян-старший 348
 Рем Себастьян-младший 348
 Ремы 264, 270, 272, 273, 277, 306, 313, 318, 323, 348
 Рембот Анна 348
 Рембот Ганс 348
 Рембот Ульрих 348
 Ремботы 264, 270, 277, 313, 317
 Репина Л.П. 226, 227, 400
 Рехберги 144
 Рибинер Бартоломеус 185
 Ридерер Бартоломеус 338
 Ридерер Конрад 338
 Ридерер Петер 337, 338
 Ридерер Эрхарт 338
 Ридерер Якоб 338
 Ридереры 232, 248, 256, 313, 317, 338
 Ридлер Анна 334
 Ридлер Габриэль 334
 Ридлер Ганс 237
 Ридлер Франц 237, 332, 334
 Ридлер Якоб 237, 334

- Ридлеры 236, 238, 239, 256,
 313, 318–320, 334
 Рисман Ганс 115
 Рисманы 115
 Рихенталь Ульрих 57
 Рихер Клаус 123
 Рихеры 123
 Ричард Адельхейд 342
 Ричард Агнес 342
 Ричарды 232, 254–256, 314,
 317, 342
 Родер Х. 224, 394
 Роллин Вайт 140
 Розенберг Г. 67, 410
 Рордорф Хартман 211
 Рот Ф. 75, 364, 410
 Роцики М. 223, 224, 410
 Рудольф Людвиг 351
 Рудольф Цахариус 292, 319,
 321, 355, 356
 Рудольфы 291–293, 308, 313,
 318
 Руланд Отто 48, 70, 116, 187,
 395
 Руммель Ганс 358
 Рундштедт Г.-З. 228, 358, 411
 Рупперт Ф. 57, 73, 394
 Руттенбург В.И. 8, 15, 401
 Руц Ганс, фон 360
 Рухер П. 72
 Рюди Э. 71, 224, 396, 410
 Савина Н.В. 28, 46, 65, 70, 184,
 190, 230, 331, 349, 354, 357, 359,
 361, 391, 401
 Сакс Ганс 164, 192, 395, 413
 Самаркин В.В. 183, 401
 Сванидзе А.А. 183, 401
 Сейбин Д.У. 24, 25, 64, 142, 151,
 187, 190, 194, 411
 Сигизмунд Габсбург, германс-
 кий император 56, 199, 224
 Сигизмунд Габсбург, австрий-
 ский эрцгерцог 284
 Симонсфельд Г. 71, 394
 Смирин М.М. 8, 15, 16, 28, 62,
 63, 65, 73, 75, 189, 354, 357, 359,
 367, 390, 401
 Смирнова Е.Д. 336, 401
 Сорано 115
 Стам С.М. 8, 15, 42, 43, 69, 401,
 412
 Стоклицкая-Терешкович В.В.
 14, 27, 36, 64, 68, 70, 184, 191,
 224, 357, 367, 390, 402
 Струве П.Б. 398
 Сушкевич А.П. 336, 401
 Танхаузер Конрад 279
 Тацит Публий Корнелий 75
 Тек Фридрих, фон, герцог 245
 Телленбах Г. 16, 113, 412
 Тепфер Б. 41, 42, 69, 413
 Тишингер Ганс 336, 351
 Тишлер Франц 187
 Тойнби А. Дж. 392, 402
 Тот Анна 354
 Тот Барбара 354
 Тот Доротeya 354
 Тот Ульрих-старший 288, 319,
 354
 Тот Ульрих-младший 354
 Тоты 264, 286, 288, 313, 318,
 354
 Тухер Эндрес 48, 70, 225, 396
 Тухергрюбли Ганс 211
 Тушина Е.В. 393, 402
 Уваров П.Ю. 392, 402
 Уиц Э. 69, 413
 Ульрих, св. католической цер-
 кви (см. Афра)
 Фараджева С.А. 28, 66, 402
 Фегер О. 52, 72, 183, 184, 223,
 395, 406
 Федосик В.А. 336, 401
 Фелин Зейц (Зигфрид) 292, 356
 Фелины 168, 212, 274, 291–293,
 308, 314, 317

- Фельман Агнес 355
 Фельман Конрад 288
 Фельманы 264, 286, 288, 314, 317
 Ферзе, фон, «Рыцарь-разбойник» 243
 Финнингер Конрад 348
 Фиттель Конрад 351
 Фиттели 315, 317
 Фицтум Конрад, фон Вельхейн 235, 333
 Фицтумы 233, 235, 236, 256
 Фишер Томас 115
 Флендер Эндрес 192
 Флинсбах Альбрехт 319, 322, 323, 351
 Флинсбах Вильгельм 351
 Флинсбах Ганс 278, 351
 Флинсбах Маргарет 351
 Флинсбах Николай-старший 351
 Флинсбах Николай-младший 351
 Флинсбах Ульрих-старший 351
 Флинсбах Ульрих-младший 351
 Флинсбах Хильдебранд 278
 Флинсбах Элизабет 351
 Флинсбахи 264, 277, 278, 289, 313, 318, 351, 352
 Фогели Йорг 52, 72, 225, 395
 Фогель Анна 340
 Фогель Вернер-старший 340
 Фогель Вернер-младший 340
 Фогель Ганс 252, 340
 Фогель Генрих 340
 Фогель Конрад 252, 253, 335, 340
 Фогель Элизабет 340
 Фогели 232, 251–253, 256, 313, 318, 340
 Фогель Г. 72, 396
 Фоглер Г. 40, 66, 69, 409, 413
 Фок В.Б. 72, 396
 Фольгер Якоб 122
 Форбергер Р. 31, 66, 406
 Фрей Ганс 175
 Фридберг Генрих, фон Шеннек 245
 Фридрих Виттельсбах, баварский герцог 286
 Фритце К. 40, 41, 69, 406
 Фуггер Антон 410
 Фуггер Барбара 357
 Фуггер Ганс 81–83, 295, 296, 350, 353
 Фуггер Лукас 357
 Фуггер Эндрес 296
 Фуггер Якоб-богатый 56, 183, 302, 328, 357, 385, 410
 Фуггеры 48, 59, 70, 74, 81, 82, 144, 183, 226, 293, 295–298, 302, 305, 306, 308, 312, 315, 317, 318, 328, 357, 382, 385, 393, 394, 401, 409
 Фукидид 75
 Фургер Ф. 21, 63, 112, 137, 184, 186, 187, 190, 191, 406
 Хаверкамп А. 23, 24, 64, 407
 Хайц Г. 30, 31, 41, 42, 66, 69, 223, 407
 Хальбхер Адельхейд 342
 Хальбхер Бертольд-старший 342
 Хальбхер Бертольд-младший 342
 Хальбхеры 232, 255, 314, 317, 342
 Халлер Петер 358
 Хангенор Вильгельм 250
 Хангенор Ганс 335, 339
 Хангенор Георг 339
 Хангенор Мерклин 249
 Хангенор Штефан 339
 Хангеноры 232, 239, 249, 250, 313, 317, 339

- Харниш Х. 358, 407
 Харгунг Я. 35, 68, 220, 221, 225, 407
 Хауги 112
 Хауштеттер Якоб 304, 319, 360, 361
 Хауштеттеры 298, 304, 305, 308, 315, 317
 Качатурян Н.А. 16, 368, 369, 390, 402
 Кейлиггробер Генрих 234, 333
 Кейлиггроберы 256, 314, 317
 Хеммерле А. 70, 315, 395
 Хеммерлин Барбара 360
 Хеммерлин Вальпургия 360
 Хеммерлин Ганс 360
 Хеммерлин Магделена-младшая 360
 Хеммерлин Магделена («урожденная Вельцер») 360
 Хеммерлин Магделена («урожденная Руц») 360
 Хеммерлин Якоб-старший 300, 303, 304
 Хеммерлин Якоб-младший 369
 Хеммерлины 298, 303, 304, 308, 315, 317, 319, 360
 Хеммерлин-Вельзеры 360
 Хеннер Михель 175
 Херцель Манг 192
 Херцель Петер 192
 Херцель Эберхард 192
 Хеэр Ф. 34, 67, 407
 Хильденбранд Б. 19, 20, 62, 188, 192, 408
 Хипплер Р. 72, 396
 Хойер Э. 392, 408
 Холи 315, 317
 Хонольд Анна 355
 Хонольд Отто 355
 Хонольд Ульрих 355
 Хонольды 291, 308, 313, 317, 355
 Хорнлин Людвиг 282, 289
 Хорнлин Сигизмунд 353
 Хорнлин Ульрих 282
 Хорнлины 264, 281, 282, 289, 314, 318, 353
 Хофмайер Георг 339
 Хофмайер Маргарет 339
 Хофмайер Маркс 250, 251
 Хофмайер Ульрих 249, 339
 Хофмайер Элизабет 339
 Хофмайеры 232, 239, 249, 250, 296, 310, 315
 Хофман Р. 70, 394
 Хофман Х. 38, 39, 69, 408
 Хохштеттер Амброзиус 305—307, 361
 Хохштеттер Аполлония 361
 Хохштеттер Георг-старший 361
 Хохштеттер Георг-младший 361
 Хохштеттер Ульрих-старший 361
 Хохштеттер Ульрих-младший 361
 Хохштеттер Ульрих-третий 361
 Хохштеттер Урсула 361
 Хохштеттер Фелиция 361
 Хохштеттеры 298, 305—308, 315—317, 361, 382, 393
 Хоэнштадт О. 189, 358, 408
 Христос 131, 383
 Хуг Генрих 224, 394
 Хунгерталер Ганс 192
 Цангмейстер Эберхард 113
 Цангмейстеры 114, 116, 117, 168, 188, 212, 226, 292
 Цвингли Ульрих 12, 172, 328, 399
 Циммерн, фон, графы 58, 142
 Цинк Буркард 55—57, 72, 73, 82, 121, 183, 188, 228, 236, 243, 262, 272, 284, 294, 303, 322, 334, 337, 338, 343, 345, 347, 349, 351, 354, 357, 380, 381, 391, 392, 396, 411
 Цинк Элизабет 121
 Цицерон Марк Тулий 75

- Полликофер 94
 Порн В. 34, 67, 81, 183, 241, 257, 283, 335–337, 343, 345, 346, 349, 353, 357, 413
 Цотман Ганс 264, 282, 283, 318–323, 353
 Цотманы 264, 282, 286, 314, 317, 322, 324, 353
 Чайковская О.Г. 8, 15, 402
 Чистозвонов А.Н. 15, 29, 36, 37, 42, 44, 66, 68–70, 184, 403
 Чуянов А.Ф. 16, 392, 403
 Шалер Мартин 166–169, 206, 380
 Шварц Ульрих 231, 244, 311, 327, 328
 Швенд Бертольд 211
 Швенд Ганс 212
 Швенд Иоганнес 212
 Швейнхарт Ульрих 356
 Швиггер Ганс 333
 Швиггеры фон Миндельберги 233, 234, 235, 314, 317, 333
 Швицер 94
 Шевеленко А.Я. 392, 403
 Шедели 115
 Шенберг Г. 16, 20, 225, 412
 Шениг Ф.Я. 338, 412
 Шерер Ульрих 349
 Шиб К. 186, 189, 209, 224, 411
 Шильдхауэр Я. 36, 68, 411
 Шлумбом Ю. 26, 408
 Шмидт Б. 71, 394
 Шмидт Вернер 345
 Шмидт Г. 53, 55–57, 72, 73, 411
 Шмидт Конрад 241
 Шмоллер Г. 20, 62, 169, 191, 193, 411
 Шмукер Генрих 350, 353
 Шмукеры 276, 277, 313, 317, 350
 Шнабель Ф. 74, 411
 Шнейдер В. 70, 203, 209, 210, 223, 224, 361, 395, 411
 Шнельман Генрих-старший 355
 Шнельман Генрих-младший 355
 Шнельман Конрад 355
 Шнельман Отилия 355
 Шнельманы 264, 286, 288, 289, 314, 317, 355
 Шнит К. 53–57, 72, 73, 411
 Шойрле А. 189, 190, 223, 411
 Шойтлин О. 19, 62, 186, 188, 411
 Шонгауэр Ганс 253, 254, 319, 341
 Шонгауэр Генрих 240, 241
 Шонгауэр Конрад 254, 341, 354
 Шонгауэр Мартин 254, 341
 Шонгауэры 232, 241, 251, 253, 254, 256, 314, 318, 320, 341
 Шонеки 234
 Шох Р. 74, 394
 Шпадинг К. 36, 68, 412
 Шпильман Ян 212
 Шренк Анна 335
 Шренк Бартоломеус 328, 239, 334
 Шренк Ганс 239, 334
 Шренк Марквард 239, 335
 Шренки 233, 236, 238, 239, 313, 318–320, 335
 Шталер Бальтус 126
 Штамлеры 315, 317
 Штауфены 16
 Штейнберг Петер 258
 Штейнберги 259
 Штейнмец М. 66, 75, 409, 412
 Штекли А.Э. 193, 392, 403
 Штетген Пауль-старший, фон 60, 76, 246, 364, 395
 Штетген Пауль-младший, фон 60, 76, 191, 225, 235, 249, 268, 269, 298, 337–339, 341, 345, 347, 352, 354, 358, 359, 364, 395

- Штеттены 315, 317
 Штеттер Иоганнес 57
 Штефан, св, католической церкви 244, 251, 277, 286
 Штольцкирш Ганс 341
 Штольцкирш Генрих-старший 341
 Штольцкирш Генрих-младший 341
 Штольцкирш Зибото 251, 255
 Штольцкирш Элизабет 341
 Штольцкирши 254–256, 315, 317, 341
 Штраус Якоб 381, 392
 Штридер Я. 20, 32, 35, 62, 63, 68, 70, 234, 240, 249, 258, 260, 267–269, 273, 274, 284, 298, 299, 303–305, 319, 322, 333, 336, 338, 339, 343–345, 347, 349, 352–354, 356, 358–361, 363, 412
 Штробель Анна 340
 Штробель Иос 340
 Штромер В., фон 25, 26, 64, 187, 287, 294, 338, 343, 344, 349, 354, 356, 358, 412
 Шуберт Ф.Г. 364, 412
 Шульте А. 71, 332, 394, 412
 Шультегис Николай 57
 Шульц Х. 64, 413
 Эберлин Андреас 296
 Эген Карл 319, 350, 355
 Эген Лоренц 274, 355
 Эген Петер-старший 275
 Эген Петер-младший 56, 257, 290, 291
 Эгены 264, 274–276, 280, 291, 313, 318, 350, 355
 Эгли Э. 74, 394
 Эзоп 56
 Эйтель П. 34, 67, 213, 214, 224, 227, 332, 361, 406
 Эккерт Г. 350, 406
 Эльбен Р. 361, 367, 390, 406
 Энгель Э. 37, 68, 404
 Энгельс Ф. 7, 14, 16, 42, 44, 62, 119, 188, 189, 191, 193, 194, 199, 200, 202, 203, 224, 225, 390, 403
 Энгельхарт Ганс 211
 Энгельшалък Генрих 332, 333
 Энгельшалък фон Хильденберг 332
 Энгельшалъки 233, 314, 319, 332
 Эндорфер Ганс 356
 Эндорфер Дитрих 356
 Эндорферы 291, 293, 308, 314
 Эндрес Р. 22, 23, 35, 64, 206, 225, 406
 Эннен Э. 48, 70, 406
 Эпштейн А.Д. 8, 14, 15, 28, 65, 230, 331, 361, 362, 403
 Эрлбахи 128
 Эслингер Элизабет 360
 Эжем Ганс 299, 358
 Эжем Томас 299, 303, 358
 Эжемы 298–300, 308
 Юркина В.И. 28, 65, 403
 Якоб, св. католической церкви 112, 259
 Янзен М. 183, 296, 357, 408
 Ясперс К. 392, 403
 Ястребицкая А.Л. 16, 28, 65, 223, 381, 392, 398, 403

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аарау 390, 395
 Авињон 89
 Альгау 131, 189, 411
 Альпы 11, 241, 257, 259, 270
 Англия 6, 7, 66, 205, 309, 385, 397, 400
 Анхаузен 242, 338,
 Аппенцель 80, 135, 136
 Арбон 94, 135–137
 Атлантический океан 165
 Атлантическое побережье 181
 Аугсбург 16, 30, 35, 47–51, 54–57, 59, 60, 62, 63, 65, 67, 68, 70–74, 75, 80–83, 101, 102, 105, 109, 116, 117, 121, 131, 132, 139–141, 145, 160–162, 164, 165, 168–170, 192, 196, 198, 204, 206, 207, 213–222, 225–227, 229–247, 249–255, 257–261, 264, 266–276, 280–285, 287–289, 290–298, 300–305, 307, 310–313, 315–319, 321–324, 326–339, 341–346, 348, 350–356, 359–364, 367, 369, 370, 372–374, 386, 387, 389, 391, 394–396, 398, 399, 403–413, 431
 Бабенхаузен 144
 Бавария 16, 25
 Базель 20, 62, 74, 75, 87, 89, 123, 126, 170–178, 182, 186, 209–211, 226, 327, 375, 407, 409, 411
 Банштеттен 335
 Барселона 89
 Батценхофен 237, 340, 347
 Бауцен 63, 404
 Берлин 15, 64, 66, 68, 71, 72, 74, 75, 192–194, 223, 332, 350, 357, 361, 392, 394, 396, 404–413
 Берн 89, 145, 209–211, 226
 Берхейм 242, 336
 Бибербах 86, 112, 116, 214
 Бишофцель 95, 135–137
 Бобинген 335, 339, 342, 344, 356
 Боденское озеро 63, 71, 72, 80, 183, 395, 404, 406
 Бойрен 351
 Брабант 259
 Браунау 187
 Брейсгау 193
 Бреслау (Бреславль) 89
 Бруггеверде 340
 Бургау 147
 Буртенбах 296
 Бухлоэ 242, 260, 269
 Вайсенхорн 147
 Валенсия 89
 Ванген 97, 134, 145, 189, 190, 223
 Веймар 68, 358, 407, 411, 412
 Вейнгартен 347
 Велленбург 242, 243, 336
 Вена 87, 194, 405
 Венгрия 25
 Венеция 50, 71, 80, 82, 87, 89, 111, 115, 116, 188, 260, 261, 270, 271, 275, 283, 295, 342, 387, 392, 394
 Вернигероде 8, 15, 398
 Вертунген 237, 240
 Верхний Рейн 16, 90, 130, 138
 Верхняя Германия 163, 169, 170

- Верхняя Швабия 24, 25, 68, 90, 97, 141, 142, 234
 Виггау 343, 345, 351
 Вилламсхаузен 262
 Виль 135–137
 Винтертур 80, 223, 244, 410
 Висбаден 63, 64, 72, 187, 336, 408, 410, 412
 Виттенберг 74
 Вогезы 16
 Вологда 15, 16, 63, 68, 69, 192, 228, 362, 397, 399–401
 Восточная Швабия 52
 Вюртемберг 128
 Габлинген 335
 Гамбург 64, 403
 Ганза 36, 68, 412
 Гарцфорланд 358, 407
 Гассау 135
 Гейльброн 390, 410
 Генуя 89, 259
 Германия 8, 11, 12, 15, 16, 23, 27, 28, 30, 35, 36, 50, 54, 57, 64–66, 73, 74, 116, 132, 187, 189, 193, 194, 224, 240, 294, 295, 297, 309, 328, 331, 332, 336, 341, 342, 361, 363, 388, 390, 391, 393, 397–403
 Германские земли 6, 8, 10, 11, 16, 19–22, 27–29, 32, 34, 38, 42, 48, 53, 62, 63, 69, 78–81, 89, 93, 97, 105, 108, 111, 120, 125, 127, 129, 130, 132, 136, 139, 150, 153, 165, 167–170, 179–183, 188, 196–198, 205, 212, 215, 219, 223, 230, 241, 261, 276, 277, 283, 292, 293, 299, 304, 307, 308, 318, 326, 328, 330, 357, 364, 366, 368, 369, 379, 387, 398–401
 Германская империя 16, 29, 32, 53, 56, 57, 73, 116, 182, 293, 309, 405, 412
 ГДР 8, 15, 28–31, 36, 37, 42, 45, 53, 68, 69, 194, 367, 398, 399, 402, 431
 Геттинген 240
 Гмюндер 93
 Голландия 68, 184, 402, 412
 Грабен 81, 295, 296, 350
 Грац 67, 410
 Грисбах 339
 Гурлах 349
 Дармштадт 68, 408
 Дефертинген 339
 Диллинген 148, 273
 Диммерхарт 351
 Диссенхофен 332
 Дрезден 66, 408
 Дунай 16, 80, 245
 Европа 8, 16, 65, 66, 68, 172, 181, 183, 188, 364, 388, 391, 397–399, 401, 402
 Женева 89
 Зальцбург 187
 Западная Европа 7, 8, 16, 18, 20, 29, 36, 64, 69, 81, 167, 170, 176, 178, 183, 196, 208, 225, 226, 293, 309, 366–369, 385–389, 392, 397, 400, 401
 Западный Берлин 64, 194, 403
 Зефлинген 127
 Зинген 223, 411
 Зитгер 93
 Зунтхейм 351
 Иберлинген 212–214, 406, 408
 Ижевск 193, 397
 Инсбрук 240, 251, 255, 270, 288, 291, 338, 342, 355
 Исни 50, 71, 85, 86, 96–98, 125, 126, 128, 141, 184, 185, 190, 394
 Испания 117
 Италия 15, 105, 117, 166, 173, 240, 385, 401

- Йена** 69, 409, 431
Карл-Маркс-Штадт (Хемниц)
 66, 407, 408
Кауфбойрен 50, 51, 71, 116,
 117, 188, 212–214, 267–269,
 291, 293, 297, 322, 346, 347, 355,
 356, 358, 363, 396
Кельн 23, 27, 64, 67, 367, 408,
 410
Кемптен 52, 97, 134, 141, 214
Кемптенское аббатство 132, 347
Киссенген 339, 349
Кобельштейн 90
Кобург 130
Комо 166
Констанц 51, 52, 57, 63, 67, 71–
 73, 80, 86, 87, 89, 122, 129, 134,
 137–139, 146, 164, 183, 184,
 188–190, 192, 198, 213, 214, 223,
 225, 297, 332, 370, 371, 374, 375,
 391, 394, 395, 404, 406, 409, 413
Крайна 307
Краков 89
Кронбург 52, 72, 363, 396
Кур 90
Лангенау 148
Ландсберг 80
Лар в Шварцвальде 183, 404
Лауфен 187
Лейпциг 62, 70–72, 74, 76, 183,
 192, 193, 350, 357, 361, 390, 394,
 395, 404–406, 408, 410–413, 431
Лейткирх 97, 134
Ленинград 15, 62, 64, 65, 73,
 397–401
Лех 80, 245, 253, 262, 272, 334
Леххаузен 192
Линдау 67, 72, 80, 86, 183, 332,
 406
Лютерсхофен 242, 336, 338
Люцерн 145, 210, 211
Магдебургское побережье 358,
 407
Майнц 236, 333
Мекленбург 223
Мемминген 52, 113, 116, 134,
 141, 143–145, 148, 168, 188, 194,
 212–214, 226, 292, 332
Меринген 121, 349
Мескирх 142
Милан 259
Миндель 296
Миндельберг 234
Москва 8, 15, 16, 62–64, 68, 73,
 75, 183, 184, 188, 191, 341, 392,
 393, 397, 398–403, 431
Московская губерния 398
Мюнхен 16, 52, 62, 63, 67, 70,
 72–75, 114, 115, 194, 236, 237,
 297, 302, 315, 317, 333, 334, 358,
 363, 364, 395, 404–406, 410–
 413, 431
Нассенбойрен 333
Некрав 16, 90
Нердлинген 87, 115
Нидерланды 153, 172, 175, 176,
 184, 259, 307, 344, 385, 402
Нойбург 70, 395, 431
Нюрнберг 23, 30, 48, 64, 65, 70,
 82, 83, 89, 115, 164, 168–170,
 183, 184, 206, 207, 226, 294, 311,
 358, 396, 400, 403, 404, 406, 408,
 431
Нюрнбергское бурграфство
 358, 398
Обершененфельд 225, 333
Одесса 193, 398
Озерный край 16, 86, 87, 89,
 90, 134, 138, 139, 198, 371, 374
Отмарсхаузен 339, 349
Париж 357, 362, 409
Перлах 249, 278

Пермская губерния 398
 Петерсхаузен 122
 Познань 89
 Прага 89, 282
 Пфаффенхофен 244
 Пферзе 243
 Пфуллендорф 80
 Равенбург 24, 86, 94, 129, 134,
 141, 142, 184, 187, 212–214, 227,
 331, 366
 Радау 240
 Рапперсвиль 80, 86
 Рафцерфельд 130
 Рейн 16, 90, 122, 130, 138
 Рейнвейлер 340
 Рейнская Германия 332
 Реция 16
 Рим 166
 Ритценроде 351, 353
 Рихенбах 355
 Роршах 135
 Россия 7, 88, 124, 152, 153, 159,
 398
 Росток 68, 411
 Ротвейль 361, 406
 Савойя 173, 174
 Саксония 31, 66, 402, 406, 407
 Санкт-Галлен 51, 58, 63, 71, 74,
 75, 80, 89–96, 98–100, 102, 109,
 123, 124, 132, 135–138, 146,
 184–186, 188, 190, 210, 211, 213,
 214, 371, 374, 394, 395
 Санкт-Галленское аббатство
 58, 90, 132, 135, 138, 185
 Санкт-Петербург 65, 403
 Сарагосса 89
 Саратов 65, 189, 390, 398, 431
 Священная Римская империя
 6, 11, 16, 397
 Северная Швейцария 68, 400
 Северная Европа 12

Сен-Готард 259
 Силезия 25
 Средняя Германия 30
 СССР (Союз Советских Соци-
 алистических Республик) 44
 Страсбург 20, 43, 62, 69, 154,
 155, 160, 163, 165, 169, 170, 192,
 193, 277, 311, 358, 399, 404, 405,
 411, 413
 Тальхофен 355
 Тефертинген 238
 Тироль 47, 235, 240, 242, 270,
 284, 288, 291, 293, 299, 342, 355
 Тоггенбург 135
 Тойфельталь 351
 Томск 15, 398
 Триест 240
 Тургау 80
 Тюбинген 70, 75, 183, 193, 224,
 357, 405, 410, 431
 Ульм 20, 50, 62, 71, 80, 83, 84,
 102–106, 126–128, 130, 143,
 145, 147–149, 164–167, 169,
 170, 183, 187, 189, 190, 192, 193,
 198, 206, 207, 225, 295, 297, 311,
 335, 372, 374, 391, 396, 410
 Филинген 224, 394
 Фландрия 259, 344
 Флоренция 14, 401, 403
 Франкенхаузен 355
 Франкония 16, 25
 Франкфурт-на-Майне 12, 50,
 65, 67, 71, 76, 80, 82, 87, 155–
 160, 165, 169, 170, 191, 193, 227,
 295, 394, 395, 400, 405, 410
 Франция 6, 117, 166, 176, 309
 ФРГ (Федеративная Республи-
 ка Германии) 22, 25, 26, 53, 64,
 73
 Фрейбург в Брейсгау 75, 193,
 211, 396, 397

- Халль (Тироль) 355
 Харблинген 238
 Хаузен 242
 Хельфертинген 296
 Хемниц (см.: Карл-Маркс-Штадт)
 Херманштеттен 347
 Хохштеттен 340
Чехия 25
Цвингенберг 261, 281, 292
 Центральная Европа 12, 25
 Цитгау 63, 404
 Цолликофен 145
 Цурцах 87
 Цусмарсхаузен 240, 272, 273, 296
 Цюрих 48, 63, 70, 80, 83, 106–109, 130, 132, 186, 189, 198, 208–212, 214, 223, 224, 227, 369, 370, 374, 375, 395
Шапперфельт 335
 Шафхаузен 50, 71, 80, 101, 186, 210, 211, 213, 224, 396, 411
 Швабия 10–12, 16, 18, 50, 68, 78, 80, 84, 85, 87, 120, 131, 155, 167, 168, 170, 180, 182, 196–198, 205, 213, 288, 340, 375, 376, 400
 Швабско-Швейцарский регион 78–79, 111, 130
 Шварцвальд 16, 20, 62, 407
 Швебиш Халль 67, 224, 407, 413
 Швейцария 10, 12, 209, 75, 186, 189, 228
 Швейцарский Союз 11, 12, 18, 50, 58, 68, 78, 80, 83–85, 97, 117, 120, 155, 170, 172, 180, 182, 196, 197, 203, 205, 213, 223, 225, 400
 Шенберг 351
 Шеппах 294
 Шернек 246
 Шпортцельбруннер 336
 Штейнбах 342
 Штеппах 242
 Штерцинг 272
 Штетванген 355
 Штирия 82
 Штокхарт 338
 Штральзунд 68, 411
 Штутгарт 63, 64, 67, 70, 71, 183, 187, 189, 193, 228, 361, 404–413, 394, 396, 431
 Эглизау 130
 Эйхах 338
 Эйхштедт 54
 Эйхштеттен 240
 Эльзас 132
 Эльхарт 351
 Энгенфурт 93
 Эпицхофен 351
 Эринген 343
 Эрцфинген 343
 Эслинген 50, 71, 122, 125, 126, 128, 189, 208, 405
 Юго-Западная Германия 36, 206, 225, 226, 295, 331, 368
 Южная Германия 15, 75, 166, 170, 184, 206, 225, 257, 297, 328, 331, 363, 391, 393, 398, 400, 401
 Южная Швабия 141, 142, 187
 Ярославль 363, 399

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ВГПИ – Вологодский государственный педагогический институт
 ВИ – Вопросы истории. Москва
 ГДР – Германская Демократическая Республика
 ЕГИ – Ежегодник германской истории
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 МГорПИ – Московский городской педагогический институт
 МГПИ – Московский государственный педагогический институт
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МОПИ – Московский областной педагогический институт
 ННИ – Новая и новейшая история. Москва
 СВ – Средние века. Москва
 СГ – Средневековый город. Межвузовский научный сборник. Саратов
 УЗ – Ученые Записки
 BWGN – Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte Nürnbergs
 CDS – Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis zum 16. Jahrhundert.
 Leipzig; Stuttgart; Gotha; Göttingen
 HS – Historische Studien. Berlin
 HZ – Historische Zeitschrift. München
 JbGF – Jahrbücher für Geschichte des Feudalismus. Berlin
 JbGMO – Jahrbücher für Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. Tübingen
 JbWG – Jahrbücher für Wirtschaftsgeschichte. Berlin
 JGVV – Jahrbücher für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im deut-
 schen Reich. Leipzig
 JNÖS – Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena
 LB – Lebensbilder aus dem Bayerischen Schwaben. München
 LGB – Leibgedingtbuecher
 MGBI – Memminger Geschichtsblatt
 NF – Neue Folge
 SBBA – Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaft. München
 TRB – Tiroler Raitbuecher
 UB – Urkundenbueher
 VSWG – Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart
 WGO – Württembergerische Geschichtsquellen. Stuttgart
 WZ – Wissenschaftliche Zeitschrift
 ZHV – Zeitschrift des Historischen Vereins für Schwaben und Neuburg. Augsburg
 ZGOR – Zeitschrift für Geschichte des Oberrheins. Karlsruhe

Научное издание

НЕКРАСОВ Юрий Клавдиевич

От средневековой к индустриальной цивилизации:
позднесредневековый город и ранний капитализм
(по материалам Швабии и Швейцарского
Союза XIV–XVI вв.)

Научный редактор М. В. Васильева
Редактор текста на немецком языке Л. В. Сафонова
Компьютерный набор М. Л. Мокрушин
Подготовка оригинал-макета А. В. Суворов
Корректор М. А. Щеблыкина



ЛР № 065580 от 19.12.1997. Подписано в печать 19.11.2003.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная 65 г/м.
Гарнитура Journal. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27. Уч.-изд. л. 22,4.
Тираж 300 экз. Заказ № 3229.

Издательство НПЦ «Древности Севера». 160001, г. Вологда,
ул. Челюскинцев, 12. (8172) 252045. E-mail: drsever@vologda.ru
Отпечатано ООО ПФ «Полиграфист». 160001, г. Вологда,
ул. Челюскинцев, 3.

ЮРИЙ КЛАВДИЕВИЧ НЕКРАСОВ обучался на историческом факультете ЛГУ и историко-филологическом факультете ВГПИ (1958), окончил аспирантуру при кафедре истории Древнего мира и Средних веков МГПИ и защитил кандидатскую диссертацию (1968), для написания и защиты докторской диссертации (1982) был командирован к кафедре Средних веков МГУ. Ю.К. Некрасов — профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Вологодского государственного педагогического университета, автор нескольких десятков научных статей и монографии «Реформа или революция? Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в.» (1998).



В настоящей книге автор исследует появление ростков капитализма в позднесредневековом городе XIV—XVI вв. на территории Швабии и Швейцарского Союза. Особое внимание уделено месту мелкотоварного производства в процессе возникновения раннего капитализма, проблемам эволюции социального строя города и историческим судьбам городской элиты (на примере имперского города Аугсбурга). В научный оборот вводится ряд новых, неизвестных российскому читателю, исторических источников.

ISBN 5-93061-008-8

